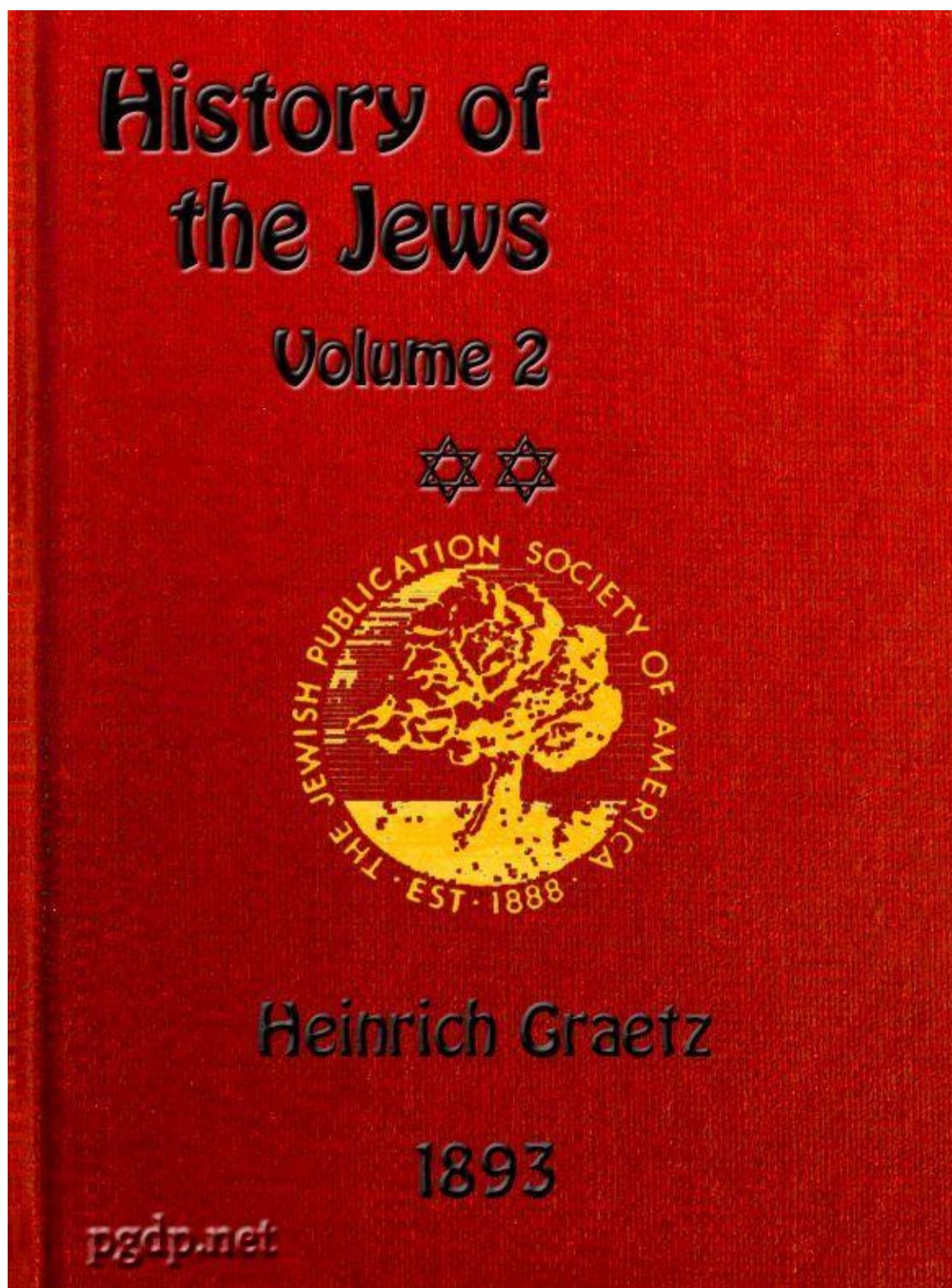

История евреев, Том 2 (из 6)

Генрих Грец

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории евреев, том 2 (из 6)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История евреев, Том 2 (из 6)

Author: Генрих Грец

Дата выхода: 29 июня 2013 г. [Электронная книга № 43057]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ", ТОМ 2 (ИЗ 6) ***

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ВУ ГЕНРИХ ГРЕЦ

ТОМ II

От правления Гиркана (135 г. до н. э.) до завершения работы над Вавилонским талмудом (500 г. н. э.)

ФИЛАДЕЛЬФИЯ
Еврейское издательское общество Америки
5717-1956

Авторское право, 1893,
ЕВРЕЙСКИМ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ОБЩЕСТВОМ АМЕРИКИ

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме без разрешения writing from the publisher: excerpt by a reviewer письменной форме: за исключением рецензента, который может процитировать краткие отрывки из рецензии, которая будет напечатана в журнале или газете.....

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Содержание.

ГЛАВА I.

страница

ИОАННА ГИРКАНА.

Кульминационный момент периода—Война с Антиохом Сидетом—Осада Иерусалима—Мирный договор—Парфянская война—Гиркан присоединяется к Антиоху—Успешные кампании Гиркана против самаритян и идумеян—Идумеи вынуждены принять иудаизм—Разрушение Самаритянского храма в Гаризиме и столицы Самарии—Внутренние дела—Стороны: фарисеи, саддукеи и ессеи — Их возникновение и конституция—Их доктрины и их отношения друг к другу—Синхедрион—Напряженные отношения между Гирканом и фарисеями—Смерть Гиркана

1

135-106 гг. до н.э.

ГЛАВА II.

ПРЕЕМНИКИ ГИРКАНА, АРИСТОБУЛ I, АЛЕКСАНДР ЯННЕЙ И САЛОМЕЯ АЛЕКСАНДРА.

Характер Аристобула—Антигон—Мифический рассказ о его смерти—Александр Янней: его характер и предприятия—Его поддержка фарисеев—Симон бен Шетах—Разрыв Александра с фарисеями и его последствия—Его последние войны и смерть—Отношения Саломеи Александры к противоборствующим партиям—Синхедрион—Иуда бен Таббай и Симон бен Шетах—Институты против Саддукеев—Партийная ненависть—Диоген—Преследование саддукеев—Смерть Александры

35

106-69 гг. до н.э.

ГЛАВА III.

ГИРКАН II. АРИСТОБУЛ II.

Братья борются за трон—Соглашение между братьями—Идумеянин Антипатр—
Слабость Гиркана—Арета осаждает Иерусалим—Вмешательство Рима—Помпей в
Иерусалиме—Иудейская колония в Риме—Флакк в Малой Азии—Речь Цицерона
против иудеев—Ослабление власти Синhedриона—Шемайя и Абталион—
Насильственная смерть Аристовула и его сына Александра—Юлий Цезарь и
иудеи—Сыновья Антипатра Фазаил и Ирод—Ирод перед Синhedрионом—
Операции Кассия в Иудее—Малих—Антигон как царь—Ирод сбегает в Рим
69-40 гг. до н.э. Н. э.

ГЛАВА IV.

АНТИГОН И ИРОД.

Слабость Антигона и сила характера Ирода—Борьба за трон—Ирод становится
царем—Проскрипции и конфискации—Политика Ирода—Отмена наследственного
владения первосвященством—Смерть первосвященника Аристовула—Война с
арабами—Землетрясение—Смерть последнего из Хасмонеев—Гиллель становится
главой Синhedриона—Его Система традиций—Менахем Ессей—Шаммай и его
школа—Мариамна—Великолепие и страсть Ирода к строительству—Ирод
восстанавливает Храм —Ирод казнит своих сыновей Александра и Аристовула—
Антипатр и его интриги—Фарисеи при Ироде—Уничтожение римского Орла—Казнь
Антипатра и смерть Ирода
40-3 гг. до н. э.

ГЛАВА V.

ИРОДИАНЕ.

Семья Ирода—Раздел Иудейского царства—Восстание против Архелая—Сабин и
Вар—Авантюрист-Вождь галилеян Иуда—Подтверждение воли Ирода—Архелай как
правитель—Его краткое правление и изгнание—Иудея становится римской
провинцией—Восстание против Переписи населения—Школы Гиллеля и Шаммая—
Иуда, Основатель Партии зелотов—Обременительные налоги—Новая
враждебность самаритян—Изгнание иудеев из Рима Тиберием—Понтий Пилат
3 до н.э.—37 н.э.

ГЛАВА VI.

МЕССИАНСКИЕ ОЖИДАНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

Мессианская надежда — Различные концепции ожидаемого Мессии—Идея ессеев
о Царстве Небесном—Иоанн Креститель, его работа и заключение—Иисус из
Назарета продолжает труды Иоанна—История его рождения—Его Успех—Его
отношение к иудаизму и сектам—Его чудесное исцеление больных и изгнание
бесов—Его тайное явление в качестве Мессии—Его путешествие в Иудею—
Обвинения против него и его осуждение—Первая христианская община и ее
вожди—эбиониты—Изгнание Пилата из Иудеи—Вителлий, правитель Сирии,
благоволит иудеям

28-37 гг. н. э.

ГЛАВА VII.

АГРИППА I. ИРОД II.

Характер Агриппы—Зависть александрийских греков к иудеям—Антииудейская литература—Апион—Меры против иудеев в Александрии—Флакк—Посольство Иудеи в Рим—Филон—Решение Калигулы против посольства Иудеи—Калигула приказывает установить свою статую в Храме—Смерть Калигулы освобождает иудеев—Продвижение Агриппы при Клавдии—Его правление—Гамалиил Старший и его администрация—Смерть Агриппы—Ирод II—Ложный Мессия, Феуда—Смерть Ирода II	174
37-49 гг. н. э.	

ГЛАВА VIII.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИУДЕЙСКОЙ РАСЫ И ИУДАИЗМА.

Распространение иудеев в Римской империи и в Парфии—Отношения различных иудейских колоний к Синхедриону—Иудейские разбойники в Наарде—Языческие атаки на иудаизм—Ответные атаки на язычество иудейских писателей—Иудейские сивиллы—Антиязыческая литература—Книга мудрости—Аллегористы—Цели и философская система Филона—Прозелиты—Царский дом Адиабены—Иудейские сивиллы Королева — прозелитка Елена—Апостол Павел—Его характер—Изменение его отношения к фарисеям—Его деятельность как обращенца—Его отношение к Закону Моисея—Доктрины Петра—Иудео-христиане и христиане-язычники	200
40-49 гг. н.э.	

ГЛАВА IX.

АГРИППА II. И НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Положение дел в Иудее—Римское притеснение—Характер Агриппы II—Последний первосвященник—Зелоты и сикарии—Елеазар бен Динай—Ссора с самаритянами—Насилие в Кесарии—Прокураторы—Флор—Восстание в Кесарии—Кровопролитие в Иерусалиме—Партии мира и войны—Лидер зелотов Элеазар бен Анания—Менахем, вождь зелотов—Массовые убийства язычников и иудеев—Поражение римлян—Синхедрион и его президент Симон бен Гамалиил—Положение Синхедриона	233
49-66 гг. н.э.	

ГЛАВА X.

ВОЙНА В ГАЛИЛЕЕ.

Описание Галилеи — Ее население и значение—Восстание в Галилее—Иоанн из Гисхалы—Иосиф Флавий, его образование и характер—Его поведение на посту губернатора Галилеи—Начало войны—Свержение Габары—Осада и взятие Иотапаты—Сдача Иосифа римлянам—Жестокость Веспасиана—Осада и взятие Гамалы и горы Фавор—Сдача Гисхалы—Побег Иоанна из Гисхалы в Иерусалим	272
66-67 гг. н.э.	

ГЛАВА XI.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА ИУДЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Галилейские беглецы в Иерусалиме—Состояние столицы—Внутренние распри—Идумеи—Елеазар бен Симон, Иоанн из Гисхалы и Симон Бар-Гиора—Ход войны—Дела в Риме—Веспасиан провозгласил императора—Осада Иерусалима Титом—	291
---	-----

Героическая оборона—Голод—Падение крепости Антония—Сожжение Храма—
Разрушение города—Число убитых

67-70 гг. н.э.

ГЛАВА XII.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ.

Страдания пленников-Арена—Жестокость Тита—Вражда антиохийцев—Триумф императора по случаю завоевания Иудеи—Конец Симона Бар—Гиоры и Иоанна Гисхальского-Монеты в ознаменование римского триумфа—Падение последних крепостей: Иродиума, Масады и Махера—Сопrotивление зелотов в Александрии и Кирене—Конец Храма Онии—Последнего из зелотов—Смерть Береники и Агриппы Иосиф Флавий и его труды

311

70-73 гг. н. э.

ГЛАВА XIII.

СИНХЕДРИОН В ДЖАБНЕ.

Основание школы в Иавне—Йоханан бен Заккай—Последний из иродианян-Иудея и Рим—Танаиты-Гамалиил II. назначен Патриархом—Сила отлучения—Низложение и восстановление Патриарха—Шаги к собиранию Мишны—Элиэзер бен Гиркан—Джошуа бен Чананья—Акиба и его система—Измаил—Состояние Синhedриона

321

70-117 гг. н. э.

ГЛАВА XIV.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ.

Внутренняя жизнь евреев—Сфера деятельности Синhedриона и Патриарха—Порядок членов и моральное состояние простых людей—Отношение христианства к иудаизму—Секты—Иудейские христиане—христиане—язычники—Эбиониты—Назаряне—Гностики—Постановления Синhedриона против христианства—Прозелиты в Риме—Аквила и его перевод Библии—Береника и Тит—Домициан-Иосиф Флавий и римляне

360

ГЛАВА XV.

ВОССТАНИЕ ЕВРЕЕВ ПРОТИВ ТРАЯНА И ЕГО правления. ПРЕЕМНИКИ.

Траян и Азия—Восстание евреев—Адриан—Еврейские сивиллиные книги—Попытка восстановления Храма—Постановления Уша—Бар-Кохбы—Роль Акибы в войне—Победы Бар-Кохбы—Подавление восстания—Осада и падение Бетара

393

96-138 гг. н.э.

ГЛАВА XVI.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ При БАР-КОХБЕ.

Турн Руф преследует евреев—Десять мучеников—Книга Товита—Отношения между иудаизмом и христианством—Возвращение школ в Палестину—Синод в Уше—Меир—Симон бен Йохай—Вавилонский Синhedрион-Антонин Пий и Аврелий Вер—Восстание против Рима—Патриархат Симона

421

135-170 гг. н. э.

ГЛАВА XVII.

ПАТРИАРХАТ ИУДЕИ I.

Патриарх Иуда I.—Его авторитет и репутация—Завершение Мишны—Последнее поколение танаитов—Положение евреев при Марке Аврелии, Коммодe, Септимии Севере и Антонине Каракалле—Характер и содержание Мишны—Смерть Иуды
175-219 гг. н. э. 450

ГЛАВА XVIII.

ПЕРВЫЙ АМОРАИМ.

Иуда II.—Дружелюбие Александра Севера по отношению к евреям—Иисус Навин бен Леви—Гиллель наставляет Оригена на иврите—*Гексапла*—Палестинский амораим—Ханина—Йоханан—Симон бен Лакиш—Иисус Навин, герой басни—Симлай, философ—агадист—Порфирий комментирует Книгу Даниила
219-280 гг. н. э. 479

ГЛАВА XIX.

ЕВРЕИ ПАРФЯНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Растущее значение еврейской общины в Вавилонии—Принц плена—Вавилонские амораимы—Авва Арека (Раб) и его царственный друг Артабан—Самуил и царь Шабур—Важные политические изменения при неоперсах—Анархия в Риме—Зенобия и евреи
219-279 гг. н.э. 503

ГЛАВА XX.

ПАТРИАРХАТ ГАМАЛИИЛА IV. И ИУДА III.

Амораимы в Палестине—Ами и Асси—Братья Хия и Симон Бар Абба в Тверии—Аббаху в Кесарии—Император Диоклетиан—Полное отделение от самаритян—Характер и политическое положение Аббаху—Хуны в Вавилонии—Щедрость Хамы—Современники и преемники Хуны—Иуда бен Иезекииль—Часда из Кафри—Мар Шешет—Нахман бар Иаков—Зейра
279-320 гг. н.э. 531

ГЛАВА XXI.

ТРИУМФ ХРИСТИАНСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИЯ К ИУДАИЗМУ.

Гиллель II.—Его календарь—Главы иудейских школ: Иона, Хосе и Иеремиа—Распространение христианства—Константин—Упадок еврейских школ в Вавилонии—Школа Пумбедита—Развитие талмудической диалектики—Персидская царица Ифра и ее сын Шабур II.—Император Юлиан—Благосклонность, проявленная к евреям—Предложил восстановить Храм—Римская терпимость
320-375 гг. н.э. 559

ГЛАВА XXII.

ПОСЛЕДНИЙ АМОРАИМ.

Упадок Римской империи—Аши и редакция Талмуда—Джездиджирд II—Евреи при императоре Феодосии I и его преемниках—Исчезновение Патриархата—Златоуст и Амброзий—Фанатизм духовенства—Иероним и его еврейские учителя—Мар-Зутра—Пятое и шестое поколения амораимов—Евреи при Фирузе—Еврейские 604

колонии в Индии—Завершение работы над Вавилонским талмудом—Его Дух и содержание
375-500 гг. н. э.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ.

ГЛАВА I. ИОАНН ГИРКАН.

Кульминационный момент периода—Война с Антиохом Сидетом—Осада Иерусалима—Мирный договор—Парфянская война—Гиркан присоединяется к Антиоху—Успешные кампании Гиркана против самаритян и идумеян—Идумеи вынуждены принять иудаизм—Разрушение Самаритянского храма в Гаризиме и столицы Самарии—Внутренние дела—Стороны: фарисеи, саддукеи и ессеи, их возникновение и конституция —Их доктрины и их отношения друг к другу—Синхедрион—Напряженные отношения между Гирканом и фарисеями—Смерть Гиркана.

135-106 годы до н. э.

Правление Гиркана является одновременно вершиной и поворотным пунктом этого периода. Он не только продолжил дело своего отца, но и завершил его. При его предшественниках Иудея была ограничена узким пространством, и даже в этих пределах были территории, находившиеся во владении иностранных врагов. Гиркан расширил границы на север и юг и таким образом освободил государство от внешнего давления, которое ограничивало его рост. Его военному гению помогли удачные обстоятельства в достижении этих счастливых результатов.

Если правление Гиркана соответствует по блеску правлению Соломона, оно похоже на него и в другом отношении: оба правления начались и закончились среди волнений, печали и мрака, в то время как середина каждого правления была счастливой и процветающей. Когда Соломон впервые взошел на трон, ему противостоял Адония, претендент на корону, которого он должен был подчинить; и на Гиркана легла аналогичная, но более трудная задача — вести борьбу с несколькими противниками. Одним из таких противников был его шурином Птолемей бен Хабуб, убийца его отца, который также покушался на жизнь самого Гиркана. Однако только поддержка сирийской армии могла сделать Птолемея опасным, поскольку жители Иерусалима немедленно заявили о своей поддержке Гиркана как преемника убитого Симона. Тем не менее, и его безопасность, и его долг требовали от него наказать этого бессовестного врага и отомстить за смерть своего отца. Поэтому Гиркан поспешил напасть на него в его крепости, прежде чем Антиох успел привести свои войска к нему на помощь. Существует некоторая неопределенность относительно хода этой осады и ее результата; согласно одному сообщению, очевидно, несколько приукрашенному, Гиркан не смог бросить все свои силы против крепости, потому что его мать (как говорят некоторые, вместе с его братьями) была помещена Птолемеем на стены и подвергалась там ужасным пыткам. Как истинная хасмонеянка, героическая женщина, как

говорят, поощряла своего сына продолжать осаду, не обращая внимания на ее страдания, и упорствовать в своих усилиях до тех пор, пока убийца ее семьи не понесет заслуженное наказание за свои преступления. Сердце Гиркана разрывалось от противоречивых чувств; месть по отношению к своему безрассудному врагу подстегивала его, в то время как нежная жалость к матери сдерживала его. Однако факт остается фактом: Гиркан отступил, не достигнув своей цели. Возможно, год творческого отпуска помешал ему продолжить осаду, или, что гораздо более вероятно, его операции могли быть прерваны приближением сирийского царя, который продвигался со своей армией, чтобы извлечь какую-то выгоду для себя из волнений и неразберихи в Иудее. Говорят, что после вывода войск Гиркана его мать и братья были казнены Птолемеем, который бежал в Филадельфию, бывшую столицу аммонитов (Раббат-Аммон), где он был благосклонно принят губернатором Зеноном Котиласом. Имя Птолемея больше не упоминается, и он вообще исчезает со страниц истории.

Гораздо большая опасность теперь угрожала Гиркану со стороны Антиоха Сидета, который горел желанием отомстить за недавнее поражение, понесенное сирийцами (осень 135 г.). Он выступил вперед с большой армией, опустошил местность вокруг и приблизился к столице. Гиркан, несомненно, чувствуя, что не в состоянии справиться со своим врагом в открытом поле, заперся за мощными стенами Иерусалима. Антиох регулярно осаждал город и окружал его, тщательно готовясь к его завоеванию. Вокруг города было разбито семь лагерей; на северной стороне, где местность равнинная, были возведены сто трехэтажных башен, с которых стены можно было штурмовать. Широкий двойной ров был также сделан для предотвращения вылазок иудеев, которые, тем не менее, ухитрялись продвигаться вперед, таким образом храбро препятствуя работе противника и затрудняя ход осады. Сирийская армия сильно страдала от нехватки воды и болезней, которые были естественным следствием этого дефицита. Осажденные были хорошо снабжены водой, но еды стало не хватать, и Гиркан оказался вынужден совершить акт жестокости. Чтобы восполнить нехватку провизии, жители, которые не могли носить оружие, были высланы из города. Возможно, тешилась надежда, что враг сжалятся над ними. Но по отношению к беззащитным враги редко бывают великодушны. Им не позволили пройти через ряды осаждающей армии, и, таким образом, они были беззащитны перед смертью с обеих сторон. Тем временем лето прошло, а сирийцам по-прежнему не представлялось никакой перспективы штурма стен, в то время как иудеи из-за нехватки провизии и приближающихся праздников стремились к перемирию. Гиркан сделал первые попытки и попросил прекратить боевые действия в течение семи дней праздника Кушей. Антиох не только удовлетворил эту просьбу, но и прислал ему в подарок животных с позолоченными рогами для жертвоприношений и золотые сосуды, наполненные благовониями. После этого перемирия последовали переговоры о мире. Советники убеждали Антиоха проявить наибольшую суровость в своих требованиях к иудеям. Они напомнили ему политику Антиоха Епифана, который не знал другого способа подавить ненависть иудеев к человечеству, кроме как заставить их отказаться от своих особых законов. Если бы Антиох Сидет прислушался к этим предвзятым советникам, которые, согласно предвзятым взглядам того времени, не видели в необычных обычаях иудеев ничего, кроме циничной исключительности, жестокие войны, в которых народ сражался за свою веру, повторились бы. К счастью для них, у Антиоха не хватило ни жестокости, ни сил, чтобы ввязаться в столь опасную игру. Антиох удовлетворился разрушением зубчатых стен Иерусалима (осень 134 г.). С этим актом темная туча, угрожавшая независимости Иудеи, рассеялась.

Государству не было нанесено большого ущерба, и даже следы катастрофы, которые были оставлены, вскоре были стерты. Ибо теперь Гиркан отправил в Рим посольство, состоящее из трех делегатов: Симона, сына Досифея, Аполлония, сына Александра, и Диодора, сына Ясона, чтобы умолять сенат возобновить с еврейским государством дружественные договоры, которые Рим щедро предоставлял самым маленьким народам. В то же время они должны были жаловаться на то, что Антиох Сидет захватил несколько мест в Иудее, и среди них важные крепости Иоппия и Газара. Рим всегда был на стороне слабых против сильных, не из чувства справедливости, а из своекорыстного расчета. Особенно ей хотелось унижить царский дом Селевкидов, который время от времени демонстрировал ей вызывающий или, по крайней мере, надменный вид. Следовательно, иудейские послы были приняты наиболее благосклонно, их просьбы выслушаны со вниманием, и был издан указ, которым Антиоху предписывалось восстановить взятые им крепости и запретить своим войскам проходить через Иудею; он также не должен был обращаться с ее жителями как со своими подданными (около 133 г.). Антиох, похоже, согласился с этим решением.

Более того, он был вынужден вести себя дружелюбно по отношению к Гиркану, поскольку в тот момент он обдумывал нападение на Парфию, которая раньше принадлежала царству его предков, но с тех пор отделилась от него. Его брат, Деметрий Никатор, также предпринял поход против парфян, но потерпел поражение и почти десять лет провел в заточении. Антиох верил, что ему повезет больше, чем его брату. В дополнение к собранной им 80-тысячной армии он запросил помощи у иудейских войск и сил других окружающих народов, и Гиркан согласился присоединиться к своей армии в экспедиции. Сирийский царь относился к своим иудейским союзникам с величайшим уважением. После победы, одержанной на берегах реки Заб (Лик), он приказал, согласно желанию Гиркана, дать двухдневную передышку, чтобы иудеи могли отпраздновать свою субботу и последовавший за ней Праздник Седмиц (129).

Однако со времен Антиоха Великого фортуна перешла на его сторону и больше не благоволила династии Селевкидов. Антиох погиб в этой кампании, и его брат Деметрий, который был освобожден царем Парфии во время вторжения Антиоха, чтобы противостоять ему как монарх-соперник, теперь правил вместо своего брата (с 128-125). Ненавидимый сирийцами из-за своего длительного заключения в Парфии, Деметрий столкнулся с соперником Александром Забиной, которого настроил против него Птолемей Физкон. Деметрий был вынужден бежать раньше Забины и даже не смог найти убежища в Акчо, где проживала его жена Клеопатра. Сирия впала в состояние еще большей неразберихи при его преемниках, когда Забина оспорил трон у законного наследника, Антиоха VIII, последний также нашел конкурента в лице своего брата по материнской линии, Антиоха IX. Последние страницы истории Сирии запятнаны преступлениями, вызванными смертельной ненавистью различных членов дома Селевкидов друг к другу, и совершенными ими убийствами. Вскоре после смерти своего мужа Деметрия Клеопатра приказала убить одного из своих сыновей, Селевка, и приготовила отравленную чашу для другого, Антиоха Грипа, который заставил ее выпить ее саму.

Гиркан воспользовался состоянием анархии и слабости в Сирии, длившимся несколько лет, чтобы расширить границы Иудеи, пока его страна не достигла своих прежних пределов. Вскоре после смерти Антиоха Сидета последние следы вассалитета, до которых довела Иудею осада Иерусалима, были полностью уничтожены, и даже союзнические узы были расторгнуты, в то время как Александр Забина был благодарен Гиркану за признание его царем Сирии. Именно в этот период (124) жители Иерусалима, особенно те, кто входил в великий совет, обратились с

призывом к египетской общине и к священнику Иуде Аристобулу, учителю царя и происходившему из священнического рода, разрешить причислять годовщины освящения Храма и победы над грешниками к памятным праздникам нации. Чтобы подкрепить свою просьбу, они сослались на неожиданную помощь, которую Бог оказал Своему народу в злые дни Антиоха, позволив им восстановить святилище в его прежней чистоте. Этот призыв Иудеи был в то же время намеком александрийской общине признать возникшие новые условия.

Джон Гиркан, который до тех пор действовал только в целях самообороны, теперь, после падения Александра Забины (123), был готов нанести энергичный удар по Сирии. Иудея в то время была с трех сторон окружена чужеземными племенами: на юге - идумеями, на севере - ненавистными самаритянами, а за Иорданом - греками, которые никогда не были дружелюбны к иудеям. Поэтому Гиркан считал своей миссией отвоевать все эти земли и либо изгнать их жителей, либо объединить их с иудеями; ибо до тех пор, пока чужеземные и враждебные племена существовали в самом сердце страны, ее политическая независимость и религиозная стабильность были бы в постоянной опасности. Мало того, что эти враждебные народы всегда были готовы присоединиться к окружающим нациям и помочь им в их жажде завоеваний, но они также часто вмешивались в религиозное богослужение иудеев, что часто приводило к актам насилия и кровопролитию. Следовательно, религиозные, а также политические мотивы побудили Гиркана разрушить эти очаги постоянных беспорядков и вражды.

Для выполнения столь грандиозной задачи Гиркану потребовались все силы, на которые он был способен, и, чтобы не облагать слишком высокими налогами военные ресурсы нации, он нанял наемников, которым, как говорят, заплатил из сокровищ, найденных им в гробнице Давида. Первым местом, на которое он напал, была Медаба в районе Иордании. Этот город был взят после шестимесячной осады. Затем армия двинулась к Самеге, которая, расположенная на южной оконечности Тивериадского моря, должно быть, имела большое значение для иудеев. Следующими на очереди были города Самарии; ее столица Сихем, а также храм, возведенный на горе Гаризим, который всегда был занозой в боку иудеев, были разрушены (21 Кислев, около 120 г.). Годовщина разрушения этого храма (Йом хар Гаризим) должна была отмечаться с большим ликованием, как празднование особо счастливого события, и никакие посты или траур никогда не должны были омрачать яркость праздника. С этого времени слава самаритян пошла на убыль; ибо, хотя последующие столетия все еще считали их особым народом, и даже в наши дни они продолжают существовать и приносить жертвы на горе Гаризим, все же из-за отсутствия центрального объединяющего пункта их численность и процветание постепенно уменьшались.

После своей победы над самаритянами Гиркан выступил в поход против идумеян. Этот народ, хотя и пал очень низко во время многочисленных превратностей судьбы, сопровождавших постоянные смены македонских и азиатских династий, и был вынужден набатеями покинуть свои жилища, единственный из всех племен, кровно связанных с иудеями, смог выжить и сохранил свою древнюю ожесточенную вражду к нимне уменьшившейся. Гиркан осадил две их крепости, Адору и Мариссу, и, разрушив их, предоставил идумеянам выбор между принятием иудаизма и изгнанием. Они выбрали первую альтернативу и внешне стали последователями этой веры. Храмы идумеанских идолов были, конечно, разрушены, но жрецы тайно придерживались их культа. Таким образом, после более чем тысячи лет вражды Иаков и Исав снова объединились — старший служил младшему брату. Впервые иудаизм в лице его главы Иоанна Гиркана проявил нетерпимость к другим вероисповеданиям, но вскоре он с глубокой

болью обнаружил, насколько в высшей степени вредно позволять религиозному рвению к сохранению веры переродиться в желание насильственного обращения других. Вынужденный союз сынов Эдома с сыновьями Иакова был чреват только катастрофой для последних. Именно благодаря идумеям и римлянам династия Хасмонеев была свергнута, а иудейское государство разрушено.

Первым результатом завоевания идумеян и принятия ими иудаизма стало новое соперничество с городом Самарией, ныне населенным в основном македонянами и сирийцами. Колония идумеян была переселена из Мариссы в окрестности Самарии. Они подверглись нападению и жестокому обращению со стороны своих соседей, которых сирийские цари Грипус и Кизикен подстрекали к актам агрессии. Последний, напоминая Антиоха Епифана своим безумием и расточительностью, проявлял, в частности, лютую ненависть к Гиркану. Его военачальники вторглись в Иудею, взяли несколько крепостей у морского побережья и разместили гарнизон в Иоппии. Вслед за этим Гиркан пожаловался римскому сенату, который гарантировал Иудее владение этим морским портом, и отправил пятерых послов отстаивать справедливость его дела в Риме. Среди них был Аполлоний, сын Александра, который предстал перед сенатом в составе бывшего посольства. Рим ответил справедливыми словами на петицию Гиркана и издал указ, запрещающий Антиоху Кизицину притеснять иудеев, которые были союзниками Рима, и предписывающий ему восстановить все крепости, морские порты и территории, которые он захватил. Далее было приказано разрешить иудеям беспошлинно вывозить свои товары из своих портов - услуга, которая не предоставлялась ни одному другому союзному государству или царю, за исключением царя Египта, который считался особым другом Рима, и, наконец, чтобы сирийский гарнизон покинул Иоппию. Независимо от того, оказал ли вынесенный Римом приговор какое-либо большое влияние на Антиоха Кизицина или нет, тот факт, что он не был неблагоприятным для Гиркана, был настолько благом, что укрепил его правоту. Это, по-видимому, удерживало Кизицина в определенных рамках.

Однако, когда Гиркан, желая наказать Самарию за ее вражду к народу Мариссы, осадил этот город, вызвав голод в его стенах, плотно окружив его траншеями и валами и таким образом отрезав все возможности выхода, Кизицин пришел ему на помощь. В бою с Аристобулом, старшим сыном Гиркана, который вел осаду совместно со своим младшим братом Антигоном, Кизикен потерпел поражение и был вынужден бежать в Вифсаин (Скифополь). Слишком слабый, чтобы противостоять иудеям в одиночку, он призвал к себе на помощь соправителя Египта Птолемея VIII (Латура), который, вдохновленный ненавистью египтян к иудеям, с готовностью выполнил эту просьбу. Его мать Клеопатра, с которой народ вынудил его разделить правление, была тайно в союзе против него, поддерживая, как и ее родители, дело Иудеи. Два сына Онии IV, Хелкиас и Анания, встали на ее сторону. Несомненно, по этой причине ее сын испытывал неприязнь к иудеям и с радостью выступил по призыву Кизицина, чтобы заставить Гиркана снять осаду Самарии. Вопреки желанию своей матери, Латур послал армию из шести тысяч человек на поддержку Кизикена против Иудеи. Слишком слабые, чтобы отважиться встретиться с иудейскими войсками в открытом поле, они ограничились опустошением окрестностей в надежде таким образом помешать работе осаждающих. Однако иудейские князья, вместо того чтобы быть вынужденными прекратить осаду, прибегли к различным маневрам, чтобы заставить царя Сирии покинуть место боевых действий и отступить в Триполис. Говорят, что во время одной из битв, в которой был разбит Кизицин, был слышен голос из Святой Святынь, возвещавший Гиркану в тот самый момент, когда это произошло, о победе, одержанной его сыновьями. Говорят, что он услышал следующие слова,

произнесенные на арамейском: "Молодые князья победили Антиоха". Двум военачальникам, Каллиманду и Эпикрату, которых Латур оставил продолжать военные действия, повезло не больше, чем ему самому, ибо первый погиб в каком-то сражении, второй поддался подкупу и передал в руки иудейских князей город Вифсан, а также другие места на равнине Изреель, вплоть до горы Кармил, которую удерживали греки или сирийцы. Язычники были немедленно изгнаны из недавно завоеванных городов, а годовщины возвращения Вифсама и Равнины (Бекаата), 15-16 Сивана (июнь 109 г.), отныне были добавлены к дням победы. Самария, больше не способная рассчитывать на иностранную помощь, была вынуждена капитулировать и после годичной осады была сдана завоевателю. Движимый либо местью, либо благоразумием, Гиркан полностью разрушил Самарию и прорыл там рвы и каналы, чтобы от некогда цветущего города не осталось и следа. День его сдачи был добавлен к числу дней благодарения (25 марта, 109 ноября).

Таким образом, Гиркан осуществил всеобъемлющие планы хасмонеев и увенчал их успехом. Независимость Иудеи была обеспечена, и страна поднялась до уровня соседних государств. Враги, угрожавшие ей со всех сторон, сирийцы, идумеи, самаряне, были почти все побеждены, и земля была освобождена от уз, которые до сих пор препятствовали ее развитию. Славная эпоха Давида и Соломона, казалось, вернулась, чужеземные племена были вынуждены оказывать почтение правителю Иудеи, старая ненависть между последним и Идумеей была стерта, и Иаков и Исав снова стали братьями-близнецами. Моавитида, дочь Арнона, снова послала подарки на гору дочери Сиона. Берега Иордана, морское побережье, караванные пути, которые проходили из Египта через Сирию, - все находилось под властью Иудеи. Она также видела унижение своего врага, Птолемея Латура. Последний жил в постоянном раздоре со своей матерью, соправительницей, которая в конце концов возбудила против него гнев народа до такой степени, что он был вынужден бежать из Александрии (108). Он укрылся на острове Кипр, куда Клеопатра отправила армию в погоню за ним. Но войска, посланные уничтожить его, перешли на его сторону. Только иудейские солдаты, пришедшие из провинции Лук, под командованием генералов Хелкия и Анании, сыновей Онии, остались верны царице и энергично атаковали Птолемея, чтобы заставить его покинуть остров. В Александрии, как и в Иудее, в то время иудеи играли ведущую роль и работали вместе в общем деле ради взаимной выгоды. Они сражались против общих врагов, против Латура и его союзника Антиоха Кизицина.

После всего, чего он добился для своей страны, было вполне естественно, что Гиркан приказал отчеканить иудейские монеты и надписать их древнееврейскими буквами, но он отказался от скромного примера своего отца и позволил появиться на них своему собственному имени: "Йоханан, первосвященник". На некоторых монетах мы находим рядом с его именем надпись "иСодружество иудеев" (Хебер ха-Иехудим), как будто он считал необходимым указать, что именно от имени народа он воспользовался правом чеканки монет. Однако на других монетах мы находим следующие надписи: "Йоханан, первосвященник и глава Иудейского содружества" (Рош Хебер ха-Иегудим). Вместо лилии, которая была выгравирована на монетах его отца, он выбрал эмблему, похожую на эмблему македонских завоевателей — рог изобилия. К концу своего правления Гиркан все больше приобретал характер мирского властелина и становился все более и более амбициозным. Его постоянной целью было расширение своей страны и усиление собственной власти. Гиркан, по-видимому, с тоской оглядывал обширную территорию, которая лежала на пути в Дамаск. Завоевание Итуреи, участка страны, лежащего к востоку от горы Хермон, которое завершили его преемники, по-видимому, было спланировано им самим. Но сильное волнение в стране, которое он не смог подавить и за которым вскоре

последовала его собственная смерть, помешало ему осуществить это начинание. И это возмущение, вначале кажущееся незначительным, приняло столь неудачный оборот, что великое здание Хасмонеев, построенное с таким трудом и заботой, было полностью разрушено. Во второй раз Иудейское государство, достигнув наивысшей точки своего процветания, убедилось, что ему не суждено поддерживать себя во внешнем величии.

Высокая волна политического развития, охватившая Иудею, пока эта страна находилась под властью Иоанна Гиркана и его предшественников, не могла не отразиться на жизни народа и, в частности, стимулировать все его духовные силы. Лишь с короткими перерывами в течение полувека они постоянно участвовали в войне, в которой они попеременно одерживали победы и терпели поражения и в которой, вступая в контакт с различными нациями, то как друзья, то как враги, они достигли большей зрелости, и их прежнее простое существование переросло в более сложную и возвышенную жизнь. Тяжелая борьба, с помощью которой они добились независимости, заставила их с большим любопытством изучить свое собственное положение и твердо придерживаться своих национальных черт; но это также привело их к принятию тех иностранных взглядов и обычаев, которые, казалось, гармонично сочетались с их собственными. Если раньше благочестивые иудеи из всех сил сопротивлялись всему, что несло на себе отпечаток эллинизма, то теперь многие из них были убеждены, что среди обычаев Греции иногда может быть что-то такое, что они могли бы перенять без ущерба для своей собственной веры. Хасмонеи научились у своих соседей не только военному искусству, изготовлению оружия и строительству крепостей, но и мирному искусству чеканки монет с художественным орнаментом и правилам греческой архитектуры. В Иерусалиме возник великолепный дворец, очевидно, построенный в греческом стиле. Перед дворцом Хасмонеев, недалеко от похожей на долину впадины, которая отделяла верхний город от Храма, была широкая крытая колоннада, называемая "Ксистум", где собирался народ. Мост вел через Ксистум к западным воротам самого дальнего двора Храма. Точно так же в верхнем городе было возведено здание, предназначенное для судебных заседаний, построенное в соответствии с греческим искусством; с ним была объединена Архивная контора, где хранились важные архивы. Иоанн Гиркан также воздвиг в греческом стиле семейный мавзолей в Модиине, на родине хасмонеев. Он представлял собой высокое здание из белого полированного мрамора. Вокруг него была колоннада, а на колоннах были красиво вырезаны различные виды оружия и носовые части кораблей. Здание венчали семь пирамид в память о прародителях хасмонеев и их пяти героических сыновьях. Мавзолей Хасмонеев был такой большой высоты, что его было видно с моря.

Однако склонность иудеев того периода была в большей степени направлена на сохранение и развитие всего, что принадлежало исключительно им самим, чем на овладение искусствами чужой цивилизации. Древнееврейский язык, который со времени тесного контакта народа с азиатскими народами был почти вытеснен арамейским, теперь, казалось, в определенной степени праздновал свое возрождение; он был омоложен и во второй раз, хотя и в измененной форме, стал языком народа. Это стало для них драгоценным благодаря записям Священного Писания, которые они сохранили от уничтожения и которые всегда были источником их рвения и энтузиазма. Их монеты, как упоминалось ранее, были отчеканены на иврите, государственные документы были написаны на иврите, и песни народа исполнялись на том же языке. Хотя некоторые распространенные арамейские названия все еще сохранялись, а греческие цифры были приняты, еврейский язык продемонстрировал свою сильную жизнеспособность, обогатив свой словарный запас новыми формами слов и наложив свой отпечаток на иностранные

элементы, которые он допускал. Форма, которую иврит принял с этого времени, называется "Новым ивритом". Он отличался от древнееврейского большей ясностью и легкостью, хотя ему и не хватало глубины и поэтического пыла последнего. В то же время греческий понимали все лидеры и государственные деятели сообщества. Это был язык, на котором они общались с сирийскими царями, а также на котором говорили их послы в римском сенате. Наряду с еврейскими именами, греческие имена появлялись теперь чаще, чем раньше. Характер литературы также был отмечен переменой, произошедшей в духе народа в этот период его возрождения. Сладостная нота песни была нема; ни следа поэтического творчества не дошло до нас ни из этой, ни из следующей эпохи. Нация больше не нуждалась в пламенном вдохновении, которое сквозит в лирических песнях Псалмов, и оно не могло дать материала для скорбных элегий. Все, что требовалось для развития религиозных чувств и рвения, уже было обеспечено поэзией Храма, а в богатых запасах Священных Писаний люди находили знания и наставления. Трезвая история теперь заняла место триумфальных гимнов и связанных с ними фактов и деяний для использования потомками. История была единственной отраслью литературы, которая культивировалась, и недавнее прошлое и непосредственное настоящее предоставили перу историка множество сюжетов. О том, что иврит использовался в исторических трудах, свидетельствуют дошедшие до нас фрагменты. Так называемая первая книга Маккавеев, которая была написана на иврите (но в настоящее время дошла только в греческом переводе), является доказательством присущей этому языку силы обновления.

Перемена в течении жизни, вызванная политическими событиями, еще больше проявилась в сфере религии, чем в литературе и привычках народа в целом. Победа над сирийцами, изгнание эллинистов, порабощение идумеев, унижение самаритян, завершившееся разрушением храма Гаризим, были многими триумфами иудаизма над его врагами, и как таковые они были одобрены защитниками религиозной партии. Чтобы они неизгладимо запечатлелись в памяти будущих поколений, их годовщины должны были отмечаться так же, как дни освящения Храма. Религия по-прежнему оставалась великим основополагающим импульсом во всех движениях и проявляла свою силу даже в злоупотреблениях, которым она способствовала, когда навязывала язычникам иудаизм. Тем временем религиозное сознание народа засияло более ярким светом вследствие расширения сферы, на которую оно вступило; более широкий взгляд, который был приобретен на различные жизненные отношения, выход за пределы узкого круга традиций и унаследованных обычаев, вызвал раскол и разделение среди самих иудеев. Строго религиозная партия ассидаев удалась со сцены происходящих событий, и, чтобы избежать смешения с общественной жизнью, они искали уединенное убежище, где могли бы предаться безмятежной медитации. В этом уединении они образовали особый орден со странными обычаями и новыми взглядами и получили название ессеев. Однако их примеру отказа от всякого активного участия в общественном благе последовали не все строго набожные иудеи, большинство из которых, напротив, твердо придерживаясь заповедей своей веры, считали религиозным долгом способствовать независимости своей страны. Таким образом, среди благочестивых возник раскол, и от асидеев или ессеев отделилась национальная партия, которая не избегала общественной жизни, но, в соответствии со своей силой и способностями, принимала активное участие в общественных делах. Члены этой многочисленной секты начали в это время носить название фарисеев (перушим). Но эта секта, так сказать, самый центр нации, имея превыше всего в сердце сохранение иудаизма в той точной форме, в которой он был передан, настаивала на том, чтобы все политические начинания, все общественные сделки, каждый национальный акт оценивались по религиозным стандартам. Однако те, кто стоял во

главе военных или дипломатических дел и кто видел, как трудно всегда решать политические вопросы в соответствии со строгими требованиями своей веры, не хотели или не могли примириться с этими требованиями. Так образовалась третья партия — саддукеи (цадуким), члены которой, не отказываясь от религии, все же сделали интересы нации своей главной заботой и целью. Из этих сект — асидео-есеев, фарисеев и саддукеев — только последние две оказали сильное влияние на ход событий. В какой именно период между этими несколькими партиями начала проявляться оппозиция, определить невозможно, поскольку на самом деле рождение новых духовных тенденций всегда должно оставаться скрытым от глаз. Согласно одному из источников, противоборствующие стороны впервые появились во времена Джонатана.

Фарисеев (перушим) можно назвать партией только в переносном смысле и в отличие от двух других, поскольку основная масса нации была склонна к фарисейству, и только в национальных лидерах проявились ее особенности. Фарисеи получили свое название из-за того, что они *объясняли* Священные Писания особым образом и выводили новые законы из этого нового толкования. Как толкователи закона, фарисеи составляли образованную часть нации. Их мнения были сформулированы, их действия определялись одним кардинальным принципом — необходимостью сохранения иудаизма. Человек и государство должны были управляться одинаково по законам и обычаям своих отцов. Каждое отклонение от этого принципа представлялось фарисеям изменой всему самому ценному и святому. Своим оппонентам, саддукеям, которые утверждали, что, если другие меры не будут использоваться в политических целях, весомые национальные интересы часто будут разрушаться из-за религиозной щепетильности, фарисеи ответили, что судьба государства, как и судьба личности, зависит не от человека, а от Бога. Не человеческая сила, не человеческая мудрость, не доблесть воина могли определить благо или горе иудейского народа, а только Божественное Провидение. Все происходило в соответствии с вечными указами Божественной воли. Человек был ответственен только за свое нравственное поведение и индивидуальный путь, по которому он шел. Результаты всех человеческих усилий лежали за пределами человеческих расчетов. Исходя из этого, взгляды фарисеев на жизнь расходились с противоположным мнением саддукеев, в то время как ессеи, напротив, преувеличивали их. Другая точка зрения фарисеев, вероятно, была направлена против следующего возражения, выдвинутого саддукеями: если бы судьба отдельного человека или государства не зависела от действий одного или политики другого, Божественному правосудию пришел бы конец; несчастье могло бы тогда обрушиться на праведника, в то время как солнце счастья улыбалось бы грешнику. Этот упрек фарисеи опровергли доктриной, заимствованной из другого источника, которая учила, что Божественная справедливость проявит себя не при жизни, а после смерти. Бог пробудит мертвых от могильного сна; Он вознаградит праведников по их делам и накажет нечестивых за их злодеяния. "Те восстанут к вечной жизни, а эти - к вечному позору".

Однако эти взгляды именно потому, что они касались только внутренних убеждений людей, не обозначали противостояние между партиями так четко, как третий догмат фарисеев, устанавливающий важность и всеобъемлющее влияние религиозных предписаний. В стране, дыханием жизни которой была религия, многие обычаи, происхождение которых было утеряно в тусклых сумерках прошлого, заняли свое место рядом с писанным Законом. Если эти обычаи не были найдены в книгах Закона, они приписывались великим учителям (Соферим и великому собранию — Кенесет агедола), которые ко времени возвращения из Плена придали форму и новую силу религиозному чувству и во главе которых стоит прославленный толкователь

Священного Писания Ездры. Такие религиозные обычаи назывались наследием законоучителей (Dibre Sopherim). Все эти неписанные обычаи, которые жили в сердце нации и как бы росли вместе с ее ростом, приобрели необычайную важность в связи с опасностями, с которыми столкнулся иудаизм, и победами, которых он добился. Люди рисковали ради этих самых обычаев своим имуществом и своей жизнью; и мученическая смерть, которой подверглись многие из верующих, и антагонизм, который они испытывали по отношению к отступникам и легкомысленным эллинистам, значительно усилили почтение и привязанность, с которыми относились к этим обычаям. Особенно Храм, который был так безжалостно осквернен, а затем столь чудесным образом заново освящен, стал вдвойне драгоценен для всего народа, который был полон решимости уберечь его от малейшего дуновения осквернения. Поэтому левитские правила чистоты, поскольку они относились к Храму, соблюдались с особой тщательностью и неукоснительной строгостью.

Но эта приверженность внешним формам и церемониям ни в коем случае не исключала религии сердца. Фарисеи были признаны нравственными, целомудренными, умеренными и доброжелательными людьми. Отправляя правосудие, они позволяли милосердию восторжествовать и судили обвиняемых не с точки зрения моральной порочности, а с точки зрения человеческой слабости. Следующий принцип был дан Иисусом Навином, сыном Перачии, одним из лидеров секты, который вместе со своим товарищем Матфеем из Арбелы жил во времена Гиркана: "Возьмите учителя, приобретите друга и судите каждого человека, исходя из презумпции невиновности". На его высокий нравственный темперамент указывает это изречение. Их жесткая приверженность Закону и снисходительная мягкость и снисходительность в других вопросах снискали фарисеям глубокое почитание всего народа. К этой секте принадлежали благочестивые священники, законоучители и, прежде всего, магистраты, гражданские и религиозные, которые в то время часто совмещали обе должности в одной. Все внутреннее руководство Государством и Храмом было в их руках. Но своим влиянием фарисеи были обязаны главным образом своему знанию Закона и тому, как они применяли его в повседневной жизни, и только их называли толкователями и учителями Закона. Унизительного обвинения в лицемерии, которое было применено к ним их врагами в более поздние времена, они никоим образом не заслуживали, и, действительно, совершенно нелепо клеймить целый класс людей лицемерами. Скорее всего, по своему происхождению они были благороднейшими хранителями и представителями иудаизма и строгой морали. Даже их соперники, саддукеи, не могли не засвидетельствовать тот факт, что "они отреклись от самих себя в этом мире, но вряд ли получат награду в мире будущем".

Эта партия саддукеев, столь резко противостоявшая фарисеям, проводила национально-политическую политику. Она состояла из иудейской аристократии, храбрых солдат, генералов и государственных деятелей, которые приобрели богатство и власть у себя дома или вернулись из иностранных посольств, и все они благодаря более тесному общению с внешним миром и другими странами приобрели более свободные мысли и более мирские взгляды. Они составляли ядро последователей хасмонеев, которые в мирное или военное время верно служили своим лидерам. В эту секту, несомненно, входили также некоторые эллинисты, которые, испугавшись отречения от своей веры, вернулись в иудаизм. Саддукеи, вероятно, получили свое название от имени одного из своих лидеров, Садока. Национальные интересы иудейской общины саддукеи ставили выше Закона. Пламенный патриотизм был их господствующим чувством, а благочестие занимало лишь второе место в их сердцах. Как опытные светские люди, они чувствовали, что независимость государства не может быть

поддержана ни строжайшим соблюдением только религиозных законов, ни простой опорой на Божественную защиту. Они исходили из этого фундаментального принципа: человек должен напрягать свои физические и духовные силы; он не должен позволять религиозным соображениям удерживать себя от заключения политических союзов или участия в войнах, хотя, поступая таким образом, он неизбежно должен нарушать некоторые предписания религии. Согласно саддукейским взглядам, именно с этой целью Бог даровал человеку свободу воли, чтобы он сам добивался своего благополучия; он хозяин своей судьбы, и Божественное вмешательство нисколько не влияет на человеческие интересы. Награда и наказание являются естественными последствиями наших действий и, следовательно, совершенно независимы от воскресения. Не отрицая конкретно бессмертия души, саддукеи полностью отвергли идею суда *после* смерти. Подавленные обилием религиозных предписаний, они не признавали ни их общей применимости, ни обязанности их соблюдения. Вынужденные дать какой-то стандарт, по которому можно было бы распознать действительно важные постановления, они установили следующее правило: обязательными являются только те постановления, которые, по-видимому, ясно изложены в Пятикнижии. Те, которые опирались на устные предания или возникли в разное время, имели второстепенную ценность и не могли претендовать на неприкосновенность. Тем не менее, они не могли не признавать иногда ценность традиционных интерпретаций.

Из ряда отдельных примеров, когда саддукеи отделялись от своих соперников, можно отметить степень их неприятия последних. Это проявилось в их судебных и уголовных законах, а также в принятых ими ритуалах, их богослужение в Храме было, в частности, предметом ожесточенных споров. Саддукеи считали, что наказание, предписанное Пятикнижием за причинение любого телесного повреждения — "око за око, зуб за зуб" — должно быть истолковано буквально и приведено в исполнение, и в результате приобрели репутацию жестоких вершителей правосудия; в то время как фарисеи, апеллируя к традиционным толкованиям Священных Писаний, допускали преобладание милосердия и требовали от преступника только денежной компенсации. Саддукеи, с другой стороны, были более снисходительны в своем суждении о тех лжесвидетелях, чьи показания могли привести к судебному убийству, поскольку они назначали наказание только в том случае, если казнь подсудимого действительно имела место. Было много моментов, связанных с ритуалом, которые горячо оспаривались двумя сторонами; например, дата праздника Седмиц, который, согласно саддукеям, всегда должен приходиться на воскресенье, через пятьдесят дней после субботы после Пасхи; так же как и возливание воды на жертвенник и шествия вокруг него с ивовыми ветками в течение семи дней праздника Кушцей, за которые выступали фарисеи, а саддукеи отвергали. Последний возражал против предоставления национальных пожертвований из сокровищницы Храма и настаивал на том, что требуемые жертвоприношения должны быть оставлены на попечение отдельных людей. Способ возжигания ладана в День Искупления, будь то до или после входа первосвященника в Свята Святых, также был причиной ожесточенных раздоров. По этим и другим спорным вопросам саддукеи неизменно следовали точной букве Закона, что приводило к тому, что они иногда применяли более строгие правила, чем фарисеи, которых так сильно ругали за их суровый аскетизм. Однако на одно предписание Левитов они обратили мало внимания — тщательно избегать прикосновения к любому человеку или предмету, которые считались нечистыми, — и когда их соперники очистили сосуды Храма после того, как они подверглись какому-либо подобному контакту, они высмеяли их, сказав: "Для этого нужно совсем немного, и фарисеи попытаются очистить солнце".

Несмотря на облегчение, которое эти менее строгие взгляды приносили народу, саддукеи не пользовались популярностью; настроение того времени было настроено против распущенности и в пользу строгих религиозных обрядов. Кроме того, саддукеи отталкивали своих соотечественников своим гордым, надменным поведением и суровыми судебными приговорами. Они так и не завоевали сердца публики, и только силой и авторитетом им удалось добиться того, чтобы их принципы восторжествовали. В тот период религиозные чувства были настолько активны, что породили религиозный орден, который намного превзошел даже фарисеев в строгости и болезненной щепетильности и который стал основой движения, которое, смешавшись с новыми элементами, произвело революцию в мировой истории. Этим орденом, который из небольшого и, по-видимому, незначительного происхождения вырос в могущественную силу, призванную оказывать непреодолимое влияние, были ессеи.

Происхождение этого замечательного ордена ессеев, вызывавшего восхищение даже у греков и римлян, можно датировать периодом большого религиозного энтузиазма, вызванного тиранией и преследованиями сирийцев. Ессеи никогда не создавали политическую партию, а, напротив, избегали блеска и суматохи общественной жизни. Они не противопоставляли себя фарисеям, а скорее заняли позицию более высокой ступени фарисейства, к партии которого они изначально принадлежали. Они, без сомнения, произошли от асидеев, на которых они были похожи своим строгим соблюдением субботы. В их глазах простой акт перемещения сосуда с одного места на другое считался бы осквернением этого святого дня. В тот день не были услышаны даже призывы природы. Они жили во всех отношениях подобно назореем, идеалом которых было достижение высшей святости священнического посвящения. Это было их постоянным стремлением не только соблюдать все внешние левитские законы, но и достичь с их помощью внутренней святости и посвящения, умерить свои страсти и вести святую жизнь. Левитские законы чистоты благодаря обычаям и традициям развились до такой степени, что их строгие блюстители, должно быть, находились в постоянной опасности оскверниться при контакте с людьми и предметами; были предписаны омовения и жертвоприношения, с помощью которых они могли восстановить состояние чистоты. Пожизненный назорей, или, что то же самое, ессей, следовательно, был обязан избегать любых сношений с теми, кто был менее строг, чем он сам, чтобы не оскверниться их близостью. Такие соображения заставляли его часто бывать в обществе и объединяться только с теми, кто разделял его взгляды. Чтобы сохранить свою незапятнанную чистоту, ессеи, таким образом, были вынуждены объединиться в отдельный орден, первое правило которого предписывало безоговорочное подчинение законам скрупулезной чистоты. Только тем, чьи взгляды совпадали с их собственными, могло быть разрешено готовить для них пищу, и у таких также должны были быть приобретены их одежда, инструменты, орудия труда и другие вещи, чтобы гарантировать, что при их производстве должным образом соблюдались законы чистоты. Таким образом, они были полностью обособлены друг от друга; и, чтобы держаться подальше от любых менее строгих наблюдателей, они сочли целесообразным есть вместе. Таким образом, пасхальная вечеря, которую можно было отведать только в кругу единоверцев, должно быть, была их идеальной трапезой. Ессеям было почти невозможно общаться с женщинами, поскольку при малейшем контакте с ними они рисковали попасть под левитское осуждение за нечистоплотность, и, переходя от одного вывода к другому, они начали избегать, если не презирать, супружеского состояния. Как ессеям удавалось сохранять свою чрезмерную жесткость, особенно в те воинственные времена? Не только враг-язычник, но даже иудейские воины, возвращающиеся с поля битвы, оскверненные прикосновением трупа, могли свести на нет все свои

предосторожности. Эти страхи, возможно, побудили ессеев искать уединения в каком-нибудь уединенном месте, где они могли бы оставаться невозмутимыми из-за звуков войны и не нарушать свой образ жизни никакими необходимыми происшествиями. Они выбрали для своего проживания пустыню к западу от Мертвого моря и поселились в оазисе Энгади. Плоды пальм, которыми изобилует этот район, частично составляли их нехитрую пищу. Не все ассидеи присоединились к аскетизму ессеев, и не все ессеи удалились в пустыню. Некоторые продолжали жить в кругу своей семьи и не отказывались от брака; но, из-за своей жесткой щепетильности, они столкнулись со многими трудностями.

Таким образом, безбрачие и совместные трапезы стали рассматриваться как общие и наиболее важные характеристики ессеев. Такой образ жизни привел ессеев к тому, что они отказались от всего своего частного имущества. Для члена их секты частная собственность не могла быть полезна; каждый помещал свое состояние в общую казну, из которой удовлетворялись нужды различных членов ордена. Отсюда и пословица: "Хасид говорит: "Мое и твое принадлежит тебе"" (не мне). Следовательно, среди них не было ни богатых, ни бедных, и это отсутствие какой-либо озабоченности материальными вопросами, естественно, привело их к тому, что они отвлекли свое внимание от всего мирского и сосредоточили его на религиозных вопросах. Таким образом, они все больше и больше избегали всего, что относилось только к миру, и с энтузиазмом отшельников следовали мечтательной, идеальной тенденции. Ессеев отличали и другие особенности. Они всегда были одеты в белое полотно. Каждый из них нес небольшую лопатку, с помощью которой, подобно израильтянам во время их скитаний по пустыне, они засыпали свои экскременты землей и таким образом скрывали нечистоты от посторонних глаз. Они также носили что-то вроде фартука или носового платка (кнафаим), которым вытирались после частых омовений. Чтобы удалить даже незаметные загрязнения, они, подобно священникам перед отправлением службы в Храме, каждое утро совершали омовение в свежей родниковой воде; и из-за этих ежедневных омовений их называли "Утренними баптистами" (*Тобле Шахарит*). Название Ессей, по-видимому, также произошло от этой особенности, поскольку на халдейском языке оно означает купальщицу (*Ашай*, произносится *Ассаи*).

Эти внешние формы были, однако, лишь ступенями, которые должны были привести к внутренней чистоте и праведности — символам их тесного общения с Богом, которого, согласно мнению античности, человек мог достичь, только убежав от мира и посвятив себя аскетическому образу жизни. Предельная простота в еде и одежде, воздержание, а также практика морали и самопожертвования, безусловно, были добродетелями, украшавшими ессеев, но не были свойственны их секте, поскольку они в равной степени принадлежали фарисеям. Однако отличительными чертами ессеев были их частые молитвы, их отвращение к принятию клятв и их преданное следование своего рода мистической доктрине. Перед произнесением молитв не допускалось ни одного нецензурного слова, и на рассвете, после прочтения *Шема*, они собирались для тихой медитации, готовясь к тому, что считалось их настоящей молитвой, которая всегда должна была быть спонтанным излиянием сердца. Для ессеев их трапезы были своего рода божественным служением, стол, на котором была разложена их пища, алтарем, а пища, которую они вкушали, - священным жертвоприношением, которое они вкушали в глубоком и благочестивом раздумье. Ни один мирской язык не слетал с их губ во время трапез, и они обычно вкушали его в полном молчании. Это странное молчание, несомненно, производило большое впечатление на тех, кто не принадлежал к ордену; тем более, что истинная природа этой исключительной секты не была известна ее современникам, и все, что касалось ее, приобретало таинственный и ужасный вид.

Возможно, поначалу целью ессеев не было погружение в мистические знания; но их аскетизм, их чрезвычайно спокойная жизнь, которая давала им так много возможностей для медитации, их свобода от семейных забот и, наконец, их религиозная дальновидность заставили их искать в иудаизме другие истины, чем кажутся менее утонченным умам. Имя Бога было для них предметом глубокого размышления, в какой-то степени оправданного существовавшим среди иудеев страхом перед произнесением имени Всемогущего, состоящего из четырех букв jh, wh. Если имя Бога столь свято, то, несомненно, что-то таинственное должно заключаться в самих буквах. Так рассуждали ессеи, чье уединение от мира давало им достаточно времени для размышлений над этой священной загадкой. По их мнению, имя Божье было настолько свято, что они отказывались давать какие-либо клятвы, которые требовали его использования, и их заявления подтверждались простым "да" или "нет". В тесной связи с тайной, связанной с именем Бога, находилось то, что они применяли к именам ангелов. Ессеи верно передали в своей теософской системе имена, а также важность и положение различных ангелов. Когда они попытались объяснить значение Священного Писания с помощью своих фантастических и недавно открытых идей, какие новые грани, должно быть, предстали их искаженному видению! Каждое слово, каждое выражение, должно быть, раскрывало доселе неизвестный смысл; объяснялись самые трудные вопросы о существовании Бога и Его отношениях к небесным силам и низшим созданиям. Своим безразличием ко всему, что касалось государства, а также к делам повседневной жизни, они постепенно завели иудаизм (поскольку он зависел от установления национального процветания) во тьму и преувеличения мистицизма. Их глубокое и мистическое почитание Пророка и Законодателя Моисея довело их до величайших крайностей. Память о Нем и его имя были любимы всеми иудеями в Палестине и за ее пределами. Они приносили клятвы именем Моисея и не давали этого имени никому другому. Но ессеи довели свою набожность до такой крайности, что с тем, кто выступал против имени Моисея, обращались как с тем, кто богохульствовал.

Конечной целью ессеев, без сомнения, было достижение пророческого экстаза, чтобы они могли стать достойными Божественного Духа (*Рух Кодеш*). Ессеи верили, что благодаря аскетической жизни они смогут вновь пробудить долго молчавшее эхо Небесного голоса, и эта цель будет достигнута, пророчества будут обновлены, мужчины и юноши снова узрят Божественные видения, еще раз увидят, как приподнимается завеса, скрывающая будущее, и откроется великое Мессианское царство. Наступило бы Царство Небесное (*Малхут Шамаим*), и всей боли и неприятностям того времени одним махом пришел бы конец.

Ессеи считались не только святыми людьми (из-за их особого образа жизни и дальновидных взглядов), но ими также восхищались как творцами чудес. Люди цеплялись за их слова и надеялись на устранение надвигающегося зла их средствами. Некоторые ессеи имели репутацию людей, способных предсказывать будущее и толковать сны; невежественные люди еще больше почитали их за чудесные исцеления так называемых "одержимых". Общение иудеев с персами принесло с собой, наряду с верой в существование ангелов, суеверную веру в злобных демонов (*шедим, Мазикин*). Считалось, что слабоумные одержимы злыми демонами, изгнать которых можно было только с помощью магической формулы; и все необычные болезни приписывались таким демонам, при лечении которых обращались за советом к чудотворцу, а не к врачу. Ессеи занимались целительством, экзорцизмом и т.д. и искали свои средства в книге (*Сефер Рефуот*), которая приписывалась царю Соломону, которого народ считал повелителем

злых духов. Их лечебные средства частично заключались в произносимых тихим голосом заклинаниях и стихах (*Лечиш'ха*), а частично в использовании определенных корней и камней, которые, как предполагалось, обладали магической силой. Таким образом, ессеи объединили высшие и низменные цели — стремление вести благочестивый образ жизни и самые вульгарные суеверия. Их преувеличенный аскетизм и страх контакта с людьми, придерживающимися иного образа жизни, привели к их крайне нездоровому развитию.

Более рационально мыслящие фарисеи обращали на них мало внимания; они потешались над "глупым хасидом". Хотя фарисеи и ессеи произошли от общего корня, чем больше развивались, тем больше они расходились. Одна сторона видела в браке священный институт, предназначенный для блага человечества, а другая - препятствие к подлинно религиозной жизни. Фарисеи признавали свободную волю человека в мыслях и действиях и, следовательно, считали его ответственным за свое нравственное поведение. Ессеи, напротив, ограниченные узким кругом своих одних и тех же, ежедневно повторяющихся обязанностей, пришли к вере в своего рода божественный фатализм, который управлял не только судьбой человечества, но и поступками каждого отдельного человека. Ессеи избегали Храма, поскольку богослужение, совершаемое там, было оформлено в соответствии с доктринами фарисеев и не могло удовлетворить их идеалам. Они отправили свои подношения в Храм и таким образом выполнили долг жертвоприношения, сами не присутствуя на церемонии. У них патриотизм становился все более и более подчиненным преданности, которую они испытывали по отношению к своему собственному ордену, и таким образом постепенно они освобождались от крепких оков национальности. В ессенизме скрывался элемент, антагонистичный существующему иудаизму, о котором не подозревали ни друзья, ни враги.

Ессеи не имели никакого влияния на политические события. Их число было небольшим, и даже во времена их наивысшего расцвета орден насчитывал всего около четырех тысяч членов. Вследствие принятого ими образа жизни безбрачия потери, понесенные смертью в их рядах, естественным образом не могли быть восполнены. Чтобы избежать полного исчезновения, они прибегли к такому способу, как набор послушников и обращение в свою веру. Нового члена церкви принимали с большой торжественностью и вручали белую одежду, фартук и лопату - символы ессенизма. Однако послушнику не разрешалось сразу вступать в общину, но постепенно он подвергался все более строгому соблюдению законов воздержания и чистоты. Существовало три испытательные степени, которые необходимо было пройти, прежде чем новый член принимался в полное братство. При поступлении послушник поклялся следовать образу жизни ессеев, добросовестно соблюдать и верно передавать тайные учения их ордена. Тот, кто был признан недостойным, был изгнан.

Недружественных отношений между фарисеями и саддукеями не существовало во времена Гиркана. Он использовал обе партии в соответствии с их возможностями — саддукеев как солдат или дипломатов, а фарисеев как законоучителей, судей и чиновников в гражданских делах. Один почитал Гиркана как главу государства, другой - как благочестивого первосвященника. На самом деле Гиркан лично благоволил фарисеям, но как правитель он не мог ссориться с саддукеями, среди которых он нашел своих солдат, своих генералов и своих советников. Их лидер Джонатан был его преданным другом. Пока старость не подкралась к нему, Гиркану удавалось решать сложную проблему поддержания в состоянии дружбы двух партий, которые всегда были на грани ссоры. Он понимал, как помешать любой из сторон одержать верх и преследовать своего соперника. Но (как слишком часто случается в таких

сложных ситуациях) одно слово, один вздох могут расстроить самые продуманные планы, свести на нет самые искусные расчеты, и медленно, тщательно возводимое здание рушится за один день. Неосторожное слово такого рода превратило ревностного последователя фарисейства в его непримиримого противника. В последние годы своей жизни Гиркан полностью перешел на сторону саддукеев.

Причина этой перемены, принесшей такие невыразимые страдания иудейскому народу, была ничтожна по сравнению с ее результатами; но антагонизм двух партий, который лишь с величайшим трудом удавалось сдерживать от перерастания в открытый раздор, придавал ей ужасное и далеко идущее значение. Гиркан только что вернулся после славной победы над одним из многих народов на северо-востоке Перее (кочалитами?). Радуюсь счастливому результату своего оружия и процветающему состоянию своей страны, он приказал устроить пир, на который пригласил всех без исключения лидеров саддукеев и фарисеев. Вокруг золотых блюд, уставленных едой, были расставлены различные растения, произраставшие в пустыне, чтобы напомнить гостям о тяготах, которые они пережили под сирийским игом, когда знатные люди страны были вынуждены скрываться в дикой местности. Пока гости пировали, Гиркан спросил, могут ли фарисеи упрекнуть его в каком-либо нарушении Закона? Если да, то он хотел бы услышать, в чем он провинился. Было ли это кажущееся смирение всего лишь хитроумно разработанным планом, направленным на выявление истинного расположения к нему фарисеев? Неужели саддукеи внушили ему подозрение против фарисеев и посоветовали найти какой-нибудь способ доказать искренность их привязанности? В ответ на брошенный таким образом вызов встал некий Элеазар бен Пойра и прямо ответил: "Гиркану следовало бы довольствоваться царской короной и возложить на более достойную голову диадему первосвященника. Во время нападения сирийцев на Модиин его мать еще до его рождения была взята в плен, а сыну пленного не подобает быть священником, тем более первосвященником!" Хотя внутренне Гиркан был уязвлен столь откровенным оскорблением своей гордости, у него хватило самообладания сделать вид, что он согласен с дерзким оратором, и приказал рассмотреть этот вопрос. Однако оказалось, что это был пустой отчет; фактически, без малейшего основания.

Гнев Гиркана против фарисеев усилился вдвойне из-за того, что саддукеи и его преданный друг Ионафан постарались убедить его, что первые намеренно выдумали эту историю, чтобы унижить его в глазах народа. Желая выяснить, была ли клевета на его пригодность к сану первосвященника делом всей партии или только клеветой отдельного человека, он потребовал, чтобы их руководители наказали клеветника, и ожидал, что наказание будет пропорционально его собственному высокому положению. Но фарисеи не знали никакого особого наказания для клеветника на королевскую власть, и их судьи присудили ему только законное наказание в виде тридцати девяти ударов плетью. Ионафан, предводитель саддукеев, не сумел не воспользоваться этим обстоятельством как средством разжечь огонь в груди Гиркана. Он заставил его увидеть в этом мягком решении суда глубоко укоренившуюся неприязнь фарисеев к нему, что полностью отдалило его от его бывших друзей и привязало его сердцем и душой к саддукеям. Вероятно, есть некоторое преувеличение в рассказе о преследовании Гирканом приверженцев фарисеев и об отмене им всех постановлений последних. Однако больше правды в другом сообщении, из которого мы узнаем, что Гиркан сместил фарисеев с различных высоких постов, которые они занимали. Должности, принадлежащие Храму, судам и высшему совету, были переданы последователям саддукеев. Но этот политический ход привел к самым печальным результатам. Вполне естественно, что это пробудило в сердцах фарисеев и людей,

которые были на их стороне, глубокую ненависть к дому Хасмонеев, который привел к гражданской войне и ускорил упадок нации. Одного поступка было достаточно, чтобы омрачить блестящие дни хасмонеев.

Гиркан прожил совсем недолго после этих событий. Он умер на тридцать первом году своего правления, на шестидесятом году своего совершеннолетия (106), оставив пятерых сыновей: Аристобула, Антигона, Александра, Авессалома и еще одного, чье имя до нас не дошло. Гиркан имел некоторое сходство со своим прототипом Соломоном, поскольку после смерти обоих вспыхнули раздоры, и страна стала жертвой постоянных раздоров.

ГЛАВА II. ПРЕЕМНИКИ ГИРКАНА, АРИСТОБУЛ I, АЛЕКСАНДР ЯННЕЙ И САЛОМЕЯ АЛЕКСАНДРА.

Характер Аристобула—Антигона—Мифический рассказ о его смерти—Александр Янней: его характер и предприятия—Его поддержка фарисеев—Симон бен Шетах—Разрыв Александра с фарисеями и его последствия—Его последние войны и смерть—Отношения Саломеи Александры к Противоборствующим партиям—Синхедрион—Иуда бен Таббай и Симон бен Шетах—Институты против Саддукеев—Партийная ненависть—Диоген—Преследование Саддукеев—Смерть Александры.

106-69 гг. до н. э.

Иоанн Гиркан провозгласил свою жену царицей, а своего старшего сына Иуду - первосвященником. Последний более известен под своим греческим именем Аристобул, поскольку он, как и его братья и преемники, носил как греческое, так и еврейское имя. Но вскоре стало очевидно, что греческий обычай ставить женщину-правительницу во главе государства не пользовался благосклонностью в Иудее. Таким образом, Аристобул смог отстранить свою мать от ее официального поста, не вызвав никаких беспорядков, и затем он объединил в своем лице два достоинства правителя и верховного жреца. Говорят, что он был первым из хасмонеев, принявшим царский титул; но этот титул никоим образом не прибавил ему власти или значимости. Действительно, на его монетах, которые впоследствии были обнаружены, есть только следующая надпись: "Первосвященник Иуда и Государство иудеев", и на них выгравирована та же эмблема, что и на монетах его отца, а именно рог изобилия, хотя этот символ изобилия вряд ли соответствовал действительности того времени.

Семя раздора, посеянное Гирканом, росло и угрожающе распространялось в царствование его потомков. Напрасно сменявшие друг друга правители пытались возвысить значение королевского сана, напрасно они окружали себя телохранителями из верных наемников и совершали самые блестящие подвиги доблести, разрыв между ними и их подданными стал непоправимым, и никакое средство не оказывалось эффективным. Королевский дом и народ больше не были едины; политическая жизнь была отделена от религиозной, и они шли противоположными путями.

Царь Аристокбул не только сместил свою мать с трона, но и заключил ее в тюрьму вместе с тремя своими братьями. Только его брату Антигону, сходному по темпераменту с ним самим, и его товарищу по оружию, которого он нежно любил, было позволено принимать участие в управлении государством. Несмотря на скудные и неудовлетворительные отчеты о его коротком правлении, мы можем заключить из них, что он последовал примеру последних лет своего отца, оставаясь тесно связанным с саддукеями и не допуская к фарисеям никакой власти и влияния. У Аристокбула было мало друзей в его собственной семье, и, по-видимому, он не пользовался любовью своих подданных. Тот факт, что он явно отдавал предпочтение эллинизму, объясняет его фамилию, которую почитали греки и ненавидели иудеи — "Друг эллинов". Одна эта характеристика так оскорбляла людей, что они были готовы приписать ему авторство любого злодеяния, которое могло произойти в королевстве. В то время как греки называли его справедливым и скромным, иудеи обвиняли его в бессердечии и жестокости. Его мать скончалась во время своего заключения, возможно, от старости; злые слухи шептали, что ее собственный сын виновен в том, что позволил ей умереть от голода. Его любимый брат, Антигон, был подло убит (вероятно, в результате интриг партии, враждебной хасмонеям); острая на язык клевета утверждала, что царь, завидовавший ему, был виновником этого подлого поступка, и традиция сплела паутину трагических происшествий вокруг печальной судьбы Антигона. Но об этом позже.

Аристокбул унаследовал не только военные способности своего отца, но и его планы расширения Иудеи в северо-восточном направлении. Итурейцы и трахониты, которые часто оставляли свои скромные пастушеские занятия ради более грубого военного ремесла, занимали местность, окружающую гигантскую гору Хермон, и простирались на восток до прекрасной равнины Дамаск. Против этих полуварварских племен Аристокбул предпринял кампанию, вероятно, продолжив начатое его отцом. Его брат Антигон, в компании которого он снискал свои первые лавры, сражаясь против самаритян и сирийцев, снова стал его товарищем по оружию. Военные удачи были благоприятны Аристокбулу, как и его отцу; он приобрел новые территории для Иудеи и, подобно своему отцу, навязал иудейскую религию покоренному народу. Продолжение завоеваний в том же направлении привело бы к тому, что караванные дороги, ведущие из земли Евфрата в Египет, оказались бы в руках иудеев; обладание ими, в сочетании с воинственной храбростью жителей и оборонительным состоянием крепостей, могло бы позволить Иудее занять важное положение среди других народов. Но, как будто Провидение распорядилось, чтобы Иудея не приобрела влияния таким образом, Аристокбул был вынужден из-за тяжелой болезни отказаться от своих завоеваний и вернуться в Иерусалим. Антигон, правда, какое-то короткое время успешно вел войну; но после его возвращения в столицу для проведения праздников в приближающийся месяц Тишри ни ему, ни его царственному брату больше никогда не суждено было выйти на арену войны. Антигон пал, как упоминалось ранее, от руки наемного убийцы, а Аристокбул умер от злокачественной болезни после одного года правления (106-105).

Смерть двух братьев, последовавшая одна за другой, дала злоязычным клеветникам возможность выдумать следующую ужасную трагедию: говорили, что противники Антигона воспользовались случаем его триумфального возвращения, чтобы возбудить ревность страдающего царя. Аристокбул, все еще доверяя своему брату, послал за Антигоном и намекнул, что тот должен явиться безоружным. Для большей защиты он выставил свою телохранительницу в одном из проходов и отдал приказ немедленно расправиться с Антигоном, если тот войдет вооруженным. Царица, ненавидевшая Антигона, воспользовалась этим приказом для

уничтожения своего шурина, ибо убедила его отправиться в царские покои во всеоружии, и в одном из темных переходов Стратоновской башни злодеяние было совершено. Когда король услышал, что его приказания были выполнены, он был сильно взволнован, и его горе вызвало кровотечение. Его слуга, унося сосуд, наполненный кровью, которую он потерял, поскользнулся на полу прихожей, все еще мокрым от крови убитого человека, и, уронив сосуд, смешал кровь двух братьев. Говорили, что этот несчастный случай оказал настолько сильное воздействие на рассудок короля, что он немедленно объявил себя убийцей своего брата, и муки раскаяния стали последней причиной его смерти. Традиция добавляет, что ессейский провидец по имени Иуда не только предсказал насильственную смерть Антигона, но и то, что это произойдет в башне Стратона.

Начало правления преемника Аристобула связано с легендой. Из этого мы заключаем, что Александр, чье иудейское имя Джаннай (Ианней) является сокращением от Ионафана, не только был заключен в тюрьму своим братом, но и был настолько ненавидим своим отцом, что был сослан в Галилею. Это было результатом сна, в котором Иоанну Гиркану было открыто, что его третий сын однажды станет царем Иудеи. Говорят, что вдова Аристобула освободила его из тюрьмы и протянула ему свою руку с короной. Но в этом случае Александр женился бы на вдове, что было незаконно для него, как первосвященника, делать. Более вероятно, что Александр взошел на трон, будучи ближайшим его наследником, без помощи вдовы Аристобула. Нет никаких оснований и для версии о том, что Александр начал свое правление с убийства брата, с которым он фактически разделил страдания своего плена. Александр, по-видимому, начал с изучения пожеланий народа, поскольку фарисеям снова было разрешено появляться при дворе. Симон бен Шетах, брат его жены, царицы Саломеи, защитник фарисеев, постоянно находился в присутствии царя.

Александр Янней, взошедший на трон в возрасте двадцати трех лет, был таким же воинственным, как и семья, из которой он происходил, но ему не доставало полководческого мастерства и рассудительности своих предков. Он безумно бросался в военные авантюры, тем самым ослабляя власть народа и не раз ставя государство на грань разрушения. Двадцать семь лет его правления прошли во внешних и гражданских войнах и не были рассчитаны на увеличение материального благосостояния нации. Однако его удача была больше, чем его способности, поскольку она позволила ему выпутаться из многих критических положений, в которые он сам себя загнал, а также, в целом, расширить территорию Иудеи. Как и его отец, он нанимал для своих войн наемников из Писидии и Киликии. Он не осмелился ввести сирийские войска, поскольку ненависть, существовавшая между иудеями и сирийцами, была слишком глубоко укоренившейся, чтобы можно было рассчитывать на гармоничную работу этих двоих.

Внимание Александра было в основном направлено на морские порты, которым удалось освободиться от сирийского владычества из-за соперничества, существовавшего между двумя сводными братьями, Антиохом Грипом и Кизицином. Он особенно стремился овладеть густонаселенным и важным портовым городом Птолемаис, колонизированным иудеями. В то время как его войска захватили район Газы, находившийся тогда под властью Зоила, капитана наемников, он сам вел упорную осаду портового города. Жители Птолемаиды обратились за помощью к египетскому принцу Птолемею Латуру, который в результате открытой войны со своей матерью захватил Кипр. Латур, довольный тем, что нашел возможность приобрести большую власть и в то же время приблизиться к караванным дорогам Египта, поспешил отправить тридцать тысяч человек на побережье Иудеи. Он выбрал субботу для победоносного

изгнания иудейской армии, состоящей по меньшей мере из пятидесяти тысяч человек, из Асохиса, близ Сепфориса, обратно к Иордану. Более тридцати тысяч солдат Александра остались на поле битвы, многие были взяты в плен, в то время как остальные бежали. Латур с частью своей армии прошел маршем по Иудее, убивая жителей, не щадя женщин и детей. Он хотел отомстить не только Александру, но и иудеям, ибо разве они не были его врагами в Египте? Акчо также сдался, и Газа добровольно открыла перед ним свои ворота.

Это сокрушительное поражение, несомненно, привело бы Иудею в самое отвратительное рабство, если бы Клеопатра не попыталась вырвать у него плоды триумфов своего сына, прежде чем он смог бы обратить их против нее самой. Она послала против Латура могучую армию под командованием двух иудейских военачальников, Хелкии и Анании, двух сыновей Онии, которым она была обязана неприкосновенностью своей короны. Хелкиас погиб во время кампании, и его брат занял его место в совете и на поле боя. Доверенное положение, занимаемое Ананией, имело явное преимущество перед его соотечественниками в Иудее. Клеопатру настоятельно просили не упускать благоприятную возможность, когда Иудея была не в состоянии отказаться от ее помощи, вторгнуться в эту страну и свергнуть Александра с престола. Но Анания был возмущен этим советом. Он не только указал на позор такого неверия, но и дал понять царице, какие пагубные последствия могут последовать за таким шагом. Многие египетские иудеи, которые были защитниками ее трона от угрожающих нападений ее сына, объединились бы с ее врагами, если бы она нанесла удар по независимости их страны. В его словах даже содержалась угроза, что в таком случае он не только лишит ее своих политических знаний и своего полководческого таланта, но и, возможно, посвятит их делу ее противников. Эти слова произвели желаемое действие на царицу; она отвергла коварный совет врагов евреев и заключила наступательный и оборонительный союз с Александром при Вефсуре (98). Латур был вынужден покинуть Иудею и отступить со своей армией на Кипр. Все города, оказавшие сопротивление оружию иудейского царя, теперь были охвачены его гневом.

Но прежде всего он был полон решимости вернуть Газу. Эта цель была достигнута только после года отчаянных боев и, в конце концов, стала результатом акта предательства. Вся жестокость, присущая Александру, была излита на осажденных жителей Газы. Он казнил некоторых из самых выдающихся среди них, и ужас, который он внушал, был настолько велик, что многие мужчины убили своих собственных жен и детей, чтобы предотвратить попадание их в иудейское рабство (96).

Девять лет правления Александра были слишком насыщены опасными и запутанными ситуациями, чтобы позволить ему нарушить внутреннюю гармонию своей страны. Он, по-видимому, был строго нейтрален в борьбе, которая бушевала между фарисеями и саддукеями. Его жена Саломея, возможно, использовала свое влияние, убедив его сохранить эту нейтральную позицию, поскольку она была горячей сторонницей некогда ненавистных фарисеев.

Александр, по-видимому, назначил Симона бен Шетаха посредником между двумя сторонами; фарисеи все еще оставались несколько на заднем плане, а саддукеи занимали доверенные посты. С тех пор как Иоанн Гиркан отделился от фарисейства, Великий Совет состоял из членов-саддукеев, и до тех пор, пока одной партии открыто отдавалось предпочтение перед другой, мир и примирение казались невозможными. Таким образом, король, возможно, был вдохновлен желанием добиться какого-то равенства между двумя партиями путем разделения должностей и

почестей между ними. Но фарисеи решительно отказались действовать сообща со своими противниками и оказали самое активное сопротивление. Только Симон бен Шетах позволил избрать себя членом Совета, втайне решив постепенно очистить его от саддукейского элемента.

Беспристрастное поведение Александра продолжалось лишь до тех пор, пока критическое положение отвлекало его внимание от внутренних дел. Все заметно изменилось, когда он вернулся из своего похода завоевателем городов и провинций, возмнившим себя деспотичным повелителем своего народа. Либо недавно приобретенное влияние фарисеев угрожало стать препятствием на его пути, либо он, возможно, хотел вознаградить и привлечь саддукеев, на которых он мог бы положиться в проведении своих кампаний, либо на него мог повлиять его фаворит, саддукей Диоген; в любом случае, Александр предстал закоренелым противником фарисейского учения и обнародовал свои взгляды самым оскорбительным образом. Во время исполнения обязанностей первосвященника во время Праздника Кущей его обязанностью, в соответствии с древним обычаем, было вылить содержимое кувшина с водой на алтарь в знак плодородия. Но чтобы показать свое презрение к церемонии, которую фарисеи считали религиозной, Александр вылил воду себе под ноги. Больше ничего не требовалось, чтобы вызвать гнев прихожан, собравшихся во внешнем дворе Храма. С безрассудным негодованием они бросали ветви и плоды, которые несли в руках в честь праздника, в царя-еретика, обличая его как недостойного первосвященника. Александр, несомненно, заплатил бы за этот позорный поступок своей жизнью, если бы не призвал на помощь писидийских и киликийских наемников, которым было приказано ждать, и которые напали на прихожан, убив 6000 человек на территории Храма (95). Чтобы избежать повторения подобных сцен, Александр с тех пор не допускал верующих во двор жертвоприношений, воздвигнув перегородку. Но эти события породили непримиримую ненависть между царем и фарисеями. Таким образом, по прошествии трех поколений потомки великих хасмонеев настолько ослабили здание, возведенное ценой жизней их предков, что кажется удивительным, как оно могло продолжать сопротивляться таким повторяющимся атакам. Ожесточенное соперничество двух царств Иудейского и Израильского во времена Ровоама и Иеровоама повторилось в истории фарисеев и Саддукеев.

Но Александр не видел пролома, который его рука по-детски и безжалостно нанесла; поглощенный великолепными планами будущих завоеваний, он игнорировал тот факт, что если прекратятся гармоничные отношения между королем и его подданными, сама жизнь государства, то увеличение владений лишь ослабит, а не укрепит королевство. Его сердце было сосредоточено на вторжении в трансйорданскую землю, все еще называемую Моавитис, и в юго-восточные провинции Тивериадского моря, называемые Галадитис или Гаулонитис. Но его успех в этой кампании был остановлен набафейским царем Обедой, который заманил его в непроходимую местность, изрезанную оврагами, где армия Александра была уничтожена, и откуда сам царь спасся только в Иерусалиме (около 94 г.). Там его ожидал гнев фарисеев. Они подняли народ на восстание, и следствием этого стали шесть лет кровавых восстаний против него (94-89). Александру удавалось подавлять одно восстание за другим с помощью своих наемников, но ужасные резни, которые происходили в этих случаях, были постоянным стимулом для новых восстаний. Александр, в конце концов измученный этими кровавыми событиями, предложил заключить мир с фарисеями. Теперь, однако, настала их очередь отвергнуть протянутую руку мира и признать себя виновными в акте предательства по отношению к своей стране, который должен лечь несмываемым пятном на их партии. На вопрос Александра о том,

каких условий мира они требуют, фарисейские лидеры ответили, что первым условием была смерть царя. Фактически, они тайно предложили свою помощь сирийскому монарху Евкерию, чтобы смирить Александра. Привлеченный их обещаниями, Евкей двинулся на Иудею с 40 000 пехотинцев и 3000 кавалеристов. Получив известие о надвигающейся опасности, Александр выступил в поход во главе 20 000 пехотинцев и 1000 кавалеристов. В ужасном столкновении, которое последовало при Сихеме, иудеи сражались против иудеев, греки против греков, ибо каждая армия оставалась верна своему предводителю, и ее нельзя было подкупить, чтобы она дезертировала. В битве, катастрофической для обеих сторон, Евкей в конце концов одержал победу, и Александр был вынужден, потеряв своих наемников, блуждать среди горных перевалов Эфраима. Там его уединенное положение вызвало жалость у его народа, и шесть тысяч его противников-фарисеев покинули сирийский лагерь и перешли на сторону своего царя, который теперь мог заставить Евкерия отступить из Иудеи.

Но наиболее непреклонные из фарисеев все еще сопротивлялись Александру и после безуспешной битвы в открытом поле укрылись в поисках безопасности в крепости Вифома, которую, однако, они были вынуждены сдать. Побуждаемый своим любимцем-саддукеем Диогеном и движимый собственной жаждой мести, царь приказал распять восьмисот фарисеев за один день. Традиция даже гласит, что жены и дети жертв были зарезаны у них на глазах и что Александр, окруженный своими приспешниками, пировал при виде этой сцены кровавой бойни. Но этого преувеличения жестокости не требовалось, чтобы заклеить его именем "фракиец"; распятия восьмисот человек было достаточно, чтобы заклеить его как бессердечного мясника, и одно это действие должно было принести горькие плоды для саддукеев, которые наблюдали за этим со злобной радостью. Во время гражданских войн, длившихся шесть лет, в жертву было принесено пятьдесят тысяч человек с обеих сторон, но больше всего пострадали фарисеи. Оставшиеся фарисеи дрожали за свои жизни, и в ночь после распятия восьмисот восемь тысяч бежали из Иудеи, частью в Сирию, частью в Египет.

Слабость позиции Александра можно легко оценить по факту его бессилия предотвратить превращение Иудеи в очаг войны со стороны царей Набатей и Сирии. И все же удача не покинула его, поскольку внезапная перемена в делах Сирии, приведшая к свержению ее царя Ареты, пошла Александру на пользу. Таким образом, он получил возможность участвовать в осаде некоторых важных городов, колонизированных греками и подвластных Арете: Диосполиса, Пеллы и Герасы. Двинувшись на север, он вторгся в нижний Гаулонитис с его столицей Гамалой, в верхнюю провинцию с городом Согане и городом Селевкия. Он заставил жителей этих городов принять иудаизм и знамение завета. Город Пелла, оказавший демонстративное сопротивление, был разрушен. Он также вернул города, лежащие к востоку от Красного моря, которые были отняты у него Аретой. Территория Иудеи теперь охватывала в своей окружности ряд важных городов; она простиралась по другую сторону Иордана, от Селевкии на севере до Сигора, города пальм, к югу от Мертвого моря; от Риноколур и Рафии на юге, на берегах Средиземного моря, до гор Кармель на северо-западе. Наибольшее значение имели города на морском побережье. Александр приказал отчеканить для своих греческих подданных несколько монет с греческой надписью "Король Александр", при этом на одной стороне был отчеканен якорь, а на другой - еврейскими буквами "Ионафан, царь" (Иехонатан ха-Мелех). На его монетах более раннего периода была та же надпись, что и на монетах его предшественников: "Первосвященник Ионафан, Содружество иудеев".

После трехлетней кампании Александр вернулся в Иерусалим, где его приняли с почестями, подобающими победителю. Он частично простил свои преступления. В самом центре королевства, на горе близ Иордана, он построил мощную крепость, названную в его честь Александрионом; а в окрестностях Мертвого моря, на возвышенности, защищенной со всех сторон глубокими ущельями, он воздвиг цитадель Махера, грозного стража своих трансйорданских завоеваний. Эти две горные крепости вместе с третьей, Гирканион, построенной Джоном Гирканом на Средней горе, были настолько хорошо укреплены природой и искусством, что считались неприступными.

Даже в последние годы правления Александра, хотя он страдал от перемежающейся лихорадки, он предпринял осаду некоторых из еще непокоренных крепостей трансйорданской территории. Однако во время осады Аргоба с ним случился настолько сильный приступ, что он был вынужден готовиться к смерти. Торжественность его последних часов заставила его взглянуть на свои прежние поступки в новом свете. Его охватил ужас при мысли о том, как жестоко и глупо он преследовал фарисеев и как в результате отдалился от своего народа. Он убедительно повелел своей королеве, которую объявил регентшей, тесно соединиться с фарисеями, окружить себя советниками из их рядов и не браться ни за какие начинания без их согласия. Он также убедил ее держать его смерть в секрете от своей армии до тех пор, пока осажденная крепость не падет, а затем передать его тело фарисеям, чтобы они могли либо излить на него свой гнев, либо великодушно предать его земле. Из малоизвестного, но более достоверного источника мы узнаем, что Александр стремился смягчить беспокойство царицы по поводу партийной розни, свирепствовавшей в Иерусалиме, следующими словами: "Не бойся ни истинных фарисеев, ни их честных противников, но будь настороже против лицемеров с обеих сторон (фальшивых), которые, совершая грехи, подобно распутному принцу Зимрию, ожидают награды, подобно Финею, который был ревностен к Закону". Александр умер на сорок девятом году своей жизни и двадцать седьмом году своего правления (79), и оставил двух сыновей, Гиркана и Аристобула. Фарисеи неблагоприятно назначили годовщину его смерти днем ликования.

Действительно, для иудейского народа было величайшей удачей, что женщина с мягким характером и искренним благочестием была призвана стать главой государства после того, как оно было разорвано на части безрассудством его бывшего правителя. Она пришла, как освежающая роса на засушливую и выжженную солнцем почву. За время ее правления разгоревшиеся страсти и ожесточенная ненависть двух партий успели утихнуть, и страна поднялась над узкопартийностью к более достойному занятию - повышению общего благосостояния нации. Хотя царица Саломея, или, как ее называли, Александра, всей душой была предана фарисеям, доверив им управление домашними делами, все же она была далека от преследования противоборствующей стороны. Соседние князья настолько уважали ее власть, что они не осмеливались воевать с Иудеей, и ей хитроумно удалось удержать могущественного завоевателя, овладевшего Сирией, от границ своего собственного королевства. Даже небеса в течение девяти лет ее правления изливали свои благословения на эту землю. Необычайно крупные зерна пшеницы, собранные в это время на полях Иудеи, хранились и выставлялись на всеобщее обозрение в течение многих последующих лет. Королева приказала отчеканить монеты с теми же эмблемами, что и у ее предшественниц, с греческой надписью "Королева Александра". В целом ее правление прошло мирно и счастливо. Закон, пришедший в большое пренебрежение, стал незыблемым институтом, и если он иногда касался саддукеев, которые постоянно нарушали его, они не могли считать себя жертвами

каприза. Были открыты переполненные тюрьмы; фарисеи вернулись из изгнания, и их узкое видение расширилось благодаря опыту, который они приобрели в чужих странах.

Саломея Александра провозгласила своего старшего сына Гиркана первосвященником; он был слабым принцем, чья личная жизнь была безупречна, но который не подходил для важного государственного поста.

Симон бен Шетах, брат царицы, оракул фарисейской партии, пользовался ее благосклонностью. Он сыграл столь великую роль в истории того времени, что многие называли ее "днями Симона бен Шетаха и царицы Саломеи". Главный пост в Совете Семидесяти, до сих пор принадлежавший первосвященнику, теперь, однако, был передан фарисеям по приказу царицы. С этого времени Наси, или председатель Великого Совета, был, как правило, самым образованным и уважаемым из фарисеев. Никто, конечно, не мог с большим основанием претендовать на это отличие, чем Симон бен Шетах. Но Симон не был честолюбивым человеком, и он решил отказаться от своих собственных прав первенства в пользу Иуды бен Таббая, который в то время проживал в Александрии, о глубокой образованности и превосходном характере которого он был высокого мнения. Александрийская иудейская община, вероятно, доверила этому знаменитому палестинскому ученому какую-то важную должность. Иуде было отправлено льстивое послание с приглашением вернуться в Иерусалим, сформулированное в такой форме: "От меня, Иерусалим, святой город, тебе, Александрия: супруга моя пребывает с тобою, я оставлен". Иуда бен Таббай откликнулся на этот призыв, поспешив в Иерусалим. С помощью Саймона он предпринял реорганизацию Совета, улучшение отправления правосудия, восстановление забытых религиозных обрядов, развитие образования и в целом разработку таких правил, каких требовало время. Подобно Ездre и Неемии древности, эти два ревностных человека настаивали на возвращении к самой строгой форме иудаизма; и если им часто приходилось прибегать к суровым и насильственным мерам, то это следует отнести не к какой-либо личной злобе, а к суровости самого века. Они действительно были скрупулезно строги в своем собственном поведении и в руководстве теми, кто был тесно связан с ними. Можно сказать, что со времен Иуды бен Таббая и Симона бен Шетаха началось господство иудейского закона, согласно взглядам фарисеев, и оно росло и развивалось при каждом последующем поколении. Поэтому этих двух знаменитых людей называли "Восстановителями Закона", которые "вернули Короне (Закону) ее древнее великолепие".

Их работа началась с реорганизации Синhedриона. Саддукейские члены были лишены своих мест, уголовный кодекс, который они добавили к библейским уголовным законам, был отменен, и старые традиционные методы снова получили силу. Людям не на что было жаловаться на это изменение, потому что они ненавидели суровость наказания саддукеев по принципу "око за око". С другой стороны, определенные дни веселья, которыми пренебрегали саддукеи, были объявлены фарисеями полупраздниками. Свидетелей в судах больше нельзя было допрашивать только о месте, где и в какое время они видели совершенное преступление, от них требовалось давать самые подробные и мельчайшие показания, связанные с ним, с тем чтобы судья мог лучше вынести правильное решение и выявить противоречивые показания свидетелей. Это было специально разработано как защита от обвинений доносчиков, которых было достаточно много в эпоху, когда завоеватели и покоренные постоянно менялись ролями. Была также введена в действие спасительная мера, направленная на уменьшение числа бракоразводных процессов, чего не удалось добиться благодаря буквальному толкованию законов о разводе

Пятикнижия в том виде, в каком они применялись саддукеями. Верховный суд, реорганизованный фарисеями, предписывал мужу выдавать своей отвергнутой жене определенную сумму денег, на которую она могла бы содержать себя, и, поскольку среди людей, чье богатство состояло в основном из плодов земли или скота, было мало наличных денег, муж часто останавливался, прежде чем позволить минутному приступу страсти или возбуждения повлиять на его действия.

Одной из реформ того времени, прямо приписываемых Симону бен Шетаху, было продвижение более качественного обучения. По его примеру во всех крупных городах возникли средние школы, в которых обучались юноши с шестнадцатилетнего возраста. Но все изучение, как мы можем предположить, было полностью ограничено Священным Писанием, и особенно Пятикнижием и изучением Закона. Многие детали или более мелкие пункты Закона, которые были частично забыты, а частично игнорировались во время длительного правления Саддукеев, то есть с момента притеснения Гирканом фарисеев до начала правления Саломеи, были вновь введены в повседневную жизнь. Забытые обычаи были возобновлены со всей помпой и торжественностью, дни их повторного введения отмечались с ликованием, и любой общественный траур или пост по ним были приостановлены. Таким образом, церемония возлияния воды на алтарь во время Праздника Кущей, которая была издевательски высмеяна Александром, со временем была с энтузиазмом восстановлена и стала любимым и отличительным обрядом. В этих случаях, в ночь, следующую за первым днем праздника, внешний двор Храма для женщин был ярко освещен, пока не засиял, как море огня. Затем все люди собирались на святой горе, чтобы стать свидетелями или принять участие в происходящем. Иногда они носили оживленный характер, например, факельные шествия и танцы; в другие дни они принимали более торжественную форму музыкальных служб с песнями и восхвалениями. Этот юбилей продолжался всю ночь. На рассвете священники возвестили звуком своих труб, что марш вот-вот начнется. На каждом привале трубы собирали народ вместе, пока огромная толпа не собралась вокруг источника Силоа. Оттуда черпали воду в золотой кувшин. В торжественной процессии его отнесли обратно в Храм, где было совершено возлияние. Вода струилась над алтарем, и звуки флейты, слышимые только в самых радостных случаях, смешивались с восторженными звуками мелодии, вырывавшимися из бесчисленных инструментов.

Подобным национальным праздником был полупраздник праздника леса, проводившийся в честь дерева, которое приносили в жертву алтарю Храма; он приходился на пятнадцатый день Ав (августа). Несколько девушек в белых одеждах обычно собирались по этому случаю на каком-нибудь открытом месте среди виноградных лоз, где, отбивая ритм танца, распевали песенные строфы на еврейском языке. Это была возможность для иудейских юношей, зрителей этой сцены, выбрать себе спутников жизни. Этот праздник, как и предыдущий, был открыт фарисеями в противовес саддукейским обычаям. Синхедрион воспользовался жертвенным рвением народа, чтобы ввести меру, которая, прежде всего, была рассчитана на то, чтобы пробудить в нации чувства патриотизма и которая была диаметрально противоположна взглядам их соперников. Саддукеи заявили, что ежедневные приношения и фактически нужды Храма должны оплачиваться не из национальной казны, а за счет индивидуальных добровольных взносов. Но Совет в правление Саломеи Александры постановил, что каждый израильтянин в возрасте от двадцати лет, включая прозелитов и освобожденных рабов, должен ежегодно вносить не менее половины шекеля в казну Храма. Таким образом, ежедневные жертвоприношения приобрели поистине национальный характер, поскольку в них участвовала

вся нация. В течение года были учреждены три сбора: в Иудее в начале весны; в трансиорданских странах, в Египте и Сирии, в Праздник Седмиц; и в еще более отдаленных землях Вавилонии, Мидии и Малой Азии, в Праздник Кущей. Эти последние коллекции были самыми богатыми, иудеи, жившие за пределами Палестины, были не только очень богаты, но и очень щедры; таким образом, вместо серебряных или медных шекелей или динариев они предлагали золотые статеры и дарики. Были выбраны центральные места в каждой стране, где приношения должны были храниться до тех пор, пока их не удастся доставить в Иерусалим. Для доставки их туда были отобраны самые выдающиеся иудеи, и их называли "святыми вестниками". В месопотамских и вавилонских городах Нисибис и Нахардея (Naarda) были построены сокровищницы для этих храмовых даров, откуда под сильным конвоем, защищавшим их от орд парфянских и набафейских грабителей, они были благополучно доставлены в Иерусалим. Общины Малой Азии также имели свои сокровищницы, Апамею и Лаодикию во Фригии, Пергам и Адрамиттиум в стране Эолис. С этого участка земли примерно через двадцать лет после издания первого воззвания в Иерусалим было отправлено около двухсот фунтов золота весом. Из этого мы можем сделать вывод, какие огромные доходы поступили в Храм, оставив большой излишек после того, как все необходимое для богослужения было приобретено. Таким образом, Иерусалимский храм со временем стал объектом зависти и жадности.

До сих пор возрождение, начатое Иудой бен Таббаем и Симоном бен Шетахом, носило безобидный характер; оно восстанавливало старые законы, создавало новые и искало способы запечатлеть их в памяти и привлечь внимание людей. Но никакая реакция не может оставаться в умеренных пределах; она естественным образом движется к эксцессам. Саддукеи, которые не желали принять фарисейское толкование Закона, были вызваны предстать перед судом и подверглись беспощадному осуждению. Стремление возвысить Закон и устранить всякую оппозицию в конкурирующей партии было настолько велико, что однажды Иуда бен Таббай приказал казнить свидетеля, который был признан виновным в даче ложных показаний на суде по обвинению в тяжком преступлении. В данном случае он желал практически опровергнуть саддукейские взгляды, забывая, что в то же время нарушал закон фарисеев. Этот закон требовал, чтобы все свидетели были осуждены за лжесвидетельство, прежде чем допустить применение наказания; и, поскольку один свидетель в одиночку не мог выдвинуть обвинение, поэтому один свидетель в одиночку не подлежал наказанию. Но оба вождя были настолько чистоплотны, что Симон бен Шетах не преминул упрекнуть своего коллегу в опрометчивой поспешности, а Иуда бен Таббай выразил глубочайшее раскаяние в пролитии невинной крови казненного свидетеля, сложив с себя пост президента и публично признав свое раскаяние. Любимая сентенция Иуды бен Таббая свидетельствует о его мягком нраве. "Рассматривайте обвиняемых как нарушителей закона только тогда, когда они предстают перед вами для вынесения приговора; в момент вынесения приговора считайте их невинными".

Симон бен Шетах, сменивший Иуду на посту президента Совета, похоже, не смягчил своей строгости по отношению к нарушителям Закона. Однажды перед ним предстал редкий случай колдовства, когда восемьдесят женщин были осуждены за это преступление и распяты в Аскалоне. Из-за своей беспощадной суровости Симон бен Шетах навлек на себя такую ненависть своих противников, что они решились на страшную месть. Они подстрекали двух лжесвидетелей обвинить его сына в преступлении, наказуемом смертной казнью, вследствие чего он фактически был приговорен к смерти. По пути к месту казни молодой человек так яростно заявлял о своей невинности, что в конце концов сами свидетели были тронуты и

признались в своей лжи. Но когда судьи собирались освободить осужденного, заключенный сам обратил их внимание на нарушение закона, который предписывал не верить свидетелям, отказавшимся от своих предыдущих показаний. "Если ты хочешь, - сказал осужденный юноша своему отцу, - чтобы спасение Израиля было совершено твоей рукой, считай меня всего лишь порогом, через который ты должен переступить без угрызений совести". И отец, и сын показали себя достойными своей возвышенной задачи - охранять неприкосновенность Закона, ибо для ее соблюдения один пожертвовал своей жизнью, а другой - своей отцовской любовью. Симон, иудейский Брут, позволил закону идти своим чередом, хотя он, как и все судьи, был убежден в невиновности своего сына.

Суровость фарисейского синhedриона, естественно, не пощадила лидеров саддукеев. Диоген, любимец Александра, и ряд других, которые посоветовали или санкционировали казнь 800 фарисеев, искупили этот акт жестокости своими жизнями. Наиболее выдающиеся из саддукеев начали испытывать беспокойство из-за этого постоянного преследования; они чувствовали, что меч правосудия навис над их головами, готовый обрушиться на них, если они будут виновны в малейшем нарушении Закона. Опасаясь за свою жизнь, они обратились ко второму сыну Александра, Аристобулу, который, не будучи горячим приверженцем саддукеев, был готов стать защитником их партии. Он отправил их вождей к Александру, горячо поблагодарив их за ее милосердие. Когда они предстали перед царицей, они напомнили ей о своих заслугах перед покойным царем и о том ужасе, который их имя когда-то внушало соседям Иудеи, и пригрозили предложить свои ценные услуги набафейскому царю Арете или сирийскому монарху. Они умоляли царицу предоставить им безопасное убежище в какой-нибудь крепости, где они не находились бы под постоянным наблюдением фарисеев. Мягкосердечная королева была так тронута слезами этих седовласых воинов, что доверила им командование большинством крепостей, оставив, однако, за собой три самых сильных — Гирканион, Александрион и Махер.

За время правления Александры не произошло никаких сколько-нибудь значимых политических событий. Тигран, царь Армении, повелитель почти всей Сирии, угрожал вторгнуться в некоторые иудейские провинции, которые ранее принадлежали Сирийскому царству. Близость этого правителя сильно встревожила царицу, и она попыталась ласковыми словами и богатыми подарками предотвратить соперничество с этим могущественным армянским царем. Тигран принял иудейское посольство и весьма учтиво принял подарки царицы, но они вряд ли помешали бы ему двинуться на Иудею, если бы он не был вынужден посвятить себя защите своей собственной страны от нападения римского полководца Лукулла (69).

Александра безнадежно заболела, и ее болезнь привела к самым печальным последствиям. Вспыльчивый и честолюбивый Аристобул, полагая, что мать назначила своим преемником его слабого брата Гиркана, тайно покинул столицу и, прибыв в галилейскую крепость Габата по соседству с Сепфорисом, на дружбу правителя которой, саддукея Галаиста, он мог положиться, настоял на том, чтобы она была полностью передана ему. Он разместил там гарнизон из наемников, предоставленных некоторыми второстепенными сирийскими трансиорданскими князьями и ордами разбойников Трахонита, и таким образом получил возможность держать под своим командованием большие силы. Гиркан и вожди Синhedриона, опасаясь надвигающейся гражданской войны, умоляли царицу принять меры, чтобы предотвратить ее, но безрезультатно. Александра пожелала им довериться армии, оставшимся верными крепостям и богатой казне и посвятила себя исключительно подготовке к смерти. Вскоре после этого, в 69 году, она

скончалась, оставив свой народ и свое королевство всем ужасам гражданской войны, которая в конечном итоге должна была уничтожить их дорого завоеванную независимость. Саломея Александра правила всего девять лет; она была свидетельницей счастливых дней свободы своего народа и, лежа на смертном одре, возможно, почувствовала в своей встревоженной душе предчувствие того, что приближается ночь рабства. Она была единственной царицей в истории Иудеи, чье имя дошло до нас с благоговением, и она также была последней независимой правительницей Иудеи.

ГЛАВА III. ГИРКАН II. АРИСТОБУЛ II.

Братья борются за трон—Соглашение между братьями—Идумеянин Антипатр—Слабость Гиркана—Арета осаждает Иерусалим—Вмешательство Рима—Помпей в Иерусалиме—Иудейская колония в Риме—Флакк в Малой Азии—Речь Цицерона против иудеев—Ослабление власти Синhedриона—Шемайя и Абталион—Насильственная смерть Аристобула и его сына Александра—Юлий Цезарь и иудеи—Сыновья Антипатра Фазаил и Ирод—Ирод перед Синhedрионом—Операции Кассия в Иудее—Малих—Антигон в роли царя—Ирод сбегает в Рим.

69-40 гг. до н. э.

Когда Провидение предопределяет, что государство должно быть уничтожено, нет события, которое с большей уверенностью ускорило бы его падение, чем раздоры между двумя соперничающими партиями за обладание тронem. Благороднейшие защитники прав нации тогда неизменно выстраиваются друг против друга, пока, наконец, гражданские войны, в которых они участвуют, обычно не передаются какому-нибудь иностранному правителю, чье иго тем более невыносимо, что он неизменно предстает в образе миротворца с оливковой ветвью в руке.

Смерть королевы дала первый толчок войне, которая вспыхнула между двумя братьями и разделила нацию на два лагеря. Умиравшая мать завещала трон Гиркану II, своему старшему сыну, по праву его рождения. Он, чьи добродетели украсили бы скромную жизнь частного лица, но который был бы всего лишь равнодушным правителем даже в мирную эпоху, определенно не годился для правления в смутные времена. Своим добродушием он причинил больше вреда, чем многие другие могли бы причинить актами тирании. Его младший брат был прямой противоположностью ему по характеру. Трусость Гиркана резко контрастировала с безрассудной храбростью Аристобула, качеством, которым он напоминал своего отца Александра. Вдобавок к этому, он обладал безграничными амбициями, которые заслоняли от него практические соображения и покинули его только с последним вздохом. Его целью было стать могущественным правителем Иудеи и с помощью имеющихся в его распоряжении средств подчинить соседние страны своему правлению. Но его опрометчивая порывистость помешала ему добиться успеха, и вместо того, чтобы стяжать лавры, он навлек только презрение на себя и свою нацию. Едва Александра скончалась, как Аристобул во главе своих наемников и последователей-саддукеев двинулся маршем на Иерусалим с целью свергнуть с

престола своего брата. На стороне Гиркана были фарисеи, народ и армия. Жена и дети Аристобула были заключены в качестве заложников в цитадели Барис в Иерусалиме. Братья встретились в Иерихоне, каждый во главе своей армии. Гиркан потерпел поражение и бежал в Иерусалим, большая часть его войск перешла на сторону Аристобула. Младший брат атаковал и захватил Храм, где укрылись многие из его противников. Гиркану пришлось сложить оружие, когда он увидел, что захватчик является хозяином святилища и столицы. Два брата снова встретились, договорились заключить мир и подписали свой завет в Храме. Аристобул, как более способный править, должен был носить царскую корону, в то время как Гиркан должен был сохранить диадему верховного жреца. Это соглашение было ратифицировано женитьбой сына Аристобула Александра на Александре, дочери Гиркана.

Аристобул II, достигший царского достоинства удачным ударом оружия, по-видимому, никоим образом не вызвал неудовольствия фарисеев. Положение двух партий в Иудее теперь приняло иной характер, и они могли бы исчезнуть как партии, если бы не появление человека, чьи безмерные амбиции и личные интересы выдвинули его на первый план, и который вместе со своей семьей стал вампиром нации, высасывающим ее благороднейшую кровь. Этим человеком был Антипатр, потомок знатной идумейской семьи, который, как и все другие идумеи, был принужден Иоанном Гирканом принять иудаизм. Никогда еще ошибочный поступок не карался так уверенно и быстро. Фанатизм Гиркана I теперь должен был навлечь разорение на его дом и семью. Богатство и дипломатические таланты Антипатра возвысили его до поста сатрапа Идумеи во время правления Александра Яннея и его царицы. Его обходительные действия и щедрые подарки завоевали расположение не только его соотечественников, но и жителей Газы и Аскалона.

Гиркан II, которому в его беспомощности требовался проводник, оказал свое доверие Антипатру, который злоупотребил им и использовал свое влияние в своих интересах. Идумеянин не упускал возможности напомнить Гиркану о той унижительной роли, которую ему пришлось сыграть в том, что он был призван на трон только для того, чтобы уступить его своему младшему брату. Антипатр так успешно воздействовал на его чувства, заставляя его поверить, что Аристобул на самом деле планировал его смерть, что Гиркан поддался искушению нарушить завет, который он поклялся соблюдать, призвав иностранного правителя для решения вопроса о притязаниях двух братьев. Антипатр заранее обсудил свои планы с Аретой, царем набафеев. Однажды ночью он бежал из Иерусалима, взяв с собой Гиркана, и форсированным маршем прибыл в Петру, столицу Набафейского царя. Арета был готов помочь Гиркану, получив щедрую взятку от Антипатра и имея перспективу вернуть двенадцать городов к востоку и югу от Мертвого моря, которые были так дорого куплены хасмонеями. Поэтому он двинулся на Иудею с армией в пятьдесят тысяч человек, численность которой была увеличена последователями Гиркана (66). Таким образом, мир, которым нация наслаждалась почти три года, был нарушен на долгие дни коварными амбициями Антипатра и безграничной глупостью Гиркана.

Арета осадил Иерусалим в начале весны. Чтобы избежать столь прискорбного зрелища, многие из наиболее выдающихся иудеев (вероятно, некоторые из фарисейских лидеров среди них) бежали из столицы в Египет. Осада длилась несколько месяцев, крепкие стены города в определенной степени компенсировали недостаточное количество воинов Аристобула. Но провизия начала заканчиваться, и, что было гораздо более серьезным соображением для благочестивых иудеев, количество животных, необходимых для жертвоприношений, особенно

для приближающегося праздника Пасхи, заметно уменьшалось. Но Аристобул полагался, и совершенно справедливо, на благочестие иудейских осаждающих, которые не посмели бы отказаться от требуемых жертв для алтаря. Он приказал каждый день спускать со стен корзины, содержащие цену ягнят, которые были положены в корзины и выплачены взамен. Но поскольку осада затягивалась и конец казался далеким, какой-то советник — мы можем предположить, что это был Антипатр — посоветовал Гиркану поторопиться с финальной сценой и воздержаться от поставки жертвенного ягненка. В корзине, которую опустили после того, как был дан этот совет, когда ее получили за городскими стенами, была обнаружена свинья. Это оскорбление Закона вызвало чувство отвращения у осажденных и так глубоко повлияло на них, что впоследствии Синхедрион запретил разведение свиней.

Приверженцы Гиркана были виновны еще в одном чудовищном поступке. Среди тех, кто покинул осажденный город, был благочестивый человек по имени Ония, который однажды успешно помолился о дожде во время засухи. Солдаты Гиркана вытащили его из его уединенного убежища и, веря, что Небеса снова ответят на его молитву, приказали ему наложить проклятие на Аристобула и его последователей. Но вместо того, чтобы разразиться проклятиями, старик воскликнул с подобающим достоинством: "Владыка вселенной, поскольку и осажденные, и осаждающие принадлежат к Твоему народу, я умоляю Тебя не исполнять злых молитв ни одной из сторон". Грубые солдаты не могли понять чувств, вызвавших такие слова, и убили его, как преступника. Они думали, что таким образом смогут заставить замолчать дух иудаизма, восставший против этой гражданской войны. Но хотя могущественные страны пренебрегли всеми благими чувствами, люди были глубоко огорчены и верили, что землетрясение и ураган, опустошившие Палестину и другие части Азии в то время, были видимыми знаками Божественного гнева.

Но более ужасным, чем землетрясение или ураган, был предвестник зла, появившийся в Иудее, "зверь с железными зубами, медными когтями и каменным сердцем, который должен был многое пожирать, а остальное попираť ногами", который пришел к иудейскому народу, чтобы выпить его кровь, съесть его плоть и высосать его мозг. Пробил час, когда римский орел в быстром полете должен был обрушиться на наследие Израиля, бешено кружа над истекающим кровью народом, нанося ему жестокие раны и, наконец, оставляя от него труп.

Подобно неумолимому року, Рим следил за судьбами народов Западной Азии, грабя, разделяя и разрушая. Иудее была уготована та же участь. Хищная птица с поразительной точностью учуяла свою добычу издалека и поспешила погасить последнюю искру жизни. Впервые оно пришло в Иудею в лице Скавра, легата Помпея. Отправляясь в Азию, Скавр надеялся обменять незначительное положение в своей собственной стране на могущественное положение в чужих землях. Он воображал, что в Сирии он мог бы приобрести богатство и почести, но, обнаружив, что в этой стране уже водятся другие хищные птицы, он обратил свое внимание на Иудею. Там он был тепло встречен братьями-соперниками, которые смотрели на него как на арбитра в своих трудностях. Они оба отправили послов встретить его, и поскольку они знали, что римляне равнодушны к золоту, они позаботились о том, чтобы не предстать перед ним с пустыми руками. Но дары Аристобула возобладали; он прислал триста талантов, в то время как Гиркан, или, точнее говоря, Антипатр, дал мало, кроме обещаний. Интересы рима вполне соответствовали жадности Скавра. Республика, опасаясь роста его власти, начала с того, что настояла на том, чтобы набафейский царь прекратил гражданскую войну в Палестине; таким

образом, Скавр смог приказать Арете снять осаду Иерусалима. Арета подчинился, но был настигнут со своей армией в Раббат-Аммоне войсками Аристобула и разбит.

На мгновение Аристобул мог вообразить себя победоносным монархом Иудеи. Направление, которое приняла римская государственная мудрость, и медленные, обдуманые действия, которые полководец Помпей применил против Митридата, внушили ему иллюзию, что его монархия будет длительной. Любитель войны, как и его отец, он немедленно начал совершать набеги на соседние провинции, а также организовал флот для военных целей. В течение двух лет Аристобул лелеял эту тщеславную мечту, и, возможно, он даже хотел продемонстрировать свою независимость, приказав в течение этого промежутка времени чеканить монеты от своего имени. Но изобретательный гений Антипатра вскоре развеял эту мечту, ибо в искусстве подкупа и дипломатии он намного превосходил Аристобула. Антипатр уже убедил Скавра встать на сторону Гиркана и завоевать для него расположение Помпея, который в это время стяжал лавры в Сирии. Помпей рассматривал ссору между двумя братьями как отличное средство для того, чтобы добавить еще одно завоевание к своему длинному списку триумфов. Хотя Аристобул сделал ему великолепный подарок, ценный как с точки зрения искусства, так и по своим внутренним достоинствам, состязание не было доведено до конца. Этот дар состоял из золотой виноградной лозы с золотыми гроздьями винограда и золотыми листьями, оцененной в пятьсот талантов, и, вероятно, она была задумана царем Александром для украшения Храма. Это произведение искусства вызвало восхищение всех, кто его видел, и по этой причине Помпей поспешил отправить его в Рим, где оно было помещено в Храме Юпитера на Капитолии, как предвестник его триумфов. Но благочестивые иудеи, естественно, не допустили, чтобы их собственное святилище было лишено такого украшения, и спонтанно делали пожертвования, одни в виде золотых гроздей, другие - в виде золотых листьев; так что еще одна золотая лоза в более поздние дни украсила внешний двор Храма.

Хотя тщеславию Помпея польстил этот великолепный подарок, он был далек от того, чтобы принять решение в пользу дарителя. У него хватило наглости приказать Антипатру и Никодиму, двум посланцам братьев-соперников, приказать своим хозяевам лично явиться в Дамаск, где должен был обсуждаться спорный вопрос и где он должен был принять решение в пользу одного из двух принцев. Несмотря на глубокое унижение, которое испытывал каждый, и Гиркан, и Аристобул явились и подтвердили свои личные притязания; один опирался на свои права рождения, другой - на свою способность управлять. Но перед Помпеем предстала и третья сторона, которая должна была представлять права нации, помимо разгневанных принцев. Устав от хасмонеи распрей, возникла республиканская партия, которая была готова управлять иудейской общиной в соответствии с буквой Закона без наследственного суверена. Республиканцы особенно жаловались на то, что последний из хасмонеи изменил иудейскую форму правления с иерархии на монархию, чтобы низвести нацию до состояния рабства. Помпей, однако, не обращал внимания ни на ропот республиканцев, ни на доводы двух братьев. В его намерения не входило положить конец междоусобице; чего он желал, так это под видом мирного арбитра подчинить Иудею римскому правлению. Вскоре он увидел, что слабоумный Гиркан (находящийся под опекой хитроумного министра) был бы лучше приспособлен для роли подопечного Рима, чем дерзкий Аристобул, и он внутренне решил поддержать более слабого правителя. Но так как он опасался, что своим слишком опрометчивым решением он будет лишь втянут в долгое состязание с Аристобулом в недоступной стране и что он только отсрочит свое триумфальное вступление в Рим, он попытался отделаться от младшего брата пустыми обещаниями. Аристобул, однако, разгадал ловушку, которая была приготовлена для него, и

решил позаботиться о своей свободе, пока еще было время. Поэтому он окопался в цитадели Александриона, намереваясь противостоять вторжению врага со стен крепости. Но римская жадность к завоеваниям должна была теперь проявиться во всей своей отвратительной наготе.

Римскому военачальнику было приятно рассматривать оправданный акт самообороны этого принца как свидетельство неподчинения и обращаться с ним как с упрямым мятежником. Он перешел Иордан в Вифсаоне и, вступив в бой против Аристобула, приказал ему сдаться, подкрепив этот приказ серией обманчивых обещаний и серьезных угроз, которые побудили бы более хитрого человека сделать ложный шаг. Несчастный принц сдал крепость Александрион, но вскоре, раскаявшись в своей глупости, вернулся, чтобы укрепиться за мощными стенами Иерусалима, куда Помпей последовал за ним. Когда римский военачальник прибыл в Иерихон, он, к своему бесконечному удовлетворению, услышал о самоубийстве Митридата, великого и опасного врага римского государства, и почувствовал, что теперь ему осталось только подчинить Аристобула, прежде чем праздновать свои триумфы в Риме. Казалось, что эта цель будет легко достигнута, ибо Аристобул, движимый страхом, с раскаянием припал к ногам Помпея, осыпая его подарками и обещая передать Иерусалим в его руки. С этой целью Аристобул направился к столице в сопровождении легата Габиния; но их наступление было отбито патриотами, которые закрыли перед ними ворота Иерусалима, и Помпей был вынужден повести свою армию на город. Гирканцы, или миролюбцы, как их называли, открыли врагу свои ворота; но патриоты окопались на горе Святилища и, разрушив мост, соединявший Храм с городом, приготовились к отчаянной обороне. Помпей, во многом против своей воли, обнаружил, что оказался втянут в обычную осаду, поскольку Храмовая гора была сильно укреплена. Затем он послал в Тир за своими таранами и приказал срубить деревья для наведения мостов через рвы. Осада длилась долго и могла бы продолжаться еще дольше, если бы штурм крепости не был облегчен для осаждающих строгим соблюдением патриотами субботнего дня. В соответствии либо с фарисейским, либо с саддукейским толкованием Закона, осажденные заявляли, что им разрешено сопротивляться нападению захватчиков в субботу, но что они посягают на святость этого дня, если они просто защищают стены от натиска врага. Как только римляне осознали это различие, они обратили его в свою пользу. В субботу они оставили свое оружие в покое и упорно трудились над разрушением стен. Так случилось, что в одну из суббот, в месяце Сиван (июнь 63 г. до н.э.), упала башня Храма и образовалась брешь, через которую самые отважные из римлян проложили путь для проникновения в Святилище. Римские легионы и иностранные наемники столпились во дворе Храма и убили священников, когда они приносили жертвы перед алтарем. Многие из несчастных жертв бросились очертя голову с зубчатых стен в глубины подземелья, в то время как другие разожгли свой собственный погребальный костер. Считается, что двенадцать тысяч иудеев встретили свою смерть в этот день. Затем Помпей проник в Святилище, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно природы иудейского богослужения, о котором ходили самые противоречивые сообщения. Римский полководец был немало удивлен, не обнаружив в священных нишах Святой Святынь ни ослиной головы, ни каких-либо изображений. Таким образом, злонамеренные вымыслы, усердно распространяемые александрийскими писателями и носящие столь пагубный для иудеев характер, теперь были признаны ложными. Вступление римского завоевателя в Храм, хотя и было достаточно прискорбным, в некотором смысле благоприятствовало иудаизму. То ли его охватил благоговейный трепет перед возвышенной простотой Святой Святынь, то ли он не хотел, чтобы его назвали грабителем святилищ, мы не знаем; но, как ни удивительно, Помпей обуздал свою жадность к золоту и оставил нетронутой казну, содержащую 2000 талантов. Но с

этого часа независимость нации прекратилась навсегда. Ровно через столетие после того, как Маккавеи освободили свой народ от тирании сирийцев, их потомки обрушили на Иудею тиранию римлян.

Чего добился Гиркан, обратившись за помощью к Республике? Помпей лишил его царского титула, оставив ему только достоинство первосвященника с сомнительным названием этнарх, и сделал его подопечным Антипатра, который был назначен губернатором страны. Стены Иерусалима были стерты с лица земли, Иудея переведена в разряд завоеванных провинций, а со столицы был взиман налог. Территория была заключена в более узкие рамки, и ее протяженность снова стала такой, какой она была в дохасмонеевские времена. Несколько морских портов, расположенных вдоль побережья и населенных греками, а также те заиорданские города, которые Гиркан и Александр завоевали после упорных боев и объединили с Иудеей, были объявлены Помпеем свободными городами и переданы под опеку римского наместника Сирии. Но эти города, особенно трансиорданские, объединились в оборонительную и наступательную лигу, назвав себя Декаполисами. Помпей приказал казнить самых решительных из своих военнопленных, зелотов, в то время как остальные были доставлены в Рим. Иудейский царевич Аристобул, его сын Антигон, две его дочери и его дядя Авессалом были вынуждены идти впереди триумфальной колесницы Помпея в свите побежденных азиатских царей и царских сыновей. В то время как Сион скрывал свою голову в трауре, Рим упивался своими победами; но иудейским пленникам, которых притащили в Рим, суждено было стать ядром сообщества, которому суждено вести новый вид войны против давно устоявшихся римских институтов и, в конечном счете, изменить или частично разрушить их.

Без сомнения, до завоеваний Помпея в Риме и других итальянских городах жило много иудеев, которые, возможно, эмигрировали в Италию из Египта и Малой Азии с коммерческими целями. Как торговцы, привозившие зерно из страны Нила или дань из Малой Азии, они, возможно, вступали в контакт с римскими властителями. Но эти эмигранты вряд ли могли сформировать регулярную общинную организацию, поскольку среди них не было авторитетных законоучителей. Однако, вероятно, некоторые ученые мужи могли последовать за Помпеем в свите пленников, которых их соотечественники выкупили и убедили остаться в Риме. Потомки этих заключенных назывались по римскому праву *либертины* (освобожденные). Иудейский квартал в Риме располагался на правом берегу Тибра, на склоне горы Ватикан, и мост, ведущий через эту реку в Ватикан, долгое время был известен под названием "Мост иудеев" (*Pons Judæorum*). Феод, один из иудеев, поселившихся в Риме, ввел в своей общине заменитель пасхального агнца, которого нельзя было есть за пределами Иерусалима и потеря которого была горьким лишением для изгнанников. Это вызвало недовольство иудеев на родине, которые написали Феодусу: "Если бы ты не был Феодусом, мы бы отлучили тебя от церкви".

Римские иудеи в определенной степени влияли на ход римской политики. Ибо, поскольку первоначальные эмигранты, так же как и выкупленные пленники, пользовались правом голоса в общественных собраниях, они иногда могли своими совместными действиями по заранее разработанному плану, своим усердием, своим умеренным и бесстрастным пониманием ситуации, возможно, также своим острым умом, склонить чашу весов в каком-нибудь популярном вопросе. Их скрытое влияние было настолько важным, что красноречивый, но нетерпимый Цицерон, научившийся ненавидеть иудеев у своего учителя Аполлония Молона,

однажды побоялся дать выход своим антииудейским чувствам в публичной речи, опасаясь настроить их против себя. Ему пришлось защищать несправедливое дело претора Флакка, которого обвиняли в многочисленных поборах во время его правления малоазийскими провинциями. Среди прочего, Флакк завладел храмовыми пожертвованиями (*aurum Judæorum*), пожертвованными общиной Малой Азии, — около двух сотен фунтов золота, собранных иудейскими жителями городов Апамея, Лаодикия, Адрамиттиум и Пергам (62). Чтобы оправдать свои действия, Флакк сослался на постановление сената, которым запрещался всякий вывоз денег из Рима в иностранные провинции; и хотя Иудея была завоевана римским оружием, все же она не удостоилась чести быть зачисленной в число провинций Республики. Римские иудеи были чрезвычайно заинтересованы в этом судебном процессе, и многие из них присутствовали среди населения. Трусливый Цицерон так боялся их, что предпочел бы говорить тихо, чтобы его услышали Судьи, но не иудеи. В ходе своей защиты он использовал недостойный софистический прием, который мог бы произвести впечатление на какого-нибудь фанатичного римлянина, но который вряд ли мог удовлетворить интеллигентный ум. "Требуется большая решительность характера, - сказал он, - чтобы выступить против варварских суеверий иудеев и, ради блага нашей страны, проявить должное презрение к этим мятежным людям, которые вторгаются на наши общественные собрания. Если Помпей не воспользовался правами завоевателя и оставил сокровища Храма нетронутыми, мы можем быть уверены, что он сдержался не из почтения к иудейскому святилищу, а из хитрости, чтобы не дать подозрительному и клеветническому иудейскому народу возможности обвинить его; ибо в противном случае он вряд ли пощадил бы иностранные, а тем более иудейские святилища. Когда Иерусалим был непокорен и когда иудеи жили в мире, они проявляли глубоко укоренившуюся антипатию к славе Римского государства, к достоинству римского имени и к законам наших предков. Во время последней войны иудейский народ наиболее эффективно доказал, как люто они нас ненавидят. Как мало эта нация любима бессмертными богами, теперь очевидно, когда ее страна завоевана и сдана в аренду". Какое впечатление произвела эта речь на аудиторию и какое решение было принято в отношении Флакка, неизвестно. Год спустя Цицерон был приговорен к изгнанию. Его не разрешалось видеть ближе чем в восьмидесяти милях от Рима, а его виллы были стерты с лица земли.

После ухода Помпея из Сирии рабство, наложенное на расчлененную Иудею, стало еще более обременительным, чем раньше, потому что она оказалась в аномальном состоянии частично завоеванной провинции и частично независимой страны. Могущественный министр Гиркана способствовал тому, чтобы это состояние стало длительным и гнетущим. Он пытался укрепить свои связи с Римом щедрыми подарками, надеясь, что Республика поддержит его, несмотря на его непопулярность среди иудейского народа, который ненавидел его как причину своего порабощения. В поте лица Иудеи он поддерживал римского полководца Скавра, который начал кампанию против набатейского царя Ареты. Тем временем Александр II, старший сын Аристобула, бежав из плена и прибыв в Иудею, заручился поддержкой патриотов и, встав во главе полутора тысяч всадников и десяти тысяч пехотинцев, двинулся на Иерусалим. Гиркан, или, точнее говоря, его учитель Антипатр, не смог противостоять столь многочисленным силам и оставил столицу Александру, который вошел в нее и укрепил. Великая римская держава сражалась попеременно на обеих сторонах, в зависимости от взяток, которые предлагались ее чиновникам. Александр чувствовал себя настолько уверенно в своем положении, что отчеканил монеты со следующей надписью на греческом и иврите: "Царь Александр и первосвященник Ионафан". Однако Авлу Габинию, правителю Сирии и самому беспринципному из римских

грабителей своего времени, удалось положить конец этому восстанию и подчинить Александра. Смертельный удар, ожидавший последнего, был предотвращен только его матерью, которая, обняв колени римского военачальника, умоляла его проявить милосердие к ее сыну.

Габинию удалось ослабить единство Иудейского государства, которое в последнее время столь недостойно представлял последний из хасмонеев, но за целостностью которого всегда так ревностно следил Великий Совет. Иудея больше не должна была быть независимым государством с самоуправлением и законодательной властью по всей стране, но должна была быть разделена на пять провинций, каждая из которых имела свой собственный независимый сенат или Синхедрион для контроля за внутренними делами. Эти собрания проводились в специально отведенных городах, в Иерусалиме, Газаре, Эммаусе, Иерихоне и Сепфорисе; и иудеи, выбранные из аристократической партии, которые были хорошо расположены к Риму, были поставлены во главе этих советов.

Хотя факт расчленения государства свидетельствовал в пользу политической проницательности Габиния, все же он обманывал себя, полагая, что в конечном итоге его планы увенчаются успехом. Поскольку Синхедрион вырос из самой сокровенной жизни целой нации и не был навязан ей внешними влияниями, разрушить его централизованную власть было нелегко. Едва была введена новая схема разделения Иудеи на пять провинций, как она исчезла вместе с Габинием, не оставив никаких следов своего существования. Великий Совет, как и прежде, оставался сердцем народа, но его власть была ослаблена неблагоприятными обстоятельствами. С того времени он стал называться "Синхедрион", а чтобы отличать его от малых Советов, - "Великий Синхедрион". Но она не могла похвастаться какой-либо политической властью, поскольку теперь она была полностью в руках римлян. Симона бен Шетаха, знаменитого президента Совета, сменили два его самых выдающихся ученика, Шемайя (Самеас) и Абталион (Поллион). Мы можем проследить чувства отчаяния того поколения в некоторых из их высказываний, которые дошли до нас: "Люби свое ремесло и избегай управления; отдались от мирской власти". "Будьте благоразумны в своих словах, - сказал Абталион законодателям, - не навлекайте на себя наказание изгнанием, ибо вашим ученикам пришлось бы последовать за вами в страну, полную порабащающих влияний (ядовитых вод), которые они впитали бы, и священное имя Бога было бы осквернено из-за них". Эти два президента Синхедриона, по-видимому, были александрийскими иудеями, или, по крайней мере, они, должно быть, провели несколько лет изгнания в Александрии, возможно, со своим учителем Иудой бен Таббаем.

В течение их двадцати пяти лет официальной жизни (60-35), в то время как политическая власть Синхедриона шла на убыль, их энергия, по-видимому, была направлена на его внутреннюю или моральную силу. Они собрали вокруг себя круг усердных учеников, которым они обучали догматам Закона, их происхождению и применению. В последующие века они действительно обладали настолько глубокими знаниями Закона, что цитирование Шемайи или Абталиона в поддержку толкования считалось неоспоримым доказательством его точности. Один из их самых выдающихся и благодарных учеников назвал их "двумя великими людьми эпохи", и можно сказать, что особенно тщательное изучение Закона, которым фарисеи заслуженно прославились, произошло от них.

Некоторое время история Иудеи не содержала ничего, кроме рассказов о неподчинении римскому деспотизму и его печальных последствиях, о сценах угнетения и грабежа, а также о разграблении Храма. Аристобул, которому удалось бежать из Рима со своим сыном Антигоном,

теперь появился в Иудее. Правление римлян носило настолько возмутительный характер, что Аристокл, который в прежние времена не был любимцем, теперь был встречен с безграничным энтузиазмом. Не удалось раздобыть достаточного количества оружия для добровольцев, которые стекались в его лагерь. К нему присоединился Пифолай, иудейский военачальник, который когда-то служил полководцем у Гиркана. Аристокл встал во главе 8000 человек и немедленно приступил к переоборудованию цитадели Александриона, откуда он надеялся истощить римлян партизанской войной. Но его нетерпеливый нрав привел его к открытому сражению, в ходе которого большая часть его армии была полностью уничтожена, а остальные рассеяны. Все еще непокорный, Аристокл бросился с остатками своих сторонников в цитадель Махера, но при приближении римлян с их таранами он был вынужден капитулировать и во второй раз был отправлен со своими сыновьями в Римский плен (56).

Еще одно восстание, организованное его сыном Александром, получившим свободу от всемогущего тогда Помпея, было обречено на столь же катастрофический исход. Раздраженные притеснениями правителя Сирии, жители этой несчастной страны послали армию в 30 000 человек на соединение с Александром. Они начали с того, что убили всех римлян, которые попадались им на пути, поскольку войска Габиния были недостаточно сильны, чтобы противостоять им. Но Правителю хитростью удалось вывести из своих рядов некоторых сторонников Александра, а затем склонить иудейского князя к открытому сражению. У горы Фавор (в 55 году) иудеи потерпели сокрушительное поражение.

Тем временем трое самых выдающихся людей Рима — Юлий Цезарь, отличавшийся блестящей проницательностью, Помпей — своей военной славой, и Красс — своим несметным богатством — согласились свергнуть власть сената и управлять делами государства по своему усмотрению. Триумвиры начали с разделения самых прекрасных земель на провинции, которые они присвоили по отдельности. Сирия досталась на долю Красса, который был чрезвычайно скуп, несмотря на свои огромные богатства. Иудея с этого времени была присоединена к Сирии совершенно естественно. Выступая в поход против парфян, Красс свернул со своего пути, чтобы войти в Иерусалим, соблазнившись богатой сокровищницей Храма. Он не скрывал своего желания завладеть двумя тысячами талантов, которые пощадил Помпей. Чтобы удовлетворить его жадность, благочестивый священник Элеазар передал ему солидный слиток золота, о существовании которого, спрятанного в поломанном посохе из причудливо вырезанного дерева, священники не знали. Получив этот дар, Красс торжественно поклялся, что сохранит сокровищницу Храма. Но когда было известно, что обещание, данное римлянином иудею, имеет обязательную силу? Он взял золотой слиток, две тысячи талантов и все золотые сосуды Храма, которые стоили еще восемь тысяч талантов (54). Нагруженный этими и другими трофеями из Святыни, Красс выступил в поход против парфян; но римскому оружию всегда не удавалось покорить этот народ. Красс был убит, а его армия была настолько разбита, что его легат, Кассий Лонгин, вернулся в Сирию едва ли с десятой частью сотысячной армии (53). Парфяне преследовали ослабленную армию, и сирийцы, уставшие от римского ига, оказывали им тайную помощь. Иудеям это казалось благоприятным моментом и для их собственной эмансипации.

На долю Пифолая выпало собрать армию, которую он повел против Кассия. Однако удача всегда оставляла иудейское оружие, когда оно обращалось против римлян. Запертые в Тарихее на Тивериадском озере войска были вынуждены капитулировать. По настоящему

требованию Антипатра Кассий приговорил Пифолая к смерти, а тридцать тысяч иудейских воинов были проданы в рабство (52).

Но заключенный в тюрьму Аристобул снова лелеял надежду занять трон своего отца и изгнать Антипатра в безвестность. Юлий Цезарь, величайший человек, которого когда-либо рождал Рим, открыто бросил вызов сенату и порвал со своим сподвижником Помпеем. Ожесточенная борьба между двумя римскими властителями зажгла факел войны в самых отдаленных провинциях Римской империи. Цезарь предоставил Аристобулу свободу и, чтобы ослабить влияние Помпея, отправил его с двумя легионами в Палестину, чтобы устроить диверсию в его пользу. Но сторонники Помпея ухитрились отравить иудейского царевича. Его последователи забальзамировали его тело в меду и отнесли в Иерусалим, где оно было похоронено рядом с телами хасмонеиных князей. Его старший сын, доблестный Александр, был обезглавлен по приказу Сципиона, последователя Помпея, в Антиохии. Вдова Аристобула и его оставшийся в живых сын Антигон нашли защиту у Птолемея, принца Халкиды, сын которого Филиппион влюбился в Александру, дочь Аристобула, и привел ее ко двору своего отца. Но Птолемей из преступной любви к собственной невестке убил своего сына и женился на вдове.

Антипатр продолжал быть верным союзником Помпея, пока римского полководца не постиг плачевный конец в Египте. Тогда идумеец предложил свои услуги цезарю. Когда великий полководец оказался в Египте без достаточных сил, без вестей из Рима, среди враждебно настроенного населения, Антипатр проявил трогательное стремление помочь ему, которое не осталось без награды. Он снабдил армию союзника Цезаря, Митридата, царя Пергама, всем необходимым и послал ему контингент иудейских войск; он помог ему в завоевании Пелузии и примирил египто-иудеев, которые приняли сторону его противника. Теперь он вполне мог отказаться от благосклонности Гиркана. Безрезультатно Антигон, последний оставшийся в живых сын Аристобула, добивался встречи с цезарем, в которой он подробно остановился на лояльности своего отца и своего брата римскому полководцу; Антипатру достаточно было показать свои раны, которые он получил в самой последней кампании, чтобы одержать победу над своим соперником. Цезарь, который умел разбираться в людях и который сам восстал против законного порядка вещей, достаточно хорошо знал, как ценить лояльность и энергию Антипатра, и не поддержал законных притязаний Антигона. Из уважения к Антипатру (47) Гиркан был провозглашен первосвященником и этнархом, а Иудее было предоставлено некоторое облегчение от ее бремени. Стены Иерусалима были восстановлены, провинции, которые ранее принадлежали Иудее, а именно Галилея, города на равнинах Изреель и Лидда, снова стали частью ее территории. Иудеи больше не были вынуждены обеспечивать римские легионы зимними квартирами, хотя землевладельцы были обязаны каждые два года отдавать четвертую часть своего урожая римским войскам.

Цезарь был совершенно благосклонен к иудеям и вознаградил их за верность. Александрийским иудеям он даровал множество привилегий, подтвердив их давнее равенство с греками и разрешив им управлять своим собственным князем (этнархом). Храму снова были щедро предоставлены деньги. Цезарь обеспечил доставку припасов по назначению. Он запретил греческим жителям Малой Азии приставать к иудеям этих провинций, вызывать их в суды в субботу, вмешиваться в их общественные собрания и строительство синагог и вообще мешать им соблюдать религиозные обряды (47-44). Цезарь, должно быть, также проявил свою щедрость к иудейской общине в Риме, поскольку они проявляли самую горячую преданность его памяти.

Но, несмотря на все эти милости, иудейская нация в целом оставалась холодной и отстраненной. Зарубежные общины иудеев могли благословлять Цезаря как своего благодетеля, но палестинские иудеи могли видеть в нем только римлянина, покровителя ненавистных идумеян. Отношение народа было настолько вызывающим, что Антипатр почувствовал себя вынужденным пригрозить недовольным тройным гневом цезаря, Гиркана и самого себя, в то время как он обещал щедрую награду послушным и лояльным иудеям. Тем временем небольшой отряд людей, взятых из армии Аристобула, собрался под командованием Иезекии на одной из горных вершин Галилеи, где они только ждали удобного момента, чтобы поднять знамя восстания против Рима. Римляне, правда, смотрели на эту маленькую армию только как на шайку разбойников, а на Иезекию - как на разбойничьего вожака, но для иудеев они были мстителями за свою честь и свободу. Ибо они были глубоко огорчены тем, что Антипатр передал бразды правления в руки своих сыновей и что он заботился только о растущем могуществе своего дома. Из четырех сыновей, рожденных ему Кипросом, дочь царя Аравии, он провозгласил старшего Фазаила наместником Иерусалима и Иудеи, а второго, двадцатилетнего юношу Ирода, наместником Галилеи.

Этому принцу было суждено стать злым гением иудейского народа; именно он привез ее связанной пленницей в Рим; именно он торжествующе возложил ноги на ее шею. Подобно зловещему облаку, отягощенному несчастьем, он, кажется, с самого начала отбросил мрачную тень на жизнь нации, которая по мере своего медленного, но верного продвижения погасила всякий свет в сгущающейся тьме и затормозила всякий рост, пока не осталось ничего, кроме сцены запустения. Верный политике своего отца, Ирод начал с того, что подло польстил Риму и ранил иудейский дух. Чтобы снискать расположение цезаря, а также обеспечить безопасность своей семьи, он предпринял кампанию против последователей Иезекии; он захватил главаря банды и без какого-либо суда или демонстрации справедливости приговорил его и его последователей к обезглавливанию. Сирийцы и римляне горячо расточали ему похвалы и благодарности; его называли "Покорителем разбойников"; но пока Секст Цезарь, римский наместник Сирии, осыпал его милостями, все истинные патриоты скорбели.

Горькая деградация, которую претерпел народ от рук этой идумейской семьи, вдохновила некоторых из самых выдающихся иудеев рассказать слабому Гиркану об истинном положении их самих и о новом положении их первосвященника. Они объяснили ему, что его достоинство - всего лишь пустое название, что вся реальная власть принадлежит Антипатру и его сыновьям. Они указывали на казнь Иезекии и его последователей как на акт вопиющего неуважения к Закону. Эти горькие жалобы мало подействовали бы на слабого Гиркана, если бы матери убитых не разрывали его сердце своими криками боли. Всякий раз, когда он появлялся в Храме, они бросались перед ним и умоляли его не допустить, чтобы смерть их сыновей осталась неотмщенной.

Наконец Гиркан разрешил Синхедриону вызвать Ирода в судилище. Но Антипатр не преминул предупредить своего сына об ужасной буре, которая собиралась над его головой, и об опасности входить в Иерусалим одному и безоружному; в то же время он предостерег его не появляться в окружении слишком большого количества войск и тем самым не вызывать подозрений Гиркана. Ирод явился в назначенное время, но с вооруженным эскортом и с письмом от Секста Цезаря, возлагавшим на царя ответственность за жизнь фаворита. Так наступил день великого испытания, которого все жители Иерусалима ожидали с лихорадочным нетерпением. Когда члены суда заняли свои места, обвиняемый, одетый в пурпур, с

агрессивным поведением и сопровождаемый своими последователями, предстал перед ними. При этом зрелище большинство обвинителей почувствовали, что мужество покинуло их; злейшие враги Ирода выглядели подавленными и пристыженными, и даже Гиркан был смущен. Наступило тягостное молчание, во время которого все стояли, затаив дыхание. Только один член Совета нашел слова, чтобы спасти падающее достоинство Совета, Президент Шемайя. Тихо и невозмутимо он заговорил: "Разве обвиняемый не намеревался предать нас смерти, если мы признаем его виновным? И все же я должен винить его меньше, чем короля и вас, которые терпят такое пренебрежение к Закону. Знайте же, что тот, перед кем вы все трепещете, однажды предаст вас мечу палача". Эти слова пробудили слабеющее мужество судей, и вскоре они показали себя такими же решительными, какими раньше казались трусливыми. Но Гиркан испугался их растущего гнева и приказал Совету отложить заседание. Тем временем Ирод, спасаясь от гнева народа, удалился и был сердечно принят в Дамаске Секстом Цезарем, который провозгласил его правителем Кесии (46). Осыпанный почестями, он был готов отомстить королю и Совету, когда его отец и брат Фазаэль убедили его принять более мягкие меры. Но он молча лелеял свою месть, полный решимости осуществить ее когда-нибудь в будущем.

Широко распространенные волнения, вызванные убийством Цезаря (44), вовлекли Палестину в новые смуты. Римские иудеи справедливо были настолько безутешны в связи со смертью этого великого человека, что провели несколько ночей в трауре рядом с могилой, в которой покоился его прах. Внутренняя борьба, кровавые войны, постоянные проскрипции были всего лишь трудовыми муками Рима, предшествовавшими рождению нового порядка вещей; но для Иудеи они были в известной степени новым приступом смертельной болезни. Главы республиканской партии вытеснили руководителей цезарианской партии, но только для того, чтобы через короткое время быть вытесненными ими снова; и это имело место не только в Иудее, но и в различных частях Римской империи. Республиканец Кассий Лонгин прибыл в Сирию с целью сбора войск и денег и потребовал, чтобы Иудея снабдила его 700 талантами. Кассий отчаянно спешил, ибо в любой момент его могли лишит верховной власти, с помощью которой он в то время управлял людьми и событиями в Сирии. Таким образом, он заковал жителей четырех палестинских городов в цепи и продал их в рабство, потому что их пожертвования не были доставлены достаточно быстро.

Глаза несчастного монарха Гиркана наконец открылись на тот факт, что идумеяне искали только своих собственных интересов под прикрытием горячей поддержки его дела. Он начал проявлять подозрения в своих отношениях с ними и обратился за поддержкой к настоящему и верному другу Малиху, который уже давно распознал двуличие идумеян. Гиркан еще ничего не знал о дьявольском заговоре, в результате которого он должен был быть свергнут с престола и который должен был возвести Ирода с помощью римских легионов на трон Иудеи. Но этот слух достиг ушей Малиха. Полный решимости избавить царя от ненавистного Антипатра, он ухитрился отравить его, когда тот пировал на пиру с Гирканом (43). Искоренная под корень, она, однако, не смогла уничтожить растущее зло, ибо Ирод превзошел своего отца не только в решительности и дерзости, но и в двуличии. Он отомстил за смерть Антипатра убийством Малиха. Все попытки погубить братьев-идумеян не увенчались успехом. Даже когда Ирод внезапно тяжело заболел, Фазаилу посчастливилось победить своих врагов. Заговор, задуманный Антигоном, сыном Аристобула II, поддержанный его родственником Птолемеом из Халкиды, с целью лишить идумеян их власти, также провалился, и Ирод вынудил Гиркана увенчать его гирляндой победы, когда тот вступал в Иерусалим. Чтобы обезоружить этого

ужасного и могущественного принца, Гиркан попытался привязать его к своему дому, обручив со своей внучкой Мариамной, прославленной в истории не меньше своей красотой, чем своими несчастьями. Жертва должна была быть связана с палачом узами брака, и ее собственная мать, Александра, помогла осуществить этот несчастный союз.

Удача так настойчиво улыбалась идумеянину, что все изменения в политическом мире, какими бы вредными они ни казались для его дела, только придавали ему большую власть.

Республиканская армия была полностью разгромлена при Филиппах (в 42 году), вожди Брут и Кассий покончили с собой, и римский мир лежал у ног второго триумvirата — Октавия, Антония и Лепида. Ирод и Фазаил с тревогой взирали на эти перемены, ибо разве они не проявляли самого горячего рвения к противникам триумvirата? Кроме того, некоторые из иудейской знати поспешили навстречу победителю Антонию в Вифинии, неся ему свои жалобы на жадность братьев-идумеян. Но Ирод вскоре нашел средство рассеять тучи. Он также предстал перед Антонием с мягким языком и готовыми деньгами. Антоний не преминул вспомнить, что раньше пользовался гостеприимством Антипатра. Он остался глух к иудейской знати и отпустил Ирода со знаками расположения. К голосу нации, который был услышан через ее послов, больше не прислушивались. Антоний приговорил некоторых из несчастных послов к заключению в тюрьму, а других к казни, в то время как двух братьев-идумеян он провозгласил правителями Иудеи с титулом "тетрарх".

Одно время казалось, что эта постоянная удача вот-вот покинет братьев-идумеян и вернется в дом Хасмонеев. Парфяне, подстрекаемые беглым римским республиканцем Лабиеном, совершили под командованием сына своего царя Пакора и его военачальника Варзафарна вторжение в Малую Азию и Сирию, в то время как Марк Антоний пировал при дворе очаровательной царицы Клеопатры. Парфяне, враги римской республики, также были яростно настроены против Ирода и Фазаила; они стали враждебны вдвойне из-за своей связи с Лисанием, сыном Птолемея, который был в родстве с домом Аристобула и который пообещал большие награды парфянским военачальникам, если они сметут с пути ненавистных братьев, свергнут Гиркана и коронуют Антигона. Парфяне согласились с этим планом и, разделив свою армию на два отряда, двинулись морским побережьем и внутренней дорогой на Иерусалим. На каждом шагу их встречали и присоединялись к ним иудейские войска, которые опережали их в спешке прибыть в столицу. Войдя в Иерусалим, они осадили дворец Хасмонеев и устремились к Храмовой горе. Простые люди, несмотря на то, что были безоружны, поддерживали захватчиков. Приближался праздник Пятидесятницы, и толпы верующих со всех концов Иудеи стекались в Иерусалим; они также заявили, что поддерживают Антигона. Идумеи удерживали дворец и его крепость, а захватчики - город. Пакор, царский виночерпий, наконец убедил Гиркана и Фазаила отправиться в качестве посланников мира к военачальнику Варзафарну, в то время как Ирод находился под пристальным наблюдением. По прибытии в Экдиппу два несчастных посла были брошены в тюрьму, где Фазаил покончил жизнь самоубийством, а Гиркану отрезали уши, чтобы впоследствии лишить его возможности занимать жреческий пост. Также строились заговоры, направленные на свержение Ирода, но, предупрежденный некоторыми верными последователями своего брата, он ухитрился сбежать из своего дворца ночью. В сопровождении своей невесты Мариамны и женщин-членов своей семьи он поспешил в крепость Масада, которую оставил под командованием своего брата Иосифа, удалившись сначала в Аравию, затем в Египет и, наконец, в Рим. Вслед за ним раздались проклятия народа. Теперь Антигон был провозглашен царем Иудеи (парфяне увели Гиркана в Вавилон) и, чувствуя себя по-настоящему монархом, отчеканил монеты со своими еврейскими и греческими

именами: "Маттафия, первосвященник и Содружество иудеев", а также "царь Антигон". Парфянские вспомогательные войска были распущены, и Антигон уничтожил последний римский контингент, который все еще удерживал некоторые крепости в Палестине. Так Иудея снова была освобождена от иностранных солдат и могла предаваться сладостным мечтам о вновь обретенной независимости после тридцати тяжелых лет внутренних смут и ужасных войн.

ГЛАВА IV. АНТИГОН И ИРОД.

Слабость Антигона и сила характера Ирода—Борьба за трон—Ирод становится царем—Проскрипции и конфискации—Политика Ирода—Отмена наследственного владения первосвященством—Смерть первосвященника Аристовула—Война с арабами—Землетрясение—Смерть последнего из Хасмонеев—Гиллель становится главой Синhedриона—Его Система традиций—Менахем Ессей—Шаммай и его школа—Мариамна—Великолепие и страсть Ирода к строительству—Ирод восстанавливает храм—Ирод казнит своих сыновей Александра и Аристовула—Антипатр и его интриги—Фарисеи при Ироде—Уничтожение Римского Орла—Казнь Антипатра и смерть Ирода.

40-3 гг. до н. э.

Несомненно, что Иудея черпала свое величие и независимость скорее из такта и дальновидности первых хасмонеев, чем из их умения владеть оружием; и точно так же она страдала от унижения и рабства из-за близорукости последних хасмонейских царей, которые не понимали, как использовать имеющиеся у них преимущества. События складывались наиболее благоприятно для того, чтобы Антигон получил расширенную власть. Римские лидеры были яростно настроены друг против друга. Провинции на востоке, неважные в глазах Октавия, рассматривались Антонием скорее как обитель роскоши и помпезности, чем как арена для военных свершений. Мягкие руки Клеопатры сделали грубое ложе богини войны неприятным для него. Парфяне, ненавидевшие алчность Рима, доблестно отразили нападение ее войск. Если бы Антигон понимал, как поддерживать ненависть народа к идумеянскому дому, римляне сами искали бы его как союзника, а не избегали бы как врага, настолько они жаждали помощи в сдерживании продвижения парфян. Горные племена Галилеи уже высказались в пользу Антигона; и Сепфорис, один из их городов, был превращен в арсенал; кроме того, пещеры Арбелы укрывали многочисленные банды флибустьеров, которые могли оказаться опасными для вражеского тыла. Но Антигон не был ни государственным деятелем, ни полководцем. Он не знал, как использовать разнообразный материал, который был у него под рукой. Все его силы были растрчены на тривиальные цели; его главной страстью была месть, которую он замышлял против Ирода и его братьев, и это тормозило, а не стимулировало его деятельность. Он не знал, как подняться на поистине царскую высоту, с которой он мог бы смотреть с презрением, а не с ненавистью на идумейских выскочек. За время своего правления, длившегося три с половиной года (40-37), он не предпринял ничего великого или решительного, хотя римские военачальники, которые ради видимости делали вид, что поддерживают Ирода, на самом деле обычно занимали нейтральную позицию.

Даже среди своего собственного народа Антигон не знал секрета привлечения влиятельных людей на свою сторону, чтобы они стояли или падали вместе с ним. Сами лидеры Синхедриона, Шемайя и Абталион, испытывавшие неприязнь к Ироду из-за его ошеломляющей дерзости, не были сторонниками Антигона. Несколько трудно полностью понять причину этого отвращения к хасмонейскому царю. Заявлял ли Антигон о верности саддукейским принципам, или между представителями царской власти и законоучителями существовала личная зависть? Одно обстоятельство, незначительное само по себе, заставляет нас поверить, что неприязнь возникла по последней причине. Однажды, в день Искупления, все собрание, согласно обычаю, последовало за первосвященником Антигоном по окончании богослужения из Храма в его собственную резиденцию. По дороге они встретили двух синхедристов, Шемайю и Абталиона; они оставили своего царя-священника, чтобы составить эскорт для своих любимых учителей Закона. Антигон, раздосадованный этим явным оскорблением, выразил свое неудовольствие синхедристам ироническим поклоном, на который они ответили таким же оскорбительным образом. Это досадное разногласие с самыми влиятельными людьми вкупе с отсутствием у Антигона полководческих способностей и государственного мастерства навлекло несчастье на него самого, его дом и нацию.

Его соперник Ирод, обладавший всеми теми качествами, которых ему не хватало, был человеком иного склада. Когда фортуна на какое-то время хмурилась к нему, он всегда мог вернуть ее улыбку. Его бегство из Иерусалима было для него таким отчаянным, что в какой-то момент он подумывал о самоубийстве. Его план сделать набатейского царя союзником провалился. Он скитался по иудейско-идумеанской пустыне, изгой и без гроша в кармане, но все же несломленный, и строил далеко идущие планы. Он повернулся к Египту; там Клеопатра предложила сделать его генералом своей армии, но он отказался, поскольку все еще цеплялся за надежду носить корону Иудеи. Он сел на корабль, направлявшийся в Рим, и, попав в шторм и чудом избежав кораблекрушения, прибыл к месту назначения в тот благоприятный момент, когда Октавий и Антоний еще раз согласовали Брундизийский мирный договор. Ему не составило труда убедить Антония, что он может оказать ему большую услугу в отражении нападения парфян, и он убедил его, что Антигон, возведенный парфянами на иудейский престол, всегда будет непримиримым врагом римлян. Антоний был полностью введен в заблуждение хитростью и изощренностью Ирода. Он благосклонно отзывался о нем с Октавием, который не осмеливался ни в чем ему отказать. Таким образом, в течение семи дней Ироду удалось добиться, чтобы сенат провозгласил его царем Иудеи, а Антигона объявил врагом Рима (40). Это был второй смертельный удар, который Рим нанес иудейской нации, отдав ее на милость чужеземца, полуиудея, идумеянина, которому нужно было отомстить за свои личные оскорбления. Иудея была вынуждена подчиниться и вдобавок платить дань - деньги Риму.

Ирод, видя, что его честолюбивые замыслы должны увенчаться успехом, теперь оставил Антония (который осыпал его почестями), чтобы принять пожалованный ему царский титул. Он покинул Рим и прибыл в Акко (39). Различные друзья снабжали его денежными суммами, и особенно Сарамалла, самый богатый иудей в Антиохии. На эти деньги он нанял наемников и подчинил большую часть Галилеи. Затем он поспешил на юг, чтобы освободить крепость Масада, где друзья Антигона сильно теснили его брата Иосифа. Эта борьба была продолжительной, так как римляне не желали принимать активного участия в состязании. Ирод почувствовал необходимость лично явиться в лагерь Антония, который в тот момент был разбит перед Самосатой, чтобы отстаивать там свое собственное дело. Отчасти в обмен на услуги,

которые он оказал римскому командующему в этом случае, а отчасти благодаря своей силе убеждения, он убедил Антония послать Сосия, одного из своих военачальников, во главе двух легионов, решительно продолжить борьбу с Антигоном и возвести на трон царя, выбранного Римом.

Эта война велась Иродом с неумолимой суровостью. Пять городов по соседству с Иерихоном, с их жителями численностью до 2000 человек, которые перешли на сторону Антигона, он приказал сжечь. Следующей весной (37 г.) он начал осаду Иерусалима. До этого он отпраздновал в Самарии, обагив руки кровью ее жителей, свою свадьбу с Мариамной, с которой он был помолвлен уже несколько лет.

Как только Сосий вступил в Иудею с большой армией римской пехоты, кавалерии и сирийских наемников, осада Иерусалима была прекращена. Осаждающая армия насчитывала сто тысяч человек. Они построили валы, засыпали рвы и приготовили свои тараны. Осажденные, хотя и страдали от нехватки продовольствия, героически защищались. Они совершали случайные вылазки, разгоняли рабочих, разрушали приготовления к осаде, возводили новую стену и изводили осаждающих до такой степени, что после месячного труда они нисколько не продвинулись в своей работе. Но два синхедриста, Шемайя и Абталион, подняли свой голос против этого противодействия и посоветовали своим соотечественникам открыть свои ворота Ироду.

Такое разделение целей между осажденными в сочетании с атаками захватчиков, возможно, ускорило падение северной стены, которое произошло по истечении сорока дней. Осаждающие ворвались в нижний город и во внешние укрепления Храма, в то время как осажденные вместе со своим царем укрепились в верхнем городе и на Храмовой горе. Еще две недели римляне были заняты штурмом южной стены. Субботним вечером, когда иудейские воины меньше всего ожидали нападения, часть стены была взята, и римляне, как безумные, ворвались в старую часть города и в Храм. Там, без различия возраста или пола, они убивали всех, кто попадался им на пути, даже священника рядом с его жертвой. По странному стечению обстоятельств Иерусалим пал в годовщину того дня, когда двадцать семь лет назад Храм был взят Помпеем. Ироду едва ли было возможно удержать своих свирепых солдат от грабежа и осквернения святого места, и только раздав дорогие подарки каждому солдату он предотвратил полное разрушение Иерусалима. Антигона заковали в цепи и отправили к Антонию, который, по настойчивым мольбам Ирода и вопреки всем обычаям, подвергнул его пыткам, а затем позорно обезглавил. Это позорное обращение вызвало осуждение даже у римлян.

Ирод, или, как называл его народ, идумейский раб, таким образом, достиг цели своих возвышенных желаний. Его трон, это правда, покоился на руинах и на мертвых телах его подданных; но он чувствовал, что в его силах сохранить его достоинство, даже если бы пришлось пролить широкую реку крови вокруг его основания. Жгучая ненависть иудейского народа, правителем которого он стал без малейшего законного титула, была для него ничем по сравнению с дружбой Рима и улыбкой Антония. Линия его действий была четко определена для него ситуацией: он должен был цепляться за римлян как за опору против недоброжелательства своего народа и отвечать на это недоброжелательство видимыми уступками или контролировать его с помощью неумолимой суровости. Это была политика, которой он следовал с первого момента своей победы и до своего последнего вздоха. В течение всех тридцати четырех лет своего правления он следовал этой линии политики, холодной и

бессердечной, как судьба, и влекущей за собой самые ужасные последствия. Даже в первой неразберихе, сопровождавшей завоевание Храмовой горы, он не утратил хладнокровия и бдительности, но приказал своему спутнику Костобару окружить выходы из Иерусалима своими солдатами и таким образом воспрепятствовать бегству несчастных беглецов. Последователи Антигона были убиты в большом количестве, многие из них принадлежали к самым знатным семьям. Ирод не забыл старых обид. Синхедристы, которые двенадцатью годами ранее вынесли приговор о его смерти, были убиты все до единого, за исключением Абталиона и Шемаи, которые были враждебны Антигону. Он конфисковал имущество тех, кого казнил или иным образом приговорил, для царской казны; ибо этот достойный ученик римских учителей в полной мере осознавал преимущества проскрипций и конфискаций. Он обошел дом Хасмонеев при выборе первосвященника и выбрал на эту должность некоего Ананеля, потомка Аарона, но не из первосвященнической семьи. Он заявил, что его собственная семья происходила из древнего иудейского рода, вернувшегося из Вавилонии, желая таким образом стереть тот факт, что он происходил от идумеянина, который был вынужден принять иудаизм. Уроженцы Иерусалима, у которых была хорошая память о его истинном происхождении, на самом деле и ухом не повели к этому изобретению, но иноземные иудеи и язычники, возможно, были введены им в заблуждение. Его близкий друг и историк Николай Дамасский утверждает, что эта выдумка исходит из его собственных уст. После смерти Шемаи и Абталиона президенты Синхедриона были выбраны из вавилонско-иудейской семьи Бене Батира.

Все еще существовали два человека, которые могли оказаться опасными для Ирода: старик и юноша — Гиркан, который когда-то носил корону и жреческую диадему, и его внук Аристокбул, шурин Ирода, который претендовал как на царское, так и на жреческое достоинство. Ирод не мог посвятить себя спокойному наслаждению своей победой до тех пор, пока эти двое не окажутся бессильными. Правда, Гиркан, попавший в плен к парфянам, был ими изувечен и поэтому не мог вернуться к своему священническому служению; но его похитители великодушно даровали ему свободу, и престарелый монарх был радостно и благоговейно принят общиной вавилонских иудеев. Несмотря на преданность, которую он получал от этих людей, Гиркан испытывал сильное желание вернуться на родину, и Ирод боялся, что он может побудить вавилонских иудеев или парфян встать на его сторону и помочь ему вернуть трон, с которого последние его свергли. Стремясь предотвратить эту опасность, Ирод подумал о том, чтобы вырвать Гиркана из-под влияния парфян и подчинить его своей собственной власти. Именно таким образом престарелый монарх получил настоящее приглашение в Иерусалим разделить трон и власть царя Ирода и получить благодарность идумеян за прошлые добрые дела, оказанные ему Гирканом. Тщетно вавилонские иудеи предостерегали легковверного правителя не позволять втягивать себя во второй раз в водоворот общественной жизни; он поспешил навстречу своей гибели. Ирод принял его со всеми знаками уважения и отвел ему почетное место за своим столом и в Совете, так тщательно замаскировав его предательство, что Гиркан был полностью обманут. Он был безоружен и беспомощен в золотой клетке.

Но более опасным для Ирода казался его юный шурин Аристокбул, единственный брат Мариамны, который благодаря своему происхождению, молодости и непревзойденной красоте привлек любовь и преданность всего своего народа. Ирод, лишив его сана первосвященника, вообразил, что успешно уничтожил его влияние. Но это было не так. Александре, матери Мариамны и Аристокбула, искусенной в интригах не хуже самого Ирода, удалось добиться расположения Антония к своему сыну. Она послала портреты своих детей, самых красивых представителей их расы, римскому триумвиру, полагая, что на его слабую натуру можно самым

благоприятным образом воздействовать с помощью чувств. Антоний, по правде говоря, пораженный портретами, попросил показать ему Аристобула. Но Ирод, чтобы эта встреча не состоялась, внезапно провозгласил молодого Хасмонея первосвященником, и Ананел был лишен этого сана. Но Александра была далека от удовлетворения, ибо втайне была полна решимости, чтобы ее сын тоже надел корону, которую носили его предки. Ирод, полностью осознавший свою опасность, был полон решимости избавиться от этого опасного юноши. Аристобул уже завоевал сердце народа, и всякий раз, когда он появлялся в Храме, все взгляды устремлялись на его благородную и совершенную фигуру, каждый взгляд, казалось, говорил о том, что иудеи жаждут увидеть этого последнего отпрыска дома Хасмонеев восседающим на царском троне. Ирод не осмелился прибегнуть к открытому насилию против своего соперника, к которому царица Клеопатра относилась с особой благосклонностью, но, как обычно, прибегнул к предательству. Он пригласил Аристобула в Иерихон и приказал своим последователям расправиться с юношей, пока тот развлекался в бане. Так умер в раннем возрасте семнадцатилетний Аристобул III, последний представитель мужского пола дома Хасмонеев. Затем Ирод вновь назначил первосвященником свою марионетку Ананеля. Напрасно идумеянин изображал глубокую скорбь по поводу смерти своего юного шурина, напрасно он умащивал его тело благовониями; все родственники и друзья убитого хасмонея в сердцах обвиняли Ирода в его смерти, хотя их уста не выражали своих мыслей.

Но это преступление повлекло за собой свое собственное горькое наказание и превратило всю жизнь Ирода в одну длинную историю страданий. Муки раскаяния, которые могли бы как-то изменить менее ожесточенную натуру, не ощущались, а только все возрастающая подозрительность по отношению к членам его собственной семьи, которая побуждала его нагромождать преступление за преступлением, убивать своих ближайших родственников, даже собственных детей, пока, наконец, он не стал самым ужасным примером обремененного грехами существования. Александра, возлагавшая свои честолюбивые надежды на коронацию своего сына и теперь обнаружившая себя столь жестоко обманутой, без колебаний обвинила Ирода перед Клеопатрой в убийстве Аристобула. Эта царица, чьи страсти были неконтролируемы и которая с завистью смотрела на недавно приобретенное царство Ирода, воспользовалась его преступлением, чтобы выставить его виновника одиозным в глазах Антония. Ирод был вызван в Лаодикию. Трепеща за свою жизнь, царь-вассал подчинился призыву, но сумел так расположить к себе дорогими подарками и тщательно подобранными, но красноречивыми словами, что на смерть Аристобула не только не обратили внимания, но он был отмечен знаками уважения и отправлен обратно в Иерусалим, полный счастливой уверенности в себе. Однако он потерял одну драгоценную жемчужину из своей короны. Широко известный район Иерихона, прославленный своими пальмами и высоко ценимым бальзамом, был подарен Антонием Клеопатре, и Ирод был вынужден принять от царицы двести талантов в качестве дани. Однако он мог быть вполне удовлетворен этой потерей, сравнив ее с опасностью, которой он избежал.

Однако на пороге его дворца его поджидал демон раздора, готовый наполнить все его существо отчаянием. Накануне своего отъезда он поручил свою жену Мариамну заботам Иосифа, мужа своей сестры Саломеи, и дал ему тайный приказ, что в случае, если он станет жертвой недовольства Антония, Иосиф убьет и Мариамну, и Александрю. Любовь к своей прекрасной жене, о которой ему было невыносимо думать как о принадлежащей другому, в сочетании с ненавистью к Александре, которая не должна была восторжествовать после его смерти, побудили его принять это дьявольское решение. Но Иосиф выдал свою тайную миссию

Мариамне и тем самым вонзил еще один кинжал в сердце этой несчастной королевы. Когда ложное сообщение о смерти Ирода распространилось по Иерусалиму, Мариамна и ее мать приготовились перейти под защиту Рима. Сестра Ирода Саломея, ненавидевшая и своего мужа Иосифа, и свою невестку Мариамну, воспользовалась этим фактом, чтобы оклеветать их по возвращении своего брата, обвинив их во взаимопонимании и неуместной близости. Ирод сначала остался глух к этой клевете, но когда Мариамна, заливаясь слезами негодования, рассказала своему мужу, что Иосиф признался ей в своей тайной миссии, гневу царя не было предела. Заявив, что он полностью верит обвинениям своей сестры, он обезглавил Иосифа, поместил Александру в заточение и приказал бы убить Мариамну, если бы его любовь к королеве не превзошла даже ярость. Однако с того дня во дворце были посеяны семена недоверия и ненависти, и они росли и распространялись до тех пор, пока один член королевской семьи за другим не умер безвременной и насильственной смертью.

Однако внешне фортуна, казалось, улыбалась Ироду, успешно преодолевая самые трудные препятствия на его пути. Не успел закончиться шестой год его правления, как над его головой начали сгущаться угрожающие тучи. Оставшаяся в живых сестра последнего хасмонея царя Антигона восстала как мстительница за своего брата и его расу и тем или иным способом овладела крепостью Гирканьон. Едва Ирод успел обезоружить эту женщину-воина, как ему стала угрожать более серьезная опасность. Клеопатра, которая всегда ненавидела иудеев и которая была крайне неблагодарна к этой общине в Александрии в год голода, снова попыталась погубить Ирода, вызвав недовольство Антония против него. Боясь этой жестокой и в то же время коварной царицы и встревоженный ненавистью своего собственного народа, который жаждал его падения, Ирод решил подготовить какое-нибудь безопасное убежище, где его жизнь, по крайней мере, была бы в безопасности от врагов. Он выбрал для этой цели крепость Масаду, которую природа сделала почти неприступной, и которую он укрепил еще сильнее. Но Клеопатра уже разрабатывала другой план по низвержению своего врага. Ей удалось втянуть его в войну с Малихом, набатейским царем, и таким образом она попыталась привести к гибели двух одинаково ненавистных монархов. Но Ирод одержал две решающие победы над набафейцами, что встревожило Клеопатру и заставило ее послать своего полководца Афиниона на помощь Малиху. Иудейская армия потерпела ужасное поражение, и Ирод был отброшен за Иордан. За этой катастрофой последовало землетрясение, которое встревожило и обескуражило иудейские войска до такой степени, что они потеряли всякое мужество и были почти бессильны перед врагом. Но Ироду с истинным гением удалось воодушевить свой народ и победоносно повести его против Набафеев. Малих был вынужден стать вассалом иудейского царя.

Едва, однако, был восстановлен мир, как разразилась буря, которая угрожала потрясти римский мир до самых глубин и уничтожить любимца римских полководцев. С того самого дня, когда Рим и его обширные владения лежали у ног триумвиров, которые искренне ненавидели друг друга и каждый из которых желал быть единоличным правителем государства, политическая атмосфера была наполнена разрушительными элементами, которые грозили взорваться в любой момент. Вдобавок к этому, один из трех лидеров находился полностью под властью распутной и дьявольской царицы Клеопатры, которая всем сердцем стремилась стать хозяйкой Рима, даже если это повлекло бы за собой опустошение целых стран огнем и мечом.

Именно в этот крайне возбужденный период иудейский автор предсказал прекрасными греческими стихами, написанными в форме сивиллиного пророчества, грядущее разрушение

римско-греческого государства и воцарение Велиала, который заманит несчастных в ловушку и приведет к их окончательному уничтожению; но этот иудео-греческий провидец также возвестил о пришествии славного Мессии. Несомненно, началась эра преступлений, и Велиал явился в лице полуиудея Ирода, но пока еще не было видно мессианского рассвета лучших времен.

С объявлением войны между Октавием и Антонием вспыхнула ожесточенная борьба между Западной и Восточной провинциями Рима; это была Европа против Азии - война наций. Но этому внезапно пришел конец с падением Антония в битве при Акциуме (31). Этот удар сильно поразил Ирода; ни он, ни его друзья ни на минуту не сомневались, что его защитника постигнет гибель, поскольку он был близким союзником Антония. Он был готов к худшему, но решил, что его не переживут ни престарелый Гиркан, ни его жена Мариамна, ни его теща Александра. Он обвинил Гиркана в заговоре с набатейским царем и приказал казнить невиновного монарха. Мариамну и Александру он отдал под опеку итурейского соэма в крепости Александрион. Затем Ирод приготовился предстать перед завоевателем, Октавианом Цезарем, и если бы он погиб, что было наиболее вероятно, Мариамна и ее мать были бы немедленно убиты.

Накануне отъезда Ирода он оказался вынужден внести некоторые изменения в Синхедрион и назначить вавилонянина Гиллеля, неизвестного до тех пор человека, одним из президентов. Это придало новое направление духу иудаизма, которое повлияло на эту веру вплоть до настоящего времени. Гиллель, родившийся примерно в 75 году, прослеживал свое происхождение по материнской линии от дома Давида. Хотя его родословная была выдающейся, он жил в бедности, и его поддерживал его богатый брат Шебна. Вероятно, он сопровождал Гиркана по возвращении из Вавилона в Иерусалим и стал одним из самых преданных учеников синхедристов, Шемаи и Абталиона, традиционные знания которых он старался передавать буквально и верно.

Гиллель особенно отличался своей обаятельной, голубиной мягкостью, своей сильной любовью к человечеству, которая проистекала из его собственного смирения и его глубокой веры в других, и, наконец, тем совершенным хладнокровием, которое проистекало из его глубокого доверия к Богу и которое никогда не колебалось посреди неприятностей. В более поздние века его почитали как идеал скромности и мягкости. Когда его однажды попросили выразить суть иудаизма одним предложением, он произнес эту золотую сентенцию: "Не делай другим того, чего ты не сделал бы себе. Это главная заповедь: все остальные являются развитием этой". Если возникали раздоры, Гиллель неизменно выступал миротворцем. Его щедрость не знала границ, и он обладал той редкой деликатностью чувств, которая никогда не унижает получателя подарка, а скорее помогает ему сохранить самоуважение. Его вера в Бога победоносно вознесла его над всеми страхами. Все члены его семьи благодаря его примеру прониклись такой же верой; настолько, что однажды, войдя в город и услышав крик отчаяния, он смог уверенно заметить: "Этот крик не мог исходить из моего дома". Гиллель завещал нам большее количество принципов, чем кто-либо из его предшественников. Мы читаем среди них следующее: "Если бы я не заботился о себе (о своей душе), кто бы сделал это за меня? Если я забочусь только о себе, что я могу сделать? Если не сейчас, то когда тогда?" "Будь одним из учеников Аарона, люби мир, стремись к миру, люби человечество, таким образом веди их к Закону". Впечатленный возвышенной миссией Израиля, заключающейся в поддержании и обучении чистой вере в единого Бога, он воскликнул на одном из праздников в Храме: "Если я (Израиль) здесь, то здесь есть все; если бы я нуждался, кто был бы здесь?" Доктрины иудаизма

были настолько глубоко почитаемы им, что его возмущение вызывалось всякий раз, когда они использовались в качестве трамплинов к планам честолюбцев. "Тот, кто хочет возвысить свое имя, принижает его; тот, кто не ищет Закона, не заслуживает жизни. Тот, кто не прогрессирует в обучении, отстает; тот, кто использует корону Закона в своих собственных целях, погибает".

Со временем Гиллель стал настоящим идеалом для своих единоверцев. Импульс, данный им развитию доктринального иудаизма, знаменует собой эпоху в истории этой веры. Он значительно обогатил массу традиционных знаний, которые он перенял от синхедристов, Шемаи и Абталиона. Но гораздо более важным был его логический вывод из положений Закона, соблюдавшихся в его время. Он проследил их путь до их первоначальных принципов и поднял их из узкого круга традиций и просто обычаев на высоту разума. Традиционный закон, согласно Гиллелю, несет в себе свое оправдание и обязательную силу, он не зависит только от авторитета. Таким образом, в определенной степени он проложил путь к примирению между фарисеями и саддукеями, предложив им принципы, общие для обоих, с которыми ни один из них не мог не согласиться. С одной стороны, Гиллель соглашался с саддукейским принципом, согласно которому закон может быть действительным, только если он основан на авторитете Священного Писания; но, с другой стороны, он заявлял, что этот авторитет не просто заключен в мертвой букве, но также должен вытекать из общего духа священных писаний. После этой демонстрации Гиллеля между школами не могло возникнуть никаких споров относительно обязательной силы традиционного права. С введением семи правил, или Миддот, устный закон мог бы быть наделен тем же весом и авторитетом, что и тот, что фактически содержится в Священных Писаниях. Благодаря этим семи правилам устный закон приобрел совершенно иной аспект; он утратил свой явно произвольный характер; он стал более универсальным и разумным в своей направленности, и его можно рассматривать как исходящий из самого Священного Писания.

Более того, эти пояснительные правила были предназначены не только для обоснования устного закона, но и для того, чтобы изложить инструкции о том, как усилить законы и как справиться с непредвиденными трудностями. Поначалу они, по-видимому, были встречены неблагоприятно. Прямо говорится, что Гиллель представил их на совете Батиренского Синхедриона, но это собрание, возможно, либо неверно истолковало их, либо оспорило их целесообразность. Тем временем представилась возможность прибегнуть к этим разъяснительным правилам, поскольку был поднят вопрос, решение которого глубоко взволновало всю нацию, и этой возможности Гиллель был обязан достойной должностью президента Синхедриона. Канун праздника, на котором должен был быть принесен в жертву Пасхальный Агнец, пришелся на субботу, что было самым необычным событием в то время, и Батиренский Синхедрион не мог пролить никакого света на спорный вопрос, разрешено или нет приносить в жертву пасхального агнца в День субботний. Гиллель, чьи способности, должно быть, и раньше привлекали внимание проницательных людей, принял участие в обсуждении и доказал, что, согласно правилам объяснения, Песах, или Пасхальное жертвоприношение, как и любое другое полное приношение, заменяет субботу. Дебаты стали жаркими, масса людей проявила горячий интерес к празднованию фестиваля. Были свободно высказаны выражения одобрения и порицания в адрес Гиллеля. Некоторые кричали: "Мы должны обращаться к вавилонянам за лучшей информацией"; другие иронически спрашивали: "Чего хорошего мы можем ожидать от вавилонян?"

С того дня имя Гиллеля стало настолько популярным, что батиренские синхедристы сложили свои полномочия — неизвестно, по собственной ли воле или потому, что их вынудил к этому народ, — и уступили президентство самому Гиллелю (около 30 человек). Гиллель, далекий от того, чтобы гордиться своим высоким положением, выразил свое недовольство и гневно упрекнул синхедристов. "Почему так получилось, - спросил он, - что я, ничтожный вавилонянин, стал президентом Синхедриона? Только потому, что ты был слишком ленив, чтобы прислушаться к учениям Шемаи и Абталиона. Ирод, похоже, не возражал против этого выбора.

Один из законов, введенных Гиллелем, вызвал всеобщий интерес и доказал, что он обладал истинным пониманием жизненных вопросов. В год творческого отпуска все долги по закону аннулировались. В то время, когда государство было республикой, основанной на моральных законах, это была мудрая мера для выравнивания собственности; но в более поздний период, когда капитал стал самостоятельной силой, богатые не желали избавлять своих менее богатых соседей от их трудностей, предоставляя им ссуды. По этому поводу Гиллель, не отменяя полностью уже существовавший закон, постановил, что кредитор должен передать долг в письменной форме Суду, чтобы суд мог взыскать его, и кредитор был освобожден от необходимости нарушать закон. Этот своевременный закон, одинаково выгодный для должника и кредитора, был назван греческим словом *Просбол*, потому что долг был передан Совету старейшин.

По особому желанию Ирода второе почетное место - должность заместителя Гиллеля - было отдано ессею Менахему, к которому царь проявлял большое пристрастие. Причина этой привязанности была следующей (по крайней мере, так рассказывали позже): Менахем с помощью пророческой силы, приписываемой ессеям, предсказал в детстве, что однажды Ирод станет царем Иерусалима и что его правление будет блестящим, но что ему не хватит благочестия и справедливости. То, что юноше казалось невероятным, вспомнилось мужчине, когда он надел королевскую корону. Но Менахем, по-видимому, не счел свою должность подходящей и вскоре отказался от нее в пользу Шаммая, чьи характеристики, во многом противоположные характеристикам Гиллеля, на самом деле дополняли их. Шаммай, вероятно, был палестинцем по происхождению и поэтому очень интересовался всеми политическими и религиозными противоречиями своей родины. Его религиозные взгляды были строгими до болезненной крайности. Но Шаммай не был мрачен или человеконенавистнически настроен; более того, он поощрял дружелюбие в поведении по отношению ко всем. На это указывает дошедшая до нас максима: "Пусть ваша работа в Законе будет вашим основным занятием; говорите мало, но делайте много и принимайте всех людей дружелюбно".

Два синхрониста, Гиллель и Шаммай, основали две отдельные школы, противостоявшие друг другу во многих религиозных, моральных и юридических вопросах, которые, с их различными тенденциями, оказали мощное влияние в последующие беспокойные и воинственные времена на события исторической важности. Ирод не имел ни малейшего представления о силах, враждебных его дому, которые незаметно развивались в уединении этих школ.

С трепещущим сердцем он предстал на Родосе перед Октавианом Цезарем, который после поражения Антония при Акциуме был единоличным хозяином римских провинций. Он, такой надменный в своей собственной стране, предстал в кротком и смиренном обличье у подножия могучего правителя, но не без определенной мужественной решимости. В своей беседе с Октавианом Ирод никоим образом не скрывал позиции, которую он занимал по отношению к

Антонию; но он позаботился остановиться на том факте, что он воздержался от оказания помощи Антонию после его поражения при Акциуме, тем самым намекая Октавиану, как он мог бы использовать преданность и рвение, которые Ирод был готов перенести с дела Антония на дело своего победителя. Октавиан не был ни достаточно благороден, чтобы презирать столь продажного человека, ни чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы обходиться без него.

Поэтому он милостиво ободрил умоляющего Ирода, велел ему облачиться, как и прежде, в царские одежды и отправил его обратно в его собственную страну, обремененного почестями (30). Ироду не составило труда стать таким же преданным сторонником Октавиана, каким он был в течение долгих двенадцати лет правления Антония. Во время кампании второго цезаря против Египта в Акко его встретил Ирод с богатыми подарками, и иудейский царь снабжал римскую армию водой и вином во время их марша по засушливой стране. Вполне возможно, что Антоний, прежде чем покончить со своей жизнью, слышал, что верность Ирода не была основана на скале. Ирод также испытывал злобную радость, сознавая, что его заклятому врагу Клеопатре, которой не удалось очаровать завоевателя своей привлекательностью, ничего не оставалось, как искать смерти. Александрийские иудеи, пострадавшие от ее ненависти, разделяли чувства Ирода. Ибо незадолго до своей смерти эта ужасная женщина страстно желала собственными руками убить иудеев, живших в столице Египта и преданных делу Октавиана. Египетские иудеи были вознаграждены за свою преданность официальным признанием их равенства с остальными жителями; фактически, Октавиан был настолько уверен в их лояльности, что передал гавани Нила и моря под контроль иудейских алабархов, которые занимали этот пост при бывших египетских монархах. Это был особый знак благосклонности, поскольку владение Египтом, римскими зернохранилищами и особенно Александрийской гаванью было настолько дорого первому императору Рима, что ни один сенатор не осмеливался приблизиться к этой стране без императорского разрешения. Когда Алабарх, находившийся тогда у власти, умер, Октавиан позволил александрийским иудеям выбрать своего преемника и предоставил ему все права его предшественников. В то время как он управлял греческими александрийцами с чрезвычайной суровостью из-за их порочности, ненадежности и любви к подстрекательству к мятежу, и держал их строго под своим собственным правлением, он назначил иудейский совет для оказания помощи алабархам или этнархам. Таким образом, иудейской общиной управлял представитель ее собственной расы, который решал все судебные вопросы и обеспечивал выполнение всех императорских приказов.

Октавиан также предоставил многочисленным иудеям, поселившимся в Риме, либертини, если не чрезвычайные привилегии, то, по крайней мере, право соблюдать свои собственные религиозные обычаи и, таким образом, подал достойный пример своим преемникам. Иудеям было разрешено строить синагоги, где они совершали богослужения в соответствии со своими обрядами; им также было разрешено передавать свои ежегодные пожертвования в Иерусалимский храм, хотя, как правило, было запрещено отправлять большие суммы из Рима. Римские иудеи также получали причитающуюся им долю зерна, которое распределялось среди населения. Если распределение происходило в субботу, их порция выделялась им на следующий день. Таковы были приказы императора.

Октавиан передал Ироду великолепную телохранительницу Клеопатры, насчитывавшую четыреста галлов, и отдал под его юрисдикцию несколько морских портов, отторгнутых от Иудеи, а также территорию Иерихона. Самария, а также Гадара и Гиппос на трансйорданской

территории также были включены в состав Иудеи. Территория королевства теперь была такой же, какой она была до гражданской войны между царственными братьями и первого вторжения римлян; но действительно, иными были обстоятельства, при которых она вернула себе свои владения! Вероятно, именно из-за безграничного подхалимства Ирода к Риму теперь регулярно приносились жертвы на благо цезарей, а Август и его супруга дарили взамен золотые сосуды для использования в Храме.

Теперь Ирод находился в самом зените своего могущества; несчастье, которого он опасался, не только было предотвращено, но и фактически способствовало его возвышению. Однако ему не суждено было насладиться своей удачей; ужасные последствия его преступлений преследовали его по пятам и превратили чашу счастья в чашу желчи. В узком кругу его собственного дома вот-вот должна была разыгаться трагедия, гораздо более ужасная, чем могло бы вообразить воображение поэта. Мариамне, которая, как и ее мать Александра, находилась в тесном заключении во время отсутствия короля, добилась от своего тюремщика Созма того факта, что ей не позволили бы пережить Ирода. По возвращении короля она не скрывала своей ненависти к нему, и когда он заговорил с ней со словами нежности и привязанности, она насмеялась над ним, обвиняя в убийствах своего брата, своего деда и многих других своих родственников. Сердце Ирода разрывалось от любви, которую он питал к этой красивой женщине, и от гнева, который он испытывал из-за ее упорной вражды к его личности и его власти. Все еще находясь во власти этих противоречивых чувств, он был готов охотно выслушать злобные измышления своей сестры Саломеи, которая уверяла его, что его виночерпий был подкуплен Мариамной, чтобы она отравила его. В ходе последовавшего расследования выяснилось, что Созм раскрыл свои секретные инструкции царице, и это предательство со стороны доверенного слуги вызвало бурю диких страстей в груди Ирода. Соем был обезглавлен на месте. Все еще охваченный неуправляемой яростью, Ирод созвал совет, перед которым обвинил свою жену в прелюбодеянии и попытке отравить его. Судьи вынесли ей смертный приговор и, желая выслужиться перед Иродом, приказали привести казнь в исполнение немедленно. Так самая красивая женщина Иудеи, принцесса Хасмонеев, гордость своего народа, была взята на эшафот. Она пошла навстречу своей гибели с поразительной стойкостью духа, без малейшей дрожи или малейшего проявления женской слабости, достойной ее героического происхождения (29). Мы можем считать Мариамну символом Иудеи, преданной под топор палача интригами и страстью.

Но смерть Мариамны не утолила жажды мести Ирода; напротив, она вызвала еще более свирепые приступы ярости. Он не смог пережить ее потерю и стал жертвой болезни и безумия. Он неистово звал ее по имени в порыве рыданий; и он приказал забальзамировать ее тело в меду, чтобы хранить его в своем присутствии. Именно во время путешествия по Самарии он заболел настолько опасно, что врачи отчаялись в его жизни, икогда эта весть достигла его столицы, Александра приступила к овладению Иерусалимом. Но слух о внезапной угрозе его трону вернул королю жизненные силы, и Александра пала жертвой своего мятежа. Она была самой последней, кто носил имя Хасмоней, и прожила достаточно долго, чтобы стать свидетельницей насильственной и позорной смерти своего свекра Аристокла II, своего мужа Александра, своего шурина Антигона, своего сына Аристокла III, своего отца Гиркана II и своей дочери Мариамны.

Оставшиеся две трети правления Ирода лишены какого-либо реального прогресса; записи того времени повествуют о рабепном подчинении Августу и Риму, о возведении великолепных

зданий, о любви к помпезности и показухе, о глубоко укоренившемся моральном разложении, о неудачных заговорах и придворных интригах, ведущих к новым преступлениям и дальнейшим казням. Чтобы сохранить благосклонность всемогущего Августа, Ирод ввел в Иерусалиме празднование Актианских игр, проводящихся каждый пятый год, в память о победе Августа над своим соперником, он также построил театры и арены, где устраивал бои между гладиаторами или дикими зверями, вызвав тем самым неудовольствие национальной партии, которая справедливо предположила, что предполагалось, что иудаизм вскоре будет поглощен языческо-римским культом, и которая признала в римских трофеях и орлах, выставленных в театрах, появление римских божеств. Ирод дал своему народу еще один повод для негодования, выразившись в том факте, что он не только украсил ненавистный город Самарию в радиусе полумили прекраснейшими зданиями, но и намеревался сделать этот город столицей своих владений - достоинство, к которому она была особенно приспособлена благодаря своему удачному положению. Недавно построенная Самария была переименована в Себастию, точно так же, как цитадель Барис, оружейный склад хасмонеицев в старину, на северо-западной стороне Храма, называлась Антония в честь Антония. Фактически, Иудея стала перенаселена городами и памятниками, на которых были написаны имена семьи самого Ирода или его римских покровителей. Крепость Стратон на море была путем самых щедрых расходов превращена в прекрасный город с обширной гаванью и получила название Кесарии, а одна из башен на ее стенах была названа Друзус, в честь сына Августа. Ирод даже не колеблясь воздвиг римский храм на земле Святой Земли. В Кесарии были воздвигнуты две колоссальные фигуры, одна из которых представляла в гигантских пропорциях фигуру Августа в образе олимпийского Юпитера, а другая - фигуру города Рима в образе аргивянки Юноны. Во время великолепного освящения Кесарии, восстановление которой заняло двенадцать лет, жители могли вообразить, что перенеслись в языческий город. Из-за своего названия, происхождения и важности национальная партия справедливо назвала его Маленьким Римом. Позже он стал резиденцией римского губернатора, соперника Иерусалима и, наконец, его победителя. Всякий раз, когда Кесария радовалась, Иерусалим, несомненно, скорбел. Гавань Кесарии, которая со временем разрослась до города, называлась Севастия. Ирод, без сомнения, приумножил красоту Иудеи, но, подобно обреченной жертве, она была украшена гирляндами для возложения на алтарь. Его любовь к показухе находила удовлетворение в великолепии своих зданий, но не в стремлении к славе. Отчаявшись завоевать любовь своего народа, он решил вызвать восхищение чужеземца. Он изнурял свой народ налогами, удвоил поборы, искал спрятанные сокровища на древних царских кладбищах, продавал в рабство в соседние страны тех, кто был заключен в тюрьму за воровство, а затем расточал все средства, вырученные от этой практики, на украшение сирийских, азиатских и греческих городов. Огромными были суммы денег, которые он выводил из своей страны для подобных предприятий.

Возможно, Ироду удалось завоевать восхищение и привязанность греков, римлян и иудеев за пределами Палестины; но жители Иерусалима не испытывали ничего, кроме отвращения к этому алчному выскочке, который стремился отдалить их от обычаев их отцов. Несмотря на то, что он показал себя их щедрым благодетелем во время великого голода (24), теперь нация видела в нем только убийцу хасмонеицев, узурпатора их трона, губителя благороднейших граждан, подавителя свободы. Он опозорил три достоинства Монарха, Первосвященника и Синhedриста. Первое он присвоил себе; второе, которое до его правления, за очень немногими исключениями, переходило по праву наследования от отца к сыну, он раздал по собственному желанию или для достижения собственных целей; а власть третьего он ограничил, почти не

предоставив ему простора для действий. Иисус Навин из семьи Фаби с помощью Ирода сменил Ананела на посту первосвященника; но царь был очарован красотой другой Мариамны, дочери низшего священника Симона, он лишил Иисуса Навина его сана и возвел Симона в свою должность, чтобы ранг его будущей жены не был слишком разительно ниже его собственного.

Этот первосвященник Симон был александрийцем, сыном Боэты, и именно он заложил первый камень в основание величия дома Боэты, от которого произошли несколько первосвященников. По-видимому, он был основателем секты боэфузеев, которые следовали учению саддукеев, но были лучше способны понять и применить это учение, чем сами саддукеи, благодаря их александрийской подготовленности и софистике.

Эти деспотические действия Ирода не были рассчитаны на то, чтобы сделать его любимым своим народом. Он прекрасно осознавал их недоброжелательность по отношению к нему, но поскольку не мог подавить ее, то, по крайней мере, стремился сделать ее безвредной. Поэтому он настоял на том, чтобы все подданные принесли присягу на верность, решив сурово наказывать тех, кто откажется от этого. Только ессеи, которые не одобряли клятвы, были освобождены; у него не было причин опасаться их мирной, созерцательной жизни; напротив, он горячо одобрял таких подданных, которые безропотно подчинялись любому закону, который он мог бы установить. Те из фарисеев, которые были последователями миролюбивого Гиллеля, похоже, без колебаний принесли требуемую клятву, но последователи более сурового Шаммая упрямо отказывались это делать. Всего шесть тысяч фарисеев отказались принести присягу на верность, и применение телесных наказаний к такому большому числу людей казалось даже Ироду серьезным делом. Поэтому он обложил непокорных большими налогами, среди которых была жена его брата Ферораса, яркого приверженца, как ни странно, строгого фарисейства.

Но, несмотря на все эти меры предосторожности, Ирод не доверял своим подданным и нанял несколько шпионов для наблюдения за ними. Сам он часто появлялся переодетым на их народных собраниях, и горе несчастному, который в этот момент мог бы высказать жалобу на существующий порядок вещей; он был обречен на заключение в крепость или тайную отправку. Но популярность слишком сладка для тирана, чтобы отказаться от нее, а для Ирода это было особенно важно, поскольку он хотел предстать перед римлянами в образе принца, любимого своим народом. Это, помимо его страсти к строительству, вероятно, было мотивом, побудившим его превратить Храм, которому сейчас пятьсот лет, небольшой и старомодный, в великолепное сооружение в новом стиле. Представители народа, когда он сообщил им о своем плане, восприняли это известие с ужасом; они опасались, что Ирод намеревался просто разрушить их старый Храм и что он будет бесконечно затягивать работы по строительству нового, тем самым полностью лишив их святилища. Но он успокоил их, заверив, что старый Храм будет стоять до тех пор, пока все рабочие со своими материалами не будут готовы к строительству нового. Теперь на месте происшествия появились тысячи повозок, груженных добытым в карьерах камнем и мрамором, и десять тысяч квалифицированных рабочих были готовы приступить к работе. На восемнадцатом году правления Ирода (20) строительство было начато, а через полтора года (18) внутренняя часть Храма была закончена. Возведение внешних стен, дворов и галерей заняло восемь лет, и еще долго после этого, вплоть до самого разрушения, на них все еще работали рабочие.

Иродианский храм был великолепным зрелищем, изысканной красотой которого те, кто был его свидетелем, не могли в достаточной степени восхититься. Он отличался от незавершенного Храма Зоровавеля более обширными размерами и более богатым и витиеватым убранством. Вся окрестность Храмовой горы (Хар-ха-байит), которая была окружена высокой и прочной стеной, помимо крепости в Антонии, с которой она сообщалась, превышала три четверти мили, и местность поднималась террасами. Благодаря этому главенствующему положению Святилище было видно издалека. Длинный ряд внешней стены защищал ряд дворов и галерей с кедровыми потолками и мозаичными полами. Первый двор был назначен местом собрания народа, где обсуждались наиболее важные вопросы. Сюда допускались язычники и неочищенные; здесь греческие и римские надписи, сделанные крупными буквами и размещенные на видных местах, бросались в глаза тому, кто входил. Они гласили следующее: "Ни одному иностранцу не разрешается проходить через эту решетку в Святилище и его окрестности. Если его там обнаружат, он навлечет на себя смертную казнь". Второй двор, который в прежние времена был защищен деревянной решеткой, теперь был огорожен низкой стеной. Внутреннее устройство Храма претерпело лишь незначительные изменения и состояло, как и в Храме Зоровавеля, из трех открытых дворов и Святилища, которое было такого размера, что вмещало золотой алтарь, подсвечник и стол для хлебов предложения, а в дальнем конце - Святое Святых. Но внешние части Святилища значительно затмевали те, что были в старом Храме. Его стены были из белоснежного мрамора, и поскольку они возвышались на самой высокой вершине Храмовой горы и возвышались над внешними стенами и их укреплениями, они представляли собой красивый и поразительный вид со всех сторон. Большое пространство перед Святилищем было разделено на несколько небольших двориков для женщин, мирян, священников и всех тех, кто был занят приготовлением жертв для алтаря. Пространство, отведенное женской части верующих, чьи посещения Храма теперь стали частым явлением, было полностью отгорожено от остальных, и для женщин были зарезервированы три больших балкона, с которых они могли наблюдать за всеми торжествами публичного характера. Ворота, ведущие в эту часть Храма, были закрыты великолепной дверью, отлитой из коринфской меди, подарком богатого и благочестивого александрийца, в честь которого они были названы Вратами Никанора. Пятнадцать ступеней вели оттуда в покои мирян, куда можно было попасть, пройдя через ворота, названные, из-за своего господствующего положения, Высокими воротами. Внешний двор был полностью открыт; но, с другой стороны, Святилище было закрыто воротами, более высокими и широкими, чем любые другие, с двойными складными дверями, густо покрытыми слоем золота. Это были Великие Врата, или Врата Святилища. Высокая крыша Святилища через определенные промежутки переходила в острые позолоченные острия, целью которых было помешать птицам строить свои гнезда на этом освященном месте, но, вероятно, совершенно непреднамеренно со стороны строителя, они также могли служить громоотводами.

Великолепие посвящения намного превосходило то, что совершалось во времена царя Соломона. Приносились в жертву гекатомбы за гекатомб-ми, и весь народ пировал. Празднование пришлось на самую годовщину того дня, когда двадцать лет назад Ирод окровавленными руками провозгласил себя хозяином Иерусалима — ужасное воспоминание. Руки, построившие Храм, уже зажгли факел для его разрушения. Ирод передал его под защиту Рима. К ужасу благочестивых иудеев, над главным входом был повешен золотой орел, символ могущества Рима. Более того, Ирод построил подземный ход, ведущий из крепости Антония к восточным воротам Храма, чтобы контролировать выходы из Святилища. Его душа была полна недоверия к своему народу.

К концу своего правления престарелый и погрязший в грехах монарх был поражен ужасной болезнью. Это повергло его в состояние такого безнадежного горя, что можно сказать, что все человеческие чувства уступили место ярости дикого зверя. Трупы его невинных жертв вставляли перед его возбужденным воображением и превращали его жизнь в одну долгую пытку. Тщетно он искал одно любящее сердце, одну верную душу, которые утешили бы и направили его. Но он верил, что его собственная плоть и кровь — его сестра и брат, Саломея и Ферорас, даже его собственные дети — были его врагами и замыслили покушение на его покой и его жизнь. Это ужасное душевное состояние делало его более опасным, чем когда-либо, для тех, кто отваживался находиться в его присутствии. Главной причиной его безумия была смерть его возлюбленной Мариамны. Кроме двух дочерей, она оставила ему двух сыновей, Александра и Аристобула, которые, повзрослев, приняли смерть своей несчастной матери глубоко близко к сердцу и не могли скрыть отвращения, которое испытывали к своему отцу. Поскольку эти князья были хасмонеянского происхождения, Ирод решил сделать их своими преемниками. Он отправил их юношами в Рим, чтобы они могли снискать расположение Августа и получить образование по римским обычаям. Он женил старшего, Александра, на Глафире, дочери Архелая, царя Каппадокии, а младшего, Аристобула, на дочери Саломеи, Беренике. Он думал, что таким образом сможет обеспечить мир среди членов своей собственной семьи. Но его желания были разбиты ненавистью, которую мстительная Саломея и ее брат Ферорас питали к потомкам хасмонеянки Мариамны. Сестра побудила Ирода полюбить его и усыновить в качестве царственного принца сына своей первой жены Дориды, от которой он отказался вместе с ребенком после женитьбы на Мариамне.

Антипатр, сын Дориды, унаследовал всю злобу, коварство и жестокость идумеян и не щадил ни своего отца, ни братьев. Эти трое, Саломея, Ферорас и Антипатр, хотя и смертельно ненавидели друг друга, были объединены в ненависти против сыновей Мариамны. Чем больше отец потакал этим принцам и чем больше они были любимы народом как потомки хасмонеев по материнской линии, тем больше их злейшие враги боялись и ненавидели их. Антипатр обвинил Александра и Аристобула в желании отомстить за смерть своей матери лично их отцу. Необдуманные выражения, поспешно произнесенные в минуты раздражения, возможно, придавали некоторое основание этим обвинениям. Подозрения Ирода с жадностью улавливались в связи с этой клеветой. Он начал ненавидеть своих сыновей и в знак неудовольствия по отношению к ним заставил Антипатра поверить, что он должен разделить их права наследования. Эта решимость царя еще больше озлобила хасмонеяских принцев и побудила их к самым неразумным вспышкам гнева против своего отца. В то же время Антипатру удалось представить ему доказательства попытки заговора двух братьев против Ирода. Их друзья и слуги были по приказу царя подвергнуты пыткам, и на основании их признания, вырванного у них в агонии, Александр и Аристобул были приговорены к смерти советом, насчитывавшим сто пятьдесят друзей Ирода. Сам Ирод ускорил казнь и приказал выдворить двух принцев из Иерусалима и поспешить в Самарию, и там, где тридцать лет назад их неестественный отец праздновал свою свадьбу с их матерью, двое ее сыновей были безжалостно обезглавлены.

Однако заговоры против жизни Ирода не прекратились с их смертью, а, наоборот, приобрели новую силу. Антипатр, вовсе не чувствуя уверенности в своем престолонаследии, пока был жив его отец, фактически вступил в сговор с Ферором против жизни этого отца и благодетеля. Но его дьявольский замысел раскрылся, и было обнаружено, что Антипатр, несомненно, намеревался отравить своего отца. Это разоблачение стало ужасным ударом для Ирода. Смятение его возмущенных чувств невозможно описать, и все же ему пришлось взять себя в руки и даже

притвориться, что он очень привязан к Антипатру, чтобы побудить этого правителя покинуть Рим и вернуться в Иерусалим. По прибытии Антипатра отец осыпал его упреками и обвинил перед трибуналом, который находился под председательством римского наместника Квинтилия Вара, в братоубийстве и попытке отцеубийства. Тщетно принц доказывал свою невиновность; друг Ирода, Николай Дамасский, выступил его безжалостным обвинителем. Его смертный приговор был вынесен, и Ирод умолял Августа утвердить его.

Такие постоянные и частые тревоги привели Ирода, которому почти исполнилось семьдесят лет, к смертному одру. Все его надежды рухнули; результат стольких усилий, столькой вины, столького кровопролития стал ему ненавистен. Кому из своих оставшихся в живых сыновей он мог доверять? В третий раз он изменил порядок наследования престола и постановил, что трон должен принадлежать его младшему сыну Антипе I.

Его жалкое душевное состояние, которое могло бы сделать его мягче и милосерднее, только привело его к еще большей жестокости. Незначительное восстание некоторых вспыльчивых юношей вызвало у престарелого монарха акт возмездия, столь же бессердечный и суровый, как и в те дни, когда его сердце переполняли молодые и честлюбивые надежды. Фарисеи не были его друзьями, особенно те, кто был учениками Шаммая. Поэтому Он с подозрением следил за членами фарисейских школ, а фарисеи, со своей стороны, продолжали натравливать молодежь своих последователей против своего монарха, которого они называли идумеянином и римлянином. Это они могли делать, не подвергаясь никакой опасности для себя, поскольку облакали свои слова в метафорические одежды, применяя обличения древних еврейских пророков к идумеянскому народу, чтобы выразить то, что они чувствовали к Ироду и его семье.

Среди фарисеев, которые были наиболее ярыми противниками Ирода и римлян, Иуда бен Сепфори и Матиас бен Маргалот отличались пылкостью и безрассудством, и именно за эти качества их народ полюбил. Услышав о смертельной болезни Ирода, они подстрекали некоторых из своих юных учеников положить конец осквернению Храма, сбросив римского орла с ворот. Слухи о смерти Ирода, которым поверили в Иерусалиме, благоприятствовали этому смелому начинанию. Несколько юношей, вооруженных топорами, бросились к воротам Храма, взобрались на них по веревочной лестнице и срубили орла. Узнав об этой мятежной акции, начальник геродианской гвардии послал на место своих солдат, и им удалось схватить двух главарей и сорок их последователей. Их привели в присутствие короля, и вид этих новых жертв оживил его истощенные жизненные силы. На суде, который проходил в его присутствии, ему пришлось услышать многое, что доказывало, насколько неспособным он был сломить упрямую волю своего народа. Заключение бесстрашно сознались в содеянном, с гордостью хвастаясь своим поступком и отвечая на вопрос о том, кто подтолкнул их к такому поступку, "Законом". Все они были сожжены заживо как "осквернители Храма".

Но вечное правосудие должно было наказать Ирода более сурово, чем это было бы возможно, если бы он предстал перед самым суровым земным судом. Даже за удовольствием, которое было даровано ему до того, как он полностью поддался своей отвратительной болезни, за радостью от возможности отдать приказ о казни своего сына, вскоре последовал пароксизм боли, в результате которого он едва не стал причиной собственной гибели. Его родственник Ахиаб вырвал нож у него из руки, но крик ужаса, раздавшийся из его дворца в Иерихоне при этой попытке самоубийства, достиг ушей Антипатра, узника того же дворца. У него появилась надежда, что его жизнь еще может быть сохранена, и он умолял своего тюремщика освободить

его. Но тюремщик, боявшийся рисковать собственной жизнью, поспешил в покои короля, чтобы посмотреть, жив ли еще жестокий монарх. Когда Ирод услышал, что Антипатр все еще надеется пережить его, он приказал немедленно убить его, и его приказ был немедленно выполнен. Хотя Антипатр десятикратно заслуживал своей смерти, все же всеобщее чувство ужаса вызвала мысль об отце, который мог приговорить к смерти трех своих сыновей. Даже Август, который не проявлял никаких нежных отцовских чувств к своей дочери Юлии, не смог удержаться от восклицания при известии о казни Антипатра, что "он предпочел бы быть свиньей Ирода, чем его сыном". Более поздняя легенда повествует о том, как Ирод не удовлетворился пролитием крови своих собственных детей, а в порыве гнева приказал истребить всех детей младше двух лет в Вифлееме и окрестностях, потому что он услышал, что в этом месте родился Мессия из Дома Давидова! Но Ирод, каким бы преступником он ни был, был невиновен в этом преступлении.

Однако последние мысли Ирода были сосредоточены на кровопролитии. Он настоял на том, чтобы самых уважаемых людей Иудеи доставили в Иерихон и заключили в тюрьму на большой общественной арене, где они находились под строгой охраной; затем он отдал приказ своей сестре Саломее и ее мужу, чтобы сразу после его смерти все они были убиты его телохранителями, чтобы вся нация оплакивала своих близких, и ни у кого не хватило бы духу радоваться его кончине. Убийство занимало его мысли с первого момента его публичной жизни и до последнего вздоха. Он умер через пять дней после казни Антипатра, на шестьдесят девятом году своей жизни и тридцать седьмом году своего правления, весной 4 года до н.э. Льстецы называли его "Ирод Великий", но нация знала его только как "раба-хасмонея". Пока его тело со всей помпой доставляли к месту упокоения в Иродиуме под эскортом фракийской, германской и галльской личной охраны, нация радостно отмечала этот день как полупраздник.

ГЛАВА V. ИРОДИАНЕ.

Семья Ирода—Раздел Иудейского царства—Восстание против Архелая—Сабин и Вар—Вождь авантюристов, Иуда Галилеянин—Подтверждение воли Ирода—Архелай как правитель—Его краткое правление и изгнание—Иудея становится римской провинцией—Восстание против Переписи населения—Школы Гиллеля и Шаммая—Иуда, Основатель Партии zelотов—Обременительные налоги—Новая враждебность самаритян—Изгнание иудеев из Рима Тиберием — Понтий Пилат.

3 до н. э.—37 н. э.

Каким бы неудачным ни было правление Ирода, оно все же выгодно отличалось от того, что последовало за ним. Правление Ирода, во всяком случае, отличалось внешним великолепием и определенным оживлением в управлении государственными делами. Границы Иудеи теперь простирались далеко за пределы, отведенные им в самые процветающие дни хасмонеев. Те участки земли за Иорданом и Хермоном, которые Аристокл I и Александр I лишь частично завоевали после многих лет бесполезных сражений, перешли во владение Ирода простым росчерком пера; но, возможно, по этой причине новые территории были менее желанными, чем

если бы они были завоеваны тяжелым трудом. Города Иудеи были восстановлены с большим великолепием, они были украшены прекрасными образцами греческой скульптуры и архитектуры; но памятники, которые были воздвигнуты, увековечивали славу римских сановников и семьи Иродиан, а не величие нации. Морские порты, и особенно порт Кесарии, были переполнены судами, и, следовательно, торговля поощрялась, но импорт, который, естественно, увеличился, не способствовал обогащению нации. Храм блистал в своей обновленной славе и внешне напоминал времена Соломона, но священники были вынуждены приносить жертвы ради благополучия тех, кого они ненавидели в своих сердцах. Страна даже пользовалась определенной независимостью, поскольку римские оковы не были видны при поверхностном взгляде. Вся эта внешняя показуха — потому что это была всего лишь внешняя показуха — исчезла со смертью единственного человека, который знал, как этим воспользоваться. Как только смерть вырвала бразды правления из рук Ирода, общественные дела пришли в неустroенное и разрозненное состояние, что стало началом более длительных несчастий. Здание, построенное на первый взгляд, вскоре рухнуло, похоронив под своими руинами все, что еще оставалось в Иудее от свободы и национального существования.

Ирод оставил после себя нескольких дочерей и шестерых сыновей. Некоторым из них он отдал предпочтение в своем завещании, другими пренебрег. Публикация этого завещания (содержание которого было известно Птолемию, брату знаменитого историка Николая Дамасского) доказала, как мало он заботился об интересах Иудеи и как постоянно им руководили самые эгоистичные мотивы. Вместо того чтобы сохранить единство страны в неприкосновенности, он расчленил ее, чтобы разделить между тремя своими сыновьями. Остальные трое не упоминались; это были Ирод, его сын от второй Мариамны; другой Ирод от Клеопатры Иерусалимской; и Фазаил от его жены Паллады. Он завещал своему сыну Архелая (матерью которого была Малфация Самарянка) страны Иудею и Самарию с титулом суверена. Ирод Антипа (также сын Малфация) стал обладателем земель Галилеи и Переи; Филипп, сын Клеопатры Иерусалимской, другой тетрархии — Гауланиты, Батании, Трахониты и страны под названием Паниас, в которой находился исток Иордана. Он завещал своей сестре Саломее в награду за ее верность доходы с городов Джамния, Азот и Фазаэлис (к северу от Иерихона). Однако эти последние завещания были выражены только в форме пожеланий, поскольку он оставил императору Августу право решать, следует ли их приводить в исполнение или следует иным образом разделить землю и назначить другого преемника на трон.

Сыновья, получившие при жизни лишь скудные доказательства привязанности от своего отца, не были связаны никакими узами братской любви, и каждый завидовал доле, выпавшей на долю его брата. Антипа завидовал большим территориям и царскому титулу Архелая, потому что в более раннем завещании он был назначен преемником трона. Саломея, несмотря на свои большие владения, была в равной степени озлоблена против Архелая и делала все, что было в ее силах, чтобы оспорить престолонаследие. Раздор, разделивший дом Ирода, передался по наследству их детям и детям детей. Поскольку исполнение завещаний Ирода зависело от высшей власти, все спорщики пытались втереться в доверие к народу, который, как они надеялись, вступится за них перед Августом. Саломея и ее муж фактически отменили приказ Ирода о казни заключенных вельмож и убедили офицеров иродианской личной охраны, что сам Ирод не одобрял казнь столь масштабного характера.

Архелай, у которого было еще больше причин снискать расположение народа, появился во дворе Храма по истечении срока траура и, обращаясь к толпе с трона, воздвигнутого по этому

случаю, пообещал отменить все несправедливые законы, санкционированные в правление его отца, и привести в порядок общественные дела, чтобы способствовать всеобщему миру и благополучию. Ободренный такой снисходительностью, народ не желал довольствоваться королевскими обещаниями; они настаивали на изложении своих жалоб в определенной форме и требовали скорейшего и определенного возмещения ущерба. Было пять пунктов, по которым люди были особенно решительны. Они желали, чтобы были снижены обременительные ежегодные налоги, в то время как пошлины на общественные продажи и закупки были полностью отменены; чтобы заключенные, которые годами томились в темницах, были освобождены; чтобы советники, проголосовавшие за смертный приговор, когда был уничтожен римский орел, были наказаны; и, наконец, чтобы непопулярный первосвященник Иоасер был смещен, а на его место был назначен другой, достойный его важной должности.

Все это на самом деле было не чем иным, как требованием как новой и популярной формы правления, так и общественного осуждения иродианской тирании. Как бы мало ни заботился Архелай в глубине души о репутации своего отца, он никак не мог согласиться на все эти просьбы. Тем не менее, он соглашался на все, но не мог обещать, что их желания будут исполнены до тех пор, пока воля Ирода не получит императорской санкции. Но многотысячные толпы людей, собравшиеся со всех концов Иудеи, чтобы отпраздновать праздник Пасхи, подстрекаемые фарисеями, которые воздействовали на их чувства, рисуя им мученическую смерть Иуды и Матфия, разрушителей орла, не унимались и выступили вперед, полные гнева и неповиновения. Каковы могли быть их намерения, неизвестно. Архелай, опасавшийся восстания, послал отряд солдат для подавления любых беспорядков, но они были заброшены камнями и вынуждены обратиться в бегство. Тем временем приближался полдень, и люди позволили своему гневу остыть. Они были заняты обрядами праздников и не делали никаких приготовлений ни к обороне, ни к началу военных действий. Архелай воспользовался их бездействием; он приказал всей пехоте в Иерусалиме напасть на приносящую жертвы толпу и изрубить их; кавалерия должна была оставаться на открытой равнине, чтобы задержать беглецов. Три тысячи были убиты в тот день на горе Храма и в окрестностях; те, кто избежал меча врага, покончили с собой. После этого Глашатаи объявили всему городу, что Архелай запретил праздновать Пасху в этом году, и никому не разрешалось приближаться к Храму. Это было началом правления Архелая.

Хотя его родственники, вероятно, поступили бы не более гуманно, чем он, они протестовали против его жестокости и использовали ее как оружие для достижения своих собственных целей в присутствии Августа. Весь дом Ирода отправился в Рим, чтобы положить землю Иудеи к ногам императора и ходатайствовать, в соответствии со своими интересами, об изменении или утверждении завещания.

Во время их отсутствия произошли неожиданные события, и приз, за который они все боролись, едва не ускользнул из их рук. Иудея превратилась в огромное поле битвы, арену яростных столкновений. Мужчины бросались в драку, присваивая себе титулы царей или вождей народа. Кровь убитых воинов, стоны безоружных, раненых горожан, дым, поднимающийся из горящих городов, наполнили каждое сердце тревогой и ужасными предчувствиями падения Иудеи. Трагические события, произошедшие в первый год после смерти Ирода, описаны в Хронике как "Период войны Вара", правителя Сирии.

По желанию Архелая Квинтилий Вар остался в Иерусалиме после отъезда семьи Иродиапов, чтобы подавить любую попытку восстания, которая могла бы произойти во время отсутствия князей. Задача была легкой, поскольку патриоты, враждебно относившиеся к иродиацам, не имели четкого плана действий, были недостаточно вооружены и позволили своей лютой ненависти увлечь себя на неразумные и бесполезные демонстрации. Вар, не видя дальнейшей необходимости оставаться в столице Иудеи, вернулся в Антиохию, но оставил значительное количество войск наготове на случай любых признаков враждебности.

Как только правитель Вар покинул Иерусалим, прибытие Сабины, казначея Августа, стало еще одним поводом для недовольства народа. Он был послан потребовать сокровища Ирода и, вероятно, также все то, что принадлежало Храму, как если бы император был признанным наследником владений Ирода. У Сабины, должно быть, были какие-то недобрые намерения, поскольку он ускорил свое путешествие в Иерусалим, несмотря на то, что обещал Вару оставаться в Кесарии до тех пор, пока не будут улажены споры с Иродиаком. Он воспользовался нежеланием, с которым стражи порядка подчинились его требованиям, чтобы посеять смуту среди людей и таким образом получить предлог для проникновения в город.

Приближался праздник Пятидесятницы, и, как обычно, в Иерусалим стекались толпы людей со всех концов страны. На этот раз большая часть их была движима враждебными чувствами к римлянам и иродиакам. Борьба не затянулась. Народ вскоре избрал своих вождей, и им удалось занять Храмовую гору и Ипподром, откуда они бросили вызов римлянам, которые разместились во дворце Ирода. Сабин, считая себя потерянными, призвал римлян осадить Храм и послал Вару сообщение о дополнительных подкреплениях. Иудеи, хорошо защищенные стенами Храма, обрушили на римлян свое оружие и огромные камни. Победа была бы за ними, если бы враг с помощью горящих материалов не поджег колоннаду. Пламя распространялось так быстро, что спастись было невозможно. Из несчастных сражавшихся одни стали жертвами пожара, другие пали от мечей римлян, и многие из них покончили с собой в безрассудном отчаянии.

Как только Храм остался без защиты, римляне, соблазненные сокровищами, которые, как они знали, в нем хранились, бросились во дворы. Говорят, что один только Сабин присвоил четыреста талантов из сокровищ Храма. Разграбление этих сокровищ, осквернение Святой Святыни и разрушение залов Храма, всего через десять лет после завершения строительства священного здания, пробудили все негодование и, в то же время, всю доблесть иудеев. Даже большая часть иродиацких войск перешла на сторону недовольных и помогала им в борьбе с римлянами. Укрепившись таким образом, они осадили дворец Ирода, заложили мины под башнями и пригрозили римлянам уничтожением, если те немедленно не отступят. Сабин, с тревогой ожидавший ожидаемого подкрепления, но колебавшийся между страхом перед осаждающими и страстным желанием овладеть ими, некоторое время оставался в цитадели дворца.

Таким образом, все ужасы анархии были выпущены на волю в Иудее. Если бы повстанцы нашли умелых и заслуживающих доверия лидеров, их объединенные усилия могли бы привести к таким важным событиям, что иродиацкий спор пришел бы к самому неожиданному завершению. Но не было организации, которая придавала бы форму и цель всему этому патриотическому пылу. Его подпитывали эгоистичные авантюристы, и поэтому он был скорее вреден для самой страны, чем опасен для врага. Две тысячи солдат, вероятно, иудеев, которых

Ирод распустил незадолго до своей смерти, подняли тревогу в южных районах. Некий Симон, раб Ирода, отличавшийся необычайной красотой и внушительной осанкой, собрал отряд недовольных, которые приветствовали его как своего царя, и по его приказу сжег дотла многие царские замки в стране, включая царский дворец в Иерихоне. Дворец Бетарамата был разрушен бандой мужчин, имя предводителя которой неизвестно. Третьим искателем приключений был пастух по имени Афронгес, гигант силы и телосложения, которого сопровождали на поле битвы четыре брата, все такого же колоссального телосложения. Приняв царский титул, он напал на римлян, отрезал им путь к отступлению и доблестно сражался, пока после долгой и ожесточенной борьбы не был вынужден сдаться. Во всех этих вольных войнах был только один предводитель, у которого была четкая цель, и который мог бы оказаться грозным врагом как римлянам, так и иродианам, если бы удача была к нему благосклонна или если бы его соотечественники оказали ему свою сердечную помощь. Это был Иуда, известный под именем "галилеянин", уроженец Гамалы в Гауланитисе и сын Иезекии, сражаясь с которым, Ирод снискал свои первые лавры. Иуда с самого рождения был проникнут страстной любовью к своей стране и столь же страстной ненавистью к римлянам. Он стал лидером фракции, которая постепенно стала править страной и в конечном итоге создала римлянам больше трудностей, чем даже галлам и германцам. Иуда был в этот период в расцвете сил. Его горячее рвение оказалось заразительным, и он приобрел значительное количество сторонников среди влиятельных галилеян. С их помощью он завладел арсеналом в Сепфорисе, столице Галилеи. Затем он вооружил своих последователей, выделил им жалованье из денег, найденных в арсенале, и вскоре стал наводить ужас на римлян и всех тех, кто был благосклонно к ним расположен.

События в регионе, граничащем с Сирией, были еще более неотложными, чем у Сабина, когда он убеждал правителя подавить восстание и поспешить на выручку римским войскам. Ужас самого Вара был настолько велик, что он не только приказал всем римским войскам, которые были в его распоряжении (более двадцати тысяч человек), выступить против повстанцев, но и вызвал армии под командованием соседних князей. Арета, царь Набафеев, отдал свои войска под командование римского полководца, и поскольку они составляли авангард римской армии, они жгли и грабили все деревни, через которые проходили. Вар послал одно подразделение своих войск в Галилею, чтобы начать операции против Иуды. По-видимому, в городе Сепфорис произошла жестокая битва; в конце концов Вар поджег его и продал жителей в рабство, но Иуда сбежал. Город Эммаус, где обосновался Афронг, постигла та же участь, хотя жители обратились в бегство. По прибытии в Иерусалим Вар обнаружил, что его задача стала легкой, поскольку осаждающие были встревожены сообщением о приближении его армии и прекратили борьбу с Сабином. Несмотря на это, по приказу Вара были распяты две тысячи пленников.

Таков был конец восстания, которое было вызвано к жизни естественным чувством гнева и возмущения, но потерпело неудачу из-за отсутствия мудрого и рассудительного руководства. Это привело лишь к тому, что нация оказалась в состоянии еще более унижительной зависимости от Рима, поскольку для охраны мятежных граждан Иерусалима был оставлен легион.

Все это время иродианцы все еще обсуждали свои претензии на суверенитет Иудеи перед тронном Августа, и их раболепное поведение и взаимные обвинения только убедили императора в том, насколько все они недостойны держать бразды правления. Прежде чем Август смог прийти к какому-либо решению, прибыло иудейское посольство, состоящее из пятидесяти

высокопоставленных людей, чья миссия была одобрена Варом. Они выдвинули обвинения против правительства Ирода и умоляли императора провозгласить Иудею римской провинцией вместе с Сирией, но предоставить нации полную свободу вести свои собственные внутренние дела. Поскольку петицию поддержали восемь тысяч римско-иудеев, император был вынужден выслушать ее. Однако, выслушав как требования посольства, так и доводы претендентов на трон, он решил подтвердить волю Ирода, за тем исключением, что он не предоставил власть Архелаю немедленно, а лишь признал его правителем (этнархом), пообещав ему, однако, что, если он окажется достойным царского титула, он должен быть предоставлен ему в конечном итоге. Август не мог полностью пренебречь последней волей принца, который был его другом и который служил римлянам с преданностью, сравнимой только с тем рвением, с которым он преследовал свои собственные эгоистичные цели. Императорская казна не уменьшалась, независимо от того, называлась ли Иудея этнархией или провинцией, зависимой от Рима.

Правление Архелая было коротким и небогатым событиями (4 год до н. э. –6 год н. э.). Дети Ирода мало что унаследовали от характера своего отца, за исключением его пристрастия к строительству и раболепной политики по отношению к Риму. В других отношениях они были незначительны, и даже в их тирании было что-то мелкое и презренное. Сначала Архелай (который фигурирует также под именем Ирод) попытался примирить недовольных членов общины, чье негодование он вызвал на собрании во дворах Храма. Он уступил общему желанию сместить непопулярного первосвященника Иоасара и назначил на его место брата последнего, Елеазара, которому вскоре наследовал Иисус Навин из семьи Сиэ, или Сифа. Но его, в свою очередь, сменил Иоасар, и таким образом за короткий промежуток в девять лет друг за другом сменились три первосвященника. Единственная война, которую вел Архелай, велась против Афронга, который смог продержаться некоторое время после смерти своих четырех братьев; и неспособность Архелая была такова, что он долго не мог подчинить авантюриста, силы которого были почти исчерпаны, но который все еще был в состоянии диктовать условия своей капитуляции.

Архелай оскорбил чувства благочестивых иудеев своей женитьбой на свояченице Глафире, вдове казненного Александра. У этой дочери царя Каппадокии было два сына; один из них, Тигран, и его племянник с тем же именем, стали в последующие годы царями соответственно Большой и Малой Армении. Равнодушная к печальной судьбе своего мужа, она вышла замуж после его смерти за Джубу, царя Нумидии; но вскоре развелась с ним и заключила союз с Архелаем, братом своего первого мужа, союз, запрещенный иудейскими законами. Мало что известно о жизни Архелая; его тиранические действия вызвали осуждение иудеев и самаритян. Он предстал перед Августом, чтобы ответить за свои проступки, но, будучи не в состоянии защитить себя, был свергнут с престола и отправлен в изгнание среди аллоброгских рас (6 год н.э.). Княжества, принадлежавшие Ироду Антипе и Филиппу, остались в своем прежнем состоянии, но города, находившиеся во владении Саломеи, также перешли под власть Императора, поскольку Саломея после своей смерти завещала их императрице Ливии.

Таким образом, после ста пятидесяти лет реальной или кажущейся независимости Иудея оказалась полностью подчиненной римской власти и была объединена с провинцией Сирия. Все оставалось в таком состоянии, за исключением короткого промежутка времени, до последнего восстания. Императорский представитель в Иудее, который отныне получил титул прокуратора, имел резиденцию правительства в морском порту Кесария, который с того времени стал ненавистным соперником Иерусалима. Обязанности прокурора состояли в

поддержании порядка в стране и в обеспечении своевременной уплаты всех налогов. Он даже имел право выносить смертный приговор, а также надзирать за соблюдением уголовного законодательства в Синхедрионе.

Авторитет Синхедриона становился все более и более ограниченным, и политическое значение этого собрания, которое значительно уменьшилось во время правления Ирода, полностью сошло на нет. Римляне вмешивались во все функции Синхедриона, а также в распоряжения первосвященников. Прокуратор назначал и смещал первосвященников в соответствии с их дружественными или неблагоприятными наклонностями по отношению к Риму; он заботился о священнических украшениях и отказывался от них только по главным праздникам. Облачения первосвященников хранились под замком в крепости Антония; служащие Храма сняли их как раз к празднику и вернули на прежнее место в присутствии римского надзирателя. Перед витриной, в которой хранились священнические облачения, постоянно горел свет.

Первым прокуратором, которого Август послал в Иудею, был начальник конницы Копоний. Сирийский наместник Квирий прибыл в то же время (6-7), чтобы предъявить права на конфискованное имущество Архелая. Ему также было поручено провести перепись населения и оценить имущество страны для целей нового метода налогообложения. Налог должен был взиматься с каждого человека, включая женщин и рабов; однако дети женского пола в возрасте до двенадцати лет и дети мужского пола в возрасте до четырнадцати лет, а также очень старые люди должны были быть освобождены от уплаты налога. Кроме того, был введен подоходный налог, и те, кто держал крупный рогатый скот, были вынуждены отказаться от части своих стад. Налоги на землю должны были выплачиваться из урожая.

Этот метод взимания податей вызвал одинаковое возмущение всех классов. Каждый возмущался таким вмешательством как в частные, так и в политические дела и чувствовал, что земля, собственность и сама личность каждого человека находятся в руках императора и используются им по своему усмотрению. Неудивительно, что при своем незнании римского устройства люди смотрели на перепись населения как на вестника рабства и с ужасом ожидали повторения вавилонского пленения. Их страх перед переписью, возможно, преувеличенный, но не совсем неоправданный, вызвал большее волнение, чем любой предыдущий закон, и вызвал новые споры, в ходе которых старые разногласия между фарисеями и саддукеями были полностью забыты. Были подняты новые темы для обсуждения. Вопрос о верховенстве устного закона исчез перед животрепещущим вопросом дня — должны ли люди стать рабами римлян или же они должны оказывать упорное и энергичное сопротивление. Этот вопрос внес раскол в лагерь фарисеев. Новая фракция, которую породила дискуссия о переписи, возникла в самом центре Синхедриона и была связана с именами Гиллеля, Шаммая и Иуды Галилейского.

Гиллель и Шаммай не дожили до катастрофы, которая превратила Иудею в провинцию Рима. Смерть Гиллеля вызвала всеобщий траур, и речь на его могиле началась с печального возгласа: "О благочестивый, о кроткий, о достойный последователь Эзры". Народ, в своей великой привязанности к нему, продолжал отличать его потомков своей благосклонностью, и президентство в Синхедрионе стало наследственным в его семье более чем на четыре столетия. От сына и преемника Гиллеля, Симона I, не сохранилось ничего, кроме его имени. Все величие, окружавшее имя Гиллеля, было завещано школе, которую он основал и которая унаследовала и верно сохранила дух своего основателя. Ученики этой школы проявляли во всех своих общественных делах миролюбие и мягкость, дух примирения, которые отличали их великого

учителя. Эти характерные качества руководили ими и поддерживали их во время политических бурь, которые долгое время сотрясали их несчастную страну. В этой школе было около восьмидесяти членов, которые были наиболее преданно привязаны к Гиллелю и назывались старейшинами школы. Сохранились имена только двоих из них: Ионафана, сына Узиэля, и Йоханана бен Заккая. Считается, что первый из них, но без фактических доказательств, был автором халдейского перевода Пророков. Отец лишил его наследства в пользу Шаммая, вероятно, из-за недовольства тем, что он присоединился к школе Гиллеля.

Точно так же, как школа Гиллеля стремилась сохранить характерную мягкость своего учителя, последователи Шаммая подражали суровой строгости основателя своей школы и даже превосходили ее. Школе Шаммая казалось невозможным соблюдать достаточно строгие религиозные запреты; решения, к которым они приходили в своих интерпретациях закона, были в целом настолько обременительными, что те, которые были более мягкими по своему характеру, ценились как редкие исключения. Таким образом, по их мнению, не следует предпринимать никакой работы, которая, будучи начата до субботы, была бы завершена в субботу даже без помощи иудея. В субботу было запрещено жертвовать денежные суммы на благотворительные цели, заключать брачные контракты, давать уроки детям, навещать больных или даже утешать скорбящих. В своих предписаниях относительно чистоты левитов, касающихся их личности и одежды, их преувеличения очень приблизили их к эксцессам ессеев. Они были столь же суровы в отношении супружеских законов и допускали развод только в случае нецеломудрия жены.

В школе Шаммая фарисейские принципы были доведены до крайности. Только благодаря уступчивому характеру последователей Гиллеля мир не был нарушен и между двумя школами с такими противоположными взглядами и характерами существовали дружеские отношения. Школа Шаммая была не только сурова в своих объяснениях законов, но и придерживалась очень строгих мнений почти по всем предметам; они были особенно суровы и отталкивающи по отношению к обращенным в иудаизм. Любой язычник, пришедший в школу Шаммай с просьбой принять его в общину, мог ожидать лишь очень холодного и отталкивающего приема. Школа Шаммай не заботилась о прозелитах. Насколько опасными для иудаизма могут быть вялые прозелиты, они слишком часто видели на примере обращенных иродианян. Но, несмотря на их собственное неукоснительное подчинение Закону, они не требовали такого же повиновения от иудейских войск, сражавшихся против национального врага. Первоначально были некоторые колебания по поводу ведения войны в субботу, но теперь школа Шаммая безоговорочно поддержала это; осада враждебного города, начатая до наступления субботы, не должна была быть начата, несмотря на нарушение закона о субботе, до тех пор, пока крепость не сдастся. Эти таинства были установлены самим Шаммаем, в котором ненависть к язычникам была даже больше, чем религиозная набожность. Школа Шаммая имела большое количество приверженцев в Синхедрионе, а также среди людей. Их религиозный аскетизм и ненависть к язычникам находили больше сочувствующих, чем умеренность и миролюбие последователей Гиллеля. Следовательно, они составили большинство и смогли провести в жизнь все свои резолюции. Среди последователей Шаммая сохранилось несколько имен — Баба бен Бута, Достай из Итоме и Садок.

Возможно, что этот Садок - тот самый, о ком рассказывают, что, движимый фанатичной ненавистью к римлянам, он присоединился к Иуде Галилеянину и поставил себя во главе религиозной республиканской фракции, называвшей себя *зелотами* (каннаим). Членов этой

фракции также называли галилеянами. Лозунг, который Иуда дал партии zelотов и который был горячо поддержан Садоком, состоял в том, что повиновение римскому закону было пренебрежением Божественным законом, ибо только Бог был правителем и только один мог требовать повиновения; что, следовательно, ясным и торжественным долгом стало напрягать все нервы и жертвовать имуществом, жизнью и семьей в этой борьбе против узурпатора, который требовал подчинения, причитающегося только Богу. И они поставили в качестве примера Финеаса, убийцу вождя Зимри, единственного, кто в присутствии пренебрежительного племени и ленивой нации с усердием служил своему Богу. Более того, Иуда провозгласил, что иудейское государство должно быть республикой, признающей суверенным только Бога и Его законы высшими. Это учение находило поддержку тем более охотно, что римское иго становилось все более и более невыносимым. Великая цель, которую они имели в виду — восстановление своей свободы, — возбуждала молодых и старых, и zelоты, фракция, которая сначала состояла только из последователей Шаммая, вскоре включила в себя большое количество иудеев, которые с негодованием страдали под тяжестью римских оков.

Как только был принят закон о том, что каждый должен давать точное описание своей семьи, своих земель и своего имущества, Садок и Иуда дали сигнал к энергичному сопротивлению. В некоторых местах, по-видимому, разгорелся конфликт. Однако более умеренные, включая первосвященника Иоасара, пытались успокоить недовольных, объясняя, что перепись не будет предвестником рабства или конфискации имущества, а просто необходима для контроля за порядком налогообложения. Это было бесполезно, и к переписи относились с таким подозрением и неприязнью, что каждый штраф теперь назывался переписью (кенас). Даже умеренная партия, хотя и пыталась пресечь агитацию, была возмущена посягательствами на их свободы. Школа Гиллеля считала налогообложение настолько неоправданным, что, какими бы добросовестными они ни были, они соглашались на все меры, с помощью которых его можно было избежать.

Всеобщее отвращение к этой системе налогообложения было таково, что на всех тех, кто официально был занят ее осуществлением, будь то сборщик налогов (Мочес) или казначей (Габбай), смотрели как на бесчестных людей; их не терпели в высших слоях общества, а их показания как свидетелей были дискредитированы. Только корыстные мотивы и полное безразличие к общественному мнению могли побудить кого-либо взяться за эту презируемую должность. Отныне понятия "сборщик налогов" и "надзиратель" стали порицаемыми.

Еще одно изменение также связано с римской оккупацией Иудеи. Все публичные документы, акты о разводе и т.д., теперь должны были датироваться в соответствии с годом правления римского императора, а не, как раньше, годом правления иудейских правителей. Zelоты это нововведение сильно раздосадовало, и они обвинили более умеренных фарисеев, которые подчинились ему, в безразличии к вопросам религии. "Как можно было совершить такой позор, чтобы написать слова "согласно законам Моисея и Израиля" (обычная формула в актах о разделении) "рядом с именем языческого правителя и, таким образом, позволить поместить святое имя величайшего пророка рядом с именем языческого правителя". В одном вопросе Квирий был вынужден уступить воле народа. Он сверг непопулярного первосвященника Иоасара и назначил на его место Анана из рода Сифа, четверо сыновей которого также стали первосвященниками.

При Копонии, который вступил в должность прокуратора после ухода Квириния, старая вражда между иудеями и самаритянами возродилась. За несколько дней до праздника Пасхи двери Храма распахнулись в полночь из-за большого количества жертвоприношений, которые были совершены в это время. Несколько самаритян прокрались в первый внешний двор и бросили несколько человеческих костей между колоннами, чтобы осквернить Храм. Отныне ненависть между этими двумя расами стала яростнее, чем когда-либо, и стража Храма, находившаяся под началом левитов, была усилена, чтобы предотвратить повторение подобного осквернения. Вскоре после этих событий был отозван Копоний. За ним последовал Марк Амбивий, который вскоре также был отозван, и его сменил Анний Руф. Таким образом, за короткий промежуток в семь лет (7-14) сменилось три надсмотрщика, что было катастрофическим обстоятельством, поскольку каждый из них был полон решимости выкачать, насколько это возможно, все богатства из нации.

Смерть Августа мало что изменила в Иудее; последняя просто стала, вместе с другими провинциями, владением Тиберия. Внешне эти провинции, возможно, и не пострадали при правлении нового императора, поскольку он был справедлив к народу, хотя и враждебен аристократии, которую он пытался подавить. Он выслушал жалобы иудеев и облегчил бремя их почти невыносимых налогов. Он назначил прокуратором Валерия Грата, который занимал этот пост одиннадцать лет (15-26). Однако на самом деле антипатия Тиберия к иудеям была даже большей, чем у его предшественника и приемного отца; могло показаться, что представитель империализма в Риме предчувствовал смертельный удар, который Риму суждено было получить от иудаизма. Эта антипатия, вероятно, была вызвана тем фактом, что римляне, и особенно римские женщины, имели склонность к иудаизму. Энтузиазм иудеев по отношению к своей религии представлял разительный контраст с тем безразличием, с которым римляне, как священники, так и миряне, относились к своему национальному богослужению. Потеря свободы в императорском Риме унесла с собой ту идеальность, которая вдохновляет высокоодаренные души; пылкие и эмоциональные умы тщетно искали каких-то возвышенных интересов для удовлетворения своих стремлений. Несколько римских прозелитов во время правления Тиберия засвидетельствовали свой религиозный энтузиазм, отправив подношения в Иерусалимский храм. Возможно, причиной обращения было скорее чувство суеверия, чем убежденность; ибо из обращенных в культ Иисуса в Риме было очевидно, что неизвестное, странное, мистическое оказывало сильное влияние на тех, из чьей жизни был изгнан всякий идеализм.

Неудовольствие Тиберия римские прозелиты впервые вызвали при следующих обстоятельствах: Фульвия, жена очень уважаемого сенатора, была обращена в иудаизм и посылала пожертвования в Храм через своих учителей, которые, однако, сохранили эти пожертвования для себя. Как только эти факты дошли до ушей Тиберия, он представил Сенату закон против иудеев. Следовательно, этот орган постановил, что иудеи должны покинуть город Рим под страхом пожизненного превращения в рабов, если они не отрекутся от иудаизма в течение определенного времени. Говорят, что эта мера была срочно рекомендована министром Сеяну, который оказывал самое сильное влияние на Тиберия. Тысячи иудейских юношей были тут же сосланы на Сардинию, чтобы сражаться с ордами разбойников, наводнившими этот остров. Изгнание в столь неблагоприятный климат почти наверняка было фатальным для несчастных юношей; но это соображение не заставило императора, столь же жестокосердного, как его сенаторы, избрать более мягкий курс. Иудеям по всей Италии угрожали изгнанием, если они не откажутся от своих религиозных обрядов; всех молодых людей в расцвете сил заставляли

приходить вооруженными в лагерь в субботу; за отказом следовало суровое наказание, если религиозные соображения диктовали отказ. Это был первый раз, когда иудеи подверглись религиозным преследованиям в Риме — их первое мученичество, которому суждено было стать предшественником бесчисленного множества других.

Прокуратор Грат, которого назначил Тиберий, принимал такое же активное участие во внутренних делах Иудеи, как и его предшественники. За одиннадцать лет, что он занимал свой пост, он поставил целых пять первосвященников, из которых некоторые сохраняли свой пост только в течение одного года. Эти изменения иногда происходили из-за непопулярности первосвященников, но гораздо чаще были результатом подкупа или беспричинного произвола.

Хотя Иудеей и соседними землями Идумеи и Самарии управляли Прокураторы, тетрархия Галилеи и Переи пользовалась подобием независимости при правлении Ирода Антипы, а земли Батании и Трахонитиды - при правлении Филиппа. Эти два князя отличались только страстью к строительству и покорностью Риму. Ирод Антипа сначала сделал Сепфорис столицей своей тетрархии, но как только Тиберий стал императором, он построил новый город в прекрасном районе Геннисаретского озера, который он назвал Тивериадой, и где он основал свой двор (24-26). Но благочестивые иудеи возражали против проживания в этом новом городе; вероятно, он был построен на месте, которое когда-то служило полем битвы, поскольку там было обнаружено большое количество человеческих костей. Следовательно, строгие левитские предписания не позволяли жителям посещать Храм и совершать различные религиозные обряды. Антипа убедил иудеев поселиться там, только сделав самые заманчивые предложения и применив силу; и фактически прошло столетие, прежде чем наиболее добросовестные представители народа согласились поселиться в городе Тиверии.

Город Бет-Раматха, находившийся в ситуации, аналогичной ситуации в Иерихоне, и также богатый бальзамическими растениями, был переименован в Ливию в честь жены Августа. Филипп, чей доход от страны составлял всего сто талантов, также построил два города. Один из них он построил в прекрасном районе у истоков Иордана и назвал Кесарией Филипповой, чтобы отличать его от портового города Кесарии; другой, к северо-востоку от Геннисаретского озера, он назвал Юлией, в честь дочери Августа. Действительно, Иудея изобиловала памятниками, воздвигнутыми в честь цезарей. Нрав Филиппа был мягким и, казалось бы, не запятанным свирепыми страстями, и его правление, длившееся тридцать семь лет (4 г. до н.э.—33 г. н.э.), было тихим и без происшествий. Антипа, напротив, унаследовал часть дикой и кровожадной натуры своего отца.

Преемником правителя Валерия Грата был Понтий Пилат, чье пребывание на этом посту (26-36 гг.) охватывало десятилетие, памятное в мировой истории. Как только он пришел к власти, он продемонстрировал решимость подвергнуть иудеев дальнейшему унижению и убедить их, что они должны испить чашу страданий до дна. Одного факта, что Пилат был креатурой вероломного министра Сеяна, перед которым одинаково трепетали император и сенат, и что он был послан им в Иудею, было бы достаточно, чтобы описать его характер. Пилат был достоин своего учителя; он, безусловно, пошел намного дальше любого из своих предшественников в том, что касалось чувств иудейского народа. Он атаковал их религиозную щепетильность, пытаясь побудить их отдать дань уважения эмблемам и отличительным знакам империализма. До сих пор командиры римских войск уважали отвращение, с которым иудеи, как было известно, относились ко всем изображениям, и при входе в Иерусалим отвратительные

эмблемы всегда удалялись с римских штандартов. Ирод и его сыновья всегда соблюдали эту практику. Хотя Пилат хорошо знал, что чувства иудеев никогда прежде не оскорблялись по этому поводу, он не обращал на них внимания. Неизвестно, получил ли он тайные указания на этот счет от Сеянуса, или же он действовал по собственному почину, рассчитывая на удовлетворительную взятку. Он тайно послал за всеми императорскими эмблемами, чтобы заменить их на штандарты, находившиеся в Иерусалиме. Приказ о том, что этим изображениям людей следует поклоняться как божествам, вызвал глубочайшее возмущение по всей стране. Народные делегаты, к которым присоединились даже члены семьи Иродиан, поспешили к прокуратору Кесарии и умоляли его распорядиться убрать ненавистные изображения.

В течение пяти дней просители оставались перед дворцом прокуратора, вознося непрерывные мольбы. На шестой день Пилат попытался запугать их и пригрозил, что они будут истреблены его легионами, если они немедленно не разойдутся. Однако, когда он обнаружил, что иудеи были полны решимости пожертвовать своими жизнями, в случае необходимости, а не своими религиозными убеждениями, и, возможно, боялись неодобрения Тиберия, он, наконец, уступил и отдал приказ устранить причину их гнева. Но вскоре после этого он вызвал негодование жителей Иерусалима против себя. Он намеревался построить акведук из источника, расположенного на расстоянии четырех географических миль от города Иерусалим. Чтобы покрыть необходимые расходы, он сам завладел сокровищами Храма (корбаном). В то время он находился в Иерусалиме и был окружен разгневанным населением, которое осыпало его проклятиями. Он не рискнул вызвать свои легионы, но приказал нескольким солдатам переодеться в иудейскую одежду, смешаться с толпой и напасть на них. Толпы быстро рассеялись, но не раньше, чем многие из них были убиты и ранены.

ГЛАВА VI. МЕССИАНСКИЕ ОЖИДАНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА.

Мессианская надежда — Различные концепции ожидаемого Мессии—Идея ессеев о Царстве Небесном—Иоанн Креститель, его работа и заключение—Иисус из Назарета продолжает труды Иоанна—История его рождения—Его успех—Его отношение к иудаизму и сектам—Его чудесное исцеление больных и изгнание бесов -Его тайное явление в качестве Мессии—Его путешествие в Иудею—Обвинения против него и его осуждение—Первая христианская община и ее вожди—эбиониты—Изгнание Пилата из Иудеи—Вителлий, правитель Сирии, благоволит иудеям.

28-37 гг. н. э.

В то время как Иудея все еще дрожала от страха перед каким-нибудь новым актом насилия со стороны правителя Понтия Пилата, который снова обрушил бы на страну волнения и беды, произошло странное событие. Поначалу на него мало обращали внимания, но вскоре он приобрел, благодаря необычности своего происхождения и множеству сопутствующих благоприятных обстоятельств, значительную известность. Успехи, достигнутые этим движением к влиянию и власти, были столь велики, что они привели к радикальным изменениям и открыли

новые пути в мировой истории. Пришло время, когда фундаментальные истины иудаизма, до тех пор досконально известные и по достоинству оцененные только глубокими мыслителями, должны были разорвать свои оковы и свободно распространиться среди всех людей земли. Возвышенные взгляды на Бога и святую жизнь как для отдельного человека, так и для государства, которые составляют ядро иудаизма, теперь должны были быть распространены среди других народов и принести им богатый и благотворный урожай. Теперь Израилю предстояло всерьез приступить к своей священной миссии; он должен был стать учителем народов. Древнее учение о Боге и религиозной морали должно было быть введено им в безбожный и безнравственный мир. Иудаизм, однако, мог проникнуть в сердца язычников, только взяв другое название и приняв новые формы, поскольку со своим старым обозначением и отличительными чертами он не был широко популярен.

Именно благодаря странному движению, возникшему при правлении Пилата, учение иудаизма завоевало симпатии языческого мира. Но эта новая форма иудаизма, измененная инородными элементами, отделилась от родительского источника и вступила в резкий антагонизм с ним. Иудаизм, породивший это новое проявление, не мог получать удовольствия от своего потомства, которое вскоре холодно отвернулось от нее и пошло странными, расходящимися путями. Эта новая сила, это старое учение в новом обличье, или, скорее, этот ессенизм, смешанный с чуждыми элементами, и есть христианство, чье появление и самый ранний ход относятся к иудейской истории этой эпохи.

Христианство обязано своим возникновением всепоглощающему, таинственному чувству, которое царило среди лучших классов иудейского народа и которое с каждым днем усиливалось по мере того, как их политическое положение становилось все более и более невыносимым. Постоянно повторяющиеся бедствия, навлекаемые на них алчностью их римских правителей, бесстыдством князей Ирода, трусостью и раболепием иудейской аристократии, унижением первосвященников и их семей и разногласиями соперничающих партий, усилили стремление к избавителю, провозглашенному в пророческих писаниях, — Мессии — до такой степени, что любой высокоодаренный человек, обладающий внешним обаянием или проникнутый моральной и религиозной благодатью, легко нашел бы учеников и верующих в его мессианскую миссию. Наиболее серьезные мыслители того времени долгое время рассматривали политическое состояние иудеев с момента их возвращения из вавилонского изгнания как временное или подготовительное состояние, которое будет продолжаться только до тех пор, пока не восстанет истинный пророк, и Илия не обратит сердца отцов к детям и не восстановит колена Иакова. Когда народ с торжественными обрядами избрал своим князем Симона-хасмонея, они постановили, что он и его потомки должны занимать эту должность только до тех пор, пока не явится Истинный Пророк, чтобы принять царское достоинство, и только потомку Дома Давида, Помазаннику, согласно пророчеству, по праву принадлежало это достоинство.

Когда в результате войн, развязанных тремя могущественными лидерами, Октавием, Антонием и Лепидом, якобы для наказания убийц Цезаря, а на самом деле для введения новой формы правления, в Римской империи произошел великий политический переворот и три части мира были опустошены, иудейский поэт в Египте предсказал совершенно иной исход — разрушение всего языческого мира и наступление "Царства Божьего". В этом царстве святой царь — Мессия — держал бы скипетр. "Когда Рим победит Египет и будет править им, тогда в мире восстанет величайший в царстве, бессмертный Царь, и придет святой Царь, чтобы править всеми

народами земли во все времена". Мессия, которого так уверенно ожидали, должен был принести совершенно новое положение вещей — новые небеса и новую землю. При пришествии Илии, который должен был стать предшественником Мессии, должно было произойти воскресение мертвых и открыться будущий мир.

Это горячее стремление к Мессии и вера в его пришествие повлияли на все классы иудейского народа, за исключением аристократии и тех, кто цеплялся за Рим. Они были удовлетворены настоящим и ожидали скорее вреда, чем пользы от каких-либо изменений. За короткий промежуток в тридцать лет появилось большое количество мистиков-энтузиастов, которые, без всякого намерения вводить в заблуждение и стремясь снять с людей груз забот и печали, который так тяжело давил на людей, приняли облик пророка или Мессии и нашли учеников, которые верно следовали за своим знаменем до самой смерти. Но хотя кажется, что каждый Мессия привлекал готовых верующих, никто не был признан таковым всей нацией. Непрерывающиеся трения между различными общинами и глубокое изучение священных книг пробудили критический дух, который трудно удовлетворить. Нация также была расколота на множество партий, каждая из которых придерживалась своего представления о будущем спасителе, и поэтому было невозможно, чтобы какой-либо один претендент получил всеобщее признание как Мессия. Республиканские zelotes, ученики Иуды из Галилеи, представляли Мессию как человека, избавляющего Израиль от его врагов дыханием своих уст, разрушающего Римскую империю и восстанавливающего золотую эру царства Давида. Школа Шаммая добавила к этому представлению о Мессии атрибуты горячего религиозного рвения и совершенной нравственной чистоты. Последователи Гиллеля, менее подверженные влиянию фанатизма или политических взглядов, ожидали появления князя мира, который принес бы спокойствие в саму страну и внес гармонию в ее отношения со всеми соседними государствами. Однако в одном пункте все были согласны: мессия должен происходить из ветви Давида; и таким образом, с течением времени выражение "Бен Давид" — сын Давида — стало отождествляться с Мессией. Согласно преобладающему мнению, исполнение мессианских пророчеств требовало возвращения рассеянных колен Израиля, богато нагруженных подарками, искупительными приношениями от народов, которые их так долго угнетали. Даже самые образованные классы, испытавшие на себе влияние греческой культуры и представленные Филоном, иудейским Платоном, полностью верили, что наступит мессианская эпоха, и представляли ее как эпоху чудес. Небесное явление, видимое только праведникам, уведет изгнанных и раскаявшихся израильтян обратно из Греции и варварских земель. Последние были бы признаны подготовленными к мессианскому времени, следуя святой жизни патриархов, и проникнутыми возвышенным и благочестивым духом, который не позволил бы им впасть в свои старые грехи и, несомненно, призвал бы на них всю полноту Божьей благодати. Тогда потоки бывшего счастья снова наполнились бы из вечного источника Божественной благодати: возникли бы разрушенные города, пустыня превратилась бы в цветущую землю, а молитвы живых имели бы силу пробуждать мертвых.

Именно секта ессеев представляла Мессию и мессианское время в наиболее идеалистической манере. Великой целью их аскетизма было продвижение царства небесного (Малхут Шамаим) и грядущей эры (Олам-ха-Ба). Их приверженность была бы дарована только тому, кто вел чистую и незапятнанную жизнь, кто отрекся от мира и его суеты и предоставил доказательства того, что Святой Дух (Руах ха-Кодеш) обитал в нем. Он также должен обладать властью над демонами, отвергнуть Маммону и основать систему совместного пользования благами, в которой бедность и самоотречение были бы украшениями человечества.

Именно от ессеев впервые прозвучал крик: "Мессия грядет! Царство небесное близко!" Тот, кто первым возвысил свой голос в пустыне, мало думал, что он разнесется эхом далеко по суше и морю и что на него откликнутся народы земли, собравшиеся вместе под знаменем Мессии. Возвещая царство Небесное, Он имел в виду лишь призвать грешников среди иудейского народа к покаянию и исправлению. Ессеем, который обратился с этим призывом к израильтянам, был Иоанн Креститель (его имя, несомненно, означает "Ессей", тот, кто ежедневно омывался и очищал тело и душу в родниковой воде). Но до нас дошло мало свидетельств об Иоанне Крестителе. Он вел ту же жизнь, что и ессеи, питался саранчой и диким медом и носил одеяние древних пророков - плащ из верблюжьей шерсти, перетянутый кожаным поясом. Иоанн, по-видимому, полностью разделял веру в то, что, если только весь иудейский народ совершит омовение в реке Иордан, признает свои грехи и примет строгие правила ессеев, обещанное мессианское время больше нельзя будет откладывать. Поэтому Он призвал людей прийти и принять крещение в Иордане, исповедаться и отречься от своих грехов и таким образом подготовиться к пришествию царства Небесного.

Иоанн жил с другими ессеями в пустыне, в окрестностях Мертвого моря, предположительно для того, чтобы всегда быть рядом и учить раскаявшихся грешников глубокому моральному значению крещения. С этим обрядом, несомненно, было связано принятие жизненных правил ессеев. Несомненно, было много людей, проникнутых духом энтузиазма и опечаленных злом и бедствиями, свидетелями которых они стали, которые с готовностью откликнулись на призыв ессея-крестителя. Кто бы с радостью, если бы это было только в его силах, не продолжил великую работу Искупления и не помог приблизить царство Небесное? Вернулись ли крещенные улучшенными после погружения в воды Иордана? Оказало ли это символическое действие какое-либо большое моральное влияние? История ничего не говорит нам, но наши знания о состоянии Иудеи в то время могут легко дать нам ответ на этот вопрос. Иудейский народ в целом, особенно среди граждан среднего класса, не нуждался в этом жестоком потрясении как средстве улучшения; они не были ни порочными, ни развращенными, и их формы публичного религиозного поклонения было достаточно, чтобы удерживать их на правильном пути. Однако две группы людей могли бы прислушаться к призыву Иоанна к покаянию — он мог бы оказать благотворное влияние на высшие и низшие классы, на аристократию и богатых, развращенных Римом, и на несчастное крестьянство, ожесточенное постоянными войнами. Но богатые только смеялись над великодушным энтузиастом, который учил, что крещение в водах Иордана приведет к чудесной мессианской эре, а сыны земли были слишком тупы и невежественны, чтобы прислушаться к искреннему призыву Крестителя.

Его призыв, с другой стороны, по своему содержанию и характеру не имел ничего такого, что могло бы оскорбить фарисеев или вызвать какое-либо противодействие в рядах этой правящей партии. Ученики Иоанна, те, кто был ближе всего к нему и кто следовал его образу жизни, строго придерживались слов Закона и соблюдали все предписанные им посты. Если фарисеи, составлявшие в то время школы Гиллеля и Шаммая, не очень одобряли энтузиазм и экстравагантность ессеев, они не испытывали прямой враждебности к баптистам.

Со своей стороны Иоанн не встретил бы никаких препятствий в своей работе, но иродиане с подозрением относились к человеку, который собирал вокруг себя такие толпы, чьи пламенные слова трогали сердца слушателей до глубины души и могли увлечь толпу на выполнение любого предприятия, за которое он решал взяться. Ирод Антипа, губернатор провинции, в которой жил Креститель, отдал своим солдатам приказ схватить его и заключить в тюрьму. Как долго его

держали в заключении и был ли он еще жив, когда один из его учеников был провозглашен Мессией, должно оставаться под вопросом из-за ненадежности источников, из которых почерпнута наша информация. Однако достоверно, что он был обезглавлен по приказу Антипы, в то время как история о юной дочери Иродиады, принесшей своей матери окровавленную голову Крестителя на блюде, является всего лишь легендой.

После заключения Крестителя в тюрьму его дело продолжили некоторые из его учеников, среди которых никто не оказывал такого сильного влияния, как Иисус из Галилеи. Иисус (сокращенно Джошуа), родившийся в Назарете, небольшом городке в Нижней Галилее, к югу от Сепфориса, был старшим сыном никому не известного плотника Иосифа и его жены Мириам или Марии, которая родила ему еще четырех сыновей, Иакова, Иосифа, Иуду и Симону, и нескольких дочерей. Принадлежали ли Иосиф или Мария, отец и мать Иисуса, к семье Давида, доказать невозможно. О степени его умственной культуры можно только догадываться, исходя из того, что существовало в его родной провинции. Галилея, удаленная от столицы и Храма, сильно отставала от Иудеи в умственных достижениях и знании Закона. Естественно, в Галилее не хватало живого обмена религиозной мыслью и дискуссий о Законе, которые сделали его писания и учения общим достоянием всех, кто стремился к Храму. Страна, в которой в более поздний период, после разрушения Храма, находились великие школы Уши, Сепфориса и Тивериады, была в то время очень бедна местами обучения. Но, с другой стороны, мораль в Галилее была более строгой, а соблюдение законов и обычаев - более строгим. Не допускалось ни малейшего нарушения, и на то, что позволяли себе иудеи, галилеяне ни в коем случае не согласились бы. На них также смотрели как на фанатичных догматиков.

Из-за своей близости к сирийским язычникам галилеяне переняли множество суеверий, и из-за их незнания природы болезней часто считалось, что больные одержимы демонами, а различные формы болезней приписывались влиянию злых духов. Язык галилеян также был искажен их сирийскими соседями и был испорчен введением арамейских форм и слов. Галилеяне не могли чисто произносить иврит. Они обменивались гортанными звуками, а иногда и пропускали их, и таким образом часто подвергались насмешкам иудеев, которые придавали большое значение правильной артикуляции. Первое же произнесенное им слово выдавало галилеянина, и, поскольку его язык вызывал смех, ему не часто позволяли руководить чтением молитв. Место рождения Иисуса, Назарет, не представляло особой привлекательности; это был маленький горный городок, не более плодородный, чем другие части Галилеи, и не идущий ни в какое сравнение с обильно орошаемым Сихемом.

Из-за своего галилейского происхождения Иисус не мог высоко стоять в том знании Закона, которое благодаря школам Шаммая и Гиллеля стало распространенным в Иудее. Его небольшой запас знаний и искаженный полуарамейский язык безошибочно указывали на то, что он родился в Галилее. Однако недостаток его знаний был полностью компенсирован его чрезвычайно отзывчивым характером. Возвышенная серьезность и безупречная моральная чистота были его неоспоримыми качествами; они выделяются во всех дошедших до нас достоверных рассказах о его жизни и проявляются даже в тех искаженных поучениях, которые его последователи вложили в его уста. Мягкий нрав и смирение Иисуса напоминают Гиллеля, которого он, похоже, действительно взял за образец и чье золотое правило "Чего ты не хочешь, чтобы делали с тобой, не делай с другими" он принял за отправную точку своего морального

кодекса. Подобно Гиллелю, Иисус рассматривал укрепление мира и прощение обид как высшие формы добродетели. Все его существо было пронизано той более глубокой религиозностью, которая посвящает Богу не только час молитвы, день покаяния и более или менее продолжительные периоды молитвенных упражнений, но и каждый шаг на жизненном пути, которая обращает каждое стремление души к Нему, подчиняет все Его воле и с детской доверчивостью веряет все Его попечению. Он был преисполнен нежной братской любви, которой иудаизм также учит по отношению к врагу, и достиг идеала пассивных добродетелей, которые прививали фарисеи: "Причисляй себя к угнетенным, а не к угнетателям, принимай оскорбления и не отвечай взаимностью; делай все из любви к Богу и радуйся страданиям". Иисус, несомненно, обладал теплым сочувствием и располагающими манерами, благодаря которым его слова произвели глубокий и продолжительный эффект.

Иисус, должно быть, из-за особенностей своей натуры был сильно привлечен ессеями, которые вели созерцательную жизнь вдали от мира и его суеты. Когда Иоанн Креститель — или, правильное сказать, Ессей — пригласил всех прийти и принять крещение в Иордане, покаяться и подготовиться к Царству Небесному, Иисус поспешил повиноваться призыву и был крещен им. Хотя невозможно доказать, что Иисус был формально принят в орден ессеев, многое в его жизни и деятельности можно объяснить только предположением, что он принял их основополагающие принципы. Подобно ессеям, Иисус высоко ценил бедность, причиненную самим себе, и презирал богатство. Следующие пословицы, приписываемые ему, по-видимому, несут на себе его отпечаток: "Блаженны нищие, ибо вас есть Царствие Небесное" (Луки vi. 20). "Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие" (Матфея xix. 24). "Никто не может служить двум господам, вы не можете служить Богу и маммоне" (Матфея vi. 24). Иисус разделял отвращение ессеев к браку: "Нехорошо вступать в брак" (Матфея xix. 11). Общность благ, своеобразная доктрина ессеев, была не только одобрена Иисусом, но и положительно предписана им; подобно им, он также отвергал любую форму клятвы. "Не клянитесь ничем" (так учил Иисус), "ни небом, ни землей, ни своей головой, но пусть ваше "да" будет "да", а ваше "нет" будет "нет"" (Иакова, ст. 12). Чудесные исцеления, которые, как говорят, были совершены им — такие, как изгнание бесов из тех, кто считал себя одержимым, — часто совершались ессеями, так сказать, в профессиональном качестве.

После того, как Иоанн был схвачен и заключен в тюрьму Иродом Антипой, Иисус думал просто о продолжении дела своего учителя; подобно ему, он проповедовал "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное", возможно, тогда не подозревая о той роли, которую ему впоследствии предстояло сыграть в том царстве Небесном, которого ожидали в приближающиеся мессианские времена. Иисус, очевидно, чувствовал, что если его призыв не должен был затеряться в пустыне, как призыв Крестителя, а, напротив, принести долговременные результаты, то он должен быть обращен не ко всему народу, а к определенному классу иудеев. Средние классы, жители городов большей или меньшей значимости, не испытывали недостатка в благочестии и морали, и, следовательно, призыв к ним покаяться и оставить свои грехи был бы бессмысленным. Заявление, сделанное Иисусу молодым человеком, искавшим путь вечной жизни: "С юности своей я соблюдал законы Божьи; я не совершал ни убийства, ни прелюбодеяния, ни кражи, ни лжесвидетельства; я почитал своих отца и мать и любил своего ближнего, как самого себя", — такое заявление могло бы быть сделано большей частью иудеев того времени, принадлежащих к среднему классу. Ученики Шаммая и Гиллеля, последователи зелота Иуды, непримиримые враги иродианства и Рима, не были морально больны и не нуждались в искусстве врача. Они всегда были готовы к

самопожертвованию, и Иисус мудро воздерживался от обращения к ним. Еще меньше он был склонен пытаться реформировать богатых, и его отталкивали высшие классы иудеев. У них предупреждение простого, необразованного моралиста и проповедника, его упрек в их гордыне, продажности и непостоянстве вызвали бы только насмешки. Поэтому, руководствуясь здравым смыслом, Иисус решил разыскать тех, кто не принадлежал к общине или был изгнан из нее за свои религиозные проступки, и кому либо не было позволено, либо они не пожелали вернуться в нее. Это были мытари и сборщики налогов, которых патриоты избегали как защитников римских интересов, которые повернулись спиной к Закону и вели дикую, ничем не скованную жизнь, не заботясь ни о прошлом, ни о будущем. В Иудее существовало много людей, которые не имели представления о великих исцеляющих истинах иудаизма, которые были невежественны в отношении его законов и равнодушны к славной истории его прошлого или его возможного будущего. Они были известны как нарушители Закона (абрианим), или грешники, как их называли, друзья Ирода и Рима. Были также невежественные, бедные ремесленники и прислуга (Ам ха-Арез), которым редко удавалось посетить столицу Иудеи или послушать иудейское учение, которое они, вероятно, и сами бы не поняли. Не из-за них горел Синай и пророки издавали свой предостерегающий крик; ибо учителя Закона, более сосредоточенные на разъяснении доктрины, чем на преобразовании своих слушателей, не смогли сделать Закон и пророков понятными для этих классов и, следовательно, не привлекли их в свою паству. Именно к этим отверженным обратился Иисус, чтобы вырвать их из оцепенения, из их невежества и безбожия. Он чувствовал в себе призыв спасти "заблудшую овцу дома Израилева". "Не здоровые нуждаются во врачах, но больные" (Матфея ix. 12).

Исполненный решимости выполнить высокую миссию, которую он взял на себя, — обратить невежественных и безбожных, грешников и мытарей к покаянию и, благодаря образу жизни ессеев, подготовить их к приближающемуся мессианскому времени, — Иисус сначала отправился в свой родной город Назарет. Но там, где его знали с младенчества и где считалось, что сын плотника обладает не высшей святостью, а лишь низшими знаниями, его встретили насмешками и презрением. Когда в субботу он говорил в синагоге о покаянии, слушатели говорили друг другу: "Разве это не сын плотника Иосифа, и его мать, и сестры, разве они не все с нами?" и они сказали ему: "Врач, исцели себя сам", - и не послушали его. Позорное обращение, которому он подвергся на родине, заставило его произнести пословицу: "Проповедника меньше всего ценят в его собственной стране". Он покинул Назарет, чтобы никогда не вернуться.

Лучший результат последовал за учением Иисуса в городе Капернаум (Кефар-Наум), который был расположен на западном побережье Тивериадского моря. Жители этого восхитительно расположенного городка отличались от назарян так же сильно, как их мягкая, плодородная земля от сурового и дикого горного ущелья. В Капернауме, несомненно, было больше мужчин, погрязших в изнеженности и пороке, и, вероятно, существовала большая пропасть между богатыми и бедными. Но именно поэтому у Иисуса было больше возможностей для работы там, и был найден более легкий доступ к серьезным, проникающим словам, которые он изливал из глубин своей души. Многие, принадлежащие к низшим классам общества, привязались к Иисусу и последовали за ним. Среди его первых учеников в Капернауме были Симон, называемый Кифа или Петрус (скала), и его брат Андрей, сыновья Ионы, оба рыбаки, первый, в некоторой степени, нарушитель закона, а также два сына некоего Зеведея, Иаков и Иоанн. За ним также последовал богатый мытарь, которого звали иногда Матфеем, иногда Левиим, в доме которого Иисус часто останавливался, приводя с собой товарищей из сословий, на которые

тогда смотрели с величайшим презрением. Женщины также с сомнительной репутацией были среди его последователей, наиболее заметной из их числа была уроженка города Магдала, недалеко от Тверии, Мария Магдалина, из которой должны были быть изгнаны семь дьяволов (согласно языку того времени). Иисус превратил этих покинутых грешников в полных раскаяния кающихся грешников. Несомненно, в то время для учителя иудаизма было неслыханным делом вообще вступать в половую связь с женщинами, особенно с кем-либо подобного описания.

Однако Он словом и примером воспитал грешника и мытаря и наполнил сердца этих бедных, забытых, легкомысленных существ любовью Божьей, превратив их в послушных детей своего Небесного Отца. Он воодушевил их своим благочестием и рвением и улучшил их поведение благодаря надежде, которую он дал им, что они смогут войти в Царство Небесное. Это было величайшее чудо, совершенное Иисусом. Прежде всего, он учил своих учеников мужского и женского пола ессейским добродетелям самоотречения и смирения, презрению к богатству, милосердию и любви к миру. Он сказал своим последователям: "Не кладите ни золота, ни серебра, ни меди в кошельки ваши, ни двух одежд, ни обуви" (Матфея х. 9). Он повелел им стать безгрешными, как малые дети, и объявил, что они должны быть как бы рождены свыше, если хотят стать членами приближающегося царства Небесного. Закон братской любви и терпения он доводил до самосожжения. "Если тебя ударят по одной щеке, подставь точно так же другую, и если кто-нибудь отнимет у тебя плащ, отдай ему также и свою рубашку". Он учил бедных, что они не должны заботиться о мясе, питье или одежде, но указывал на птиц в воздухе и лилии на полях, которые были накормлены и одеты, но "они не трудятся и не прядут". Он учил богатых раздавать милостыню: "Пусть твоя левая рука не знает, что делает твоя правая рука". Он предостерег лицемера и велел ему молиться в уединении своего кабинета, предложив ему короткую форму молитвы — "Отче наш, сущий на Небесах", которая, возможно, была в ходу у ессеев.

Иисус не нападал на сам иудаизм, у него не было идеи стать реформатором еврейской доктрины или разработчиком нового закона; он просто стремился искупить грешника, призвать его к хорошей и святой жизни, научить его, что он - дитя Божье, и подготовить его к приближающемуся мессианскому времени. Он настаивал на единстве Бога и был далек от попыток хоть в малейшей степени изменить еврейское представление о Божестве. На вопрос, однажды заданный ему толкователем Закона: "В чем суть иудаизма?" он ответил: "Слушай, о Израиль, Бог наш един" и "Возлюби ближнего твоего, как самого себя". Это главные заповеди" (Марка хii. 28). Его ученики, оставшиеся верными иудаизму, провозгласили заявление своего Учителя — "Я пришел не разрушить, но исполнить; доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта ни в коем случае не прейдет из Закона, пока не исполнится все" (Матфея, ст. 17). Должно быть, он свято соблюдал субботу, поскольку те из его последователей, которые были привязаны к иудаизму, строго соблюдали Субботу, чего они бы не делали, если бы их учитель пренебрегал ею. Иисус протестовал только против шаммаитской строгости в соблюдении субботы, которая запрещала даже исцелять больных в этот день, заявляя, что творить добро в субботу законно. Иисус не возражал против существующего обычая жертвоприношения, он просто требовал — и в этом фарисеи согласились с ним, — чтобы примирению с ближним предшествовал любой акт религиозного искупления. Даже пост не находил в нем противников, поскольку практиковался без показухи или лицемерия. Он носил на своих одеждах бахрому, предписанную Законом, и он настолько полностью принадлежал иудаизму, что разделял узкие взгляды иудеев того периода и полностью презирал языческий мир. Это чувство воодушевило Его, когда он сказал: "Не давайте святыни псам и не бросайте

жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не растоптали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас".

Заслуга Иисуса состоит прежде всего в его усилиях придать большую внутреннюю силу заповедям иудаизма, в энтузиазме, с которым он сам им подчинялся, в его стремлении заставить иудеев обращаться к Богу с сыновней любовью, как детей к своему отцу, в его горячей поддержке братства людей, в его настойчивости в том, чтобы нравственные законы были поставлены на передний план, и в его усилиях добиться их принятия теми, кого до сих пор считали самыми низкими и деградировавшими из людей.

Однако не следовало ожидать, что Иисус сможет привлечь преданных последователей только своим учением или достичь великих результатов; требовалось нечто большее — нечто странное и чудесное, чтобы поразить и воспламенить. Его внешность, его мистический характер, его искреннее рвение произвели, несомненно, мощный эффект, но чтобы пробудить в унылых и холодных людях непреходящий энтузиазм, завоевать доверие масс и разжечь их веру, необходимо было воззвать к их воображению странными обстоятельствами и чудесным окружением. Христианские хроники изобилуют экстраординарными событиями и описаниями чудесных исцелений, совершенных Иисусом. Хотя эти истории отчасти могут быть вызваны склонностью к преувеличению и идеализации, они, несомненно, имели под собой какое-то основание на самом деле. Чудесные исцеления — такие, например, как изгнание нечистой силы из тех, кто одержим демонами, — настолько полностью принадлежали личности Иисуса, что его последователи больше хвастались применением этой силы, чем чистотой и святостью своего поведения. Если верить историческим свидетельствам того периода, люди также восхищались Иисусом больше за его власть над демонами и сатаной, чем за его моральное величие. Именно из-за обладания такой силой некультурные массы впервые сочли его сверхъестественным существом.

Воодушевленный большим влиянием, которое он произвел в Капернауме, где он нашел свой первый круг учеников, Иисус побродил по городам Галилеи, оставаясь некоторое время во второй столице этой страны, Вифсаиде, в Магдале и Хоразине, где приобрел много последователей. Однако его присутствие в Вифсаиде и Хоразине не могло привести к каким-либо долговременным результатам, поскольку он оплакивал — согласно словам, вложенным в его уста: "Горе тебе, Хоразин, горе тебе, Вифсаида" — дух сопротивления и индокитайства их жителей. Подобно Содому и Гоморре, они были прокляты. Тем не менее, у него было много верных учеников, как мужчин, так и женщин, которые следовали за ним повсюду и повиновались ему во всем. Они отказались не только от своей прежней аморальной и нерелигиозной жизни, но и отказались от всего своего имущества, проводя доктрину общности благ. Трапезы, которые они принимали вместе, составляли, так сказать, связующее звено, соединявшее последователей Иисуса друг с другом, а милостыня, раздаваемая богатыми мытарями, избавляла бедных учеников от страха голода и таким образом еще теснее привязывала их к Иисусу.

Среди своих последователей Иисус выбирал в качестве своих особых доверенных лиц тех, кто, отличаясь высшим умом или большей стойкостью характера, казался наиболее способным продвигать поставленные им цели. Число этих доверенных учеников неизвестно, но традиция упоминает двенадцать и называет их двенадцатью апостолами — представителями, так сказать, двенадцати колен Израилевых.

Однажды Иисус раскрыл свой великий замысел, тайное желание своего сердца самому близкому кругу своих учеников. Он привел их в уединенное место у подножия горы Хермон, недалеко от Кесарии Филипповой, столицы тетрарха Филиппа, где Иордан сбегает с могучих скал, и в этом отдаленном уединении он открыл им скрытый предмет своих мыслей. Но он построил свою речь таким образом, что, казалось, именно его ученики в конце концов добились от него откровения о том, что он считает себя ожидаемым Мессией. Он спросил своих последователей: "За кого, по словам людей, я, сын человеческий?" Некоторые ответили, что его принимали за Илию, ожидаемого предтечу Мессии; другие, опять же, что он был пророком, пришествие которого предсказал Моисей; на что Иисус спросил их: "Но за кого вы принимаете Меня?" Симон Петр ответил и сказал: "Ты - Христос". Иисус похвалил проницательность Петра и признал, что он был Мессией, но запретил своим ученикам разглашать правду или, в настоящее время, вообще говорить о ней. Таково было таинственно завуалированное рождение христианства. Когда несколько дней спустя самые доверенные из его учеников, Симон Петр и два сына Зеведеева, Иаков и Иоанн, робко предположили, что Илия должен предшествовать Мессии, Иисус заявил, что Илия уже явился, хотя и неузнанный, в лице Крестителя. Лелеял ли Иисус эти мысли в глубине своей души с самого начала своего служения, или они впервые оформились, когда множество последователей, которых он приобрел, казалось, сделали возможным их осуществление? Иисус никогда публично не называл себя Мессией, но использовал другие выражения, которые, несомненно, были распространены среди ессеев. Он говорил о себе как о "сыне человеческом", намекая, вероятно, на Даниила vii. 13: "Подобный сыну человеческому пришел с облаками небесными и дошел до Ветхого днями", стих, который, вероятно, относился ко всему народу и его мессианскому будущему, но который в то время был сделан для того, чтобы указать на самого Мессию. Было еще одно имя, которое Иисус применил к себе в своем мессианском характере, — таинственные слова "Сын Божий", вероятно, взятые из седьмого стиха второго Псалма: "Господь сказал мне: ты сын мой; ныне Я родил тебя". Было ли это выражение использовано Иисусом в переносном смысле, или он хотел, чтобы оно было понято в буквальном смысле? Насколько нам известно, он так и не дал четких объяснений по этому поводу, даже позже, когда именно из-за значения, придаваемого этим словам, он проходил испытание. Впоследствии его последователи разошлись во мнениях между собой по этому поводу, и различные способы, которыми они интерпретировали это двусмысленное выражение, разделили их на разные секты, среди которых возникла новая форма идолопоклонства.

Когда Иисус объявил себя своим ученикам Мессией, требуя хранить тайну, он утешил их за нынешнее молчание, навязанное им, заверением, что придет время, когда "То, что Я говорю вам во тьме, вы будете говорить при свете, и то, что вы слышите на ухо, вы будете проповедовать на крышах домов". То, что произошло, несомненно, противоречило ожиданиям Иисуса и его учеников, поскольку, как только стало известно (ученики, вероятно, не сохранили секрета), что Иисус из Назарета не только пришел проповедовать Царство Небесное, но и был провозглашен ожидаемым Мессией, общественное мнение поднялось против него. Были запрошены доказательства и приметы того, что он Мессия, которых он не смог предоставить, и таким образом он был вынужден уклоняться от адресованных ему вопросов. Многих из его последователей, по-видимому, оттолкнуло его предположение о мессианском характере, и поэтому они сразу же покинули его. "С того времени многие из учеников Его возвратились и больше не ходили с ним" (Иоанна vi. 66). Чтобы не быть дискредитированным в глазах своих учеников, было важно, чтобы он совершил какое-нибудь чудо, которое увенчало бы его работу

или скрепило бы ее своей смертью. Ожидалось, что теперь он предстанет в Иерусалиме перед всей нацией в образе Мессии, и утверждается, что его собственные братья умоляли его отправиться туда, чтобы его достижения, наконец, стали видны его ученикам. "Ибо нет человека, делающего что-либо втайне, и он сам ищет, чтобы его узнали открыто. Если ты делаешь это, покажи себя миру" (Иоанна vii. 4). Таким образом, Иисус оказался почти вынужденным вступить на опасный путь. Более того, он больше не был в безопасности в Галилее, и, по-видимому, его выслеживали и преследовали с места на место слуги тетрарха Ирода Антипы. Именно в то время Иисус сказал одному из своих последователей, который прильнул к нему в его горе: "У лисиц есть норы, и у птиц небесных есть гнезда, а у Сына Человеческого нет, где приклонить голову" (Матфея viii. 20). Он хотел предотвратить любое неправильное представление о своем желании изменить Закон, и его ответ фарисею, который спросил, что потребуется от него, если он станет его учеником, был таким: "Если ты хочешь вступить в жизнь, соблюдай заповеди, продай то, что имеешь, и раздай бедным". Миновав Иерихон и приближаясь к Иерусалиму, Иисус поселился у стен столицы, в деревне Вифания, на Елеонской горе, где селились прокаженные, вынужденные избегать города. Именно в доме одного из них ему был дан приют. Другие ученики, которых он нашел в Вифании, также принадлежали к низшим слоям общества. Это были Лазарь и его сестры, Мария и Марфа. Говорят, что только один богатый и влиятельный житель Иерусалима, Иосиф из Аримафеи, стал учеником Иисуса.

Вход Иисуса в Иерусалим и его появление в Храме были прославлены ореолом легенд, в которых содержится очень мало исторической правды. Они показывают нам Иисуса, торжествующего в сопровождении людей, поющих осанну, тех самых людей, которые несколько дней спустя должны были потребовать его смерти. Оба сообщения были выдумкой: первое было призвано доказать, что народ признал его Мессией; второе - переложить вину за его казнь на весь Израиль. Столь же неисторичен рассказ о том, как Иисус силой вошел в Храм, опрокинул столы менял и прогнал тех, кто продавал голубей. Поступок, который, должно быть, вызвал сильное волнение, не был бы опущен в других хрониках того периода. Ни в каких других писаниях того времени не упоминается, что в Храме имелись лавки менял и торговцев голубями.

Просто самые важные факты из жизни Иисуса — рассказ об отношении, которое он занял в Иерусалиме перед народом, о Синhedрионе и различных сектах, объявление о себе как о Мессии и то, как это объявление было воспринято, — представлены в хрониках настолько поразному, что невозможно отделить историческое ядро от его легендарных преувеличений и приукрашиваний. В столице, безусловно, существовало предубеждение против него. Образованные классы не могли представить, что спасительную работу Мессии будет выполнять необразованный галилеянин; более того, идея о том, что Мессия, который, как ожидалось, придет из Вифлеема, из ветви Давидовой, должен принадлежать Галилее, опровергла многовековое убеждение. Вероятно, именно с этого времени возникла пословица: "Может ли быть что доброе из Назарета?" (Иоанна i. 46). Набожные обижались на то, что он ходил есть и пить с грешниками, мытарями, и женщинами из низшего класса. Даже ессеи, ученики Иоанна, были недовольны его нарушением правил и обычаев. Шаммаиты были возмущены тем, что он исцелял больных в день субботний, и не могли распознать Мессию в том, кто осквернил Субботу. Он также вызвал противодействие фарисеев тем неодобрением, которое он выражал то тут, то там по поводу их толкования законов и выводов, которые они из них делали. От Иисуса zeloty не могли ожидать героических поступков, ибо вместо того, чтобы внушать своим последователям ненависть к Риму, он выступал за мир и в своем презрении к маммоне

призывал их добровольно подчиняться римским сборщикам налогов. "Итак воздайте кесарю то, что принадлежит Кесарю, и Богу то, что принадлежит Богу" (Мф. xxii. 21). Эти поразительные особенности, которые, казалось, противоречили предвзятому представлению о мессианском характере, привели к тому, что высшие и образованные классы были холодно равнодушны к нему, и несомненно, что он не встретил дружественного приема в Иерусалиме. Однако эти различные возражения против образа жизни и догматов Иисуса не давали оснований для каких-либо юридических обвинений против него. Свобода слова, благодаря частым дебатам в школах Шаммая и Гиллеля, стала настолько прочно закрепленным правом, что никто не мог подвергаться нападкам за выражение религиозных взглядов, если только он действительно не оспаривал какую-либо общепринятую догму или не отвергал концепцию Божественности, характерную для иудаизма. Именно в этом Иисус подставил себя под обвинения.

Распространился слух, что он называл себя Сыном Божиим — слова, которые, если понимать их буквально, слишком глубоко ранили религиозные чувства иудейского народа, чтобы позволить тому, кто их произнес, уйти невредимым. Но как можно было установить истину, узнать, действительно ли Иисус называл себя Сыном Божиим, и узнать, какой смысл он придавал этим словам? Как было возможно узнать, в чем состоял секрет его секты? Чтобы пролить свет на это, необходимо было искать предателя среди его ближайших последователей, и этот предатель был найден в лице Иуды Искарота, который, как рассказывают, подстрекаемый алчностью, предал судьям человека, которого он ранее почитал как Мессию. Одно иудейское повествование, полученное из того, что кажется заслуживающим доверия источником, по-видимому, выставляет в истинном свете использование этого предателя. Чтобы иметь возможность обвинить Иисуса либо как лжепророка, либо как соблазнителя народа, Закон требовал, чтобы два свидетеля слышали, как он произносил опасные выражения, в которых его обвиняли, и, следовательно, Иуда должен был заставить его говорить, пока два скрытых свидетеля могли слышать и передавать его слова. Согласно христианским писаниям, предательство Иуды проявилось в том, что он указал на Иисуса через почтительный поцелуй, который он подарил своему учителю, когда тот стоял среди своих учеников, окруженный народом и солдатами. Как только Иисус был схвачен последним, его ученики оставили его и обратились в бегство, один Симон Петр следовал за ним на некотором расстоянии. На рассвете 14-го числа Ниссана, в праздник Пасхи, то есть накануне Праздника опресноков, Иисуса привели не к великому Синхедриону, а к меньшему суду справедливости, состоящему из двадцати трех членов, которым руководил первосвященник Иосиф Каиафа. Суд должен был определить, действительно ли Иисус утверждал, что он, как показали два свидетеля, Сын Божий; ибо невозможно поверить, что он предстал перед этим трибуналом из-за того, что он хвастался, что в его силах разрушить Храм и восстановить его за три дня. Такое заявление, если бы оно действительно было произнесено им, не могло бы стать поводом для жалоб. Обвинение, несомненно, указывало на грех богохульства и на предполагаемое утверждение Иисуса о том, что он был Сыном Божиим. На вопрос, который был задан ему на этот счет, Иисус промолчал и ничего не ответил. Однако, когда председательствующий судья снова спросил его, является ли он Сыном Божиим, он, как говорят, ответил: "Ты сказал это", и добавил: "отныне вы увидите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках Небесных". Если бы эти слова действительно были произнесены Иисусом, судьи могли бы сделать вывод, что он считал себя Сыном Божиим. Услышав это нечестивое утверждение, первосвященник разодрал на себе одежды, и суд признал его виновным в богохульстве. Из отчета о судебном разбирательстве, представленного христианскими властями, нет никаких доказательств того, что, согласно существующим уголовным законам, судьи вынесли несправедливый вердикт. Все обвинения

были против Иисуса. Синхедрион получил санкцию на смертный приговор, или, скорее, разрешение привести его в исполнение, от правителя Понтия Пилата, который как раз в то время присутствовал на празднике в Иерусалиме.

Пилат, к которому привели Иисуса, переходя к политической стороне вопроса, спросил его, объявляет ли он себя не только Мессией, но и царем иудейским, и поскольку Иисус уклончиво ответил: "Ты это сказал", он также распорядился о его казни, которую он действительно один имел власть привести в исполнение. То, что Пилат, напротив, признал Иисуса невиновным и пожелал спасти его, в то время как иудеи были полны решимости предать его смерти, не является историческим и просто легендарным. Когда над Иисусом насмеялись и его заставили носить терновый венец в ироническом намеке на мессианское и царское достоинство, которое он принял, не иудеи нанесли ему эти унижения, а римские солдаты, которые стремились через него высмеять иудейский народ. Среди иудеев, осудивших его, напротив, было так мало личной ненависти, что с ним обращались точно так же, как с любым другим преступником, и ему дали чашу вина и ладан, чтобы сделать его нечувствительным к мукам смерти. То, что Иисуса бичевали перед казнью, доказывает, что с ним обращались в соответствии с римскими уголовными законами; ибо по иудейскому кодексу никто, приговоренный к смертной казни, не мог подвергнуться бичеванию. Следовательно, именно римские ликторы злонамеренно бичевали хворостом или веревками самозваного царя иудеев. Они также заставили Иисуса (по приказу Пилата) быть пригвожденным к кресту и понести позорную смерть, присуждаемую римским законом. Ибо после того, как римские власти вынесли смертный приговор, осужденный узник принадлежал уже не своей нации, а римскому государству. Не Синхедрион, а Пилат отдал приказ о казни того, кто считался государственным преступником и причиной беспорядков и агитации. Христианские власти утверждают, что Иисус был распят на кресте в девять часов утра и что он скончался в три часа дня. Его последние слова были взяты из псалма и произнесены на арамейском языке — "Боже, Боже мой, почему Ты оставил меня?" (Eli, eli, lama shebaktani.) Римские солдаты в насмешку поместили на кресте следующую надпись: "Иисус из Назарета, царь иудейский". Крест был установлен, и тело, вероятно, похоронили за городом, на месте, которое было кладбищем осужденных преступников. Оно называлось Голгофа, место черепов. Таков был конец человека, который посвятил себя улучшению положения самых заброшенных, несчастных и покинутых представителей своего народа и который, возможно, стал жертвой недоразумения. Как велико было горе, вызванное одной этой казнью! Сколько смертей и всевозможных страданий она причинила детям Израиля! Миллионы разбитых сердец и трагических судеб еще не искупили его смерть. Он единственный смертный, о котором можно без преувеличения сказать, что его смерть была более эффективной, чем его жизнь. Голгофа, место захоронения черепов, стала для цивилизованного мира новым Синаем. Странно, что события, имевшие столь огромное значение, вызвали так мало шума во время их совершения в Иерусалиме, что иудейские историки Юстус Тивериадский и Иосиф Флавий, которые до мельчайших подробностей описывают все, что происходило при Пилате, не упоминают о жизни и смерти Иисуса.

Когда ученики Иисуса несколько оправились от паники, охватившей их в то время, когда он был схвачен и казнен, они вновь собрались, чтобы вместе оплакать смерть своего любимого Учителя. Последователей Иисуса в то время в Иерусалиме насчитывалось не более ста двадцати, и если бы все, кто верил в него в Галилее, были пронумерованы, их число не превысило бы пятисот. Тем не менее, воздействие, которое Иисус производил на непросвещенные массы, должно быть, было очень сильным; ибо их вера в него отнюдь не

угасала, как сон, а становилась все более и более сильной, их обожание Иисуса достигало наивысшей степени энтузиазма. Единственным камнем преткновения для их веры был тот факт, что Мессия, пришедший освободить Израиль и явить миру славу царства небесного, претерпел позорную смерть. Как Мессия мог быть подвержен боли? Страдающий Мессия сильно потряс их, и этот камень преткновения нужно было преодолеть, прежде чем в нем могла утвердиться совершенная и радостная вера. Вероятно, именно в этот момент какой-то писатель разрешил свои собственные затруднения и развеял их сомнения, сославшись на пророчество Исаяи о том, что "Он будет взят из земли живых и будет изъязвлен за грехи своего народа". Смирением, колеблющимся ученикам Иисуса помогли преодолеть их величайшие трудности фарисеи, которые имели обыкновение объяснять новое или чудесное с помощью толкований Священного Писания. Таким образом, они косвенно предоставили решение и поддержку христианству, и таким образом, вера была дана самым бессмысленным и абсурдным доктринам, а невероятное стало казаться несомненным и необходимым. Без некоторой поддержки, какой бы слабой она ни была, со стороны Священного Писания, ничего нового не было бы получено и не могло бы закрепиться. С его помощью было показано, что все происходящее было неизбежным. Даже то, что Иисус должен был быть казнен как злодей, казалось многозначительным, поскольку это буквально соответствовало пророчеству о Мессии. Разве не было написано, что он должен быть судим среди злодеев? Его ученики заявили, что слышали, как Иисус сказал, что его будут преследовать даже до смерти. Таким образом, его страдания и смерть были очевидными доказательствами того, что он был Мессией. Его последователи изучали его жизнь и находили в каждом тривиальном обстоятельстве более глубокое мессианское значение; даже тот факт, что он родился не в Вифлееме, а в Назарете, казался исполнением пророчества. Таким образом, его можно было бы назвать Назарянином (назореем?), и таким образом его последователи были убеждены, что Иисус, Назарянин, был Христом (Мессией). Когда верующие были удовлетворены по этому вопросу, им было нетрудно ответить на другой вопрос, который, естественно, напрашивался сам собой— когда явится обещанное царство Небесное, поскольку тот, кто должен был принести его, умер на кресте? Хоуп ответила, что Мессия вернется во всей своей славе вместе с небесными ангелами, и тогда каждый будет вознагражден по своим делам. Они верили, что некоторые из живущих тогда не вкусят смерти до тех пор, пока не увидят, как Сын Человеческий войдет в Свое царство. Его ученики ежечасно ожидали возвращения Иисуса и отличались от иудеев лишь тем, что считали, что Мессия уже явился в человеческом облике и характере.

Этому царству суждено было продлиться тысячу лет: юбилейный субботний год, после шести тысяч лет существования мира, должен был быть основан Иисусом, когда он вернется на землю, принесет благословение мира и совершенное счастье верующим. Эта вера требовала дальнейшего убеждения в том, что Иисус не стал жертвой смерти, но что он воскреснет снова. Возможно, именно библейская история о трехдневном погребении Ионы во внутренностях рыбы дала начало легенде о том, что Иисус через тот же промежуток времени вышел из своей гробницы, которая оказалась пустой. Многие из его учеников заявляли, что видели его после смерти, то в одном месте, то в другом; что они разговаривали с ним, отмечали его раны и даже ели с ним рыбу и мед. Казалось, ничто не могло поколебать их веру в мессианский характер Иисуса; но как бы они ни почитали и прославляли его, они еще не возвысили его над человечеством; несмотря на энтузиазм, с которым он вдохновлял их, они не могли смотреть на него как на Бога. Они считали его только высокоодаренным человеком, который, повинаясь

Закону более полно, чем кто-либо другой из людей, был признан достойным стать Мессией Господа.

Они ни в какой степени не отступали от предписаний иудаизма, соблюдая субботу, обряд обрезания и диетические законы, в то время как они также почитали Иерусалим и Храм как святые места. Однако они отличались от других иудеев некоторыми особенностями, помимо веры, которую они лелеяли, в то, что Мессия уже явился. Бедность, которую они охотно принимали в соответствии с учением Иисуса, была их замечательной чертой. Из-за этой добровольной бедности их называли эбионитами (бедняками), имя, которое они либо дали себе сами, либо получили от тех, кто не присоединился к ним. Они жили вместе, и каждый новый ученик должен был продавать свои товары и движимое имущество и ссыпать полученные плоды в общий кошелек.

К этому классу принадлежали ранние христиане, или иудейские христиане, которых называли назарянами, а не ессеями, согласно их происхождению. Были назначены семь администраторов, как это было принято у иудеев, для управления расходами общины и обеспечения их общих трапез. Они воздерживались от мяса и следовали путем ессеев, на которых они также были похожи в своей практике безбрачия, в отказе от масла и лишних одежд, из которых у каждого была только одна из белого полотна. Рассказывается об Иакове, брате Иисуса, который из-за своего близкого родства с основателем был избран лидером раннехристианской общины и почитался как пример того, что он не пил вина или опьяняющих напитков, никогда не ел мяса, не позволял ножницам прикасаться к своим волосам, не носил шерстяного материала и имел только одну льняную одежду. Он жил строго по Закону и возмущался, когда христиане позволяли себе преступать его. Рядом с ним во главе общины евионитов стояли Симон Кифа или Петрус, сын Ионы, и Иоанн, сын Зеведея, которые стали столпами христианства. Симон Петр был самым энергичным из всех учеников Иисуса и ревностно стремился привлечь новых последователей под знамя христианства. Несмотря на энергию, которую он проявил таким образом, его описывают как человека колеблющегося характера. Христианские хроники утверждают, что, когда Иисуса схватили и заключили в тюрьму, он трижды отрекся от него и был назван своим учителем "маловерным". Вместе с другими учениками Он утверждал, что они получили от Иисуса миссию проповедовать погибшим детям дома Израилева учение о братстве людей и общности благ; подобно Иисусу и Иоанну Крестителю, они также должны были возвещать о приближении царства Небесного. Христианство, только что зародившееся, немедленно вступило на путь завоеваний и прозелитизма. Ученики утверждали, что Иисус передал им силу исцелять больных, пробуждать мертвых и изгонять злых духов. У них практика экзорцизма стала обычным явлением, и таким образом вера в силу сатаны и демонов, привезенная из Галилеи, впервые обрела форму и укоренилась. В самом иудаизме вера в демонов носила безвредный характер, без какого-либо религиозного значения. Христианство впервые превратило ее в символ веры, которому приносились в жертву гекатомбы человеческих существ. Ранние христиане использовали, или, скорее, неправильно использовали, имя Иисуса для произнесения заклинаний. Все те, кто верил в Иисуса, хвастались, что им было дано отгонять злых духов, очаровывать змей, исцелять больных возложением рук и принимать смертельные яды, не причиняя себе вреда. Экзорцизм постепенно стал постоянной практикой среди христиан; приему нового члена церкви предшествовал экзорцизм, как если бы новичок до этого был одержим дьяволом. Поэтому неудивительно, что иудеи и язычники смотрели на христиан как на фокусников и волшебников. Однако в первом веке христиане привлекали к себе мало внимания в иудейских кругах,

ускользая от наблюдения из-за скромного класса, к которому они принадлежали. Они образовали собственную секту и были причислены к ессеям, с которыми во многих отношениях имели столь большое сходство. Вероятно, они могли бы совсем исчезнуть, если бы не тот, кто появился позже среди них, кто сделал секту достоянием гласности и поднял ее на такую вершину славы, что она стала правящей силой в мире.

Злая звезда, по-видимому, сияла над иудейским народом в течение ста лет, прошедших после гражданских войн при последних хасмонеях, подчинивших Иудею Риму. Каждое новое событие, казалось, приносило с собой какое-нибудь новое несчастье. Утешительная пословица Экклезиаста о том, что нет ничего нового под солнцем, в данном случае оказалась ложной. Мессианское видение, которое смутно всплывало в умах людей, но теперь приняло осязаемую форму, несомненно, было чем-то новым; и это новое видение с маской смерти должно было нанести нации новые и болезненные раны.

Христианство, пришедшее из Назарета, на самом деле было ответвлением секты ессеев и унаследовало отвращение этой секты к фарисейским законам, которыми регулировалась жизнь людей. Это отвращение переросло в ненависть у последователей, вызванную горем по поводу смерти их основателя. Понтий Пилат в значительной степени способствовал усилению вражды христиан против их собственной плоти и крови. Именно он добавил насмешек и презрения к смертной казни; он привязал их мессию к кресту, как самого презренного раба, и в насмешку над его предполагаемой царственностью возложил ему на голову терновый венец. Изображение Иисуса, пригвожденного к кресту, увенчанного терниями, с кровью, текущей из его ран, всегда присутствовало в глазах его последователей, наполняя их сердца горькими мыслями о мести. Вместо того чтобы обратить свой гнев против жестокого Рима, они возложили ответственность за бесчеловечные поступки на представителей иудейского народа, а постепенно и на всю нацию. Они либо намеренно обманывали самих себя, либо со временем действительно забыли, что Пилат был убийцей их учителя, и возложили это преступление на головы всех сынов Израилевых.

Примерно в этот период гнев Пилата возгорелся против самаритянина, называвшего себя Мессией или пророком, который созвал своих верующих в деревню, пообещав показать им на горе Гаризим священные сосуды, использовавшиеся во времена Моисея. Губернатор, который с подозрением относился к каждому собранию народа и рассматривал каждое волнующее происшествие как чреватое возможным восстанием против Римской империи, повел свои войска против самаритян и приказал жестоко казнить главарей, которые были пойманы во время бегства. Иудеи и самаряне совместно осудили его варварство перед Вителлием, правителем Сирии, и Пилат был вызван в Рим для оправдания. Степень благосклонности, проявленной Тиберием к иудеям после падения Сеяна, объясняет удивительную в других отношениях снисходительность, проявленную к иудейскому народу в то время. Иудеи нашли защитника при дворе в лице Антонии, невестки Тиберия. Последний, который был другом патристически настроенного князя из дома Ирода, раскрыл Тиберию заговор, составленный против него Сеяном, и в знак благодарности Тиберий отменил акт о признании иудеев вне закона. Вителлий, наместник Сирии, был благосклонно расположен к иудеям и не только вникал в их жалобы, но и всячески поддерживал их, проявляя степень снисходительности, весьма необычную для римлянина, в тех вопросах, к которым они были особенно чувствительны. Когда по случаю праздника Пасхи Вителлий отправился в Иерусалим, чтобы ознакомиться со всем, что там происходило, он стремился, насколько это было возможно,

ослабить римское иго. Он отменил налог на рыночные плоды, и поскольку столица в основном зависела в своих потребностях от этого рынка, таким образом, с жителей Иерусалима было снято тяжелое бремя. Далее он извлек папские одежды из-за замка и засовов форта Антония и передал их на попечение Коллегии священников, которая хранила их некоторое время. Право назначать первосвященника считалось слишком важным для интересов Рима, чтобы от него отказываться, и сам Вителлий воспользовался им, чтобы поставить Ионафана, сына Анана, на место Иосифа Каиафы. Каиафа действовал заодно с Пилатом все время своего правления, и из-за его хорошего взаимопонимания с последним, несомненно, стал неприятен иудейскому народу. Милость, оказанная иудеям Вителлием, соответствовала пожеланиям императора, который приказал ему помочь народу всеми доступными римским войсками в несправедливом деле — деле Ирода Антипы против царя Ареты. Антипа, который был женат на дочери Ареты, царя Набафеев, тем не менее влюбился в Иродиаду, жену своего сводного брата Ирода, который, лишенный наследства своим отцом Иродом I, вел частную жизнь, вероятно, в Кесарии. Во время путешествия в Рим Антипа познакомился с Иродиадой, которая, несомненно, сетуя на свое невежественное положение, бросила мужа и после рождения дочери вступила в незаконный брак с его братом. Первая жена Антипы, справедливо разгневанная его бесстыдной неверностью, сбежала к своему отцу Арете и убеждала его начать войну с ее неверным мужем. Антипа потерпел крупное поражение, о котором императору стало известно лишь после того, как он отдал Вителлию приказ немедленно предпринять свою защиту от царя Набафеев. Когда Вителлий собирался провести два легиона из Птолемаиды через Иудею, народ обиделся на изображения императора, которые солдаты носили на своих знаменах и которые должны были нести в Иерусалим, но из уважения к щепетильности иудеев Вителлий, вместо того чтобы вести свою армию через Иудею, перевез ее по противоположному берегу Иордана. Сам Вителлий был принят в Иерусалиме с величайшей благосклонностью и приносил жертвы в Храме. Из всех римских правителей он был единственным, кто проявил наибольшую доброту к иудеям.

ГЛАВА VII. АГРИППА I. ИРОД II.

Характер Агриппы—Зависть александрийских греков к иудеям—Антииудейская литература—Апион—Меры против иудеев в Александрии—Флакк—Посольство Иудеи в Рим—Филон—Решение Калигулы против посольства Иудеи—Калигула приказывает установить свою статую в Храме—Смерть Калигулы освобождает иудеев—Продвижение Агриппы при Клавдии—Его правление—Гамалиил Старший и его администрация—Смерть Агриппы—Ирод II—Ложный Мессия, Теуда —Смерть Ирода II.

37-49 гг. н. э.

После убийства римского императора Тиберия, когда Сенат на мгновение предался сладкой мечте о восстановлении своей свободы, у Рима не могло быть предчувствий, что в Иерусалиме, в наполовину распавшейся христианской общине, у нее родился враг, который со временем свергнет ее власть, попреет ее богов, подорвет ее могущество и приведет к постепенному упадку, завершившемуся полным упадком. Идея, задуманная и выдвинутая человеком иудейского происхождения и развитая презираемым классом общества, заключалась в том, чтобы втоптать

в пыль могущество и славу Рима. Третий римский император, Гай Калигула Германик, сам сыграл важную роль в том, что римские божества, в некотором смысле краеугольный камень Римской империи, были преданы всеобщему презрению. Трон цезарей попеременно находился во власти людей, движимых жестокой трусостью и странным безумием. Ни один из народов, подчинявшихся Риму, так сильно не страдал от этой постоянной смены своих хозяев, как иудеи. Каждое изменение в высших государственных учреждениях влияло на Иудею, иногда благоприятно, но чаще неблагоприятно. Первые годы правления Калигулы оказались благоприятными для Иудеи. Калигула особо выделил одного из иудейских князей, Агриппу, знаками своего расположения, тем самым открывая перспективу более мягкого правления. Но вскоре стало очевидно, что эта доброта, это доброжелательство и благосклонность были всего лишь минутными капризами, за которыми последовали другие, совершенно иного и ужасного характера, которые повергли иудеев Римской империи в состояние страха.

Агриппа (родился в 10 году до н. э., умер в 44 году н. э.) был сыном царевича Аристобула, убитого Иродом, и внуком хасмонеиской принцессы Мариамны; таким образом, в его жилах текла кровь хасмонеицев и идумеян, и эти два враждебных элемента, казалось, боролись за власть над его действиями, пока, наконец, более благородный не одержал победу. Получивший образование в Риме, в обществе Друза, сына Тиберия, иродианский элемент в Агриппе проявился первым. Как римский придворный, стремившийся приобрести благосклонность Рима, он растратил свое состояние и влез в долги. Вынужденный покинуть Рим и перебраться в Иудею после смерти своего друга Друза, он был доведен до такого отчаяния, что ему, привыкшему жить сцезарями, пришлось скрываться в отдаленной части Идумеи. Именно тогда он задумался о самоубийстве. Но его пылкая жена Киприда, которая была полна решимости спасти его от отчаяния, обратилась за немедленной помощью к его сестре Иродиаде, принцессе Галилейской. И именно благодаря влиянию Антипы, мужа этой принцессы, Агриппа был назначен надзирателем за рынками Тивериады. Раздраженный таким зависимым положением, он внезапно оставил этот пост и стал придворным Флакка, наместника Сирии. С этого весьма сомнительного поста его свела ревность к его собственному брату Аристобулу. Казалось бы, покинутый всеми своими друзьями, Агриппа решил еще раз попытать счастья в Риме. Самый богатый и выдающийся иудей александрийской общины, алабарх Александр Лисимах, у которого он нашел убежище, снабдил его необходимыми средствами для путешествия. Этот благороднейший иудеянин своего времени, опекун имущества юной Антонии, дочери триумвира, очевидно, оказал такие услуги императорской семье, что был принят в нее и получил разрешение присоединить их имена к своему собственному — Тиберий Юлий Александр, сын Лисимаха. Он, без сомнения, обладал прекрасной греческой культурой своего времени, поскольку его брат Филон был человеком с самым изысканным вкусом в греческом письме. Но, тем не менее, алабарх Александр горячо поддерживал свой народ и свой Храм. Полный решимости спасти Агриппу от разорения, но не доверяя его экстравагантному характеру, он настоял на том, чтобы его жена Киприда стала его заложницей.

Теперь в Риме для Агриппы началась новая, полная приключений жизнь. На острове Капри его встретил император Тиберий, который, памятуя о тесной связи Агриппы с сыном, которого он потерял, принял его очень любезно. Но, услышав об огромной сумме денег, которую Агриппа все еще был должен римской казне, Тиберий позволил ему впасть в немилость. Однако его спасла его покровительница Антония, невестка императора, которая сохранила дружеские воспоминания о матери Агриппы Беренике. Благодаря ее посредничеству он был удостоен новых почестей и стал доверенным другом наследника престола Кая Калигулы. Но, как будто

Агриппе было суждено стать игрушкой любого каприза фортуны, вскоре его оторвали от общения с будущим императором и бросили в тюрьму. Чтобы польстить Калигуле, Агриппа однажды выразил пожелание, "чтобы Тиберий поскорее скончался и оставил свой трон более достойному". Это повторил раб императора, и Агриппа искупил свою беспечность шестимесячным тюремным заключением, от которого смерть Тиберия наконец освободила его (37).

С восшествием на трон его друга и покровителя Калигулы его звезда вззошла на горизонте. Когда молодой император открыл дверь тюрьмы Агриппе, он подарил ему золотую цепь взамен железной, которую тот был вынужден носить из-за него, и возложил ему на голову царскую диадему, подарив ему княжество Филиппа, отошедшее к Римской империи. По указу Римского сената он также получил титул претора. Калигула был настолько предан Агриппе, что в течение первого года его правления римский император и слышать не хотел о том, чтобы он покинул Рим, и когда, наконец, Агриппе было разрешено вступить во владение своим собственным королевством, ему пришлось дать торжественное обещание, что он вскоре вернется к своему другу-императору.

Когда Агриппа въехал в Иудею в качестве монарха и фаворита римского императора, хотя он был беден и по уши в долгах, когда покидал ее, чудесная перемена состояния вызвала зависть его сестры Иродиады. Уязвленная честолюбием, она умоляла своего мужа также отправиться в Рим и получить от великодушного молодого императора по крайней мере еще одно королевство. Еще раз болезненный недостаток семейной привязанности, общий для всех иродианцев, проявился во всей своей низости. Встревоженный тем, что Антипе может удастся завоевать расположение Калигулы, или возмущенный завистливыми чувствами, проявленными его сестрой, Агриппа обвинил Антипу перед императором в предательстве Римской империи. Несчастный Антипа был немедленно лишен своего княжества и сослан в Лион, куда за ним последовала его верная и чистосердечная жена. Последний сын Ирода, Ирод Антипа, и его внучка Иродиада умерли в изгнании. Агриппа, по милости императора, стал наследником своего шурина, и провинции Галилея и Перея были присоединены к другим его владениям.

Благосклонность, проявленная Калигулой к Агриппе, которая, естественно, могла быть распространена и на иудейский народ, пробудила зависть язычников и привела к кризису ненависти александрийских греков. Действительно, вся Римская империя укрывала тайных и публичных врагов иудеев. Ненависть к их расе и вероисповеданию усиливалась затаенным страхом, что эта презируемая, но гордая нация может однажды достичь верховной власти. Но враждебные чувства к иудеям достигли своего апогея среди беспокойных, саркастичных и любящих удовольствия греческих жителей Александрии. Они неблагоприятно смотрели на трудолюбие и процветание своих иудейских соседей, которые превосходили их в обоих этих отношениях и которых они не превосходили даже в художественных и философских достижениях. Эти чувства ненависти возникли еще в то время, когда египетская царица доверила иудейским генералам управление иностранными делами своей страны, и они усилились, когда римские императоры стали больше доверять надежным иудеям, чем легкомысленным грекам. Клеветнические писатели питали эту ненависть и в своих попытках опорочить иудеев фальсифицировали историю, которой иудеи справедливо гордились.

Философ-стоик Посидоний распространял ложные легенды о происхождении и природе богочитания иудеев, которые изначально были придуманы придворными Антиоха Епифана.

Позорная история о поклонении ослу в Иерусалимском храме, помимо других историй, столь же неправдивых и абсурдных, дополняющих утверждение о том, что иудеи ненавидели всех язычников, нашла полное подтверждение у более молодого современного писателя, Аполлония Мало, с которым Посидоний познакомился на острове Родос и которым они были широко распространены. Мало дал новый отчет об истории исхода иудеев, который, по его словам, был вызван некоторыми чудовищными поступками со стороны иудеев; он назвал Моисея преступником, а Закон Моисея содержал самые отвратительные предписания. Он заявил, что иудеи были атеистами, что они ненавидели человечество в целом; он обвинил их в чередовании актов трусости и безрассудства и утверждал, что они были самыми некультурными людьми среди варваров и не могли претендовать на изобретение чего-либо одного, что принесло пользу человечеству. Именно от этих двух родосских авторов злобный и язвительный Цицерон почерпнул свои недостойные нападки на иудейскую расу и иудейский закон. В этом отношении он отличался от Юлия Цезаря, который, несмотря на свои связи с Посидонием и Мало, был полностью свободен от всякого предубеждения против иудеев.

Александрийские греки с жадностью поглощали эту клевету, преувеличивали ее и распространяли еще шире. Только три греческих автора положительно отзывались об иудеях — Александр Полигистор, Николай Дамасский, доверенное лицо Ирода, и, наконец, Страбон, самый замечательный географ древности, посвятивший иудаизму прекрасный отрывок в своем географическом и историческом труде. Хотя он упоминает иудеев как выходцев из Египта, он не повторяет легенду о том, что их изгнание было вызвано какой-то их собственной ошибкой. Совсем иначе он объясняет Исход, утверждая, что египетский образ жизни с его недостойным идолопоклонством изгнал Моисея и его последователей с берегов Нила. Он восхваляет учение Моисея о единстве Бога в противоположность египетской множественности божеств, и о духовном, лишенном образов поклонении иудеев в противоположность поклонению животным египтян, и об облечении божества в человеческий облик у греков. "Как может разумный человек, - восклицает он, - осмелиться создать образ Небесного Царя?" Широко выступая против клеветников иудаизма, Страбон учит, что Закон Моисея был великой опорой праведности, поскольку он дарует божественное благословение всем тем, чья жизнь чиста. Страбон утверждает, что в течение некоторого времени после смерти своего великого законодателя иудеи действовали в соответствии с Законом, поступая правильно и богобоязненно. О святилище в Иерусалиме он говорит с благоговением, ибо, хотя иудейские цари часто нарушали Закон Моисея и своих подданных, все же столица Иудеи была облечена собственным достоинством, и народ, далекий от того, чтобы смотреть на нее как на средоточие деспотизма, почитал ее как Храм Божий.

Один автор превзошел всех других враждебных авторов возмутительным характером своей клеветы; это был египтянин Апион, который был преисполнен жгучей зависти к процветающему положению иудеев. Он дал новое и преувеличенное изложение всех старых историй своих предшественников и завоевал внимание доверчивой толпы готовностью и беглостью своего пера. Апион был одним из тех шарлатанов, чье поведение основано на предположении, что мир хочет быть обманутым, и поэтому он будет обманут. Как толкователь гомеровских песен, он путешествовал по Греции и Малой Азии и придумывал легенды, настолько лестные для древних греков, что стал героем их потомков. Он заявил, что был свидетелем большинства событий, о которых писал, или что был проинструктирован о них самыми надежными людьми; и даже подтвердил, что ему явилась тень Гомера и он разгласил, в каком греческом городе родился старейший из греческих бардов, но что он не осмелился обнародовать эту тайну. Из-за его

чрезмерного тщеславия его называли трубой собственной славы, ибо он заверил александрийцев, что им повезло, что они смогли признать его гражданином. Неудивительно, что столь беспринципный человек воспользовался ненавистью, которую они питали к иудеям, чтобы нанести последним весь вред, который был в его власти.

Но враждебность александрийцев, основанная на зависти, религиозной и расовой антипатии, была подавлена в правление Августа и Тиберия, когда императорские наместники Египта сурово отчитали всех, кто мог стать нарушителями мира. Однако ситуация изменилась, когда на трон взошел Калигула, поскольку александрийцы тогда знали, что наместник Флакк, который был другом Тиберия, пользовался недоброжелательным отношением его преемника, который был готов выслушать любое обвинение против него. Флакк, боявшийся привлечь к себе внимание мстительного императора, был запуган александрийцами и стал всего лишь орудием в их руках. При известии о восшествии Агриппы на престол их охватила жгучая зависть, а восторг александрийских иудеев, с которыми Агриппа познакомился через алабарха Александра, только еще больше разозлил их и побудил к действию.

Зачинщиками и руководителями этой антииудейской демонстрации были два самых презренных существа: продажный клерк суда справедливости Исидор, которого народные острословы прозвали Кровавым Пером, потому что его мелочное надувательство лишило жизни многих из них, и Лампоний, один из тех беспринципных распутников, которых порождают жаркий климат и безнравственный город. Эти два подстрекателя управляли, с одной стороны, слабым и беспомощным правителем, а с другой, они вели за собой отбросы народа, которые были готовы дать выход своим чувствам ненависти к иудеям по знаку своих вождей.

К несчастью, Агриппа, перемена судьбы которого была оскорблением в глазах александрийцев, посетил их столицу по возвращении из Рима в Иудею (июль 38 г.), и его присутствие побудило врагов иудеи к новым заговорам. Они начались с фарса, но закончились для иудеев ужасно серьезно. Сначала над Агриппой и его народом оскорбительно насмеялись. Безобидного дурачка Карабаса нарядили в папирусную корону и плащ из плетеного тростника; вместо скипетра ему дали кнут, а вместо трона его посадили на возвышение, где все прохожие приветствовали его как Марину (что на халдейском языке означает "наш господин"). За этим последовала возбужденная толпа, ворвавшаяся на рассвете следующего дня в синагоги, неся с собой бюсты императора под предлогом посвящения этих мест поклонения Калигуле. В дополнение к этому, по настойчивой просьбе заговорщиков губернатор Флакк был вынужден лишить иудейских жителей Александрии того, что они с такой благодарностью получили от первых императоров, — права гражданства. Это был ужасный удар по иудеям Александрии, которые гордились своими привилегиями и по праву имели право на то, что обогатили эту столицу своей ученостью, богатством, любовью к искусству и духом коммерции наравне с греками. Они были жестоко изгнаны из главных районов Александрии и вынуждены были собраться в Дельте, или гавани города. Толпа, жадная до добычи, врывается в опустевшие дома и мастерские и грабила, крушила и аннигилировала то, что было собрано вековым трудом.

После совершения этих актов грабежа разъяренные александрийцы окружили Дельту, полагая, что несчастных иудеев подтолкнул к открытому сопротивлению муки голода или удушающая жара, которую они переносили в своем тесном заключении. Когда, наконец, нехватка провизии вынудила некоторых из осажденных покинуть свои жалкие жилища, враг жестоко обращался с ними, пытал и либо сжигал заживо, либо распинал. Такое положение вещей продолжалось

месяц. Губернатор зашел так далеко, что арестовал тридцать восемь членов Большого Совета, бросил их в тюрьму и публично наказал бичеванием. Не пощадили даже женский пол. Если какие-нибудь девушки или женщины переходили дорогу врагу, им предлагали в пищу свиное мясо, а за отказ есть его их жестоко пытали. Не удовлетворившись всем этим варварством, Флакк приказал своим солдатам обыскать дома иудеев в поисках любого оружия, которое могло быть там спрятано, и им было приказано не оставлять без присмотра даже покои скромных дев. Это царство террора продолжалось до середины сентября. В это время явился императорский посланник, чтобы сместить Флакка и вызвать его в Рим, но не из-за его отвратительного поведения по отношению к иудеям, а потому, что император ненавидел его. Его приговорили к изгнанию, и в конце концов он был убит.

Император один мог бы разрешить щекотливый вопрос о том, имели ли иудеи право равного гражданства с греками в Александрии; но он был тогда в Германии или в Галлии, празднуя детские триумфы, или в Британии, собирая ракушки на морском берегу. Когда он вернулся в Рим (август 40 г.) с абсурдной идеей позволить, чтобы ему поклонялись как богу, и воздвигать храмы и статуи в свою честь, греки-язычники справедливо вообразили, что их дело против иудеев выиграно. Они восстановили императорские статуи в александрийских синагогах, убежденные, что перед лицом такого великого святотатства иудеи взбунтуются и тем самым вызовут гнев императора. На самом деле это стало причиной нового волнения, поскольку новый губернатор Александрии выступил против иудеев, добиваясь таким образом расположения императора. Он настаивал на том, чтобы несчастные люди оказывали божественные почести изображениям императора, а когда они отказались на том основании, что такой поступок противоречит их Закону, он запретил им соблюдать день субботний. В следующих словах он обратился к самым выдающимся представителям их расы: "Что было бы, если бы на вас внезапно напали полчища врагов, или страшное наводнение, или бушующий пожар; если бы голод, мор или землетрясение постигли вас в день субботний? Стали бы вы празднично сидеть в своих синагогах, читая Закон и разъясняя трудные места? Разве вы не предпочли бы думать о безопасности родителей и детей, о своем имуществе, разве вы не боролись бы за свои жизни? Теперь смотрите, если вы не будете повиноваться моим приказам, я стану для вас всем этим: нашествием врага, ужасным наводнением, бушующим огнем, голодом, мором, землетрясением, видимым воплощением безжалостной судьбы". Но ни богатые, ни бедные не позволили этим словам повлиять на себя; они остались верны своей вере и были готовы понести любое наказание, которое могло быть им назначено. Некоторые из них, по-видимому, приняли язычество из страха или по мирским мотивам. Иудейский философ Филон дает некоторый отчет о ренегатах своего времени и своей общины, которых он называет легкомысленными, аморальными и совершенно недостойными. Среди них можно упомянуть сына алабарха Александра, Тиберия Юлия Александра, который отрекся от иудаизма и, следовательно, был удостоен высоких почестей в Римском государстве.

Тем временем иудеи решили отстаивать свое дело перед императором. Для отправки в качестве посланников в Рим были выбраны трое мужчин (которые были специально приспособлены для их миссии). Один из них, иудейский философ Филон, был настолько выдающимся по происхождению, общественному положению, глубокой культуре и блестящему красноречию, что лучшего защитника справедливости нельзя было найти. Посредством своих мощных трудов Филон оказал столь сильное влияние не только на современников, но и на тех, кто пришел после него, как внутри иудейской общины, так и за ее пределами, что нельзя обойти вниманием скудные сведения о его жизни. Как брат алабарха Александра, Филон принадлежал к самой

знатной и богатой семье александрийского сообщества. В юности он получил обычное образование, которое все родители благородного происхождения считали необходимым для своих сыновей. Обладая неутолимой любовью к учебе, он полностью овладел собой. Его вкус к метафизическим исследованиям развился в очень раннем возрасте, и какое-то время он неустанно посвящал себя им, получая удовольствие только от этого. Он с энтузиазмом утверждает, что у него не было желания почестей, богатства или материальных удовольствий, пока он мог наслаждаться эфирными сферами в обществе небесных тел. Он принадлежал к тем немногим избранным, которые не ползают по поверхности земли, но которые освобождают себя от всех земных оков в возвышенном полете мысли. Он радовался тому, что освобожден от забот и занятий. Но хотя он преклонялся перед философией, иудаизм, который он называл "истинной мудростью", был все же дороже его сердцу. Когда он собирал прекрасные цветы греческой учености, то делал это для того, чтобы сплести из них гирлянду, которой можно было бы украсить иудаизм. Филон некоторое время вел уединенную жизнь студента, когда, как он с горечью заметил, одно событие немилосердно втянуло его в водоворот политических проблем: жалкое положение его народа, вероятно, нарушило его созерцательную жизнь. В последующие годы он с тоской оглядывался на свое прежнее занятие и сетовал, что практическая жизнь затуманила его видение интеллектуальных вещей и существенно расширила круг его мыслей; но он утешал себя сознанием того, что в часы безмятежности он все еще способен возвысить свой ум к благородным предметам. Философские изыскания Филона не только дали пищу для его интеллекта, но и помогли воспитать в нем истинное благородство характера, развил в нем натуру, которая рассматривала все проявления человеческой глупости, вульгарности и порока как множество загадок, которые он не мог разгадать.

Его жена, которая по праву гордилась им, подражала ему в простоте своей жизни. Говорят, что на вопрос некоторых из ее блестяще одетых подруг, почему она, такая богатая, пренебрегает золотыми украшениями, она ответила: "Добродетель мужа - достаточное украшение для жены". Современники Филона никогда не уставали восхвалять его стиль; он настолько убедительно напоминал им о прекрасной дикции Платона, что они замечали: "Платон пишет, как Филон, или Филон, как Платон". Главной целью Филона было привести дух иудаизма в соответствие с духом философии того времени, или, правильнее говоря, показать, что иудаизм - это самая истинная философия. И это должно было быть не просто интеллектуальным упражнением, но для него это была священная миссия. Он был настолько полностью поглощен этими идеями, что, как он рассказывает о себе, часто впадал в транс, когда ему казалось, что на него ниспосылаются откровения, которые он не смог бы воспринять в обычное время.

Это был человек, который должен был предстать перед императором как представитель александрийской иудейской общины. Александрийцы-язычники также послали депутацию во главе с Апионом, к которой принадлежал и ядовитый на язык Исидор. Посланники были озабочены не только привилегиями сообщества, которое они представляли, но и обязались поднять свой голос против жестокого преследования их расы. Впервые в истории иудаизм и язычество были представлены на ристалище людьми греческой культуры и образованности. Если бы об этих двух формах веры и цивилизации судили их приверженцы, решение в пользу иудаизма не вызывало бы сомнений. Филон, исполненный достоинства и серьезности, казался воплощением верного поиска истины и чистейшего морального идеализма; в то время как Апион, легкомысленный и саркастичный, был самым воплощением лстивого тщеславия и нес на себе печать тщеславия и самомнения падшей Греции. Но исход этого состязания остается под вопросом. Калигула был слишком страстным сторонником, чтобы быть справедливым

судьей. Он ненавидел иудеев за то, что они не признавали его и не поклонялись ему как своему божеству, и его ненависть разжигали два презренных создания, которых он вытащил из трясины и привязал к себе — египтянин Геликон и Апеллес из Аскалона.

Иудейским посланникам едва разрешили говорить, когда их допустили к императору, и первым словом Калигулы был резкий упрек: "Итак, вы презирающие Бога, которые не признают меня божеством, но которые предпочитают поклоняться безымянному, в то время как все остальные мои подданные приняли меня как своего бога". Иудейские послы заявили, что они совершили три последовательных подношения в честь Калигулы: первое - после его восшествия на престол; второе - после его выздоровления от тяжелой болезни; и третье - после его так называемой победы над германцами. "Возможно, - ответил Калигула, - но подношения были сделаны *для меня а не мне*; это меня не волнует. И как же так, - продолжал он, вызывая непристойное веселье своей языческой аудитории, - как же так получается, что вы не едите свиного мяса, и на каком основании вы отстаиваете свое право равенства с александрийцами?" Не дожидаясь ответа, он переключил свое внимание на что-то другое. Позже, когда он отпустил иудейских посланников, он заметил, что они казались не столько злыми, сколько глупыми, не желая признавать его божественность.

Пока несчастные послы тщетно пытались наладить отношения с императором, на них внезапно обрушились вести, которые вселили ужас в их сердца. Один из их соплеменников ворвался к ним и воскликнул среди неудержимых рыданий, что Храм в святом городе был осквернен Калигулой. Ибо императорские статуи должны были быть установлены не только в синагогах, но и в Иерусалимском храме. Губернатор Сирии Петроний получил приказ войти в Иудею со своими легионами и превратить Святилище в языческий храм. Легко представить себе смертельную муку иудейского народа, когда им стали известны эти порядки. Накануне праздника Кушчей в Иерусалиме появился посланник, который превратил этот праздник ликования в траур. Петроний и его легионы находились в Акчо, на окраине Иерусалима, но, поскольку приближался сезон дождей и ожидалось упорное сопротивление, римский командующий решил дожидаться весны, прежде чем начинать активные действия. Тысячи иудеев поспешили предстать перед Петронием, заявив, что они скорее понесут наказание смертью, чем позволят осквернить свой Храм. Петроний, не зная, как ему осуществить этот безумный план Калигулы, посоветовался с членами Королевского совета, умоляя их повлиять на народ в его пользу. Но иудейская аристократия и даже родной брат Агриппы Аристокбул держались вместе с народом. Затем Петроний отправил императору правдивое изложение дела, надеясь, что это заставит его отказаться от своего плана. Тем временем он успокоил народ, сказав им, что ничего нельзя предпринять, пока из Рима не поступят новые эдикты, и попросил их вернуться к своим сельскохозяйственным обязанностям и таким образом предотвратить возможность голодного года.

Но еще до того, как письмо Петрония попало в руки императора, намерениям Калигулы помешал Агриппа. Иудейский царь приобрел столь необычайное влияние на Калигулу, что римляне называли его и Антиоха Коммагенского его учителями в тирании. Агриппа, живший в то время рядом с императором, не мог остаться равнодушным к осквернению Храма, но он был слишком опытным придворным, чтобы открыто воспротивиться этому императорскому капризу. Напротив, он, казалось, не слышал криков боли, исходивших от его народа, и был занят только

приготовлением, с самыми щедрыми расходами, великолепного пира для императора и его фаворитов. Но под этой маской безразличия он действительно работал на благо своего народа. Калигула, польщенный оказанным ему вниманием, велел Агриппе потребовать милости, которая должна быть немедленно оказана. Его изумлению не было предела, когда иудейский монарх попросил отменить императорский эдикт, касающийся изображений. Он и подумать не мог, что его утонченный придворный окажется таким бескорыстным человеком, таким набожным и столь полностью независимым от воли императора. Каким бы хитрым ни был Калигула, он оказался в безвыходной ловушке, поскольку не мог отказаться от данного слова. Таким образом, он был вынужден написать Петронию, отменяющему его прежний указ. Тем временем он получил письмо Петрония, в котором губернатор подробно описывал, с какими трудностями он столкнется, если попытается выполнить приказ своего господина. Большого и не требовалось, чтобы привести страстную и легковозбудимую натуру Калигулы в ярость. Был отдан новый и строгий приказ приступить к внесению статуй в Иерусалимский храм. Но прежде чем этот приказ, ужасный для иудеев и полный опасности для самого Петрония, прибыл в Иерусалим, было объявлено, что безумный Калигула встретил свою смерть от рук преторианского трибуна Херея (24 января 41 г.). Эти вести пришли в Иерусалим 22-го числа Севата (41 марта), и впоследствии этот день был отмечен как день великого ликования.

Преемником Калигулы на троне цезарей был Клавдий, образованный педант и глупец. Своей короной он был обязан случаю и дипломатии царя Агриппы, который убедил сопротивляющийся Сенат принять выбор преторианцев. Рим, должно быть, действительно пал низко, когда несколько незначительному иудейскому принцу было позволено выступить в Сенате и, в какой-то мере, повлиять на выбор своего правителя. Клавдий не был неблагодарен своему союзнику; он восхвалял его перед собравшимся сенатом, возвел в достоинство консула и сделал царем всей Палестины, поскольку Иудея и Самария были включены в состав монархии.

В память об этих событиях император приказал выгравировать надпись на бронзовых табличках в педантичном подражании классическому веку и отчеканить монеты с изображением на одной стороне двух сложенных рук и такими словами: "Дружба и товарищество царя Агриппы с Сенатом и римским народом". На другой стороне был изображен император между двумя фигурами и надпись: "Царь Агриппа, друг императора". Таким образом, Иудейское царство полностью восстановило свои размеры; более того, оно приобрело даже большую территорию, чем обладало ранее при хасмонеях и Ироде I.

Ирод II, брат и зять царя Агриппы, получил от Клавдия звание претора и стал князем Халкиды в Ливане. Александрийские иудеи извлекли огромную выгоду из нового порядка вещей, установившегося в огромной Римской империи после смерти Калигулы. Император Клавдий освободил алабарха Александра, с которым он был в дружеских отношениях, из заточения, в которое его бросил его предшественник, и разрешил споры александрийцев в пользу иудеев. Предубеждение Калигулы против этого несчастного сообщества развило их независимость, и их сила была далека от того, чтобы быть сломленной. Их права и привилегии были полностью восстановлены эдиктом нового императора, и они были поставлены в равные условия с греческими жителями Египта. Достоинство алабарха было восстановлено императором, и это было наиболее важно для иудеев, поскольку гарантировало им лидерство представителя их собственной расы и делало их независимыми от римских чиновников. Именно во время этого правления Филон передал богатство своих знаний широкому кругу читателей и сыграл важную

роль в доведении иудео-греческой культуры до ее зенита. Клавдий распространил свою добрую волю на иудеев всей Римской империи, предоставив им полную свободу вероисповедания и защитив их от вмешательства язычников.

Когда Агриппа, обремененный почестями, покинул Рим и отправился в Иудею, чтобы вступить во владение своим царством, его подданные заметили, что в нем произошла какая-то великая перемена и что волнующая революция в Риме, в результате которой своевольный император был свергнут с престола в пользу слабого, произвела глубокое впечатление на их собственного монарха. Легкомысленный Агриппа вернулся серьезным человеком; придворный уступил место патриоту; любящий удовольствия принц уступил место добросовестному монарху, который полностью осознавал, чем он обязан своему народу. Иродианская природа была, по сути, полностью покорена хасмонеями. В последний раз Иудея наслаждалась под его правлением коротким периодом безмятежного счастья; и его подданные, завоеванные его щедрой привязанностью, которые даже рисковали лишиться доброй воли Рима в их деле, отплатили ему неутомимой преданностью, злейшие враги его скипетра превратились в его горячих сторонников. Историки не устают восхвалять любовную приверженность Агриппы иудаизму; казалось, что он пытался восстановить то, что было разрушено Иродом. Он свободно общался с людьми, когда они приносили первые плоды в Храм, и приносил свои собственные приношения в виде фруктов или зерна в Святилище. Он восстановил старый закон, обязывающий царя читать книгу Второзакония во дворе Храма в конце каждого года выпуска. Повернувшись лицом к собранию, Агриппа впервые совершил это действие осенью 42 года, и когда он дошел до стиха: "Из среды братьев твоих избери ты царя", он разразился слезами, ибо с болью осознавал свое идумеянское происхождение и знал, что недостойн быть царем Иудеи. Но собравшаяся толпа и даже фарисеи с энтузиазмом воскликнули: "Ты наш брат, ты наш брат!"

Осторожное правление Агриппы дало о себе знать всей общине. Без сомнения, Синhedриону под председательством Гамалиэля I. (ха-Закена старшего), достойного внука Гиллеля, было разрешено взять управление внутренними делами в свои руки. Президентство приобрело при Гамалииле большее значение, чем оно имело раньше, поскольку Синhedрион, созданный по образцу политической конституции страны, носил в некоторой степени монархический характер. Для интерполяции високосного года требовалось согласие президента, и все письма или мандаты, адресованные ближайшим или отдаленным общинам, отправлялись от его имени. Формулировки этих писем, которые в некоторых случаях дошли до нас, чрезвычайно интересны как по содержанию, так и по форме, поскольку они доказывают, что все иудейские общины, а также их представители признали верховную власть Синhedриона. Гамалиил обратился бы к иностранной общине через своего опытного секретаря Йоханана в следующих выражениях: "Приветствую наших братьев в Верхней и Нижней Галилее: Мы доводим до вашего сведения, что пришло время собирать десятину с ваших оливковых полей". "Нашим братьям, изгнанникам в Вавилоне, Мидии, Греции (Ионии) и всем другим изгнанникам, приветствую: Мы доводим до вашего сведения, что, поскольку в это время года ягнята еще очень малы, а у голубей еще не выросли крылья, весна в этом сезоне очень запоздалая, мне и моим коллегам приятно продлить год на тридцать дней".

Многие превосходные законы исходили от Гамалиила; в основном они были направлены против вкрадывавшихся злоупотреблений или были направлены на повышение благосостояния всего сообщества. Это был истинный дух Гиллеля, который пронизывал законы, разработанные Гамалиилом для общения между иудеями и язычниками. Языческой бедноте разрешалось

убирать урожай с полей вслед за жнецами, и с ней обращались точно так же, как с иудейской беднотой, а язычникам приветствовали мир на их собственных праздниках, когда они следовали своим собственным обрядам. Бедняки во всех городах со смешанным населением получали равное обращение; им помогали во время бедствий, ухаживали за их больными, с почетом относились к их умершим, утешали их скорбящих, были ли они язычниками или иудеями. В этих постановлениях, столь полных добрых чувств по отношению к язычникам, ясно просматривается влияние Агриппы. Рим и Иудея на время отбросили свою взаимную антипатию, и их отношения характеризовались любовью и терпимостью. Щедрость императора по отношению к иудеям зашла так далеко, что он сурово наказал нескольких легкомысленных греческих юношей в городе Дора за попытку установить его статуи в синагогах. Правителю Петронию было приказано проявлять строгость в предотвращении подобного осквернения.

Агриппа унаследовал от своего деда Ирода желание быть популярным среди греков. Как Ирод посылал подарки Афинам и другим греческим и ионическим городам, так и его внук оказал огромную помощь вырождающемуся городу, некогда матери искусств, пользу, которую ее гражданам нелегко было забыть. Он также осыпал милостями жителей Кесарии, города, который Ирод воздвиг как соперничающий с Иерусалимом, и греков с прибрежной Севастии, которые жили в своем особом квартале. Эти получатели его благ приложили все усилия, чтобы доказать свою благодарность. Жители Севастии воздвигли статуи трем его дочерям и отчеканили в его честь монеты с надписью "Великому царю Агриппе, другу императора". Последние годы правления этого монарха были счастливыми для его народа, как внутри Иудейского царства, так и за его пределами. Они были подобны розовому отблеску на вечернем небе, который предшествует не рассвету дня, а черноте ночи. В некоторых отношениях они напоминают о правлении царя Иосии в ранней истории нации, когда королевство наслаждалось спокойствием внутри страны и независимостью за рубежом, не испытывая недостатка в интеллектуальной деятельности.

Филон посетил Иерусалим во время правления Агриппы и смог принять участие в радости народа по поводу отмены эдиктов Калигулы. Никогда прежде первые плоды не вносились в Храм с большей торжественностью и с более искренним ликованием. Под яркие звуки музыкальных инструментов люди устремились в Святилище со своими подношениями, где их приняли самые выдающиеся представители своей расы. Затем был спет псалом, в котором описывалось, как верующие перешли от печали к радости.

Именно в это время великая царица, сопровождаемая своей многочисленной свитой, прибыла в Иерусалим, отрекшись от язычества ради иудаизма, тем самым до краев наполнив чашу радости некогда гонимого, но ныне почитаемого народа.

Счастливой эпохе правления Агриппы, однако, не суждено было продлиться долго. Хотя он пользовался полным доверием императора, римские сановники смотрели на него с подозрением, и видели в каждом шаге иудейского царя признаки недовольства; и они были недалеки от истины. Ибо, как бы сильно Агриппа ни кокетничал с Римом, он все же был полон решимости сделать Иудею способной противостоять этой великой силе, если между ними произойдет столкновение, которое он считал неизбежным. Его народ не должен зависеть от прихоти одного человека. Таким образом, он решил укрепить Иерусалим. Он выбрал для этой цели пригород Безета, расположенный к северо-востоку от города, и приказал построить там мощные укрепления. Они должны были обеспечить оборону крепости Антония, которая

находилась между Безетой и Иерусалимом. Он обратился в Рим за необходимым разрешением, которое было с готовностью предоставлено Клавдием, который ни в чем не мог ему отказать, и римские фавориты, которые могли бы выступить против него, были заставлены подарками замолчать. Были начаты фортификационные работы, но их завершение было прервано губернатором Сирии Вибием Марсом. Он разгадал замысел Агриппы, прямо сказал императору об опасностях, которые, несомненно, грозили бы Риму, если бы Иерусалим мог безопасно бросить ему вызов, и преуспел в том, чтобы добиться от Клавдия отмены его разрешения. Агриппа был вынужден подчиниться, поскольку не мог открыто оказать сопротивление. Но в глубине души он был полон решимости ослабить римское влияние в Иудее. Чтобы достичь этих целей, он тайно вступил в союз с теми князьями, с которыми был связан браком или дружескими отношениями, и пригласил их на совещание в Тверию под предлогом встречи для общего развлечения и расслабления. По его зову в столицу Галилеи прибыли Антиох, царь Коммагены, чей сын Эпифан был помолвлен с младшей дочерью Агриппы; Самсигеран, царь Эмесы, чья дочь Джатапе была замужем за братом Агриппы Аристобулом; затем Котис, царь Малой Армении, Полемон, князь Киликии, и, наконец, Ирод, брат Агриппы, князь Халкиды. Все эти князья были обязаны своим положением Агриппе и поэтому могли потерять его при восшествии на престол следующего императора или по наущению какого-нибудь влиятельного лица при дворе Клавдия. Но Марс, с подозрением относившийся к этому соглашению между столькими правителями и не доверявший делу, которое свело их вместе, внезапно появился среди них и с древнеримской прямоотой приказал им вернуть каждого в его собственный город. Могущество Рима было столь велико, что по одному слову подчиненного императора собрание было отменено. Но энергия и настойчивость Агриппы, вероятно, избавили бы Иудею от любого возможного унижения и обеспечили бы ее будущую безопасность, если бы его жизнь была продлена; однако он неожиданно скончался в возрасте пятидесяти четырех лет. Звезда Иудеи закатилась вместе с этим монархом, который умер, подобно Иосии, последнему великому царю эпохи, предшествовавшей изгнанию, за четверть века до разрушения своего государства.

Вскоре стало очевидно, что греческие жители Палестины лишь скрывали свои истинные чувства по отношению к царю Агриппе. Забыв о благодеяниях этого монарха, сирийцы и греки города Кесарии и побережья Севастии утешали себя тем, что поносили его память и приносили благодарственные приношения Харону за его смерть. Римские солдаты, расквартированные в этих городах, действовали заодно с греками и разносили статуи дочерей Агриппы по борделям.

Клавдий не был равнодушен к оскорблениям, нанесенным памяти его покойного друга. Напротив, он стремился возвести сына Агриппы, Агриппу II, на трон Иудеи. Но в этом ему воспротивились два его всемогущих фаворита, Паллас и Нарцисс, сославшись на молодость принца (ему было семнадцать лет), и Иудее, таким образом, было позволено снова превратиться в римскую провинцию.

Однако из чувства привязанности и уважения к умершему царю император предоставил иудейскому правителю Куспию Фадусу несколько независимую позицию по отношению к сирийскому правителю Вибию Марсу, который всегда был враждебен Агриппе и иудеям. Именно его солдаты оскорбили память иудейского монарха, и за этот трусливый поступок они должны были быть наказаны и сосланы в Понт. Однако им удалось добиться прощения у императора и они остались в Иудее, что в немалой степени способствовало возбуждению самых горьких чувств национальной партии, на которые они полностью отвечали взаимностью. Они с трудом сдерживали свою ненависть к иудеям, побуждая последних к ответным

действиям. Отряды флибустьеров под предводительством отважных вождей готовились, как и после смерти Ирода, освободить свою страну от римского ига. Но Фадус был готов к этому восстанию. Его желанием было укрепить римское правление в Иудее и придать ему такое же значение, какое оно имело до правления Агриппы; и с этой целью он пытался сохранить выбор первосвященника и священных одежд в своих собственных руках. Но в этом он встретил сопротивление как в лице первосвященника, так и от рук брата Агриппы, Ирода II.

Иерусалим был настолько сильно взволнован этими событиями, что в городе появился не только губернатор Фадус, но и Гай Кассий Лонгин во главе своих войск. Ирод и его брат Аристобул умоляли о перемирии, поскольку им не терпелось отправить послов в Рим. Это им было позволено сделать только при условии, что они сдадутся в качестве заложников для сохранения мира. Охотно подчинившись, посольство, состоящее из четырех человек — Корнилия, Трифона, Дорофея и Иоанна, — отправилось в Рим. Когда они прибыли в этот город, молодой Агриппа представил их императору. Клавдий, все еще верный своей старой привязанности к иродианам, предоставил иудеям полное право следовать своим собственным законам и разрешил Ироду выбирать первосвященника Святилища. Немедленно воспользовавшись этим разрешением, Ирод возвел Иосифа из дома Камифы в сан первосвященника вместо Элионаи, избранного его братом. В определенной степени Ирода II. можно считать царем Иудеи, но он не оказывал никакого влияния на ход политических событий. Вся законная власть была сосредоточена в руках наместника; под влиянием его преемника Синхедрион утратил власть, которую он восстановил при Агриппе.

Во время своего губернаторства Фадус столкнулся с восстанием другого характера. Некий Теуда явился как пророк или мессия, и за ним последовали четыреста учеников, ибо мессианское искупление быстро перерастало в необходимость для нации. Чтобы доказать свою силу, он объявил, что разделит воды Иордана и проведет своих последователей в целости и сохранности через русло реки. Но когда группа его учеников приблизилась к берегу реки, неся с собой большую часть своего мирского имущества, они столкнулись с отрядом кавалеристов Фадуса, которые убили одних, взяли других в плен и обезглавили своего лидера.

Вскоре после этих событий Фадус был отозван из Иерусалима, и его место занял Тиберий Юлий Александр, сын алабарха Александра, племянника иудейского философа Филона. Тиберий, исповедовавший язычество, уже носил достоинство римского рыцаря. Император, несомненно, полагал, что, назначая иудея из знатного дома правителем страны, он доказывает свое дружелюбие к нации. Он и представить себе не мог, что их чувствительные натуры будут яростно возражать против того, чтобы ими управлял отступник. Похоже, народу действительно было очень неуютно под властью Тиберия; zeloty подняли головы и подняли восстание. Их возглавляли Иаков, Симон и сыновья zelota Иуды, но никаких подробностей об этом восстании не сохранилось. Судя по суровости приговора, вынесенного главарям наместником, он, должно быть, носил серьезный характер, поскольку два брата подверглись распятию - самой унижительной форме смертной казни у римлян. Тиберий Александр пробыл на своем посту всего два года. Впоследствии он был назначен губернатором Египта и оказал значительное влияние на выбор императора.

Ирод II, царь Халкиды, номинальный царь Иудеи, умер в это время (48 г.), и вместе с ним сошло в могилу третье поколение иродианцев.

ГЛАВА VIII.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИУДЕЙСКОЙ РАСЫ И ИУДАИЗМА.

Распространение иудеев в Римской империи и Парфии—Отношения различных иудейских колоний к Синhedриону—Иудейские разбойники в Наарде—Языческие атаки на иудаизм—Ответные атаки на язычество иудейских писателей—Иудейские сивиллы-Антиязыческая литература—Книга мудрости—Аллегористы—Цели и философская система Филона—Прозелиты—Царский дом Адиабены—Королева-прозелитка Елена—Апостол Павел —Его характер—Изменение его отношения к фарисеям—Его Деятельность как обращенца—Его отношение к Закону Моисея—Доктрины Петра—Иудео-христиане и христиане-язычники.

40-49 гг. н. э.

Вокруг самой колыбели иудейской расы звучали пророческие звуки, повествующие о бесконечных скитаниях и рассеянии. Ни один другой человек никогда не слышал таких тревожных предсказаний, и они сбывались во всем своем буквальном ужасе. В двух великих царствах того времени, Римском и Парфянском, едва ли был уголок, в котором не жили иудеи и где они не образовали религиозную общину. Берега великого срединного моря и истоки всех главных рек старого света - Нила, Евфрата, Тигра и Дуная - были заселены иудеями. Жестокая судьба, казалось, постоянно отталкивала их от их центрального дома. И все же это рассеяние было делом Провидения и должно было оказаться благословением. Таким образом, продолжение иудейской расы было обеспечено. Угнетенные и гонимые в одной стране, они бежали в другую, где старая вера, которая становилась им все дороже, нашла новый дом. Тут и там были разбросаны семена, которым суждено было повсюду нести знание о Боге и учения о чистой морали. Подобно тому, как греческие колонии зажгли в различных народах любовь к искусству и культуре, а римские поселения породили во многих странах сообщества, управляемые законом, так и гораздо более широкое расселение древнейших цивилизованных людей способствовало ниспровержению заблуждений и борьбе с чувственными пороками языческого мира. Несмотря на такую разрозненность, члены иудейского народа не были полностью отделены друг от друга; у них был общий центр объединения в Иерусалимском храме и в Синhedрионе, которые встречались в зале из тесаного камня, и за них рассеянные общины цеплялись любящими сердцами. К ним всегда были обращены их взгляды, и, посылая свои дары в Храм, они продолжали участвовать, по крайней мере, своими пожертвованиями, в богослужении. От Синhedриона они получили свой свод законов, которому следовали тем охотнее, что его им не навязывали. Время от времени Синhedрион отправлял делегации в различные общины, как дальние, так и ближние, чтобы ознакомить их с наиболее важными решениями.

Посещения Храма иудеями, жившими за пределами Палестины, укрепляли узы единства, и эти посещения, должно быть, были частым явлением, поскольку они потребовали создания многих мест поклонения в Иерусалиме, где различные иностранные иудеи встречались для молитвы. В столице находились синагоги александрийцев, киренийцев, либертинов, елимейцев и азиатов. Можно составить некоторое представление об огромном количестве иудеев, существовавших в тот период, если учесть, что в одном только Египте, от Средиземноморья до границы с Эфиопией, проживало около миллиона человек. В соседней стране Киренаике также было много иудеев, некоторые из которых были насильственно переселены туда из Египта, в то время

как другие были добровольными эмигрантами. Во многих частях Сирии, и особенно в ее столице Антиохии, иудеи составляли значительную часть населения. Цари Сирии, сменившие Антиоха Эпифана, восстановили их во всех правах, которых лишил их полубезумный Эпифан. Один из этих царей даже подарил им кое-что из утвари, взятой из Храма, и они сохранились в их синагоге. В Дамаске проживало около десяти тысяч иудеев, и один из их вельмож был назначен этнархом над ними набафейским царем Аретой Филодемом, точно так же, как в Александрии один из их самых выдающихся членов был избран главой общины. В великую столицу мира, Рим, точку притяжения честолюбивых и алчных, недовольных и мечтателей, иудеи вернулись такими массами после своего изгнания Тиберием, что, когда император Клавдий по какой-то неизвестной причине решил снова изгнать их, его удержал только страх перед их многочисленностью от попыток осуществить свое намерение. Тем временем он запретил их религиозные собрания. Однако ближе к концу его правления из-за некоторых беспорядков, вызванных неким христианским апостолом Крестом, они, вероятно, были, но только частично, изгнаны из Рима.

Число иудеев в Парфянской империи было даже больше, чем в Европе, Сирии и Африке. Они были потомками бывших изгнанников, владевших обширными землями в Месопотамии и Вавилонии. Двое юношей из Наарды (Нахардея на Евфрате) по имени Асинай (Часинай) и Анилай (Чанилай) основали в окрестностях этого города разбойничье поселение, которое сеяло ужас в приграничных странах. Подобно тому, как Наарда и Нисибис стали центральными пунктами стран Евфрата, в каждой стране возникло центральное ядро, из которого иудейские колонии распространились на соседние земли, от Малой Азии, с одной стороны, до Черного моря, с другой, до Греции и островов. В Афинах, Коринфе, Фессалониках и Филиппах были иудейские общины. Нет сомнения, что из Рима иудейские колонии двинулись на запад, к югу от Франции и Испании.

Эффект, произведенный иудеями на язычников, поначалу был отталкивающим. Их особый образ жизни, одежда и религиозные взгляды заставляли считать их странными, загадочными, таинственными существами, которые в один момент внушали благоговейный трепет, а в другой - насмешку и презрение. Противостояние между иудеями и язычниками было настолько глубоким, что проявлялось во всех их действиях. На все, что было святым в глазах язычников, иудеи смотрели с ужасом, в то время как объекты, безразличные к первым, считались вторыми священными. Отказ иудеев от общих трапез со своими согражданами, их отвращение к смешанным бракам с язычниками, их отвращение к мясу свиньи и их воздержание от теплой пищи в субботу рассматривались как результат извращенной натуры, в то время как их воздержание от интимных сношений с кем бы то ни было, кроме своих единоверцев, считалось доказательством их вражды к человечеству в целом. Серьезный характер иудеев, который препятствовал их участию в детских забавах и мимических боях, казался окружающим признаком мрачного нрава, который не мог находить удовольствия во всем ярком и прекрасном. Поверхностные люди, следовательно, рассматривали иудаизм только как варварское суеверие, которое внушало ненависть к большинству людей, в то время как более вдумчивые и проницательные были преисполнены восхищения чистым и духовным поклонением единому Богу, любовью и сочувствием, которые объединяли иудеев, и добродетелями целомудрия, умеренности и стойкости, которые характеризовали их.

Язычество с вытекающей из него безнравственной жизнью предстало во всей своей наготе перед проницательным взором иудеев. Мрачное идолопоклонство язычников с их сказочной

мифологией, которая ставила божественную природу еще ниже человеческой, безумие, позволявшее поклоняться нечестивым императорам как богам, чувственность, царившая со времен падения Греции, и более тесная связь римлян с деморализованными народами, ежедневное зрелище порочной жизни и нарушенных брачных обетов, вакханальное опьянение суевериями, неверием и скотоложеством - все это питало гордость иудеев за свои духовные и интеллектуальные достижения и побуждало их преувеличивать превосходство других. Явное превосходство иудаизма над язычеством. В местах, где греческий язык облегчал обмен мыслями, как, например, в Египте, Малой Азии и Греции, между иудеями и язычниками существовали значительные ментальные трения. Иудаизм, так сказать, призвал язычество предстать перед судом истины и там поставил свою собственную возвышенную веру рядом с низкими, унижающими формы верования своего противника.

Иудеи были глубоко озабочены тем, чтобы передать слепым, введенным в заблуждение язычникам пламенные убеждения, наполнявшие их сердца, и для достижения этой цели, поскольку последние ненавидели их религию, некоторые из наиболее образованных иудеев прибегли к своего рода благочестивому мошенничеству, с помощью которого языческих поэтов и прорицателей заставили свидетельствовать о красоте и величии иудаизма. Искусные имитации в стихах, излагающие иудейские доктрины, были вложены иудео-греческими писателями в уста окутанного туманом певца Орфея и включены в число произведений Софокла, трагического поэта, прославлявшего всемогущих богов. Когда Рим расширил свою империю далеко и широко, и легенды о сивиллах-пророчицах стали известны во многих странах, иудейские поэты поспешили сделать последних сторонниками догматов и взглядов, которые они сами не осмеливались провозглашать или которые, если бы были изложены от их собственного имени, не были бы услышаны. В форме оракула Сивилла была создана для того, чтобы раскрыть глубокий смысл иудаизма, взволновать сердца людей картинами ужасных последствий неверия Богу и предложить народам, вовлеченным в кровавый конфликт, оливковую ветвь мирного согласия, открывая им радужные перспективы более счастливых времен, предсказанных Провидцами тем, кто верил в вечного Бога иудаизма; и Сивилла пророчески говорила о славном будущем, когда все народы земли будут радоваться благословениям Мессиянского царства.

"Несчастливая Греция, перестань гордо превозносить себя; возноси молитвы о помощи бессмертному и возвышенному и внимай своим путям. Служи могущественному Богу, чтобы и ты мог найти свою долю среди добрых, когда наступит конец и судный день, согласно воле Божьей, восстанет перед человеком. Тогда изобилующая земля в изобилии одарит смертных прекраснейшими плодами виноградной лозы и олив и отборнейшими питательными семенами. Также сладкий мед, падающий с небес, и деревья с их плодами, и тучные овцы. Также волы, ягнята и козлята. Для них потекут реки молока, сладкого и белого. Города наполнятся товарами, земля станет богатой, и не будет больше войн или устрашающих звуков сражений. И земля не будет громко стонать, содрогаться и раскалываться. Война прекратится, и на землях больше не будет засухи, голода или града, уничтожающего плоды. Но великий мир воцарится над всем миром, и до скончания времен каждый король будет другом другого, и по единому закону люди всего мира будут управляться Вечным Богом, восседающим на звездных небесах, — один закон для всех слабых, жалких людей; ибо Он - единый Бог, и другого нет, и нечестивых Он бросит в огонь".

Целью длинной серии прозаических произведений иудео-греческой школы было, с одной стороны, показать тщетность и дефекты язычества, а с другой - представить иудаизм в его наиболее выгодном свете и, таким образом, побудить язычников познакомиться с догматами последнего. В качестве примеров приводились языческие цари, которые были убеждены, что идолопоклонство пусто и суетно и что иудаизм, напротив, открывает истину.

"Книга мудрости" была даже более решительной и энергичной в своих обличениях язычества, чем Сивиллины писания. Ее неизвестный автор с философской проницательностью, но в поэтическом облачении, правдиво изложил идолопоклонство, показал, что оно является причиной порока и безнравственности, а затем, в разительном контрасте с этими мрачными тенями, заставил иудаизм засиять еще большей чистотой и блеском. Именно мудрость иудаизма, воплощенная, так сказать, в мудром царе Соломоне, представила эти взгляды и от его имени, обращаясь к монархам земли (римским правителям), порицает их бесстыдное самообожествление. "Любите праведность, вы, правители земли, - восклицает Мудрость Соломона, - познайте Господа в благости и ищите Его в простоте сердца" (Книга мудрости, i. 1). Согласно этому автору, изобретение идолов было причиной распутства и ведет к разрушению жизни. Идолопоклонства не существовало с самого начала, и оно не будет длиться вечно. Она возникла из-за тщеславия и невежества человека и просуществовала бы недолго. Отец, внезапно повергнутый в глубочайшее горе смертью ребенка, возможно, создал для себя изображение последнего; постепенно он стал поклоняться безжизненной фигуре как богу и настаивал на соблюдении его иждивенцами мистических обрядов в его честь. Со временем эта безбожная практика стала законом, и изображения, по приказу деспотов, получили поклонение народа. В отсутствие монарха, когда подданные не могли лично обожать его, тирану льстили благоволия, подносимые его изображению. Честолюбие художника также способствовало росту идолопоклонства среди невежественных масс. Чтобы угодить властителям земли, он стремился сделать свои изображения как можно более красивыми, и публика, ослепленная великолепием и изяществом работы, поклонялась как богам тем, кого раньше почитала как людей. Такие прекрасные произведения искусства становились ловушкой для тех, кого поработило несчастье или тирания, и побуждали их обожествлять резной камень и дерево и даровать им непередаваемое имя Бога. Не только люди ошибаются в своих религиозных убеждениях, но и они живут в постоянной борьбе друг с другом и называют это миром; детоубийство празднуется как ритуал, они соблюдают темные, таинственные церемонии и виновны в нецеломудрии. Каждый из них разыгрывает роль шпиона за другим или наносит ущерб его самой дорогой чести. Все, без различия, жаждут крови, любят грабить и практикуют хитрость, лжесвидетельство, обман, неблагодарность и все виды нечистоты. Ибо поклонение тщеславным идолам есть начало, причина и конец всякого зла. "О здоровье он взывает к тому, что слаб, о жизни молится тому, что мертво, о помощи смиренно просит тот, у кого меньше всего средств помочь" (Книга мудрости, xiii. 18).

После того, как автор таким образом показал тщету идолопоклонства, он пытается описать фундаментальные истины иудаизма:

"Нет Бога, кроме Того, кому поклоняются евреи. Божественная мудрость сохранила первенца, спасла праведника (Ноя) от потопа, поддержала праведника (Авраама) в невинности перед Богом, избавила святое семя (иудейский народ) от гнета народов, наполнила душу раба Божьего (Моисея), который предстал перед царями со страшными знаменами и чудесами. Израиль - это праведный человек, которого избрал Бог. Он

обладает знанием Божественного Существа и может называть себя Сыном Божиим, который по Своей милости поддерживает его".

Эти праведники будут иметь вечную жизнь. Когда Израиль преследуется правителями земли, потому что его путь лежит в стороне от их, и он осуждает их безбожные пути, отворачивается от них как от нечистых и называет Бога своим Отцом; когда народы земли мучают его и предают позорной смерти — это всего лишь испытания, налагаемые Богом на Его избранника, чтобы доказать ему и сделать его достойным Его благодати. Он испытывает его, как золото в горниле, и принимает его как чистое приношение. Израиль будет судить народы и владычествовать над народами, и Бог их будет царствовать вечно.

"Тогда праведный твердо встанет перед своими угнетателями. Их охватит великий страх; они будут поражены его славным спасением и, раскаявшись, скажут: "Это был тот, над кем мы насмеялись и кого мы сделали посмешищем. По неведению мы считали его жизнь безумием, а его конец - бесчестьем. И теперь он причислен к детям Божиим, и его удел - среди святых. Мы сбились с пути истины, и свет праведности не сиял для нас". Израиль был инструментом, через который Бог дал миру неугасимый свет закона. Господь во всем возвеличивал Свой народ и прославлял его; Он не оставлял их, но помогал им во всякое время и в любом месте". (Книга мудрости.)

Подобно вавилонскому Исае, александрийско-иудейский мудрец созерцал свой идеал в Израиле, от которого требовалась благородная миссия и который впоследствии воссияет во славе.

В то время как александрийские иудеи были поглощены греческой литературой и философией и использовали этот мелодичный язык как оружие против язычества и безнравственности, которую оно поощряло, они вышли за рамки поставленной цели. Их желанием было сделать иудаизм приемлемым для культурных греков, но, следуя этому замыслу, они в какой-то степени потеряли его для себя. Греческие концепции настолько полностью завладели их мыслями, что в конце концов они пришли к тому, что нашли в учении иудаизма современные умозрения греков. Вера, которую они унаследовали, была, однако, по-прежнему дорога им, и они ухитрились софистическими средствами убедить самих себя в подлинности своего изложения. Священное Писание не всегда могло предложить подходящие отрывки к господствующей философии, но иудео-александрийские авторы знали, как выйти из этого затруднения. Они последовали примеру греческих писателей, которые нашли свои собственные взгляды на мир в поэмах Гомера или поместили их туда, и для достижения этого использовали особый вид софистических словесных образов. Таким образом, иудейские мыслители того периода в своих толкованиях Священного Писания прибегали к аллегории и вместо простого, естественного смысла произведения часто придавали ему иное и, казалось бы, более высокое значение. Исходя из предположения, что Священные Писания не всегда могут получить буквальное объяснение без того, чтобы не запятнать божественную славу и не унижить многих библейских персонажей, они прибегли к искусству аллегории и метафоры. Этот метод стал настолько распространенным, что даже массы потеряли всякое удовольствие от простых историй Священного Писания и находили больше удовольствия в искусственных объяснениях, чем в простых уроках и возвышенных законах своих священных книг. Благочестивые люди, которые имели обыкновение объяснять Священные Писания в субботу, были вынуждены, в соответствии

со вкусом того времени, аллегоризировать как саму историю, так и содержащиеся в ней уроки. Одним из результатов этого метода стало безразличие, проявившееся среди образованных иудеев Александрии к практике религии их отцов. Аллегория подорвала крепостные стены, ограждавшие Закон. Если бы последнее было всего лишь одеянием, в которое облачались философские идеи, если бы Суббота была просто предназначена для того, чтобы запечатлеть силу нетварной божественности, а обряд обрезания был предназначен только для того, чтобы показать необходимость обуздания страстей, было бы достаточно понять и принять идеи, лежащие в основе этих форм. Какую пользу принесла бы практика последнего? От безразличия к практике законов до отхода от самого иудаизма был всего один шаг, и таким образом можно объяснить отступничество к язычеству некоторых иудеев, которые были неспособны противостоять трудностям и постоянному давлению, с которыми им приходилось сталкиваться. Конфликт между наукой и верой впервые возник также среди александрийских иудеев.

С безразличием к иудаизму действительно боролись многие, кто не полностью посвятил себя греческой культуре. Филон, величайший гений, которого породил александрийский иудаизм, выступал против тепловатого духа и чувства презрения, выросшего против практики Закона. В своей возвышенной и вдохновенной речи он призывал к обязательному соблюдению буквы Закона и побуждал своих единоверцев снова относиться к нему с любовью и благоговением. Филон действительно разделял некоторые ошибки и предрассудки своих современников, но благодаря своему ясному уму он воспарил над туманом, который окутывал их. Он также преувеличенно использовал аллегорический метод, применявшийся его предшественниками, и соглашался с ними в применении его ко всему Пятикнижию или, по крайней мере, к большей части его истории и законов. Чтобы осуществить эту метафорическую линию толкования Священных Писаний, он изобрел символические числа, объяснил иврит греческими словами и из одного и того же предложения сделал разные и противоположные выводы. Для Филона аллегорическое изложение стало почти необходимостью. Если бы он уже не нашел ему применения, то, несомненно, изобрел бы его.

Он хотел дать санкцию Священного Писания великим мыслям, которые частично были порождением его собственного богатого ума, частично заимствованы из философских школ Академии, у стоиков и неопифагорейцев. Разделяя и даже превосходя по извращенности аллегорические объяснения, которые, по его мнению, были в моде, он отошел от них как раз в том существенном пункте, который свидетельствовал против необходимости юридической практики, и в этом заключалась его главная важность. Он решительно и напористо выступает против тех, кто, удовлетворенный духовным смыслом, содержащимся в Законе, безразличен к самому Закону. Он называет их поверхностными и бездумными, действующими так, как будто они жили в пустыне, или как бестелесные существа, которые не знали ни города, ни деревни, ни жилья, или которые, по сути, не общались с людьми, презирая то, что дорого человечеству, и ища только абстрактные духовные истины. Однако святое слово, хотя и учит нас усердно искать глубочайший духовный смысл Закона, не отменяет нашей обязанности придерживаться обычаев, введенных вдохновенными людьми, которые были во всем бесконечно выше нас. Должны ли мы, зная духовное значение субботы, пренебрегать ее предписанным соблюдением? "Должны ли мы, - восклицает он, - использовать огонь в субботу, возделывать землю, носить тяжести, выступать в судах, добиваться уплаты долгов и, фактически, заниматься всеми нашими обычными повседневными делами? Должны ли мы, поскольку праздник символизирует душевный покой и задуман как выражение благодарности Богу, перестать соблюдать сам праздник? Или нам следует отказаться от обряда обрезания теперь, когда мы

ознакомились с его символическим значением? В этом случае мы также должны отказаться от нашего благоговения перед святостью Храма и отказаться от многих религиозных обрядов. Но, напротив, и внутренняя истина, содержащаяся в Законе, и сам Закон должны одинаково цениться — один как душа, другой как тело. Точно так же, как мы заботимся о теле, рассматривая его как жилище души, точно так же мы должны ценить букву Закона. Строго соблюдая Закон, мы достигнем более ясного понимания его глубочайшего смысла, а также избежим замечаний и упреков со стороны людей ".

Именно в еврейских Писаниях, согласно Филону, содержится самая глубокая мудрость. Все, чему учит самая возвышенная философия, иудеи находили в своих заповедях и обычаях — знание вечного Бога, тщеславия идолов и универсальных законов человечности и доброты. "Разве не величайшей чести заслуживают, - восклицает он, - те законы, которые учат богатых делиться своим богатством с нуждающимися, которые утешают бедных, позволяя им надеяться на то время, когда они больше не будут просить милостыню у дверей богача, но вернут свое отчужденное имущество; ибо в начале седьмого года процветание снова вернется к вдове и сироте и вернет благополучие тем, кого судьба лишила наследства?"

В противовес оскорблениям, обрушиваемым на иудаизм Лисимахом и Апионом, Филон выдвигает дух человечности, которым дышит иудейский закон и который влияет даже на обращение с животными и растениями. "И все же, хотя иудаизм действительно основан на любви, эти жалкие подхалимы обвиняют его в мизантропии и эгоизме". Чтобы обеспечить лучшее понимание иудейской этики циниками и нарушителями закона его собственной расы, а также греками, у которых было лишь ложное представление об иудаизме, Филон расположил свои труды так, чтобы они представляли собой своего рода философский комментарий к Пятикнижию, с дальнейшей целью, чтобы истины иудаизма могли быть перенесены в сферу философии.

Но если, с одной стороны, Филон твердо стоял на иудейской почве, то, с другой стороны, он был не менее проникнут догмами греческих школ, которые противоречили первым, и он, по-видимому, был в равной степени подвержен влиянию духа иудаизма и Греции. Тщетно он пытался привести противоречивые идеи к гармонии. Они были настолько противоположны с самого начала, что их невозможно было примирить. Чтобы разрешить противоречие между противоречивыми взглядами на Бога-творца и совершенное божество, которое не соприкасается с материей, система Филона выбирает средний путь. Бог сотворил сначала духовный мир идей, которые были не просто прообразами всех будущих творений, но в то же время активными силами, сформировавшими последние. Через эти духовные силы, которые окружают Бога подобно веренице слуг, Он косвенно действует в мире. Духовная сила, действующая как бы посреднически между Богом и миром, является, согласно Филону, Логосом, или творческим разумом, божественной мудростью, духом Божиим, источником всякой силы. В более мистическом, чем философском описании Филона, Логос - это перворожденный сын Божий, который, стоя на границе конечного и бесконечного, связывает их воедино. Он не является ни нетварным, как Бог, ни сотворенным подобно конечным вещам. Логос - это прототип вселенной, представитель Бога, чьи повеления он передает миру, толкователь, который раскрывает Его волю и постоянно выполняет ее, архангел, который являет свои дела, первосвященник и ходатай между миром и Богом. Раннее христианство использовало это учение о Логосе, чтобы придать ему философский аспект.

Выдающийся философ из дома Алабархов боролся с греческим и римским язычеством, погрязшим в пороке и скотоложстве. Его изложение иудейского Закона было рассчитано на то, чтобы еще больше затемнить, по сравнению с чистым светом иудаизма, тени идолопоклонства, сексуальной распущенности, легкомыслия, тщеславия и развращенности, которые существовали в греко-римском мире. Он пытался показать, насколько ложны обвинения, выдвигаемые против иудаизма, и донести до людей возвышенное величие и красоту его догматов. Его основные произведения были написаны для его собственного народа и единоверцев, хотя он часто обращался к тем, кто стоял вне этого круга. Вопреки немногочисленным законам гуманности, которыми греки хвастались с древних времен, таким, например, как предоставление топлива любому, кто в нем нуждается, или указание путнику правильного пути, Филон без труда перечислил длинный ряд благотворительных обязанностей, содержащихся в Священном Писании или передаваемых из уст в уста. Во главе неписаных законов он поставил золотое изречение Гиллеля: "То, что ненавистно тебе, не делай другим". Иудаизм не просто запрещает кому-либо отказываться от огня или воды, но повелевает, чтобы то, в чем нуждаются бедные и немощные, было им дано. Он запрещает использование фальшивых мер и весов, чеканку фальшивых денег. Он не позволяет отбирать детей у родителей или разлучать жен со своими мужьями, даже если они были законно приобретены в рабство. Даже по отношению к животным человек обязан проявлять милосердие. "Что такое, в сравнении с этим, - кричит он грекам, - те немногие законы, восходящие к первобытным временам, которыми вы так хвалитесь?"

Следующим насмешливым тоном Филон ответил на злонамеренные обвинения в адрес Законодателя:

"Да, воистину, Моисей, должно быть, был колдуном, не только для того, чтобы сохранить целый народ и обильно снабжать его, пока они странствовали по многим странам, подвергаясь опасности голода и жажды и не зная пути, которым они шли, но и для того, чтобы сделать их, несмотря на их мятежный дух, который часто вырывался против него самого, послушными и податливыми".

Из трех великих моралистов, сменявших друг друга в течение столетия, - Гиллеля вавилонянина, Иисуса из Назарета и Филона александрийца, - последний во всем, большом и малом, наиболее усердно поддерживал славу иудаизма. Он также превосходил их красотой стиля и глубиной мысли, в то время как был одушевлен столь же пылкими убеждениями. Первые двое просто создали импульс, но именно через их учеников их идеи, по-разному трансформированные, были представлены более широкому кругу; в то время как Филон своими собственными красноречивыми трудами произвел важный и длительный эффект. Его работы, возможно, читались образованными язычниками даже больше, чем иудеями, хотя все были тронуты теплотой и пылом, которыми было пронизано все, что он писал о Боге, Моисее и духе Закона.

Филон и александрийские мудрецы продолжали пропагандировать великую работу пророков Исайи, Аввакума и Иеремии и обнажили всю неразумность, нестабильность, извращенность и безнравственность языческих религий. Прозрачный, мерцающий эфир, которым греки облекли Олимп, эти писатели превратили в туманы и испарения. Греки и римляне, глубоко переживавшие по этому поводу, были вынуждены с презрением отвернуться от религии, которая не только давала столь недостойное представление о Божестве, но и фактически,

казалось, освящала безнравственность примером, показанным им в истории их божеств. Как и большинство восточных народов, язычники чувствовали потребность в религии, и те, кто искал истинное и возвышенное учение, приняли иудаизм, который с каждым днем все больше и больше становился для них родным в греческих переводах иудейских писаний, в греко-александрийской литературе, а также в общении с образованными иудеями.

За последние десять лет, предшествовавших разрушению Иудейского государства, прозелитов стало больше, чем в любое другое время. Филон рассказывает из своего собственного опыта, что у него на родине многие язычники, приняв иудаизм, изменили не только свою веру, но и свою жизнь, которая с тех пор отличалась такими добродетелями, как умеренность, мягкость и человечность. "Те, кто оставил учения, в которых они были воспитаны, потому что они были полны лживых выдумок и тщеславия, стали искренними почитателями истины и посвятили себя практике чистейшего благочестия". Прежде всего, женщин, чьи нежные чувства были оскорблены нечистоплотностью мифологических сюжетов, казалось, привлекали детские и возвышенные сцены библейской истории. Большая часть женщин в Дамаске были обращены в иудаизм, и говорят, что в Малой Азии также было много женщин-прозелиток. Некоторые чрезмерно нетерпеливые иудеи, возможно, путешествовали с намерением обратить в свою веру, как было доказано в истории римской патриции Фульвии.

Именно благодаря подобному рвению к обращению иудейская вера была внедрена при азиатском дворе, члены которого оставались стойкими приверженцами иудаизма на протяжении нескольких поколений. Адиабене, провинции на берегах Тигра, расположенной там, где когда-то находилось Ассирийское царство, управляла царская пара, Монобаз и Елена. Это было небольшое, но не маловажное государство, и хотя оно касалось обширных владений Рима и Парфии, ему удавалось сохранять свою независимость в течение нескольких столетий. У Монобазы было много детей, отпрысков как Елены, так и других жен, но самый младший из всех, Изатес, был любимцем обоих родителей. Чтобы он не страдал от ревности, которую этот фаворитизм вызвал у старших братьев, Монобаз отправил его ко двору соседнего короля по имени Абинерглус (Абеннериг), который был так доволен молодым принцем, вверенным его попечению, что отдал ему в жены свою дочь. Иудейский купец по имени Анания торговал при этом дворе, и пока он показывал свой товар принцессам, он в то же время распространялся о догматах иудаизма с таким успехом, что обратил их в свою веру. Изатес, жена которого, Самах, была одной из новообращенных, заинтересовался Ананией, беседовал с ним и стал искренним приверженцем иудаизма, который он открыто принял в 18 году н.э. Его мать, царица Елена, также, без ведома своего сына, была склонена к иудаизму. Глубокое впечатление, которое иудейские заповеди произвели на новообращенных царственных особ, подтвердилось, когда трон стал вакантным. Умирающий Монобаз отказался от своих старших сыновей и назначил своим преемником Изата. Когда Елена рассказала о желаниях своего мужа знати Адиабены, они предложили предать смерти старших братьев и таким образом предотвратить гражданскую войну, к которой, вполне вероятно, могли привести их ненависть и ревность. Но Елена, смягченная своим обращением в иудаизм, не последовала этому кровавому совету и только держала братьев в заключении, за исключением своего старшего сына Монобазы II, которому она доверила регентство. Когда Изат прибыл в столицу Адиабены и, согласно последнему завещанию своего отца, получил корону из рук Монобазы, он счел недостойным мужчины актом жестокости оставлять своих братьев томиться в заточении и отправил их в качестве заложников в почетное изгнание, одних в Рим, других в столицу Парфии.

Оказавшись на троне, Изат намеревался принять иудаизм и даже совершить обряд обрезания, но его отговорили от этого его мать и врач, также по имени Анания, который, будучи иудеем-эллином, объяснил ему, что последнее несущественно. Изат на время успокоился; но другой иудеянин, галилеянин по имени Елеазар, строгий приверженец Закона, явился к его двору и высказал противоположное мнение. Елеазар, видя, что царь поглощен чтением Пятикнижия, вероятно, греческого перевода, не мог не заметить, что для принадлежности к иудейской вере недостаточно читать Закон, но необходимо также соблюдать его предписания. Вслед за этим Изат, а также, согласно некоторым источникам, и его старший брат Монобаз, тайно подверглись обряду обрезания. Королева-мать предвидела опасные последствия столь решительного шага, но они последовали не сразу. После восшествия на престол Изата не только воцарился идеальный мир, но он пользовался таким уважением, что был избран арбитром между парфянским царем Артабаном и мятежной знатью этого монарха.

Некоторое время спустя, когда несколько родственников короля объявили о своем обращении в иудаизм, некоторые вельможи Адиабены составили заговор и тайно убедили Абию, короля Аравии, объявить ему войну. Изатес, однако, добился успеха, и Абия в отчаянии покончил с собой. Затем знать вступила в сговор с Вологезом, царем Парфии, чтобы начать войну против их царя, который был неверен религии своих предков. Однако эту войну, которая могла бы стать самой пагубной для Изата, Вологезу помешали начать, и с тех пор его правление, длившееся около тридцати лет, продолжалось без помех. Царица Елена, воодушевленная энтузиазмом иудейской веры, пожелала посетить Иерусалим и в сопровождении своего сына совершила это долгое путешествие примерно в 43 году. Изат отправил пятерых своих сыновей в Иерусалим изучать религию и язык евреев.

Каким грандиозным и радостным, должно быть, был прием, оказанный жителями Иерусалима королеве, прибывшей с далекого Востока с единственной целью воздать должное их Богу и Его Закону! Разве не исполнилось на их глазах слово пророчества о том, что второй Храм должен быть больше первого, поскольку язычники должны прийти и поклониться единому Богу?

Вскоре у Елены появилась возможность выступить в роли благодетельницы народа. Разразился голод, который вызвал в стране большие бедствия, и особенно сильно пострадали бедные классы. Царица Елена стремилась облегчить их участь, доставляя из Александрии и Кипра целые корабли пшеницы и инжира, которые она раздавала голодающим (48 г. н.э.). Изат предоставил ей обильные средства для реализации ее великодушных порывов. Ее подношение Храму состояло из золотого портала в форме раковины для входа во внутренний Храм, который принимал и отражал первые лучи утреннего солнца и таким образом возвещал священникам о наступлении рассвета.

Благочестие и доброжелательность прозелитки Елены надолго остались в памяти народа с любовью и благодарностью. Она пережила своего сына Изатеса, который умер в возрасте пятидесяти пяти лет (55 год н. э.); говорят, что он оставил двадцать четыре сына и столько же дочерей. Ему наследовал его старший брат Монобаз II, который также объявил себя твердым приверженцем иудаизма. Когда Елена умерла, Монобаз приказал перевезти ее останки, а также останки своего брата в Иерусалим и похоронить в великолепной гробнице, которую она построила там при своей жизни. Этот мавзолей, находившийся примерно в тридцати стадиях к северу от Иерусалима, имел прекрасные колонны из алебаstra и считался великим произведением искусства. Елена построила дворец в нижней части города, а ее внучка,

принцесса Грапта, возвела еще один в той части Иерусалима, которая известна как Офла. Монобаз, у которого также был свой дворец в Иерусалиме, изготовил золотые сосуды для использования в Храме в День Искупления. Жители Адиабены оставались верными друзьями иудейского народа и всегда были готовы оказать свою могущественную помощь во времена опасности.

Эта склонность к иудаизму, проявляемая столь многими религиозно настроенными язычниками, была использована учителями назарянского вероучения. Они воспользовались этим энтузиазмом и развили его, и таким образом сделали первый шаг к своему будущему завоеванию мира.

Два иудея, оба родом из стран, где говорили на греческом языке, Савл из Тарса (известный как Павел) и Иосиф Варнава с Кипра, заявили о своем намерении обратить язычников в свою веру. Таким образом, они расширили сферу деятельности маленькой общины и превратили ее из незначительной иудаистской секты в отдельную религиозную организацию, но для этого им пришлось изменить ее первоначальный характер и цели.

В течение короткого десятилетия, последовавшего за смертью ее основателя, небольшая община пополнилась ессеями и некоторыми иудейскими жителями греческих стран. Первые, которые до сих пор жили в мистической стране видений и верили в чудесное вмешательство для наступления царства небесного, возможно, увидели исполнение своих мечтаний в пришествии Иисуса. Ессеи, у которых не было семей, были вынуждены увеличивать свою численность извне. Они могли пополнить общину только благодаря мистическим убеждениям, и, как верующие последователи Иисуса, они продолжали свою пропаганду и привлекали новых приверженцев из низших классов, которыми лидеры фарисеев пренебрегали или избегали. Их неутомимое рвение подстрекало к активности первых христиан, которые ожидали не столько увеличения числа верующих, сколько скорейшего повторного явления Иисуса, восседающего на троне на облаках небесных. Теперь апостолы были отправлены из Иерусалима, где они в основном обосновались, распространять веру в то, что Иисус был истинным Мессией. Однако для того, чтобы привлечь много новообращенных, требовалась большая ораторская сила, чем та, которой обладали простые рыбаки и механики Галилеи. Эта нехватка была восполнена за счет добавления иудеев, говорящих по-гречески. Из Малой Азии, Египта, Кирены, с островов Крит и Кипр ежегодно совершалось паломничество иудеев в Иерусалим во время праздника Пасхи. Помимо набожных людей и энтузиастов, здесь были авантюристы, искатели новизны и нищие, не знающие Законов. Многие из этих паломников охотно приняли новую веру. Многих авантюристов среди греко-иудеев было легко убедить принять доктрину общности благ, которую христиане-эбиониты сохранили от своего ессейского происхождения и которая нашла большую поддержку у этих бездомных странников. Все те, у кого было какое-либо имущество, продавали его, чтобы увеличить содержание общей казны, а те, кто был совершенно безденежен, жили без всяких забот в общине. Эти греческие иудеи, научившиеся у своих соседей-язычников искусству говорить на любую тему и даже облекать почти бессмысленные выражения в привлекательную и убедительную манеру, представили новую религию в привлекательной форме. Они лучше всего подходили для того, чтобы стать проповедниками и миссионерами. Обратившись сами, они приложили все свои усилия для обращения других. Греческий элемент вскоре возобладал над галилейским, эбионитским и ессейским элементами, из которых ранее состояла община.

Эти греческие иудеи, которых никогда не учили Закону в школах Иерусалима и которые, по сути, вообще не знали его догматов, преступали их, иногда неохотно, но иногда намеренно. Когда их привлекали к ответственности, они оправдывали свои действия верой в мессианский характер Иисуса, который, как они утверждали, также отменил авторитет Закона. В Иерусалиме, который все еще считался святым городом, каждой практике и обрядности придавалось огромное значение. Люди начали подозревать, что назаряне, говорившие на иностранных языках, вводили новшества и пытались пренебречь Законом, и с тех пор за учениками Иисуса наблюдали, а их высказывания в синагогах и на рыночных площадях тщательно записывались. Среди тех, кто был наиболее фанатично настроен против назарян, был Савл из Тарса, ревностный последователь фарисейской школы, который считал, что ни один эдикт ни устного, ни письменного Закона не может быть изменен. Поскольку он сам говорил по-гречески, он мог оценить смелость высказываний иудео-христианских греков, находившихся в Иерусалиме, и его негодование против них было велико. Один из этих греков, по имени Стефан, был особенно яростен в своих нападках и безрассудно выступал против святости Закона и Храма. Похоже, что Саул объявил его богохульником, и что он был побит камнями, то ли после судебного разбирательства, то ли разгневанным населением, не известно. После этого на назарейян стали смотреть с еще большим подозрением, и им пришлось защищаться; и снова именно Савл наблюдал за действиями этих греческих приверженцев новой секты и отдал их под суд. Они были заключены в тюрьму, а те, кто был признан виновным в неуважении к Закону из-за своей веры в мессианские атрибуты Иисуса, не были наказаны смертью, но были приговорены к бичеванию. Пришлые назаряне, напуганные такой жестокостью, поспешили покинуть Иерусалим и рассеялись по различным греческим городам, в которых жили иудейские общины, среди которых они продолжали свою работу по обращению в свою веру. Однако те последователи Иисуса, которые, несмотря на свою новую веру, не отрицали святости Закона, остались невредимыми. Три их лидера, Иаков, брат или родственник Иисуса, Кифа или Петр, и Иоанн, сын Зеведея, жили в Иерусалиме, не опасаясь преследований.

Другие назаряне ревностно продолжали работу по обращению в других местах. Сами бездомные, они пытались внедрить в круг своих последователей доктрину общности благ, которая позволила бы им жить изо дня в день, не заботясь и не думая о завтрашнем дне. Их особенно привлекали города Антиохия и Дамаск, где они нашли большое поле для своих трудов в грекоязычном сообществе мужчин и женщин. Полуобразованная толпа жадно внимала словам вестников, возвещавших, что небесное царство близко, и чтобы войти в него, они должны принять только крещение и веру в то, что Иисус был Мессией, который действительно явился, был распят и воскрес снова.

Вскоре в этих двух греческих городах поселилась община назарян, которые, по-видимому, были иудеями, жившими по иудейским правилам, которые молились, пели псалмы и заканчивали свои хвалебные песни обычным "Аминь"; но которые все же проявляли определенные признаки формирования новой секты. Они собирались вместе за трапезой, которую называли Агапе, произносили благословение над вином, пили друг за другом из одного сосуда, преломляли хлеб в память о последних часах Иисуса и дарили друг другу, мужчинам и женщинам без разбора, поцелуй мира. Затем, в судорожном возбуждении, одни вставали и пророчествовали, другие говорили на незнакомых языках, в то время как третьи снова совершали чудесные исцеления именем Иисуса. В этих греко-назаретских кругах царил неестественный и в высшей степени искусственный энтузиазм, которое, вероятно, сочли бы смешным и которое со временем испарилось бы; короче говоря, христианство могло бы умереть бесшумной смертью,

если бы не появился Савл из Тарса, придавший ему новое направление, большой размах и тем самым придавший ему жизненную силу. Без Иисуса Савл не совершил бы своих огромных духовных завоеваний, но без Савла само христианство не имело бы стабильности.

Саул (родившийся в Тарсе в Киликии в начале христианской эпохи и принадлежавший к колену Вениаминову) обладал весьма примечательной натурой. Слабый и хрупкий телом, он обладал упорством, которое ничто не могло поколебать. Он был возбудимым и неистовым, не выносил никакого противодействия своим взглядам и был односторонним и ожесточенным в обращении с теми, кто хоть в малейшей степени отличался от него. У него были ограниченные знания иудейских писаний, и он был знаком со Священными Писаниями только по греческому переводу; полный энтузиазма и фантазии, он верил в видения своего воображения и позволял им руководить собой. Короче говоря, Сол сочетал в себе болезненную и железную натуру; казалось, он был создан для того, чтобы устанавливая то, что было новым, и придавать форму и реальность тому, что казалось невозможным и нереальным.

Он преследовал греческих назарян, выслеживал их из их укрытий, чтобы предать наказанию за то, что они отделились от фарисейского иудаизма. Но этого было недостаточно. Услышав, что некоторые из них обосновались в Дамаске, он последовал за ними туда со всем усердием, намереваясь с неумолимым усердием преследования истребить общину. Но его расположение к ним внезапно изменилось. В Дамаске многие язычники, особенно многие женщины, перешли в иудаизм. Обращение королевского дома Адиабены вызвало большое волнение. Вероятно, Саул сам был свидетелем великого триумфа иудаизма, вступления царицы Елены, принцев Адиабены и их свиты в Иерусалим. Вероятно, во время своего путешествия она останавливалась в Дамаске и там, должно быть, получила благодарность иудейских жителей этого города. Эти события, должно быть, произвели глубокое впечатление на Саула и, возможно, натолкнули на мысль: не наступило ли теперь время, предсказанное пророками, когда каждый народ должен признать Бога Израиля, поклониться и поклясться в верности Ему одному?

Если он был занят этими мыслями, то, должно быть, также был готов бороться со многими сомнениями, которые они породили. Возможно ли было бы обратить языческий мир, если бы Закон связывал их своими узами, если бы их заставляли соблюдать субботу и праздники, соблюдать диетические законы, проводить различие между чистым и нечистым и даже подчиняться обрезанию? Следует ли требовать от язычников соблюдения даже суровых фарисейских предписаний? В этом случае было бы невозможно, чтобы другие народы вошли в иудейскую общину. Но, с другой стороны, не мог ли Закон быть отменен ради язычников и не мог ли их просто научить познанию Бога и более высокой морали? И все же, поскольку весь закон исходит от Бога, которым он был ниспослан и который прямо повелел, чтобы он был исполнен, как он мог быть отменен? Возможно, тогда Савлу пришло в голову высказывание его учителей о том, что Закон имеет обязательную силу только до прихода Мессии, и что, как только придет Искупитель, его важность исчезнет. Если бы Мессия действительно явился, тогда исчезли бы все трудности, связанные с обращением язычников. Такой ход мыслей занимал разум Савла. Его нервный темперамент и богатое воображение легко рассеяли все сомнения, и он твердо и истинно верил, что Иисус явил себя ему. Много позже он сказал о явившемся видении: "Было ли это во плоти, я не знаю, было ли это сверхъестественным, я не знаю, Бог знает; но я был вознесен за пределы третьего неба". Это не очень надежное свидетельство реального факта. Легенда соответствующим образом приукрасила это обращение, имевшее такое большое значение для христианства. В ней описывается путешествие Саула в Дамаск и

его путь, озаренный великим светом. Говорят, что, увидев этот свет, он в ужасе пал на землю и услышал голос, взывавший к нему: "Савл, Савл, зачем ты гонишь меня?" Ослепленный видением, он добрался до Дамаска; и после беседы с христианином, который посоветовал ему креститься, пелена наконец спала с его глаз.

С уверенностью в том, что он действительно видел Иисуса, из головы Савла исчезли другие сомнения, или ему открылась иная мессианская точка зрения. Иисус, несомненно, умер — или, скорее, был распят, — но, когда он явился Савлу, он, должно быть, воскрес из мертвых; он, должно быть, был первым, кто был возвращен к жизни, и, следовательно, подтвердил тот факт, что Воскресение произойдет, что было предметом спора между различными школами: и Иисус также тем самым объявил о наступлении царства Небесного, предвестником которого, как предсказал пророк Данииил, должно было стать воскресение мертвых. Таким образом, бывший фарисей из Тарса был твердо убежден в трех вещах— что Иисус воскрес; что он был истинным Мессией, о котором было предсказано; и что царство небесное, период воскресения, был близок, и что существовавшее тогда поколение, или, скорее, истинно верующие в Иисуса, вскоре станут свидетелями его прихода. Эта вера привела к дальнейшим результатам. Если бы Мессия уже явился или если бы Иисус действительно был Христом, тогда Закон сам по себе был бы отменен, и язычники могли бы участвовать в благословении Авраама, не соблюдая Закон. Эта вера послужила стимулом для Савла. Он чувствовал себя призванным обратить развращенный языческий мир и через Христа привести его обратно к Отцу всего сущего. Между зарождением этой идеи и ее реализацией не должно было пройти никакого времени. Приняв имя Павел, он присоединился к назарянам Дамаска, которые были немало удивлены тем, что их преследователь теперь стал их коллегой, и стремились привлечь новых обращенных.

Павел нашел много возможностей для обращения в Дамаске, поскольку там преобладали сильные чувства в пользу иудаизма, а самопожертвование, возложенное только на его последователей, держало многих в стороне. Новообращенный Апостол мог бы облегчить этот шаг, поскольку он освободил их от всех обязанностей перед Законом посредством веры в Иисуса. Однако, похоже, он не нашел теплого приема своей вере, поскольку она основывалась на софистике, даже среди своих соотечественников. Его теория о том, что весь Закон может быть отменен, вероятно, считалась не совсем приемлемой. Люди также, похоже, испытывали недоверие к своему бывшему преследователю. Короче говоря, Савл-Павел не смог удержать свои позиции в Дамаске и бежал в Аравию (Ауранитис), где также существовали иудейские общины. Однако, когда он вернулся в Дамаск во второй раз и его единоверцы прониклись к нему большим доверием, он смог потворствовать своей любви к прозелитизму. Но его резкие, бесцеремонные манеры и утверждение о том, что Закон больше не действует, настроили против него иудейскую общину Дамаска. Иудейский этнарх города, назначенный или утвержденный Аретой Филодемом, пытался взять его в плен. Его товарищи спасли его, спустив в корзине из окна в стене. Таким образом, он сбежал от тех, кто справедливо считал его разрушителем иудаизма. Он вернулся в Иерусалим через три года после своего обращения. Он чувствовал, что между ним и галилейскими христианами существует большая разница и что он не сможет договориться с ними. Павел был полон одной мысли, что благословение для всех поколений, обещание (евангелие), данное Аврааму о том, что он будет отцом многих народов и что богатство язычников будет принадлежать детям Авраама, теперь, наконец, сбудется, и что он (Павел) призван совершить эту работу. Он хотел положить конец различиям между иудеями и греками, между рабами и свободными и сделать всех братьями по завету Авраама — как семья Авраама — в соответствии с обещанием, данным в давно прошедшие годы. Это была радостная

весть, которую он принес людям; это была далеко идущая мысль, понимания которой евиониты в Иерусалиме и так называемые главные Апостолы не имели.

После короткого пребывания в Иерусалиме Савл в сопровождении своего ученика, киприана Иосифа Варнавы, отправился в Киликию, родину Павла, и пересек Малую Азию и Македонию до Ахайи. Там его усилия увенчались чудесными результатами. Он основал в различных местах греко-христианские общины, особенно в Галатии, в Эфесе, Филиппах, и Фессалониках, а также в городе Коринф. Этот результат отчасти можно отнести на счет иудаизма; ибо, когда Павел хотел привлечь на свою сторону язычников, он должен был рассказать им о славном прошлом иудейского народа, чтобы рассказать об Иисусе. Ему также приходилось противопоставлять чистую веру в Бога диким обычаям язычества. Он обнаружил восприимчивость язычников к чистому учению иудаизма. Многие испытывали отвращение к мифологическим историям о богах и обожествлению людей. В их памяти было еще свежо воспоминание о том, как все народы Римского королевства с беспримерной низостью посвятили алтари чудовищу Калигуле, признали его и поклонялись ему как богу. Отчаявшиеся и чистые духи искали Бога, до которого они могли бы возвыситься, но они не нашли его. Теперь пришел Павел и принес им этого Бога, окруженного, правда, чудесными историями, которые, однако, понравились им из-за содержащегося в них мифологического подтекста. Языческие народы могли лучше понять "Сына Божьего", чем "Мессианского Искупителя". Широко распространенная болезнь безнравственности, которая была распространена по всей Римской империи, сделала иудейское учение приемлемым и правильным. Речи Павла, произнесенные с огнем энтузиазма и произнесенные человеком, вложившим в свои слова всю душу, не могли не произвести впечатления на более благожелательных и чистоплотных язычников. К этому добавился страх перед приближением конца света, который Павел, благодаря своей твердой вере в воскресение и повторное явление Иисуса, преобразовал в надежду, что мертвые восстанут в сияющем виде по звуку трубы и что живые будут вознесены на небо в облаке.

Таким образом, Павел взывал к воображению многих язычников в своих апостольских странствиях из Иерусалима в Иллирию. Сначала он будоражил только представителей низших классов, рабов и особенно женщин, своей радостной вестью. Образованным грекам христианство, которое проповедовал Павел, основанное на так называемом воскресении Иисуса, казалось нелепым абсурдом. Иудеи, естественно, были им недовольны. Главными темами, на которые Павел обращался к язычникам, которых хотел обратить, были иудейский народ, иудейские писания и иудейский закон; без этого его проповедь о Мессии или спасении не имела основания. Грекам, должно быть, рассказали об Израиле и Иерусалиме, иначе его слова остались бы без внимания. Поэтому он мог обратиться только к тем городам, где проживали иудейские общины, от которых языческие народы получили некоторое представление об истории и доктринах иудаизма.

Усилия Павла были непосредственно направлены на разрушение уз, соединявших учения Христа с учениями иудаизма. Поэтому он выступал против Закона, поскольку тот препятствовал приему язычников-прозелитов. Он утверждал, что это наносит ущерб стремлению к высшей духовной жизни и следованию по пути истины. Павел не одобрял не только так называемые церемониальные законы иудаизма, но и те, которые касаются морали. Он утверждал, что без законов люди не дали бы волю своим порочным желаниям. "Не возжелай" сначала пробудило

алчность; таким образом, через Закон возникло знание о грехе. Человек чувствен и склонен ко греху, ибо плоть слаба и склонна противиться Закону. Павел основал новое учение. Он утверждал, что человек стал чувственным, слабым и грешным только потому, что согрешил первый человек. Грехопадение Адама породило неискоренимый наследственный грех, и таким образом на человечество обрушилась смерть. Закон был не в состоянии преодолеть этот наследственный грех. Чтобы уничтожить грех и смерть, Бог создал особое устройство. Он предал Мессию, Своего сына, смерти и снова оживил его, и он стал вторым Адамом, который должен был уничтожить наследственный грех, победить смерть и установить вечную жизнь. Таким образом, Искупитель, вместо того чтобы осуществить искупление народов от наложенного на них ига, искупил их от греха.

Поэтому Павел считал христианство полной противоположностью иудаизму. Первое было основано на законе и принуждении, другое обязано своим происхождением свободе и благодати. Иисус или христианство привели к святому состоянию, предсказанному пророками. Древние времена прошли, и возникло новое положение вещей; ветхий завет (Testament) должен уступить место новому; сам Авраам был судим как справедливый не по Закону, а по вере. Таким образом, Павел софистически объяснял Священное Писание. Из Закона следует вывод, что всякий, кто не соблюдает его и отказывается целиком и полностью соблюдать его предписания, находится под проклятием. Великая услуга, оказанная Иисусом, заключалась в том, что он избавил всех людей от этого проклятия, ибо с его помощью Закон был отменен. Как могли иудеи смириться с этим открытым попранием Синайского закона, за который их предки претерпели смерть и за который совсем недавно, при Калигуле, они решили пожертвовать своими жизнями? Неудивительно, что они восстали против человека, который презирал Закон, и преследовали его. Они, однако, удовлетворились тем, что выпороли Павла, когда он попал к ним в руки, но оставили его жизнь невредимой; пять раз, как он сам рассказывает, его наказывали тридцатью девятью ударами. Не только иудеи, но и назаряне, или иудейские христиане, были разгневаны против Павла за его нападки на Закон, и из-за этого в среде молодого христианства возникли разногласия и расколы. Петр, или Кифа, пришедший в качестве посланника к иудеям, проповедовал христианство, отличное от христианства Павла и других Апостолов, которые стремились обратить язычников; в то время как Аполлос из Александрии и некий Хрест проповедовали другую версию.

Иудейские христиане с ужасом наблюдали плоды церемониальной свободы, проповедуемой Павлом, в основанных им общинах в Коринфе и Эфесе, где были распространены все виды порока и безнравственности. Поэтому другие Апостолы последовали за Павлом и провозгласили его учение полным ошибок и искажений, а также утверждали, что Закон иудаизма обязателен для христиан, поскольку только с помощью этого Закона можно держать в узде низшие страсти. В Антиохии между Павлом и иудео-христианским апостолом возникла ожесточенная ссора. Петр, который до тех пор пренебрегал диетическими законами и ел за одним столом с язычниками, подвергся порицанию со стороны лидеров суровой партии апостола Иакова, и теперь был вынужден признать свою вину и открыто выступить против неуважения Павла к Закону. Павел, с другой стороны, упрекнул его в лицемерии. Влияние суровых, законопослушных иудео-христиан было, однако, настолько велико, что все иудео-христиане Антиохии перестали есть за языческими столами, и их примеру последовал даже Варнава, ученик Павла.

Расовые чувства также способствовали углублению пропасти между двумя партиями. Греческие христиане презирали иудейских христиан точно так же, как эллины смотрели свысока на иудеев. Павел разослал яростные послания против приверженцев Закона и наложил проклятие на тех, кто проповедовал спасение способом, отличным от его собственного. Они тоже не пощадили его и рассказали, как он любил дочь первосвященника; как, будучи презираем ею, он с отвращением написал против обрезания, Субботы и Закона. Таким образом, всего за тридцать лет после смерти своего основателя христианство раскололось на две партии, а именно на иудео-христианскую и языческо-христианскую секты. Иудейские христиане оставались верны основам иудаизма, заставляли своих новообращенных соблюдать Закон и цеплялись за Иерусалим, где они ожидали возвращения Мессии. Христиане-язычники, с другой стороны, все больше и больше отделялись от иудаизма и занимали по отношению к нему враждебную позицию.

ГЛАВА IX. АГРИППА II. И НАЧАЛО ВОЙНЫ.

Положение дел в Иудее—Римское притеснение—Характер Агриппы II.—Последний первосвященник—Зелоты и сикарии—Елеазар бен Динай—Ссора с самаритянами—Насилие в Кесарии—Прокураторы—Флор—Восстание в Кесарии—Кровопролитие в Иерусалиме—Партии мира и войны—Лидер зелотов Элеазар бен Анания—Менахем, вождь зелотов—Массовые убийства язычников и иудеев—Поражение римлян—Синхедрион и его президент Симон бен Гамалиил—Позиция Синхедриона.

49-66 гг. н. э.

Какой бы триумф иудаизм ни праздновал присоединением прозелитов и какой бы яркой ни казалась заря предсказанного пророком дня, когда народы земли обратят свои взоры к Сиону и к исходящему оттуда свету, озаряющему человеческий род, все же на их родной земле, и особенно в Иерусалиме, иго римлян тяжелым бременем лежало на иудеях и с каждым днем становилось все более угнетающим.

Плачевное состояние существующих дел подавляло все радостные чувства по поводу грядущего господства иудаизма. Завеса печали в течение последних двадцати лет была накинута на нацию, и под ней не могло быть никаких радостных чувств. Последние десятилетия показывают нацию как пленника, которого постоянно мучает и подстрекает его тюремщик, который с силой отчаяния дергает за свои оковы, пока не разорвет их на части. Кровавое противостояние между Римом, сильным оружием и искусным в хитрости, и Иудеей, бедной внешними средствами ведения войны и могущественной только благодаря неукротимой воле, вызывает глубочайший интерес, потому что, несмотря на диспропорцию между сражающимися, слабая дочь Сиона, вероятно, одержала бы победу, если бы ее не раздирали враждующие стороны и не окружало предательство. Возможно, если бы она дождалась более благоприятного момента, успех мог бы сопутствовать ей; но Провидение распорядилось разрушить ее национальную жизнь.

Эта великая битва, с которой сравнимы немногие сражения в мировой истории, велась не просто за свободу, подобно войнам, в которых галлы, германцы и бритты сражались против Рима, но также имела религиозный характер. Иудейский народ ежедневно страдал в своих религиозных чувствах от произвола Рима и желал обрести независимость, чтобы приобрести и поддерживать свободное отправление своей религии. Поскольку такова была их цель, частые неудачи, которые они терпели, не могли ослабить их горячее стремление к свободе; напротив, оно возрастало с каждой новой катастрофой, и в самых тривиальных обстоятельствах они видели посягательство на их самые священные убеждения и возмущались им. Действительно, Рим редко оскорблял религиозные чувства иудеев так, как это было при Калигуле; напротив, он скорее потакал их восприимчивости, но часто непреднамеренно ранил их своим деспотическим и ревнивым надзором.

Высшие классы, отравленные искусством обольщения Рима, стали глухи к голосу долга, и мудрые и бдительные представители нации не без оснований опасались, что все общество погрузится в моральную прострацию своих высших представителей. Аристократические семьи действительно были настолько глубоко погрязли в безнравственности, что средний класс едва ли мог избежать ее пагубного влияния. Плохой пример подавали последние члены дома Ирода, получившие образование либо в самом Риме, либо при небольших дворах знатных римских вассалов. Агриппа II (родился 27, умер 91-93), сын последнего знатного иудейского царя Агриппы I, всего лишь семнадцатилетний юноша на момент смерти своего отца, вдыхал отравленный воздух римского двора, где Мессалины и Агриппины открыто демонстрировали самые отвратительные пороки. После кончины Ирода II император Клавдий подарил Агриппе крошечное царство Халкида (около 50 лет). Ходили слухи, что этот последний отпрыск домов Хасмонеев и Иродианов вел кровосмесительную жизнь со своей прекрасной сестрой Береникой, которая была на год моложе его и овдовела после смерти своего мужа Ирода II. Вероятно, в этом слухе была доля правды, поскольку Агриппа был вынужден замолчать. Он обручил свою сестру с Полемоном, царем Киликии, который, возможно, привлеченный ее богатством даже больше, чем красотой, принял иудаизм, чтобы добиться ее руки. Но, побуждаемая своим непостоянным чувством юмора, Береника вскоре покинула Полемон и снова была свободна, чтобы предаваться своим распущенным интригам.

Вторая сестра Агриппы, Мариамна II (34 года рождения), вышедшая замуж за уроженца Палестины Юлия Архелая, расторгла этот союз, хотя и родила ему дочь, и стала женой иудея Деметрия Александрийского, вероятно, сына алабарха Александра и, в данном случае, брата отступника Тиберия Александра. Еще более развращенной была его младшая сестра, прекрасная Друзилла (38 лет рождения). Ее отец обещал ее, когда она была еще ребенком, принцу Епифану, сыну его друга Антиоха Коммагенского, но только при условии, что он обратится в иудаизм. Однако после смерти Агриппы Епифан отказался принять иудаизм, и молодой Агриппа отдал свою сестру Друзиллу Азизу, царю Эмесы, который заявил, что готов принять ее веру. Однако, пренебрегая супружеским долгом, Друзилла вскоре бросила своего мужа, вышла замуж за римлянина, правителя Феликса, и ради него отказалась от своей веры и стала язычницей. Предполагалось, что зависть, которую Береника внушала Друзилле, была мотивом неверности младшей сестры как мужу, так и своей религии.

Хотя Агриппа был всего лишь князем Халкиды, на него смотрели как на царя Иудеи. Рим, конечно, не лишил его царского титула, но лишил его всякой власти и использовал его только как гибкое орудие и как стража за передвижениями окружающих народов. Агриппа был предан

императорскому дому, называя себя другом императора. Он проявлял слабость и бессилие, когда от него требовалось положить конец узурпации, наглости и высокомерию Рима, и проявлял свою силу только тогда, когда противостоял борьбе своего народа за возвращение себе свободы. Весь дом Агриппы, включая его самых дальних родственников, Антипу и двух братьев Костобара и Савла, были аморальны, алчны и враждебны своему собственному народу. Единственной властью, которую Клавдий, или, скорее, его совет, оставил в руках титульного короля и которая была утверждена его преемниками, была та, которую ему было разрешено осуществлять над Храмом и которая позволяла ему назначать первосвященника. Не религиозное рвение или моральные ценности повлияли на Агриппу в выборе первосвященника, а просто чувства, которые испытывал кандидат на этот пост по отношению к Риму. Тот, кто дальше всех продвинулся в раболепии и отказе от национальных устремлений, получал награду. Всего за двадцать лет Агриппа назначил по меньшей мере семь первосвященников. Среди этого числа был Анания (сын Елеазара?), чье огромное богатство, приобретенное или унаследованное, позволило ему снискать расположение всех, кто был открыт для подкупа, и дало ему свободу совершать акты беззакония и насилия. С тех пор, как Ирод унизил достоинство должности первосвященника, позволив продавать ее или приобретать, потворствуя самым низменным чувствам, были определенные семьи, которые, казалось, приобрели право на это — семьи Боэта, Кантера, Фаби, Камита и Анана или Сета, и лишь изредка кого-либо избирали вне этого круга. Члены этих семей соперничали друг с другом в бесчестном поведении и легкомысленной легкомысленности. Часто их яростная ревность выливалась в акты насилия, и улицы Иерусалима время от времени становились аренами кровавых стычек между последователями этих враждебных соперничающих домов. Каждый следующий первосвященник старался извлечь как можно больше пользы из своей должности, отдавая — не обращая внимания на ценность или пригодность получателя — самые выгодные места в Храме своим родственникам и друзьям. Первосвященники были настолько безрассудны в использовании или, скорее, злоупотреблении своей властью, что посылали своих рабов, вооруженных дубинками, в амбары, чтобы захватить для себя десятину, которую каждый по закону был волен отдавать тому священнику, которого он выберет. Те священники, которым не посчастливилось состоять в родстве с первосвященником, были, таким образом, лишены средств к существованию и впали в крайнюю нищету. Алчность и жажда власти были главными движущими силами действий тех, кто был избран представлять высший идеал морали; Храм был разграблен его сановниками еще до того, как враг ворвался в него со своими орудиями убийства.

С этого времени, согласно преданию, видимые знаки божественной милости перестали появляться в Храме. Подобно какой-то язвенной болезни, эта деморализация князей и первосвященников все больше и больше распространялась на ближайшие к ним классы, порождая зло, которое мрачными красками изображено пером современника. Поскольку уголовные законы вводились от имени императора и находились под контролем губернаторов, судебная власть попала в зависимость от римлян и богатых и влиятельных классов. Эгоизм, взяточничество, клевета и трусость, по словам живописца нравов и морали того периода, постоянно возрастали. "Они сбрасывают с себя, - с горечью восклицает он, - ярмо небес и ставят себя под ярмо людей; их суждения ложны, а поступки порочны. Тщеславные и легкомысленные становятся великими, в то время как более благородные граждане подвергаются презрению". Легкомыслие у женщин и распущенность у мужчин были настолько в порядке вещей, что самый выдающийся учитель морали того времени Йоханан бен Закаи

оказался вынужденным отменить ритуал, который до сих пор использовался в случаях подозрения в супружеской неверности. С глубокой скорбью благородно мыслящие иудеи оплакивали положение вещей, при котором внешние формы богослужения стояли выше морали, а осквернение Храма вызвало больший скандал и гнев, чем акт убийства. В низших классах появились преступления другого, но не менее тревожного характера. Частые восстания, которые zeloty поощряли и разжигали с тех пор, как Рим высокомерно обращался с Иудеей как с завоеванной провинцией, привели к появлению отрядов вольных войск, которые дико бродили по стране, смешивая свободу с распущенностью и попирая как обычаи, так и законы. Они заполнили пещеры и впадины, которыми изобилуют скалистые горы Иудеи, и из этих убежищ совершали частые вторжения, чтобы удовлетворить свою любовь к необузданной свободе. Некоторые банды zelotim, возглавляемые Элеазаром бен Диной и Александром, были подстрекаемы чувствами патриотизма к жестоким поступкам. Они поклялись римлянам в разрушении и смерти и включили в число последних всех, кто с ними общался; они не признавали их иудеями и не считали преступлением грабить и уничтожать их. Выродившиеся друзья Рима были, согласно их взглядам и данным ими клятвам, просто преступниками, и zeloty слишком хорошо сдерживали свою клятву. Они нападали на дворян так часто, как только попадались у них на пути, разоряли их владения и причиняли им столько вреда, сколько было в их силах. Если врагу их страны требовалось отомстить за какую-то обиду, они первыми протягивали свой меч в защиту своей оскорбленной национальности.

Другая банда фанатиков, одичавших и одичалых, забыла первоначальную цель освобождения своей страны и обратила свои нападения на врагов последней в наживу для себя. Их называли сикариями, от короткого кинжала "сика", который они носили скрытым под плащами и которым, открыто или коварно, поражали и убивали своих врагов. Сикарии принадлежали к самому отбросу zelotim. Позже они признали внуков Иуды Галилейского, Менахема и Элеазара бен Иаира, своими лидерами, но в начале этой эпохи они вообще не подчинялись никакой дисциплине. Они бродили по стране без какой-либо определенной цели, оказывая свою помощь тем, кто либо предлагал им награду, либо возможность удовлетворить их жажду мести. Вооруженные кинжалами, они бродили среди различных групп, толпившихся у колоннады Храма во время празднеств, и, никем не замеченные, убивали тех, кого они считали своими жертвами. Эти убийства были совершены с такой необычайной быстротой и мастерством, что долгое время убийцы оставались нераскрытыми, но тем больший ужас вызывали эти темные, таинственные деяния. Убийства стали настолько частыми, что Йоханан бен Заккай и учителя Закона сочли необходимым отменить жертвоприношение за грех за пролитие невинной крови, поскольку слишком много животных было бы убито ради человеческих жертв. Возможно, примерно в это же время Великий Синхедрион, который с глубокой скорбью наблюдал за постоянным ростом беззакония и безнравственности, отказался от своих функций и перенес место своих собраний из Зала из тесаного камня в Торговый зал в Вифании, что, по-видимому, означало его роспуск.

Чтобы остановить, по возможности, существовавшую неразбериху, благороднейшие граждане объединились и, держась в стороне от конфликтов и распри, стремились всеми доступными им средствами способствовать духовному развитию иудаизма. Поддерживать Закон в неприкосновенности было их самопровозглашенной священной задачей. В лице Йоханана бен Заккая они нашли подходящего представителя. Он считался величайшим учителем того времени после президента Синхедриона Симона бен Гамалиила (и, возможно, даже до него). Благодаря своему глубокому знанию Закона и достоинству своего характера Йоханан бен

Заккаи был назначен вице-президентом Synhedrion. Эта должность давала ему право отменять такие законы, которые не могли быть исполнены в тот бурный период. Однако его главной должностью была должность учителя. В прохладной тени, отбрасываемой стенами Храма, он сидел в окружении своих учеников, которым он разъяснял законы, которые следовало соблюдать, и разъяснял Священные Писания.

Помимо духа анархии, существовал еще один источник раздора и страданий. По мере того как существующая ситуация становилась все более и более печальной и безнадежной, тоска в сердцах верующих по ожидаемому избавителю, который должен был принести мир в Иудею, становилась все более и более сильной. Мессианские надежды были сейчас сильнее среди людей, чем даже во времена первых римских правителей; и эти надежды возбуждали энтузиастов, которые провозглашали себя пророками и Мессиями, внушали веру и приобретали последователей. Свобода от римского ига была единственной великой целью всех этих энтузиастов. То, чего ученики Иуды пытались добиться силой оружия, ученики Феуды надеялись осуществить без боя, прибегая только к знамениям и чудесам. Иудей из Египта, называющий себя пророком, нашел не менее трех, а по другим данным, и четырех тысяч последователей. Он призвал их на Елеонскую гору и там пообещал одним дыханием своих уст разрушить стены Иерусалима и разгромить римских солдат. Он был не единственным, кто, охваченный пылом желаний, предсказал приближение лучших времен. И хорошо, что эти энтузиасты нашли признание среди людей. Нация, у которой было такое богатое прошлое и которая смотрела вперед даже в более славное будущее, могла бы позволить убаюкать себя, забыв о мрачном настоящем, картинами свободы и счастья. Эти видения и пророчества, достаточно безобидные сами по себе, приобрели печальное значение из-за ожесточенной и дикой враждебности, которую они внушали римским правителям. Если народ, ревниво относившийся к любому вмешательству в его религию, рассматривал малейшее нарушение ее как нападение на сам иудаизм и возлагал ответственность за это на губернаторов, императора и римское государство, то имперские чиновники в Иудее были не менее восприимчивы, поскольку они рассматривали самую незначительную агитацию в народе как оскорбление величия Рима и императора и с одинаковой строгостью наказывали невинных и виновных. Тщетно было благоволение, оказанное иудейскому народу императорами Клавдием и Нероном — прокуратор постоянно переступал границы своей власти и, побуждаемый жадностью и властолюбием, играл роль тирана. Иудея имела несчастье быть почти всегда управляемой порочными существами, которые были обязаны своим положением безрассудным фаворитам, правившим при дворе. Они соперничали друг с другом в злодеяниях и жестокости, тем самым постоянно увеличивая недовольство и вызывая гнев народа. Куман, сменивший Тиберия Александра (около 48-52 гг.), был первым из пяти таких алчных и кровожадных прокураторов. Он управлял только провинциями Иудея и Самария, Клавдий передал командование провинцией Галилея Феликсу, брату своего любимца Палласа. Куманус и Феликс стали смертельными врагами.

Именно правитель Иудеи первым вызвал негодование народа. Ревнивая подозрительность к любому большому скоплению людей, собравшихся в Храме, подозрительность, которая после восстания во время переписи населения стала традиционной среди римских правителей, побудила Кумана во время Пасхи разместить вооруженную когорту в колоннаде Храма, чтобы наблюдать за толпами, собравшимися там во время этого праздника. В этом случае солдат с безрассудством, часто проявляемым низшими римскими войсками, сделал оскорбительный жест в сторону святилища, который народ истолковал как оскорбление их Храма. Охваченные

негодованием и яростью, они бросали камни в солдат и оскорбляли губернатора. Последовали беспорядки, которые грозили перерасти в серьезную крамолу. Куман приказал свежим войскам выступить вперед и овладеть крепостью Антония и, приняв угрожающий вид, встревожил людей, собравшихся вокруг Храма, которые теперь поспешили скрыться из пределов его досягаемости. В своем стремлении уйти толпы в страхе протискивались через различные места выхода, и считается, что более десяти или даже двадцати тысяч человек были задушены или затоптаны до смерти.

Подобный случай мог бы привести к такому же катастрофическому результату, если бы Куман благоразумно не подчинился воле народа. На большой дороге, недалеко от Вефорона, банда сикариев напала на слугу императора и ограбила его, и Куман решил, что все соседние деревни должны жестоко пострадать за акт насилия, совершенный в их окрестностях. Один из римских солдат, взбешенный нападением на соотечественника, завладел Книгой Закона, разорвал ее на куски и бросил обрывки в огонь. Это был новый повод для гневного возбуждения и гневных упреков в осквернении того, что они считали самым священным. Бесчисленные отряды стекались к Куману в Кесарии, крича против богохульника. Скорее, восклицали они, их самих постигла бы худшая участь, чем они увидели бы, как оскверняют их Священное Писание; и в ярости они требовали смерти виновного человека. На этот раз губернатор послушался совета своих друзей и приказал казнить солдата в присутствии тех, чьи религиозные чувства он оскорбил.

Другое происшествие приняло более серьезную форму и привело к раздорам и кровопролитию. Несколько галилеян, направлявшихся на праздник в Иерусалим, проезжали через Самарию и, находясь в городе Гинея, на юго-восточной оконечности равнины Изреель, были убиты в стычке с враждебно настроенными самаритянами. Было ли это лишь случайным несчастьем или результатом жгучей ненависти, существовавшей между иудеями и самаритянами? В любом случае представители Галилеи были правы, требуя от губернатора отомстить убийцам. Но Куман отнесся к этому делу с презрительным безразличием и, таким образом, вынудил иудеев самим разобраться с этим делом. Лидеры zelотов, Элеазар бен Динай и Александр, подстрекаемые как галилеянами, так и их губернатором Феликсом, взяли дело в свои руки, вошли со своими войсками в провинцию Акрататена, населенную самаритянами, и безжалостно уничтожали все, что находилось в пределах их досягаемости. Самаритяне обратились к Куману за возмещением ущерба за это нападение на их провинцию, и он разрешил им взяться за оружие, одновременно отправив римские войска на помощь в ужасной резне.

Это доказательство, как они считали, пристрастности императорских чиновников вызвало гнев жителей Иерусалима до такой степени, что, подстегиваемые среди прочих Дортом, человеком с определенным положением, они были готовы напасть на войска Кумана, что, несомненно, серьезно усилило бы серьезность ситуации и могло бы ускорить окончательную катастрофу на двадцать лет. Однако главные жители Иерусалима, встревоженные возможными последствиями восстания против римского оружия, стремились предотвратить столь опасный акт и, облаченные в глубокий траур, умоляли раздраженную толпу остановиться и подумать о будущем. По их молитве люди сложили оружие. Но ни иудеи, ни самаряне не были по-настоящему умиротворены, и, все еще страдая от взаимных обид, они послали депутатов к сирийскому губернатору Умидию Квадрату, обвиняя друг друга и прося его расследовать весь спор. Для достижения этой цели Квадрат посетил Самарию; но он не был беспристрастным судьей, и многие из пленных иудеев были обречены погибнуть на кресте. Только после того, как

эти казни были совершены, он сформировал трибунал и вызвал обе стороны предстать перед ним. Тем временем, однако, Феликс встал на сторону галилеян против самаритян, и возникли такие разногласия, что Квадрат не решился выносить решение между спорщиками и приказал им послать депутатов в Рим для получения решения императора. Среди иудейских посланников были Ионафан, бывший первосвященник, и Анан, наместник Храма. Куман также был вынужден покинуть свой пост, чтобы явиться в Рим и оправдаться там.

Все запутанные придворные интриги были пущены в ход этим судебным процессом, который приобрел более серьезный аспект из-за того факта, что сам губернатор был одним из обвиняемых. Император приказал созвать трибунал, но приговор вынес не он сам, а его развратная жена, печально известная Агриппина, которая была любовницей Паллада, брата Феликса. Между иудейскими депутатами и Палладом была достигнута договоренность, что после вынесения приговора Куману императору следует попросить назначить Феликса губернатором Иудеи вместо него. Вердикт, вынесенный в пользу иудеев, нельзя было считать беспристрастным, и сам по себе он не был доказательством того, что самаряне были агрессорами. Многие из них были признаны виновными и казнены, а Куманус был отправлен в изгнание. В то же время, вероятно, также благодаря заступничеству императрицы, Агриппе было даровано царство на северо-востоке Иудеи; оно состояло из той части страны, которая когда-то принадлежала тетрархии Филиппа, Батании, Гауланиты, Аураниты, Трахониты, а также Панеи и Абилины. Собственно Иудею Рим держал в твердой хватке и никогда не позволил бы местному князю, как бы сильно он ни находился под римским влиянием и контролем, осуществлять в этой области какие-либо королевские прерогативы.

Феликс, назначения которого добивался от императора бывший первосвященник Ионафан, сменил Кумана на посту губернатора Иудеи. Он женился на Друзилле, прекрасной сестре царя Агриппы II, которая после этого перешла в язычество. За время своего долгого правления Феликс превзошел всех своих предшественников в высокомерии и дерзости. Он полностью посвятил себя приобретению богатства и удовлетворению своих appetitов. Он продолжал использовать свою злую силу даже после смерти Клавдия (54). Ибо, хотя молодой император Нерон или его мать Агриппина были столь же благосклонны к дому Ирода, как и Клавдий, и подарили Агриппе четыре значительных города с прилегающими к ним округами, а также важный город Тиверию близ Тарихеи в Галилее, Иудее было позволено оставаться под железным правлением своего жестокого правителя. Феликс делал вид, что нападает только на мятежников-крамольников; но факт его общения с дикими сикариями показал, как мало правды было в этом предположении. Действительно, должно быть, было много жертв, которые приняли смерть от его рук под предлогом того, что они были врагами Рима, поскольку даже бывший первосвященник Ионафан, по просьбе которого император назначил Феликса на эту должность, теперь горько упрекал его в его злодеяниях. Раздраженный его дерзостью, губернатор приказал убить его, наняв сикариев схватить и убить его при свете дня. Измаил II из дома Фаби был назначен Агриппой первосвященником примерно в 59 году. Именно во время его понтификата семья первосвященника приобрела такую власть в государстве, что с помощью сильного сброда они смогли заставить землевладельцев платить им всю десятину, лишив таким образом низших священников их доходов и заставив многих из них погибнуть от нужды.

Высокомерие, с которым правители обращались с нацией, не обошлось без пагубного влияния на поведение иностранцев, которые в большом количестве проживали в городах на морском

побережье. Греки и римляне, поселившиеся в Иудее, открыто демонстрировали свою ненависть к соседям и узурпировали положение хозяев на земле. Устрашающая картина, нарисованная великим пророком, казалось, теперь вот-вот воплотится в буквальном смысле: "Чужак среди тебя всегда будет подниматься выше, но ты всегда будешь опускаться все ниже". Самыми бесстыдными в своем поведении по отношению к иудеям были сирийские греки, жившие в Кесарии — они оспаривали даже гражданские права первых. Но иудеи Кесарии, которые намного превосходили своих языческих сограждан в трудолюбии, богатстве и храбрости, не позволили лишиться себя своих гражданских прав, и поэтому ожесточенные споры и драки на улицах были почти ежедневным явлением. Однажды, когда несколько иудейских юношей отомстили побоями за оскорбление, нанесенное им группой сирийцев, и вынудили последних бежать, Феликс взялся за это дело, вызвал несколько войск, которые, будучи в основном состоящими из греков и сирийцев, сердечно поддержали своих соотечественников. Многие иудеи погибли, многие были заключены в тюрьму, а дома богатых были разграблены и разрушены. Фактический предмет спора оставался нерешенным, обе стороны были только еще больше озлоблены пролитой кровью. Соперничающие партии послали депутатов в Рим, и Нерону было предложено вынести решение между ними. Взяточничество снискало расположение Бурра, секретаря императора, к делу сирийцев Кесарии. Следовательно, его приговор был вынесен против иудеев, которые были лишены своих гражданских прав.

Преемник Феликса Фест правил недолго (с 59 по 61 год). В течение этого периода неудовлетворительное положение вещей оставалось неизменным или, по возможности, стало еще хуже. Новый энтузиаст, провозгласивший себя Мессией, пробудил в народе надежду на свободу и искупление, собрал вокруг себя последователей, а затем разделил судьбу своих предшественников. Ревнивая злоба, одушевлявшая различные партии, становилась все более и более ожесточенной. В конце концов царь Агриппа поселился в Иерусалиме, во дворце Хасмонеев, который находился как раз напротив Храма. Чтобы обзирать дворы последнего, он увеличил высоту своего дворца, и из зала в этом здании, где он трапезничал, он мог наблюдать за каждым движением, происходившим в Храме. Храмовые власти обиделись на это и пожаловались, что Агриппа посягнул на их привилегии; и чтобы скрыть Храм от его взгляда, они построили высокую стену с западной стороны. Это вызвало неудовольствие Агриппы и наместника, которые хотели снести едва законченную стену. С обеих сторон были произнесены горькие слова, но в конце концов благоразумие возобладало, и было решено, что спор должен быть разрешен императором. Двенадцать заместителей, среди которых были первосвященник Измаил и казначей Хилкия, были отправлены представлять это дело в Рим. Однако вердикт вынес не Нерон, а его любовница Пoppея Сабина. Эта красивая, но бесстыдная женщина, как ни странно, отдавала предпочтение иудаизму, а поскольку при дворе Нерона все государственные дела велись с помощью интриг, иудейские депутаты воспользовались этим счастливым случаем и выиграли свое дело. Депутаты вернули императорский приказ о том, что ревностная стража, охранявшая Храм, должна быть прекращена. Несколько лет спустя Пoppея снова вступилась за двух иудеев, которые были осуждены Феликсом и отправлены в качестве пленников в Рим. Чтобы не нарушать законы своей религии, они, как Даниил и его друзья, находясь в тюрьме, отказывались есть что-либо, кроме фруктов. Но по желанию Пoppеи, которая теперь стала императрицей, Нерон даровал самоотверженным пленникам свободу.

После смерти Феста Нерон назначил Альбина губернатором, и по сравнению с теми, кто был до него, и с теми, кто пришел после него, на него смотрели как на справедливого правителя. Прежде чем войти в провинцию, первосвященник Анан попытался возродить наполовину

вымерший саддукейизм и снова ввести в действие его уголовный кодекс; им был избран трибунал, и невинные люди были осуждены. Фарисеи были настолько недовольны этим незаконным Синхедрионом, что потребовали от Агриппы увольнения первосвященника.

Новый губернатор Альбинус был встречен на своем пути обвинениями в адрес Анана, который, как утверждалось, посягнул на авторитет Рима, собственноручно наказав преступников. Его враги добились успеха, и он был вынужден сложить с себя должность первосвященника после того, как занимал ее в течение трех месяцев. Его сменил Джошуа бен Дамнай, но вскоре ему пришлось уступить место Джошуа бен Гамале (63 или 64). Бен-Гамала женился на очень богатой вдове Марте, дочери из дома первосвященника Боэта, и говорят, что она побудила царя Агриппу II, предложив крупную взятку, назначить ее мужа первосвященником. Между Иисусом Навином бен Дамнаем и его более удачливым преемником пылала такая лютая ненависть, что их последователи не могли встречаться на улицах, не оскорбляя и даже не нападая друг на друга.

Однако Иисуса Навина бен Гамалу ни в коем случае нельзя причислить к худшим из первосвященников. Улучшение образования, начавшееся при нем, свидетельствовало об интересе, который он проявлял к полезным общественным институтам. Он открыл школы для мальчиков в возрасте от пяти лет в каждом городе. Но Бен-Гамала недолго занимал свой высокий пост; он был вынужден уступить его Матфию бен Теофилу (65 лет), последнему из двадцати восьми первосвященников, которые были обязаны своим избранием Риму и дому Ирода. Правитель Альбин, стремившийся уничтожить фанатичных сикариев, озлоблял народ тяжелыми налогами, возложенными на него, часть которых он оставлял себе. Узнав, что назначен преемник, он приказал казнить тех сикариев, которые были заключены в тюрьму за серьезные преступления, а те, кто пострадал за более легкие проступки, после уплаты штрафа были отпущены на свободу. Освобожденные таким образом из заключения сикарии впоследствии участвовали в восстаниях народа против своих угнетателей и запятнали правое дело многими актами жестокости.

Последний из прокураторов, Гессий Флор, который также был назначен Поппеей, своей бесстыдной пристрастностью, алчностью и бесчеловечностью ускорил осуществление давно вынашиваемого недовольными плана сбросить тираническое иго Рима. Флор был одним из тех крайне распутных существ, для которых нет ничего святого, которые всем жертвуют ради своей жадности и без зазрения совести пренебрегают самыми торжественными клятвами. То, что его предшественники делали, по крайней мере, в какой-то форме или под покровом тайны, он совершал открыто, бесстыдно бросая вызов Закону. Недоступный жалости, он был снисходителен только к сикариям, которые отдавали ему часть своей добычи. За два года, в течение которых длилось его правление (64-66), многие города были полностью разграблены. Сикариям было позволено беспрепятственно заниматься своими гнусными делами, а богатые были обязаны покупать их благосклонность, а также благосклонность их покровителей.

Это состояние государства было настолько невыносимым, что даже трусливая нация, должно быть, потеряла терпение, а мужество иудейского народа, несмотря на тысячи постигших его бедствий, тяжесть римского ига и ежедневные акты насилия, жертвами которых они становились, все еще не было сломлено. Рим в то время напоминал сообщество безумцев, среди которых император Нерон, надеявшийся на благосклонность Сената и народа, совершал одно безумие за другим и был виновен в череде преступлений. Таким образом, кроме как

благодаря их собственным усилиям, у иудеев не было никаких шансов на освобождение. Таково было мнение лучших и величайших из них, из всех тех, кто не был орудием Рима, или ослепленным его ложным великолепием, или парализованным ужасом перед его силой. Самые смелые уже подумывали о восстании. Губернатор, Цестий Галл, тем временем был проинформирован о раздражении и злобных чувствах, которые существовали среди иудейского народа, и сообщил о состоянии Иудеи римскому двору, умолчав о том, что нация вынашивала заговор и восстание. Но никто не прислушался к его предостерегающему голосу. Нерон был слишком занят, чтобы обращать внимание на такие мелочи; ему приходилось играть на цитре, выступать на сцене, предаваться оргиям и замышлять убийства. Императрица Пoppея, подруга иудеев, была мертва. Придворные создания напоминали чудовище Гессиуса Флора и, несомненно, высмеивали то, что они считали ребяческими страхами Галла. Вслед за этим последний разработал план, призванный привлечь внимание ко двору Нерона к огромности населения Иудеи и к неосторожности недооценивать его. Между Агриппой и первосвященником Матфией было условлено, что на празднике Пасхи состоится большая, хотя и мирная демонстрация с особой нумерацией людей. Общинам, проживающим как в Иудее, так и за ее пределами, были разосланы циркуляры с призывом явиться на предстоящий фестиваль в большом количестве. Толпы верующих, более многочисленное сборище, чем когда-либо прежде, подчинились призыву. Весной 66 года они стекались, чтобы отпраздновать праздник Пасхи; из городов и селений Иудеи, из Сирии, даже из стран, граничащих с Евфратом, и из Египта они устремились в Иерусалим, который едва мог вместить огромное множество людей. По пути к Храму некоторые паломники были раздавлены толпой, и этот праздник впоследствии был назван Пасхой Сокрушения. Подсчет людей производился следующим образом: —От каждого приношения брали почку для священников, пересчитывали полученные таким образом почки; и считалось, что от каждого ягненка, съеденного в компании, вкусили по меньшей мере десять человек. Результат этих расчетов показал, что в то время в Иерусалиме находилось почти три миллиона человек.

Цестий Галл сам прибыл в Иерусалим, чтобы провести расследование, и все обратились к нему с просьбой сжалиться над их невыразимыми горестями и избавить их от бедствий их страны. Присутствовавший при этом Флор только улыбнулся, но губернатор города пообещал использовать свое влияние, чтобы смягчить сердце прокуратора по отношению к ним, и он ознакомил Рим с внушительным сборищем, которое собственными глазами видел в Иерусалиме. Однако он был сильно обманут относительно эффекта, произведенного его уловкой, доказывающей, насколько велика численность народа. Нерон в то время достиг высшей точки своего высокомерия и гордыни. "Должен ли Нерон, чьи триумфы превзошли победы Помпея, Цезаря и Августа, бояться Иудеи?" Присланный Цестием Галлом отчет о толпах, собравшихся в Иерусалиме во время праздника Пасхи, вероятно, даже не был прочитан Нероном, а если и был просмотрен, то лишь отброшен в сторону.

В Иудее, и прежде всего в столице, люди, молодые и старые, с каждым днем становились все нетерпеливее, стремясь разорвать гнетущие цепи Рима. Терпение было исчерпано; они ждали только благоприятного момента, когда смогут нанести удар по своему врагу с шансом на успех. Незначительный инцидент, выявивший беспримерную дерзость Флора, разжег дух нетерпения и заставил замолчать благоразумие. Между иудеями и сирийцами в Кесарии возникли новые причины для разногласий; первые не могли забыть, что Нерон унизил их в глазах сограждан, а вторые, воодушевленные оказанным им предпочтением, заставили иудеев почувствовать свое униженное положение. Вызванное таким образом раздражение всколыхнуло религиозную

ненависть и расовую вражду, которые дремали под поверхностью в обеих общинах. Участок земли, принадлежавший одному язычнику в Кесарии, который оказался как раз напротив синагоги, был покрыт им лавками, так что остался только один узкий вход в священное здание. Вспыльчивые иудейские юноши пытались помешать строительству этих шатров, и Флор, привлеченный крупной суммой денег, воздержался от вмешательства; и, чтобы не быть свидетелем вероятной сцены раздора, он отлучился и отправился в Самарию, предоставив двум ожесточенно противостоящим партиям беспрепятственно проявлять свою страстную вражду. В определенную субботу, когда иудеи собрались на богослужение, грек поставил перед синагогой сосуд и принес на нем в жертву птиц в знак того, что иудеи были потомками отверженных прокаженных. Эта клевета на происхождение их расы не была воспринята спокойно иудейскими юношами, которые немедленно вооружились и напали на своих насмехающихся врагов. Битва закончилась поражением иудеев, которые после этого, забрав свои священные книги, отправились в соседний маленький городок Нарбату, а оттуда отправили посольство из двенадцати человек, среди которых был богатый сборщик налогов Ионафан, во Флор в Самарию. Депутаты напомнили ему о полученной им сумме и о его обещании обеспечить им защиту. Но вместо того, чтобы прислушаться к их мольбам, он принял их сурово и бросил в тюрьму. Когда весть об этом новом акте насилия достигла Иерусалима, возник гнев всего населения, но прежде чем они успели составить какой-либо план действий, Флор прислал им еще одно раздражающее послание. Он пожелал, чтобы смотритель Храма передал из священной сокровищницы семнадцать талантов, которые, по его словам, необходимы на службе императору. Это повеление, намерение которого было ясно разгадано жителями Иерусалима, заставило их собраться вокруг Храма, как будто они хотели защитить находящееся под угрозой Святилище. Робкие раздражались причитаниями, а бесстрашные поносили римского наместника и ходили с ящиком повсюду, как будто собирали милостыню для неимущего Флора. Последний, предвкушая возможность удовлетворить свою алчность и жажду крови, теперь сам пришел в Иерусалим и своим присутствием подлил масла в огонь. Флор поставил себя судьей перед дворцом Ирода и призвал первосвященника и самых влиятельных людей предстать перед ним, требуя, чтобы они отдали в его руки тех, кто осмелился насмехаться над ним. Дрожа, они пытались оправдаться за то, что произошло, и молили его о пощаде. Но Флор не обратил на них внимания и отдал приказ римским солдатам разграбить верхнюю рыночную площадь, квартал, населенный богачами. Подобно настоящим демонам, дикие солдаты ворвались на рынок и прилегающие улицы, убивали мужчин, женщин и детей, грабили дома и уносили их содержимое. В тот единственный день (16 Ияра) погибло более трех тысяч шестисот человек. Пленники по приказу Флора были подвергнуты бичеванию и распятию. Напрасно принцесса или королева Береника преклоняли колени перед Флором, умоляя его прекратить кровопролитие и разрушения; он был глух к ее мольбам, и, опасаясь за свою собственную безопасность, она была вынуждена искать убежища в своем дворце.

Несколько дней спустя огромные толпы собрались в ныне полуразрушенном верхнем городе (Сионе), оплакивая тех, кто был убит, и произнося проклятия их убийце Флору, и не без большого труда руководителям народа удалось заставить их замолчать. Но это только увеличило дерзость Флора, который потребовал, в доказательство своих нынешних мирных намерений, чтобы народ со знатью вышел навстречу наступающим войскам и приветствовал их в дружеском духе. Представители Святилища с трудом смогли убедить народ выполнить эту просьбу, поскольку патриоты восстали против нового унижения, которому они таким образом подверглись, и убедили многих разделить их чувства. В конце концов, однако, первосвященнику удалось

убедить народ оказать римским когортам дружеский прием. Но вскоре лживые намерения правителя проявились. Люди с тяжелым сердцем пошли на тяжелую жертву, которую они взяли на себя, и приветствовали войска с наигранным дружелюбием; но солдаты, получив инструкции от Флора, мрачно посмотрели на них и ничего не ответили. При первом ропоте недовольства, вызванном странным поведением римских войск, последние бросились на людей с обнаженными мечами, гоня их перед собой, в то время как лошади топтали беглецов. У ворот города произошла страшная давка, и дорога из Безеты была усеяна ранеными и убитыми. Когда стало известно, что солдаты направляют свои стопы к форту Антония и Храму, замыслы Флора относительно содержащихся в нем сокровищ больше нельзя было скрывать, и люди поспешили к Святилищу, чтобы защитить его, по возможности, от его кощунственного замысла. Они забрасывали солдат камнями, преградили им проход через узкий вход, разрушили колоннаду, соединявшую крепость Антония с Храмом, и таким образом разрушили надежду губернатора стать вторым Крассом. Сами того не осознавая, жители Иерусалима этим шагом развязали восстательную войну.

Перед решительным настроем народа мужество покинуло Флора. Он сообщил представителям столицы, что для восстановления мира в Иерусалиме он покинет город и выведет большую часть войск, оставив лишь небольшой гарнизон. После того, как ему было заявлено, что большая часть армии ненавидима народом из-за бесчеловечности, в которой она была повинна, он приказал им выбрать техсолдат, которые принимали наименьшее участие в недавней бойне. Представители Иудеи выбрали солдат, служивших под началом Метилия, слабый нрав которых казался им залогом снисходительности. Но едва Флор покинул Иерусалим, как разгоряченное брожение переросло в решительные действия. Народ был разделен на две партии: одна была партией мира, другая - партией, выступавшей за революцию. Последняя партия состояла в основном из молодых и сильных, разделявших взгляды и принципы zelотов. Они были готовы рисковать своими жизнями в стремлении свергнуть иго языческого, тиранического Рима и вернуть себе желанную свободу.

Революционная партия не была лишена осмотрительности государственного деятеля; она уже заключила союз с княжеским домом Адиабены, который был горячо предан иудаизму, и точно так же сумела заинтересовать парфяно-вавилонскую общину своим делом. Сторонники войны, смелые и бесстрашные, смотрели свысока на своих более робких собратьев. Сильные люди, преисполненные высоких устремлений, они дали торжественную клятву скорее умереть, чем покориться Риму; и они хорошо сдержали эту клятву в бушующей войне, под градом катапульт, под пытками на дыбе и на арене диких зверей. Душой революционной партии в Иерусалиме был Элеазар бен Анания, принадлежавший к семье первосвященника. Он был хорошо сведущ в Законе и принадлежал к строгой школе Шаммая, которая в целом была согласна с zelотами.

На стороне мира были последователи Гиллеля, которые принципиально ненавидели войну; зная, гревшаяся под ярким солнцем Рима; богатые, чьи владения подвергались опасности из-за столь масштабной революции, — все они, хотя и страдали от наглости Флора, желали сохранения нынешнего положения вещей под императорской властью Рима. Честные друзья мира, однако, не смогли понять, что зло, от которого страдала иудейская община, зависело не от какого-то одного человека, который мог случайно оказаться у власти, а от системы опеки и грабежа, а также от фундаментального различия, которое существовало между иностранными правителями и народом, которым они управляли. Даже лучшие правители, те, кто

действительно желал сохранить порядок и мир, не смогли бы предотвратить частые ранения восприимчивой нации и постоянное раздражение народа.

Люди, хотя и были возбуждены и озлоблены, казались нерешительными и делали паузу, прежде чем сделать последний шаг, каждая сторона пыталась привлечь население на свою сторону. Друзья мира, стремясь умерить гнев масс, пытались также оправдать свое восстание против Флора перед сирийским губернатором Цестием и объяснить, что Флор был виноват в вспыхнувшем беспорядке. Они рассказали Цестию обо всем, что произошло, и умоляли его приехать в Иерусалим, чтобы собственными глазами увидеть нищету и разорение, вызванные действиями последнего правителя, и убедиться в дружелюбном поведении его жителей. Цестий, слишком ленивый, чтобы самому приехать и разобраться в этом деле, послал вместо себя Неаполитанца.

Лидеры революционной партии тем временем добились такого успеха, что им было отказано в уплате налогов Риму. Царь Агриппа, который из корыстных побуждений выступал за мир, созвал народ и попытался открыть ему глаза на опасность, навстречу которой он слепо шел. Стоя на высокой галерее напротив Храма, он обращался к народу. Рядом с ним была принцесса Береника, которая заступилась за раненых и угнетенных, чтобы прикрыть его щитом своей популярности.

Его речь, содержащая все доводы, которые разум или софистика могли привести против войны с Римом, произвела сначала некоторое впечатление на народ. Многие из них кричали, что у них нет недоброжелательства к римлянам, а только желание освободиться от ига Флора. Вслед за этим Агриппа призвал собравшуюся толпу показать, что они действительно настроены мирно, заменив сломанные колонны, которые они сбросили, и заплатив причитающиеся императору налоги. На мгновение показалось, что их гнев вот-вот утихнет. Разрушенную колоннаду предстояло отремонтировать, а в соседних городах и деревнях собрать налоги. Когда Агриппа понял, какое преимущество он получил, он пошел еще дальше и попытался убедить народ повиноваться Флору как своему правителю до тех пор, пока не будет назначен его преемник. Но это последнее требование все испортило. Революционная партия снова одержала верх, и Агриппа был вынужден бежать из Иерусалима. Те, кто так часто страдал от жестокости и несправедливости Флора, при одном упоминании его имени боялись снова стать его жалкими обманутыми и жертвами коварных интриг. После ухода Агриппы вопрос о налогах отпал. Всеобщее удовлетворение вызвала их отмена, и сборщики налогов не осмелились противостоять царящему ажиотажу, пытаясь добиться их уплаты. День, в который было решено не платить налоги, 25 Сивана (июня), отныне считался годовщиной победы. Сикарии теперь тоже начали приходить в движение. Они собрались под командованием Менахема, потомка Иуды, основателя zelотов, и взяли крепость Масада; они перебили ее римский гарнизон, завладели оружием и, таким образом, хорошо вооруженные, появились на поле битвы.

Елеазар, глава zelотов, разжег революционный дух народа и довел его до полного разрыва с Римом. Он отговаривал священников принимать какие-либо подарки или жертвоприношения от язычников, и так велика была власть, которую он проявлял, что исполнявшие обязанности священники прекратили приносить ежедневные жертвы императору Нерону. Это было отправной точкой революции. С тех пор от верности императору отказались. Партия мира также осознала серьезную важность этого шага и попыталась повторить его. Ученые законоучители, несомненно, из школы Гиллея, объяснили большому собранию людей, что запрещено

выносить из Храма приношения язычников, а престарелые священники заявили, что принимать такие приношения - древний обычай. Исполнявших обязанности священников, однако, это не убедило, и они без остатка бросились в водоворот революции. С этого времени Храм подчинился своему главе Елеазару и стал очагом восстания.

Сторонники мира с сожалением наблюдали за успехами, достигнутыми соперничающей партией, и пытались затушить пламя, прежде чем они смогли завершить работу разрушения; но средства, которые они использовали для тушения революционного пожара, только разожгли его еще яростнее. Они послали послов к Флору и Агриппе с настоятельной просьбой немедленно направить в Иерусалим достаточно большое количество войск. Первый, движимый либо робостью, либо духом мести, который заставлял его желать, чтобы ненавистные иудеи все более и более безнадежно запутывались, отказался выполнить эту просьбу. Агриппа, с другой стороны, послал 3000 всадников, ауранитов, батанеев и диких трахонитов под командованием Филиппа Батиренского и Дария, командующего кавалерией, на помощь партии, желавшей сохранить мир с Римом. Когда эти войска прибыли, они обнаружили, что гора, на которой стоял Храм, а также нижний город уже находятся во владении zelотов. Только аристократический квартал верхнего города оставался открытым для них. Между двумя сторонами произошло ожесточенное сражение, царские войска присоединились к немногочисленным солдатам, оставшимся от римского гарнизона. Бои продолжались семь дней, но без решающих результатов.

Однако во время фестиваля ношения дров (15 Ав) ситуация изменилась. Zelоты преградили вход в Храм всем, кто принадлежал к партии мира, и привлекли на свою сторону толпу, принесшую дрова для алтаря, а также сикариев, пробравшихся в Храм сквозь толпу. Укрепившись за счет увеличения численности, zelоты прогнали своих противников и стали хозяевами верхнего города. Гнев народа возгорелся против друзей Рима, они подожгли дворцы царя Агриппы и принцессы Береники, предав огню также дом богатого священника Анании и государственные архивы, среди которых хранились долговые расписки должников. Некоторые из римских партизан в ужасе заползли в канализацию, в то время как другие укрылись вместе с войсками в западном дворце Ирода. Вскоре после этого zelоты напали на римскую стражу в форте Антония, одолели их после двухдневной осады и предали смерти (17 Ав); затем они взяли штурмом дворец Ирода, который защищали объединенные войска Рима и Агриппы. После восемнадцати дней непрерывающихся боев гарнизон капитулировал, и иудейским солдатам под командованием Филиппа было позволено уйти невредимыми. Римляне, слишком гордые, чтобы просить пощады, отступили к трем башням в стене - Гиппикусу, Фазаэлю и Мариамне. Сикарии под командованием Менахема ворвались в форт после того, как римляне покинули его, и убили всех, кто не смог спастись бегством (6 Элула—август).

Но патриотически настроенные zelоты, последователи Елеазара, вскоре осознали, какой вред нанесет их праведному делу братание с необузданными сикариями. Возгордившись своей победой над войсками Агриппы, Менахем и его спутники разразились актами постыдной жестокости. Оскорбленная гордость теперь характеризовала поведение Менахема; между ним и Елеазаром произошел обмен гневными словами; и когда первый вошел в Храм в захваченном царском одеянии, слова превратились в удары, и началась драка. Сикарии были осаждены, и Менахем, бежавший в ту часть города, которая называлась Офла, был доставлен обратно и казнен. Небольшое число его последователей под предводительством его родственника Елеазара бен Иаира бежали в крепость Масада, которая была занята их друзьями. После этого

кровавого эпизода zeloty во главе с Елеазаром осадили башни, и римские войска под командованием Метилия были, наконец, вынуждены просить пощады. Иудеи, посланные для переговоров с Метилием, согласились, что римлянам, лишенным оружия и поклажи, следует позволить беспрепятственно уйти. Однако, как только побежденные воины были лишены своих мечей и щитов, отряд Елеазара напал на них и уничтожил всех. Один Метилий был спасен, потому что под страхом смерти он пообещал принять иудейскую веру, и ему было позволено жить как ожившему трофею победы иудеев над римлянами. День освобождения Иерусалима от римлян (17 Элула) отныне считался одной из праздничных годовщин. О том, что цель Елеазара и его партии была благородной и бескорыстной, свидетельствовала умеренность, которую они соблюдали после своей победы. Город был в их руках, их соперники беспомощны, и все же в летописях тех времен мы не можем обнаружить никаких следов преследований или жестокости по отношению к ним.

До сих пор восстание ограничивалось Иерусалимом, поскольку остальная Иудея, хотя и была не менее возбуждена, сохраняла спокойствие во время событий, происходивших в столице, и ожидала результата. Сам Флор также спокойно оставался в Кесарии, заботясь, однако, о том, чтобы революция продолжалась подобно огненному потоку, неся опустошение по всей стране и даже за ее пределами. Когда весть о битве между zelotami и римскими когортами в Иерусалиме достигла Кесарии, греки и сирийцы напали на вернувшихся туда иудеев. Последовавшая за этим резня, должно быть, была ужасающей; было убито более двадцати тысяч иудеев, и они, несомненно, не сдались без того, чтобы в порядке самообороны не вызвать еще несколько смертей. В Кесарии не осталось в живых ни одного иудея. Те, кто пытался бежать, были схвачены, по приказу Флора закованы в цепи и отправлены в качестве рабов на различные корабли. Эта беспримерная жестокость привела в ярость все население Иудеи, и их ненависть к язычникам переросла в дикое неистовство. Повсюду, как бы с общего согласия, формировались отряды свободных войск, нападавших на языческих жителей страны, сжигавших, разрушавших и убивавших. Эти варварские нападения, конечно, снова взывали к мести со стороны языческого населения Иудеи и Сирии. Многие города были разделены на две враждующие партии, которые днем яростно сражались друг с другом, а ночью устраивали засады, чтобы ранить друг друга.

Ужасное деяние, ставшее результатом войны рас, произошло в городе Вифсаоне, первом из длинной серии актов саморазрушения, о которых мы читаем в отчете о разрушении Храма. Его языческие жители заключили завет со своими иудейскими согражданами, обещая дружбу с ними, если они помогут отразить любое нападение иудейских банд на их город. Иудеи в Вифсаоне честно выполнили свое соглашение, яростно сражались против своих братьев и изгнали их из окрестностей города. Среди сражавшихся в том случае особо выделялся Симон бен Саул, иудеянин гигантской силы и великой доблести. Однако, как только языческие жители были избавлены от нападавших, они под покровом ночи напали на беззащитных иудеев и предали их всех, почти тринадцать тысяч, смерти. В той страшной резне выжили только Саймон и его семья, первый, размахивая обнаженным мечом с энергией отчаяния, вселял ужас в сердца своих врагов. Полный боли и раскаяния из-за того, что сражался против своих братьев, он решил пасть только от своей собственной руки. Убив своих престарелых родителей, жену и детей, он вонзил меч себе в грудь и испустил дух рядом с ними.

Яростная вражда, распалявшая иудеев и язычников в Кесарии, достигла и Александрии. Массовое убийство иудеев, частично вызванное гневом отступника, произошло в столице

Египта. Александрийские греки, завидовавшие своим иудейским согражданам, решили просить императора Нерона лишить их прав, которые они получили от Клавдия, поставив их на равную с греками почву. Чтобы выбрать депутатов, которые должны были передать свои пожелания императору, в городском амфитеатре собралось большое собрание. Несколько иудеев, обнаруженных в толпе, подверглись жестокому нападению и оскорблениям как шпионы. Трех из них протащили по улицам, чтобы живыми предать огню. Разгневанные жестоким обращением со своими братьями, иудеи вооружились, схватили головни и пригрозили сжечь амфитеатр, где все еще собирались греки. Правитель Тиберий теперь попытался вмешаться, чтобы остановить надвигающуюся гражданскую распрю, но это только усилило гневное брожение. Иудеи ненавидели его за то, что он был отступником от своей веры, и упрекали его в отступничестве. Взбешенный их насмешками, Тиберий Александр потерял всякий контроль над собой; он приказал своим легионам возвращаться в иудейский квартал и дал полную волю проявлениям той жестокости, сдерживать которую стоило стольких усилий. Солдаты, жадные до крови и грабежей, ворвались в прекрасный квартал Дельты города, убивали всех, кого встречали на своем пути, сжигали дома и заполняли улицы кровью и трупами. Пятьдесят тысяч иудеев погибли, и человек, отдавший приказ об этой ужасной бойне, был племянником иудейского философа Филона!

Таковы были тревожные масштабы, которые приняло повстанческое движение Элеазара бен Ананиаса. Революция вкусила крови и продвигалась все дальше и дальше своим стремительным ходом, пока не увлекла за собой даже равнодушных и не превратила почти всю нацию в фанатиков. День ото дня число храбрых и отважных воинов увеличивалось. Ожидаемая помощь теперь пришла из Адиабены и Вавилона. Члены царского дома Адиабены, братья и сыновья царя Изата, Монобаз и Сенедей, взяли руководство восстанием в свои руки и приготовились держаться до последнего. Три героя, которые в одиночку казались более чем равными целой армии, теперь вошли в Иерусалим. Это были Нигер с другого берега Иордана, Сила, вавилонянин, и Симон Бар-Гиора, дикий патриот, который с момента своего появления и до конца войны вселял ужас в сердца римлян. Цестий Галл, чьей обязанностью как губернатора Сирии было поддерживать честь римского оружия и сохранять имперское превосходство в стране, находящейся под его юрисдикцией, больше не мог наблюдать за разрастающимся вокруг него восстанием, не предпринимая попыток остановить его развитие. Он созвал свои легионы, и соседние князья добровольно послали ему на помощь свои войска в качестве вспомогательных. Даже Агриппа выделил для римской армии три тысячи пехотинцев и две тысячи всадников и предложил себя в качестве проводника по горным тропам и ущельям этой опасной страны. Цестий вывел более тридцати тысяч человек, опытных солдат, из Антиохии против Иудеи и не сомневался, что в одном сражении он сможет уничтожить иудейских мятежников. На своем пути вдоль морского побережья он оставлял в каждом городе следы крови и огня.

Как только zeloty в Иерусалиме услышали о приближении римских войск, они схватились за оружие, несмотря на то, что был субботний день. Они не боялись встретиться лицом к лицу с римлянами и не позволили бы законам о субботнем дне помешать их воинственному пылу. Цестий сделал остановку в Габаоте, примерно в миле от Иерусалима, ожидая, возможно, послания с покаянной покорностью. Но zeloty атаковали римскую армию с такой стремительностью, что прорвались сквозь их ряды, убив в первом же натиске более пятисот солдат, в то время как сами они потеряли всего двадцать три человека (26 Тишри—октябрь). Если бы римская кавалерия не пришла на помощь пехотинцам, последние были бы полностью

уничтожены. Нагруженные богатой добычей, победители вернулись в Иерусалим, распевая ликующую осанну, в то время как Цестий в течение трех дней бездействовал в своем лагере, не решаясь двинуться вперед.

Только на четвертый день римская армия приблизилась к столице. Зелоты покинули внешние районы Иерусалима, которые не могли предоставить им надлежащего убежища, и укрылись за мощными стенами внутреннего города за Храмом. Вслед за этим римляне вошли в город, разрушили пригород Безета, затем двинулись к западной оконечности, как раз напротив дворца Ирода, где они разбили свой лагерь (30 Тишри). Зелотов это не встревожило; они перебросили изменников, которые, следуя совету Анана бен Ионафана, хотели открыть врагу ворота, через стены и энергично приготовились к обороне занятых ими мест. В течение пяти дней подряд римляне штурмовали стены, но каждый раз были вынуждены отступать перед метательными снарядами иудеев. Только на шестой день им удалось подорвать часть северной стены перед Храмом. Но Цестий не воспользовался этим преимуществом. Он не считал целесообразным продолжать борьбу с героическими энтузиастами и начинать длительную кампанию в это время года, когда скоро начнутся осенние дожди, если они уже не начались, и могут помешать армии получать провизию. По этой причине, вероятно, он считал более благоразумным вернуться по своим следам. Вряд ли решение было вызвано трусостью.

Как только жителям Иерусалима стало известно о неожиданном уходе римлян, они последовали за ними, атакуя тыл и фланги армии с горных гребней, при этом римские войска были вынуждены придерживаться проторенных путей в долинах и перевалах. Великое множество римлян, среди которых было много выдающихся военачальников, лежали убитыми на марше. Когда армия достигла лагеря в Габаоте, она оказалась окруженной полчищами иудеев, и Цестий, не считая безопасным оставаться там дольше, ускорил отступление, оставив самую тяжелую часть обоза. В узком проходе Вифорон римской армии пришлось еще хуже; атакованная со всех сторон, она пришла в замешательство и беспорядок, и люди не могли защититься от вражеских стрел, которые густо сыпались на них с выгодной позиции на горной стене с обеих сторон. Римские войска в бешенстве устремились к Вифорону, и они были бы почти полностью уничтожены во время своего бегства, если бы приближающаяся ночь не спасла их от дальнейшего преследования.

Иудеи оставались всю ночь перед Вифороном, но Цестий, оставив четыреста храбрых солдат в лагере, бесшумно выступил со всей своей армией, так что на рассвете, когда иудеи поняли, что произошло, он уже значительно продвинулся вперед. Четыреста оставшихся солдат пали жертвой иудеев, которые затем тщетно преследовали римскую армию до Антипатриса. Однако они нашли богатую добычу, состоящую из оружия и боевых принадлежностей. Все это они привезли в качестве трофеев в Иерусалим, чтобы позже с пользой использовать против своих врагов. Денежные сундуки Цестия, в которых хранились припасы для войны, также попали в их руки и помогли пополнить казну в Иерусалиме. В этой первой кампании против презираемых иудеев армия Цестия потеряла почти шесть тысяч человек, как римлян, так и союзников; а легион, который губернатор привел из Антиохии в качестве отборного корпуса для борьбы с Иерусалимом, лишился своих орлов, и эта потеря была расценена Римом как величайшее бесчестие, которое могло выпасть на долю армии, равносильное позорному поражению.

Зелоты, выкрикивая ликующие военные песни, вернулись в Иерусалим (8 октября), их сердца бились в радостной надежде на свободу и независимость. Гордое и счастливое время

хасмонеев, казалось, вернулось, и его слава была даже превзойдена. Разве великая римская армия, которой боялся весь мир, не была разбита и вынуждена к позорному бегству? Какая перемена произошла за короткий промежуток времени в шесть месяцев! Тогда все трепетали перед трусливым Флором и его немногочисленными солдатами, а теперь римляне бежали! Разве Бог не помог им так же милосердно, как помог их предкам? Сердца zelотов не знали страха за будущее. "Как мы победили двух полководцев, Метилия и Цестия, так же мы победим и их преемников". На любого, кто говорил о подчинении Риму или о преимуществах начала переговоров с ним, смотрели как на предателя своей страны и врага иудаизма. Сторонники мира на данный момент потеряли всякое влияние, и друзья Рима не могли отважиться высказать вслух свои истинные чувства. Многие из них тайно покинули Иерусалим, в то время как другие делали вид, что разделяют любовь zelотов к свободе и ненависть к Риму. Два брата-Иродиана, Костобар и Савл, добивались присутствия императора Нерона в Греции, пытаясь оправдать вспышку восстания и возложить вину за него на Флора. Пытаясь подтвердить верность иудейского народа, zelоты, опьяненные своей победой, отчеканили монеты с надписью "За освобождение Иерусалима". Даже самаряне теперь отбросили свое старое чувство вражды к иудеям и, чтобы удовлетворить свою ненависть к римлянам, объединились со своими бывшими врагами.

Оживленная деятельность овладела столицей и придала ей совершенно новый вид. Повсюду ковалось оружие и изготавливались военные орудия, готовясь к новому нападению. Стены Иерусалима были укреплены до такой степени, что обещали надолго усмирить врага. Молодые люди ежедневно проходили военные упражнения, и их энтузиазм восполнял недостаток опыта. Во всех частях Иудеи воинственные патриоты и враги Рима сформировали временные комитеты для подготовки к великой борьбе, которая, как они чувствовали, приближалась, и их пыл разделяли даже иудеи, жившие в чужих землях.

О внутренних политических порядках, введенных в Иерусалиме после поражения Цестия, до нас дошли лишь слабые и неопределенные указания. Дружественный Риму историк, который не мог достаточно затемнить восстание иудеев, не был склонен описывать какие-либо из их деяний. Однако не может быть никаких сомнений в том, что Великий Синхедрион снова приобрел свою прежнюю верховную власть над всеми политическими и военными делами. Во главе большого совета стоял Симон бен Гамалиил из Дома Гиллея, тот, кто, даже по рассказам его врага, должен был быть одарен замечательной проницательностью и энергией, и кто мог бы, если бы последовали его совету, привести надвигающуюся борьбу к успешному завершению. Хотя он не принадлежал к партии крайних фанатиков, он желал, чтобы борьба велась с самой решительной активностью, и поддерживал со всей силой, данной ему его возвышением и положением, тех, кто был полон решимости, чтобы революция была реальной, а ее последствия долговременными. На монетах, датированных первым и вторым годами недавно завоеванной независимости, появляется следующая надпись: "Симон, князь Израиля", которая, несомненно, относится к патриарху Симону бен Гамалиилу.

После победы, одержанной над Цестием, язычники все больше и больше озлоблялись против своих соседей-иудеев; и либо из страха перед нападением с их стороны, либо движимые местью за поражение римлян, они объединились в кровавые банды, безжалостно убивая иудейских мужчин, женщин и детей, которые жили среди них. Такие жестокие массовые

убийства, должно быть, еще больше разозлили патриотов, поскольку они часто происходили среди общин, не имевших ни малейшего представления о присоединении к восстанию, и теперь, насколько это было в их силах, иудеи отомстили своим соседям-язычникам. Дикая вражда рас поднималась все выше и выше и, распространившись далеко за узкие границы Палестины, воодушевляла иудеев, с одной стороны, и греков и римлян - с другой. Поскольку все народы вокруг Иудеи, включая сирийцев, греков, римлян и александрийцев, выступили заодно с римским императором, ультразилоты сочли себя вправе навлечь на них гнев, который воспламенил их против Рима. Чтобы прервать всякую связь между ними, последователи школы Шаммая предложили возвести барьер, который должен был эффективно препятствовать любому общению, запретив иудеям в будущем покупать вино, масло, хлеб или любые другие продукты питания у своих соседей-язычников. Эти правила были известны под названием "Восемнадцать вещей". Религиозный пыл и политический фанатизм в те бурные времена всегда сопутствовали друг другу. Гиллелиты, более умеренные в своих религиозных и политических взглядах, не могли согласиться с такой резко очерченной исключительностью, но когда был созван Синод для принятия решения по вышеупомянутым законам, зелоты оказались всемогущими. Элеазар бен Анания, вероятно, лидер зелотов, который сам был учителем Закона, пригласил учеников обеих школ встретиться в его доме. Вооруженные солдаты были поставлены у дверей и получили указание впускать всех, но никому не выходить, и во время жарких дискуссий, которые там велись, как говорят, многие из школы Гиллеля были убиты. Из-за этих актов насилия день, когда были выдвинуты и согласованы суровые постановления школы Шаммай, 9-е число Адара, считался днем несчастья.

Между тем воинственная активность иудеев не прекращалась ни на минуту. Все ощущали настоятельную необходимость произвести отбор военачальников и вождей для надвигающейся борьбы. Важный выбор принадлежал, по-видимому, самим людям, которые по той или иной причине обиделись на ультразилотов. Элеазар бен Анания, который дал первый толчок великому восстанию, был назначен всего лишь губернатором незначительной провинции Идумея и даже был вынужден разделить свою власть с другим.

Элеазар бен Симон, ультразилот, сыгравший важную роль в одержании победы над Цестием и бывший казначеем Храма, был, несмотря на принадлежность к классу знати, полностью упущен из виду. Предпочтение отдавалось умеренным людям, даже тем, кто раньше был друзьями Рима. Иосиф бен Горион и Анан, сын Анана, который в течение короткого времени занимал должность первосвященника, получили посты величайшей важности - надзор за Иерусалимом и оборону крепостей. Помимо них, в разные провинции были назначены пять губернаторов. Джозефу бен Матиасу было доверено самое важное место из всех. Народ, все еще ослепленный магией аристократических имен, не мог допустить, чтобы люди неизвестного происхождения, какими бы храбрыми и преданными они ни были, занимали высокие политические посты. Правящая власть принадлежала Великому Синхедриону и, следовательно, тем, кто председательствовал на этом собрании, Симону бен Гамалиилу и его сподвижникам Анану и Джозефу бен Гориону.

Симон стоял во главе фарисеев, а Анан, бывший первосвященник, не пытался скрывать своей склонности к саддукейству; но их антагонизм в религиозных вопросах не помешал им теперь действовать сообща. Любовь к родине перевесила дух партийности. Кажущееся единодушие, царившее в Синхедрионе, было, тем не менее, обманчивым. Знатные люди, тайные друзья Рима, имели место и голос в этом собрании и часто вносили нерешительность в его советы.

Противоположные и противоречивые взгляды приводили к приостановке мер и снижению активности. Синхедрион также часто подвергался влиянию меняющихся настроений народа, которые всегда привлекают внимание в час революции. Лишенный таким образом единой силы и активной энергии, Синхедрион правил всего два года, когда пал из-за слабости и был вынужден уступить бразды правления ультразилотам.

ГЛАВА X. ВОЙНА В ГАЛИЛЕЕ.

Описание Галилеи —Ее население и значение—Восстание в Галилее—Иоанн из Гисхалы—Иосиф Флавий, его образование и характер—Его поведение на посту губернатора Галилеи—Начало войны—Свержение Габары—Осада и взятие Иотапаты—Сдача Иосифа римлянам—Жестокость Веспасиана—Осада и взятие Гамалы и горы Фавор—Сдача Гисхалы—Побег Иоанна из Гисхалы в Иерусалим.

66-67 гг. н. э.

Территория, вверенная для защиты Джозефу бен Матиасу, благодаря своему положению, поразительному плодородию, многочисленному населению и разнообразным ресурсам во время опасности, рассматривалась как важнейший пост рядом со столицей; фактически это был оплот Иерусалима. Галилея была разделена на Верхнюю и Нижнюю Галилею. Эта страна энтузиастов, родина зелота Иуды и Иисуса из Назарета, не восприняла безразлично известие о восстании Иерусалима и поражении Цестия. Напротив, оно с неослабевающим пылом восприняло ликующий дух победившей партии. И как могли галилеяне остаться равнодушными? Разве они не были свидетелями жестокой смерти своих сородичей от рук язычников? Ежедневно они давали приют несчастным иудейским изгнанникам, и ежедневно им приходилось опасаться худшего со стороны своих соседей-язычников. Именно перед лицом такой опасности все города Галилеи вооружились, чтобы быть готовыми к действию, и ждали только сигнала от Синхедриона в Иерусалиме. Три города больше всех других стремились поднять знамя восстания — Гишала на крайнем севере, Тверия на юге и Гамала, напротив Тверии, на восточном берегу Галилейского моря. Иудейские жители Гисхалы были в определенной степени вынуждены поднять восстание, поскольку соседние города объединились и, разграбив город, частично уничтожили его огнем. Разъяренные гисхалиты подчинились руководству человека, которому было суждено вести войну против Рима до победного конца и который вместе с Симоном бар-Гиорой стал ужасом ее легионов.

Иоанн бен Леви из Гишалы начал свою карьеру с того, что собрал под своим флагом всех мятежных иудеев Верхней Галилеи и приготовился повести их против языческого населения. Он был человеком с небольшими средствами и хрупкого телосложения, но обладал одной из тех восторженных натур, способных подняться над угнетающим влиянием бедности и нездоровья; кроме того, он обладал искусством подчинять обстоятельства своей жизни своим собственным целям. В начале галилейского восстания единственной целью Иоанна было укрепить стены своей родины от нападений враждебных соседей. Позже он потратил значительные суммы денег, которые заработал, продавая масло иудеям Сирии и Кесарии Филипповой (поскольку

они не хотели использовать нечистое масло, приготовленное язычниками), на оплату услуг патриотически настроенных добровольцев. Он собрал вокруг себя около четырех тысяч таких людей, в основном галилеян, но частично беженцев из Сирии, число которых постоянно увеличивалось.

В Тверии, втором очаге восстания, революционной партии противостояла фракция с римскими наклонностями. Этот прекрасный город на берегу моря находился во владении царя Агриппы в течение многих лет и, поскольку при его правлении положение было относительно легким, убыло мало причин для жалоб. Но большая часть населения была фанатиками, требовавшими освободиться от своего монарха. Душой восстания был Юстус, сын Пистуса, написавший историю войны, в которой он участвовал, на греческом языке. Он был одарен красноречием, но его огромное влияние распространялось только на богатых и утонченных жителей города. Иисус бен Сапфия, такой же фанатик, как и он сам, возглавлял низшие классы моряков и носильщиков нош. Этим повстанцам противостояла аристократическая партия, которая лояльно сплотилась вокруг короля и римской армии. Их представляли Юлий Капелл, Ирод бен Миар, Ирод бен Гамала и Компсе бар Компсе, но у них не было последователей в народе, и они были вынуждены стать невольными зрителями сдачи своего города революционерам.

Известие о поражении Цестия послужило сигналом для Юстиса и Иисуса бен Сапфии начать операции против языческих городов, где их единоверцы были так варварски убиты. Город Гамала, один из важнейших на юго-восточном побережье Галилейского моря, неприступное положение которого облегчало оборону и затрудняло завоевание, готовился к восстанию.

По соседству с Гамалой находилось поселение иудейских вавилонян, которые при Ироде I мигрировали в Батанию, где построили несколько городов и крепость Батира. Вавилоняне, поскольку именно так называлась колония, были преданными приверженцами семьи Иродиан, а Филипп, внук Замариса, первого основателя колонии, был предводителем царских войск, сражавшихся против zelотов в Иерусалиме. Однако, когда он потерпел поражение в этом городе, его жизнь была сохранена, поскольку он пообещал помочь zelотам в их борьбе против Рима. Несколько дней он скрывался в Иерусалиме, а затем совершил побег в свою собственную деревню недалеко от крепости Гамала.

Вар, временно занявший место Агриппы в Кесарии, не благосклонно относился к Филиппу, влиянию которого на царя он завидовал. Ибо Вар надеялся со временем сместить Агриппу и, чтобы завоевать популярность, прибегнул к жестокому средству, предав смерти многих иудеев в Кесарии Филипповой. Но все это время он боялся вавилонской колонии и гнева Филиппа, который наверняка поделился бы своими честолюбивыми замыслами с Агриппой. Таким образом он попытался заманить Филиппа к себе, но, к счастью для него самого, этот военачальник заболел сильным приступом лихорадки, которую он подхватил во время бегства из Иерусалима и которая помешала ему повиноваться призыву Вара.

Однако Вару удалось склонить под свою власть семьдесят наиболее выдающихся иудеев, большинство из которых были убиты по его приказу. При известии об этом убийстве ужас охватил всех вавилонских иудеев, которые были поселены в различных городах Галилеи. Они бросились в Гамалу в поисках защиты, жаждая мести не только против Вара, но и против всех сирийцев, которые поддерживали его. К ним присоединился Филипп, который с трудом удержал их от какого-нибудь сигнального акта мести. Но даже после того, как Агриппа уволил беспринципного Вара с его поста, вавилонские иудеи все еще проявляли большое стремление

объединиться с врагами Рима, и поэтому им было приказано покинуть крепость Гамала и вернуться в Батанию. Но это вызвало такой сильный переполох и раскол в городе, что некоторые жители поднялись и напали на вавилонян, которые собирались покинуть их, в то время как другие, под предводительством некоего Иосифа, восстали против правления Агриппы.

Именно в этот момент, когда вулкан революционных страстей был готов разразиться новыми извержениями, Великий Синхедрион доверил Джозефу бен Матиасу командование Верхней и Нижней Галилеей. В этих провинциях только могущественный город Сепфорис оставался верен римлянам, и во всей Галилее царила ожесточенная вражда к Сепфорису. Ибо жители Тверии были возмущены тем, что их город занял лишь второстепенное место в провинции, несмотря на то, что Агриппа II выбрал его своей столицей. Обязанностью губернатора было поддерживать дух согласия среди жителей Галилеи и в то же время привлекать сепфоритов к народному делу. На плечах этого человека лежала тяжелая ответственность. Ибо, естественно, от него в значительной степени зависело, достигнет ли это восстание, разгоревшееся с такой чрезвычайной энергией, цели, желаемой патриотами, или оно будет иметь трагический конец. К сожалению, Иосиф был не тем человеком, который смог бы успешно осуществить столь грандиозный план, но своим поведением он существенно способствовал падению иудейского народа.

Иосиф, сын Матиаса, более известный как Флавий Иосиф Флавий, был уроженцем Иерусалима (родился 38 лет, умер около 95 лет), знатного священнического происхождения и состоял в родстве по женской линии с домом Хасмонеев. Он и его брат Матиас получили тщательное образование и были обучены догматам Закона в очень раннем возрасте, поскольку дом их отца часто посещали ученые раввины. В возрасте шестнадцати лет Иосиф Флавий стал учеником отшельника Вана, последовал за своим учителем в пустыню, питался дикорастущими плодами земли и ежедневно купался в холодной воде, согласно обычаю ессеев. Но, устав от такой жизни, через три года он вернулся в Иерусалим, где его тонкие интеллектуальные вкусы привели его к глубокому изучению греческой литературы. В возрасте двадцати шести лет ему довелось совершить путешествие в Рим, чтобы ходатайствовать за двух заключенных фарисеев в присутствии императрицы Пoppеи, и ему удалось добиться их освобождения. Императрица, питавшая дружеские чувства к иудеям, осыпала его подарками. Сам Рим не мог не оказать большого влияния на характер Иосифа Флавия. Блеск двора Нерона, напряженная жизнь столицы мира, необъятность всех императорских учреждений настолько ослепили его, что он подумал, что Римская империя будет вечной и что ей особенно благоприятствует Божественное Провидение. Он не видел скрытой под пурпуром и золотом ужасной болезни, которой была поражена эта великая империя. С этого момента Иосиф Флавий стал ярким приверженцем римского правления.

Преисполненный восторженного восхищения Римом, он, должно быть, по возвращении нашел пропорции Иудеи скромными и ничтожными. Как саркастически, должно быть, улыбался он диким жестам неистовых zelотов, мечтавших изгнать римлян из Иудеи! Такое ожидание казалось ему мечтой безумца. Со всем опытом, который он приобрел в своих путешествиях, он пытался разрушить революционные проекты zelотов. Но это было бесполезно; люди настроились на войну, схватились за оружие и подняли восстание. Иосиф Флавий, встревоженный за свою безопасность, укрылся с некоторыми из своих приверженцев в Храме, откуда вышел только после того, как услышал, что более умеренные zelоты под руководством

Елеазара были переданы под контроль. Опасаясь, что его хорошо известные римские наклонности могут сделать его объектом подозрений, он симулировал стремление к национальной свободе, в то же время втайне радуясь перспективе продвижения римского полководца Цестия, который, как считалось, вскоре положит конец этой безумной борьбе за свободу. Но результат обманул все его надежды. Отступление Цестия напоминало поражение.

Необъяснимо, почему Иосифу Флавию, преданному приверженцу Рима, было поручено управление важной провинцией Галилея. Вероятно, его друг, бывший первосвященник Иисус Навин, сын Гамалы, чей голос имел большой вес в Синhedрионе, возможно, настаивал на своих притязаниях, и лицемерие Иосифа Флавия, возможно, заставило окружающих смотреть на него как на зелота. Но, в любом случае, героическое поведение повстанцев и победа, которую они одержали над армией Цестия, не могли не произвести на Иосифа Флавия, как и на других простых и прозаичных иудеев, сильного впечатления. Полное отделение от Римской империи казалось ему невозможным планом; но он, возможно, надеялся, что удастся добиться от императорского двора каких-то уступок; что, возможно, Иудея будет передана под контроль Агриппы и что ему будет позволено занять пост в Иерусалиме. Для самого Агриппы восстание было не совсем нежелательным, поскольку он надеялся извлечь из него какую-то выгоду, и с помощью Иосифа Флавия он смог действовать так, как не смог бы действовать сам, будучи вассалом Рима. Иосиф Флавий действительно работал на Агриппу, и до сих пор в его поведении не было ничего нечестного или предательского.

Два помощника, Иоасер и Иуда, были посланы Синhedрионом в помощь Иосифу Флавию. Они оба были сведущи в Юриспруденции, и он описал их теперь как чистых и безукоризненных людей, и снова как открытых для взяточничества. Но они были совершенно неважны и вскоре исчезли с места событий. Поначалу Иосиф Флавий, по-видимому, стремился усилить революционный пыл галилеян. Он создал своего рода Синhedрион, состоящий из семидесяти известных людей, по образцу великого совета в Тверии. Он назначил по семь судей в каждом городе и блюстителей закона в разных частях Галилеи. Он собрал армию в сто тысяч человек, вооружил и обучил их в соответствии с римской системой и привил своим солдатам порядок и дисциплину - качества, необходимые для нации воинов, но менее важные для народа, стремящегося к свободе. Он даже создал кавалерийский корпус и содержал его из собственных средств. Он окружил себя телохранителями из пятисот наемников, которые были дисциплинированы и подчинялись знаку своего хозяина. Он начал укреплять ряд городов в Верхней и Нижней Галилее; и снабдил их провизией. Таким образом, он серьезно обдумывал защиту своей провинции от Рима. По прибытии в Галилею, либо вдохновленный Синhedрионом, либо движимый собственным рвением, Иосиф Флавий довел свое религиозное рвение до такой степени, что приказал разрушить дворец, в котором жил его предок Ирод во времена Августа, где поклонялись изображениям животных в прямое нарушение Закона. Чтобы осуществить этот замысел, он пригласил самых выдающихся людей Тверии встретиться с ним в Вифмаоне, но во время их обсуждения Иисус бен Сапфия поджег дворец и разделил добычу между своими последователями. Это вызвало недовольство Иосифа Флавия, который поспешил в город Тивериаду и, собрав то, что осталось от награбленного, передал его на хранение офицерам царя Агриппы.

Особенно отвратительным для Иосифа Флавия был Иоанн из Гисхалы; его неутомимой энергии и интеллектуального превосходства было достаточно, чтобы пробудить зависть первого, хотя Иосиф Флавий, как представитель Синhedриона, занимал более высокое положение из них

двоих. Он приложил все усилия, чтобы воздвигнуть препятствия на пути патриота. Таким образом, Иоанну сначала не разрешили увезти и продать большое количество зерна, хранившегося римлянами в Верхней Галилее, продажа которого должна была позволить ему завершить укрепление своего собственного города. Иоасер и Иуда в конце концов добились от Иосифа Флавия необходимого разрешения. Именно в этот момент Иоанн Гишальский с болью осознал двуличие губернатора, которое в будущем он решил поставить в тупик. Некие юноши из деревни под названием Дабаритта, недалеко от горы Фавор, подстерегли и ограбили жену одного из царских агентов, которая путешествовала по стране, и привезли драгоценные металлы и богатые одежды, которые они отобрали у нее, Иосифу Флавию, находившемуся тогда в Тарихее. Из слишком большого уважения к царю Иосиф Флавий обязался вернуть ему эту добычу, в то же время ложно притворившись, что отправил ее в Иерусалим для государственной казны. Жители соседних деревень, возмущенные известием о предательстве Иосифа Флавия, толпами собрались в Тарихее. Их возглавлял Иисус бен Сапфия, который пришел со священной Книгой Закона в руке, призывая людей, если не ради них самих, то, по крайней мере, ради чести их священных писаний, наказать предателя. Дом Иосифа Флавия был окружен на рассвете разъяренной толпой, которая сожгла бы его дотла у него на голове, если бы он не спас себя одной из своих хитроумных лжи. Он разорвал на себе одежду, посыпал голову пеплом, повесил на шею меч и появился в качестве просителя на арене Таричеи. Как только ему удалось добиться слушания, он заставил тарихейцев поверить, что он хранит добычу не для использования Агриппой или в интересах Иерусалима, а для того, чтобы дать ему возможность укрепить стены их собственного города. Легковерные тарихийцы, которые с готовностью поверили этому объяснению, теперь заявили, что поддерживают Иосифа Флавия, и обратили свое оружие против недовольных чужеземцев. Губернатор тем временем, под прикрытием суматохи, прокрался обратно в свой собственный дом, где, однако, вскоре был разбужен несколькими сотнями разъяренной толпы (не тарихийцев), которые были совершенно несговорчивы и намеревались разрушить его жилище. Ничуть не обескураженный, Иосиф Флавий появился на крыше и попросил главарей банды войти и объяснить ему какую-нибудь причину их поведения. Мужчины позволили соблазнить себя в дверях, после чего их немедленно схватили, жестоко выпороли, искалечили, а затем бросили на растерзание своим последователям, которые, решив, что у Иосифа Флавия, должно быть, внутри скрыта какая-то скрытая сила людей, в ужасе удалились. С этого момента пришлось оставить всякую надежду на мужественную защиту Галилеи. Иосиф Флавий был подобен демону раздора, на долю которого выпала задача поддерживать дух согласия среди людей. Галилея разделилась на две партии: одна состояла из более умеренных жителей этой провинции, которые были приверженцами губернатора, другая состояла из пламенных патриотов, которые больше не могли сомневаться в его двуличии и выбрали Иоанна своим лидером. Два лидера искренне ненавидели друг друга, но равнялись друг другу в хитрости и лицемерии.

Когда Иоанну стало известно, что у большинства галилеян сложилось впечатление, что Иосиф Флавий был правдивым и надежным человеком, и они поддерживают его всеми силами, он послал своего брата Симона с сотней избранных последователей в Синагогу в Иерусалиме, чтобы подать жалобу на правителя, умоляя Великий Совет отозвать его со своего поста. Президент Синхедриона Симон бен Гамалиил, который был другом Иоанна и который полностью дискредитировал искренность Иосифа Флавия, а также Анан, бывший первосвященник, поддержали это обвинение и постановили отправить в Галилею четырех посланников с приказом, чтобы Иосиф Флавий сложил свои полномочия и чтобы они были

наделены полномочиями доставить его, живого или мертвого, в Иерусалим. Более крупные общины Тверии, Сепфориса и Габары получили от Синhedриона указание не оказывать никакой защиты Иосифу Флавию, который был врагом своей страны, но поддержать Иоанна из Гисхалы вместо него.

Иосиф Флавий снова оказался в большой опасности. Но, как обычно, он спас себя благодаря собственному остроумию и хитрой политике. С одной стороны, он не хотел отказываться от поста, который стал ему дорог; а с другой, он не хотел нарушать приказы Синhedриона. Как только постановления Великого Совета стали известны ему через его отца, который жил в Иерусалиме, он принял свои меры предосторожности. Он притворился, что активно готовится к восстанию против Рима, и озадачил послов уклончивыми ответами, которые дал им, заверив их со смиренным видом, когда они приказали ему немедленно отбыть в Иерусалим, что он более чем готов сложить с себя полномочия. Но все это время он разжигал в галилеянах ненависть к посланникам, которые, путешествуя из одного города в другой, обнаруживали, что они не продвигают свою миссию, а, напротив, часто подвергаются опасности грубого обращения со стороны друзей Иосифа. Устав от этого бесполезного путешествия, послы, по совету Иоанна из Гисхалы, разослали тайных гонцов по всей Галилее, объявляя Иосифа Флавия вне закона. Предатель сообщил об этой резолюции губернатору. С энергией, достойной лучшего применения, Иосиф Флавий послал свои войска охранять проходы, ведущие из галилейских городов в Иерусалим, и приказал схватить гонцов и привести к нему. Затем Он призвал всех своих преданных последователей (которые стекались со всех маленьких городов и деревень Галилеи) предстать перед ним вооруженными и сказал им, что он стал жертвой дьявольского заговора. Этого было достаточно, чтобы привести их в неистовство, и они разорвали бы послов на куски, если бы Иосиф Флавий с удивительно напускным великодушием не утихомирил их гнев. Затем он послал за несколькими самыми простодушными и доверчивыми людьми своей провинции, которых легко убедил отправиться в Иерусалим, чтобы там восхвалять свое правительство, умолять Синhedрион оставить их любимого губернатора на его посту и отозвать ненавистных посланников.

Между тем эти последние, обнаружив, что они ничего не могут добиться в Верхней Галилее, ушли из этой части провинции и появились в Тверии. Но Иосиф Флавий был там раньше них, готовый расстроить все их планы. В своей крайней досаде и замешательстве они повелели людям соблюдать день поста и смирения, когда должны были возноситься молитвы о Божественной помощи, без которой никакое земное оружие не было бессильно. Люди откликнулись на этот призыв, собравшись в большом количестве на арене Тверии, месте, способном вместить многие тысячи человек. Хотя предполагалось, что все они были безоружны, Иосифу Флавию и его солдатам удалось спрятать оружие под плащами. За молитвами о Божественной помощи последовали гневные дискуссии; наконец слова уступили место действиям, и последователи Иосифа Флавия, обнажив оружие, яростно бросились на его врагов. Население встало на сторону Иосифа Флавия, который в очередной раз был спасен от смертельной опасности. Тем временем галилейские посланники, отправленные в Иерусалим, произвели на Иосифа Флавия в этом городе настолько благоприятное впечатление, что послы были отозваны, а губернатор восстановлен на своем официальном посту. Иосиф Флавий отомстил своим врагам, отправив послов обратно в Иерусалим в цепях, таким образом, отнесшись к Синhedриону с презрением.

Но пока он сеял гражданскую войну в Галилее, презрение к Синхедриону, разобщение среди патриотов, пока он призывал важный город Тверию к восстанию, столица Галилеи Сепфорис с ее римскими наклонностями имела достаточно времени, чтобы сделать предложения Империи. Иосиф Флавий должен нести вечное поношение за то, что лишил власти и разрушил единственный мощный оплот Иудеи, энергичную и воинственную Галилею, и этого он добился благодаря нерешительности, эгоизму, отсутствию такта и, прежде всего, своему необычайному двуличию. Он, конечно, укрепил некоторые крепости, или, скорее, он не препятствовал этому их гарнизонам, но когда римляне появились на земле, они не нашли ни армии, ни нации, которые могли бы противостоять им. Каждая крепость должна была полагаться на свои собственные ресурсы. Галилеяне, не доверявшие своему лидеру и измученные постоянными раздорами, становились своекорыстными, если не сказать трусливыми.

Нам действительно было бы трудно поверить в многочисленные зарегистрированные случаи коварства и двуличия со стороны Иосифа Флавия, если бы он сам не останавливался на них с беспримерным бесстыдством. Все, что было приобретено во время четырехмесячного восстания в Иерусалиме, было потеряно в течение пяти роковых месяцев его наместничества в Галилее (с ноября 66 года по март 67-го), и это было еще до того, как враг даже угрожал появиться, поскольку римляне в то время бездействовали в Иудее. Император Нерон добивался расположения народа в Греции, появляясь на арене в качестве певца, игрока и возничего. Пока он был занят этими всепоглощающими занятиями, на него подобно удару грома обрушилась весть о восстании в Иудее и поражении римской армии под командованием Цестия. Нерон трепетал, ибо революция в Иудее могла стать предвестницей серьезных событий. Затем императору сообщили о смерти его генерала Цестия, и никто не мог сказать, умер ли он естественной смертью или умер с разбитым сердцем из-за своего поражения.

Нерон выбрал своим преемником Флавия Веспасиана, который снискал себе лавры, сражаясь против бриттов, и который был известен как один из самых способных полководцев своего времени. Но столь велика была тревога по поводу иудейского восстания и его возможных последствий, что Лициний Муциан был избран специальным губернатором Сирии и получил приказ подавлять все опасные симптомы недовольства, которые могли появиться среди парфян. В то время Веспасиан не пользовался благосклонностью императора, и Нерон предпочел бы отдать свой пост какому-нибудь другому военачальнику; но у императора не было выбора, поскольку способности Веспасиана не вызывали сомнений, а Иудее требовалась сильная рука. Веспасиан выехал из Греции зимой, и начал подготовку к кампании в Птолемаиде. Его сын Тит, который впервые прославился в боях против иудеев, привел из Александрии два легиона, пятый и десятый, тех диких декуманцев, жестокость которых, уже испытанную александрийскими иудеями, теперь впервые почувствовали их палестинские братья. Веспасиана встречали в Птолемаиде все, кто хотел выразить свои дружеские чувства по отношению к римлянам; среди прочих приехал Агриппа со своей сестрой Береникой. Тирийцы обвинили Агриппу в тайном союзе с мятежными иудеями, и поэтому Веспасиан относился к нему с некоторым подозрением; но он шел во главе своих войск как верный подданный, в то время как его прекрасная сестра Береника, все еще красивая, несмотря на то, что прошла первая молодость, пленила сына полководца Тита и держала его в рабстве долгие годы.

Армия Веспасиана, состоявшая из римских войск и наемников, насчитывала более 50 000 человек, не считая бесчисленной орды, которая имела обыкновение следовать вслед за армиями. Ранней весной армия была снаряжена, и кампания началась с отправки небольших

отрядов для расчистки пути иудейским разведчикам на дорогах, ведущих к укрепленным местам. Веспасиан, гораздо более благоразумный, чем его предшественник Цестий, вместо того чтобы проявлять большую энергию, вел кампанию от начала до конца с крайней осторожностью, стремясь шаг за шагом выбивать почву из-под ног своих врагов. Иосиф Флавий и его войска медленно, но верно отступали; в открытом бою он часто терпел позорные поражения, потому что его люди не верили в его полководческое мастерство, и его армия буквально таяла при виде врага. Каким иным духом были вдохновлены последователи Иоанна Гишальского! Как только вражеские войска приблизились к Иотапате, жители этого города оказали отчаянное сопротивление, и хотя они не могли прорваться сквозь сомкнутые ряды римлян, они сражались так храбро, что обратили авангард в бегство.

Веспасиан решил подчинить себе Галилею, прежде чем повернуть свои войска к столице, и для достижения этой цели он двинулся маршем на крепости Габара и Иотапата на севере этой провинции. Первый, недостаточно укрепленный, вскоре был взят и сожжен. Все население гарнизона было предано мечу, чтобы отомстить за поражение римлян в Иерусалиме. Несчастных жителей всего района постигла та же участь, поскольку они были либо жестоко убиты, либо проданы в рабство. Теперь война превратилась в войну мести и истребления. Но Иосиф Флавий оставался вдали от места действия в своей столице Тверии, которая после его бегства туда наполнилась ужасом.

Иосиф Флавий с радостью перешел бы на сторону врага, но какое-то отдаленное чувство стыда удержало его от этого непростительного шага в начале войны. Он изложил Синхедриону положение своей несчастной провинции, потребовал инструкций относительно своих действий, должен ли он оказывать сопротивление врагу (в этом случае ему потребуется подкрепление) или должен вступить в переговоры с Веспасианом. Провинция Галилея, хотя и была гораздо более густонаселенной, чем Иудея, и насчитывала более трех миллионов душ, теперь уже нуждалась в военной помощи, настолько сильно она была ослаблена неэффективным управлением Иосифа Флавия.

Веспасиан прошел маршем от Габары до Иотапаты, но его войскам пришлось пробиваться с величайшими трудностями, поскольку иудеи попытались перекрыть узкие проходы и сделать дорогу непроходимой. Скала, на которой была построена крепость Джотапата, окружена крутыми и возвышенными холмами, от которых ее отделяют крутые пропасти. Существовал только один практически осуществимый вход в крепость, и он находился с северной стороны, но он был надежно защищен высокой стеной, оцетинившейся башнями. На этой стене были собраны все возможные орудия для отражения нападения врага: огромные куски скалы, пращи для метания камней, луки и стрелы, а также бесчисленное множество видов оружия. Против этого единственного подхода были направлены все усилия римлян. Они противостояли ему с помощью шестидесяти штурмовых машин, из которых одним непрерывным залпом сыпались копья, камни и пращи, содержащие воспламеняющееся вещество. Но осажденные сражались с таким ожесточением и с таким холодным презрением к смерти, что даже римляне устали. Галилеяне не только отражали атаки штурмующих отрядов и часто уничтожали их технику, но и совершали успешные вылазки. Осада длилась более сорока дней, когда, наконец, благодаря предательству галилеянина крепость пала. Таким образом, римляне смогли застать осажденных врасплох на рассвете, когда те напали на измученных часовых, а затем предали гарнизон мечу. Однако многие из их преданных жертв, вместо того чтобы попасть в руки своих ужасных противников, искали смерти, бросаясь со стен или падая на собственное оружие. В этой осаде

погибло сорок тысяч человек, более тысячи женщин и детей были проданы в рабство, а крепость была стерта с лица земли. Но Джотапата показала своей несчастной стране, как пасть с честью и славой. Несколькими днями ранее была взята Джафия, ее мужчины, как старые, так и молодые, убиты, а женщины и дети проданы в рабство.

Иосиф Флавий действительно находился в стенах крепости Иотапата на протяжении всей осады. Он прибыл из Тверии при первых известиях о приближении врага и встал во главе гарнизона. Но, достаточно верно предвидя, что всякое сопротивление в конечном итоге окажется безнадежным, он попытался покинуть свой народ, и только осажденные помешали ему сделать это. Когда римляне вошли в крепость, Иосиф Флавий попытался укрыться в огромной цистерне, в тайнике которой он нашел сорок своих собственных солдат. Когда их отступление было обнаружено, Иосифу Флавию предложили сдаться римлянам. Это в точности совпадало с его собственными желаниями, поскольку его личность должна была быть защищена; но его товарищи, приставив свои мечи к его груди, поклялись, что скорее позволят ему опозорить иудеев своей трусостью, чем немедленно лишат его жизни. Полностью зависящий от их милости, он согласился на их предложение, чтобы все они умерли на месте. Каждый солдат поклялся, что он падет от руки одного из своих товарищей, и каждый в свою очередь пал героически. Но Иосиф Флавий нарушил свое слово, данное мертвым, так же, как он нарушил его живым. Поскольку он и его товарищ были единственными выжившими, ему удалось, частично путем убеждения, частично силой, обезоружить своего товарища и сдаться в руки римлян. Веспасиан обращался с ним с чрезвычайной вежливостью, как будто никогда не смотрел на него как на врага. Хотя он имел вид пленника, ему было позволено носить почетное одеяние. Веспасиан осыпал его подарками, Тит был его постоянным спутником, и ему было разрешено выбрать жену из пленных девушек.

Вскоре настала очередь Иоппии пасть перед завоевателями, за ней последовали Яфа и Иотапата, в то время как жители Тивериады, совершенно обескураженные поведением Иосифа Флавия, вскоре открыли ворота своего города римлянам.

Таким образом, через год после восстания в Иерусалиме большая часть провинции Галилея, которая защищалась со всем пылом патриотизма, со всем рвением свободной страны и со всем энтузиазмом своей веры, была разорена, обезлюдела и более основательно, чем когда-либо, подчинилась своим завоевателям.

Именно в этом случае Агриппа доказал, что на его поведение по отношению к иудеям повлиял не только его страх перед римлянами. Ибо Веспасиан предоставил ему свободный контроль над ними в его собственной провинции, и он предпочел продать этих несчастных людей в плен, хотя мог бы либо наказать их, либо даровать им свободу.

Галилейские zeloty владели только тремя укрепленными местами — Гамалой, горой Фавор и Гисхалой - на крайнем севере. Джозеф из Гамалы и Чарес были лидерами повстанцев в Гамале. Напрасно один из офицеров Агриппы осаждал это место в течение нескольких месяцев; zeloty держались, пока, наконец, Веспасиан со своим войском не подошел к крепости. История осады представляет собой одну из самых героических страниц во всем повествовании о войне. В течение многих дней осажденные сражались со своих стен способом, достойным первого великого zelota Иуды. По прошествии трех недель римские тараны пробили брешь в стенах, через которую проник враг. Когда осажденные отступили, нападавшие последовали за ними в лабиринт узких улочек и оказались внезапно атакованными с крыш домов. Римляне пытались

спастись, взобравшись на несколько домов с низкими крышами, но они были слишком слабы, чтобы выдержать их вес, и обвалились, похоронив людей под своими руинами. Затем осажденные схватили огромные камни — так сказать, весь их город — и обрушили их на головы своих врагов, так что бегство стало невозможным.

Эта победа, пришедшаяся на Праздник Кущей, была славным днем для жителей Гамалы; но она была дорого куплена, ибо трупы римлян лежали поверх тел многих иудейских воинов, которых вряд ли можно было пощадить. Чарес, один из их лидеров, был смертельно ранен. Наконец римляне, тайно заминировав одну из укрепленных башен, предприняли ложную атаку на нее; иудеи бросились к зубчатым стенам и готовились к обороне, когда стены не выдержали и рухнули со страшным грохотом, погребая под собой осажденных, среди которых был единственный оставшийся в живых вождь, Иосиф, сын повивальной бабки. Осада была практически закончена, потому что римляне хлынули внутрь и убивали каждого встречного. Почти пять тысяч человек погибли от своих рук; из всего населения Гамалы остались только две девушки.

Тем временем крепость гора Фавор была взята стратегом Плацидом. Она стояла изолированно на почти отвесной высоте, возвышаясь на тысячу шестьсот футов над равниной Изреель. Со своей позиции он был непобедим. Но Плацид выманил большую часть гарнизона из крепости притворным бегством. Когда преследователи были совсем близко от него, его кавалерия развернулась и бросилась на несчастных иудеев, из которых несколько человек бежали в Иерусалим, в то время как ослабленная крепость открыла свои ворота врагу.

Небольшой город Гишала, гарнизон которого состоял из очень небольшого числа людей под предводительством Иоанна, вряд ли смог бы выстоять против римлян. При приближении Тита Иоанн попросил о двадцатичетырехчасовом перемирии перед капитуляцией своей крепости, якобы для того, чтобы сохранить святость субботы. С молчаливого согласия римского полководца он бежал из города в сопровождении многих тысяч своих людей. На следующий день Гишала капитулировала, ее ворота были распахнуты настежь, а стены разрушены до основания. Но, возмущенный поведением иудейского вождя, Тит приказал горячо преследовать его. Иоанну, однако, удалось добраться до Иерусалима с остатками своей армии, в то время как множество беглецов обоего пола и всех возрастов были схвачены и перебиты римскими солдатами. Это была последняя смертельная схватка осажденной Галилеи. Но римляне были так основательно измотаны этими отчаянными столкновениями, а их ряды так сильно поредели в результате длительной войны, что Веспасиану пришлось объявить перемирие.

ГЛАВА XI. РАЗРУШЕНИЕ ИУДЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Беглецы из Галилеи в Иерусалиме—Состояние столицы—Внутренние распри—Идумеяне—Елеазар бен Симон, Иоанн из Гисхалы и Симон Бар-Гиора—Ход войны—Дела в Риме—Веспасиан провозгласил императора—Осада Иерусалима Титом—Героическая оборона—

Массовый голод—Падение крепости Антония—Сожжение Храма—Разрушение города—Количество убитых.

67-70 гг. н. э.

Иерусалим был местом сбора всех галилейских беглецов. Туда Иоанн Гисхальский привел многие тысячи людей, и многие бежали из Тверии; там, где должен был пасть последний удар судьбы нации, патриотизм, честолюбие, месть и отчаяние были должным образом представлены. Пламенный рассказ галилейских zelотов об их отчаянном сопротивлении римскому оружию и об истреблении слабых и беззащитных солдатами Тита всколыхнул кровь жителей Иерусалима. Отчаявшиеся черпали новое мужество, а бесстрашные - еще больший пыл в словах этих энтузиастов. Защитники своей страны, ежедневно увеличивающиеся числом и героические как на деле, так и на словах, считали себя непобедимыми. Когда zelоты посмотрели на крепости своей столицы, последняя тень тревоги растаяла. Римляне, заявляли они, должны иметь крылья, чтобы взять эти стены и эти башни, защитниками которых были люди с железным сердцем. Если бы Риму не стоило отчаянной борьбы завоевать Галилею, чего тогда было бояться сильно укрепленной столице? Это измученное состояние иудеев стимулировалось их горячей верой в то, что messiанский период, так давно предсказанный пророками, действительно наступает, когда все остальные нации земли будут переданы под власть Израиля. Несмотря на потерю Галилеи и ее храбрых защитников, были отчеканены монеты с надписью: "В первый или второй год освобождения Израиля", а на обратной стороне: "Симон, князь Израиля". Но zelоты были охвачены пагубной самоуверенностью, почти такой же опасной для их дела, как предательство Иосифа Флавия и завоевание Галилеи.

Никогда Иерусалим не был таким многолюдным, таким красивым и таким сильным, как в тот момент, когда он был обречен на разрушение; это было так, словно ей предстояло усвоить горький урок о том, что от внешней силы и внешней славы мало толку. Внутри укреплений окрестность Иерусалима составляла почти одну географическую милю, охватывая пригороды Вифании и Виффагии, где находили убежище верующие, трижды в год приходившие в святой город. Трудно подсчитать точное население Иерусалима. Из одного источника мы узнаем, что в нем проживало шестьсот тысяч душ; но тогда мы должны дополнительно принять во внимание количество людей, которые хлынули в город в поисках защиты.

Zелотам не удалось передать свой энтузиазм жителям провинциальных городов; многие из самых богатых и проникательных, не видя никакой возможной выгоды для себя в продолжении войны, были готовы капитулировать. Таким образом, только очень молодые люди без светского положения посвящали себя делу революционеров. Каждая община, каждая семья были разделены между собой, одни требовали войны, а другие - мира; но поскольку у первых не было точки соприкосновения в их собственных городах, все они искали единомышленников в Иерусалиме и увеличивали число zelотов в этом городе. Одна только крепость Масада, которой командовал Элеазар бен Джаир, была рассадником повстанцев; это был Иерусалим сикариев, которые были укреплены под руководством Симона Бар-Гиоры. Этот человек, которому предстояло сыграть ведущую роль в войне, отличался замечательной физической силой и безрассудной храбростью - качеством, которое не покидало его до последнего вздоха. При бегстве римских войск под командованием Цестия он последовал в числе самых первых по пятам за беглецами. Затем он собрал вокруг себя несколько вольнонаемных и вел дикий образ жизни по соседству с Мертвым морем, а именно в Акрабаттине. Когда жители этого района

пожаловались в Иерусалим, что он угрожает их безопасности, умеренная партия zelотов направила против него отряд, вынудив его укрыться в Масаде. Именно отсюда он и сикарии предпринимали вооруженные экспедиции в Идумею с целью разведения крупного рогатого скота и добычи фуража. Это побудило идумеян нанести ответный удар, противопоставив его войску большую армию численностью в двадцать тысяч человек. Эти соперничающие хозяева превзошли друг друга в патриотизме, яростной храбрости и безрассудстве.

Поток патриотов, ежедневно вливавшийся в Иерусалим, раздувал возбуждение и воинственную энергию жителей, озлобленных двуличием и дезертирством Иосифа Флавия. Ибо, пока иудеи верили, что он похоронен под развалинами Иотапаты, его имя упоминалось с благоговением, но как только распространилась весть о том, что он находится в римском лагере и что римские военачальники относятся к нему с уважением, их чувство жалости сменилось яростной ненавистью. Ультразилоты были полны подозрительности и недоверия и смотрели на всех, кто не одобрял крайние меры, как на предателей дела.

Элеазер бен Симон, лидер zelотов и человек большой проницательности, питал особое чувство ненависти к Синхедриону, организации, которая обрекла его, доблестного и честлюбивого патриота, каким бы он ни был, на жизнь в бездействии. А кто председательствовал в Синхедрионе? Друг и избранный соратник Иосифа Флавия, Джошуа бен Гамала, который не пытался сместить губернатора Галилеи, даже когда его двуличие было ясно доказано. А кто был казначеем? Антипа, иродианин, близкий родственник царя Агриппы. Разве не было более чем вероятно, что синхедрион и иродиане распахнут ворота своего города при приближении римлян? Это было преобладающее чувство zelотов, и они считали себя достаточно сильными, чтобы взять правительство в свои руки и отчаянными усилиями вести войну без помех.

Неудивительно, что изо дня в день чувство вражды между zelотами и более умеренными синхедристами усиливалось, поскольку это была война не на жизнь, а на смерть, в которую они были вовлечены. Ситуация была доведена до кризиса тем, что zelоты напали на тех людей, чьи отношения к королевскому дому и чьи сомнительные мнения, казалось, выдавали в них тайных заговорщиков, и заключили их в тюрьму. Но они не остановились на этом шаге. Они понизили в должности тех, кто принадлежал к семье первосвященника, и заменили их представителями, выбранными из народа. Они решили лишить первосвященника его должности (в последние годы римляне держали присвоение этого сана в своих руках) и возвести в этот высокий сан неизвестного священника по имени Финеас бен Самуил из города Афты. О Финеасе говорили, вероятно, чтобы принизить его, что изначально он был каменщиком или земледельцем. Zelоты с должной торжественностью вывели его из его домашнего окружения, облачили в священнические одежды, и его богатые друзья оказали материальную помощь в поддержании достоинства его государства, в то время как Матиас бен Теофил, который был избран первосвященником Агриппой, был низложен. Синхедристы, лидеры которых принадлежали главным образом к первосвященству и которые рассматривали назначение Финеаса как оскорбление их священного призвания, были вне себя от негодования по поводу этого шага. Анан, чья смелость речи и огромное богатство обеспечили ему видное положение в Синхедрионе, побудил жителей Иерусалима взбунтоваться и с мечом в руке напасть на zelотов, и так началась гражданская война. Умеренная партия, которая была численно сильнее, шаг за шагом вытесняла своих противников из каждого района города вплоть до Храмовой горы, где они вынудили их укрыться за второй стеной цитадели. Тем временем распространился слух, что Анан призвал на помощь римского полководца. Этого было достаточно, чтобы Иоанн

Гисхальский со своими войсками подошел к воротам столицы. Двадцать тысяч идумеян, людей, которые радовались обращению к безрассудным и свирепым воинам, под предводительством Иоанна, Симона, Финееса и Иакова, также предстали перед Иерусалимом, готовые обнажить свои мечи в пользу zelотов, которые были осаждены в Храме. Анан подготовился к штурму, заперев ворота и удвоив число часовых. Но следующей ночью его войска охватила паника. Ужасающая буря с громом, молниями и проливным дождем бушевала над Иерусалимом. Идумеяне, люди смелые и выносливые по натуре, не отступили со своих позиций, но многие часовые на стенах искали убежища от буйства стихии и покинули свои посты. Вечно бдительные zelоты, находившиеся внутри укреплений, таким образом, смогли связаться со своими идумеянскими союзниками и обеспечить их проникновение. Осаждающие бросились на некоторых из ничего не подозревающих часовых, в то время как zelоты одолели других. Горожан призвали к оружию, и последовала ужасная битва. Умеренная партия в отчаянии сложила оружие, когда идумеи, хлынувшие в город, перебили всех, кого они подозревали в дружбе с Ананом. Утреннее солнце осветило отвратительную массу трупов, ибо в городе было найдено более 8000 трупов.

Теперь zelоты были победителями, и началось их царство террора. Они предали суду, не без некоторой демонстрации справедливости, а затем казнили всех лиц, подозреваемых в причастности к заговору. Анан и Джошуа бен Гамала неизбежно были среди жертв, и горечь, которую испытывали по отношению к ним, была настолько велика, что их непогребенные тела были брошены собакам. Синхедрион, естественно, прекратил свое существование, так как многие из его членов были казнены; но новый Синхедрион, по-видимому, был создан zelотами, уже не из аристократических и первосвященнических элементов, а скорее из демократического ордена, также насчитывающего семьдесят членов.

Zelоты так же искренне не любили идумеян, как и умеренная партия, и многих из них вежливо убедили уйти из Иерусалима. Тем временем царство террора продолжалось, и среди других пал Нигер, герой из Переи, вероятно, потому, что он поддержал синхедристов. Фактически, этот единственный случай подтверждает общее правило, согласно которому каждая революция пожирает своих зачинщиков. Ибо Нигер был одним из тех, кто напряг все силы, чтобы поддержать первое восстание среди иудеев, и его смерть легла пятном на правление zelотов. Чтобы положить конец анархии, последовавшей за свержением Синхедриона, Иоанн из Гисхалы смело бросился в первые ряды и был горячо поддержан галилейскими беглецами. Его героическая осанка вскоре обеспечила ему приверженцев среди самых пламенных иудеев, чья преданность самому себе соперничала с преданностью его собственных галилеян. Джон был рожден, чтобы быть лидером людей, ибо он был не только бесстрашен как командир, но и превосходил других в пронырливости и плодовитости изобретательности. Это превосходство, естественно, пробудило зависть лидеров zelотов в Иерусалиме, которые немало боялись, что он станет единоличным диктатором и законодателем.

Тем временем римляне сохраняли абсолютное спокойствие. Веспасиан был слишком благоразумен, чтобы напасть на льва в его логове, несмотря на неоднократные заверения его последователей в том, что завоевание Иерусалима будет легкой задачей. Он предпочел подождать, пока иудеи, ослабленные внутренними раздорами, не окажутся полностью в его власти. Его войска, проведя бездейственную зиму (67-68 гг.), весной начали новую кампанию против Переи и многих отдаленных частей Иудеи, где тысячи людей были убиты в упорных и тяжелых боях. Веспасиан вернулся в Кесарию в конце этой кампании и на два года оставил

Иерусалим нетронутым. На этот путь его подтолкнули два разных события: новая вспышка гражданской войны в Иерусалиме, смерть Нерона и тот факт, что испанский и галльский легионы выбрали и с триумфом возвели на престол его преемника.

Беззаконный Симон Бар-Гиора, разжегший войну в Иерусалиме, не мог успокоиться в Масаде, где его приняли сикарии, ибо он был честолюбив и рвался к действию. Таким образом, он покинул крепость и, собрав некоторое количество рабов, которым пообещал свободу и добычу, предстал перед Иерусалимом, готовый сыграть важную роль в войне. Но zeloty боялись его и хотели сделать его бессильным. Они не осмелились встретиться с ним в открытом бою, потому что он уже был их победителем; поэтому они ждали в засаде и взяли в плен его жену и нескольких его солдат, надеясь сокрушить его этим трусливым поступком. Но Бар-Гиора был суровым воином и в отместку набросился на беззащитных иудеев, которые отважились выйти за стены, чтобы раздобыть самое необходимое для жизни. Иудеи, встревоженные этой местью, отослали обратно его жену, в то время как Бар-Гиора был более чем когда-либо полон решимости стать хозяином столицы. День и ночь он ждал и высматривал какой-нибудь способ проникнуть внутрь и, наконец, получил то, что хотел, через партию аристократов.

Несмотря на потерю своих самых выдающихся людей, эта партия на самом деле не прекратила свое существование, а тайно работала над уничтожением власти zelotov. Во главе их стоял первосвященник Матиас, сын Боэта, и другие представители знатных жреческих родов. Они знали, как привлечь на свою сторону многих жителей, которые не могли покинуть город и боялись последствий гражданской войны. В союзе с идумеянами они внезапно предприняли хорошо направленную атаку на zelotov, над которыми они получили сигнал, но лишь кратковременное преимущество, поскольку, оправившись от этого поражения, zeloty собрались на Храмовой горе и приготовились смело выступить перед своими противниками. Последний, сильно расстроенный, обратился за помощью к Бар-Гиоре, и таким образом роковой раскол произошел у самых стен Иерусалима.

С приходом этого командира началась гражданская война в ее самой ужасной форме. Бар-Гиора приказал своим последователям окружить гору Храма, где окопались zeloty. Из галерей и с крыш осажденные могли не только защищаться, но и давать отпор нападавшим. Несмотря на свое нетерпение, Бар-Гиора был вынужден отступить и занять более безопасную позицию в городе.

Веспасиан, который был в курсе всех этих передвижений, спокойно выжидал, убежденный, что проигрывающая сторона рано или поздно потребует его помощи, и что тогда победа будет легкой. В силу различных обстоятельств он чувствовал себя не в состоянии вести долгую и трудную осаду, но был склонен скорее держать руки свободными для последней схватки. Нерон закончил свою позорную жизнь позорной смертью (68), и Гальба, сменивший его на посту императора, держал бразды правления старой и дрожащей хваткой. Старый и бездетный, он должен был подумать о выборе преемника. В это критическое время, когда каждый день был сопряжен с каким-нибудь важным событием, Веспасиан не считал благоразумным посвящать себя осаде Иерусалима. Он придерживался выжидательной, бдительной политики и отправил своего сына Тита с царем Агриппой в Рим, чтобы встретить нового императора и, как говорили люди, быть усыновленным им как наследник своей огромной империи. Но когда Тит, прибыв в Коринф, услышал, что Гальба был убит (5 января 69 г.) и что легионы избрали двух императоров вместо него — Отону в Риме и Вителлию в Нижней Германии, он поспешил обратно в Иудею, не

только воодушевленный тайной надеждой увидеть своего отца возведенным в императоры в надвигающейся всеобщей неразберихе, но и привлеченный мощным магнитом, прекрасной принцессой Береникой, которая, несмотря на то, что жила по ортодоксальным иудейским обычаям, не колеблясь вела активную политику. интрига с язычником Титом. Отон мог удерживать пурпур только в течение ста дней, по истечении которых он оказался вынужден сражаться против Вителлия, которого германские легионы носили на своих щитах, чтобы показать испанским легионам, что они наиболее приспособлены для выбора и возведения на престол императора. Они также хотели показать, что император не обязательно обязан своим избранием только Риму и преторианской гвардии, но должен быть выбором также легионов в провинциях. Армия Вителлия одержала победу, и Отон, после храброго сопротивления, пал от собственной руки. Тем временем Веспасиан мечтал о том моменте, когда ему следует облачиться в запятнанную императорскую мантию, но он колебался, прежде чем привести свой план в исполнение. Он хотел, чтобы его довели до этого. Отчасти он боялся Лициния Муциана, наместника Сирии, который командовал большим количеством легионов, чем он, и с которым он был не в очень дружеских отношениях. Но сын Веспасиана Тит, который не скрывал своих амбиций, убедил Муциана убедить своего отца позволить провозгласить себя императором. Также было абсолютно необходимо заручиться поддержкой Тиберия Александра, сына Алабарха и губернатора важнейшей провинции - Египта. Этот ход в большой игре был сделан рукой женщины. Принцесса Береника была подругой египетского правителя и продвигала избрание императора как сердечное дело. Любовь Тита к ней была так открыто признана, что весь ее двор был убежден, что он обещал ей брак. Поэтому не было ничего противоестественного в том, что она использовала все средства, подсказанные ее воображением и ставшие возможными благодаря ее личному обаянию, для достижения этой цели. Самым важным шагом было заручиться поддержкой Тиберия Александра для Веспасиана, и в этом она превосходно преуспела. Правитель Египта откликнулся на ее призыв, заставив свои легионы присягнуть на верность тому, кого они теперь называли императором. Несколькими днями позже легионы, расквартированные в Иудее, и сирийские войска под командованием Муциана также присягнули на верность Веспасиану. Обладания желанным пурпуром было достаточно, чтобы заставить Веспасиана на время забыть о завоевании Иудеи. В сопровождении своего сына Тита он отправился в Египет, где они получили известие о смерти Вителлия (декабрь 69 г.), событии, вызвавшем лишь презрительное отношение его народа.

И как Иерусалим провел два мирных года, которые даровал ему Веспасиан? Изначально в городе было четыре отдельные группировки, не считая более умеренных. Это были иерусалимские zeloty под командованием Элеазара бен Симона и Симона бен Эзрона, состоявшие всего из двух тысяч четырехсот человек, галилейские zeloty под командованием Иоанна, насчитывавшие шесть тысяч вооруженных человек, симонисты и сикарии, превосходившие численностью остальных своей армией в десять тысяч человек, и идумеяне под командованием Иакова бен Сосы и Симона бен Катлы, отряд в пять тысяч человек. Эти двадцать четыре тысячи героических патриотов могли бы проявить свою доблесть в одном решающем сражении, если бы действовали согласованно. Но ни один из их лидеров не был способен пожертвовать своими собственными амбициями ради общего блага. Последователи Элеазара претендовали на первенство на том основании, что они были уроженцами Иерусалима и тем самым дали первый импульс движению. Иоанн настаивал на своем превосходстве из-за своей быстроты восприятия и готовности к действию, и Симон чувствовал месть по отношению к zelotам, которые посмели подавить его беспорядки. Члены четырех

различных фракций постоянно встречались и сражались на улицах, давая врагу время и возможность опустошить окружающую страну; ибо было почти наверняка, что ни одна фракция не осмелится выступить против римлян, и в равной степени было очевидно, что четыре фракции не объединятся с оружием в руках против них.

Тит, новый наследник императорского престола, наконец появился перед Иерусалимом (февраль 70 г.), полностью ожидая, что ему удастся принудить город к подчинению; ибо для римлян было почти упреком, что эта мятежная столица сохраняла свою независимость в течение четырех лет. Престиж нового императорского дома, казалось, в какой-то мере зависел от падения Иерусалима; длительная осада неизбежно означала бы ослабление военной мощи Веспасиана и его сына.

Хотя Тит с нетерпением ожидал покорения Иудеи, он не смог завершить свои приготовления к осаде Иерусалима до весны. Он собрал армию численностью не менее восьмидесяти тысяч человек, которые пришли, приведя с собой самое большое количество ударных машин, которые использовались в войне того времени. Трое предателей среди иудеев были наиболее полезны ему в его трудных начинаниях — царь Агриппа, который не только привел отряд людей, но и пытался повлиять на жителей Иерусалима в пользу римлян; Тиберий Александр, который скрепил свое отступничество от иудаизма, вступив в битву против своего собственного народа; и Иосиф Флавий, постоянный спутник Тита, который из пленника стал проводником в стране, которую он так хорошо знал. Тит не был достаточно опытен в военном искусстве и поэтому приказал иудейскому отступнику оставаться на его стороне и дал ему в командование свою собственную телохранительницу (*Præfectus prætorio*). Но враждебные группировки объединились, когда им угрожала эта новая опасность. Незадолго до праздника Пасхи множество преданных людей устремились в Иерусалим, чтобы защитить свой святой город. Старейшины и вожди послали гонцов к людям, живущим в отдаленных провинциях, молясь о помощи, и их просьба не была напрасной. Стены Иерусалима были укреплены сильнее, чем когда-либо.

Наконец Тит собрал свою огромную армию со всех сторон и расположился лагерем в Скопус-Зофиме, к северу от Иерусалима. В первую очередь он призвал жителей сдаться; он требовал только подчинения, признания римского владычества и уплаты налогов. Как бы ему ни хотелось вернуться в Рим, где его ожидали все удовольствия, связанные с его высоким положением, он был готов мягко обойтись с иудеями. Кроме того, его преданность иудейской принцессе, которая, несмотря на свои заблуждения, все еще преданно служила святому городу, заставляла его стремиться уберечь этот город от разрушения. Но иудеи отказались от любых переговоров. Они поклялись защищать свой город ценой своей жизни и слышать не хотели о капитуляции. Затем осада началась всерьез. Все сады и рощи к северу и западу от Иерусалима, которые были первыми объектами атаки, были безжалостно уничтожены.

Тит, стремясь разведать местность, продвинулся с несколькими приверженцами к северной стене, где чудом избежал пленения. Первый ратный подвиг иудеев увенчался успехом и казался добрым предзнаменованием на будущее. Несколько дней спустя они застали врасплох и полностью смутили Десятый легион, который разбивал свои палатки на Елеонской горе. Но, к сожалению, эта стычка оказалась бесплодной, поскольку иудеи всегда были вынуждены отступать в свои крепости, не убедив, однако, римлян в том, что им предстоит столкнуться с отчаянным врагом. Осаждающим удалось разбить свои лагеря с трех сторон города и подвести

свои машины к внешней стене. Тит начал действовать во время праздника Пасхи (март или апрель 70 года), когда он поверил, что иудеи не захотят сражаться. Но как только двигатели были приведены в рабочее состояние, они, как демоны, бросились из своего убежища, разрушая тараны, рассеивая рабочих и внося тревогу и замешательство в ряды врага. В обороне принимали участие не только zeloty, но и все, кто мог носить оружие, причем женщины подавали мужчинам великолепные примеры героизма. Осажденные бросали в нападавших груды камней, лили им на головы кипящее масло, хватали тяжелые метательные снаряды, которые были брошены в город, и превращали их в орудия уничтожения римлян. Но последним удалось починить свои сломанные тараны и после пятнадцатидневного сражения оттеснить иудеев от внешней стены. Эта стена, ставшая ареной отчаянной борьбы, была, наконец, взята римлянами, которые, овладев ею, захватили пригородный город Безета.

Перестрелки теперь продолжались ежедневно и с нарастающим ожесточением. После семнадцати дней неустанного труда римлянам удалось возвести насыпь напротив башни Антонина. Но Иоанн из Гишалы и несколько героических последователей Бар-Гиоры, пробравшись по подземному ходу, уничтожили эти произведения, подожгли их. С постоянно возрастающей опасностью рос героизм осажденных. Все убедительные слова Иосифа Флавия, подсказанные Титом, были бесполезны. Для них оставались открытыми только два пути — победа или смерть. В самом начале осады они поняли, чего им следует ожидать от римлян. Тит, прозванный "Усладой всего человечества", распинал иногда по пятьсот своих пленников в день. И снова он отправлял их обратно в город, отрубив им руки. Однако он был вынужден признать, что осада будет длительной. Но вскоре ему на помощь пришли ужасы голода. Поскольку все выходы из осажденного города и проникновение в него были строго пресечены, среди густонаселенного населения начали заканчиваться запасы провизии. Дома и улицы были заполнены непогребенными трупами, и муки голода, казалось, уничтожили в несчастных выживших всякое чувство жалости. Перспектива — поистине ужасная — затяжной смерти отправила множество дезертиров к римлянам, где их постигла плачевная участь. По мере того как число этих несчастных беглецов увеличивалось, zeloty обращались с теми, кого подозревали в дезертирстве, с еще большей суровостью. Заговор был раскрыт среди последователей Бар-Гиоры, и этот лидер безжалостно покарал виновных смертью. Все они были обезглавлены на виду у римского лагеря, среди них был Матиас Боэт из священнической семьи.

Но, несмотря на бдительность zelotov, они не смогли обойти предателей во всех их замыслах. Те, кто был тайно дружен с Римом, наносили на наконечники своих стрел письменные отчеты о состоянии города, попавшего в лагерь врага. Zeloty мужественно боролись, чтобы помешать римлянам завершить земляные работы, но по прошествии двадцати одного дня тараны снова были направлены на башню Антонина. Стена, окружающая крепость, наконец рухнула под мощными ударами извне. Каково же было удивление и ужас римлян, когда они обнаружили, что позади той, которую им удалось разрушить, была возведена вторая, внутренняя стена. Они тщетно пытались взять его штурмом, иудеи отразили ночную атаку. Битва продолжалась до следующего утра. Примерно в это же время прекратились ежедневные жертвоприношения из-за нехватки животных. Тит снова воспользовался этой возможностью, чтобы призвать осажденных сдаваться, но один только вид переводчика, передавшего послание, вызвал негодование осажденных. Иоанн из Гисхалы ответил, что святой город не может быть разрушен и что Бог держит его судьбу в Своих руках. Затем иудеи отступили к своему последнему опорному пункту - Храму. К священным стенам были приставлены тараны. Несчастные были

вынуждены разрушить колоннады, ведущие к башне Антонина, тем самым отрезав всякую связь с этой крепостью. Они не жалели средств, чтобы утомить римлян, даже подожгли некоторые колонны, пристроенные к Храму, а затем сделали вид, что обращаются в бегство. Эта военная хитрость увенчалась успехом: римляне перелезли через стены, за которыми иудеи устроили засаду, чтобы встретить их, предав мечу или бросив в огонь. Но пожар потушить не удалось, и прекрасная колоннада западной стороны была полностью разрушена.

Тем временем жители города жестоко страдали от голода, который подтачивал их жизнь, стирая все различия между богатыми и бедными и давая волю самым низким страстям. Деньги потеряли свою ценность, ибо на них нельзя было купить хлеб. Люди отчаянно дрались на улицах из-за самой отвратительной еды - горсти соломы, куска кожи или отбросов, брошенных собакам. Богатая Марта, жена первосвященника Иисуса Навина бен Гамалы, у которой было обыкновение ступать по коврам от ее дома до Храма, была обнаружена обыскивающей город, как самая бедная, в поисках кусочка пищи, пусть даже самого отвратительного вида. Как будто ни одной строчке древнего пророчества о гибели Иудеи не суждено было остаться неисполненной, разыгралась ужасная сцена, которая повергла в ужас даже врага. Женщина по имени Мириам, бежавшая из Переи в столицу, на самом деле убила и съела своего собственного ребенка.

Быстро растущее число непогребенных трупов сделало знойный летний воздух чумным, и население стало жертвой болезней, голода и меча. Но армия осажденных продолжала сражаться с несломленным мужеством, они бросились на поле боя, хотя и теряли сознание от голода и были окружены мрачными картинами смерти, так же храбро, как это было в их обычае в первые дни осады. Римляне были поражены непоколебимым героизмом zelотов, их преданностью Святилищу и делу своего народа. Фактически, они стали считать их непобедимыми, и, вдохновленные этой верой, некоторые из них, как было известно, действительно покинули свои цвета и веру и приняли иудаизм, будучи, в свою очередь, убеждены, что святой город никогда не попадет в руки врага. Как ни гордились иудеи этими добровольными прозелитами, в этот высший момент своей истории они вызвались защищать их, насколько могли, от ужасов голода.

Тем временем римляне начали разрушать внешние стены внутренних дворов Храма. В течение шести дней они работали напрасно, а затем попытались починить штурмовые лестницы и штурмовать стены. Но так как они были отбиты с большими человеческими жертвами, Тит отказался от надежды спасти священное здание и приказал своим людям поджечь ворота. Целую ночь и весь следующий день пожар бушевал неистово; затем Тит приказал потушить его и разровнять дорогу для продвижения его легионов. Был срочно созван военный совет, чтобы решить судьбу Святилища. Этот совет состоял из шести главных генералов армии, трое из которых посоветовали разрушить Храм, который, если бы его пощадили, неизбежно остался бы очагом восстания. Тит был против этого решения, отчасти из-за чувств принцессы Береники, и трое членов совета, согласившись со своим лидером, решили захватить Храм, но не разрушать его.

9-го Ава иудеи предприняли еще одну отчаянную вылазку, но были отброшены превосходящими силами осаждающих. Но час гибели города вот-вот должен был пробить, и этот удар оставил эхо, которое будет звучать в грядущих веках. Осажденные предприняли еще одну яростную атаку на своих врагов. Они снова потерпели поражение и снова были отброшены

назад, к своим защищающим стенам. Но на этот раз за ними неотступно следовали римляне, один из которых, схватив горящую головню, вскочил на плечи товарища и запустил свой ужасный снаряд в так называемое золотое окно Храма. Огонь вспыхнул; он охватил деревянные балки святилища и взметнулся в пламени к небесам. При этом зрелище самые храбрые из иудеев в ужасе отпрянули. Тит поспешил к этому месту со своими войсками и крикнул солдатам, чтобы они погасили пламя. Но никто не обратил на него внимания. Обезумевшие солдаты ворвались во дворы Храма, убивая всех, кто оказывался в пределах их досягаемости, и швыряя головни в пылающее здание. Тит, не в силах управлять своими легионами и побуждаемый любопытством, проник в Святая Святых.

Тем временем иудеи, доведенные до отчаяния в своих предсмертных муках, яростно сблизились с нападавшими. Победные крики, вопли отчаяния, яростное шипение пламени, от которого дрожала сама земля и вибрировал воздух, слились в один отвратительный грохот, который эхом отражался от шатающихся стен Святилища до горных вершин Иудеи. Там собрались группы дрожащих людей со всей округи, которые увидели в поднимающемся пламени знак того, что слава их нации ушла навсегда. Многие жители Иерусалима, не желая переживать свой любимый Храм, очертя голову бросались в горящую массу. Но тысячи мужчин, женщин и детей, несмотря на яростный натиск легионов и быстро разгорающееся пламя, с любовью цеплялись за внутренний двор. Ибо разве убедительные уста лжепророков не обещали им, что Бог спасет их чудом в самый момент гибели? Они стали лишь более легкой добычей римлян, которые убили на месте около шести тысяч человек. Храм был сожжен дотла, и осталось лишь несколько тлеющих руин, поднимавшихся из пепла подобно гигантским призракам. Нескольким жрецам удалось скрыться на вершинах стен, где они несколько дней оставались без пищи, пока их не вынудили сдаться. Тит приказал немедленно казнить их, сказав: "Священники должны пасть вместе со своим Храмом". Легионы-победители подняли свои знамена посреди руин, принесли жертвы своим богам в Святом Месте и приветствовали Тита как императора. По странному совпадению, второй Храм пал в годовщину разрушения первого Храма (10 Ав, 70). Тит, который больше не мог чувствовать себя обязанным уважать чувства принцессы Береники, отдал приказ немедленно поджечь Акру и Офлу, разные части города.

Но борьба еще не закончилась. Лидеры восстания отступили в верхний город с некоторыми из своих сторонников. Там они совещались с Титом. Иоанн и Симон, поклявшись, что они никогда не сложат оружия, предложили сдаться при условии, что им будет разрешено пройти вооруженными через римский лагерь. Но Тит сурово приказал им положиться на его милость, и таким образом ожесточенная борьба вспыхнула с новой силой. 20-го числа н.э. римляне начали возводить насыпи, и после восемнадцати дней труда началась осада верхнего города. Даже тогда zeloty и не думали о капитуляции. Узнав, что идумеи тайно заключают соглашения с Титом, они бросили некоторых главарей в тюрьму, а других казнили. Но иудейские воины были измотаны своим сверхчеловеческим сопротивлением и длительным голодом, и римляне, наконец, смогли взобраться на стены и захватить крепости, что стало прелюдией к их распространению по городу, разграблению и убийству последних несчастных жителей. 8-го числа Элула они подожгли все, что осталось от Иерусалима, верхнего города, известного под названием Сион. Стены были полностью сровнены с землей, и Тит оставил только три крепости - Гиппикус, Мариамну и Фазаэль, которые остались неизменными свидетелями его победы. Под руинами Иерусалима и его Храма были погребены последние остатки независимости Иудеи. Во

время осады погибло более миллиона человек. Считая тех, кто пал в Галилее, Перее и провинциях, можно предположить, что иудеи, населявшие их родную землю, были почти все уничтожены.

И снова Сиона сидела и плакала среди руин, оплакивая своих сыновей, павших в битве, своих дочерей, проданных в рабство или брошенных жестоким римским воинам; но теперь она была еще более опустошена, чем в дни своего первого пленения, ибо смолк голос пророка, который однажды предсказал конец ее вдовству и ее трауру.

ГЛАВА XII. ПОСЛЕВОЕННЫЕ МУКИ.

Страдания узников—Арена—Жестокость Тита—Вражда антиохийцев—Триумф императора по случаю завоевания Иудеи—Конец Симона Бар-Гиоры и Иоанна Гисхальского—Монеты в память римского триумфа—Падение последних крепостей: Иродиума, Масады и Махера—Соппротивление zelотов в Александрии и Кирене—Конец Храма Онии—Последнего из zelотов—Смерть Береники и Агриппы—Иосиф Флавий и его Сочинения.

70-73 гг. н. э.

Действительно, было бы трудно описать страдания тех, кто был взят в плен во время войны, число которых оценивается в девятьсот тысяч. Уцелевшие жители Иерусалима были согнаны на место строительства Храма и переданы под опеку некоего Фронтонa и освобожденного раба. Все те, кто был признан повстанцами, были распяты, только принцы Адиабены были пощажены и отправлены в качестве заложников в Рим, чтобы заручиться лояльностью короля Адиабены. Семнадцать тысяч пленных умерли от голода, многими из них пренебрегал Фронтон, в то время как другие с негодованием отказывались от пищи, которую предлагали им завоеватели. Из числа юношей старше семнадцати лет самые высокие и красивые были отобраны для участия в римских триумфах, в то время как другие были отправлены работать в рудники на всю оставшуюся жизнь или были сосланы в римские провинции, чтобы принимать участие в боях на арене. Юноши в возрасте до шестнадцати лет и большинство пленниц были проданы в рабство по невероятно низкой цене, поскольку рынок был переполнен. Сколько ужасных сцен, должно быть, были засвидетельствованы и разыграны этими несчастными! У них, это правда, остался один лучик утешения. Возможно, их перевезли бы в какой-нибудь римский город, где существовала иудейская община; их собственные люди, несомненно, пожертвовали бы любую сумму, чтобы выкупить их свободу, и тогда относились бы к ним с братским сочувствием.

Теперь Веспасиан объявил, что вся Иудея стала его собственностью в результате завоевания, и приказал римским чиновникам разделить страну на участки, предложив их тому, кто больше заплатит. А почему бы ему этого не сделать? Разве он не удобрил землю кровью? Кроме того, продажа принесла бы большую прибыль, а Веспасиан даже больше заботился о золоте, чем о чести.

И какова же была работа милосердного Тита после того, как он приказал казнить тысячи и отправить тысячи в рабство? В его походе через Сирию за ним следовали самые энергичные из

его пленников, закованные в цепи. Когда он устраивал свой суд в Кесарии и развлекал своих друзей в истинно римском стиле, на арену выводили диких зверей, и иудейские пленники сражались с ними до тех пор, пока их не растерзали до смерти; или их заставляли сражаться друг против друга, умирая от рук друг друга. Таким образом, в Кесарии погибли две тысячи пятьсот храбрых иудейских юношей, чтобы отпраздновать день рождения Домициана, брата завоевателя. И в Кесарии Филипповой, на горе Хермон, резиденции царя Агриппы, это ужасное зрелище вновь предстало перед глазами этого монарха и принцессы Береники. День рождения Веспасиана был отмечен таким же образом в Берите, песок арены был буквально пропитан иудейской кровью. На самом деле мягкость и человечность Тита странным образом проявлялись во всех городах Сирии повторением этих варварств. Иудейские общины в Сирии, Малой Азии, Александрии и Риме почти разделили судьбу своих братьев в Иудее. Ибо война пробудила ненависть всего языческого мира к несчастным детям Израиля — ненависть, которая была фанатичной по своей интенсивности, ее целью было полное уничтожение всей расы. Сокровенные чувства Тита, должно быть, совпадали с чувствами его народа. Но, как ни странно, его любовь к Беренике, так глубоко заседавшая в его сердце, однажды побудила его проявить милосердие к ее расе. Когда он приблизился к городу Антиохии, все население вышло ему навстречу и потребовало не чего иного, как изгнания иудейской колонии. Но Тит ответил, что "Поскольку у иудеев не осталось родины, было бы бесчеловечно изгнать их из Антиохии — им некуда было отступать". Он даже наотрез отказался отменить их существующие привилегии. Александрийских иудеев также оставили в покое в принятом ими городе.

Тит решил отпраздновать свой триумф над Иудеей в столице империи. С этой целью в Рим были отправлены семьсот лучших иудейских пленников и два лидера zelотов, Иоанн из Гисхалы, сдавшийся врагу, когда падал в обморок от голода, и Симон Бар-Гиора. По окончании осады Иерусалима бесстрашный Симон прыгнул с несколькими своими последователями в одно из подземелий под городом и, снабдившись рабочими инструментами, попытался прорубить себе путь наружу; но наткнувшись на огромную скалу, он не смог осуществить свою цель, и его скудный запас провизии иссяк, он решил умереть, как подобает герою. В белом одеянии, покрытом пурпурной мантией, он внезапно предстал перед римскими стражами, которые отдыхали среди руин Храма. Они смотрели на него с ужасом. Он просто обратился к ним со следующими словами: "Отведите меня к вашему генералу". Когда Руфус явился на зов стражей, предводитель zelотов предстал перед его изумленным взглядом, сказав: "Я Симон Бар-Гиора". Его мгновенно заковали в цепи, и он спокойно ожидал участи, которая, как он знал, была ему уготована.

Веспасиан и двое его сыновей, Тит и Домициан, отпраздновали свой триумф над Иудеей в имперском городе Риме. Перед императором несли сосуды Храма, семисвечный подсвечник, золотую скрижаль и свиток Закона. Римляне были еще более обрадованы зрелищем длинной вереницы иудейских пленников, закованных в тяжелые цепи, и чудесными представлениями всех ужасов и невзгод войны — своего рода театральным развлечением, придуманным с большой изобретательностью для этого случая. Симона Бар-Гиору (ужасного врага римских легионов) с уздечкой на шее протащили по улицам Рима и, наконец, сбросили в качестве человеческой жертвы богам с Тарпейской скалы. Иоанн Гисхальский встретил свою судьбу в темнице. Тиберий Александр, победитель своей расы, разделил триумф, и в его честь на Форуме была воздвигнута статуя. Иосиф Флавий был всего лишь зрителем этой сцены. Этот великолепный триумф, подобного которому в Риме не видели уже много лет, был доказательством ликующей радости, которая волной прокатилась по языческому миру при

падении Иудеи, ибо римские легионы редко встречались с таким упрямым врагом. В ознаменование этой великой победы были отчеканены монеты, на которых Иудея была представлена по-разному, в виде скорбящей женщины под пальмой, либо стоящей со скованными руками, либо сидящей в позе отчаяния на земле. На монетах были надписи "Завоеванная" или "Плененная Иудея" ("Judae devicta", "Judae capta"). Позже в честь Тита была возведена красивая арка, которая стоит до сих пор и на которой отчетливо видны резные рельефы подсвечника и сосудов Храма. Римские иудеи не только в то время, но и в последующие годы выбрали бы более длинный или обходной путь, чтобы не видеть этот трофей. Богатая добыча из Святилища была помещена в Храм Мира, а свиток Закона - в императорский дворец; но позже, когда Рим искупал свои тяжкие грехи, эти реликвии славы Иерусалима были перевезены в другие страны.

Иудея еще не была полностью покорена, поскольку три мощные крепости все еще были в строю: Иродиум, Махер и Масада. Наместнику Бассу, посланному Веспасианом в Иудею, было приказано захватить их. Иродиум сдался немедленно, но Махер оказал упорное сопротивление. Эта крепость, построенная Александром Яннеусом, была хорошо защищена от врага благодаря своему естественному положению. Крутые обрывы и зияющие ущелья делали ее неприступной. Но она пала — и вот каким образом: молодой военачальник Элеазар, доблестный герой, был взят в плен римлянами, когда бесстрашно стоял за воротами, гордо полагаясь на ужас своего оружия. Басс приказал подвергнуть его бичеванию на виду у осажденных, а затем сделал вид, что распял его. Из крепости донесся вопль отчаяния; осажденные, полные решимости спасти своего любимого товарища, предложили сдать свою цитадель, если ему сохранят жизнь. Басс согласился на это предложение, и гарнизон был спасен; но из жителей нижнего города мужчины и юноши были бесчеловечно вырезаны числом до 1700 человек, а женщины и дети проданы в рабство.

Три тысячи зелотов под командованием Иуды бен Иаира, бежавших по одному из подземных ходов из Иерусалима, прятались в лесу на окраине Иордана. Однако там они были обнаружены и окружены римлянами, которые безжалостно уничтожили их. Смерть Басса, произошедшая в это время, привела к тому, что трудная задача завоевания Масады была возложена на его преемника Сильву. Эта крепость на холме была, если это возможно, еще более неприступной, чем крепость Махера. Гарнизон состоял из 1000 зелотов с их женами и детьми под командованием Элеазара бен Иаира, потомка Иуды, основателя зелотов. Они были в изобилии обеспечены провизией, водой и оружием и, более того, были людьми героической решимости. Но римский таран разрушил одну из защитных стен, а вторая стена из деревянных балок, построенная осажденными, была подожжена нападавшими. Ситуация была безнадёжной. Элеазар понял это и решил убедить гарнизон скорее погибнуть от своих рук, чем попасть во власть римлян. Герои согласились на это предложение даже с энтузиазмом, и в первый день великого праздника Пасхи, убив своих жен и детей, все они пали от своих собственных мечей. Когда римляне вошли в цитадель, готовые к последней отчаянной схватке со своими жертвами, они замерли, пораженные зловещей тишиной, и их крики разбудили только двух дрожащих женщин и пятерых детей, которые выползли из пещеры. И вот так последние зелоты пали на иудейской земле.

Иудеи, пытавшиеся сбросить римское иго, действительно, были сурово наказаны. Не только жители Иудеи, но и иудейская община в Риме были привлечены к ответственности за восстание. Две драхмы, которые они ежегодно жертвовали на свое Святилище, теперь

требовались для Юпитера Капитолийского. Жадность Веспасиана вскоре привела к тому, что этот налог был переведен в его личную казну; и этот первый налог, введенный императором для иудеев, был назван иудейским налоговым сбором (Fiscus Judaicus). С другой стороны, те иудеи, которые были дружелюбны к Риму и оказали Веспасиану помощь во время войны, были щедро вознаграждены. Береника была принята с самыми высокими почестями при императорском дворе. Страсть Тита к этой красивой женщине была так велика, что однажды в приступе ревности он приказал задушить римского консула Качину, свою собственную соседку по столу. Чтобы польстить его тщеславию, Совет ареопага, Шестьсот человек и народ Афин воздвигли Беренике статую, посвященную "великой царице, дочери великого царя Юлия Агриппы". Он был накануне того, чтобы сделать ее своей женой, когда вспышка негодования со стороны жителей Рима вынудила его отпустить ее. Ее брат Агриппа разделил ее падение.

Более удачливым оказался Иосиф Флавий, которого Веспасиан и Тит не смогли в достаточной степени вознаградить за его услуги. Он сопровождал императоров в их триумфальных шествиях, смотрел на унижение своей нации с отвратительной холодностью и выказывал нескрываемое восхищение смертью ее героев. Веспасиан не только предоставил ему обширные земельные владения, но и предоставил в его распоряжение свой личный дворец и сделал его римским гражданином. Он так высоко ценил императорский дом, что стремился перенять их имя и стал известен потомкам как "Иосиф Флавий". С другой стороны, его ненавидели иудейские патриоты, которые прилагали все усилия, чтобы помешать ему спокойно пользоваться своим имуществом.

Но война против zelотов не закончилась с падением последней крепости. Они переносили свою ненависть к Риму всюду, куда несли их быстрые ноги, — в провинции вдоль Евфрата, в Аравию, Египет и Кирену. Зелоты, нашедшие убежище в Александрии, убедили своих единоверцев из этого города восстать против своих правителей. Многие александрийские иудеи, все еще страдавшие от жестоких преследований, которым они подверглись несколько лет назад от римлян, были готовы к восстанию; но этому безумному плану воспротивились богатые члены общины и Совет. Они с негодованием набросились на zelотов, передав шестьсот человек в руки губернатора Лупуса, который казнил их на месте. Другие бежали в Фивы, где их преследовали, хватали и подвергали пыткам, чтобы заставить признать власть императора. Но они стойко переносили самые ужасные муки, мужчины и мальчики соперничали друг с другом в непоколебимой приверженности своим фанатичным принципам и в конце концов умирали под пытками. Веспасиан, опасаясь, что Египет может стать новым очагом восстания, приказал закрыть храм Онии, тем самым лишив людей их религиозного центра. Ежегодные дары, предназначенные для служения Святилищу, как само собой разумеющееся попадали в императорскую казну.

Некоторые zelоты, бежавшие в города Киренаики, теперь пытались поставить под угрозу их покой. Ионафан, один из них, собрал вокруг себя множество представителей низших классов общества и, приведя их в Ливийскую пустыню, объявил о каком-то чудесном вмешательстве. Но и здесь вожди иудеев донесли на своих братьев-фанатиков римскому правителю Катулле, который схватил их и многих из них казнил. Ионафан, однако, некоторое время уклонялся от их преследования и, наконец, попав в плен, отомстил, обвинив многих богатых иудеев в том, что они были его сообщниками. Его заковали в цепи и отправили в Рим. В имперском городе он осмелился заявить, что Иосиф Флавий и некоторые римские иудеи были нелояльны императору. Тит с негодованием отказался поверить в это и, казалось, защищал своего фаворита,

невиновность которого, как и невиновность его единоверцев, он ясно доказал. Затем Ионафан был подвергнут бичеванию и сожжен заживо.

Так закончилось движение zelотов, которое с пагубными последствиями распространилось среди значительной части иудейского народа в Римской империи. Но zelотам, бежавшим в Северную Аравию, в окрестности Медины, повезло больше всего, поскольку им удалось основать собственную общину, которая просуществовала до седьмого века. В другом случае они сыграли немалую роль.

Столь велика была сенсация, произведенная по всей Римской империи этим длительным и отчаянным сопротивлением иудеев, что несколько авторов сочли себя призванными дать подробное описание войны. Языческие авторы, конечно, были пристрастны в трактовке этого предмета и, с должным уважением к чувствам римских полководцев, недооценивали героизм иудеев. Но Иосиф Флавий, в котором, несмотря на его римские наклонности, оставалась какая-то искра патриотизма, не мог смириться с тем, что его народ клеймили как трусов; поэтому, собрав все факты долгой борьбы, которые попали в поле его зрения, он написал отчет о войне в семи книгах, сначала на сиро-халдейском языке, а затем на греческом (75-79). Но эта версия не могла оказаться более беспристрастной, учитывая, насколько глубоко были затронуты его собственные интересы. Он представил свою работу Титу, который разрешил ему представить ее публике - явное доказательство того, что император был удовлетворен ее тенденцией. Юстус Тивериадский предшествовал Иосифу Флавию историей иудейской войны, в которой он обвинил этого историка во враждебности к Риму, в участии в восстании в Галилее и в том, что он выдумал свое происхождение от дома Хасмонеев.

Когда война мечей подошла к концу, два писателя продолжили войну пером. Но Юстуса вряд ли можно похвалить за образцовое поведение, ибо однажды он возглавил восстание в Галилее, а затем возглавил вылазку против соседнего греческого населения; после чего он смело предстал перед Агриппой. Береника добились его помилования, он был принят на службу к королю и с ним обращались очень щедро. Но за какой-то более поздний проступок он был заключен в тюрьму и сослан, затем отозван, помилован и назначен секретарем короля. Наконец, он был снова сослан по какой-то неизвестной причине. Юстус, получивший основательное греческое образование, смог написать историю войны в более правильном и элегантном стиле, чем это было возможно для Иосифа Флавия.

Иеремия, произносящий свои стенания среди руин Иерусалима, достойно завершает первый период еврейской истории; в то время как Иосиф Флавий, пишущий историю своего народа в тиши дворца Цезаря, завершает второй период.

ТАЛМУДИЧЕСКАЯ ЭПОХА.

ГЛАВА XIII. СИНХЕДРИОН В ДЖАБНЕ.

Основание школы в Иавне—Йоханан бен Заккай—Последний из иродианян-Иудея и Рим-Танаиты—Гамалиил II. назначен Патриархом—Сила отлучения—Низложение и восстановление Патриарха —Шаги к собиранию Мишны—Элиэзер бен Гиркан-Джошуа бен Чананья—Акиба и его Система—Измаил—Состояние Синхедриона.

70-117 гг. н. э.

Катастрофический результат войны, которая велась против римлян в течение четырех лет, разрушение государства, сожжение Храма, осуждение пленников работать на свинцовых заводах Египта, продаваться на невольничьих рынках или становиться жертвами в боях с дикими зверями на арене - все эти бедствия с такой сокрушительной силой обрушились на оставшихся евреев, что они почувствовали себя совершенно растерянными относительно того, что им делать. Иудея обезлюдела; все, кто взял в руки оружие, будь то на севере или юге, в Иудее снг или Трансиордании, были либо мертвы, либо порабощены и изгнаны. Разъяренные завоеватели не пощадили ни женщин, ни детей. Третье изгнание — римское изгнание (Галут Эдом) при Веспасиане и Тите - началось в обстановке большего террора и жестокости, чем Вавилонское изгнание при Навуходоносоре. Уцелели лишь немногие — те, кто открыто или тайно встал на сторону римлян, сторонники Рима, которые с самого начала были лишены патриотических чувств; друзья мира, которые думали, что у иудаизма другая задача, чем борьба с римлянами силой оружия, вдумчивые и осторожные люди, которые рассматривали соперничество с Римом как национальное самоубийство; и, наконец, те, кто из-за партийной розни был вынужден сложить оружие и заключить сепаратные условия с римлянами. Этот небольшой остаток на земле Иудеи и евреи Сирии, которые всегда надеялись, что Тит будет уважать Храм (центр поклонения и религии), были глубоко тронуты и повергнуты в отчаяние разрушением святилища, защищенного Богом. Их отчаяние привело к различным результатам. Некоторых вынудили вести аскетический образ жизни, отказывать себе в мясе и вине; других это побудило присоединиться к христианству, стремясь таким образом заполнить пустоту в своих сердцах, возникшую из-за прекращения всесожжений. Иудаизму угрожала величайшая опасность; лишенный, как это было, своей поддержки и объединяющего центра, он оказался перед неминуемой угрозой застоя или распада на части. Общины в Сирии, Вавилоне и Персии, в Малой Азии, Риме и в Европе в целом до сих пор обращали свои взоры к Иерусалиму и Храму, откуда они черпали свои инструкции и законы. Единственная независимая община, Александрийская, стала беспомощной из-за разрушения храма Онии. Каким должно было быть будущее еврейской нации, иудаизма? Синхедрион, который давал законы всему сообществу и регулировал его религиозную жизнь, исчез с падением Иерусалима. Кто вступит в брешь и сделает возможным дальнейшее существование? Теперь появился человек, который, казалось, был создан для того, чтобы спасти основные доктрины иудаизма, восстановить некоторую силу нации, чтобы она могла продолжать жить и предотвратить угрожающий распад.

Этим человеком был Йоханан, сын Заккая. Он трудился, подобно пророкам во время первого изгнания в Вавилон, но другими средствами, чтобы поддерживать жизнь еврейской нации; он оживил ее замороженные члены и, вливая свежую энергию в ее действия, объединил ее рассеянных членов в одно целое. Йоханан, если и не был учеником Гиллея, все же был наследником его ума. Говорят, что в течение сорока лет он был торговцем. В других случаях мы

также увидим, что великие лидеры еврейской истории не рассматривали изучение Закона как средство существования или наживы. Во время существования государства Йоханан сидел в Синhedрионе, или преподавал в тени Храма: говорят, что его школа в Иерусалиме была важной. Он был первым человеком, который успешно боролся с саддукеями и который знал, как опровергнуть их аргументы. В бурные дни революции он, благодаря своему миролюбивому характеру, присоединился к партии мира и несколько раз призывал нацию и zelотов сдать город Иерусалим и подчиниться римлянам. "Почему вы хотите разрушить город и предать Храм огню?" он говорил лидерам революции.

Несмотря на уважение, с которым к нему относились, его благонамеренные увещания были проигнорированы zelотами. Шпионы, которых римский военачальник разместил в осажденном городе Иерусалиме и которые доложили ему о том, что произошло, не преминули сообщить, что Йоханан принадлежал к друзьям Рима и что он советовал вождям заключить мир. Новости из города передавались на маленьких листках бумаги, которые на стрелах летели в римский лагерь. Побуждаемый либо страхом перед zelотами, либо желанием найти безопасное место для соблюдения Закона, Йоханан решил укрыться в лагере Тита. Однако покинуть город было очень трудно, поскольку zelоты постоянно несли наблюдение; поэтому Йоханан с помощью лидера zelотов по имени Бен-Батиах решил, что его вывезут из города как труп. После того как его положили в гроб, он был вынесен за городские ворота в час заката его учениками Элеазером и Джошуа. Тит дружески принял беглеца и разрешил ему обратиться к нему с какой-нибудь просьбой. Йоханан скромно попросил, чтобы ему разрешили основать школу в Джамнии (Джабне), где он мог бы читать лекции своим ученикам. Район, в котором находился этот город, принадлежал к частным владениям императорского дома, которому он был завещан по последней воле Саломеи, сестры Ирода. Титу нечего было возразить против безобидного желания Йоханана, поскольку он не мог предвидеть, что этой незначительной уступкой он позволил иудаизму, каким бы слабым он тогда ни казался, пережить Рим, который был во всей своей силе, на тысячи лет.

Йоханан поселился со своими учениками в Джамнии, городе недалеко от Средиземного моря, расположенном между портом Иоппия и бывшим городом филистимлян Ашдодом. Йоханан не мог привыкнуть к своему занятию в течение некоторого времени, в течение которого ожесточенная борьба бушевала у стен Иерусалима, на его улицах и в его Храме. Когда пришло известие о том, что город пал и что Храм объят пламенем, Йоханан и его ученики скорбели и причитали, как будто потеряли дорогого родственника из-за смерти. Однако Йоханан, в отличие от своих последователей, не отчаивался, поскольку признавал истину о том, что иудаизм не был неразрывно связан со своим Храмом и своим алтарем. Он скорее утешал своих скорбящих учеников из-за потери места искупления уместным замечанием, что милосердие и любовь к человечеству заменят всежжения, как сказано в Библии— "ибо я получаю удовольствие от милосердия, а не от всежжений". Однако этот либеральный взгляд на ценность всежжений ясно давал понять, что было абсолютно необходимо основать новый центр вместо Храма. Таким образом, Йоханан сформировал своего рода Синhedрион в Джабне, президентом которого он сразу же был признан. Недавно созданный Синhedрион, конечно, не состоял из семидесяти членов и, без сомнения, имел совершенно иную сферу деятельности, чем иерусалимский, который во время революции осуществлял контроль над наиболее важными политическими событиями. Джамнийский Синhedрион в первую очередь наделил своего основателя полной властью во всех религиозных вопросах, подобной той, которой обладал Совет в Иерусалиме, и с этим были связаны судебные функции верховного суда. Только благодаря неограниченному

авторитету Йоханан мог руководить формированием и консолидацией Синhedриона в неблагоприятных условиях того времени. Йоханану пришлось выступить против общего мнения о том, что Синhedрион как орган должен иметь власть только в зале из тесаного камня Храма, и что за пределами этого места он утратил свой судебный характер и перестал быть представителем нации. Таким образом, когда Йоханан отделил функции Синhedриона от места расположения Храма и перенес его в Джабне, он фактически освободил иудаизм от соблюдения обряда всесожжений и сделал его независимым. Без какого-либо сопротивления Джабне таким образом занял место Иерусалима и стал религиозным национальным центром для рассеянной общины. Важные функции Синhedриона, с помощью которых он осуществлял судебную и объединяющую власть над отдаленными общинами, такие как установление времени новолуния и праздников, исходили от Джабне. Он пользовался некоторыми религиозными привилегиями Святого Города. Синhedрион теперь носил название Бет-Дин (Суд справедливости) — президента звали Рош-бет-дин, и он был удостоен звания Раббан (главный учитель). Йоханан передал Суду надзор за подготовкой календаря, который ранее был одним из офисов президента. Таким образом, наблюдателям, ожидавшим повторного появления новой луны, больше не нужно было следовать за президентом, чтобы сообщить ему информацию, а нужно было только присутствовать на заседаниях ассамблеи. Это изменение было важным шагом, поскольку оно сделало Синhedрион независимым от личности его Президента.

Йоханан внес в общей сложности девять изменений, большинство из которых касались таких сооружений, которые потеряли ценность из-за разрушения Храма. Он, однако, сохранил различные религиозные обычаи в память о Храме. Он способствовал продолжению и сохранению иудаизма посредством возобновления изучения Закона и, таким образом, укрепил ослабленные основы еврейской общинной жизни. На школу в Джабне он повлиял через своих учеников, которых он наполнил своим духом и своей ученостью. Пятеро из его выдающихся учеников известны нам по именам, но только трое из них снискали прочную известность — Элиэзер и Иисус Навин (которые вынесли Йоханана в гробу из Иерусалима), а также Элеазар бен Арах. Последний был самым выдающимся и важным среди них, и о нем говорили: "Если взвесить на весах, он перевесил бы всех своих коллег-ученых". Йоханан любил побуждать их к независимому мышлению с помощью глубоких вопросов. Таким образом, он дал им тему для размышлений: "Чего человек должен стремиться достичь с наибольшим рвением?" Один ответил: "добродушие", другой - "благородный друг", третий - "благородный сосед", четвертый - "дар заранее знать результат своих действий". Элиэзер ответил, что "лучшее, чем обладает человек, - это благородное сердце". Это замечание заслужило одобрение его хозяина; это был ответ по его собственному разумению, поскольку в него входило все остальное.

Каков был характер учений, которые Йоханан передавал своим ученикам в школе? Гиллель, самый уважаемый из учителей Закона, высоко почитаемый идеал в грядущие времена, придал иудаизму особую окраску и форму, или, скорее, придал ему характер Закона, который всегда был ему присущ. Он был первым, кто разработал и подтвердил специальную теорию, своего рода еврейскую теологию или номологию (науку о религиозных законах). Он был основателем талмудического иудаизма. Из гущи противоборствующих партий, которые рвали друг друга на куски, Гиллель перенес Закон в тихие пределы школы и попытался привести в гармонию те предписания, которые явно противоречили Закону. Те, которые считались только обычными, рассматривались как человеческие законы, и саддукеи рассматривали их как нововведения. Гиллель показал, что они имеют библейское происхождение. Его семь поясняющих правил, или

законов толкования, с одной стороны, подтвердили законы, которые были введены софийскими и фарисейскими учителями, а с другой стороны, дали им новый простор для развития.

Письменный Закон (Пятикнижие) и устный Закон (Соферик) с его времени перестали быть двумя широко разделенными ветвями, но были приведены в тесную связь друг с другом, хотя новое толкование, безусловно, привело к насилию над словами Священного Писания. Но поскольку текст объяснялся не на филологической основе, а для того, чтобы разъяснить законы, было невозможно придерживаться просто написанных слов; необходимо было интерпретировать их так, чтобы они соответствовали новым условиям жизни. Под термином "Устный закон" подразумевалось все, что было передано от Отцов, и это в определенной степени составляло наследственный закон. Различные ограничения, которые соферики учителя наложили на Закон, юридические решения, которые были введены Синхедрионом, обычаи, которые соблюдались из поколения в поколение, расширения, выведенные из скудных стихов Пятикнижия, - все эти элементы не были записаны, а хранились в памяти. Они были облечены в форму коротких предложений, называемых "Галахой". Они не были расположены или классифицированы в соответствии с тематикой, а были связаны друг с другом без связи или передавались отдельно, иногда соединяясь с именем авторитета, от которого они были получены. Требовалась изумительная память, чтобы сохранить эти Галахи или устные учения. Йоханан бен Заккай был человеком, который лучше всех знал эти законы. Он передавал их своим ученикам и указывал им на их связь с писанным законом; он показывал им, как делать из этого выводы, поскольку переданные законы были материалом, а способ их применения - формой. Эти выводы были получены двумя методами: один показывал, как предписания Закона должны были быть получены из слов Священного Писания (мидраш), а другой служил для применения устного Закона к новым вопросам по мере их возникновения (Талмуд). Таким образом, открылось плодотворное поле для распространения Закона и для хитроумных комбинаций, которое впоследствии было свободно возделано. Однако Йоханан бен Заккай гораздо больше думал о материале Закона, чем о его форме.

Он учил не только тем доктринам иудаизма, которые относились к Закону, но и тем отрывкам Священного Писания, которые не имели прямого отношения к Закону. Он читал лекции о трудах пророков и историков в форме бесед, которые в течение некоторого времени использовались как в синагоге, так и вне ее. Эти лекции были либо назидательными, утешительными, либо горькими, резкими и ироничными и применяли слова пророков об Эдоме и Исаве к ненавистному Риму и его тирании. Такой вид изложения Священного Писания имел название "Агада" или "Агада". Его основные темы состояли в объяснении исторических событий, пророческих высказываний, напоминании о прошлом и размышлениях о будущем иудаизма. Агада исследовала значение Закона, изучала общие моральные истины иудаизма, ловко соединяла настоящее с прошлым и затеняла нынешние условия жизни в прошлом опыте. Галаха образует главный ствол Закона, мидраш - питательные корни, которые черпали свое питание из слов Священного Писания. Талмуд образовал широко раскинувшиеся ветви, а Агада была цветком, благоухающим и окрашивающим простую ткань законов.

В своих агадических трактатах Йоханан пытался осветить постановления Закона светом разума и объединить их в общие истины, но ясным и простым способом, совершенно непохожим на преувеличенный метод александрийско-еврейских учителей, которые пытались извлечь ослепительный свет греческого образа мыслей из Священного Писания.

Среди прочего, Йоханан очень причудливо объяснил, почему использование железа запрещено при возведении алтаря. Железо - символ войны и раздора; алтарь, напротив, является символом мира и искупления; поэтому железо следует держать подальше от алтаря. Из этого он вывел высокую ценность мира, преимущества мира между мужем и женой, между одним городом и другим, между одной нацией и другой. Таковы были принципы, которые побудили его встать на сторону римлян против революционеров. Таким образом, он объяснял различные законы и делал их понятными, когда они казались неясными или каким-либо образом экстраординарными. Йоханан имел обыкновение беседовать также с язычниками, которые были знакомы с еврейским законом либо из греческого перевода, либо из своего общения с евреями, опровергая выдвигаемые ими возражения и рассеивая или проясняя с помощью подходящих сравнений особенности, встречающиеся в Священных Писаниях.

Помимо Йоханана, который был самой влиятельной и главной фигурой своего времени, существовала группа учителей Закона. Все они были в преклонном возрасте в период разрушения государства и, без сомнения, являлись членами Джамнийского Синhedриона. Большинство из них, о которых не сохранилось ничего важного, известны только по имени. Среди них были Чанина, заместители различных Первосвященников (*Сеган ха-Коганим*), которые сохранили для нас традиции со времен Храма. Он принадлежал к сторонникам мира и призывал своих современников молиться о благополучии правящей власти (римлян), "ибо, если бы не существовало страха перед ней, то один человек проглотил бы другого живьем". Садок, другой учитель, был учеником Шаммая, и в ожидании падения Храма он постился сорок лет, чем подорвал свое здоровье. Также следует упомянуть Нахума, мидянина, который ранее был членом юридического колледжа в Иерусалиме, Доссу бен Арчинаса со своим братом Ионафаном, который был трезвомыслящим и склонным к спорам юношей, и авву Савла.

Наконец, к этому кругу принадлежали Нахум из Гимсо (Эммаус) и Нечунья бен Хакана. Первый был записан традицией как герой странных приключений, и даже название места его рождения Гимсо было объяснено, чтобы вложить в его уста слова "Это тоже к добру" (Гам-су-ль-тоба). В мире легенд он представлен как ученый, с которым произошло много неприятных событий, и все они оказались для него полезными. Нахум разработал особый метод обучения, который заключался в объяснении устного закона на основе письменного текста, в соответствии с определенными частицами, которые законодатель намеренно использовал в качестве указаний при составлении Закона. Эти частицы, согласно его идее, служили не только синтаксическими знаками в предложениях, но и знаками расширения и уменьшения круга, в пределах которого должен действовать каждый закон. Правила Нахума стали новым и плодотворным дополнением к тем, которые были изложены Гиллелем; они были тщательно культивированы и развиты и получили название "правила расширения или исключения" (Риббуж-у-м'ут). Нечунья бен Хакана, однако, был противником системы Нахума; он одобрял только объяснительные правила, предложенные Гиллелем.

Йоханан бен Заккай, глава не государства, а общины, по-видимому, действовал как щит с политической точки зрения. Свой добрый нрав, которым он напоминал Гиллеля, он проявлял даже к язычникам. О нем рассказывают, что он всегда дружески приветствовал их. Такое дружелюбие разительно контрастирует с ненавистью, которую zeloty испытывали к язычникам как до, так и после революции, которая усилилась после разрушения Храма. Стих (Притчи xiv. 34) "Доброта народов есть грех" был воспринят людьми того времени буквально и был

специально применен к языческому миру. "Язычники могут делать так много добра, но это считается для них грехом, ибо они делают это только для того, чтобы посмеяться над нами". Один Йоханан объяснил этот стих в смысле, выражающем истинную человечность: "Как жертва всежжения искупает вину Израиля, так милосердие и доброта искупают вину языческих народов". Эта доброта Йоханана, возможно, способствовала тому, что, несмотря на новые вспышки среди евреев в Кирене и Египте, которые императорам Веспасиану и Титу пришлось подавить, они не преследовали евреев в какой-либо экстраординарной степени. В древних записях прямо указано, что римские власти устранили презрение, которое раньше проявлялось к евреям, и что убийство еврея каралось смертью. Личность Йоханана, возможно, служила им гарантией мирного расположения метрополии.

Одна только надежда придавала ему и кругу его товарищей по учебе свежее мужество, надежду или, скорее, уверенность в том, что Израиль не должен быть потерян. Мрачное настоящее не заслоняло от него обещанного светлого будущего. Настоящее, по правде говоря, было достаточно пасмурным. Пастбища были отобраны у тех, кто пережил национальные бедствия, и отданы чужакам. Таким образом, те, кто раньше был богат, впали в нищету. Самые бедные должны были платить еврейский налог (Fiscus Judaicus). Земля, которая до войны была такой цветущей, была усеяна руинами. Всякая радость покинула Израиль; даже свадьбы проводились в тишине. Йоханан описал неуютное положение того времени в обращении к народу. Однажды он увидел еврейскую девушку из богатого дома, подбирающую скудную порцию ячменя из-под лошадиных копыт. На это он воскликнул: "Несчастный народ, вы не захотели служить Богу, и поэтому вы должны служить чужим народам; вы не пожертвовали и половины сикля на Храм, и поэтому вы должны заплатить в тридцать раз больше государству ваших новых врагов; вы отказались содержать в порядке дороги и тропинки для паломников, и, следовательно, вы теперь должны содержать сторожевые будки на виноградниках, захваченных римлянами".

Агриппа и Береника, оставшиеся члены дома Ирода, поддерживавшие тесные связи с властью имущими, по-видимому, внесли большой вклад в облегчение горестей покоренных евреев. Принцесса Береника, чья красота, казалось, бросала вызов времени, долгое время держала Тита в плену своих чар, и иудейской принцессе совсем не хотелось стать римской императрицей. Предрассудки римской гордости помешали замыслу о браке между Титом и Береникой и вынудили сына императора разорвать узы, связывавшие его в течение многих лет. Беренике пришлось покинуть королевский дворец и, вероятно, вернуться к своему брату в Палестину. Но поскольку Титус еще не оставил надежды сделать ее своей женой, ее голос все еще имел для него вес, и, вероятно, он часто звучал в пользу ее единоверцев, к которым она была привязана. Последний иудейский царь, Агриппа, также пользовался благосклонностью Веспасиана за большие услуги, которые он оказал своему дому. Похоже, что император присоединил Галилею к своим территориям; у Агриппы был наместник-еврей, которого он поочередно посылал в две столицы Галилеи, Тверию и Сепфорис. Этому правителю, без сомнения, было заслугой то, что Галилейский округ быстрее восстановился и стал более населенным, чем Иудея, которой правил римский правитель.

Период, в течение которого Йоханан работал в своей новой сфере деятельности, не может быть установлен с уверенностью. Он соединил в себе качества пророка Иеремии и князя Зоровавеля, находившегося в изгнании. Подобно Иеремии, он оплакивал разрушение Иерусалима и, подобно Зоровавелю, рисовал новое будущее. И Йоханан бен Заккай, и Зоровавель стояли на пороге новой эпохи, оба заложили первый камень в фундамент нового

здания в иудаизме, над завершением которого трудились последующие поколения. Йоханан умер на своей кровати на руках у своих учеников. Ранее у него был с ними разговор, который дает представление о его уме. Его ученики были удивлены, обнаружив, что их мужественный учитель напуган и подавлен в час своей смерти. Он заметил, что боится не смерти, а необходимости предстать перед Вечным Правителем, правосудие которого неподкупно. Перед смертью он благословил своих учеников такими словами: "Пусть страх Божий влияет на ваши поступки так же сильно, как страх перед человеком".

Сразу после смерти своего учителя его главные ученики держали совет относительно места, где они могли бы продолжить работу по преподаванию Закона. Большинство из них подумывало о том, чтобы остаться в Джабне, где жил круг людей, знакомых с традициями прошлого. Элеазар бен Арах, любимый ученик Йоханана, однако, настоял на переносе школы в Эммаус (Гимсо), здоровый и приятный город, расположенный в трех географических милях от Джабне. Полагая, что он абсолютно необходим своим сокурсникам, и будучи убежденным своей женой, что они скоро последуют за ним, он отделился от них и остался в Эммаусе. Одиноким и лишенным возможности обмениваться идеями с другими, он, как говорят, настолько полностью забыл то, что когда-то знал, что о его последующем невежестве рассказывают забавные анекдоты. К Арахе была применена поговорка: "Возвращайся на место Закона и не воображай, что твои товарищи последуют за тобой и что они могут поддерживать Закон только через тебя; не слишком полагайся на свою проницательность". В то время как Арах, на которого возлагались столь большие надежды, был таким образом забыт, его товарищи продолжили дело своего учителя и прославились в последующих поколениях. Гамалиил, Иисус Навин и Элиэзер вышли на первый план как важные личности.

Сначала необходимо было назначить вождя общине, которая, хотя и была небольшой, все же пользовалась уважением евреев всех стран. Был избран Гамалиил; он был потомком Гиллеля, и его предки руководили Синхедрионом на протяжении четырех поколений. Должно быть, необходимо было устранить политические трудности, чтобы позволить сыну человека, участвовавшего в восстании против римлян, достичь столь высокого звания. Гамалиил принял титул Наси (принц — у римлян Патриарх). У него была резиденция в Джабне, и он также был достаточно сведущ в традициях, чтобы руководить школой. Хотя город Джабне имел первостепенное значение, члены нового колледжа основали несколько школ за пределами города Джабне, но по соседству с ним. Элиэзер преподавал в Лидде; Иисус Навин в Бекиине, на равнинах между Явне и Лиддой; другие ученики Йоханана также открыли школы; и каждый привлекал к себе круг учеников и носил титул Раввин (Учитель). Патриарха называли Раббан (Главный учитель), чтобы отличать его от других учителей. Таким образом, Закон не остался без внимания после смерти основателя Jabne Synhedrion; ему уделялось, по возможности, еще больше внимания; но единство, которое едва было установлено, грозило полностью исчезнуть. Споры между приверженцами школ Гиллеля и Шаммая, из-за которых была пролита кровь еще до разрушения Храма и которые были подавлены только революционной войной, вспыхнули с новой силой, и тем более ожесточенно, что объединяющего влияния, исходящего от Храма, теперь больше не существовало. Разногласия между школами, которые распространялись на различные практические вопросы, привели к большому расхождению во взглядах на Закон и жизнь. Один учитель считал допустимыми некоторые вещи, которые другой запрещал; и в одном месте делались вещи, которые не были разрешены в другом. Таким образом, иудаизм, казалось, имел два свода законов, или, согласно словам Талмуда, "Один Закон превратился в два". Эти различия повлияли на важные жизненные вопросы, иногда влекущие за собой

серьезные последствия, например, касающиеся брака. Молодое поколение, освобожденное от необходимости взаимной терпимости, вызванной недавней войной, не имело особого желания заключать мир, но оспаривало спорные вопросы с большой язвительностью. Стремление положить конец этим распрям, которые угрожали разрушением всего единства, было задачей всей жизни Гамалиила, но его политика привела его к открытому столкновению со своими друзьями.

Мало что известно о его личных делах, но это немного свидетельствует о том, что он обладал высокими моральными качествами и мощным умом. Гамалиил владел землей, которую он одалживал для обработки при условии, что получит часть урожая. Он также давал кукурузу для посева, но когда ему возвращали деньги, он соглашался только на самые низкие цены, чтобы избежать даже видимости получения процентов. Он проявлял большую нежность к своей любимой рабыне Таби, которую он охотно освободил бы, если бы мог это сделать, и если бы Закон не запрещал вольную. После смерти раба он оплакивал его как родственника. Гамалиил, по-видимому, обладал некоторыми математическими познаниями. Определяя новолуние и зависящие от него праздники, он руководствовался больше астрономическими расчетами, чем свидетельствами свидетелей о том, видели они новолуние или нет. Такие расчеты, точные даже до малейшей доли, были вынесены в доме Патриарха. Гамалиил часто совершал путешествия, чтобы посетить различные собрания, быть очевидцем их состояния и поддерживать их все в порядке. Его путешествия привели его через Иудею, в Галилею и до Акко (Птолемаида). Хотя он не отличался крепким здоровьем, он не жалел для себя больших усилий, когда мог принести пользу своему народу. Его правление в качестве патриарха происходило в очень беспокойное время, как внутри страны, так и за ее пределами, и это обстоятельство заставляло его самым строгим образом настаивать на своем сане. Таким образом, его характер был неправильно понят, и его обвинили в формировании эгоистичных и амбициозных планов. Гамалиил направил свои основные силы на то, чтобы возвысить патриархальное достоинство, чтобы оно стало центром еврейской общины, чтобы своей властью поддерживать находящееся под угрозой единство Закона, а также религиозное и моральное состояние народа. В состязаниях между учениками школ Шаммай и Гиллель он постановил, что по каждому рассматриваемому закону должно проводиться голосование и что решение должно приниматься большинством голосов в коллегии, чтобы авторитетом защитить находящееся под угрозой единство Закона от любых нападков. Стремление к единству, по-видимому, ощущалось тем сильнее, чем больше росло противостояние между двумя школами и тем больше две группы последователей, которые цеплялись за Галахи, завещанные им их учителями, стремились развивать свои доктрины. Современники не скрывали от самих себя того факта, что Закон мог легко подвергнуться путанице из-за этих различий. Было высказано опасение, что скоро наступит время, когда люди будут тщетно обращаться за решением к Священным Писаниям или к Устному Закону, и когда одно изложение будет противоречить другому. Таким образом, Синхедрион Джабны еще раз вынес спорные вопросы на обсуждение и принятие решения. Он начался с фундаментальных положений Гиллеля и Шаммая, чтобы путем голосования закрепить такие правила, которые должны действовать во всех случаях. Но добиться единства было нелегко; говорят, что в течение трех с половиной лет продолжалось соперничество на виноградниках Джабне, обе стороны настаивали на исключительной правильности своих собственных традиций — шаммаиты были особенно упрямы и непреклонны и, подобно основателю их школы, не склонны уступать. Затем голос, случайно услышанный (Бат-Кол), который обычно рассматривался как послание с небес в трудных случаях, как говорят, прозвучал в здании школы в Джабне — голос,

который сказал: "Учения обеих школ являются словами живого Бога, но практически только законы Гиллеля имеют вес". Джошуа, человек спокойного нрава, единственный высказался против любого решения, принятого Бат-Колом. "Нам не нужен голос чудотворца, - сказал он, - ибо Закон дан не для небесных существ, а для людей, которые в сомнительных случаях могут принимать решения большинством голосов, а чудо в таких случаях не может дать решения". Элиэзер также не был удовлетворен достигнутым выводом, но это возражение имело лишь незначительные результаты. Объяснения, дедукции и правила объяснения Гиллеля в конце концов приобрели должный им авторитет. Поскольку последователи Шаммая держались вместе с зелотами, врагами римлян, а гиллелиты - с партией мира, революция в какой-то мере завершилась этим актом Синhedриона Джабны. Но это не было направлено на то, чтобы применить принуждение к шаммаитам и, таким образом, полностью реорганизовать их религиозную жизнь в соответствии с принятым решением; напротив, это позволяло им следовать своим собственным убеждениям. "Каждый человек по своему выбору может следовать школе Гиллеля или Шаммая, но решения школы Гиллеля должны быть единственным приемлемым толкованием Закона". Рабби Гамалиил самым тщательным образом следил за объединением двух партий, что, вероятно, было его работой, и противостоял любым попыткам выступить против решений Синhedриона; его поддерживал почтенный Садок, которому он отводил почетное место по правую руку от себя на всех собраниях, и который, увидев Храм во всей его красе, считался авторитетом.

По-видимому, помимо вышеперечисленного, использовались и другие правила, но связь между ними не очень ясна. Патриарх Иавны установил правило, согласно которому в школу должны допускаться только те лица, чья честность была доказана; и с этой целью он поставил привратника у дверей школы, чтобы предотвратить прием недостойных. Похоже, что он хотел исключить тех, кто занимался изучением Права с дурными намерениями; некоторые, возможно, добивались поступления в школу из тщеславия или других низменных побуждений. Два предупреждения, одно от Йоханана бен Заккая, а другое от Садока, против тех, кто принимал участие в изучении Закона из личных интересов, по-видимому, подтверждают это предположение. Первый сказал: "Если ты многое усвоил из Закона, не гордись этим, ибо ты создан для этой цели". Последний сказал: "Не используй Закон ни как корону, чтобы сиять ею, ни как лопату, чтобы копать ею". Подобные низкие идеи Гамалиил старался не допускать в школьный круг.

Оба мероприятия - использование авторитета Патриарха для соблюдения галахических решений и меры предосторожности при приеме членов церкви и учеников - натолкнулись на противодействие, которое поначалу выражалось лишь робко. Патриарх пытался подавить споры с помощью отлучения от церкви, которое он применял с большой энергией и с тем полным пренебрежением к последствиям, которое проистекает из глубоко укоренившихся убеждений. Отлучение от церкви (Нидуи) в то время не имело мрачной суровости более поздних эпох, а носило мягкую форму; запрещалось подвергнутому запрету человеку вступать в какие-либо близкие сношения с другими людьми до тех пор, пока он с раскаянием не подчинится требуемым требованиям. Во время интердикта, который длился не менее тридцати дней, грешник носил черную траурную одежду и соблюдал несколько траурных обрядов; если он умирал в течение этого периода, не покорившись и не покайся, Суд возлагал камень на его гроб. Гамалиилу хватило смелости отлучить от церкви нескольких самых важных персон своего времени, чем он нажил себе много злейших врагов. Он поступил так даже по отношению к своему собственному шурина, Элиэзеру бен Гиркану. Глубоко впечатленный печальными

последствиями, которые разобщенность должна принести иудаизму, которому уже угрожали различные наполовину еврейские, наполовину христианские секты, Гамалиил, не колеблясь, сурово относился к незначительным проступкам, чтобы избежать разрушения религиозного единства. Однажды была дискуссия о печи необычной конструкции, которая по решению большинства была признана подверженной загрязнению, подобно глиняным сосудам. Элиэзер, следуя особой традиции, не желал подчиняться этому решению и действовал вопреки ему; по наущению Гамалиила Элиэзер был отлучен от церкви.

Гамалиил думал, что объединил две школы и установил мир, когда его власть была разрушена человеком, от которого он не ожидал никакого энергичного противодействия. Иисус Навин, отличавшийся уступчивым нравом и, по-видимому, наименее опасный из противников сурового Патриарха, стал его злейшим врагом. Иисус Навин был так же недоволен некоторыми предписаниями Гамалиила, как и Элиэзер, но он не осмеливался показать свое неодобрение из-за своего бедного положения, и когда ему случалось высказывать какое-либо противоречивое мнение, он быстро забирал его обратно. Гамалиил получил отчет двух ненадежных свидетелей, чтобы установить начало месяца Тишри, от которого зависели даты главных праздников, включая День Искупления. Иисус Навин показал, что патриарх допустил ошибку в этом акте, и потребовал, чтобы колледж изменил дату праздника. Гамалиил остался тверд и послал Иисусу Навину приказ, чтобы в день, который, по расчетам Иисуса Навина, был Днем Искупления, последний предстал перед ним в повседневной одежде, со своим посохом, рюкзаком и мешком с деньгами. Эти диктаторские действия показались Джошуа настолько жестокими, что он пожаловался на них своим самым важным коллегам и, казалось, был полон решимости противостоять им. Однако те, кто видел необходимость единства, убедили его уступить. Достопочтенный Досса бен Харчинас убедил его, что распоряжения религиозного лидера должны быть неоспоримыми, даже если они ошибочны, и что каждый человек должен им следовать. Иисус Навин позволил убедить себя и подчинился Патриарху. Его появление повергло Гамалиила в изумление. Он сердечно приветствовал его и сказал ему: "Добро пожаловать, мой учитель и ученик — мой учитель в мудрости, мой ученик в послушании. Счастлив век, в котором великие люди повинуются низшим". Но это примирение длилось недолго. Суровые действия патриарха подняли против него враждебную партию, которая начала тайно действовать против него. Он знал об этой оппозиционной партии и упоминал о ней в публичных выступлениях. О нем рассказывают, что его манера открывать заседания Синхедриона менялась. Если бы не присутствовал никто из его противников, он попросил бы ассамблею задать вопросы; однако, если бы присутствовал кто-либо из его врагов, он не стал бы делать этого приглашения. Таким образом, оппозиционная партия, по-видимому, поставила его перед дилеммой на этих встречах. Возможно, у Гамалиила были основания считать Иисуса Навина главарем этого отряда, и он часто давал ему почувствовать силу своего более высокого положения оскорбительным поведением и суровым обращением. Однажды взаимная неприязнь привела к вспышке и вызвала изменения в Синхедрионе. Патриарх в очередной раз оскорбил Иисуса Навина своим суровым поведением и обвинил его в тайном противодействии одной из Галах. Поскольку Иисус Навин сначала отрицал этот факт, Гамалиил был настолько разгневан, что закричал: "Тогда встань, чтобы свидетели могли дать показания против тебя". Это была форма обвинительного заключения. Здание школы было полно людей, среди которых поднялся переполох из-за такого презрительного обращения с ученицей, которая пользовалась уважением и любовью народа. Оппозиционная партия набралась смелости и высказала свое недовольство. Они воззвали к Патриарху: "Кто там постоянно не ощущал твоей суровости?"

Школа была превращена в трибунал, и коллегия немедленно низложила Гамалиила с сана патриарха. С его падением прекратились изданные им постановления. Привратник был удален от дверей школы, в которую теперь все могли получить беспрепятственный доступ. Члены Синhedриона немедленно подыскивали другого Патриарха, чтобы этот важный пост не остался незанятым. У них было слишком много такта, чтобы обрушить новую порчу на покойного Патриарха, выбрав Иисуса Навина, его главного противника, а Элизер, который претендовал на эту честь, находился под запретом. Акиба казался подходящим для этого поста благодаря своему интеллекту и характеру. Он быстро поднялся из невежества и бедности, быстро преодолел промежуточные ступени между степенями ученика и учителя и снискал восхищение даже у самых глубоких учителей Закона. Но его величие было только вчерашним днем; у него не было выдающихся предков, которые могли бы показать, что он достоин сана Патриарха. Поэтому колледж выбрал очень молодого члена, Элеазара бен Азарию, которому в то время, должно быть, было всего шестнадцать лет. Выбор был сделан из-за его благородного происхождения от длинной линии предков, которая восходила к Ездre, возрождателю иудаизма, еще одним мотивом для его избрания были его огромные богатства и уважение, с которым он относился к римским властям. У Элеазара не было недостатков в характере и понимании, и поэтому его сочли достойным стать преемником Гамалиила.

Это низложение и выборы имели отличные результаты, и день, в который произошли эти события, был сочтен пришедшими настолько важным, что он был известен под простым обозначением "тот день". Похоже, что коллегия Синhedриона, возможно, по предложению Иисуса Навина, снова пересмотрела те законы, которые под влиянием Гамалиила были приняты в соответствии с духом школы Гиллеля. Коллегия, которая в то время состояла из необычайно большого числа семидесяти двух членов, поэтому предприняла пересмотр односторонних законов и проверила тех, кто придерживался традиций. Зарегистрировано, что более двадцати человек дали показания перед колледжем относительно традиций, которые были переданы из поколения в поколение. Во многих моментах большинство членов колледжа заняли промежуточную позицию между противоположными доктринами школ Шаммая и Гиллеля, и они решили, что "ни то, ни другое им не нравится". Что касается других спорных вопросов, то оказалось, что сам Гиллель или его школа отказались от своих собственных взглядов и были склонны следовать за шаммаитами. Свидетели относительно Галах, по-видимому, были формально допрошены, и, возможно, их показания были даже записаны. Показания свидетелей в этот день носят название Адойот (свидетельства свидетелей), или Бечирта (лучший выбор), и составленный кодекс, без сомнения, является самым ранним сборником. В его содержании угадывается древняя и примитивная форма традиций. Законы составлены довольно беспорядочно и без какой-либо иной связи, кроме имени человека, который их издал.

День собрания свидетелей также имел общее значение из-за двух вопросов, которые обсуждались. Первый вопрос возник таким образом. Язычник аммонитского происхождения пришел перед собранием, спрашивая, может ли он быть законно принят в качестве прозелита. Гамалиил прогнал его, сославшись на приговор писаного закона: "Моавитяне и аммонитяне не могут быть приняты в общество Божье даже в десятом поколении". Спорщики отнесли к этому вопросу с теплотой, и Гамалиил постарался донести свою точку зрения. Иисус Навин, однако, придерживался своего мнения, что приговор Закона больше не применялся к тем временам, поскольку из-за агрессии завоевателей все народы смешались воедино и пришли в замешательство до неузнаваемости. Второй вопрос касался святости двух писаний, приписываемых царю Соломону, - Экклезиаста (Кохелет) и Песни Песней (Шир Хаширим).

Школа Шаммая не признала их святыми. Это старое состязание теперь было подхвачено Коллегией Семидесяти двух, которая не одобрила решения Гиллея, но точно неизвестно, с каким результатом. Позже эти Галахи были включены в сборник (Канон) Священных писаний, после чего Канон был завершен, и несколько произведений на иврите были отвергнуты как апокрифы, такие как "Притчи Сираха", первая книга Маккавеев и некоторые другие.

Благородной чертой Гамалиила, которую легко признавали его современники, является то, что, несмотря на множество оскорблений, которые он получил в "тот день", он ни на минуту не испытывал желания из мелкой мести уйти со своего поста учителя. Он, как и прежде, принимал участие в дискуссиях, поскольку у него было мало шансов отстаивать свои идеи среди собрания, которое было так настроено против него. Но в пылких спорах того дня он, без сомнения, убедился, что его великая суровость отдалила от него других и что тем самым он подавил многие истинные мнения; он почувствовал, что его мужество сломлено, и решил уступить. Поэтому он отправился к самым уважаемым членам Синhedриона, чтобы извиниться за свое оскорбительное поведение. Он посетил своего главного противника, Джошуа Навина, который занимался своим ремеслом изготовления иголок. Гамалиил, выросший в богатстве, не мог скрыть своего удивления при виде столь образованного человека, занятого такой тяжелой работой, и сказал: "Неужели так ты зарабатываешь себе на жизнь?" Иисус Навин воспользовался случаем, чтобы откровенно изложить ему безразличие, проявленное к печальному положению нескольких достойных людей— "Достаточно того, - сказал Иисус Навин, - что ты только сейчас обнаружил это. Горе веку, вождем которого ты являешься, что ты не знаешь о заботах ученых и о том, с какими трудностями им приходится содержать себя". Иисус Навин высказал тот же упрек, когда Гамалиил восхитился его астрономическими познаниями; он скромно отверг свое восхищение и указал на двух учеников, которые обладали выдающимися математическими достижениями, но у которых едва хватало хлеба и одежды. Наконец Гамалиил умолял своего разъяренного противника простить его из уважения к высокочтимому дому Гиллея. Вслед за этим Иисус Навин выразил удовлетворение и пообещал приложить все усилия для восстановления Гамалиила в должности патриарха. Следующим шагом было побудить новоизбранного Наси отказаться от своего сана, в которое он только что вступил. В том, чтобы сделать ему это предложение, была определенная деликатность. Акиба, который всегда был готов услужить, взял на себя деликатное поручение, выполнение которого, однако, нисколько не затруднило его. Ибо едва Елеазар, новоизбранный Патриарх, услышал, что между Гамалиилом и его главным врагом заключен мир, как он немедленно был готов вернуться к частной жизни; он даже предложил нанести визит Гамалиилу, на котором присутствовала вся Коллегия. Договоренность, достигнутая между Патриархом и Елеазаром, заключалась в том, что первый всегда должен председательствовать в течение первых двух недель и проводить занятия, а второй, как вице-президент, должен делать то же самое на третьей неделе.

Таким образом, борьба закончилась; она возникла не из честолюбия или гордыни, а только из-за ошибочного взгляда на функции Патриарха. Эти разногласия вскоре были забыты, и с тех пор Гамалиил жил в мире с членами Синhedриона. Возможно, положение дел при императоре Домициане отвлекло внимание общественности от внутренних дел и вызвало необходимость объединения, чтобы предотвратить опасности, угрожавшие извне.

Гамалиил олицетворял в этом кругу ученых то стремление к единству и власти, которые могли бы регулировать из одного центра всю религиозную и национальную жизнь народа. Его шурин

Элиэзер, сын Гиркана, представлял другую сторону, а именно тех, кто придерживался своих собственных взглядов и отказывался подчиняться общеобязательным законодательным актам. С самой ранней юности Элиэзер посвятил себя изучению Галах, и они так прочно запечатлелись в его памяти, что, как он сам сказал, ни крупика из них не должна была быть утрачена. Поэтому его учитель, Йоханан, назвал его "запечатанным резервуаром, который не пропускает ни капли". Именно в соответствии с этим методом Элиэзер преподавал в Лидде (Диосполис), месте, которое раньше было ипподромом. Когда его спрашивали о законе, он либо отвечал так, как его учили его учителя, либо открыто признавал: "Я не знаю; мне не говорили". Однажды во время его пребывания в Кесарии Филипповой в Верхней Галилее ему было задано для принятия решения тридцать вопросов, на которые он ответил: "По двенадцати из них я могу дать решение, которое было передано мне; по остальным восемнадцати у меня нет традиции". Когда его спросили, учил ли он только тому, что было передано ему, он ответил: "Вы вынуждаете меня сейчас передавать то, что не было передано мне; ибо знайте, что за всю свою жизнь я никогда не учил ни одному слову, которое не было бы передано мне моими учителями". Чтобы избежать неприятных вопросов, на которые он не знал, как ответить, он задавал перекрестные вопросы, из которых было видно его нежелание обсуждать этот вопрос. Однажды его спросили, может ли незаконнорожденный ребенок унаследовать собственность, и он спросил в ответ, "будет ли он юридически считаться братом". На вопрос, можно ли покрасить дом в белый цвет после разрушения Храма, он ответил перекрестным вопросом, можно ли покрасить могилу, таким образом, твердо придерживаясь своего правила никогда не выносить решения, которое не было доведено до его сведения устной традицией. Самым острым умозаключением он обычно противопоставлял простой ответ: "Я этого не слышал". Чтобы поддержать эту своеобразную точку зрения, он, по-видимому, внушал своим ученикам: "Удерживайте своих детей от поиска (Хигаюн); пусть они лучше воспитываются на коленях мудрецов".

Таким образом, Элиэзер был консервативным элементом в Синхедрионе; он был органом традиции, который сохранил Галахи именно в том виде, в каком они были приняты; он был "запечатанным резервуаром", который не позволял ни одной капле воды утечь, ни одной свежей капле найти вход. Его современники и преемники дали ему почетное имя "Синай", живая скрижаль Закона, на которой начертаны неизменные заповеди. Однако, несмотря на то, что его очень уважали как верного хранителя традиционного Закона, он, тем не менее, был несколько изолирован из-за своей приверженности исключительно традициям. Его коллеги зашли слишком далеко по пути, указанному Гиллелем, чтобы довольствоваться простым соблюдением Закона; они также желали расширить и развить его. Элиэзер неизбежно столкнулся с тенденцией времени. Он был самым решительным противником своего шурина Гамалиила и его метода исключения в стремлении к единству. С одной стороны, это была власть, подкрепленная мощной волей, которая подавляла любое восстание против принятого закона; а с другой стороны, это было надежное знание, которое находит свое подтверждение в прошлом. Такие противоположности нелегко было примирить, и Элиэзер не был тем человеком, который отказался бы от своих убеждений. Фактически его упрекали в его негиббом характере, который отказывался подчиняться другим и который заставлял его выражать свое мнение в резких выражениях. Уважение, которое испытывали к нему лично, затрудняло сообщение ему о том факте, что он был отлучен от церкви, но Акиба снова взял на себя обязанность сообщить неприятную новость. Одетый в черное, он подошел к Элиэзеру и мягко прервал ему фразу, обратившись к нему с такими словами: "Мне кажется, что твои товарищи избегают тебя". Элиэзер понял намек и принял удар безропотно; он подчинился отлучению от

церкви и жил отдельно от своих друзей. Он проявлял лишь отдаленный интерес к дискуссиям, которые велись в Джамнии. Когда он слышал о каком-либо важном решении, он обычно заглядывал в сокровищницы Галах, чтобы подтвердить или оспорить его.

Не оказывая никакого влияния на дела и не принимая участия в развитии Закона, Элизер прожил свои последние годы в процветающих материальных условиях, но в мрачном душевном состоянии. В своем отчаянии он произнес фразу, которая резко контрастировала с чувствами его товарищей. "Погрейся, - сказал он, - у огня мудрых, но остерегайся углей, чтобы не обжечься, ибо их укусы подобны шакальему, их жало подобно скорпионьему, их языки подобны языкам змей, а их слова - горящие угли". Это горькие слова израненного духа, но они не лишают его оппонентов некоторого оправдания.

Поразительный контраст упрямству Элизера и не менее несгибаемому деспотизму Гамалиила представляет Иисус Навин бен Чананья. Он был уступчивым, податливым, миролюбивым элементом в этом недавно созданном еврейском сообществе. Он защитил Закон и людей от односторонних и преувеличенных идей и стал популяризатором изучения Закона и благодетелем своего народа. Будучи молодым левитом из хора, он видел великолепие Храма и пел псалмы в его залах. Вместе со своим учителем он покинул Иерусалим, а после смерти последнего основал школу в Бекиине. Здесь он обучал своих учеников и занимался скромным ремеслом изготовления игловок, с помощью которого содержал свою семью. Благодаря своему двоякому занятию Иисус Навин общался как с учеными, так и с простыми людьми; он стремился объединить их обоих и был единственным человеком, обладавшим властью над умами и волей масс. Лично он был настолько уродлив, что дочь императрицы однажды спросила его, как получилось, что столько мудрости было вложено в столь уродливую форму. На что Иисус Навин ответил, что вино не хранится в золотых бочках.

Помимо знакомства с традициями, он, по-видимому, обладал некоторыми астрономическими знаниями, которые позволили ему рассчитать неправильный курс комет. Это знание однажды очень пригодилось ему, когда он был в путешествии. Он отправился в путешествие с Гамалиилом и запасся большим количеством провизии, чем обычно требовалось для путешествия. В течение некоторого времени корабль шел неверным курсом, потому что его капитан, введенный в заблуждение видом определенной звезды, повернул в неправильном направлении. Когда провизия Гамалиила была съедена, он был удивлен, что с его товарищем этого не произошло, но что, на самом деле, он мог даже оставить немного для него. Вслед за этим Джошуа сообщил ему, что он рассчитал возвращение звезды (кометы), которая появляется каждые семьдесят лет и которая введет в заблуждение невежественного моряка, и что поэтому он (Джошуа) запасся дополнительной пищей на этот случай. Эти астрономические познания Иисуса Навина кажутся тем более удивительными, что циклы движения комет не были известны даже ученым древности. Но Иисус Навин все же больше отличался своей скромностью и мягкостью, чем знаниями и мудростью, и эти качества он проявлял также в преподавании. Он был противником всякого преувеличения и эксцентричности и при принятии юридического решения учитывал обстоятельства повседневной жизни.

Иисус Навин горячо выразил свое неодобрение многочисленным мерам, которые школа Шаммая ввела перед разрушением Храма под названием "восемнадцать правил" и которые сделали невозможными всякие более тесные отношения или дружеское общение с язычниками. Он сказал: "В тот день школа Шаммай перешла все границы в своих решениях; они

вели себя как те, кто наливает воду в сосуд с маслом; чем больше воды наливают, тем больше масла вытекает", что означало, что из-за введения ряда лишних деталей были упущены действительно важные вещи. Джошуа, по-видимому, также выступал против необоснованных выводов школы хиллелитов. Он сказал, что правила, касающиеся субботы, праздничных подношений и неправильного использования святынь, имеют лишь небольшое основание в Священном Писании, но их поддерживают многие Галахи.

Уравновешенный и спокойный характер Иисуса Навина сделал его особенно подходящим на роль посредника между еврейской нацией и римской нетерпимостью. Он был единственным учителем, который пользовался доверием римских правителей; не предавая своего доверия римлянам, он все же убедил противоборствующие силы быть взаимно более уступчивыми. Смерть Гамалиила и враждебное отношение евреев к римлянам в последние годы правления императора Траяна и в первые годы правления Адриана, по-видимому, оторвали Иисуса Навина от его мелкого ремесла и передали в его руки государственное руководство. Не исключено, что он занял патриарший пост; по крайней мере, то обстоятельство, что он снял запрет с Элизера после смерти последнего, что могло быть совершено только патриархом или кем-то равным по авторитету, дает некоторое основание для этого предположения. Деятельность Иисуса Навина в последние годы его жизни составляет важную часть истории его времени.

Среди персонажей того периода Акиба бен Иосиф, несомненно, был самым талантливым, оригинальным и влиятельным. Дни его юности и умственное развитие окутаны мраком, как это часто бывает с персонажами, оставившими свой след в истории; но легенды пролили достаточно света, чтобы показать безвестность его происхождения. Согласно одной легенде, он был прозелитом и потомком Сисары, который пал из-за женского обмана. Другая легенда представляет его как слугу Кальба-Сабуа, одного из трех богатейших людей Иерусалима, который своими припасами хотел на много лет предотвратить голод, вызванный осадой. Легенда добавляет, что дочь одного из этих богатых людей Иерусалима по имени Рахиль подарила Акибе свою любовь при условии, что он будет изучать Закон. В те дни это означало приобретение культуры, и поэтому на сороковом году жизни Акиба поступил в школу, чтобы взять свои первые уроки и получить знания, которых ему не хватало. Во время его учебы дочь Кальба-Сабуа оставалась верна ему, живя в величайшей бедности, до которой довел ее отец в своем гневе, бросив ее на произвол судьбы. Из этих историй достоверно лишь то, что Акиба был очень невежественным, пока не достиг преклонных лет, что он и его жена жили в очень стесненных обстоятельствах, и позже он рассказывал, что в период своего невежества он ненавидел тех, кто разбирался в Законе.

Между тем его дремлющий разум развивался не так быстро, как повествует легенда. Один источник утверждает, что он был одним из учеников Элизера в течение многих лет, ни разу не показав себя достойным получить от него поучительный ответ. Его учитель, по-видимому, относился к нему с определенной долей презрения. Возможно, своеобразная система, которой придерживался рабби Акиба в отношении новых галах, также вызвала неодобрение Элизера. Акиба изучил эту новую систему под руководством Нахума из Гимсо (или Эммауса), у которого он учился, на самом деле, не двадцать два года, как гласит легенда. Акиба возвел то, что было неполным и фрагментарным в этой школе, в законченную систему, и таким образом он стоит на поворотном этапе еврейской истории.

Своеобразная система Акибы была построена на определенных принципах, и фактически его можно рассматривать как единственного систематизированного танаи. В этой системе закон не рассматривался как мертвое сокровище, неспособное к росту или развитию, или, как это было в глазах Элиэзера, богатство простых воспоминаний, но он представлял собой вечную каменоломню, в которой при наличии соответствующих средств всегда можно было найти новые сокровища. Новые законы также больше не должны были формулироваться голосом большинства, но должны были быть обоснованы письменными документами Святого Слова и основаны на них. В качестве фундаментальной доктрины своей системы Акиба утверждал, что стиль Торы, особенно в тех частях, которые касаются законов (Галахи), сильно отличается от стиля других писаний. Человеческий язык, помимо необходимых используемых слов, требует определенных выражений, фигур речи, повторов и расширений — фактически он принимает определенную форму, которая почти не нужна для передачи смысла автора, но которая используется по вкусу, чтобы закруглить предложения и сделать их более законченными и художественными. С другой стороны, в языке Торы форма не имеет значения; нет ничего лишнего, ни слова, ни слога, ни даже буквы; каждая особенность выражения, каждое дополнительное слово, каждый знак должны рассматриваться как имеющие большое значение, как намек на более глубокий смысл, который скрыт внутри. Акиба добавил ряд пояснительных и дедуктивных правил к правилам Гиллеля и Нахума, и его дополнения предоставили новые средства развития традиционному праву. Когда дедукция была получена путем правильного использования правил, такой вывод можно было бы снова использовать в качестве основы для новых дедукций и так далее, в непрерывной цепочке.

Никакие последствия не должны были удерживать Акибу на этом пути. Он открыл новый путь со своей системой и новой точкой зрения. Устный Закон, о котором было сказано, что он висит на волоске и не имеет твердой основы в Священном Писании, таким образом, был поставлен на более прочную основу, и разногласия по поводу Галах были в значительной степени уменьшены. Современники Акибы были удивлены, ослеплены и вдохновлены его теориями, которые были новыми и в то же время старыми. Тарфон, который когда-то был настоятелем Акибы, сказал ему: "Тот, кто уходит от тебя, уходит из жизни вечной; ибо то, что было забыто при передаче, ты даешь заново в своих объяснениях". Было признано, что Закон был бы забыт или им пренебрегли, если бы Акиба не оказал ему свою поддержку. С преувеличенным энтузиазмом говорилось, что многие законодательные акты, которые были неизвестны Моисею, были открыты Акибе.

Точно так же, как Акиба признал и подтвердил ценность традиционного права, он также помог свести его к методической системе и порядку. Он заложил основу для возможного сбора богатого подручного материала. Уже говорилось, что Галахи были собраны воедино без связи или систематической группировки; поэтому было необходимо, чтобы сохранить всю массу, поддерживать многолетнюю близость с теми, кто был знаком с Галахами, быть неутомимо трудолюбивым и иметь верную память. Акиба, однако, облегчил изучение Галах, распределив их по группам, и таким образом помог запоминанию. Упорядочивание Галах он осуществлял двумя способами. Он собрал их вместе в соответствии с их контекстом, так что все Галахи, касающиеся субботы, законов о браке, разводов и собственности, должны были образовать самостоятельное целое. Таким образом, все дело было разделено на шесть подобных частей, каждая из которых носила название Масехта (Textus—Разделение). Эти подразделения он расположил в соответствии с числами, чтобы оказать полезную помощь памяти; таким образом, по четырем причинам мог быть нанесен имущественный ущерб; пять категорий мужчин могли

быть исключены из десятины священников; пятнадцати категориям женщин кровное родство не позволяло вступать в брак со своими зятьями; тридцать шесть видов грехов записаны в Священных Писаниях как караемые истреблением. Собрание галах, учрежденное Акибой, называлось Мишной, или более полно Мишной рабби Акибы, чтобы отличать его от более позднего собрания; в христианских кругах оно было известно под названием Дейтеросис Акибы. Его также называли Мидот (Меры), вероятно, из-за чисел, которые составляют основу расположения. Эта Мишна, или Мидот, хотя и была упорядочена, не была записана; содержание оставалось по-прежнему традиционным, но для их классификации использовался более простой метод. Маловероятно, что Акиба в одиночку завершил и упорядочил весь этот материал. Его ученики, без сомнения, помогали в составлении этого сборника, который позже лег в основу кодекса, положившего конец всей традиционной системе.

Более старые мишны (Мишна Ришона) часто отделялись от более поздних (Мишна Ачарона, или Мишна рабби Акибы), и последние принимались за норму. Имя нового основателя Устного Закона стало, благодаря его особому способу преподавания, одним из самых известных в еврейских общинах повсюду. Его таинственное происхождение только усилило интерес, испытываемый к нему. Число его слушателей преувеличено традицией, которая фиксирует его на уровне двенадцати тысяч и даже удваивает это число, но более скромные записи сообщают о них как о трехстах. В сопровождении этой многочисленной группы учеников Акиба снова навел свою жену Рахиль, которая в течение нескольких лет жила отдельно от него в величайшей бедности. Трогательно описана сцена их встречи, и говорят, что ее жестокосердный отец Кальба-Сабуа, гордившийся таким зятем, завещал ему все свое имущество. С этого времени Акиба жил в большом богатстве со своей женой, которая раньше была настолько бедна, что спала на соломенной подстилке. Его благодарность к своей измученной жене была пропорциональна тем жертвам, на которые она пошла ради него.

Акиба постоянно проживал в Бенебераке, где находилась его школа. Предполагается, что это место, которое благодаря ему стало столь знаменитым, находится к юго-востоку от Иоппии. Другие относят это еще южнее, недалеко от Ашдода; но Акиба был членом Синхедриона в Джабне, и редко какие-либо меры принимались без его участия.

В развитии еврейского права, в которое Акиба внес такие изменения, Исмаил бен Элиша сыграл важную роль. Он требовал объяснения писаного закона с точки зрения здравого смысла и, таким образом, был одним из главных противников системы Акибы. Согласно Ишмаэлю, божественные заповеди Торы выражены человеческим языком, в котором встречаются различные фигуры речи, лингвистические повторы и ораторские способы выражения, которым, однако, не следует придавать значения, поскольку они являются всего лишь вопросом формы. Таким образом, он отбросил различные умозаключения Акибы, которые были основаны на явно лишнем (плеонастическом) слове или даже букве алфавита. Акиба вывел, например, наказание смертью на костре для прелюбодейной замужней дочери священника из одной буквы алфавита, на что Ишмаэль заметил: "Из-за одной буквы алфавита ты бы предал смерти на костре!" У Исмаила была своя школа, которая была известна под именем Бе-рабби Ишмаэля. Там он разработал правила, которые должны были использоваться при объяснении и применении Писаного Закона. Он расширил семь правил толкования Гиллеля до тринадцати, разделив одно на несколько, в то время как другое он отверг и, опираясь на свой собственный авторитет, добавил одно, которое было совершенно новым.

Тринадцать дедуктивных правил Ишмаэля признаны завершенной формой, но система Акибы, хотя и частично противоречила ей, тем самым не была исключена из употребления, поскольку и то, и другое в равной степени применялось последующими учителями. Об Измаиле больше мало что известно. Он принадлежит к кругу, который, несомненно, по политическим причинам, был переведен Синхедрионом из Джабне в Ушу. Впоследствии он заплатил жизнью за свою любовь к своей нации и Закону. Акиба, хотя и был противником выдвинутых им теорий, произнес надгробную речь, восхваляющую его, и был впечатлен мыслью, что подобная участь вскоре постигнет и его самого.

Эти пять человек — Гамалиил, организатор; Элиэзер, строгий приверженец традиции; Иисус Навин, примиритель; Акиба, систематизатор; и Измаил, ясный мыслитель, были центральной точкой того периода; они образовывали лучи, которые, начиная с одной точки, расходятся, чтобы окончательно воссоединиться в другой.

Поддержание и культивирование унаследованного Закона было объединяющим моментом для всех активных и интеллигентных людей, и на это они направляли всю свою энергию, разум и могущество. Многочисленные учителя этого второго поколения танаитов назывались Вооруженными (Ba'ale Trêssin), потому что Синхедрион и школы представляли собой поле битвы, на котором бойцы боролись за Закон (machai nomikai). Группа состояла частично из членов Синхедриона, которые имели право голоса при принятии каждого решения; частично из посвященных членов, которые посредством церемонии "возложения рук" были возведены в ранг "мудрецов", из среды которых колледж обычно заполнял вакансии; и, наконец, были ученики, которые сидели на земле в качестве слушателей "у ног учителей".

Среди наиболее важных членов был Тарфон Лиддский; он был богат и щедр, страстен и поспешен — ревностный враг иудео-христиан. Далее, были Элиэзер из Модиина, авторитет в области агадических объяснений; и Хосе, галилеянин, чье сердце было мягким и полным любви к человечеству. Был также Исебаб, клерк Синхедриона; Хузпит, общественный оратор или переводчик; Иуда бен Баба, хасид (вероятно, он принадлежал к ордену ессеев); Чананья бен Терадион, который вместе с только что названными принял мученическую смерть. Кроме них были Элеазар Часма и Йоханан бен Гудгада, оба прославившиеся своими глубокими математическими познаниями и своей бедностью, но патриарх назначил их на прибыльные должности при непосредственном вмешательстве Иисуса Навина; Йоханан бен Нури, ревностный ученик Гамалиила; Джозеф бен Кисма, поклонник римлян; и, наконец, Илай и Халафта, оба ставшие более известными благодаря своим сыновьям. Из класса учеников только четверо отличились в истории: Самуил младший и трое других, и всех их звали Симон. Ученики состояли из тех, кто по какой-то причине не был среди посвященных и, таким образом, был отстранен от определенных функций, таких как членство в Синхедрионе и занятие определенных судебных должностей. Им было отказано в титуле раввина — эквиваленте звания врача в наше время, но не соответствующем титулу преподобного. Титул раввина, по сути, впервые использовался со времени разрушения Храма и, вероятно, был введен учениками Йоханана бен Заккая, которых их приверженцы называли учителями.

Самуил Младший (Хакатон) был человеком редкой скромности и самоотречения, "истинным учеником Гиллеля"; он был известен главным образом своим осуждением иудео-христиан и пророческим взглядом, который, находясь на смертном одре, он бросил в мрачное будущее. Он произнес пророческие слова: "Симон и Измаил обречены на уничтожение; нации угрожает

анархия, и последуют жестокие гонения". Окружающие не знали, что и думать о его высказываниях, но он предвидел грядущие неприятности при Адриане. Самуил умер бездетным, и сам патриарх произнес речь в его память.

Симон бен Нанос был известен благодаря своему близкому знакомству с законом личности, и Ишмаэль рекомендовал всем, кто был сведущ в Законе, развивать знакомство с бен-Наносом. Симон бен Асаи был врагом брака, и вместе с Симоном бен Зомой он увлекся теософскими спекуляциями того времени. Среди огромного числа учителей Закона, многие из которых погибли, назван только один, который покинул свой народ и таким образом приобрел нежелательную известность. Это был Элиша бен Абуя, более известный под своим вероотступническим именем Ахер, который стал гонителем Закона и тех, кто его придерживался. За пределами Иудеи, и особенно в Вавилоне, существовали центры роста духовной активности. Иуда бен Батира, преподававший в Нисибисе, городе в Вавилоне, вероятно, был потомком семьи Бене Батира, которая во времена царя Ирода возглавляла Синhedрион. В Нахардее Нехемия названа преподавателем традиционного права в Бет-Дели. Из этого центра, по-видимому, возникла, как будет показано позже, главная оппозиция планам Траяна по завоеванию Евфратского региона. В Малой Азии аналогичным образом продолжалось изучение Галахи, хотя имена ее учителей не сохранились. Кесария, столица Каппадокии (также называемая Мазака), по-видимому, была главным центром этого направления исследований. Рабби Акиба во время своего путешествия по Малой Азии встретил в последнем месте человека, сведущего в традициях, который провел с ним дискуссию о Галахах. Египетские евреи, которые закрыли храм Онии по приказу Веспасиана и таким образом потеряли место своего обучения, по-видимому, продолжали изучать Галахи в Александрии. Они продолжали заниматься переводом таких произведений, которые напоминали Священное Писание или апокрифическую литературу. Сирах перевел высказывания своего деда на греческий, а другие перевели книгу Сусанны и Письмо Баруха. Дополнения были также внесены в Книги Есфири и Даниила. Эти более поздние дополнения к еврейской поэзии рассматривались христианами как часть Библии. В Иудее, однако, этим иностранным школам не уделялось никакого внимания, но Синhedрион Иавны считался высшим авторитетом.

ГЛАВА XIV. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ.

Внутренняя жизнь евреев—Сфера деятельности Синhedриона и Патриарха—Порядок членов и моральное состояние простых людей—Отношение христианства к иудаизму—Секты—Иудейские христиане—христиане—язычники—Эбиониты—Назаряне—Гностики—Постановления Синhedриона против христианства—Прозелиты в Риме—Аквила и его перевод Библии—Береника и Тит—Домициан-Иосиф Флавий и римляне.

Синагог Джамнии стал сердцем еврейской нации, откуда жизнь и активность распространялись на самые отдаленные общины. Отсюда исходили все договоренности и решения, касающиеся религиозных вопросов, которые должны были стать популярными и соблюдение которых должно было быть обеспечено. Нация считала Синhedрион остатком государства и оказывала Наси (Президенту), члену дома Гиллеля и потомку Давида, такое почтение, какое можно было

бы проявить к членам королевской семьи. Греческий титул Этнарх, что означает "Правитель народа" и который ближе всего подходит к описанию царя, по-видимому, показывает, что с Патриархатом было связано княжеское достоинство. Поэтому народ гордился домом Гиллея, потому что через его членов правящая власть оставалась в доме Давида, и таким образом подтвердилось предсказание патриарха Иакова, "что скипетр не должен отходить от колена Иудина". После Патриарха пришли его представитель Аббет-дин и Хахам (Мудрый), особая должность которого неизвестна. Патриарх имел право назначать судей и должностных лиц конгрегации и, вероятно, контролировал их действия. Римское правительство еще не вмешивалось в общинное устройство евреев настолько, чтобы заставлять римлян исполнять судебные должности. Авторитет патриарха, однако, не ослаблял власти учителя в некоторых школах; они могли присваивать своим ученикам звания судьи или учителя народа, и согласия патриарха не требовалось. Учитель возлагал руку на голову ученика, и это посвящение называлось *Семича*, или *Минуи*, и означало Выдвижение, Рукоположение или Продвижение по службе. Рукоположенные носили титул *Закен* (Старейшина), который был почти эквивалентен званию сенатора, поскольку благодаря этому рукоположению они получали право членства в Совете, когда выбор падал на них.

Основная активность Патриарха проявлялась на публичных собраниях Синодриона. Он занимал самое высокое место, поддерживаемый главными членами клуба, которые сидели полукругом. Позади этих членов церкви, число которых в то время составляло, вероятно, семьдесят, располагалось несколько рядов посвященных, за которыми стояли ученики, а сзади люди, сидевшие на земле, были свидетелями происходящего.

Патриарх открывал собрание либо вводя какой-нибудь предмет обсуждения из Законов, либо приглашая участников высказаться по формуле "Спрашивайте". Если он сам выступал первым, он негромко произносил несколько фраз перед Метургемянином, который затем развивал и объяснял их в ораторской манере. Любой человек имел право задавать вопросы: во время обсуждения ассамблея разделялась на группы и обсуждала этот вопрос. Председатель имел право закрыть дискуссию и завершить ее словами: "Тема была достаточно обсуждена". После завершения никому не разрешалось возвращаться к теоретическим дискуссиям. Похоже, что рукоположенные члены церкви также имели право голоса. При голосовании по уголовным делам подсчитывались все голоса, начинали самые молодые члены, чтобы они, придя первыми, не могли руководствоваться самыми влиятельными людьми; в других вопросах этот метод был обратным. Такова была процедура на собраниях Синхедриона, когда требовалось ответить на вопросы, урегулировать спорные законы, ввести новые соглашения или отменить старые.

Патриарх также выполнял важную функцию по установлению дат праздников. Еврейский календарь не был постоянным, но время от времени его приходилось регулировать. Фактически год был частично солнечным, частично лунным, праздники зависели от хода луны и от влияния солнца на урожай, и изменение хода солнечного и лунного лет должно было быть уравнено. Таким образом, когда солнечный год превышал лунный на месяц, что происходило каждые два или три года, вставлялся месяц, и этот високосный год содержал тринадцать лунных месяцев. Продолжительность месяцев также была неопределенной; согласно традиции, месяц должен был начинаться, когда становилось видно новолуние, и этот период был определен частично астрономическими расчетами, а частично свидетельствами реальных свидетелей. Как только свидетели сообщили Синхедриону, что была видна первая полоса молодой луны, этот день был установлен как первый день месяца, при условии, что он соответствовал сделанным расчетам.

Если свидетелей не было, сомнительный день засчитывался в текущем месяце. Таким образом, в месяце было двадцать девять или тридцать дней. Новолуние праздновалось торжественно и в прежние времена объявлялось с помощью костров, которые легко можно было разжечь в горной стране по всей стране. Горящие факелы были замечены на Елеонской горе, а также на горе Сартаба (Александрион), на горе Фавор и так далее, вплоть до Бет-Белтиса, на границе с Вавилонией. В сомнительный день между двумя месяцами вавилонская община высматривала сигнал и повторяла его на благо тех, кто жил далеко. Однако общины в Египте, Малой Азии и Греции не могли разжигать костры, они не были уверены в том, на какой день приходится новолуние, и поэтому соблюдали два дня вместо одного. Промежуточный месяц был объявлен Патриархом в циркулярном письме общине.

Патриарх Гамалиил ввел использование установленных молитв. Хотя некоторые из молитв были очень древними и использовались в Храме во времена всесожжений, все же главные молитвы тех дней не были сформулированы, но каждому человеку было предоставлено молиться теми словами, которые диктовали ему его чувства. Гамалиил ввел ежедневные молитвы, восемнадцать *Берахот* (благословений), которые используются в синагогах по сей день. Неизвестно, кем были введены молитвы для субботы и праздников. Молитвы повсеместно рассматривались как замена жертвоприношений и назывались "приношениями сердца". Общественная служба была очень простой; официальных чтецов не существовало, любой человек, достигший определенного возраста и пользующийся хорошей репутацией, мог молиться; прихожане призывали его к этому, и он был назван "делегатом общины". Он стоял перед ковчегом, в котором лежали свитки Закона, и, следовательно, молиться было призвано "идти перед ковчегом".

Закон, за исключением системы жертвоприношений, строго соблюдался. Десятина была выплачена потомкам Аарона, углы полей были оставлены для бедных, и каждые три года выплачивалась десятина беднякам. В память о Храме, на восстановление которого возлагались самые серьезные надежды, были сохранены многие обряды, которые могли иметь значение только там. Все те, кто строго выполнял требования Закона, отказываясь от десятой части всех плодов, которыми они обладали, образовывали своего рода орден (*Чабура*), члены которого назывались товарищами (*чаберим*).

В противовес этому порядку были крестьяне - рабы земли. Дана поразительная картина запущенного умственного и морального состояния этих крестьян, чему, несомненно, способствовали частые восстания в последние годы существования еврейского государства. Они соблюдали только те законы, которые взывали к их грубым чувствам, и ничего не знали о высшей жизни. Члены ордена не ели и не жили с ними, и даже держались от них в стороне, чтобы их одежда не стала нечистой при соприкосновении. Современники говорили, что ненависть между двумя классами была сильнее, чем между евреями и язычниками.

Таким образом, предоставленные самим себе и отрезанные от высших классов и от всякого участия в общественной жизни, без лидера или советчика, крестьяне легко подпали под влияние молодого христианства. Иисус и его ученики особенно обращались к незащищенному классу и нашли там большее число своих последователей. Как, должно быть, лестно было этим забытым существам услышать, что из-за них пришел Мессия, что он был казнен, чтобы они могли разделить те блага, которых были лишены, особенно счастье в лучшем мире. Закон лишил их прав, в то время как христианство открыло им царство небесное!

Законоучители, поглощенные задачей поддержания Закона и еврейской жизни, упустили из виду элемент, из которого мог возникнуть могущественный враг Закона. Прежде чем они осознали это, они обнаружили врага на своей собственной земле, который желал заполучить сокровище, за которым они следили с такой преданностью. Развитие христианства как ответвления иудаизма, черпающего пищу из своих корней, составляет, пока его последователи принадлежали к еврейскому народу, часть еврейской истории.

Из небольшой группы в сто двадцать человек, которые после смерти Иисуса стали его единственными последователями, была сформирована христианская община, особенно благодаря энергии Павла. Он пытался привлечь на свою сторону язычников верой в воскресение Христа, а евреев - верой в то, что фактическое явление Мессии доказало неэффективность еврейского закона. Христианство больше нельзя было презрительно игнорировать, оно стало новым элементом в истории. Но учение Павла о том, что еврейский закон не нужен, посеяло семена раздора в первобытном христианстве, и последователи Иисуса разделились на две большие партии, которые снова разделились на более мелкие секты с особыми взглядами и образом жизни. Сектантство впервые проявилось в христианстве не во втором веке, как предполагается, а присутствовало в самом его зарождении и было необходимым результатом фундаментальных различий. Двумя великими партиями, находившимися в резкой оппозиции, были, с одной стороны, *иудейские христиане*, а с другой - *христиане-язычники*. Иудеохристиане, принадлежавшие к первоначальной общине, которая состояла из евреев, были тесно связаны с иудаизмом. Они соблюдали еврейские законы во всех их деталях и указывали на пример Иисуса, который сам жил по еврейским законам. Они вложили эти слова в уста основателя религии: "Скорее исчезнут небо и земля, чем не будет исполнена ни одна йота или крупинка Закона"; далее: "Я пришел не нарушать Закон Моисея, но исполнить его". Они питали враждебный дух к язычникам христианам и применили к ним одно из высказываний Иисуса: "Тот, кто изменяет любой, даже самый тривиальный из законов и соответственно учит человечество, будет последним в царстве Небесном; но тот, кто повинуется им и учит их, будет последним в царстве Небесном". считайся великим в царстве небесном". Даже преданность евреям-христиан Иисусу по своей природе не отделяла их от иудаизма. Они считали его святым и нравственно великим человеком, который естественным образом произошел от рода Давида. Этот сын Давида приблизил царство Небесное, потому что он учил людей жить скромно и в бедности, подобно ессеям, из среды которых, собственно, и возникло христианство. Из-за своего презрения к богатству и предпочтения бедности они носили имя эбиониты или эбионим (бедные), которое их христианские оппоненты превратили в прозвище, означающее "нищие духом". Опасаясь быть затмеваемыми другой стороной, первобытная иудео-христианская община разослала гонцов по зарубежным общинам, чтобы внушить им не только мессианский характер Иисуса, но и долг, который они несли перед Законом. Таким образом, они основали иудео-христианские колонии, главной из которых со временем стала римская.

Им противостояли христиане-язычники. Поскольку термин "Сын Божий", используемый на языке пророков, содержал идею, совершенно непонятную для них, они интерпретировали его в соответствии со своим собственным образом мышления, как означающий действительного Сына Божьего, концепцию, которая была столь же ясной и приемлемой для язычников, сколь странной и отталкивающей для евреев. Когда однажды идея Сына Божьего была принята, стало необходимым исключить из жизни Иисуса все те черты, которые присущи ему как человеческому существу, такие как его естественное рождение от родителей, и таким образом

появилось утверждение, что этот Сын Божий был рожден от девы через Святого Духа. Первое большое различие между евионитами и христианами-язычниками заключалось в их взглядах на личность Иисуса: одни почитали его как сына Давидова, другие поклонялись ему как Сыну Божьему. Второй момент касался того, какое значение следует придавать законам иудаизма. Языческая партия уделяла мало внимания законам, касающимся общности имущества и презрения к богатству, которые были главными целями эбионитского христианства. Язычники, или христиане-эллин, имели свою главную резиденцию в Малой Азии, а именно в семи городах, которые на символическом языке того времени назывались семью звездами и семью золотыми светильниками. Эфес был главой этих языческих христианских общин. Между эбионитской и эллинской конгрегациями, которые объединяло только имя основателя, возникли натянутые отношения и взаимная неприязнь, которая со временем становилась все более ожесточенной. Иудео-христиане люто ненавидели Павла и его учеников. Они не переставали даже после его смерти выражать презрение к обрезанному апостолу, который только распространял заблуждение. Восхищаясь единством и солидарностью, царившими в джамнийском Синхедрионе, в отличие от разногласий, царивших в христианской общине, один иудей-христианин писал: "Наши соплеменники по сей день следуют одному и тому же закону, касающемуся единства Бога и надлежащего образа жизни, и не могут составить иного мнения о значении Священных Писаний. Только в соответствии с предписанными правилами они пытаются привести в соответствие высказывания Священного Писания, но они не позволяют человеку учить, если он заранее не научился объяснять Священное Писание. У них только один Бог, один Закон, одна надежда. Если мы не будем следовать тем же курсом, наше слово истины из-за разнообразия мнений будет разбито вдребезги. Это я знаю не как пророк, но потому, что вижу корень зла; ибо некоторые из язычников вместе с Законом отвергли пророчества, согласующиеся с ним, и приняли незаконные и абсурдные учения врага (Павла)". Эти слова вложены в уста Петра, второго из апостолов. Но евиониты не только называли предсказания и наставления Павла, о которых он так много думал, незаконными и абсурдными, но и дали ему прозвище, которое должно было заклеить его и его последователей. Они называли его Симон Волхв, наполовину еврей (самаритянин), волшебник, который, как говорят, околдовал весь мир своими словами. Говорили, что он также был крещен, но утверждалось, что он не получил свою должность апостола через Святого Духа от учеников Иисуса, а добивался этого путем взяток эбионитской общине. В этой чести ему было не только категорически отказано, но и Симон Петр пригрозил ему проклятием, потому что его сердце было полно обмана, горечи и несправедливости. Свобода от Еврейского закона, провозглашенная Павлом, характеризовалась как необузданная распущенность, как учение Валаама, которое привело к поклонению идолам и стремлению к пороку. Вожди язычников, не колеблясь, ответили в том же духе и, возможно, оплатили своим оппонентам еще большей ненавистью, когда к религиозному противостоянию добавилась неприязнь римлян и греков к евреям, даже после того, как они стали последователями Иисуса. В более крупных христианских общинах эти две секты часто распадалась на отдельные группы и оказывались изолированными друг от друга. В циркулярных письмах, которые руководители различных христианских партий имели обыкновение рассылать общинам, они использовали резкие или осуждающие замечания против противников мнений, которые они считали единственно верными. Даже истории о рождении Иисуса, его деяниях, страданиях, смерти и воскресении, которые были записаны под названием Евангелий только в первой четверти второго века, были окрашены взглядами двух партий, которые вкладывали учения и высказывания в уста Основателя христианства не так, как он их произносил, а в соответствии со своими собственными взглядами. Эти повествования

были благоприятны для иудейского закона и для самих иудеев, когда они исходили от евионитов, и враждебны по отношению к обоим в рассказах, написанных последователями Павла, христианами-язычниками. Таким образом, евангелисты были писателями-полемистами.

Разделение между эбионитами и христианами-язычниками ни в коем случае не ограничивалось религиозной верой, оно имело политическую подоплеку. Иудео-христиане ненавидели Рим, римлян, императора и их чиновников так же сильно, как и евреи. Один из их пророков (говорят, что это Иоанн, подражатель видений Даниила), составивший первое христианское Откровение, или Апокалипсис, был проникнут глубочайшей ненавистью к городу на семи холмах, великому Вавилону. Все зло в мире, все грабежи и эпидемии, все презрение и унижение были провозглашены и призваны в этом первом христианском Откровении против грешного Рима. Они и представить себе не могли, что в будущем она станет столицей христианства. С другой стороны, последователи Павла не только рекомендовали подчинение Римской империи, но даже заявляли, что это было предопределено Богом. Христианская партия, без всякого уважения к тем евреям, которые были проникнуты любовью к свободе, постоянно рекомендовала передавать налоги и десятину римлянам. Это подчинение существующей власти, это заигрывание с грешным Римом, который иудео-христиане считали обреченным на гибель, было еще одним источником разлада между различными христианскими сектами.

Между евреями и иудеохристианами поначалу существовали терпимые отношения. Первые называли последних сектантами (минимам, минеянами). Даже учителя-танаиты и эбиониты свободно общались друг с другом. Строгий раввин Элиэзер, который отказывал язычникам в их доле в вечной жизни, побеседовал с иудеем-христианином Иаковом из Кефарсамии и спокойно выслушал его версию, полученную им от Иисуса. Однажды Бендама, племянник Измаила, после того как его укусила змея, решил позволить вылечить себя с помощью заклинания, произнесенного Иаковом. Переход от иудаизма к христианству не был поразительным. Вполне вероятно, что различные члены еврейских семей принадлежали к иудео-христианской вере, не вызывая разногласий и не нарушая домашнего покоя. О Ханании, племяннике Иисуса Навина, рассказывают, что он присоединился к христианской общине в Капернауме, но его дядя, который не одобрял этого, лишил его христианского влияния и отправил в Вавилон.

Но иудейские христиане также не остались довольны простой идеей Иисуса как Мессии. Они постепенно и бессознательно, подобно христианам-язычникам, украсили его богоподобными атрибутами и наделили чудодейственной силой. Чем больше иудео-христианская концепция идеализировала Иисуса, тем больше она отделялась от иудаизма, с которым все еще считала себя единым целым. Среди эбионитов и эллинитов возникли смешанные секты, и можно было наблюдать постепенное нисхождение от законопослушных эбионитов к презирающим закон антитакам. Следующими за эбионитами пришли назаряне. Они также признавали силу еврейского закона во всей его полноте; но они объясняли рождение Иисуса сверхъестественным образом — от Девы Марии и Святого Духа - и приписывали ему богоподобные атрибуты. Другие иудеохристиане пошли дальше назарян и частично или полностью отказались от Закона. После такого разбирательства полный разрыв между евреями и иудеохристианами был неизбежен. Наконец, наступил момент, когда последние сами почувствовали, что они больше не принадлежат к еврейской общине, и поэтому они полностью отошли от нее. Письмо о разделении, которое еврейская община направила в родительский орган, все еще существует. Оно призывает еврейских последователей Иисуса полностью отделиться от своих соотечественников. В агадическом методе того периода в Послании к

Евреям утверждается, что распятый Мессия является одновременно искупительной жертвой и искупительным священником. Из Закона следует, что те жертвы, кровью которых окроплялось Святое Святых, считались самыми святыми, а тела сжигались вне Храма. "Следовательно", — так продолжает иудео-христианский наставник, — "Иисус, также, чтобы он мог освятить народ своей собственной кровью, пострадал за воротами (Иерусалима). Поэтому давайте выйдем к нему за пределы лагеря (еврейской общины), неся его поношение, ибо у нас здесь нет постоянного города (Иерусалима как символа еврейской религии), но мы стремимся к городу грядущему". Когда однажды был сделан решительный шаг по отделению назарян и родственных им сект от еврейской общины, возникла смертельная ненависть к евреям и иудаизму. Подобно христианам-язычникам, назаряне поносили евреев и их обычаи. Поскольку писанный Закон был свят и для них, они направили свои стрелы против изучения галахи танаитами, которые в те дни были самой жизнью иудаизма. В иудео-христианских, как и в еврейских кругах, люди привыкли рассматривать все события с точки зрения Священного Писания и черпать советы из объяснений и ссылок в пророчествах. Поэтому назаряне применили к танаитам, которых они называли второзакониями, и особенно к школам Гиллеля и Шаммая, угрожающий стих Исая (viii. 14): "Это будет камнем преткновения и падением обоих домов Израилевых". "Под двумя домами пророк имел в виду две схоластические секты Шаммая и Гиллеля, из среды которых возникли книжники и фарисеи, и преемниками которых были Акиба, Йоханан, сын Заккай, затем Элиэзер и Дельфон (Тарфон), а затем снова Иосиф Галилеянин и Иисус Навин. Это два дома, которые не признают Спасителя; и это, следовательно, приведет их к падению и разрушению". Еще один стих из того же пророка, который гласит: "Они насмехаются над народом через слово" (Ис. xxi. 21), назаряне применили к учителям Мишны, "которые презирают народ своими дурными традициями". Они вкладывают в уста Иисуса насмешки в адрес учителей Закона, которые, возможно, могли бы относиться к тому или иному из них, но которые в применении ко всему телу были клеветнической клеветой. Они заставляют его сказать: "На троне Моисея (Синхедрионе) сидят Книжники и фарисеи; всему, что они говорят, вы должны следовать и делать; но их дел вы не должны делать, ибо они говорят и действуют не в соответствии.... Все свои работы они делают так, чтобы люди могли их заметить. Они используют широкие филактерии и бахрому на своей одежде. Они любят занимать главное место за трапезами и в синагогах, чтобы их приветствовали другие мужчины в общественных местах и называли равви, равви.... Горе вам, лицемерные Книжники и фарисеи, которые пожирают имущество вдовы под предлогом того, что вы долго молитесь; за это вы понесете наказание; ... горе вам, что вы берете десятину с земных трав — как с укропа, так и с тмина, и что вы оставляете невыполненными более важные вопросы Закона, суда, милосердия и веры. Одно должно быть сделано, но не следует упускать другое. Вы, слепые души, которые надрываются от комаров и глотают верблюдов, ... которые очищают чаши и блюда снаружи и оставляют их внутри полными до краев вымогательства и коррупции".

Таким образом, лидеры иудео-христиан были настроены против иудаизма Торы, и таким образом, сами того не желая, они сыграли на руку эллинам. Таким образом, учение Павла приобретало все больше и больше оснований и, наконец, стало рассматриваться как истинное христианство, как кафолическая, универсальная религия. Поэтому было естественно, что различные секты евионитов и назарян постепенно исчезли среди постоянно растущего числа христиан-язычников, и что они стали немногочисленными и в жалком состоянии — объектом презрения как евреев, так и христиан. В этом споре мнений проявился своеобразный феномен: чем дальше иудео-христиане отходили от Закона, тем ближе к нему подходили эллины. В

различных посланиях и письмах, которые христианские учителя рассылали конгрегациям или их различным представителям, они не могли в достаточной степени осудить тех, кто стремился уступить место Закону и еврейскому учению.

Тем временем христианство развило ряд сект с самыми любопытными названиями и самого эксцентричного направления. Полвека спустя после разрушения Храма две формы религии в Старом Свете (иудаизм и язычество) претерпели трансформацию и частичное объединение. Иудаизм, не имея государства или точки централизации, пытался консолидироваться, в то время как языческий мир в полном расцвете своего могущества распался, и в умах людей возникло смятение, которое привело к самым экстраординарным результатам.

К двум элементам, заимствованным из иудаизма и христианства, были добавлены другие из иудео-александрийской системы Филона, из греческой философии и, фактически, со всех уголков земли, источник которых с трудом поддается определению. Это было смешение самых противоположных способов мышления и учений, еврейских и языческих, старых и новых, истинных и ложных, возвышенного и низкого, все находилось в тесном соседстве и слиянии. Казалось, что при пришествии христианства в мир все наиболее решительные учения древних времен вложили в него часть своего содержания, чтобы тем самым придать ему важность и продолжительность. Старый вопрос — откуда в этом мире возникло зло — и как его существование можно согласовать с идеей благого и справедливого провидения, живейшим образом занимал все умы, которые были ознакомлены с иудейскими догмами посредством христианских апостолов. Только с помощью новой концепции Бога казалось возможным решить этот вопрос, и эта новая вера была собрана по кусочкам из самых разнообразных религиозных систем. Высшее знание о Боге, Его отношении к миру и к религиозной и нравственной жизни называлось гнозисом; те, кто думал, что обладают им, называли себя гностиками и понимали под этим высокоодаренных существ, проникших в тайны творения.

Гностики, или, более правильно, теософы, которые колебались между иудаизмом, христианством и язычеством и которые заимствовали свои взгляды и формы мышления из этих трех кругов, были заимствованы также у приверженцев этих трех религий. Должно быть, настолько сильным было очарование гностического учения, что власти синагоги и Церкви приняли бесчисленные правила и таинства против него, и все же были бессильны помешать гностическим учениям и формулам завоевать популярность среди евреев и христиан. Гностицизм распространился по всей Иудее, Египту, Сирии, Малой Азии и особенно процветал в Риме — столице мира, — где все религиозные взгляды и вероучения находили последователей. Язык гностиков носил мистико-аллегорический характер, часто заимствованный из еврейских и христианских исповеданий веры, но трактованный совершенно по-другому. Некоторые из гностических сект иллюстрировали особенности течения того времени. Одна секта называла себя каинитами только по той причине, что ее ученики, вопреки библейскому повествованию, считали братоубийцу Каина выше Авеля. Каиниты также почитали развращенных содомитов, Исава, несмотря на его дикость, и честолюбивого Кореянина. Офиты и нааситы были преисполнены подобной любви к противостоянию библейским повествованиям, но они придавали этому более веские мотивы, чем у каинитов. Они взяли свое название от греческого слова "Офис" и еврейского "Нахаш" (Naas) "змея" и очень высоко почитали это животное, потому что в Библии змей считается источником зла и, согласно представлениям тех времен, рассматривался как символ зла и как облик, принятый сатаной. Офиты возблагодарили змея, с помощью которого первая

человеческая пара была приведена к непослушанию Богу и, таким образом, к признанию добра и зла и сознания в целом.

Какими бы разнообразными и противоречивыми ни были тенденции гностических сект, у них все же были общие доктрины. Фундаментальные гностические доктрины касались действительного знания о Боге, которое их основатели развивали в противовес идее Бога, сформулированной иудаизмом. Гностики представляли себе Божественное Существо разделенным на два принципа: Бога и Творца, один из которых подчинен другому. Бога они называли Тишиной или Покоем и изображали его восседающим на троне в неземных высотах, без отношения к миру. Его основными атрибутами были благодать, любовь, милосердие. От него исходили эманации, которые раскрывали часть его сущности; эти эманации были названы зонами (мирами). Ниже этого высшего из всех существ они ставили Творца мира (Демиурга), которого они также называли Правителем. Ему они поручили работу по сотворению мира; он руководил миром, он освободил народ Израиля и дал им Закон. Как высшему Богу присущи любовь и милосердие, которые гармонируют со свободой, так и фундаментальному характеру творца мира присущи справедливость и суровость, которые он дает почувствовать через законы и обязательства. Согласно обычной практике того времени, гностики нашли отрывок из Священного Писания, иллюстрирующий эти отношения между Богом справедливости и Богом благодати. Исайя vii. 6 гласит: "Мы пойдем в Иудею и поставим другого царя, сына благого Бога (Таб-Эля)". Они изображают Творца создающим мир из первозданной материи посредством мудрости (Ахамот). "Мудрость, - как это выражается на их аллегорическом языке, - соединилась с первозданной материей, которая существовала от вечности, и были порождены разнообразные формы; но мудрость от этого затуманилась и затемнилась". Согласно этому изложению, гностики предполагали, что существовали три изначальных Существа — высший Бог, Творец и Первозданная Материя, и из них они развили различные состояния и стадии в духовном и реальном мире. Все хорошее и благородное считается эманацией Бога; справедливость и закон исходят от Творца; но то, что несовершенно, плохо или уродливо в этом мире, является результатом первозданной материи.

В соответствии с этим гностическим разделением трех мировых сил, среди человечества также существуют три класса или касты, которые находятся на службе этим трем принципам. Есть духовные люди (пневматики); они являются правилом и законом для самих себя и не нуждаются в руководстве или опеке; к этому классу принадлежат пророки и обладатели истинного Гнозиса. Есть, во-вторых, материальные люди (Психики), которые находятся на службе законотворческого Демиурга; они стоят под игом Закона, посредством которого они держатся в стороне от мирского, не поднимаясь, однако, до высоты духовных людей. Наконец, есть земные люди (Избранные), которые, подобно низшим животным, закованы в оковы земли и материи. В качестве прообразов этих трех классов людей гностики дали трех сыновей Адама; Сиф был источником Пневматики, Авель - прообразом законопослушного человека, а Каин - прообразом земного человека. Некоторые гностики также классифицировали три религии в соответствии с этой схемой — христианство было порождением высшего Бога, иудаизм - Демиурга, и, наконец, язычество было продуктом земной материи.

Отнюдь не незначительное число евреев позволило ослепить себя неясным светом новых учений, в которых так чудесно смешались истина и ложь, и таким образом оторваться от родительского тела. Отделение одного человека, Элиши бен Абуи, впоследствии имело очень печальные результаты. Причины, побудившие этого учителя Закона, который не отставал в

знаниях от своих собратьев, отпасть, служат доказательством важного влияния, оказываемого ложными учениями теософии на еврейские круги. Легенда, однако, приукрасила эту историю, чтобы объяснить, как человек, сведущий в Законе, мог пойти на такой странный шаг, как пренебрежение Законом. Не подлежит сомнению, что Элиша бен Абуя был хорошо знаком с гностической литературой, а также с греческими песнями и с трудами минеев. Также несомненно, что он знал об фундаментальном учении гностиков, которое представляло Бога как двойственное существо, и что, подобно гностикам, он презирал еврейский закон. Говорят также, что он практически принял порочную гностическую мораль и посвятил себя распутному образу жизни. Отпав таким образом от иудаизма, он получил в знак своего отступничества имя Ахер (другой), как будто, перейдя к другим принципам, он действительно стал другим человеком. Ахер считался в еврейских кругах ярким примером отступничества — как человек, который использовал свои знания Закона, чтобы еще энергичнее преследовать его.

Против таких вторжений, которые совершало христианство, иудаизму приходилось защищаться, чтобы сохранить свое существование. Враждебные силы наводнили его Храм, оскверняли святыни, затемняли его ясную веру в Бога, фальсифицировали и неправильно применяли его учения, отвергали его учеников и наполняли их ненавистью и презрением к тому, что они прежде почитали. Времена эллинистов Маккавеев, которые первыми внесли раздор в дом Израиля, казалось, вернулись с новым ужасом. Сыновья снова составили заговор против собственной матери. Узкий круг танаитов острее всего ощущал опасность; он не ждал ничего хорошего от учения минеев и признавал, что их писания оказывали обольстительное влияние на массы. Тарфон (Трифон) говорил об этом опасном влиянии с глубочайшим убеждением. "Евангелия (Гилион) и все писания минеев заслуживают сожжения, даже вместе со святым именем Бога, которое встречается в них; ибо язычество менее опасно, чем иудео-христианские секты, потому что первые не признают истин иудаизма из-за недостатка знаний, в то время как другие, напротив, отрицают то, что они полностью знают". Поэтому он предпочел бы укрыться в языческом храме, чем в молитвенном доме минеев. Исмаил, чей характер был менее жестоким, чем у Тарфона, проявлял то же чувство по отношению к еврейскому христианству, которое показало себя таким ложным по отношению к своему происхождению. Он сказал, что не нужно колебаться, стоит ли сжигать имя Бога в Евангелиях, поскольку эти писания только разжигают гнев между еврейским народом и его Богом. Тех, кто исповедовал христианство, также упрекали в стремлении навредить своим соотечественникам римскими властями посредством сплетен и обвинений. Возможно, таким образом иудеохристиане стремились зарекомендовать себя перед своим начальством и показать, что они не имели никакого отношения к евреям. Поэтому их современники всегда считали, что имя минеи означает "сказители".

Сообщается как факт, что высшие должностные лица одного из императоров, вероятно Домициана, пришли в школу Гамалиила, чтобы узнать, какие инструкции были даны в отношении язычников. Джамнийский Синхедрион, должно быть, занимался вопросом, какое положение должны занимать евреи-христиане в еврейской общине и следует ли их вообще считать евреями. В отношении минеев не сохранилось постановления Синхедриона, но правила, которые были введены в отношении них, свидетельствуют о его существовании. Была проведена фактическая линия разделения между евреями и иудео-христианами; последние были поставлены ниже секты самаритян и в некоторых отношениях ниже язычников. Евреям-христианам было запрещено вкушать мясо, хлеб и вино, как это было незадолго до разрушения Храма по отношению к язычникам, и с той же целью — воспрепятствовать более тесному общению с ними. Христианские писания были осуждены и поставлены в один ряд с

магическими книгами. Даже вступать в деловые отношения или получать черные услуги было строго запрещено, особенно было запрещено использование магических средств, которые христиане применяли к животным или людям во имя Иисуса. Форма проклятия (носившая название Бирхат ха-Миним) также использовалась против минеев в ежедневных молитвах, а также против доносчиков. Патриарх Гамалиил доверил составление этой молитвы Самуилу Младшему. Это обстоятельство подтверждало идею о том, что различные постановления против иудео-христиан, даже если и не исходили непосредственно от Патриарха, все же имели его согласие. Форма проклятия, по-видимому, была своего рода испытанием веры, чтобы распознать тех, кто тайно придерживался христианства. Ибо в связи с этим было постановлено, что всякий, кто воздержится во время публичных молитв от произнесения проклятия или от молитвы о восстановлении еврейского государства, должен быть уволен со своего поста регента. Синхедрион опубликовал все законодательные акты, направленные против иудео-христианских сект, циркулярными письмами к общинам. Со стороны христиан евреев обвинили в том, что они проклинали Иисуса три раза в день, а именно во время утренней, послеполуденной и вечерней молитв. Этот упрек совершенно необоснован и, как и многие другие, выдвинутые против евреев, основан на недоразумении. Проклятие, произнесенное в молитвах, было направлено не против основателя христианской религии и не против всего христианского сообщества, а против минейских доносчиков.

Отделение иудео-христианских сект от еврейской общины не уничтожило результатов влияния, которое они какое-то время оказывали. Определенные гностические, то есть полухристианские взгляды нашли свое применение в еврейских кругах. Идеи о первозданных силах, зонах, predeterminedных кастовых различиях между людьми, даже учение о двойственном существовании Бога как Бога доброты и Бога справедливости были приняты многими и настолько прочно закрепились, что нашли выражение в молитвах. В молитвах использовались определенные выражения, которые отсылали к гностическим или христианским идеям. Такие формы молитвы, как "Благие восхваляют тебя, о Боже; Имя Твое наречено во имя добра"; повторение выражения "Тебя, о Боже, мы восхваляем"; использование двух имен — все это содержало отсылку к теософской теории, которая основывалась на милости Божьей в ущерб Его справедливости и, таким образом, ставила под угрозу фундаментальные принципы иудаизма. Толчок к такому ходу мыслей был дан исследованиями главы, касающейся сотворения мира и престола Божьего, как описано у пророка Иезекииля (*Берешит Мааса, Меркаба Мааса*). Исследование этой сомнительной почвы дало полный простор воображению, и с помощью Агады были обнаружены аллюзии, которые были применены к любому предмету, как бы далеко он ни лежал за пределами истинного значения текста. Исследования таких тем, чем темнее, тем привлекательнее, стали любимым занятием; такие глубокие медитации на мистическом языке метафор назывались "вхождением в рай". Говорят, что различные законоучители были допущены к этой высшей мудрости, но не отрицалось, что это занятие несло с собой много опасностей для еврейской религии. На эти опасности намекает утверждение, что из тех, кто посвятил себя изучению, Бен Соме и Бен Асаи навлекли на себя соответственно приступ безумия, другой - раннюю смерть, Ачер отпал от иудаизма, и только Акиба, к счастью, избежал опасности, поскольку, несмотря на свои теософские исследования, он все же оставался на территории иудаизма.

На самом деле Акиба сформировал чистейшую концепцию Бога, его правления и долга человека; и таким образом представлял резкий контраст с идеями гностиков. Он произнес высказывание, которое заслуживает внимания своей всеобъемлющостью и краткостью. Он

сказал: "Во всем есть провидение; человеку дана свободная воля; миром правит доброта, и заслуга человека состоит во множестве добрых дел" (то есть не только в знании). Каждое слово в этом изречении свидетельствует против ошибок того времени. Поскольку дальновидные танаиты не закрывали глаза на опасности, возникающие для иудаизма в результате этих исследований высших истин, они готовились предотвратить то же самое. Акиба особенно настаивал на том, чтобы установить границы для нерегулируемых теорий, которые привели к отпадению от иудаизма и самой дикой безнравственности. Он придерживался мнения, что отрывки, касающиеся теории сотворения мира и облачной колесницы Иезекииля, не следует излагать перед всем народом, а следует приберечь для нескольких избранных слушателей. Те, кто мог бы быть посвящен в высшую мудрость, должны обладать знаниями, позволяющими понимать намеки и темные высказывания, и, прежде всего, должны были перевалить за тридцатый год. Акиба пытался положить конец изучению литературы, которая была направлена против иудаизма, отказывая тем, кто принимал в ней участие, в участии в будущем мире, как это было предписано тем, кто отрицал воскресение и божественность еврейского закона. Введение таких форм молитвы, которые несли на себе отпечаток учения минеев, было полностью подавлено. Эти меры против внедрения гностических христианских теорий принесли свои плоды; чистые верования иудаизма в отношении Бога, Его отношения к миру и морального состояния людей остались в еврейских кругах незапятнанными как плодотворные идеи на будущее. Танаитам того периода следует отдать должное в том, что, подобно пророкам древности, они защищали иудаизм от лжи и заблуждений, которые угрожали сокрушить его. Следуя естественному инстинкту самосохранения, они, с одной стороны, изолировали иудео-христианские секты от еврейской общины, а с другой стороны, укрепили иудаизм и вооружили его сильной властью, которая поддерживала его в бурях, которые на протяжении веков угрожали ему разрушением.

Таким образом, укрепленный и сконцентрированный иудаизм получил возможность оказывать некоторое внешнее влияние. Если христианство, возникшее из таких незначительных элементов, гордилось огромным количеством присоединившихся к нему язычников и отказалось от своих национальных божеств ради неизвестного Бога, то у иудаизма было еще больше причин для гордости. Значительная часть завоеваний, которые христианство одержало в языческом мире, была обусловлена еврейской религией, чьи фундаментальные истины и моральные учения часто способствовали обращению язычников. Только с помощью истин иудаизма те апостолы, которые желали обратить язычников, разоблачили непоследовательные извращения греков и римлян, поскольку они использовали презрительные слова пророков против поклонения идолам и проистекающей из этого безнравственности. Но иудаизм праздновал свои независимые победы над язычеством, которые кажутся тем более блестящими, если вспомнить, что у него не было всех средств и преимуществ, которые облегчали обращение из язычества в христианство. Христиане рассылали ревностных посланников и, следуя примеру Павла, стремились обратить в свою веру красноречием и так называемыми чудесными исцелениями. Они не возлагали на новообращенных никаких тяжелых обязанностей и даже позволяли им сохранять свой прежний образ жизни и, частично, свои старые взгляды, не отделяя себя от семейного круга, своих родственников или общения с теми, кто им дорог.

С иудаизмом все было иначе; у него не было красноречивого апостола-прозелита; напротив, он отговаривал тех, кто был готов перейти, напоминая им о тяжелом испытании, через которое им предстояло пройти. Еврейским прозелитам приходилось преодолевать огромные трудности;

они не считались обращенными, если не подвергались операции обрезания; они должны были отделяться от своих семей и друзей своей юности в еде, питье и повседневном общении. Тем не менее, это экстраординарный факт, что в течение полувека после разрушения Еврейского государства повсеместно происходило обращение язычников в иудаизм, как на Востоке, так и в Малой Азии, но особенно в Риме. Возник вопрос о том, могут ли аммонитяне быть приняты в общину, или же библейское предписание в отношении моавитян и аммонитян, запрещающее им допуск в собрание Божье, все еще остается в силе. Кроме того, возник спор о том, могут ли быть допущены прозелиты из Тадмора (Пальмиры), поскольку предубеждение против них было сильным. Целая часть Закона касается прозелитов (*Масехет-Герим*), и в ежедневные молитвы были включены истинно обращенные (*Гере-ха-Цедек*). Несколько обращенных язычников познакомились с Галахами. Среди учеников Акибы было два прозелита.

Наибольшее количество обращенных было найдено в Риме, и это несмотря на ненависть римлян к евреям. Трезвомыслящий историк Тацит не мог объяснить тот факт, что римляне его времени могли смириться с обрезанием, могли отречься от своей страны, пренебречь своими родителями, детьми и родственниками, чтобы перейти в иудаизм. Суровые законы императора Домициана против прозелитов наводят на мысль об их частом появлении. Иосиф Флавий рассказывает как очевидец, что в его время среди язычников возник большой энтузиазм по отношению к еврейским обычаям, и что многие люди соблюдали праздник Посвящения (Ханука), субботу и диетические законы, и что существовало сильное чувство в пользу еврейской религии. "Если каждый человек подумает о своей собственной стране и своей собственной семье, - говорит Иосиф Флавий, - он обнаружит, что мое утверждение верно. Даже если мы не в полной мере ценим совершенство наших законов, мы должны уважать их из-за большого количества людей, которые их уважают". Высказывались разные мнения относительно приема прозелитов суровым Элиэзером и мягким Джошуа Навином. В то время как первые считали обрезание абсолютно необходимым для принятия в иудаизм, вторые считали достаточным крещение, то есть омовение в присутствии квалифицированных свидетелей. Похоже, возобладала более мягкая точка зрения. Многие из тех римлян, которые присоединились к иудаизму, вероятно, не подвергались операции. Историк Иосиф Флавий, который в своей "Апологии иудаизма и еврейской расы", а также, возможно, благодаря своей близости к высшим слоям римского общества, пытался склонить язычников к еврейской религии и, вероятно, преуспел в своих попытках, не считал обрезание обязательным.

Гордостью иудаизма был прозелит Акилас (Аквила). Он происходил из района Понта и владел богатыми поместьями. Хорошо знакомый с греческим языком и философией, Акилас в зрелом возрасте оставил языческие обычаи, чтобы присоединиться к христианам-язычникам, которые гордились таким учеником. Вскоре, однако, он отказался от христианства, чтобы перейти в иудаизм. Это отделение было столь же болезненным событием для христиан, сколь его прежнее обращение было радостным, и они распространяли о нем дурные слухи. Будучи евреем, Акилас общался с Гамалиилом, Элиэзером и Иисусом Навином, а также с Акибой, учеником которого он стал. Понтийский прозелит сильно привязался к иудаизму и соблюдал еще более высокую степень левитской чистоты, чем даже Патриарх. После смерти своего отца, когда наследство было разделено между ним и его братьями, он не захотел брать эквивалент идолов, которые достались его братьям, а выбросил деньги в море.

Акилас прославился благодаря своему новому греческому переводу Священного Писания. Вольность, с которой христиане относились к древнегреческой версии, по-видимому,

пробудила в нем понимание необходимости простой, но фиксированной формы перевода. Поскольку христиане читали Священное Писание у себя на службе и пользовались александрийским переводом так называемых Семидесяти (Септуагинты), они стремились вывести из этого текста многочисленные упоминания о Христе. Они изменили некоторые предложения и добавили другие, чтобы получить желаемые пророчества о Христе из греческого текста, который они считали священным. Можно найти несколько отрывков, использованных учителями Церкви в подтверждение учения Христа, которые нельзя найти ни на иврите, ни в оригинальной форме греческого текста. Гностические секты, со своей стороны, не преминули внести необходимые дополнения, чтобы придать своему учению авторитет Библии. Школа некоего Артемиона прямо названа так, как исказила греческий перевод. Евреи, с другой стороны, пораженные изменениями, внесенными для подтверждения христианской точки зрения, без колебаний внесли свои собственные изменения, чтобы удалить все очевидные намеки на Христа. Следовательно, Септуагинта была местом встреч для жестоких столкновений, и следы этого соперничества отчетливо видны в искаленном состоянии текста.

Хороший греческий перевод Библии также был необходим каждому еврею, говорящему по-гречески. В то время было общепринятым обычаем переводить прочитанные отрывки из Библии на язык страны. Исходя из этого, Акилас, в совершенстве владевший ивритом и греческим языками, начал новый перевод, чтобы противодействовать нелегальному насилию, совершенному над текстом. С этой целью при переводе он строго придерживался оригинального еврейского текста и с чрезмерной осторожностью передавал слово в слово, не обращая внимания на то, что таким образом смысл становился непонятным греческим читателям. Буквальность перевода Акиласа, вошедшего в поговорку, распространялась на такие частицы, которые в иврите имеют двоякое значение, и эти двусмысленности он хотел сохранить в своем переводе. Он хотел, чтобы значение, содержащееся в иврите, было воспринято в его греческой форме. По-гречески это было известно как "Kat'akribean" (идеальное соответствие). Этот перевод, благодаря своей точности, рассеял все сомнения и успокоил совесть благочестивых людей. Законоучители повсеместно использовали его для публичного чтения. Эбиониты, которым более старый перевод также не нравился, использовали в своих службах перевод Акиласа. Перевод на арамейский был частично сделан с Акиласа из-за его простоты и назывался Таргум Онкелос.

В то время в Риме произвело большую сенсацию обращение в иудаизм Флавия Клеменса и его жены Флавии Домитиллы. Флавий был двоюродным братом императора Домициана; он также был членом сената и консулом. Его жена также была близкой родственницей императора. Двух их сыновей Домициан назвал цезарями, следовательно, один из них должен был стать императором. Какая блестящая перспектива для евреев, что близкий родственник императора Тита восстановит Храм, который последний разрушил! Хотя Клеменс, вероятно, держал свою приверженность иудаизму в секрете, все же это было известно евреям в Риме и руководителям Палестины. Получив это известие вместе с информацией о том, что был издан указ об истреблении евреев, проживающих в провинциях Римской империи, четыре вождя, патриарх Гамалиил и его помощник Елиезер, сын Азарии, Иисус Навин и Акиба, отправились в путешествие в Рим. Находясь недалеко от столицы мира, они слышали тысячеголосый шум города и были болезненно тронуты, когда подумали о безлюдной тишине, царившей на горе в Иерусалиме. Они прослезились от такого контраста. Один Акиба сохранял свое жизнерадостное поведение и утешал своих скорбящих друзей словами: "Почему вы плачете? Если Бог так много делает для Своих врагов, чего же Он не сделает для Своих любимцев?"

В Риме к ним относились с большим почтением, как евреи, так и прозелиты, и у них была возможность ответить на многие религиозные вопросы. Но они прибыли в неблагоприятный момент. Домициан был на пике своей кровожадной тирании.

Период благосклонности к евреям со стороны дома Флавиев подходил к концу. Даже Тит, предшественник Домициана, уже изгладил из своей памяти воспоминания обо всем, чем он был им обязан. Свою любовь к еврейской принцессе Беренике он подавлял. Когда Тит стал единоличным правителем, Береника во второй раз отправилась в Рим, чтобы напомнить ему о его обещании жениться; но она приехала слишком рано или слишком поздно. Тит в то время играл роль исправившегося грешника и хотел показать римлянам, что он отбросил прошлое. Он изгнал Беренику из Рима, которая, как было сказано, уехала, но с разбитым сердцем. Береника олицетворяла отношение Рима к еврейскому народу, который сначала пользовался большой благосклонностью, а затем был обречен на изгнание и нищету. Неизвестно, как долго еврейская принцесса переживала свой позор. Тит больше не выражал благодарности ее брату Агриппе II. Он оставил Агриппе свое царство или княжество в том виде, в каком оно существовало до сих пор, но не расширил его, как это сделал его отец. У Домициана, третьего из Флавиев, не было причин проявлять какую-либо благосклонность к Агриппе. Когда последний из иудейских царей умер (92), император присвоил его территории и превратил их в провинцию Сирии.

Домициан, который, как и Тит при своем восшествии на престол, обещал вернуть золотую эру, за время своего правления стал таким же грешным и кровожадным, как Тиберий, Калигула и Нерон. Он был достоин своей нации и своего времени, о которых поэт Ювенал сказал: "Было бы трудно не высмеять их". Евреям пришлось горько страдать от этого кровавого правления. Домициан настаивал на уплате евреями подушного налога и взимал его самым унижительным образом и при особенно суровых обстоятельствах. Однако, каким бы суровым он ни был по отношению к евреям, Домициан был вдвойне суров по отношению к прозелитам и позволил им ощутить всю тяжесть его тиранической власти. Те, кто был обвинен в пристрастии к иудаизму, по приказу императора предстали перед трибуналом, и, если их вина была доказана, их постигло полное наказание, предусмотренное римским законом против безбожия. Таким образом, у прозелитов отнимали их имущество, отправляли в изгнание или приговаривали к смерти. Тацит в своем неподражаемом стиле рассказывает, что казни происходили не только время от времени и с большими интервалами, но и в непрерывной последовательности. В это время (95) Флавий Клеменс был приговорен к смерти, Домициан услышал о его склонности к иудаизму. Ни его отношения с Домицианом, ни его высокое положение не могли защитить его. Четыре законоучителя из Палестины, приехавшие в Рим из-за него и ожидавшие от него более светлого будущего, были свидетелями его смерти. Говорят, что его жена Домитилла, сосланная на остров Пандатария, заявила учителям Закона, что Клеменс был обрезан перед смертью.

Еврейский историк Иосиф Флавий, питавший дружеские чувства к Риму, по-видимому, принимал участие в судебном процессе против Флавия Клемента и других еврейских прозелитов. Он пользовался большим расположением императора Домициана и императрицы Домиции; но из-за позиции, которую он занял по отношению к римлянам во время последней иудейской войны, он стал настолько ненавистен своим соотечественникам, что императору постоянно поступали жалобы на него. Однажды учитель его собственного сына даже обвинил его в измене Домициану. В свободное время Иосиф Флавий занимался всеобъемлющим трудом по еврейской истории от ее начала до довоенного периода, который он завершил в двадцати

книгах на тринадцатом году правления Домициана (93). С большим трудом и за большие деньги он собрал и использовал нееврейские источники, привел их в соответствие с историческими свидетельствами Священного Писания и таким образом воздвиг национальный памятник, благодаря которому деяния и мысли еврейской нации стали известны культурному миру. Но вскоре после этого он воздвиг себе памятник позора. Юстус Тивериадский, его бывший враг, тем временем написал свою историю иудейских войн, в которой он представил Иосифа Флавия врагом римлян, что могло привести к неприятным последствиям. Иосиф Флавий чувствовал, что его честь подверглась нападению, а жизнь - угрозе. Не так уж много требовалось подозрительному тирану Домициану, чтобы низвергнуть человека, пользовавшегося его высочайшим расположением, в пропасть позорного падения. Чтобы оправдать себя от обвинений своего врага Юстуса Тивериадского, Иосиф Флавий приложил к своей истории описание событий своей собственной жизни, описав свое поведение во время войны. Чтобы очиститься от выдвинутых против него обвинений, он представляет свой собственный характер в самом невыгодном свете, как будто он всегда был на стороне римлян и предал свой собственный народ. Но в своей четвертой работе, опубликованной в 93 или 94 году, Иосиф Флавий, хотя и не смог полностью искупить свою вину, все же ясно продемонстрировал свою глубокую любовь к своей религии и своей расе и тем самым заслужил благодарность своего народа. В двух книгах "Против греков" и "против Апиона" он с глубокой убежденностью выступает против обвинений, выдвинутых против иудаизма и еврейской расы, и отстаивает религиозное и моральное превосходство еврейского закона. Эти две книги, вероятно, предназначены для привлечения просвещенных язычников в иудаизм. Иосиф Флавий с радостью указывает, что многие язычники среди греков и римлян уже почитали Бога Израиля и следовали Его законам. Эти книги были посвящены его другу Эпафродиту, ученому греку, который был сильно склонен к иудаизму. Без сомнения, Иосиф Флавий лично пытался привлечь на свою сторону прозелитов. Он, должно быть, был связан с Флавием Клеменсом, поскольку жил во дворце Флавиев. Когда Домициан привел в исполнение приговоры, вынесенные против его двоюродного брата Клеменса и последователей иудаизма, вполне вероятно, что против Иосифа Флавия было возбуждено судебное преследование за то, что он ввел их в заблуждение. Философское эссе о законах иудаизма, которое он обещал опубликовать в своих последних книгах, осталось ненаписанным, поскольку нить его жизни была прервана, вероятно, Домицианом. Еврейские патриоты, однако, были настолько озлоблены против Иосифа Флавия, что не выразили никакой скорби по поводу его смерти, которая, вероятно, была смертью мученика. Не упоминали об этом и четыре законоучителя, оставившие устные предания о смерти Флавия Клеменса.

Полную противоположность характеру Домициана представлял его преемник Нерва. Справедливый, мудрый и гуманный, он испытывал недостаток только в свежести и мужестве юности, чтобы привести в исполнение свои мудрые постановления и восстановить Римскую империю, разрушенную жестокостью и капризом Домициана.

Евреи и прозелиты немедленно ощутили эффект смены правителя. В течение короткого периода своего правления, которое длилось всего шестнадцать месяцев, с сентября 96—го по январь 98-го, Нерва, который должен был положить конец различным извращениям и злоупотреблениям в конституции, все же находил время, чтобы заняться евреями. Он разрешал каждому человеку признавать свою веру как еврея, не навлекая при этом на себя наказания атеиста. Налог на

евреев также, если и не был полностью отменен, взимался с добротой и предусмотрительностью, и обвинения в адрес тех, кто уклонялся от уплаты этого налога, не были услышаны. Этот акт терпимости со стороны Нервы, по-видимому, имел настолько большое значение, что в ознаменование этого была отчеканена монета. Эта монета, которая сохранилась до сих пор, изображает на одной стороне императора Нерву, а на другой - пальму (символ евреев) с надписью "Fisci Judaici calumnia sublata" ("Обвинения в связи с налогом евреев прекращены"). Вполне вероятно, что четверо танаитов, которые все еще находились в Риме во время смерти Домициана и восшествия на престол Нервы, способствовали такому благоприятному повороту событий, противодействуя жалобам на иудаизм и побуждая власть имущих составить о нем лучшее мнение. Это правление, которое было слишком коротким, положило конец периоду благосклонности, проявленной к евреям, и с приходом Нервы на смену старая ненависть между римлянами и евреями возобновилась, и вскоре оба народа снова стояли с мечом в руке друг против друга.

ГЛАВА XV. ВОССТАНИЕ ЕВРЕЕВ ПРОТИВ ТРАЯНА И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ.

Траян и Азия—Восстание евреев—Адриан—Еврейские сивиллиные книги—Попытка восстановления Храма—Постановления Уша—Бар-Кохбы—Роль Акибы в войне—Победы Бар-Кохбы—Подавление восстания—Осада и падение Бетара.

96-138 гг. н. э.

Нерва выбрал своим преемником испанца Ульпиана Траяна. Этот император, которому было почти шестьдесят лет, приступил к реализации своей любимой идеи присоединения территорий, лежащих между Евфратом и Тигром, а также Индом и Гангом, к Римской империи, чтобы снискать лавры, подобные тем, которые были получены Александром Македонским. В парфянских землях он легко одержал победу, ибо это древнее царство — частично греческого, частично персидского происхождения — было раздираемо на части различными претендентами на трон и оказало завоевателю лишь незначительное сопротивление. Только евреи, которые в большом количестве жили в этом районе под предводительством князя Плена, обладали определенной независимостью и оказывали сопротивление римскому завоевателю. Вавилонские евреи увидели в Траяне потомка тех, кто разрушил Храм и обрек своих братьев на жалкое рабство, и вооружились так, словно готовились к священной войне. Город Нисибис, в котором всегда проживало многочисленное еврейское население, оказал такое упорное сопротивление, что его удалось покорить только после длительной осады. Район Адиабене, расположенный на центральном берегу Тигра, подчинялся правителю, чьи предки едва ли столетие назад приняли иудаизм. Мебарсапес, который сейчас находился на троне Адиабены, возможно, тоже был склонен к иудаизму. Он храбро сражался против Траяна, но был побежден римскими войсками. Траян, в отличие от любого из своих предшественников, за очень короткий промежуток времени стал свидетелем славных результатов своей кампании. Завоевания, похоже, застали его на полпути. Когда он удалился на свои зимние квартиры в Антиохии (115-116), чтобы принять почести, главная кампания была почти закончена. Весной он снова выступил в путь, чтобы сокрушить любое сопротивление и привести в исполнение давно

вынашиваемый план покорения евреев. Но едва Траян двинулся в путь, как покоренные народы на берегах рек-близнецов снова восстали. Евреи сыграли большую роль в этом восстании; они посеяли анархию на значительной части Римской империи. Не только вавилонские евреи, но и евреи Египта, Киренаики, Ливии и те, кто жил на острове Кипр, были охвачены идеей сбросить римское иго. Как будто одержимые подавляющей силой, евреи этого отдаленного района схватились за оружие, как бы желая показать врагу, что их сила не была уничтожена, а мужество сломлено, и что они не были готовы разделить слабость и деградацию того времени и без усилий погрузиться в массы поработанных народов. Такие единомышленные действия предполагают согласованный план и могущественного лидера. Из Иудеи восстание распространилось по соседним странам до Евфрата и Египта (116-117). Через полвека после падения Еврейского государства возникла новая раса, унаследовавшая ревностный дух своих отцов и носившая в своих сердцах живую память о своей былой независимости. Надежда танаитского учителя: "Скоро Храм будет восстановлен" - поддерживала любовь к свободе в еврейской молодежи, которая не утратила привычки пользоваться оружием в школах. Легенда гласит, что жена Траяна (Плотина) родила сына девятого Ава и потеряла его в праздник Посвящения, который евреи отмечали в память о победе хасмонеев, и она истолковала их скорбь как ненависть к врагу, а их ликование - как радость по поводу ее потери. Поэтому императрица написала Траяну: "Вместо того чтобы покорять варваров, тебе лучше наказать евреев, которые восстают против тебя".

В Иудее лидерами восстания, по-видимому, были два отважных человека из Александрии, Юлиан и Папп. Первый, по-видимому, был алабархом Александрии или его родственником и потомком знаменитого Александра Лисимаха. Он и его спутник пользовались княжеским положением среди евреев. Местом встречи революционных войск в Иудее была равнина Риммон, или великая равнина Изреель. Существует лишь смутная картина происходящего, и с уверенностью известен только исход восстания. В Кирене, еврейских жителей которой поощряли к восстанию против римлян сразу после их поражения, восстание было в самом разгаре. У них был лидер по имени Андреас, также называемый Лукуас, одно из имен которого, возможно, носило аллегорический характер.

Египетские евреи, которые в прежние времена были лояльны римлянам, на этот раз объединились с повстанцами и проводили операции, как и во время любой другой революции. Сначала они напали на соседние города, убили римлян и греков и отомстили за уничтожение своей национальности своим ближайшим врагам. Воодушевленные результатом, они собрали войска и атаковали римскую армию под командованием римского полководца Лупуса, который командовал легионами, направленными против евреев. В первом столкновении дикий энтузиазм дал евреям преимущество над римлянами, и Лупус потерпел поражение. Результатом этой победы стали сцены ужаса и варварства с обеих сторон, как это естественно бывает в расовой войне между людьми, которые носили в своих сердцах древнюю ненависть, которая, когда дело доходило до огненной вспышки, могла быть утолена только кровью. Язычники, обратившиеся в бегство после поражения римской армии, двинулись на Александрию. Еврейские жители, которые могли носить оружие и которые присоединились к восстанию, были взяты в плен и убиты под страшными пытками. Еврейские войска-завоеватели чувствовали, что их переполняет жажда мести. В отчаянии они вторглись на египетские территории, заключили жителей в тюрьмы и отплатили на жестокость новыми жестокостями. Греческие и римские беглецы сели в свои лодки, чтобы спастись от преследования на дне Нила; но вооруженные евреи следовали за ними по пятам. Историк Аппиан, в то время чиновник в

Александрии, спасался бегством ночью и попал бы в руки своих преследователей-евреев, если бы не сбился с пути вдоль побережья. Краткое описание его бегства и неожиданного освобождения дает некоторое представление об ужасе, охватившем еврейское население, которое так долго страдало от рук своих врагов. Говорят, что евреи ели мясо пленных греков и римлян, обмазывали себя их кровью и заворачивались в содранные с них шкуры. Эти ужасы совершенно чужды еврейскому характеру и обычаям, но, вероятно, верно, что евреи заставляли римлян и греков сражаться с дикими животными или на арене. Это была печальная расплата за ужасную драму, на которую Веспасиан и Тит обрекли пленных евреев. В Киренаике евреи убили 200 000 греков и римлян, а Ливия, полоска земли к востоку от Египта, была настолько опустошена, что несколько лет спустя туда пришлось отправлять новые колонии.

На острове Кипр, который долгое время был населен евреями, владевшими там синагогами, некий Артемион возглавил восстание против римлян. Число мятежников было очень велико, и, вероятно, их усилили недовольные языческие жители острова. Говорят, что кипрские евреи разрушили Саламин, столицу острова, и убили 240 000 греков.

Траян, находившийся в то время в Вавилоне, сильно опасался начала восстания и послал армию, численность которой была пропорциональна ожидаемой опасности. Он доверил значительные силы на суше и на море Марцию Турбону, чтобы тот мог подавить тлеющие очаги войны, которые существовали в Египте, Киренаике и на острове Кипр.

В районе Евфрата, где евреи, несмотря на близость сокрушительной армии императора, заняли угрожающее положение, он передал главное командование своему любимому полководцу Квиету, мавританскому принцу жестокого нрава, которого он назначил своим преемником. Неизвестно, кто руководил евреями Вавилона. Максим, римский полководец, погиб в битве; Квиетус получил приказ полностью уничтожить евреев в своем округе, настолько велики были страх и ненависть императора к нации, могущество которой он, по-видимому, никоим образом не оценивал должным образом. Таким образом, Траяну пришлось выступить против евреев с трех сторон, и если бы они объединились и взаимно поддерживали друг друга, колоссальной Римской империи, возможно, был бы нанесен смертельный удар. Марций Турбо, которому пришлось противостоять египетскому и киренейскому восстаниям, сам отправился на своих кораблях в угрожаемые места, которых достиг за пять дней. Он избегал внезапной атаки враждебных сил, хладнокровно рассчитывая, что это даст победу только народу, который больше руководствовался энтузиазмом к идее, чем принципами военной тактики. Он предпочитал ослаблять повстанцев повторными нападениями, которые постепенно утомляли их и редели их ряды. Евреи, однако, не сдались, не предприняв храброй обороны. Языческие власти, которые были настроены против евреев, признают, что только после длительной борьбы римляне стали хозяевами положения. Победа римлян в конце концов была неизбежна, поскольку у них было больше людей и больше военного мастерства, и особенно потому, что их кавалерии приходилось сталкиваться лишь с полуоружными пехотинцами. Турбо проявил жестокость по отношению к пленным, что не было чем-то необычным для римлян. Легионы окружили пленников и изрубили их на куски, женщин избили плетью, а тех, кто оказывал сопротивление, убили. Древняя александрийская синагога, чудо египетской архитектуры, базилика, была разрушена. С того времени, как говорится в еврейском источнике, слава Израиля угасла. В резне, которую устроил Марций Турбо среди африканских евреев, тот же источник сообщает, что кровь убитых запятнала море до острова Кипр. Это относится к морю крови, которое римский полководец пролил среди кипрских евреев.

Турбо после окончания этого африканского восстания повел свои легионы против Кипра. Что касается подробностей этой войны, власти хранят молчание. Однако борьба, должно быть, была ожесточенной, поскольку на Кипре возникла смертельная ненависть к евреям. Эта ненависть была выражена в варварском законе, согласно которому ни один еврей не имел права приближаться к острову Кипр, даже если он потерпел кораблекрушение у этого побережья.

Разрушительная война, которую Луций Квиетус вел против вавилонских и месопотамских евреев, мало известна в ее индивидуальных чертах. Достоверно лишь то, что он уничтожил многие тысячи людей и что он опустошил города Нисибис и Эдессу, которые были населены евреями. Дома, улицы и дороги были усеяны трупами. В награду за великие заслуги, оказанные этим полководцем в борьбе с евреями, Траян назначил его губернатором Палестины с неограниченной властью, чтобы он мог подавить восстание в еврейском отечестве. Сам Траян потерпел неудачу в своих столкновениях; ему пришлось покинуть Вавилон, снять осаду города Атра и отказаться от идеи преобразования парфянской земли в римскую провинцию.

Из-за провала его любимого плана император заболел, его привезли в Антиохию, и он умер несколько месяцев спустя в Киликии. Его желание, чтобы его верный генерал Квайетус добился успеха, также не было исполнено. Его проницательная жена Плотина отменила его последнюю волю и заверила армию, что Траян перед смертью признал своего близкого родственника Элия Адриана своим сыном и преемником.

Адриан при своем восшествии на престол (август 117 г.) обнаружил, что различные народы находятся накануне восстания и что другие принимают меры, чтобы разорвать оковы всемогущего Рима. Едва распространилась весть о смерти Траяна, как пламя восстания вспыхнуло как на Востоке, так и на Западе, и желание народов освободиться от римского ига насильственным путем дало о себе знать.

Парфянские земли, где Траян только что установил подобие римского владычества, некоторые районы Малой Азии, сельскохозяйственные богатства которых были присвоены офицерами императора, Мавритания и Сарматия, а также далекая Британия — все воспользовались этим моментом слабости, чтобы бороться за независимость.

Евреи Палестины, чья ненависть к римлянам была еще сильнее, уже организовали восстание, на подавление которого Траян послал Квиета после того, как он завершил свою работу в землях за Евфратом. Ему еще не удалось подавить восстание, когда правителем стал Адриан. Историки умалчивают о характере войны в Иудее. Еврейские источники называют это второе восстание "войной Квиетуса" (Polemos shel Kitos). По-видимому, это приняло неблагоприятный оборот для евреев, поскольку к тем признакам общественного траура, которые наблюдались в связи с разрушением Храма учителями Закона, добавились новые. Было запрещено невестам надевать венки на свои свадьбы или евреям изучать греческий язык. Неясно, был ли этот запрет направлен против греческого языка или греческих обычаев; столь же мало возможно обнаружить связь между этой войной и отвращением к тому, что было греческим. Возможно, палестинские греки изменили своим союзникам и бросили евреев в беде. Джамнийский Синхедрион, по-видимому, был разрушен при Квайете, но еврейский народ вскоре был избавлен от безжалостного угнетателя, планы которого по их уничтожению не смогли быть осуществлены. Новый император сам положил конец карьере своего генерала. Адриан, у которого было больше честолюбия, чем воинской отваги, и самым сокровенным стремлением

которого был венец королевской власти, а не грубое и хлопотное военное существование, отступил перед перспективой стольких восстаний и возможностью долгой и изнурительной войны. Уже испытывая зависть к репутации своего предшественника, к которому он не испытывал симпатии и которому Сенат неустанно даровал триумфы, Адриан впервые отклонился от жесткой линии римской политики и был склонен уступить. В том же духе он позволил парфянам быть под властью их собственного князя, отказался от всех притязаний на них и, по-видимому, пошел на уступки другим провинциям и удовлетворил евреев их, казалось бы, безобидные просьбы. Среди них они выразили пожелание убрать бессердечного Квайетуса и восстановить Храм. Всемогущий генерал был низложен; и хотя ревность императора по отношению к этому великому и могущественному правителю была главной причиной его смещения, все же было сделано так, как будто это было сделано в пользу евреев и для устранения их главной обиды. Прежде чем Квиет впал в немилость, он собирался вынести смертный приговор двум еврейским лидерам, Юлиану и Паппу, которые попали к нему в руки; они должны были быть казнены в Лаодикии. Он сказал им: "Если ваш Бог могуществен, как вы утверждаете, Он может спасти вас из моих рук". На что они ответили: "Ты едва ли достоин того, чтобы Бог совершил чудо ради тебя, который даже не является независимым правителем, а всего лишь слугой высшего". В тот самый момент, когда двух пленников вели на мученическую смерть, из Рима пришел приказ отстранить их палача от наместничества в Иудее.

Квиетус покинул Палестину и вскоре после этого был казнен по приказу Адриана. День освобождения Юлиана и Паппа, 12 Адара (февраль-март 118 г.), отмечался как памятное событие, и колледж назначил его полупраздником под названием день Траяна (Yom Trajanus). Не подлежит сомнению, что евреи поставили восстановление Храма на его прежнем месте условием своего сложения оружия. Еврейский источник ясно излагает этот факт, а христианские источники положительно утверждают, что евреи несколько раз пытались восстановить Храм, и это может относиться только к первым годам правления Адриана. Говорят, что надзор за строительством города Адриан поручил новообращенному Акиласу. Велик был восторг евреев от перспективы снова обрести святой храм. С момента разрушения Храма прошло пятьдесят лет - как раз тот период, который составлял промежуток между разрушением первого святилища и возвращением из Вавилона. Самые большие надежды были вызваны согласием Адриана. Еврейско-александрійский поэт выражает в греческих стихах чувства, переполнявшие каждую грудь. Неизвестный поэт вкладывает свои слова в уста языческой пророчицы, Сивиллы, сестры Исиды. Сначала она произносит в загадочных выражениях имена длинной череды римских завоевателей времен Цезаря—

... и после него пришел

Как царь человек, носивший серебряный шлем — имя
, которое Он носил, было морским — достойный человек, дальновидный,
И под тобой, ты, добрый и великолепный ворон,
И под твоим народом, это случалось на все времена,
Что возникла богоподобная раса, обитатели небес,
Которые еще на земле окружают град Божий,
И до Иоппии окружают его высокими стенами,
И смело возносят свои башни к небесам. высоты.
Нет больше предсмертного звука трубы —
Они больше не погибнут от опрометчивых рук врага;
Но трофеи будут плавать в мире зла.

Не терзай больше свое сердце и не пронзай мечом свою грудь,
Ты благочестивый, слишком богатый, ты горячо любимый цветок,
Ты освещаешь такую добрую и яркую, желанную и святую цель!
Дорогая еврейская земля! прекрасный город, вдохновленный песнями,
Нечистая нога греков больше не ступит в твои пределы

Но твои верные будут почитать тебя;
И они будут служить твоему столу святыми словами,
разнообразными подношениями и приветственными молитвами.
Те, кто безжалостно посылает на небеса дурные слова,
Перестанут повышать свой голос среди тебя,
Будут прятаться, пока мир не изменится.
Ибо из небесной страны выходит счастливый человек,
В руках которого скипетр, данный Богом;
И над всем он правит со славой, и добрым
он Снова дарует богатства, которых лишили другие, ушедшие раньше,
Города огнем сровняли с землей,
И сожгли дома людей, которые когда-то творили зло.
Но город, возлюбленный Богом, он сделал
Ярче звезд, солнца и луны,
ярко украсил их и воздвиг святой Храм.

Большие ожидания, связанные с реставрацией, которые казались приятной мечтой, побледнели перед суровой реальностью. Едва Адриан укрепился в своем королевстве и успокоил непокорные народы, как, подобно другим слабым государям, он начал уменьшать свои обещания и увиливать. В одном сообщении говорится, что самаритяне, которые завидовали тому, что объект их отвращения, Иерусалимский храм, снова восстанет из праха, пытались донести до императора опасность такого восстановления; как их предки ранее продемонстрировали персидским правителям, так и они пытались доказать римскому императору, что строительство Храма было простой уловкой, направленной на полное отделение от Рима. Адриан, однако, вероятно, пришел бы к такому выводу и без вмешательства самаритян. В любом случае, хотя он и не рискнул полностью отказаться от своего слова, он начал торговаться. Некоторые говорят, что он дал евреям понять, что Храм должен быть возведен на другом месте, отличном от того, на котором стояли руины прежнего здания, или что он должен быть построен в меньших масштабах. Евреи, которые хорошо понимали это выжидание и видели в нем лишь отказ от императорского обещания, не были склонны позволять играть с собой.

Когда дело дошло до этого перевала, многие люди вооружились и снова собрались в долине Риммон, на равнине Изреель. Когда было зачитано королевское послание, массы разразились слезами. Восстание и ожесточенная война казались неизбежными. Но среди людей все еще оставались сторонники мира, которые понимали, что восстание при существовавших тогда обстоятельствах было бы опасным. Во главе этой партии стоял Иисус Навин. За ним немедленно послали, чтобы успокоить возбужденное население своим влиянием и красноречием. Иисус Навин обратился к народу в манере, которая всегда нравилась массам. Он рассказал басню и вывел мораль, применимую к существующим обстоятельствам: "Однажды лев полакомился

своей добычей, но кость осталась торчать у него в горле. В ужасе он пообещал большую награду тому, кто извлечет кость. Явился журавль с длинной шеей, сделал операцию и потребовал свою награду. Лев, однако, насмешливо сказал: "Радуйся, что ты невредимым вытащил свою голову из львиной пасти". Точно так же, - сказал Иисус Навин, - давайте радоваться, что мы невредимыми ускользнули от римлянина, и не настаивать на выполнении его обещания". Этими и подобными увещеваниями он предотвратил немедленную вспышку. Но нация была полна идеи восстания и придерживалась ее способом, достойным лучшей доли.

Иисус Навин был главным вождем народа во времена Адриана и, по-видимому, исполнял обязанности патриарха, поскольку Гамалиил, вероятно, умер в начале правления Адриана. Почести, оказанные его мертвому телу, свидетельствуют о высоком уважении, с которым он относился к народу. Иисус Навин, Элизер и его ученики оплакивали его; прозелит Акилас — как это было принято на царских похоронах — сжег одежду и мебель на сумму семьдесят мин. Когда его упрекнули в этой расточительности, он сказал: "Гамалиил стоит больше сотни царей, от которых мир ничего не выигрывает". Разительный контраст с этим зрелищем создавала простота плащаницы, которую Гамалиил специально заказал перед своей смертью. В то время было принято облачать покойника в дорогие одежды, расходы, которые так сильно ложились на людей с небольшим достатком, что многие бросали своих умерших родственников, чтобы избежать этих расходов. Чтобы предотвратить такие расходы, Гамалиил в своем последнем завещании распорядился похоронить его в простом белом полотне. С тех пор соблюдалась большая простота, и вошло в обычай на поминальных пиршествах выпивать чашу в память о Гамалииле. У него остались сыновья, но старший, Симон, по-видимому, был слишком молод, чтобы принять патриаршество, которое, следовательно, вероятно, перешло к Иисусу Навину (как его представителю Аб-бет-дину). После смерти Гамалиила Иисус Навин хотел отменить различные постановления, которые ввел в действие первый, но ему воспротивился Йоханан бен Нури, которого поддерживало большинство танаитов.

Вряд ли можно сомневаться в том, что джамнийский Синхедрион переместился в Верхнюю Галилею после смерти Гамалиила, и Уша (Эль-Уз) в окрестностях Шефарама (Шефа-Амар), между Акко и Сафетом, стала резиденцией Синхедриона. Измаил упоминается среди тех, кто эмигрировал в Ушу. Здесь Синхедрион издал различные акты высокой моральной и исторической важности, которые приняли форму законов под названием "Постановления Уши" (Теканот Уша). Один из этих законов гласил, что отец обязан содержать своих малолетних детей — мальчиков до достижения ими двенадцати лет и девочек до замужества. До этого времени обеспечение детей было оставлено на усмотрение родителей. Другой закон гласил, что если отец при жизни передал все свое имущество сыну, то из этого, как само собой разумеющееся, следует, что сын должен содержать и своего отца, и жену своего отца. Третий закон ограничивал безрассудное использование всего имущества человека на благотворительные цели, каковой обычай преобладал в то время. Этот закон предписывал раздавать только пятую часть имущества. Изабаб, который впоследствии принял мученическую смерть, хотел разделить все свое имущество между бедными, но Акиба воспротивился ему, сославшись на этот закон, касающийся собственности. Одно из решений Уша, по-видимому, было направлено против сурового применения Гамалиилом запрета. Он постановил, что ни один член Коллегии в будущем не должен быть отлучен от церкви, если только он действительно не презирал весь Закон и не восставал против него, как царь Иеровоам. Это обстоятельство показывает, что единство Закона было установлено настолько, что расхождение во мнениях больше не

подразумевало, как раньше, полного разрыва, и Иисус Навин, без сомнения, способствовал этому результату.

Терпимые отношения между Адрианом и евреями продлились не более десяти лет. Он не мог забыть, что был вынужден пойти на уступки презируемому народу, а последний не мог забыть, что он нарушил доверие к ним и лишил их самых светлых надежд. Эта взаимная антипатия проявилась во время путешествия Адриана по Иудее. Император, движимый тщеславием и желанием называться отцом своей страны, а также беспокойством и отсутствием занятий, которые гнали его с места на место, посетил почти все провинции великой римской империи с целью увидеть все своими глазами. Мелочное любопытство Адриана заставляло его интересоваться самыми разными вещами, желать, чтобы его считали философом и лучше информировали во всех вопросах, чем его современников. Можно усомниться в том, правильно ли он оценивал положение других провинций; он, несомненно, был обманут в своем поспешном суждении о евреях. Во время его визита в Иудею (130 г.), вероятно, что те люди, такие как римляне, самаритяне и христиане, которым не нравились первоначальные жители (евреи), подошли к нему с подобострастием, чтобы приветствовать его как полубога или даже как бога. Пантомимический разговор, который состоялся между христианином и представителем иудаизма Джошуа бен Чананья в присутствии Адриана, описывает их соответствующие позиции. Первый жестами показал, что Бог Израиля скрыл Свое лицо от евреев; второй движением руки показал, что Бог все еще простирает Свою руку, чтобы защитить Израиль, и эту пантомиму Адриан пожелал ему объяснить. Похоже, у него было много бесед с Иисусом Навином. Сохранилось несколько бесед между Адрианом и танаитом, одна из которых, по-видимому, заслуживает доверия. Он спросил его: "Если ты так мудр, как утверждаешь, скажи мне, что я увижу этой ночью в своих снах". Иисус Навин ответил: "Тебе приснится, что персы (парфяне) покорят тебя и заставят охранять низких животных с помощью золотого скипетра". Этот ответ был удачно выбран, поскольку суеверный император боялся парфян больше всех народов и делал все возможное, чтобы сохранить с ними мир.

Адриан думал, что ему нечего бояться Иудеи. Он сообщил римскому сенату о миролюбивом настрое евреев, и они увековечили свою доверчивость различными монетами, на которых император изображен одетым в тогу, поднимающим коленопреклоненного еврея из его скромного положения. Трое мальчиков (вероятно, символы районов Иудеи, Самарии и Галилеи) протягивают ему пальмовые ветви. Таким образом, он лелеял надежду на то, что расовые и религиозные различия вскоре исчезнут и что жители сольют свою идентичность с идентичностью римлян. Чтобы вызвать такое положение вещей, он разработал план, который, к сожалению, не мог быть более продуманным. Иерусалим должен был быть восстановлен, но как языческий город. Пока он направлялся в Египет, чтобы совершить другие безумства, началось осквернение святого города. Евреи, естественно, не остались равнодушными к этому акту, который должен был стереть их имя как нации и религиозной организации из книги живых, и горькое чувство охватило их. Иисус Навин, по-видимому, снова попытался добиться примирения, чтобы сорвать бездумный план императора и утихомирить недовольство народа. Хотя он был уже пожилым человеком, он отправился в Египет, чтобы убедить императора изменить свое решение.

Но его благоразумные предложения были высмеяны; император лишь насмеялся над иудейской, самаритянской и христианской религиями, с которыми, как он считал, был досконально знаком. В это время он писал своему шуруину: "Ни президент иудейской синагоги

(раввин), ни самаритянин, ни христианский священник не чтят ничего, кроме Сераписа. Даже тот патриарх, который приехал в Египет [вероятно, Иисус Навин], был вынужден одними поклоняться Серапису, а другими - Христу". Иисус Навин вернулся в Иудею после своего бесплодного визита и, по-видимому, вскоре умер от горя и старости. О нем справедливо было сказано, что с его смертью мудрости и благоразумной умеренности пришел конец. После его кончины в Иудее произошли широкомасштабные движения и распри, которые были одними из самых запоминающихся в ее истории, и некому было остановить волну.

Пока Адриан оставался в Сирии (130-131), недовольные не начинали восстания, к которому они, вероятно, давно готовились. Оружие, приготовленное еврейскими кузнецами для римлян, было сделано (в ожидании того, что его используют против самих себя) слабым и бесполезным. В полых меловых горах Иудеи повстанцы тайно подготовили подземные ходы и убежища, которые до войны использовались как тайные склады оружия, а после - как тайные засады, из которых можно было атаковать врага. Акиба, похоже, развил тихую, но эффективную деятельность по подготовке восстания. После смерти Иисуса Навина он был признан главой еврейской общины. Адриан, убавленный безопасностью, обнаружил заговор только тогда, когда он вспыхнул в различных точках Римской империи, настолько искусно были обмануты римские шпионы. Когда восстание вот-вот должно было начаться, все было готово. Имелись запасы оружия, средства связи, воины и даже могущественный лидер, который благодаря своему странному положению вселял религиозный энтузиазм и воинственную отвагу. То, что две стоянки римских легионов были разрушены, считалось благоприятным знаком для их смелого предприятия. Кесария и Эммаус были поглощены землетрясением несколько лет назад. Кесария была римской столицей Иудеи, резиденцией правителя, и, подобно Риму, она навлекла на себя ненависть евреев. Поддерживалась своеобразная идея, что, поскольку величие Кесарии восходит ко времени разрушения Иерусалима, с падением Кесарии Иерусалим снова обретет могущество. Эммаус был жилищем восьмисот солдат Веспасиана, которые служили там; поэтому он использовался как вторая цитадель.

Главным героем восстания был Бар-Кохба, который внушал Римской империи в ее тогдашнем состоянии слабости такой же ужас, какой прежде внушали Бренн и Ганнибал.

Нельзя найти ни малейшего следа, каким бы незначительным он ни был, о происхождении и ранней жизни этого столь поносимого и неправильно понятого персонажа. Подобно герою любой революции, он внезапно предстал совершенным воплощением национальной воли и национальной ненависти, сеющим повсюду ужас и стоящим в центре богатого событиями движения. Его настоящее имя было Бар-Косиба, несомненно, из города Косиба, и это не было прозвищем, означающим "сын лжи". Бар-Кохба - символическое мессианское имя, которое дал ему Акиба. Когда Акиба, активно участвовавший в освобождении еврейского народа, впервые увидел Бар-Кохбу, он был настолько впечатлен внешностью этого человека, что сказал: "Это мессианский царь". Акиба применил к нему стих из Священного Писания: "Косиба вззошел как звезда (Кохба) в Иакове". Внушительная личность Бар-Кохбы укрепила Акибу в его надеждах на то, что римская власть вскоре будет свергнута и что великолепие Израиля снова воссияет, и он надеялся, что таким образом будет достигнуто скорейшее установление Мессианского царства. По этому поводу он процитировал стих пророка Аггея (ii. 21): "Еще немного, и я потрясу небо и землю".

Однако не все разделяли благочестивый энтузиазм Акибы. Йоханан бен Торты, учитель закона, с сомнением ответил на его высокопарные надежды: "Скорее трава вырастет из твоего подбородка, Акиба, чем явится Мессия". Однако уважения и внимания, которые Акиба проявлял к Бар-Кохбе, было достаточно, чтобы окружить его ореолом высшей, данной Богом силы, которая давала ему неоспоримый авторитет и увеличивала средства, находящиеся в его распоряжении.

В еврейских источниках нет записей о чудесах, совершенных мессианским царем для ублажения населения. Но рассказ о враге повествует о том, как Бар-Кохба выпустил изо рта горящую паклю, чтобы придать себе вид изрыгающего огонь. Еврейские свидетельства говорят о его огромной физической силе. Они рассказывают, что он коленями отбрасывал огромные камни, брошенные римлянами с помощью машин в еврейскую армию. Нет ни малейшего намека на то, что своим мессианизмом он преследовал какие-либо эгоистические цели; им двигало только желание вернуть свободу своему народу, восстановить запятнанную славу еврейского государства и раз и навсегда сбросить иностранное правление, которое в течение двух столетий мешало интересам иудаизма. Столь энергичный ум в сочетании с большим военным талантом, даже если ему и не удалось добиться благоприятного результата, должен был бы получить более справедливое признание потомства и, конечно, не заслуживает предубеждения, с которым он столкнулся со стороны заинтересованных современников. Еврейские воины из всех стран хлынули на помощь мессианскому царю, и восстание приобрело огромные масштабы. Даже самаритяне присоединились к своим бывшим противникам, как повествуют хроники. Сами язычники объединились с евреями, движимые желанием сбросить невыносимое римское иго. Казалось, что вся Римская империя вот-вот получит тяжелый удар, которым различные члены ее гигантского тела должны были быть разорваны на части. Исходя из этих фактов, число воинов не может считаться преувеличенным, если еврейские источники называют их 400 000 человек, в то время как языческий историк Дион Кассий оценивает их даже в 580 000. Бар-Кохба был настолько уверен в своей храбрости и многочисленных воинах под его командованием, что, как говорят, произнес богохульство: "Господи, если ты не помогаешь нам, по крайней мере, не помогай нашим врагам, и мы не будем побеждены".

Тинний Руф, правитель Иудеи, не был готов к противостоящей ему огромной военной мощи, и вскоре ему пришлось отступить перед войсками воинственного Мессии. Руф отступал из одной цитадели в другую, и за один год (132-133) пятьдесят укрепленных мест и 985 городов и деревень попали в руки повстанцев. Оказывается, что вся Иудея, вместе с Самарией и Галилеей, была эвакуирована римлянами и перешла во владение евреев. Когда Адриан получил первые известия о восстании в Иудее, он не придал этому большого значения; но когда до него дошли одно за другим известия о поражении римских войск, он послал к месту действия своих лучших генералов; им, однако, повезло не больше, чем Руфу. Не подлежит сомнению, что Иерусалим попал в руки иудейских победителей, которые, возможно, намеревались восстановить Храм; но в разгар войны и постоянных преследований со стороны римских легионов у них не было времени для проведения столь масштабной работы. Бар-Кохба, чтобы объявить о национальной независимости, совершил суверенный акт власти, выпустив еврейские монеты. Их называли монетами Бар-Кохбы, а также монетами Революции.

Несмотря на глубокую ненависть, которую евреи питали к своим врагам, они не мстили за себя тем, кто попадал к ним в руки. Свою враждебность Бар-Кохба проявлял только к евреям-христианам, жившим в Иудее, потому что их считали богохульниками и шпионами. Эта

ненависть к иудео-христианам усилилась из-за того, что они отказались принимать участие в национальной войне и были единственными праздными зрителями этого страшного зрелища. Один из древнейших христианских источников сообщает, что Бар-Кохба потребовал от христиан отречься от Иисуса и принять участие в войне с римлянами, и что те, кто отказался это сделать, были сурово наказаны.

Когда Государство было восстановлено и все законы снова вступили в силу, еврейские власти сочли себя вправе призвать к суду тех своих соотечественников, которые не только отрицали Закон, но и выставляли его на посмеище. Нигде не говорится о том, что христиане были вынуждены признать Бар-Кохбу и поверить в него как в нового Христа. Такое принуждение, по-видимому, было чуждо новому еврейскому государству. Более поздние христианские хроники, в своей обычной манере, сильно преувеличивали побои, которым подвергались иудео-христиане, пока они не приняли масштабы реальных преследований, сопровождавшихся смертью и мученичеством, для которых нет исторических оснований. Евангелисты, которые до появления Бар-Кохбы говорили о военных приготовлениях и всех событиях того времени в завуалированной, но совершенно понятной манере, единственные передают позицию еврейского населения по отношению к христианам. Они, по-видимому, намекают на то, что даже в среде христианства существовали большие разногласия и что некоторые из тех, кто стремился к делу свободы, с большим рвением сообщали еврейским властям о своих более равнодушных единоверцах. Эти евангелисты заставляют Иисуса произнести пророчество, предсказывающее грядущие перемены, как будто он среди этих бурных дней предстанет во плоти на Страшном суде.

Это пророчество Иисуса отражает мрачную тенденцию времен Бар-Кохбы. В нем говорится:

Ибо многие придут во имя Мое, говоря: я Христос; и многих введут в заблуждение. И когда вы услышите о войнах и слухах о войнах, не беспокойтесь, ибо так должно быть, но конца этому еще не будет. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения во всех местах, и будут голод и бедствия: это начало скорбей. Но берегитесь самих себя, ибо они будут предавать вас судилищам; и в синагогах вы будете избиты; и вы предстанете перед правителями и царями ради меня, для свидетельства против них. И сначала Евангелие должно быть распространено среди всех народов. Но когда они поведут вас и предадут вас, не думайте заранее, что вы будете говорить, и не обдумывайте заранее; но все, что будет дано вам в тот час, говорите вы; ибо не вы говорите, но Святой Дух. Ныне брат предаст брата смерти, а отец - сына; и дети восстанут против своих родителей и предадут их смерти. И вы будете ненавидимы всеми людьми за имя Мое; но тот, кто претерпит до конца, тот будет спасен.

Так отец Церкви утешал христианскую общину в Иудее. Похоже, что Синhedрион времен Бар-Кохбы ввел некоторые новшества, чтобы противодействовать растущему распространению поклонения Иисусу среди иудео-христиан и продвигать способы распознавания тех, кто был за них или против них. На протяжении веков существовала привычка никогда не произносить священное имя Бога, IHV, а заменять его словом Господь (Адонай). Христиане, однако, привыкли называть Иисуса "Господом". Чтобы противодействовать этому, Синhedрион постановил, что имя Бога должно использоваться так же, как в древние времена, и что это имя должно быть введено даже в формулу приветствия.

Недавно основанное королевство Бар-Кохба просуществовало уже два года (132-134). С глубокой озабоченностью Адриан наблюдал за непрерывным развитием еврейской революции. Это имело определенный курс и масштабы, которые открыли перспективу неожиданных результатов. Все вспомогательные силы, которые он посылал для участия в сражении, терпели поражение, и каждый новый генерал оставлял свою репутацию на еврейском поле битвы. Адриану пришлось призвать своего величайшего полководца, который в то время подавлял восстание народа, столь же любившего свободу, а именно бриттов. Юлий Север был отозван в Иудею, поскольку он казался единственным человеком, который мог помериться силами с великим героем Бар-Кохбой. Север по прибытии нашел военное положение евреев настолько безопасным и неприступным, что не рискнул немедленно дать им сражение. Главным оплотом евреев во время этой войны был район вокруг Средиземного моря, центром которого был город Бетар (Bithar). Эта крепость, руины которой до сих пор можно увидеть, находится всего в одной римской миле (четыре пятых географической мили) от моря.

Помимо Бетара, Бар-Кохба укрепил еще несколько городов, которые, вероятно, были подчинены особым командирам. На севере, у подножия Галилейского нагорья, у входа в великую равнину Изреель (Ездразлон) находились три города, которые образовывали треугольник крепостей от Средиземного моря до Галилейского. К западу от Акко находился Кабул, или Хабулон; в трех милях от него, к юго-востоку, находился укрепленный город Сичин, недалеко от Сепфориса, на плодородной равнине. Примерно в трех милях дальше, к востоку от Галилеи, на берегу озера с тем же названием, стояла Магдала (Тарихея). Все три города, Кабул, Сичин и Магдала, описываются как густонаселенные, и они образовывали форпосты, которые должны были предотвратить вторжение римлян со стороны Сирии и Верхней Галилеи. Жители Сепфориса, по-видимому, тайно сохраняли свою преданность римлянам, как это было раньше при Веспасиане и Траяне. Полного доверия им оказано не было, но в качестве мест встреч были выбраны более надежные города по соседству. Вторая линия укреплений находилась в центре еврейской территории, и ей очень благоприятствовал рельеф местности. Одной из главных крепостей, которую Бар-Кохба, вероятно, снова привел в состояние обороны, был Тур-Симон, несомненно названный в честь Симона Хасмонея. Также говорили, что в этой крепости было настолько многочисленное население, что каждую пятницу армии раздавали триста больших корзин с хлебом. Здесь, согласно легенде, вспыхнуло восстание из-за оскорбления, нанесенного римлянами жителям.

Юлий, чей быстрый взгляд, без сомнения, уловил трудность одержать победу из-за сильных укреплений, количества воинов и их фанатичной отваги, избежал решающего сражения, которого желал бы Бар-Кохба, полагавшийся на численность и преданность своих войск. Как и Веспасиан, Север намеренно затягивал войну, совершая новые атаки. В особенности он рассчитывал на нехватку продовольствия, которая неизбежно возникнет на территории, не имеющей выхода к морю, когда руки, которые должны были держать плуг, были заняты мечом. Он довольствовался тем, что лишал врага продовольствия, нападал на отдельные отряды еврейских войск и преследовал их своей кавалерией. Эта тактика полностью увенчалась успехом, тем более что все заключенные были немедленно преданы смерти.

Подробности этой войны за независимость, без сомнения, были такими же запоминающимися, как и подробности войны с зелотами, но не сохранилось никаких свидетельств, которые могли бы рассказать потомкам о смертельной борьбе еврейского народа. Героические подвиги зелотов — Бар-Гиоры и Иоанна из Гишалы — были увековечены их злейшим врагом против его

воли, но не было найдено пера, чтобы увековечить на скрижалях истории воинственные подвиги последнего из еврейских героев. Казалось, что память об их доблести, которой суждено было по мере того, как новые поколения забывали военное искусство, должна была быть полностью забыта. От войны до нас сохранилось лишь несколько черт, свидетельствующих не только о мужестве евреев, но и об их непреодолимом энтузиазме по отношению к делу своей расы.

Если, как того требовало географическое положение Иудеи, первое нападение римлян было предпринято на севере, со стороны Сирии и Финикии, то первыми должны были быть атакованы три самые северные цитадели - Кабул, Сичин и Магдала. Еврейские источники, которые передали подробности войны в том виде, в каком их передали выжившие, рассказывают о способах разрушения этих трех городов и обстоятельствах, которые привели к их падению. Кабул пал из-за внутренних раздоров; Сичин - из-за колдовства, под которым, вероятно, подразумевалось неожиданное нападение; наконец, Магдала, родина кающейся Марии Магдалины, пала, ослабленная пороками своих обитателей. После падения трех оплотов на границах война практически подошла к концу, точно так же, как во время первой революции, после подчинения Джотапаты и Гишалы, земля считалась покоренной. Равнина Риммон, по-видимому, была еще одним очагом войны, поскольку римским легионам пришлось пересечь эту равнину, чтобы достичь внутренних районов страны. На этой равнине, по-видимому, произошла ужасная битва, ставшая предметом многих легенд. Следующий поход римлян, очевидно, был направлен против городов в горах. Легенда повествует о том, как 100 000 римлян вошли в цитадель Тур-Саймона с обнаженными мечами и как в течение трех дней и ночей они вырезали жителей. Пятьдесят укрепленных мест, занятых евреями, одно за другим переходили в руки врага, и римские полководцы давали сражения еврейской армии в пятидесяти двух, или, по мнению некоторых источников, в пятидесяти четырех случаях. Круг, очерченный вокруг Бетара, куда отступил Бар-Кохба с остатками своей армии, становился все уже. Все беглецы перешли на его сторону, чтобы спастись от разрушительного меча и найти убежище. На этом месте, где противостояли два величайших полководца того времени — Юлий Север и Бар-Кохба, должен был произойти решающий конфликт.

Бетар, без сомнения, был до отказа заполнен контингентами, которые прибывали со всех сторон. Источники не могли с достаточной степенью преувеличения описать эту заключительную сцену обороны; они сообщают, среди прочего, что в Бетаре существовало несколько сотен школ и что число учеников было настолько велико, что они хвастались, что могут сокрушить врага с помощью своих тростинок для письма. Осада Бетара, вероятно, длилась год, а продолжительность всей войны составила около трех с половиной лет. Мы остаемся в неопределенности относительно различных инцидентов осады, а также относительно причин, приведших к падению цитадели. Еврейский авторитет сообщает, что река Джоредета-Залмон вероломно лишила осажденных своих вод, что может означать, что летняя жара иссушила ее. Несколько расплывчатый отчет из самаритянских источников повествует о том, что запасы продовольствия, которые тайно доставлялись в город, внезапно прекратились; это согласуется с еврейскими рассказами, в которых говорится, что Бетар пал благодаря хитростям самаритян. Еврейские источники утверждают, что Елеазар Модиинский молился во вретище и пепле о пощаде Бетара; и, возможно, его благочестие вселило в осажденных стойкость и мужество.

Адриан или его полководец, утомленный долгим сражением, собирался снять осаду, когда самарянин пообещал помочь ему и сказал, что Елеазар - дух-хранитель цитадели, добавив, что "пока эта курица кудахчет в пепле, Бетар неприступен". Вслед за этим самарянин, проходя по подземному ходу, приблизился к Елеазару, когда тот был занят молитвой, и что-то прошептал ему на ухо. Зрители, чьи подозрения были вызваны этой тайной, привели его к Бар-Кохбе и рассказали о случившемся. Шпион, когда его допросили, заявил: "Если я скажу тебе правду, мой хозяин убьет меня; а если я скрою это от тебя, ты убьешь меня; но я предпочел бы умереть от твоей руки, чем от рук моих хозяев". Бар-Кохба, подозревая предательское соглашение между Елеазаром и врагом, вызвал его к себе и расспросил о его встрече с самаритянином. Елеазар, который был поглощен своим богослужением и едва заметил самаритянина, смог только ответить, что ему ничего не известно об этом. Бар-Кохба, думавший, что его обманывают, нанес Елеазару удар ногой, и, ослабев от поста, Елеазар упал замертво. Затем послышался голос: "Ты искалечил руку Израиля и ослепил его глаза; поэтому твоя рука и твой глаз потеряют свою силу".

Самаритянские источники описывают завоевание Вифара как подобное завоеванию Иерусалима. Они утверждают, что Адриан, осадивший город, уже снял осаду, так как жители получили припасы, которые они показали врагу. Тогда два брата-самаритянина, которых евреи держали в заточении, ухитрились перебросить через стену завернутое в полотно письмо Юлию, в котором говорилось, что если выходы будут охраняться, жители города наверняка умрут от голода. Он последовал их совету и вошел в город в субботу. Совершенно очевидно, что римляне, введенные предателем в подземный ход, вырезали жителей Вифара. Это описано со страшными подробностями. Говорили, что лошади добирались вброд до сопла в крови — река крови впадала в далекое море, унося с собой тела. Едва ли можно поверить в число якобы убитых, и все же они подтверждаются как еврейскими, так и греческими историками. Подлинный историк Дион Кассий рассказывает, что помимо тех, кто умер от голода и огня, погибло полмиллиона евреев.

Потери римлян были столь же велики, и Адриан не осмелился использовать в своем послании сенату обычную формулу: "Я и армия в порядке". Сенат не назначил императору триумф, но в ознаменование заслуг, оказанных армией, была отчеканена медаль. На этой монете была надпись "Exercitus Judaicus. Благодаря армии, победившей евреев". Согласно преданию, Бетар пал 9 Ава, в день, когда Храм дважды превращался в пепел. Конец могущественного Бар-Кохбы неизвестен. Тот, кто принес его голову римскому полководцу, хвастался, что убил его. Однако его тело было найдено раздавленным змеей. На это победитель сказал: "Если бы рука Бога не убила его, человеческая рука не смогла бы ранить его". Адриан основал три военных пункта для поимки беглецов: в Хамате (Аммаус близ Твери), в Кефар-Лекитадже и в Вефиле. Кто бы ни сбежал из одного гарнизона, он попадал в плен к другому. Таким образом, все воины были уничтожены, все города и деревни опустошены, а земля буквально превратилась в пустыню. Заключенных, в основном женщин и детей, тысячами тащили на невольничьи рынки Хеврона и Газы, где их продавали. Были, однако, некоторые беглецы, которые жили в пещерах, спасаясь от врага. Но даже такое жалкое существование им было запрещено. Герольды объявили, что тем, кто добровольно сдастся, будет дарована милость. Многие поддались искушению, но были уведены на равнину Риммон, и победителям было приказано перебить своих пленников до того, как Адриан отведаст пищи. Однако многие беглецы бежали в Аравию, откуда в этой стране появилось еврейское население, которое впоследствии сыграло столь важную роль в ее истории. Адриан также заставил иностранных евреев ощутить тяжесть своего гнева и обложил их налогом, гораздо более тяжелым, чем тот, который требовал Веспасиан. В

память об этом последнем восстании евреи в знак траура постановили, что невест больше не следует привозить в красивых носилках в дома их женихов.

ГЛАВА XVI. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ БАР-КОХБЫ.

Турнус Руфус преследует евреев—Десять мучеников—Книга Товита—Отношения между иудаизмом и христианством—Возвращение школ в Палестину—Синод в Уше—Меир—Симон бен Йохай—Вавилонский Синхедрион—Антонин Пий и Аврелий Вер—Восстание против Рима—Патриархат Симона.

135-170 гг. н. э.

Адриан, который во время войны жил в условиях ужаса, не удовлетворился простым подавлением всех восстаний, но он хотел искоренить возможность будущего восстания. С этой целью он ввел в действие ряд законов, каждый из которых был направлен на уничтожение иудаизма, духовной жизни нации, в сердцах выживших. Адриан назначил Руфа исполнителем своих эдиктов — человека, неспособного напасть на вооруженного врага, но более компетентного вести войну мелких преследований и шпионажа. После того как Север был отправлен обратно в Британию по окончании своей кампании, Руф приказал провести плугом по городу Иерусалиму и Храмовой горе в знак того, что там следует построить еще один город. Это произошло богатыми событиями 9-го Ава, возможно, через год после падения Бетара.

Адриан приказал перестроить город ближе к северу, где раньше были пригороды. Он заселил недавно построенный город колонией солдат, отслуживших свой срок, финикийцев и сирийцев. Город, Элия Капитолина, был построен в греческом стиле, с двумя рыночными площадями, театром и другими общественными зданиями, и был разделен на семь кварталов. Таким образом, Адриану удалось осуществить свой предвзятый план превращения Иерусалима в языческий город. На Храмовой горе была воздвигнута колонна в честь Адриана и языческий храм в честь Юпитера Капитолийского. Другие статуи римских, греческих и финикийских богов украшали или, скорее, оскверняли Иерусалим. Во всех государственных указах Иерусалим фигурировал под своим новым названием Элия, и его идентичность была настолько полностью забыта, что сто лет спустя губернатор Палестины спросил епископа, который сказал, что он родом из Иерусалима, где расположен этот город. У южных ворот, ведущих в Вифлеем, была установлена наполовину рельефная голова свиньи, как особое раздражение евреев, и им было запрещено под страхом смерти проходить за внешнюю стену этого города. Адриан воздвиг святилище Юпитеру на горе Гаризим, где раньше у самаритян был свой храм, место, которое они считали святым. На горе Голгофа, напротив Иерусалима, был воздвигнут храм Венере, а в пещере в Вифлееме поклонялись статуе Адониса. Адриан следовал старой политике сирийца Антиоха Епифана, который осквернял еврейские святыни из предубеждения и мести и пытался силой оружия привить иудаизму язычество. Он считал, что наиболее эффективно сломить упорную независимость евреев можно, если ему удастся отучить их от их особой религиозной жизни. В Иудее был издан указ, который налагал самые суровые наказания на всех тех, кто позволял обрезать себя, соблюдать субботу или следовать еврейскому закону. Только в одном

Адриан отличался от Епифана — он не принуждал к поклонению римским богам. Однако все обычаи и повадки, носившие хотя бы слабый оттенок религиозного характера, были запрещены, такие как раздельное проживание разведенных жен, бракосочетания в среду и другие обычаи. Это расширение эдикта, возможно, было комментарием римских властей в Иудее, которые были лучше знакомы с духом евреев и полны решимости обеспечить выполнение императорского приказа для достижения желаемой цели. Тяжелые годы, через которые прошел иудаизм, от падения Бетара до смерти Адриана, были названы эпохой Религиозного принуждения, Опасностей и преследований. Суровые указы и еще более строгое их исполнение стали тяжелым ударом для тех, кто остался. Наиболее сознательные были в нерешительности, как вести себя в своем критическом положении, должны ли они придерживаться жестких правил или, учитывая свои поредевшие ряды, им следует спасти свои собственные жизни, уступив требованиям момента.

Вероятно, в то время не было настоящего Синhedриона, который мог бы ответить на этот вопрос и дать им желаемое руководство. Оставшиеся в живых законоучители собрались на чердаке в Лидде и обсуждали этот вопрос жизни и смерти. Среди членов, присутствовавших на этом собрании, были Акиба, Тарфон и Иосиф Галилеянин. Несомненно, Измаил, который по характеру напоминал Р. Джошуа Навина, также присутствовал на том мероприятии. По этому важному вопросу мнения разошлись. Строгие элементы, по-видимому, считали, что каждый еврей, вместо того чтобы стать виновным в малейшем нарушении закона, каким бы тяжелым (важным) или легким (менее важным) оно ни было, должен быть готов умереть смертью мученика. Измаил придерживался противоположной точки зрения. Он считал, что внешне и по принуждению человек может преступить Закон, чтобы сохранить свою жизнь, поскольку Тора предписывает своим последователям жить по ней, а не умирать из-за нее. Собрание в Лидде, как обычно, приняло промежуточный курс, заключавшийся в том, что следует проводить различие между важными заповедями и теми, которые были менее весомыми. Вопрос был поставлен на голосование, и было принято решение, что во избежание смерти от пыток могут быть нарушены все законы, за исключением тех, которые запрещают идолопоклонство, прелюбодеяние и убийство. Это решение, свидетельствующее об отчаянном положении, в котором находились евреи в то время, по-видимому, также содержало секретный пункт о том, что в случае необходимости Закон можно обойти или пренебречь им, но что его следует соблюдать, насколько это возможно. Было много тех, кто повиновался, но кто притворялся в присутствии римских шпионов и надсмотрщиков. Было трогательно наблюдать за мелкими уловками и благочестивым мошенничеством, с помощью которых они пытались избежать смерти и в то же время удовлетворить свою совесть. Душевные муки, которым они подвергались ежедневно и ежечасно, сделали их искусными в поиске лазеек для побега. Даже Акиба однажды, увидев себя окруженным римскими шпионами, дал знак своим ученикам произнести Шма тихо и почти неслышно, ибо римские власти безжалостно выполняли букву своего эдикта. Римский инспектор (квестор), который застал врасплох некоего Артабана, когда тот привязывал Меццусот к дверным косякам, заставил его заплатить 1000 динаров за этот поступок. Другому мужчине, Елисею, вероятно, выжившему из ессеев, проломили череп, потому что он надевал тефиллин. Было опасно даже носить еврейскую одежду. Поэтому двое учеников Иисуса Навина переоделись в деревенскую одежду, и когда их спросили на эту тему, они ответили, "что воспротивиться приказу Императора было бы равносильно самоубийству".

Измаил описывает это мрачное время, когда мученичество и смерть преследовали их на каждом шагу, следующими словами: "Поскольку грешный Рим наложил на нас суровые законы,

мешал нам выполнять наши религиозные обязанности и особенно запретил акт обрезания, нам действительно не следует вступать в брак, чтобы не иметь детей. Но тогда род Авраама вымер бы. Поэтому лучше, чтобы на какое-то время религиозные законы были нарушены, чем чтобы установилось такое положение вещей, которому люди не подчинились".

Однако было много таких, чья совесть не позволяла им воспользоваться свободой, разрешенной Собранием Лиддана, или прибегнуть к уловкам, которые были приняты другими. Они строго соблюдали религиозные предписания, даже рискуя принять мученическую смерть. Один из молодых свидетелей того печального времени описывает, почти драматически, безжалостность римских властей, которые назначали жестокие наказания за каждую религиозную церемонию. "Почему ты должен быть выпорот? Потому что я использовал лулабу. Почему ты должен быть распят? Потому что я ел опресноки на Пасху. Почему ты должен быть приговорен к смерти от огня или меча? Потому что мы читали Тору и разрешили обрезать наших детей". Еще более ужасными были смерти, которым подвергали обвиняемых римские трибуналы, которые можно сравнить только с теми, которым подвергала инквизиция. В подмышечные впадины вкладывали раскаленные шары, или под ногти вводили трубки с шипами, или на сердце того, кого сжигали заживо, клали влажную шерсть, или сдирали кожу - ужасы, которые вызывают невольную дрожь при одном их перечислении.

Несмотря на бдительность римских чиновников, их можно было бы обмануть, если бы не еврейские ренегаты, которые выдали римским надзирателям различные применяемые стратагемы и уловки. Эти шпионы, вероятно, принадлежали к беспринципному классу людей, готовых на все ради выгоды, или же они были иудеохристианами, которые таким образом думали снискать расположение римских властей и показать, что они отличаются от евреев. Наконец, были те, кто считал благим делом содействовать разрушению еврейского закона. Среди них был Ахер, который был проникнут презрением к Закону. Говорят, что он предоставил римским властям информацию, позволяющую им отличать религиозные церемонии от тех, которые не имели значения. Например, если бы евреи были вынуждены работать в субботу, и кто-то должен был нести груз, то, чтобы облегчить свою совесть, нанял бы помощника и таким образом уменьшил бы осквернение субботы, Ахер привлек бы внимание к этой уловке. Таким образом, римские шпионы, которые посвящали надзирателей в различные обряды, внимательно следили за каждой попыткой совершения религиозного обряда.

Адриан или его представители обращали самое пристальное внимание на два особых случая и налагали самые суровые наказания за них — собрание школ и рукоположение учеников. Возможно, ему было высказано предположение, что продолжение действия Закона зависит от этих двух функций. Если обучение учеников учителями могло быть прекращено, и рукоположение учеников в качестве независимых учителей могло быть предотвращено, тогда, естественно, в жизненном потоке иудаизма должна была произойти остановка. Следует признать, что римская политика была хорошо проведена ее сторонниками и что они знали, как нанести удар по самой жизненно важной точке иудаизма. Суровые смертные приговоры были вынесены тем учителям, которые содержали школы, и тем, кто посвящал учеников; даже общины были привлечены к ответственности за это. Город и его окрестности, где происходило рукоположение, были обречены на разрушение. Возможно, что Ахер спровоцировал это преследование; во всяком случае, о нем рассказывают, что он предал учителей Закона смерти и что он отпугнул учеников от изучения Закона.

Среди друзей мира, которые даже советовали подчиниться этим указам, был Хосе бен Кисма, который почитал терпение высшей добродетелью и надеялся добиться большего подчинением, чем смелым противодействием и бесполезным саморазрушением. Однажды он встретил Ханину бен Терадион, которая принадлежала к партии тех, кто был полон решимости отдать свою жизнь за Закон. Он обучал своих учеников по свитку Закона, который держал на коленях. Хосе предостерегающе сказал: "Видишь ли, брат мой, что даже Небеса благосклонны к римской империи. Храм разрушен; благочестивые вырезаны, лучшие люди истреблены, и все же эта империя существует! Как ты смеешь учить вопреки имперскому закону? Меня бы не удивило, если бы тебя приговорили к сожжению на костре вместе со священными книгами. Хосе пользовался большим расположением при дворе правителя Иудеи, и когда он умер, несколько высокопоставленных лиц последовали за его телом.

Большинство танаитов придерживались иного мнения и решили скорее принять смерть, чем прекратить свои собрания в школах; они считали более важным изучение Закона, чем соблюдение религиозных предписаний. На чердаке в Лидде было принято специальное постановление о том, что преподавать гораздо важнее, чем просто следовать Закону. Что касается обязательного воздержания от религиозных обрядов, то законоучители до поры до времени подавали пример покорности; но чтобы сохранить знание самого Закона, они настаивали на мученической смерти, как будто это должно быть самой священной частью иудаизма, которую нужно защищать даже ценой жизни.

В старинном рассказе говорится о десяти мучениках, проливших кровь за Закон. Но сохранились имена только семерых; рассказам об остальных нельзя доверять. Первым был казнен Измаил, сын первосвященника Елисея, который сформулировал Тринадцать Правил; с ним был некий Симон (их было несколько). Елисей не желал советовать другим подвергнуться мученичеству, но сам с радостью претерпел его. Акиба произнес речь, в которой он описал, как Измаил и Симон, оба свободные от греха, служили примером и пали от рук палача; и в заключение он увещевал своих учеников такими словами: "Готовьтесь к смерти, ибо нас ожидают ужасные дни". Вскоре настала очередь Акибы, поскольку он проводил беседы втайне. На третий день Тишри его бросили в тюрьму. Напрасно Паппос бен Иуда, один из тех, кто советовал подчиняться любой ценой, предупреждал его отказаться от встреч со своими учениками, потому что глаза шпионов были устремлены в самые потаенные места. Случай свел его и этого самого Паппоса вместе в тюрьме. Паппос сокрушался, что его осудили всего лишь за мирское дело и что он не мог утешить себя мыслью, что страдает за великое дело. Руфус, губернатор и палач, действовал по отношению к Акибе, которого он считал главой и вожаком, с еще большей суровостью, чем по отношению к остальным. Он долгое время держал его в тюрьме, которая охранялась так надежно, что никто не мог попасть внутрь. Остальные законоучители, которые чувствовали себя совершенно покинутыми и беспомощными без Акибы, прилагали все возможные усилия, чтобы получить его совет в сомнительных случаях. Однажды они дали 300 динаров гонцу, который лишь с большим трудом смог получить доступ к Акибе.

Наконец, однако, настал час его казни. Руфус подвергнул его жесточайшим пыткам и приказал содрать с него кожу железом. Великомученик, находясь под пытками, читал Шему с умиротворенной улыбкой на лице. Руфус, пораженный его необычайной храбростью, спросил его, был ли он колдуном, что смог так легко преодолеть боль, которую испытывал. На что Акиба ответил: "Я не колдун, но я радуюсь, что мне позволено любить Бога ценой своей жизни". Акиба

испустил дух с последними словами молитвы, которая содержит суть иудаизма — Бог Един. Смерть Акибы, которая была такой же замечательной, как и его жизнь, оставила ужасную пустоту. Его современники скорбели, ибо вместе с ним были уничтожены рука Закона и источник мудрости. Он оставил одного сына и нескольких учеников, которые чтить его имя и считали его способ обучения единственно допустимым.

Четвертым мучеником, героически принявшим смерть, была Ханина бен Терадион. Несмотря на предупреждения Хосе бен Кисмы, он продолжал читать свои лекции до тех пор, пока его не потащили в трибунал. Его спросили, почему он действовал вопреки императорскому приказу, и он смело ответил: "Потому что так повелел мне Бог". Его завернули в свиток Закона и сожгли на костре из свежего тростника. Жена Чанина также была приговорена к смертной казни, а его дочь - к деградации.

Мученическая смерть Хузпита, спикера (Метургемана) Синхедриона Джамнии, и Исебаба, секретаря Синхедриона, просто отмечены без подробностей; несомненно, они были обнаружены обучающими Закону. Говорят, что Иуда бен Баба был последним из мучеников. Перед смертью он решил наделить семерых оставшихся учеников Акибы необходимыми полномочиями для продолжения распространения традиционного Закона. Он выбрал для церемонии долину между Ушой и Шефарамом, но, несмотря на эту секретность, римляне застали его врасплох. Его ученики отказались покинуть его, и только после неоднократных просьб они бежали. Враг застал старика одного, и он сдался смерти без сопротивления. Он был пронзен копьями. Из страха перед кровожадной местью Руфуса обычное обращение на похоронах Иуды бен Бабы было опущено. Ни имя, ни способ смерти остальных мучеников с уверенностью неизвестны. Так заканчивается второе поколение танаитов; оно было богато великими людьми, богато великими умами и богато бедами и горестями. Окончание восстания Бар-Кохбы стало поворотным моментом этой эпохи, и тот факт, что храм Юпитера Капитолийского занял место древнего еврейского храма, казался иудео-христианам предвещающим последний день и возвращение Мессии.

Жестокие меры Адриана и Руфа были направлены не только против выживших, но и против мертвых. Груды мертвых тел не разрешалось предавать земле, но это ужасное зрелище было задумано как предупреждение выжившим, чтобы они больше не мечтали об освобождении от римского ига. Правители не беспокоились о заразном состоянии воздуха или удручающем эффекте от вида такого количества трупов, лежащих на солнце; или, возможно, они радовались, что к ужасам, обрушившимся на еврейский народ, добавились мор и отчаяние. Для благочестивых и кротких сердец была невыносима мысль о том, что останки павших, которые по еврейскому обычаю должны были особо почитаться, должны быть оставлены на съедение диким зверям и птицам и разлагаться на солнце. Похоже, что благочестивый человек хотел внушить выжившим, заключившим мир с римлянами и жившим в уединении, необходимость предавать трупы земле в ночной темноте, даже ценой их собственного счастья и покоя. С этой целью он сочинил книгу — "Книгу Товита", — в которой большое значение придается обязанности тайно хоронить тела тех, кого тираны обрекли на позор; и в то же время намекалось, что опасность, связанная с этой обязанностью, принесет богатую награду. В доказательство этого был приведен случай с благочестивым Товитом, который, претерпев множество несчастий в результате своего любовного труда, в конце концов был вознагражден богатыми благословениями. Содержание Книги Товита неоспоримо указывает на то, что она была составлена в царствование Адриана.

Жестокие гонения Адриана обрушились также на иудео—христиан — возможно, на всех христиан, -хотя они и отделились от еврейской общины; по той причине, что римские власти не учитывали различия в догмах между евреями и христианами. Евангелисты в самых мрачных красках рисуют ужасы преследований, которым подверглись христиане. "Тогда вы увидите ужасы запустения (предсказанные пророком Даниилом) там, где их не должно быть; тот, кто в Иудее, убежит в горы; горе беременным и грудным младенцам. Однако молитесь, чтобы ваш полет не состоялся зимой или в субботу".

Обе христианские секты стремились к признанию себя как организации, отдельной от евреев, как в политическом, так и в религиозном плане, чтобы избежать участи, нависшей над последними. Говорят, что два учителя Церкви, Квадрат и Аристид, передали Адриану петицию, в которой они продемонстрировали, что христианство не имеет никакой связи с иудаизмом. С этого времени начинается единство и самобытность большинства иудео-христианских и языческо-христианских сект. Иудеохристиане отказались от иудейских законов, которых они до сих пор придерживались, в большей или меньшей степени, приняв догматические предписания христианства в том виде, в каком они были разработаны в соответствии с языческо-христианскими взглядами, и в доказательство своих искренних убеждений они впервые поставили необрезанного епископа во главе общины. Со времен Адриана всякая связь между евреями и христианами прекратилась, и они больше не занимали положения двух враждебных групп, принадлежащих к одному дому, но стали двумя совершенно разными группами.

Из-за войны против Адриана и эдикта о гонениях для Иудеи наступили ужасные времена. Города были разрушены, земля опустошена, жители погибли либо на поле битвы, либо на эшафоте, либо вели жалкую жизнь беженцев, в то время как некоторые были рассеяны по более гостеприимным территориям.

Ученики Закона, особенно семеро учеников Акибы, с разбитыми сердцами искали убежища в Нисибисе и Нахардее, и если бы преследование продолжалось дольше, Вавилон уже в это время достиг бы того значения для иудаизма, которого он достиг столетием позже. Смерть Адриана, наступившая через три года после падения Бетара, привела к благоприятному повороту событий. Благочестивые узрели в жалкой смерти этого императора, который после Антиоха Епифана стал воплощением ненависти евреев и упоминание имени которого всегда сопровождалось проклятием: "Да обратит Бог его останки в прах", божественное возмездие за зло, которое он причинил еврейскому народу. Те, кто избежал уничтожения, пытались добиться от преемника Адриана отмены жестоких эдиктов. Тит Аврелий Антонин, получивший имя Пий, хотя и был приемным сыном Адриана, обладал несколько более гуманным и благотельным характером, и казалось вероятным более мягкое обращение с его стороны. Знатная римлянка из Кесарии, или Антиохии, которая сочувствовала страданиям евреев, посоветовала им обратиться к римским властям с просьбой прекратить преследования. Эта дама, возможно, была женой Руфа и, как говорят, имела склонность к иудаизму. Следуя этому совету, несколько человек во главе с Иегудой бен Шамуа отправились к губернатору просить пощады. В мрачной тьме своего опустошения они сокрушались— "О небеса, разве мы не твои братья, сыновья одного отца? Почему ты причиняешь нам невыносимые страдания?" Такие стенания, по-видимому, побудили губернатора обратиться к императору с просьбой о более мягком поведении по отношению к евреям.

Говорят, что 15 Ава (августа) пришло радостное известие о том, что сложенные в кучу трупы еврейских воинов могут быть похоронены. 28-го Адара (марта 139 или 140 года) пришла еще более радостная весть о том, что указы Адриана были отменены, и этот день был отмечен в календаре. Римский источник сообщает, что император Антонин Пий разрешил евреям совершать обряд обрезания; но им не разрешалось совершать его среди представителей других национальностей; то есть им не разрешалось обращать в свою веру других людей. Таким образом, гонения на почве религии были прекращены. Антонин Пий, однако, не отменил закон, запрещающий евреям входить в Иерусалим.

Это неожиданное окончание преследования вернуло беглецов на родину. Семеро учеников Акибы — единственных наследников духовного наследия прежних времен, — которые по большей части эмигрировали в Вавилон, теперь вернулись. Это были Меир, Иуда бен Илай, Хосе бен Халафта, Йоханан Александрийский, Симон бен Йохай, Елеазар бен Иаков (или бен Шамуа) и Неемия. Они отправились прямо на равнину Риммон, ставшую известной во время Революции, чтобы рассмотреть вопрос о введении високосного года, поскольку календарь, вероятно, стал неправильным. На первой встрече завязалась ожесточенная перепалка, вероятно, со ссылкой на одну из галах Акибы, но спор завершился дружественным урегулированием.

Они вновь собрались в Уше, родном городе Иудеи, который еще до революции Бар-Кохбы был на короткое время резиденцией колледжа, и пригласили всех оставшихся в Галилее законоучителей встретиться там. Многие пришли по приглашению, и жители Уши постарались обеспечить гостей всем, что им требовалось. Задачей Синода было восстановить традиции, вышедшие из употребления во время гонений. По прошествии нескольких дней в Ушах главные организаторы собрания распустили своих гостей с торжественными речами. Иуда поблагодарил незнакомцев, которые взяли на себя труд приехать на собрание с расстояния в несколько миль. Другие члены совета поблагодарили жителей Уши за проявленное по отношению к ним гостеприимство. Так нация, гибель которой казалась неминуемой, снова возродилась, и Закон снова стал лечебной мерой, принес с собой здоровье и силу.

Члены танаитского круга с большим самопожертвованием продолжали дело своих предшественников, чтобы восстановить разорванную цепь традиций, но их было меньше, а их умственная активность уступала деятельности предыдущего поколения. Главными из тех, кто принимал участие в делах, были Симон II, сын патриарха Гамалиила, Натан Вавилонский, Меир и Симон бен Йохай. Первый из них, как было рассказано, чудесным образом избежал резни в Бетаре, а также преследований, которыми ему угрожали. Квестор, назначенный Руфом для заключения его в тюрьму, намекнул ему нагрозящую опасность, из-за которой Симон сбежал и укрылся в Вавилоне. Как долго он оставался там и при каких обстоятельствах принял свои наследственные права, неизвестно.

Симон, по-видимому, желал возвысить достоинство Патриарха до особой важности и величия, вероятно, в подражание вавилонскому принцу времен Плена. Судя по всему, он не был на первом Синоде в Ушах и не принимал участия в выступлениях, которые там время от времени произносились, но поселился в Джабне, месте, которое он полюбил в память о своем отце, по соседству с которым у него, вероятно, была собственность. Ученики Акибы, главные сторонники Закона, по-видимому, предпочли Ушу - или они хотели провозгласить свою независимость от патриарха. Таким образом, Симону, чтобы не оставаться одному, пришлось отправиться в

Галилейский синод. Колледж закончили Натан и Меир в качестве спикеров. Патриарх едва не навлек на себя судьбу своего отца, пренебрегая равенством, царившим среди членов Коллегии. О его отношении к традиционному праву известно лишь то небольшое, что он преподавал общепризнанные галахи и сомнительные из них, на которые он ссылался сам. В спорных случаях он отдавал предпочтение прежним решениям и не придавал значения теоретическим дискуссиям. Благодаря авторитету многочисленных учителей Закона в прошлые времена определенные обычаи распространились среди их окружения и стали авторитетом среди людей, и эти обычаи Симон желал поддерживать. Решение суда в тех случаях, когда было вынесено ошибочное решение, должно было оставаться в силе, поскольку в противном случае Саймон опасался, что уважение к таким решениям прекратится. Свое благородство Саймон проявил в прекрасном высказывании: "Мир существует на трех условиях: истине, справедливости и мире".

Самым оригинальным персонажем того периода, несомненно, был Меир, чей большой интеллект, целеустремленность и знания напоминают нам о его учителе Акибе. Его настоящее, но забытое имя было Миаса или Мойзе (в переводе с греческого "Моисей"). Согласно неподтвержденной легенде, он происходил из обращенной семьи, фактически от императора Нерона, который, как считалось на Востоке, сбежал от своих убийц и принял иудаизм.

Несомненно, что местом рождения Меира была Малая Азия, вероятно, Каппадокийская Кесария. Он зарабатывал на жизнь написанием и переписыванием Священного Писания. Он был так хорошо знаком с правилами орфографии еврейского языка, которые превращают транскрипцию Священных Книг почти в науку, что однажды написал по памяти всю книгу Есфири, не допустив ни одной ошибки. Таким образом, он зарабатывал три шекеля в неделю, две трети из которых он посвящал своей семье, а одну треть - на поддержку бедных сокурсников. Он женился на Брурии (или Валерии), ученой дочери Ханины бен Терадион, чьи галахические знания восхвалял даже Иисус Навин. Какое-то время Меир был учеником Измаила, но его простой метод обучения не нравился ему так, как более интеллектуальный метод Акибы, чья система, которая в конечном итоге была им принята, оказала самое решительное влияние на его образ мыслей. Вскоре Акиба посвятил в сан своего любимого ученика и отдал ему предпочтение перед Саймоном, но из-за своей молодости он не пользовался большим уважением как независимый учитель. Меир строго относился к такому мелкому поведению, которое соответствовало не качествам человека, а его возрасту. "Смотрите не на сосуд, - остроумно сказал он, - а на его содержимое. Многие новые сосуды содержат старое вино, но есть старые бочки, в которых нет даже молодого вина". О нем записано несколько разумных высказываний; он прославился как сочинитель басен и сочинил "300 басен об одной лисе" — излюбленном предмете восточных образов. Покорность Меира и его жены Богу по случаю смерти их двоих детей стала известна благодаря поэтическому описанию этого события. Рассказывают, что двое его сыновей скоропостижно скончались в субботу, во время отсутствия их отца в школе, и его сердобольная жена не сообщила ему об этих смертях, чтобы он не был опечален печальными вестями в святой день. Когда суббота закончилась, она спросила его, обязательно ли возвращать заимодавцу то, что было одолжено в пост, и, получив утвердительный ответ, она отвела его туда, где лежали мертвыми их двое детей, и утешила его тем, что он сказал, что они были доверены только их заботам, а теперь возвращены владельцу. Скромность Меира была так же велика, как и его покорность Богу. Его любимой поговоркой было: "Занимайся не столько выгодой, сколько Законом, и будь смиренным перед всеми людьми".

Его современники и преемники не могли в достаточной степени восхвалить мудрость и характер Меира. Хосе изображает его своим горожанам, жителям Сепфориса, как благочестивого, морально строгого и святого человека. Вошло в поговорку, что "Тот, кто прикасается к посоху Меира, становится мудрым". Он приобрел свои глубокие знания о людях, общаясь с теми, против кого преобладали предубеждения. Он даже разыскал отступника и предательницу Ачера, чтобы получить от него наставления. Когда Меира упрекнули в близости с предательницей Закона, он сказал: "Когда я вижу сочный гранат, я наслаждаюсь его содержимым и выбрасываю кожуру".

Однажды в субботу он сопровождал Ачера, который ехал верхом, в то время как Меир шел пешком, обсуждая перевод Священных Писаний. Внезапно Ачер сказал ему: "Ты можешь зайти так далеко, и не дальше, ибо здесь предел твоей субботней прогулки. Возвращайся". Меир, воспользовавшись случаем, сказал Ачеру: "Возвращайся и ты". Но Ачер сказал: "Если для всех грешников даровано прощение, то для меня врата милосердия закрыты, потому что я использовал дары, данные мне Богом, во зло". Позже, когда Ачер заболел, Меир снова попытался расположить его к себе и льстил себя надеждой, что это он заставил Ачера раскаяться перед смертью. Легенда гласит, что Меир расстелил свою мантию над могилой Ахера, из которой поднялся столб дыма, и в подражание стиху из Священного Писания (Руфь iii. 13) он воскликнул: "Отдохни здесь ночью; на заре счастья Бог милосердия избавит тебя; если нет, я буду твоим искупителем".

Меир также был близок с языческим философом Евонимом Гадаринским. В еврейских кругах говорили: "Не удивляйтесь, обнаружив среди язычников знание Бога, ибо Бог вдохновил Валаама и Евонима, двух величайших философов язычества, Своей мудростью, чтобы они могли учить людей". Когда Евонимус оплакивал смерть своих родителей, Меир навестил его, чтобы выразить соболезнования, поскольку считал, что язычник, занимающийся Торой, так же достоин, как и первосвященник иудаизма, поскольку в Священном Писании сказано: "Эти законы человек должен соблюдать, чтобы жить", - чем Меир объяснил, что евреи не были предназначены исключительно для того, чтобы наслаждаться вечным счастьем.

Благодаря общению с учеными людьми Меир, по-видимому, познакомился со стоической философией, которая в то время была господствующей силой в римском мире. Но все совершенства, которые, согласно философии, были обусловлены теорией Стоиков, он приписывал Торе, которая помогает человеку достичь идеала, если он посвящает себя ему из чистой любви и без корыстных побуждений. "Тора, - говорит он, - делает того, кто знакомится с ней, достойным всего мира; он становится всеобщим любимцем; она внушает ему любовь к Богу и людям; облакает его в скромность и страх Божий; делает его благочестивым, честным и правдивым; удаляет его от греха; приближает его к добродетели; наделяет его царственным достоинством; делает его нравственным, долготерпеливым, забывающим обиды, возвышает и возносит его превыше всего". Это был его идеал истинно мудрого человека. В трактовке галахических традиций Меир копировал систему диалектики своего учителя Акибы. Правила дедукции, использовавшиеся его предшественниками, он использовал в качестве формул, которые могли устанавливать или отменять правовые акты. Его современники рассказывают о нем, что они никогда не могли понять истинного значения решений Меира, потому что он привел ряд доказательств за и против постановления, и он был способен с помощью сравнений и дедукций превратить закон в том виде, в каком он был установлен, в закон с противоположным значением. Следовало ли принимать эти софистические аргументы всерьез,

или же они были предназначены оратором только для диалектических целей, чтобы показать обе стороны вопроса, сейчас неизвестно, поскольку даже те, кто жил в прежние времена, сомневались в этом предмете.

Однако пагубный метод обращения с галахами, который был назван талмудической диалектикой, позже получил еще большее развитие; фактически, более близкое понимание Галах было признано невозможным без него. Тем не менее, изложение Закона Меиром было определенно серьезным и строгим. Среди прочего он утверждает, что тот, кто дает своей жене меньшее приданое, чем обычно, поступает неправильно, поскольку тем самым облегчает получение развода. Далее, он утверждает, что любой, кто хоть в малейшей степени отступит от закона, установленного для развода, признает этот акт незаконным, а его дети от второго брака будут считаться незаконнорожденными. Меир далее оспорил общепризнанный закон, согласно которому то, что запрещено или разрешено, должно быть выведено из таких случаев, которые чаще всего происходят в жизни, без учета исключительных обстоятельств; он считал, что определенные обстоятельства следует добросовестно считать исключительными. По этой причине, когда он услышал, что некоторые самаряне продолжают поклоняться идолам, что согласно эдикту Адриана они ранее были вынуждены делать, когда приносили ему возлияния вина, он отказался разрешить употребление вина среди своих слушателей. Это воздержание, если бы оно соблюдалось постоянно, положило бы конец многим занятиям и удовольствиям и сделало бы их юридически невозможными. За другие проступки, такие как, например, ростовщичество, он налагал большие штрафы. Но его предписания не выполнялись, его современники и последующие поколения не признавали постановления и предписания Меира во всей их полноте. Однако он был строг к самому себе и однажды сказал— "Даже если я считаю что-то допустимым для других, я не могу допустить, чтобы это было хорошо для меня, если я убежден, что мои коллеги придерживаются другого мнения". Как в трактовке галах, так и в обычных вещах Меир пошел по стопам Акибы; он завершил собрание Мишн, но, по-видимому, расположил их составные части скорее по содержанию, чем по количеству. Эти договоренности Меира и его коллег не претендовали на роль кодекса, но каждый законоучитель, имея круг учеников, трактовал представленный ему материал так, как ему казалось наиболее подходящим для себя. Меир собрал вокруг себя немалое количество учеников, которых привлекли к нему его интеллектуальные иллюстрации и интересные лекции. У него была привычка чередовать сухие тексты Галах с привлекательными Агадами и иллюстрировать их баснями.

Среди учеников Меира был некто по имени Симмахос бен Иосиф, который перенял и преувеличил его метод до такой степени, что о нем говорили, что он мог хорошо спорить, но не мог прийти ни к какому практическому решению. О нем даже говорили, что его предки не могли присутствовать при Откровении на Синае. После смерти Меира и Симмах, и его ученики были исключены из школы, потому что они не стремились к истине, а только к софистическому спору. Вполне вероятно, что Меир отправился в Ушинский синод, когда обсуждались важные вопросы. Он не был в хороших отношениях с патриархом Симоном.

Симон бен Йохай из Галилеи был такой же яркой, но не такой многогранной личностью, как Меир, и о нем ложно сообщалось как о чудотворце - мистике и каббалисте. Известно мало фактов из его жизни, но из того, что записано, мы можем сделать вывод, что он был скорее прозаиком, чем обладал богатым воображением. Ничего не известно о юности Симона, и позже, после его возвращения вместе с другими из ссылки, наложенной на них при правлении

Адриана, его деятельность, по-видимому, сосредоточилась на недавно организованном Синхедрионе в Ушах. В противовес своему отцу, Йохаю, который пользовался благосклонностью римских властей, сын был решительным врагом Рима, и они его не очень любили. За правдивое порицание римского правителя он был приговорен к смертной казни и мог спастись только бегством, и за этот факт ухватилась легенда, чтобы окружить Симона чудесами. Среди различных юридических решений, высказываний и замечаний, которые сохранились о нем, нет и следа мистической тенденции. Напротив, его рассуждения относительно библейских законов всегда носили простой характер. Система следования логике Закона и, следовательно, выводов была свойственна Саймону.

Это было усовершенствование системы Акибы, которая заключалась в извлечении из плеонастических слов, слогов и букв принципов юридических умозаключений. Ниже приведены примеры метода Симона. Библия запрещает растрачивать имущество вдовы; Симон ограничил ссылку случаями с бедными вдовами. Саймон сделал свой вывод следующим образом: —Библейский закон, который гласит, что вдова должна быть избавлена от всякого законного изъятия имущества, может применяться только к бедным вдовам. У богатой женщины не было причин так щадить себя. Далее, что запрет на смешанные браки с семьей ханаанскими расами также должен быть распространен на все народы, исповедующие идолопоклонство, поскольку закон фактически был направлен на то, чтобы предотвратить вовлечение людей в идолопоклонство.

Другое мнение Саймона показывает, насколько далек он был от всех преувеличенных религиозных теорий. У него было любопытное высказывание о том, что исполнение Закона возможно только для тех, кто живет на манну или десятину. В отличие от большинства учителей права, Саймон не занимался ни профессией, ни бизнесом; в то время он был единственным человеком, делом жизни которого было изучение Закона. Жилище и школа Симона находились в плодородном нефтяном районе Текоа в Галилее. У него был свой круг учеников, и, поскольку он пережил своих коллег, он стал единственным авторитетом следующего периода.

Другим важным именем было имя Иуды бен Илая из Уши, чей характер имел сходство с характером Иисуса Навина. Скромный, мудрый, дипломатичный, красноречивый, он знал, как преодолеть пропасть, существовавшую между римской и еврейской природой. Поэтому его особенно называли "мудрым", или "первым оратором". Иуда не был состоятельным человеком, но, как и Иисус Навин, он обеспечивал себя занятием, которого не стыдился. Он часто употреблял выражение— "Работа делает честь работнику. Тот, кто не учит своего сына ремеслу, делает из него разбойника ". Его метод обучения не имел особенно ярко выраженных характеристик.

Как в случае с Иудой у нас нет записей об отличительных чертах, так и о жизни Хосе бен Халафты из Сепфориса известно мало. Он также занимался ремеслом, причем одним из самых низших. Он был кожевником. В отличие от своих современников, Хосе посвятил себя сбору анналов еврейской истории и оставил отчет от сотворения мира до войны при Бар-Кохбе под названием "Седер Олам". Он пытался правильно установить различные даты из исторических записей Библии. Он пытался прояснить сомнительные отрывки и заполнить пробелы в традициях. С другой стороны, начиная со времен Александра Македонского, мы обнаруживаем, что эта хроника Хосе дает независимую и заслуживающую доверия, но очень скудную информацию.

Но мало что заслуживающего внимания известно о других учениках Акибы. Помимо галилейского кружка ученых, на крайнем юге Иудеи (Даром) существовал еще один, который продолжал метод преподавания Измаила; известны только два члена этого кружка, Иосия и Ионафан.

Натан, вавилонянин и сын князя Плена, был человеком, представляющим особый интерес. Неизвестно, где он получил наставления в Галахах, и что побудило его переехать в Иудею или отказаться от более благоприятного положения, которое он занимал в своей родной стране. Иностранцами законоучителями в этот период были Иуда бен Батира из Нисибиса, который, по-видимому, приютил беглецов из Иудеи; также Хананья, племянник Иисуса Навина из Нахар-Пакода, которого его дядя отправил в Вавилон, чтобы вывести его из-под влияния иудео-христиан; и, наконец, Матия бен Чараш из Рима, который первым перенес знание еврейского закона из Азии в Европу.

В то время как законоучители Галилеи пытались реанимировать нацию, восстановить Синхедрион, сохранить и распространить традиции, собирая и классифицируя их, требовалось совсем немного, чтобы вызвать глубокий раскол, который угрожал полностью отделить вавилонское собрание от основной массы.

Мудрость патриарха Симона II ловко избежала этого нарушения. Хананья основал своего рода Синхедрион в Нахар-Пакоде, вероятно, по соседству с Нахардеей, президентом которого он был, в то время как некий Нечуньян, возможно, принц Плена, по-видимому, поддерживал его. Вавилонская община, до тех пор находившаяся под контролем Иудеи, а теперь оставшаяся без заботы из-за разрушения всех религиозных институтов в отечестве, приветствовала появление Синхедриона в своей среде как нечто радостное и с благодарностью приняла его постановления. Хананья сразу же ввел високосный год и празднование праздников, как это было принято в Иудее. Но когда в Ушах был основан Синхедрион, стало невозможным дальнейшее существование организации, которая угрожала единству иудаизма и имела тенденцию разделить его на восточный и западный иудаизм. Чтобы избежать такого разделения, патриарх Симон отправил двух послов, Исаака и Натана, с лестными посланиями к Хананье с необычной надписью "Его святейшеству Хананье". Президент Вавилонского Синхедриона, не ожидавший такого дружелюбия, принял еврейских послов самым любезным образом и представил их собранию с лестными речами. Заручившись доверием нации, они назвали конечную причину своего посольства. На государственной службе они прочитали из Книги законов: "Таковы праздничные дни Хананьи" (вместо Бога). Другое чтение из пророков — "Из Вавилона выйдет свет и слово Господне из Нахар Пакода" (вместо Сиона и Иерусалима). Зрители, чье внимание было привлечено этими ироническими намеками и которые чувствовали, что независимый Синхедрион в Вавилоне противоречил бы духу Закона, почувствовали беспокойство своей совести. Хананья тщетно пытался ослабить впечатление, вовлекая в это дело послов. Они ответили, что создание оппозиционного Синхедриона в Вавилоне было равносильно строительству алтаря, у которого Хананья и Нечунья служили бы как несанкционированные священники, и фактически было равносильно отречению от Бога Израиля. Хананья, однако, усомнился в продолжении Синхедриона в Иудее, заявив, что тамошние законоучители не пользовались никаким авторитетом, на что послы ответили: "Малыши, которых ты бросил, тем временем выросли". Хананья, однако, не отказался от своего замысла до тех пор, пока Иуда бен Батира в Нисибисе не указал ему, что в священных делах иудейскому Синхедриону должно быть оказано безоговорочное повиновение. Не найдя нигде

отклика или интереса, он отменил фестивали, организованные им самим, и вавилонский Синхедрион подошел к концу.

В колледже Уша возникли разногласия, которые грозили привести к результатам, аналогичным состязанию между Гамалиилом и Джошуа Навином. Патриарх Симон, чтобы повысить свое достоинство, стремился ввести особый этикет, чтобы устранить равенство, ранее существовавшее между всеми должностными лицами. В отсутствие аббет-дина Натана и спикера Меира он учредил новый порядок присвоения званий, который определенно признавал бы его высшим главой. Это различие заключалось в том, что на всех публичных заседаниях Синхедриона люди, которые привыкли вставать при входе президента и других важных должностных лиц и оставаться стоящими до тех пор, пока им не будет дан знак садиться, должны были приберечь этот знак почета в будущем только для Президента; в честь его заместителя только первые ряды должны были стоять, пока он не займет свое место; и еще меньше церемоний должно было соблюдаться по отношению к оратору (Хачаму).

Когда Натан и Меир впервые присутствовали на собрании и заметили новые договоренности, они тайно решили составить заговор против Саймона и лишить его должности. Однако для этой цели стало необходимым согласие народа, от которого зависело назначение Патриарха. Они решили озадачить Симона сложными вопросами (о Галахах), и он, похоже, уступал им в знании традиционных знаний, и когда они раскрыли его слабость перед всем собранием, они намеревались предложить низложение Патриарха, который не был знаком со всеми отраслями Права. Они также решили, что Натан, который принадлежал к семье принца Плена и который также был из рода Давида, должен стать Патриархом, а Меир должен быть вторым по рангу в качестве заместителя. Однако этот заговор был раскрыт Саймону, и заговорщики сочли его подготовленным.

Патриарх, раскрыв замысел против него, добился изгнания этих двоих из Синхедриона. Но они дали о себе знать, написав трудные вопросы и распространив их среди собравшихся, которых они тем самым поставили в неловкое положение. Обращаясь к этим двоим, Хосе впоследствии сказал: "Мы находимся в доме Закона, но Закон находится снаружи". Они были вновь приняты, но Симон устроил так, чтобы их имена не были занесены в принятые им постановления. Впоследствии Р. Натан заключил мир с патриархом, но разрыв с Меиром затянулся. В конце концов Симон отлучил его от церкви, но Меир не был таким покорным, как тот, кто без единого слова принял приговор Гамалиила. Ссылаясь на предыдущее решение Синхедриона в Ушах о том, что ни один член не может быть отлучен от церкви, Меир ответил: "Меня не волнует ваш приговор, пока вы не докажете мне, кому, на каком основании и при каких условиях он может быть вынесен". Говорят, что в знак гордого признания собственной значимости Меир на смертном одре произнес слова: "Скажите сынам Святой Земли, что их Мессия умер на чужбине". Согласно его последней воле, его тело было похоронено на берегу моря.

Патриархат Симона не был свободен от беспорядков и притеснений, которые римские чиновники позволяли себе совершать по отношению к еврейскому народу. Взаимная ненависть евреев и римлян, возникшая в результате восстания Бар-Кохбы и преследований Адриана, была настолько велика, что могущественные победители не могли поступить иначе, как дать почувствовать свою силу тем, кого они покорили. Симон бен Гамалиил отмечает ежедневные пытки и притеснения: "Наши предки лишь издалека чужили беду; мы, однако, страдали от них на протяжении многих дней, лет, периодов и циклов; у нас больше прав проявлять нетерпение, чем

у наших предков. Если бы, как раньше, мы захотели записать наши беды и временное облегчение на свитке, нам не хватило бы места ". Ненависть римлян, с одной стороны, и стойкость евреев, с другой, по-видимому, закончились новой революцией в Иудее, которая произошла в последний год правления императора Антонина Пия (161), но ее начало, место действия и результаты неизвестны. Попытка нового призыва к оружию, по-видимому, была связана с военными приготовлениями, начатыми парфянами против Рима. Хотя иудеи часто обманывались, они все же надеялись на помощь парфян как на средство освобождения от римского ига. Симон б. Йохай, который от всей души презирал лицемерную политику римлян, сказал: "Когда ты видишь персидского (парфянского) коня, привязанного к израильскому надгробию, тогда ты можешь поверить в пришествие Мессии". Между тем, плохо организованное восстание вскоре было подавлено губернатором Сирии, прежде чем парфяне смогли прийти на помощь. Парфянская война, длившаяся несколько лет (161-165), началась вскоре после смерти императора Антонина Пия, когда Римской империей впервые управляли два правителя, философичный, но непрактичный Марк Аврелий Антонин и распутный Вер Коммод. При первом нападении парфяне под предводительством своего царя Вологеза вторглись в Сирию, разбили наместника Атидия Корнелиана, который только что подавил иудейское восстание, обратили его легионы в бегство и опустошили страну. Второй император, Вер, был отправлен со свежими войсками на Восток, хотя он был в высшей степени непригоден для ведения войны. Поэтому завоевание парфян было предпринято способными полководцами, в то время как император предавался разгулу в Антиохии, Лаодикии и Дафне.

Император Вер, по-видимому, возбудил новые преследования против евреев Палестины. Сначала они потеряли право пользоваться своими собственными судами. Неясно, были ли отменены еврейские судебные функции или же еврейские судьи были смещены. Симон бен Йохай благодарил Бога за вмешательство римлян, поскольку он, как и его современники, не чувствовал себя способным осуществлять судебные права. Несмотря на то, что вожди Синхедриона не принимали участия в революции, римские власти, по-видимому, все же подозревали их и наблюдали за ними. Однажды сообщалось о разговоре, который состоялся между Иудой, Хосе и Симоном бен Йохаем в Ушах, где, по-видимому, обсуждалась политика Рима. Иуда, который, как и Иисус Навин, пытался успокоить тех, кто стоял вокруг, восхвалял Рим за ее действия. "Как полезен был этот народ; повсюду он воздвиг города с рынками; он навел мосты через реки и построил бани для сохранения здоровья". Хосе промолчал, не высказывая ни похвалы, ни порицания. Симон бен Йохай, с другой стороны, не мог скрыть своего недовольства. "То, что делают римляне, - сказал он, - они делают только ради эгоизма и выгоды. Они держат в городах дома с дурной репутацией, злоупотребляют местами для купания и взимают плату за мосты ". Прозелит, Иуда, повторил это, возможно, не желая причинять вред. Однако Иуда, прославитель Рима, был осыпан почестями, Иосиф был сослан в Лаодикию, а Симон приговорен к смерти. Вследствие этих событий Синхедрион в Ушах, по-видимому, был распущен, поскольку наиболее важные члены были отозваны, а за его работой наблюдали.

Симон, укрывшийся, как уже говорилось, в пещере, стал героем различных чудес. Говорят, что он провел годы в этой пещере, питаясь рожковыми бобами и родниковой водой, в результате чего на его коже появились фурункулы. Когда он узнал, что дела приняли благоприятный оборот, вероятно, из-за смерти императора Вера (169), он воспринял это как знак того, что он может рискнуть отправиться в путь, и, искупавшись в теплых источниках Тверии, восстановил свое пошатнувшееся здоровье. Из благодарности он объявил город Тверию, которого до сих пор благочестивые люди избегали, потому что здания были возведены над могилами, чистым и

пригодным для жилья местом. Это вызвало гнев благочестивых людей, живших в Магдале (Таричеа), которые сочли это решение легкомысленным нововведением. После его возвращения Симона бен Йохая попросили отправиться в Рим и ходатайствовать перед императором Марком Аврелием об отмене законов, направленных против евреев. Симон взял себе в спутники в этом путешествии Елеазара, сына Хосе, вероятно, потому, что тот был знаком с латинским языком. Когда они прибыли в Рим при содействии различных влиятельных римских евреев, им, вероятно, удалось добиться от Марка Аврелия искомой уступки. Христианские учителя также обращались с петициями к императору и просили его проявить милосердие к христианскому миру. Легенда, относящаяся к Симону, приписывает достижение благосклонности императора чуду; он, а именно, избавил дочь императора Луциллу от демона (Варфоломея), и из благодарности император позволил ему и его последователям взять из государственных архивов все, что они пожелают, и они изъяли бесчеловечный указ против евреев и уничтожили его. По-видимому, у этой истории были реальные основания, поскольку Элеазар бен Иосиф, друг Симона, хвастался, что видел в комнате сосуды Храма, лобное место первосвященника и завесу Святая Святых, которые Тит унес в качестве трофеев и которые могли видеть только особо избранные.

ГЛАВА XVII. ПАТРИАРХАТ ИУДЕИ I.

Патриарх Иуда I.—Его авторитет и репутация—Завершение Мишны—Последнее поколение танаитов—Положение евреев при Марке Аврелии, Коммодe, Септимии Севере и Антонине Каракалле—Характер и содержание Мишны—Смерть Иуды.

175-219 гг. н. э.

Последнее поколение танаитов вернулось к той же точке, с которой они впервые начали, завершив таким образом весь круг. Точно так же, как первый нашел полное выражение в одной личности, Йоханане бен Заккае, так и последний достиг кульминации в одном знаменосце, который стал центральной фигурой своего времени. За первым последовало несколько учеников, каждый из которых обладал своей особой школой, тенденцией и системой; и таким образом материал традиции был разделен на множество дробных частей. Именно патриарх Иуда, сын Симона II, воссоединил их и таким образом подвел деятельность танаитов к завершению. Он был главным авторитетом последнего поколения, по сравнению с которым другие законоучители не имели никакого значения; он отказался от старых тенденций и подготовил путь для нового отправления. Несмотря на важное положение, которое он занимает в еврейской истории, о жизни Иуды известно мало. Именно во время великого бедствия, когда все еще ощущались пагубные последствия войны Бар-Кохба, проявились его выдающиеся таланты и выдающиеся роли. Он настолько отличился зрелыми вопросами и поразительными ответами, что его отец и колледж выдвинули его в первый ряд учеников, когда он был еще в первой молодости. Как будто он чувствовал, что его призванием должно быть собирание и систематизация самых разнородных мнений, Иуда не ограничивал себя какой-либо одной школой, но искал общества нескольких законоучителей. Именно это спасло его от той односторонности и ограниченности ума, которые свойственны отстаиванию, с большей

преданностью, чем любовью к истине, слов одного учителя вопреки всем другим доктринам. Самыми важными из его учителей были Симон бен Йохай и Элеазар бен Шамуа, чья школа была так переполнена учениками, что шестерым из них пришлось довольствоваться одним местом.

Иуда был возведен в достоинство патриарха после смерти своего отца и прекращения гонений после смерти Вера. Он был благословлен такими необычайными дарами судьбы, что вошло в поговорку: "Стойла для скота Иуды стоят больше, чем сокровищницы персидского царя". Сам живя очень просто, он лишь в малой степени использовал это богатство для своего личного удовлетворения, но тратил его на содержание учеников, которые во время его Патриархата собирались вокруг него во множестве из дома и из-за границы и содержались полностью за его счет. Во время ужасного голода, который вместе с чумой свирепствовал в течение нескольких лет во время правления Марка Аврелия на всей территории Римской империи, еврейский князь открыл свои склады и раздавал зерно нуждающимся. Сначала он решил, что помогать следует только тем, кто так или иначе был занят изучением Закона, таким образом исключив из своей благотворительной деятельности грубое и необразованное население. И только когда его чрезмерно добросовестный ученик Ионафан бен Амрам отказался извлекать какую-либо материальную выгоду из своего знания Закона, воскликнув: "Помоги мне не потому, что я сведущ в Законе, а так, как ты накормил бы голодную ворону", - Иуда осознал ошибку попыток ограничить свою благотворительность, и с тех пор он раздавал свои дары без различия. В другом случае Иуда также поддался своим лучшим убеждениям и преодолел свой характер, который, по-видимому, не был полностью свободен от налета суровости. Дочери Ахера, человека, который пренебрегал Законом, попав в бедственное положение, пришли к Иуде за помощью. Сначала он безжалостно оттолкнул их, заметив, что сироты от такого отца не заслуживают жалости. Но когда они напомнили ему о глубоком знании Закона их отцом, он немедленно изменил свое мнение.

Отличавшийся своим богатством и глубоким знанием предмета Галахи, он без труда преуспел в том, чего тщетно добивались его предшественники, а именно, наделил Патриархат автократической властью, не ограниченной присутствием какой-либо конкурирующей власти, и передал полномочия Синhedриона личности Патриарха. Резиденция главной школы и Синhedриона во времена Иудеи и после того, как Уша потеряла свое значение (незадолго до этого, по-видимому, это был соседний город Шефарам), сначала находилась в Бет-Шеариме, к северо-востоку от Сепфориса, а позже и в самом Сепфорисе. Иуда выбрал этот последний город для своей резиденции из-за его возвышенного и здорового положения, в надежде оправиться от болезни, от которой он страдал в течение нескольких лет. В Сепфорисе, по-видимому, существовал полный совет из семидесяти членов, на который было возложено решение религиозных вопросов в соответствии с принятым порядком. Однако репутация Джуды была настолько велика, что коллегия сама передала ему суверенную власть, которая до тех пор принадлежала всему корпусу или отдельным членам. Об Иуде было справедливо замечено, что со времен Моисея знание Закона и обладание властью ни в одном человеке не были объединены так, как в нем. Наиболее важной функцией, которая была возложена на этого Патриарха, или, скорее, которую он получил от него, было назначение учеников судьями и учителями Закона. Ему было разрешено осуществлять эти полномочия без консультации с Коллегией, но, с другой стороны, кандидатуры высшего Совета были недействительны без утверждения Патриархом. Назначение духовных наставников общин, назначения на судебные должности, заполнение вакансий в Синhedрионе, одним словом, вся Иудея и общины за границей, таким образом, попадали в зависимость от Патриарха. То, к чему тщетно стремились

его отец и дед, произошло, так сказать, от его прикосновения. В его время больше не было ни заместителя (Аб-Бет-Дина), ни публичного оратора (Хахама). Иуда, принц (ха-Наси), был всем во всем. Даже сам Синхедрион сложил свои полномочия и отныне продолжал существовать только номинально; все решал патриарх. Из-за его огромной значимости его называли просто раввином, как будто по сравнению с ним никакой учитель Закона не имел никакого значения, а он сам был олицетворением Закона.

Вскоре он еще больше расширил свои полномочия, решив, что даже самые способные люди не компетентны высказываться по какому-либо религиозному вопросу без предварительного его прямого разрешения. Насколько велико было значение этого акта, видно из того обстоятельства, что зарубежные общины, а также общины Иудеи, были вынуждены вступать в прямые сношения с Патриархом, чтобы заполучить своих должностных лиц, судей и учителей. Община Симонии, расположенная к югу от Сепфориса, умоляла патриарха прислать им человека, который читал бы публичные лекции, решал вопросы права, присматривал за синагогой, готовил копии подлинных писаний, обучал их сыновей и в целом удовлетворял все потребности общины. Он порекомендовал им для этой цели своего лучшего ученика Леви бар Сисси. На этом примере видно, насколько велики были требования, предъявляемые к наставникам народа. Другой ученик Иуды, по имени Рабба бар Хана, уроженец Кафри в Вавилоне, был вынужден получить разрешение патриарха, прежде чем иметь возможность решать какие-либо вопросы религии и права на своей родине. Точно так же третий из его учеников, авва Арека, также уроженец Вавилона, который позже стал большим авторитетом в вавилонских общинах, получил это влияние исключительно благодаря выдвижению Иуды. Только одно достоинство - князя вавилонского плена - находилось наравне с Патриархатом, и Иуда тем более ревновал к нему из-за того, что оно было присвоено и поддерживалось парфянскими властями, в то время как римские правители в лучшем случае просто терпели его должность.

Облеченный этой самодержавной властью, Иуда проявлял необычайную суровость по отношению к своим ученикам и проявлял такую сильную раздражительность по отношению к ним, что никогда не прощал ни малейшего оскорбления своего достоинства, даже в шутку. Курс поведения, который он предписал своему сыну со смертного одра, а именно: относиться к своим ученикам со строгостью, был тем, которого он сам придерживался на протяжении всего Патриархата. Среди многочисленных вавилонян, толпившихся в Академии в Сепфорисе, был выдающийся ученик по имени Хия (сокращение от Ахия), которого современники едва ли могли достаточно похвалить за его природные дарования, благочестивое поведение и неустанные усилия по распространению религиозных учений среди людей. Сам Иуда очень высоко ценил его и сказал о нем: "Из далекой страны пришел ко мне муж доброго совета". Но даже ему Патриарх не мог простить ничтожной шутки. Иуда однажды сказал ему: "Если бы Хуна, Князь Плена, пришел в Иудею, я, конечно, не зашел бы в своем самоотречении так далеко, чтобы передать ему свой пост, но я бы почитал его как потомка по мужской линии от Давида". Когда Хуна умер и его тело было перевезено в Иудею, Хия сказал Патриарху: "Хуна идет". Иуда побледнел от этой новости, и когда он обнаружил, что Чия имел в виду труп Хуны, он наказал шутку, исключив Чию из своего присутствия на тридцать дней. Иуда проявил себя столь же чувствительным в своем поведении по отношению к Симону Бар-Каппаре, одному из своих учеников, который, обладая знанием Закона, сочетал в себе в то же время поэтический талант и тонкую сатиру; насколько известно, он был единственным еврейским поэтом того периода. То небольшое, что осталось от произведений музыки Бар-Каппары, указывает на умение

манипулировать еврейским языком в обновленной форме, во всей его первозданной чистоте и энергии; он сочинял басни, от которых, однако, сейчас не осталось и следа. По случаю веселой встречи остроумный Бар-Каппара позволил себе пошутить над неким Бар-Элеазой, богатым, но гордым и невежественным зятем Патриарха. Все гости задавали вопросы Иуде, за исключением простодушной Бар-Элеазы. Бар-Каппара подговорил его задать такой же вопрос и шепотом предложил ему его в виде загадки. Эта загадка, на которую по сей день не найдено ответа, содержала, по всей вероятности, намеки на определенных лиц, тесно связанных с Иудой. Она звучала примерно следующим образом: —

Она смотрит с небес ввысь,
И неумолчен ее крик,
Которого избегают крылатые существа;
Юность она отпугивает.
И люди, поседевшие от старости,
И громко кричат те, кто бежит.
Но тот, кого заманила ее сеть,
Никогда не сможет излечиться от греха.

Со всей простотой Бар-Элеаза изложил эту загадку. Однако Джуда, должно быть, понял по сатирической улыбке на губах Бар-Каппары, что это было сделано с целью подшутить над ним, и поэтому он сердито воскликнул, обращаясь к Бар-Каппаре: "Я отказываюсь признавать тебя назначенным учителем". Только позже, когда Бар-Каппаре не удалось добиться своего назначения независимым преподавателем Закона, он в полной мере осознал значение этих слов.

Один из самых знаменитых вавилонских учеников по имени Самуил, благодаря лечению которого Иуда был излечен от своей продолжительной болезни, не смог получить номинацию, необходимую для того, чтобы стать законоучителем. Однажды Иуда захотел извиниться за это пренебрежение к Самуилу, которому он был обязан восстановлением своего здоровья, на что последний любезно ответил ему, что так было предписано в книге Адама, "что Самуил будет мудрым человеком, но не назначенным раввином, и что я должен исцелить твою болезнь". Ханина бар Чама, другая ученица, которая позже также считалась авторитетом, однажды заметила, что слово, встречающееся у Пророков, должно произноситься иначе, чем его читал Иуда. Оскорбленный этим, Иуда спросил его, где он это услышал, на что Ханина ответила: "В доме Хамнуны, в Вавилоне". "Ну, тогда, - возразил Иуда, - когда ты снова пойдешь к Хамнуне, скажи ему, что я признаю в тебе мудреца"; это было равносильно тому, чтобы сказать Ханине, что Иуда никогда не разрешил бы ему быть учителем. Эта раздражительность Патриарха, который во всех других отношениях был благородным человеком, была его единственным слабым местом. Действительно, возможно, что эта восприимчивость была результатом его плохого здоровья. Как бы то ни было, это не преминуло вызвать определенное недовольство, которое никогда не находило публичного выражения из-за глубокого почтения, с которым относились к Патриарху.

Однажды на банкете, когда вино развязало языки мужчинам и заставило гостей забыть об уважении, сыновья-близнецы Чия высказали это чувство недовольства. Эти высокоодаренные

юноши по имени Иуда и Чиския, которых сам Патриарх побуждал к веселью и болтовне, выразили свое мнение, "что Мессия не мог появиться до падения двух княжеских домов Израиля — дома Патриарха в Иудее и дома Князя Плена в Вавилоне". Вино заставило их выдать свои самые сокровенные мысли.

Принимая во внимание изменившиеся обстоятельства своего времени, Иуда, в силу своей независимости и авторитета, отменил несколько обрядов и обычаев, которые, по мнению народа, были освящены веками, и настойчиво осуществлял свой замысел, невзирая ни на какие последствия. Вопреки принципам своего учителя и предшественника, который относился к самаритянам как к язычникам, Иуда постановил, что свидетельство самаритянина в вопросах, касающихся брака, является допустимым и имеет равный вес со свидетельством израильтянина. Взгляды этих учителей Закона Моисеева, которые были согласны в главных принципах своей религии, различались в других вопросах в зависимости от преобладания дружеских или враждебных чувств по отношению к язычникам. В течение некоторого времени между евреями и самаритянами постоянно возникали разногласия. Елеазар, сын Симона бен Йохая и современник Иуды, который сам познакомился с самаритянской Торой, упрекнул их в том, что они изменили некоторые места священного текста. Мирные отношения между Иудеей и катарами со времен войны Адриана постепенно перешли в состояние неприязни, которая была столь же горькой с одной стороны, как и с другой. Однажды, когда Измаил б. Хосе проезжал через Неаполис (Сихем), чтобы помолиться в Иерусалиме (для этой цели евреям, по-видимому, требовалось разрешение Марка Аврелия), самаритяне высмеивали упорство евреев, говоря, что, безусловно, лучше молиться на их святой горе (Гаризим), чем на груде развалин в Иерусалиме. Путешествие по земле Самарии, должно быть, теперь стало менее опасным, чем это было раньше. Учителям Закона часто приходилось проезжать через полосу земли, лежащую между Иудеей и Сепфорисом. Хотя резиденция Синхедриона теперь находилась в Галилее, и Сепфорис, таким образом, был в определенной степени центром всей еврейской общины, тем не менее Иудея по разным причинам считалась более святой, чем северный округ. Патриарх не мог совершать богослужение лично, когда было объявлено о появлении новой луны, но должен был прислать для этой цели представителя (эту должность когда-то занимал Хия); местом, где было сделано объявление, в это время был Айн-таб, вероятно, в провинции Иудея. Это незначительное превосходство все еще оставалось за этим районом, местом проведения стольких священных церемоний и древних воспоминаний. Путешествие в Айн-таб совершалось через Самарию.

И в другом пункте Иуда отклонился от древних обычаев и галахических законов: он сделал менее жесткими законы, касающиеся года освобождения и десятины. Несмотря на падение еврейского государства и многочисленные катастрофы, обрушившиеся на евреев, эти законы все еще сохраняли неизменную силу и были вдвойне угнетающими для народа, обнищавшего из-за военных потрясений, налогов и вымогательства денег. Поэтому Патриарх обратил свое внимание на этот вопрос и решил, если не полностью отменить, то, по крайней мере, смягчить суровость этих законов. Более того, он постановил, что территория некоторых пограничных городов, которые до тех пор считались частью Иудеи, отныне не должна пользоваться привилегией святости, которая присуща еврейской земле. В какой-то мере это было облегчением, поскольку таким образом эти города были освобождены от уплаты десятины и, несомненно, также от законов, касающихся года освобождения. По большей части эти пограничные города были населены греками и римлянами и не всегда находились под еврейским правлением. Это облегчение бремени народа вызвало упреки в адрес патриарха со

стороны некоторых его родственников, которым он ответил, что его предшественники возложили эту обязанность на него. У него было даже намерение полностью отменить законы, касающиеся года освобождения, но он не желал предпринимать столь важный шаг, не проконсультировавшись предварительно с теми лицами, которые, вероятно, испытывали сомнения по этому поводу. В то время Пинхас бен Джаир считался образцом сурового благочестия. Он был зятем Симона бен Йохая и обладал настолько мрачным нравом, что заставлял его сомневаться в эффективности любых человеческих институтов. Он часто замечал, что "с момента разрушения Храма члены Церкви и свободные люди посрамлены, те, кто подчиняется Закону, сбиты с толку, насилие и подхалимаж правят миром, и никому нет дела до тех, кто покинут; у нас нет другой надежды, кроме как на Бога". В частности, Пинхас строго придерживался предписаний закона, касающихся десятины, и по этой причине никогда не принимал никаких приглашений на трапезу. Именно с этим самым Пинхасом Иуда советовался относительно отмены года освобождения. Вполне вероятно, что год дефицита потребовал принятия какой-то такой меры. На вопрос патриарха: "Как обстоят дела с кукурузой?" Пинхас укоризненно ответил: "Будет очень хороший урожай эндивия", имея в виду, что в случае необходимости лучше питаться травами, чем отменять Закон. Из-за неприязни Пинхаса к этому плану Иуда полностью отказался от своего проекта. Но зелот, заметив несколько мулов во дворе дома Патриарха, содержание которых не совсем соответствовало Закону, отказался принять приглашение Иуды и оставил его на месте, поклявшись никогда больше к нему не приближаться.

Но самым важным из деяний Иуды, работой, на которой основывается его притязание на непреходящее имя и посредством которой он создал завершающую эпоху, было завершение Мишны (около 189 года). С момента завершения двумя поколениями ранее старейшего сборника под названием "Адойот" содержание Закона накопилось в огромной степени. Новые дела, некоторые из которых взяты из более старых, другие выведены из Священного Писания, помогли увеличить эту массу. Различные школы и системы оставили под сомнением многие вопросы права, которые теперь ожидали решения. Поэтому Иуда основал свою компиляцию на частично упорядоченном сборнике законов Акибы в том виде, в каком их преподавал и исправлял Меир, сохранив тот же порядок. Он исследовал аргументы за и против каждого мнения и установил галахические предписания в соответствии с определенными постановлениями и принципами. Он старался соблюдать определенный систематический порядок в рассмотрении различных традиционных законов, касающихся молитв, благословений, налогов на сельскохозяйственную продукцию, субботы, праздников и постов, брачных обычаев, обетов и назореев, гражданской и уголовной юрисдикции, системы жертвоприношений, левитской чистоты и многих других моментов. Его усилия, однако, не увенчались полным успехом, отчасти из-за того, что различные части его предмета были по своей природе неспособны к соединению, а отчасти из-за его желания сохранить порядок и разделения, которые уже использовались. Стиль Мишны Иуды лаконичен, хорошо продуман и, таким образом, хорошо приспособлен для того, чтобы прочно запечатлеться в памяти. Однако он никоим образом не намеревался рассматривать свою Мишну как единственный стандарт, фактически составив ее, как и его предшественники и современники, только для собственного использования, чтобы иметь учебник для своих лекций. Но благодаря его огромному авторитету у своих учеников и современников его сборник постепенно приобрел исключительный авторитет и, наконец, вытеснил все предыдущие сборники, которые по этой причине канули в лету. Оно сохранило древнее название *Мишна*, но сначала с добавлением слов "ди рабби

Иуда". Постепенно, однако, эти слова были отброшены, и она стала рассматриваться как единственная законная, признанная и санкционированная Мишна. Его ученики распространяли его по дальним странам, используя как учебник для своих лекций, а также как религиозный и судебный кодекс. Однако эта Мишна, как и более старые сборники, не была предназначена для написания, поскольку в то время считалось религиозным преступлением переносить на бумагу предписания традиции; таким образом, на протяжении многих веков она передавалась из уст в уста. Только время от времени собирались и записывались Агады, и даже это подвергалось суровому осуждению со стороны различных законоучителей. Это правда, что некоторые учителя иногда записывали редкие или замечательные галахи на свитках, но это делалось настолько тайно, что из-за этого обстоятельства они получили название "Тайных свитков".

В преклонном возрасте Иуда предпринял еще один пересмотр своего сборника и внес определенные изменения, которые привели его Мишну в соответствие с его новыми взглядами. Различные дополнения были также внесены после его смерти его сыном. Язык, на котором написана Мишна, - это иврит в обновленной форме с вкраплениями многих общеупотребительных арамейских, греческих и латинских слов. Иуда проявлял пристрастие к еврейскому языку, презирая сирийский, который в то время был коренным языком Галилеи, из-за его характерной неточности. Он утверждал, что сирийский язык в Иудее излишен и что все должны говорить либо на иврите, либо на греческом. Фактически, еврейский язык ни в коей мере не был чужд населению Иудеи, особенно тем из них, которые жили в городах. Даже домашняя рабыня и тиран Иуды была настолько хорошо знакома с ивритом, что многие иностранные ученые обращались к ней за информацией относительно некоторых слов, о которых он не знал. На иврите говорили так легко и бегло, что многие юридические термины и тонкие различия, которые были результатом духа времени, проникли в еврейские круги и были там снабжены надлежащими эквивалентами на иврите.

Таким образом, традиция была наконец кодифицирована и санкционирована. В течение четырех столетий, прошедших со времен Маккавеев, когда учение об отце, переданное сыну, впервые начало приобретать влияние на развитие истории, традиция оставалась, так сказать, в подвешенном состоянии. Принятая фарисеями, отвергнутая саддукеями, ограниченная школой Шаммая в узких границах, расширенная в своем применении школой Гиллеля и значительно обогащенная последователями последнего, именно через Иудею традиция впервые приобрела устоявшуюся форму и смогла оказывать духовное влияние посредством своего содержания и способа изложения в течение ряда столетий. Одновременно с Библией Мишна была основным источником интеллектуальной деятельности и исследований; иногда ей даже удавалось полностью вытеснить Священное Писание и утвердить свои притязания на единоличный авторитет. Это была интеллектуальная связь, которая объединяла разрозненных представителей еврейской нации. Мишна — детище Патриархата, благодаря которому оно было произведено на свет и наделено властью, убила, так сказать, своего собственного родителя, ибо последнее достоинство постепенно теряло свое значение и влияние.

Появление Мишны привело линию танаитов к завершению и положило конец независимому обучению. "Нафан и Иуда - последние из танаитов", - говорится в сивиллиной хронике, апокрифической книге Адама. Мишна потребовала отныне применения нового метода изучения, который имел лишь небольшое сходство с танаитским способом преподавания.

Период составления Мишны ни в коем случае не был счастливым для евреев. Марк Аврелий, лучший и наиболее нравственный из римских императоров, не питал к ним доброй воли; он, по-видимому, даже питал к ним особое отвращение. Когда он приехал в Иудею летом 175 года, после смерти мятежника Авидия Кассия, он нашел евреев шумными; они пришли не для того, чтобы почтительно засвидетельствовать ему свое почтение, а для того, чтобы попросить освобождения от тяжелых налогов, налагаемых на них; и он, сильно раздосадованный таким отсутствием почтения, как сообщается, воскликнул: "Наконец-то я обнаружил народ, который более беспокойный, чем маркоманы, квади или сарматы!" Во времена Иудеи общины в Иудее были обложены налогом, называемым "коронные деньги" (*aureum coronarium*), который был настолько тяжелым, что жители Тверии обратились в бегство, чтобы избежать его бремени. В настоящее время не существует ни одного закона Марка Аврелия в пользу евреев.

Но мало кто из евреев мог принимать участие в недолговечном восстании Авидия Кассия (175). Чувственным и кровожадным болваном Коммодом (180-192), сыном императора-философа, заканчивается череда хороших или сносных императоров, и начинается череда тиранов, которые перерезают друг другу глотки. В его правление Иудея, несомненно, подвергалась всевозможным поборам и притеснениям. Варвар, необузданный и распутный Песценний Нигер, который после убийства двух предыдущих правителей провозгласил себя императором вместе с Севером и третьим кандидатом (193 г.) и поселился в Антиохии, проявлял особую жестокость по отношению к евреям. Однажды, когда они молили его облегчить их бремя налогов, которое теперь стало невыносимым, он ответил им следующими словами: "Вы просите меня освободить ваши земли от налогов; если бы я мог обложить налогом сам воздух, которым вы дышите!"

В войне, которая завязалась между ним и Севером, последний одержал победу, и сторонники его противника дорого заплатили за свою ошибку. Во время своего короткого пребывания в Палестине (200 г.), после того как он опустошил, но не покорил страну парфян, Адиабену и Месопотамию, Север издал несколько законов, которые, безусловно, не были благоприятны для Палестины. Среди этих законов был один, запрещающий язычникам под страхом сурового наказания принимать иудаизм или даже христианство. Однако Он разрешал тем, кто был "проникнут еврейскими суевериями", занимать неоплачиваемые муниципальные должности и быть облеченными достоинствами магистратуры; но они были обязаны подчиняться требованиям, предъявляемым к ним в связи с занятием ими этих должностей, таким как постановка дорогостоящих спектаклей и поддержка различных других крупных расходов, при условии, что это не приводило к нарушению их религии.

Многочисленные банды мародеров, собравшиеся во время войны между Севером и Нигером, по-видимому, не были полностью подавлены в Иудее, но продолжали существовать в этой стране после ухода Севера. Римляне, которые считали этих мародеров разбойниками с большой дороги, послали войска, чтобы выследить их из их укрытий в горах, но не смогли полностью рассеять их. Два знаменитых законоучителя того периода, Елеазар, сын Симона бен Йохая (который в свое время был враждебен римлянам), и Измаил, сын Иосифа Благоразумного, были вынуждены помочь римлянам, следить за еврейскими разбойниками и передать их в руки римских властей, которые предали их смерти. Общественное мнение, однако, громко обвиняло этих людей в том, что они позволили себе стать орудиями римских тиранов против своих собственных соотечественников. Иисус Навин б. Карча (согласно некоторым источникам, сын Акибы) самым горьким образом упрекал Елеазара за его поведение. "О ты, уксус! - воскликнул он. - продукт виноделия (недостойный сын достойного отца), сколько еще ты намерен предавать

Божий народ палачу?" Когда Елеазар попытался оправдаться, сказав, что он всего лишь хотел "очистить виноградник от шипов", Иисус Навин возразил: "Пусть хозяин виноградника сам выкорчевывает шипы". Позже Елеазар раскаялся в своем участии в преследовании еврейских флибустьеров и, как говорят, самым мучительным образом наложил на себя епитимью. Хотя он был галахическим авторитетом, которому временами подчинялся Патриарх, чувство, которое он возбудил, оказав помощь римлянам, было настолько горьким, что он боялся, что после его смерти законоучители откажут его телу в последних почестях. Поэтому он приказал своей жене не хоронить его немедленно, а оставить его тело в комнате на несколько дней. Когда после его смерти Патриарх Иуда захотел жениться на его вдове, она отклонила его иск, вероятно, раздосадованная пренебрежением, нанесенным ее мужу, и ответила ему: "Сосуд, предназначенный для священных целей, не должен использоваться нечестиво".

Ишмаэль бен Хосе также столкнулся с неодобрением народа из-за его преследования еврейских мародеров. Его оправдание тем, что он получил приказ от римских властей, выполнить который он не мог, было встречено возражением: "Разве твой отец не бежал? Тогда и ты смог спастись".

Патриарх Иуда был свидетелем всех этих печальных сцен после того, как занимал свой пост более тридцати лет. С большим хладнокровием он готовился к смерти, спокойно ожидая своего распада. Он призвал к себе своих сыновей и ученых товарищей и сообщил им о своей последней воле. Он присвоил сан патриарха Гамалиилу, своему старшему сыну, и назначил Симона младшего на должность Хахама (говорящего). Им обоим он порекомендовал свою вдову, которая, несомненно, была их мачехой, и приказал оказывать ей всяческое уважение после его смерти и не вносить никаких изменений в его домашний уклад. Он сильно повлиял на будущего Патриарха политикой строгого обращения со своими учениками, но рекомендовал отступить от своего принципа, согласно которому рукоположение может быть разрешено только двум ученикам, и предположил, что все, кто был способен и заслуживал, должны быть допущены к рукоположению. Он особо возложил на Гамалиила обязанность присвоить звание учителя, в первую очередь Чанине бар Чаме, которой он считал себя в долгу. Двум его слугам, Хосе из Фаэно и Симону Парфянину, которые с большой любовью служили ему при жизни, было приказано позаботиться о его теле после его смерти. Он умолял Синхедрион похоронить его без особой помпы, не разрешать проводить по нему траурные церемонии в городах и вновь открыть Ассамблею Учителей после короткого тридцатидневного перерыва. Многие жители соседних городов собрались в Сепфорисе при известии о приближающейся смерти Патриарха, чтобы выразить ему свое сочувствие. Как будто было невозможно, чтобы он умер, население пригрозило предать смерти любого, кто сообщит им печальную весть. Напряженность и возбуждение были, на самом деле, настолько велики, что можно было ожидать какого-нибудь сильного взрыва горя толпы. Однако Бар-Каппара косвенно сообщил народу о смерти Патриарха. С покрытой головой и в разорванных одеждах он произнес следующие слова: "Ангелы и смертные боролись за ковчег завета; ангелы победили, и ковчег исчез". После этого люди издали крик боли и воскликнули "Он мертв", на что Бар-Каппара ответил: "Ты сказал это". Говорят, что их стенания были слышны в Габбате, в трех милях от Сепфориса. Многочисленный похоронный кортеж сопровождал тело Иуды от Сепфориса до Бет-Шеарима, и в восемнадцати различных синагогах в его честь были произнесены поминальные проповеди. Даже потомки Аарона отдали последние почести его трупу, хотя это было прямым нарушением Закона. "На этот день, - было сказано, - священный характер священников приостанавливается". Синхедрион и священники с готовностью подчинились тому, кто представлял Закон в своем

собственном лице. После его смерти его называли "Святым" (ха-Кадош), хотя последующие поколения, похоже, не смогли дать никакого объяснения этому титулу.

История мало что может рассказать о преемнике Иуды, Гамалииле III (примерно с 210 по 225 год), кроме того, что он добросовестно выполнял приказы своего отца. Те из его высказываний, которые сохранились, вполне заслуживают рассмотрения, поскольку проливают яркий свет на состояние того времени. "Хорошо быть занятым изучением религии, если одновременно заниматься каким-то светским делом; труд, посвященный и тому, и другому, предотвращает распространение греха. Изучение Закона, когда им занимаются без какого-либо другого занятия, в конечном счете должно быть утрачено и порождает грех. Тот, кто занимается делами общины, должен делать это ради своего долга перед Богом и без каких-либо собственных эгоистичных мотивов; тогда заслуги его предков подкрепят его усилия, и его праведность сохранится в вечности. Однако вам, - сказал он своим ученикам, - я обещаю столь же великую награду, как если бы ваши усилия были направлены на практические цели. Действуйте осторожно во всех ваших отношениях с (римскими) сильными мира сего, ибо они льстят вам только для достижения своих собственных целей; они ваши друзья, когда могут извлечь какую-либо выгоду из вашей дружбы, но они никогда не поддержат вас в беде. Исполняйте волю Бога таким образом, чтобы вы предпочли Его волю своей; тогда он сделает вашу волю Своей". Наставление, данное таким образом его ученикам, проявлять осторожность в отношениях с римскими властями и не позволять соблазнить себя их обещаниями, очевидно, содержало скрытый политический смысл. Ибо после смерти сурового Севера римская империя приобрела и внешне сохраняла в течение почти четверти века, благодаря влиянию трех императоров и их сирийских матерей, определенный сирийский облик, который был почти родственным облику Иудеи; раболепный Рим перенял сирийские обычаи и наполнил свой Пантеон восточными богами. Таким образом, пропасть, существовавшая между римлянами и иудеями, была в определенной степени сокращена. Юлия Домна (Марта), жена Севера, была уроженкой Эмезы в Сирии, а ее сын Каракалла, которого официально звали Антонином (211-217), нисколько не стыдился своего сирийского происхождения. Именно он распространил полное право гражданства на каждого жителя Римской империи, и хотя этот закон был предназначен лишь для того, чтобы разрешить взимание более высоких налогов с населения провинций, он имел положительный эффект, упразднив заметное различие между римлянами и не-римлянами. Хотя Каракалла и его мнимый сын Элагабал так опозорили власть и само человечество своими пороками, что римская история того периода не может рассказать ничего, кроме убийств и противоестественных эксцессов, которые не допускают иного объяснения, кроме помрачения рассудка этих двух императоров, в их безумии все же присутствовал определенный метод. Они размышляли о постепенном стирании римских богов и римских обычаев с введением сирийской моды. Не похоже, что Каракалла питал особую нежность к евреям. Несомненно, однако, что положение евреев при этом императоре было, по крайней мере, сносным, и что, хотя они не пользовались особыми милостями, им, во всяком случае, не приходилось жаловаться на чрезмерные притеснения. Это промежуточное и терпимое положение евреев, одинаково удаленных как от счастья, так и от преследований, описано Джаннаи, одним из учеников Иуды, следующими словами: "Мы не наслаждаемся счастьем нечестивых и не терпим несчастий праведных".

Определенный религиозный закон, который тот же Джаннаи в это время был вынужден отменить, доказывает, что положение евреев Палестины в рассматриваемый период было не слишком завидным. Они были обязаны платить налоги, даже в течение года Выпуска,

натуральными продуктами, предназначенными для использования постоянной армией. До тех пор они были освобождены, в силу особой милости, первоначально оказанной им Юлием Цезарем, от доставки этих припасов каждый седьмой год по причине того факта, что в этом году не было собрано урожая, поскольку Закон предписывал оставлять землю под паром.

Вследствие этой диктаторской меры и, вероятно, во время кампании Каракаллы в Парфии (в 216 году, который как раз пришелся на год Освобождения), Джаннай, который был авторитетом того периода, издал прокламацию, в которой заявил, что отныне будет разрешено обрабатывать землю в год Освобождения. Он особо подчеркнул то обстоятельство, что нарушать Закон, относящийся к году выпуска, было допустимо только из-за того, что от них требовалась уплата налога, и что его отмена ни в коем случае не предполагалась.

Юный император Элагабал, бывший жрец бога Солнца в Эмесе, которого его хитрая бабушка Маса выдвинула в качестве сына Каракаллы, был совершенно лишен какого-либо пристрастия к евреям, хотя внешность, кажется, подтверждает противоположную точку зрения. Это живое воплощение всех пороков, которое опозорило римский мир на четыре года (218-222) и у которого, кажется, не было другого призвания в истории, кроме как публично унижать своих языческих богов и римский цезаризм и убеждать всех в их никчемности, похоже, на самом деле в своем методичном безумии он совершил и пытался совершить многое, что имеет еврейский оттенок. Он предложил себя для обрезания и отказался от свинины, однако только повинаясь повелениям своего бога Солнца. Он предложил публично ввести иудейских, самаритянских и христианских верующих в Рим, но подчинить их своему богу Солнца Ваалу.

Во время правления этих двух императоров, Каракаллы и Элагабала, у младших современников Иуды было достаточно времени, чтобы продолжить его дело. Фактически, сборник Мишны не включал многих законов, отчасти потому, что они не обладали абсолютной юридической силой, а отчасти потому, что они были включены в общие формулы в качестве особых случаев. Эти забытые Галахи были собраны преемниками Иуды в качестве дополнения к Мишне. Среди этих собирателей можно назвать Джаная, чья академия находилась в Акбаре; Хию и его сыновей-близнецов, Иуду и Чискию, Бар-Каппару, Леви бар Сисси, Ушайю старшего, прозванного "отцом Мишны"; и, наконец, Абба-Ареку (Раб); все они наполовину танаиты. Однако сборник Иуды приобрел настолько неоспоримый авторитет, что его приверженцы считали каждое его слово священным и утверждали, что к нему не следует добавлять ни строчки. Таким образом, новый сборник обладал лишь второстепенной ценностью по сравнению с основной Мишной, и их взаимоотношения носили такой характер, что первые назывались "апокрифическими мишнами" (*Matnita boraïta*, или просто Борайта), точно так же, как книги, не включенные в каноническую Библию, называются "апокрифами" (апокрифические книги). Только сборники Чийи и Ушайи приобрели авторитет, почти равный авторитету основной Мишны, по своему содержанию.

Отличительной чертой Мишны, которая была принята в качестве признанного кодекса, является строго юридический и даже судебный характер, который она навсегда закрепила в иудаизме. Все, что содержится в иудаизме — заповеди и запреты, предписания, содержащиеся в Пятикнижии, и те, которые выводятся из него, — все рассматривается Мишной как указы Бога, которые нельзя ни критиковать, ни подвергать сомнению; они должны выполняться в строгом соответствии с буквой. Невозможно не понимать, что конфликты, сотрясавшие иудаизм, яростные атаки эллинизма при Антиохе Епифане, ожесточенное противодействие саддукеев, неверное толкование аллегорий и тонкости александрийских философов и, наконец,

враждебное отношение к Закону, принятое христианством Павла и гностиками, - все это способствовало выявлению и подчеркиванию строго правового характера еврейской веры. В прямом противоречии с тенденцией александрийской и гностической школ придавать особое значение представлению о том, что Божья любовь была характерной чертой иудаизма, Мишна, первый позитивный кодекс иудаизма, предостерегает своих читателей от этого мнения и предписывает хранить молчание тому, кто желает выразить это мнение в молитве: "Твоя любовь простирается даже до птичьего гнезда". По этой причине все в Мишне упорядочено законом, мало что оставлено на личное усмотрение; там определено, сколько бедняк может требовать от общественной благотворительности и даже сколько детей отец должен произвести на свет, чтобы выполнить свой долг по оказанию помощи в заселении земли, "которую Бог создал не для того, чтобы она была пустынной". В целом Мишна предполагает, что вся Тора, включая такие предписания Закона, которые не появляются непосредственно в Пятикнижии, состоит из древних традиций, полученных Моисеем на Синае, переданных им Иисусу Навину, который передал их Старейшинам, которые, в свою очередь, передали их Пророкам, которые, наконец, передали их членам великого собрания. Все такие законы, которых нет в Пятикнижии, обозначаются в Мишне термином "изречение сведущих в Священном Писании" (*Dibre Soferim*), хотя его составные части не разделены строго на эти две категории. Это правда, что в Мишне все еще очевидно воспоминание о недовольстве многих танаитов, особенно в жалобе на то, что многочисленные решения, к которым Иисус Навин пришел посредством толкования, "напоминают горы, висящие на волоске", то есть притянуты за уши; но, тем не менее, Мишна поддерживает в качестве нерушимого стандарта все галахические законы, действовавшие до этого времени.

В Мишне неоднократно встречается утверждение об эквивалентности всех религиозных заповедей и обязанностей. Изречения Раввина, его составителя, уместно было бы поместить на первой странице в виде надписи:

"Какую дорогу должен выбрать человек? Ту, которая делает честь путешественнику и почетна в глазах человечества. Будь столь же точен в соблюдении второстепенных предписаний, как и самых важных, ибо ты не знаешь, какая награда полагается за каждое повеление. Уравновесьте (временную) потерю, понесенную в результате исполнения долга, с его (духовной) наградой, а выгоду от проступка - с его недостатками. Помни всегда о трех вещах, чтобы не совершить правонарушения: Есть Око, которое все видит, Ухо, которое все слышит, и Рука, которая заносит все твои поступки в книгу".

Мишна пронизана этими взглядами от начала до конца. Наградой за добросовестное соблюдение предписаний Закона будет участие в будущем мире, который ожидает каждого израильтянина, если он не откажется верить в воскресение или в откровение Торы Богом, или если он не будет жить (или мыслить) как эпикурейец. Но благочестивое поведение также вознаграждается в этом мире. Тот, кто добросовестно выполняет хотя бы один религиозный долг, будет благосклонен Небесами, его жизнь будет продлена, и ему будет позволено насладиться частью Святой Земли. В то же время предпринимается попытка установить соответствие между мирскими обетованиями, содержащимися в Библии, и наградой грядущего мира - догмой, которая впервые приняла отчетливую форму в период после Пленения. Выполнение определенных обязанностей обеспечивает получение награды на земле и в

грядущем мире; таковы почитание родителей, благотворительность, своевременное посещение школы, гостеприимство, одаривание (неимущих) невест, сопровождение тел до могилы, благочестивая молитва, миротворчество и особенно изучение религии (талмуд-Тора). Что касается будущего наказания, то Мишна не знакома с ним, как и с адом. За преступления и прегрешения упоминается судебное наказание только в течение этой жизни, варьирующееся, конечно, в зависимости от серьезности проступка; таким образом, были бичевание и казнь Синхедрионом в четырех степенях (мечом, веревкой, огнем и побиванием камнями) и, наконец, преждевременная смерть от руки Бога (Харат). Самые тяжкие грехи искупались смертью, а меньшие - покаянием и Днем Искупления, в то время как прощение за грехи небрежности было получено путем жертвоприношения. Конечно, преступления, совершенные против людей, не были искуплены до тех пор, пока их жертвы не были возмещены, удовлетворены и умиротворены. Каждое праведное и нравственное деяние, так же как и каждый проступок, имело свое религиозное значение; но религиозная точка зрения была не преобладающей, а подчиненной светской.

Мишна считала величайшей добродетелью изучение доктрин иудаизма и знание Закона или Галахи (Талмуд-торы). Занятия этими предметами обладали особой заслугой или оправданием (захут Тора); они защищали и продвигали человека здесь и в будущей жизни. "Тот, кто знаком с Библией и традицией и следит за своим поведением, нелегко впадет в грех". Изучение, присвоение, сохранение, теоретическое осмысление и продвижение существующих принципов религии — то есть сохранение и продвижение иудаизма по пути ортодоксии — задавало направление идеям и тенденциям того периода. По этой причине тот, кто сведущ в Законе, занимает очень высокое положение, и хотя он незаконнорожденный, он имеет преимущество перед первосвященником, который не знает об этом. Ученик должен почитать своего учителя даже больше, чем своего отца, или, в случае конфликта в своем долге перед тем или другим, должен сначала выполнить свой долг перед первым; ибо мудрый учитель возвращает человека к жизни в грядущем мире. Отец обязан обучать своего сына Торе или обеспечивать его обучение в ней. Мишна не решает вопрос о том, должен ли отец обучать своих дочерей Торе, но выдвигает две противоположные точки зрения на этот счет: одну отстаивает Бен-Азай, который поддерживает эту практику или, по крайней мере, считает ее допустимой; другую защищает строгий Элеазар бен Гиркан, который осуждает это; "посвящать своих дочерей в Тору так же хорошо, как посвящать их в проституцию". Эта последняя теория, которая в конце концов восторжествовала, оказала самое пагубное влияние в последующие времена; ибо, в то время как каждая община заботилась о том, чтобы обеспечить начальные и продвинутые школы для своих мальчиков, девочек систематически держали в полном невежестве.

Но хотя мишнаитский кодекс придавал большое значение точному соблюдению буквы Закона, благочестием признавалось нечто более высокое, чем это соблюдение Закона, а именно обладание определенной возвышенностью ума, границы которой были гораздо шире, чем границы Закона. Добросовестный человек должен держать свое слово в вопросах, касающихся собственности, хотя он и не связан условиями писаного закона. Тот, кто выплачивает свой долг в год освобождения, хотя и не обязан это делать по закону; тот, кто выплачивает наследникам новообращенного причитающийся последнему долг, не будучи юридически обязанным удовлетворять их требования; и, как правило, тот, кто держит свое слово — вот люди, которыми восхищаются мудрецы. Это правда, что существуют определенные предписанные формы молитвы, но, тем не менее, молиться на любом языке законно; главное - молиться с

преданностью и серьезностью. Люди должны благодарить Небеса как за неудачу, так и за добро. Мишна в целом демонстрирует тенденцию подчеркивать духовную ценность религии. Звучание корнета в Новый год, на Праздники и в День Искупления в Юбилейный год, как предписано Законом, не должно оставаться внешним, материальным действием, а скорее должно создавать определенное настроение, которое возвышает душу к Богу. В качестве иллюстрации этой точки зрения приводятся следующие примеры: не тот факт, что Моисей поднял руки, принес израильтянам победу над Амаликом, и не появление медного змея в пустыне излечило их от укусов скорпионов, а обращение их сердец к Богу. Но эта тенденция Мишны остается всего лишь тенденцией и не получила широкого развития; обязательному закону доверяют больше, чем совести, создающей свой собственный стандарт.

Помимо юридической особенности и, возможно, как следствие этого, Мишна обладает еще одной особенностью, которая скорее формальна, чем существенна; для нее характерно желание разработать и сгруппировать воедино все возможные виды дел, какими бы отдаленными они ни были, чтобы применить к их решению самые непохожие законы (разновидность казуистики). Эта особенность, которая в последующие времена оказывала влияние одновременно благоприятное и пагубное для продвижения, и которая в одно и то же время способствовала как логической остроте, так и софистике, по-видимому, впервые проявилась в общественных академиях Джабне и Уши, а также во многих других школах. Вероятно, именно гениальный Меир и его ученики внесли наибольший вклад в его культивирование. Как будто было недостаточно рассматривать и разрешать такие случаи, которые действительно имели место, в соответствии с уже существующими законами и принципами Пятикнижия и традиции, учителя занимались описанием фантастических и запутанных ситуаций, просто чтобы показать, например, что иногда несколько законов могут применяться к одному действию. Мишна признала все эти гипотетические случаи, сконструированные школами, и, возможно, увеличила их количество. Эта казуистическая особенность была специально использована для того, чтобы дать четкое представление об определенных случаях, когда были понесены совокупные наказания или искупления.

Примечательно, что сборник Мишны не содержит галах враждебного характера по отношению к еврейским исповедникам христианства; он нигде не затрагивает эту тему, даже не объявляет, разрешено или запрещено есть мясо, приготовленное минеями. Похоже, что опасность, которой иудаизму угрожали иудео-христиане со времен разрушения Храма и до войны Бар-Кохба, уже была предотвращена, и теперь этой опасности больше не следовало бояться. С другой стороны, и для того, чтобы избежать малейших признаков участия в идолопоклонстве, Мишна содержит многочисленные законы, направленные против язычества и общения с язычниками. Учителя христианства немедленно ощутили нехватку некоторых таких защитных законов для сохранения христианских общин, и Тертуллиан, один из Отцов Церкви (младший современник Патриарха Иуды и первый христианский автор, писавший на латыни), выразил желание, чтобы христиане держались отдельно от язычников так же строго, как евреи соблюдали предписания Мишны; причина этого заключалась в том, что язычество продолжало проникать в Палестину со времен войны Бар-Кохба и завладело не только прибрежными городами, но и другими территориями, даже из внутренних мест. Поэтому было необходимо соответствующим образом регулировать поведение людей. Мишна посвящает этой теме специальный трактат (Абода Зара); он запрещает общение с язычниками в течение трех дней перед их главными общественными праздниками, такими как январские календы, Сатурналии, годовщина восшествия на престол или смерти императора. Он также повелевает людям не

посещать те лавки язычников, которые украшены лавровыми венками. Евреям запрещено продавать язычникам украшения или другие предметы для идольского использования или сдавать им какие-либо дома в Палестине, потому что они были бы осквернены появлением изображений идолов. Из-за ненависти, которую питают к ним язычники-жители Палестины, евреям далее предписывается не позволять язычникам ухаживать за собой во время какой-либо болезни или даже позволять последним брить свои бороды; и, в частности, предписывается не оставаться с ними наедине в каком-либо уединенном месте, чтобы они не были тайно убиты ими. Римские язычники ввели варварский обычай заставлять людей сражаться с дикими зверями, Мишна запрещает продажу евреями им медведей, львов и всех других животных, которыми может быть причинен какой-либо вред, и далее запрещает евреям строить свои базилики, места казней или стадионы, потому что они способствуют пролитию невинной крови. Чтобы не потворствовать противоестественным порокам (содомии) язычников, евреям заповедано не отдавать на их попечение никаких животных; Мишна даже запрещает еврейским акушеркам или медсестрам предлагать свои услуги языческим женщинам, потому что тем самым они помогли бы произвести на свет новое дитя идолопоклонства. Любое наслаждение, получаемое от предметов почитания идолопоклонников, запрещено, и евреям даже не разрешается сидеть в тени изображения идола, и особенно запрещено пить вино, часть которого была или могла быть предложена язычником своим богам. Большинство законов, касающихся отделения евреев от языческого мира, введенных с большим рвением и поспешностью незадолго до разрушения Храма, сохранены и расширены Мишной. Несмотря на всю свою ненависть к язычникам в целом, и особенно к язычникам в Палестине (Мишна уделяла мало внимания зарубежным странам), еврейское законодательство не могло полностью опровергнуть отличительную черту иудаизма - его всеобщую любовь к человечеству. Вместе с этими враждебными законами был также принят один, благоприятный для язычников, вероятно, по инициативе раббана Гамалиила I: их беднякам был предоставлен доступ к полям, и они наравне с евреями обладали правом сбора урожая. Специальный трактат, называемый "Изречения отцов" (Pirke Aboth), посвящен учениям о высшей морали и содержит максимы и короткие предложения софистических учителей и мудрецов древнейших времен. Эти законы морали, однако, скрыты и, так сказать, обрастают массой законов, относящихся к ритуалу.

Завершив Мишну и почти столь же важные Бораиты, танаиты выполнили свою задачу по приданию устоявшейся формы до сих пор неопределенному и преходящему предмету традиции; они вызвали его к жизни и представили еврейской нации как общее достояние. Выполнив свою задачу с благородным усердием, неутомимым рвением и беспримерным самоотречением, они исчезли со сцены, оставив будущим поколениям результат своих усилий, на основе которого они могли получить образование и воспитать любовь к своей религии и национальности.

ГЛАВА XVIII. ПЕРВЫЕ АМОРАИМЫ.

Иуда II.—Дружелюбие Александра Севера по отношению к евреям—Иисус Навин бен Леви—Гиллель наставляет Оригена на иврите—Гексапла—Палестинские амораимы—

Ханина—Йоханан—Симон бен Лакиш—Иисус Навин, герой Басни—Симлай, философ—агадист-Порфирий комментирует Книгу Даниила.

219-280 гг. н. э.

После исчезновения танаитов и смерти младших современников составителя Мишны и его сына Гамалиэля III начался более счастливый период: счастливые за границей из-за благоприятной политической ситуации, вызванной дружественным отношением к евреям одного из лучших римских императоров; счастливые дома благодаря ряду энергичных людей, которые наполнили древние обычаи и манеры новым и здоровым духом. Самыми выдающимися людьми и светилами этой эпохи были: в Иудее патриарх Иуда II, сын Гамалиила; Йоханан, главный авторитет того времени; и Симон б. Лакиш, Учитель с крепкими руками и умом; а в Вавилонии - Авва Арека и Самуил. Эти люди были пионерами нового движения, связанного, это правда, с трудами танаитов, поскольку оно основывалось на их работах, но все же выходило за их рамки. Краткий обзор ведущих личностей этого периода, пожалуй, не будет сочтен излишним.

Но мало что известно о ранней жизни и обучении Иуды-Патриарха. Его юность прошла во времена, когда религиозная строгость приобрела настолько преобладающее значение, что семья самого патриарха была открыта для порицания в случае, если кто-либо из ее членов действовал вопреки предписанному закону. Однажды в субботу Иуда прогуливался со своим братом Гиллелем по Бири в обуви, украшенной золотыми пряжками, которые, по-видимому, были запрещены в этом городе. Население резко осудило их за это, и, не осмеливаясь объяснить, что этот поступок не противоречит Закону, они были вынуждены снять обувь и отдать ее своим рабам. В другой раз, когда двое сыновей Патриарха однажды вместе купались в Кабуле, люди крикнули им, "что в их городе двум братьям запрещено купаться вместе". Когда Иуда сменил своего отца на посту патриарха (около 225 г.), он перенес резиденцию этого сана из Сепфориса в Тверию, и этот город, которого раньше избегали из-за его нечистоты, был, таким образом, наделен им значительным значением; он пережил все другие города Иудеи, какими бы богатыми воспоминаниями они ни были, и был последним пристанищем древних традиций. Объявление о появлении новой луны, которое из-за определенного предпочтения, проявленного к югу от Иудеи, ранее делалось там, теперь по приказу Иуды было сделано в Тверии. Юг Палестины, ранее являвшийся главной ареной исторических событий, отныне был лишен своего господства, и был вынужден уступить свою роль некогда презируемой Галилее. Как и его дед, Иуда II пользовался большим почтением у своих современников, и его также называли просто рабби или Раббену. Он также часто подвергался суровому порицанию, но принимал вину более терпеливо, чем его предок.

Вероятно, именно второй Иуда, как положительно утверждают еврейские повествования, был любим римским императором, от которого он получил многочисленные знаки благосклонности. Случайность, которая под видом преторианской гвардии обычно отдавала решающий голос на выборах императора, возвела Александра Севера (222-235), неизвестного сирийского юношу семнадцати лет от роду, на должность правителя мира. На публике он демонстрировал более выраженное дружелюбие к иудаизму, чем кто-либо из его предшественников. В его личных апартаментах рядом с изображениями Орфея и Христа было помещено изображение Авраама. На этого императора так глубоко произвела впечатление истина золотого правила чистой филантропии: "Не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы они сделали тебе"

(считавшегося сутью всей иудейской религии до времен Иисуса), что оно всегда было у него на устах и было помещено им в качестве девиза на императорском дворце и общественных зданиях и провозглашалось герольдом солдатам всякий раз, когда он хотел сделать им выговор за посягательства на собственность иностранцев. Во всех случаях он ставил евреев и христиан в пример развращенным римлянам и желал, чтобы высшие государственные звания присуждались на тех же принципах, которые регулировали допуск еврейских и христианских религиозных лидеров к рукоположению. Он был хорошо расположен к христианам, но, по-видимому, питал большее пристрастие к евреям и иудаизму. Жители Антиохии и Александрии, чей легкомысленный характер заставлял их больше радоваться безнравственным императорам, чем такому суровому правителю, как Александр Север, высмеивали его в эпиграммах и дали ему прозвища "Сирийский глава синагоги" (Archisynagogus, то есть раввин) и "Первосвященник". Мать императора, Маммея, однако, отдавала предпочтение христианству и была покровительницей Оригена, одного из Отцов Церкви. По этим причинам патриарх Иуда обладал в тот период почти королевской властью и даже мог заново осуществлять уголовную юрисдикцию; правда, не совсем открыто, но все же с предварительного ведома императора. Последний, по-видимому, познакомился с еврейским патриархом во время его частых визитов в Антиохию по случаю его кампании в Персии (231-234). Иуда, вероятно, убедил его защитить или, скорее, возродить привилегии евреев. Среди них было право снова войти в город Иерусалим и занять должность судьи, в обоих этих правах им было отказано Адрианом. Еврейская басня рассказывает многое об искренней привязанности императора Севера (Асверуса), сына Антонина, или просто Антонина, к иудаизму и евреям. Но хотя многое из этого, несомненно, преувеличено и приукрашено, Талмуд содержит множество повествований об отношениях, существующих между Патриархом и императором, которые, безусловно, являются историческими. Так, о нем рассказывают, что он подарил золотой подсвечник синагоге (вероятно, в Тверии) и подарил Патриарху поле в районе Гауланитис, скорее всего, для поддержки учеников.

Вполне в духе этого императора сирийского происхождения, склонного поддерживать иностранные религии, что он должен был попросить патриарха, как гласит история, порекомендовать ему ученого человека, который помог бы ему построить алтарь по образцу того, что был в Иудейском храме, и в приготовлении благовоний в соответствии с правилами иудейского кодекса, для чего Иуда, как говорят, порекомендовал своего близкого друга Романа. Тринадцать лет, в течение которых римский мир подчинялся правлению доброго императора, были счастливым временем для еврейского народа, ибо государь оказал много знаков благосклонности этому народу, еще недавно презираемому и преследуемому. Положение евреев действительно было настолько благоприятным, что широко распространялось мнение, что Даниил, бросивший пророческий взгляд на преемственность мировых империй, предсказал такое положение вещей словами: "Когда они (евреи) погибнут, им все равно будет оказана небольшая помощь", которые, как считалось, относились к Северу Антонину, проявившему любовь к евреям. Эта благоприятная ситуация способствовала замене более дружественного духа разногласиями и глубокой неприязнью к римлянам, которые преобладали на протяжении веков.

Христиане жаловались в то время, что евреи были гораздо более благосклонно расположены к язычникам, чем к ним самим, хотя и имели гораздо больше общего с ними самими, чем с язычниками. Барьер, воздвигнутый евреями вследствие их ненависти к римлянам, был частично разрушен, и строгость разделения двух народов была ослаблена. Семье патриарха

было разрешено, благодаря их общению с высшими сановниками государства, причесываться по римской моде, изучать греческий язык и заниматься различными другими вещами, которые ранее были запрещены. Жизнь евреев приобрела в целом более счастливый вид: они начали украшать свои комнаты картинами, и религиозная щепетильность не стала исключением.

К влиянию, оказываемому этими дружескими отношениями с правителями, вероятно, следует также отнести тот факт, что Патриарх отменил или намеревался отменить многие из более строгих правил, которые ранее выполнялись с предельной строгостью. В бурные дни первого восстания против римлян, когда волна расовой ненависти между евреями и греко-римскими язычниками достигла максимума, Синод, чтобы положить конец всяким сношениям с язычниками, запретил евреям покупать или использовать их масло и различные другие продукты питания. В Палестине это ограничение не сильно сказывалось на еврейских жителях, поскольку земля производила все необходимое для удовлетворения повседневных потребностей народа, а нефть, экспортируемая из Галилеи, обеспечивала достаточные поставки в соседние страны. Но война Адриана опустошила Иудею и лишила ее всех масличных плантаций; таким образом, ежедневная потребность в масле постепенно вынудила пренебречь этим строгим запретом. Но законного разрешения все еще не было, и, хотя многие обошлись без него, все еще оставалось много тех, кто строго соблюдал закон, пока еще не отмененный. Поэтому Иуда II приложил все усилия, чтобы заручиться поддержкой большинства в пользу отмены этого закона, и очень гордился достижением своей цели; вполне вероятно, что ему пришлось выдержать серьезный конфликт, чтобы добиться своей цели. Когда Симлай, патриарший асессор, постоянно путешествовавший между Галилеей и Вавилоном, принес известие о том, что еврейским жителям стран, граничащих с Евфратом (которые всегда были беспокойными из-за наложенных на них ограничений), было разрешено использовать масло язычников, это нововведение показалось Абба-Ареке (главному вавилонскому авторитету) настолько дерзким, что он отказался верить этому сообщению. Однако Самуил, желавший, чтобы авторитет Патриарха был общепризнан даже в Вавилоне, вынудил его воспользоваться этим разрешением.

Другое смягчение, предложенное патриархом, согласно которому обременительный брак с вдовой умершего брата в определенных случаях можно было расторгнуть с помощью акта о разводе, который должен был быть составлен до смерти, не было одобрено его Коллегией. Он также желал разрешить употребление хлеба, приготовленного язычниками. Наконец, он предложил отменить пост месяца Ав, установленный в ознаменование стольких катастроф, по мнению одних авторов, в целом, по мнению других, только в определенных случаях. Современные законоучители, однако, были против этих изменений; но, с другой стороны, они согласились с ним в отмене знака скорби, введенного в период невзгод при Адриане: отныне невестам разрешалось ездить в парадных носилках в день своей свадьбы.

Несмотря на почтение, которое законоучители испытывали к патриарху Иуде, они не были слепы к его слабостям, и он был вынужден подвергаться многочисленным нападкам с их стороны. Патриархат приобрел в его руках почти королевскую власть и даже имел право на личную охрану, готовую выполнять приказы Патриарха. Эта власть, хотя и не злоупотреблялась Иудой, была тем более неприятна законоучителям, что он, со своей стороны, не оказывал особых милостей образованным классам, а скорее прилагал усилия к тому, чтобы отменить различие между образованными и неграмотными во всех гражданских отношениях. Кроме того, он возложил на учителей Закона часть общественных забот. Симеон бен-Лакиш, один из тех

откровенных людей, которые доводят свою любовь к истине до неуважения к людям, был особенно против этой политики выравнивания и позволил себе оскорбительные выпады против Патриарха. Однажды в лекционном зале он выдвинул предложение: в случае, если Патриарх признает себя виновным в преступлении, необходимо приговорить его, как любого обычного человека, к бичеванию. На это Чаггай заметил, что в таком случае ему пришлось бы быть полностью смещенным и отстраненным от должности снова, чтобы он не использовал свою власть для мести виновникам своего позора. Эта дискуссия была явной атакой на обладание Иудой необычайной властью. Разгневанный этими замечаниями и увлеченный своим первым порывом, он немедленно отправил своих рабов-готов схватить обвинителя; но Йоханану, директору школы, в конце концов удалось унять его гнев. Однажды Патриарх пожаловался Бен-Лакишу на алчность римских властей, которая долгое время царила во всех провинциях Римской империи во время правления анархии, последовавшей после смерти Александра Севера. В большинстве провинций появлялись императоры, антиимператоры и узурпаторы, которые в течение короткого периода своего правления принимали на себя роль правителей мира и вели себя в подвластных им странах с истинно римской алчностью. "Молись за меня, - сказал Иуда Бен-Лакишу, - ибо правление римлян - зло". На что последний ответил: "Если ты ничего не возьмешь, у тебя ничего не отнимут". Это замечание, вероятно, было задумано как упрек в алчности, оправдать Иуду в которой невозможно.

Патриархи, по-видимому, примерно в это же время начали получать доход от общин. Это стало необходимостью, поскольку обнищание Палестины последовало вслед за ее высокими налогами. Большая часть пастбищных угодий перешла в руки живших в стране язычников, которым еврейские владельцы были вынуждены продать их. Из-за этого обнищания средства на содержание школ и учеников значительно сократились. Доход Иуды, в отличие от дохода его деда, оказался недостаточным для этой цели, и поэтому он был вынужден открыть новые источники дохода, чтобы достойно поддерживать достоинство патриарха. Он отправил послания за границу, чтобы собрать пожертвования среди богатых евреев. Один из самых важных законоучителей Лидды по имени Джошуа бен Леви специально для этой цели отправился в Рим. Известно, что в Риме жили несколько богатых евреев. Они охотно внесли свой вклад в поддержку института, пришедшего на смену Синхедриону и являвшегося последним остатком независимого государства, представитель которого, как предполагалось, происходил из царского дома Давида или был связан с ним. Рассказывают, что еврейские судовладельцы и торговцы отдавали десятую часть своих доходов на поддержку учеников Тивериадской школы. Это пособие называлось налогом патриарха и налогом миссии (Apostole), также деньгами короны (aurum coronarium).

Между тем, как бы сильно ни обвиняли Иуду в скупости, он по-прежнему пользовался большим расположением населения благодаря простоте своих манер и одежды, из-за которых было забыто его гордое, почти царское достоинство. Он привык носить льняную одежду и пренебрегать всяким этикетом при приеме церемонных визитов, тем самым навлекая на себя упреки своих друзей, которые выражали свое мнение, что правитель должен выглядеть великолепно и сохранять внушительные манеры.

Насколько велико было почтение к Иуде, видно из того факта, что после его смерти его телу были возданы не меньшие почести, чем его деду, Иуде I. В прямом противоречии с Законом потомок Аарона был вынужден взять на себя заботу о его трупе; утверждалось, что в данном случае было допустимо отказаться от святого характера своего священства.

Гиллель II, брат патриарха, обладал большим искусством в агадическом изложении Священных Писаний и, по-видимому, был глубоко нравственным человеком. Среди многих сентенций, которые, как говорят, были произнесены им, особенно заслуживает внимания следующая:

"Не отделяй себя от остальной части общества; не слишком полагайся на себя (на свое благочестие) перед смертью; не суди ближнего своего, пока сам не окажешься в его положении".

Вероятно, именно благодаря глубокому знанию Гиллелем Священных Писаний его посетил Ориген, Отец-философ Церкви, пожелавший проконсультироваться с ним относительно некоторых трудных мест Библии. Ориген называл его патриархом Юлосом.

Дух исследования, пробужденный Отцами Церкви Пантеем и Климентом Александрийскими в александрийской христианской школе, стремившейся соединить Ветхий и Новый Завет, возродил необходимость знакомства с еврейским языком, чтобы с помощью знания оригинального текста объяснить вопиющие противоречия, существующие во многих местах между взглядами Ветхого Завета и ныне непреклонными догмами христианства. Именно Ориген больше всего нуждался в этих знаниях, и он был неустанен в своих усилиях овладеть еврейским языком и в своих рекомендациях другим изучать его. Он считал евреев своими мастерами в знании иврита и правильном толковании Священного Писания: он признал, что научился у евреев точному смыслу различных трудных мест Библии во время своего долгого, но прерывистого пребывания в Иудее (примерно с 229 по 253 год). Желая написать комментарий к Псалмам, он взял на себя труд попросить еврея объяснить ему их в соответствии с традициями. В то время изучение Галах еще не вытеснило изучение библейской экзегезы.

Помимо Гиллеля и Симлая, были и другие еврейские учителя, хорошо знакомые с оригинальным текстом, которые опровергали христианских учителей и смеялись над ними за абсурдно детские аргументы, которые они черпали из своего искаженного греческого перевода Септуагинты. Особенно их забавляла доверчивость христиан, которые каждую апокрифическую книгу облекали в одежды древности. Такие книги, как "Истории Товии", "Юдифь" и "Сусанна", были включены в собрание Священных писаний, на шатком фундаменте которого была воздвигнута хрупкая ткань их религии.

Чтобы защитить символ веры Церкви от подобных насмешек, Ориген предпринял гигантскую задачу пересмотра версии Септуагинты, какой бы искаженной и переполненной всевозможными ошибками она ни была. Его непосредственной целью было дать христианским учителям представление о различиях, существующих между переводом и оригинальным текстом, и таким образом дать им возможность лучше вести свои дискуссии с евреями. С этой целью он сравнил переводы Акиласа, Симмаха, Феодотиона и трех других, появившихся за это время; и, чтобы обеспечить удобный обзор, он расположил их в столбцах, причем еврейский текст с его произношением греческими буквами был помещен в начале. Эти параллельные тексты были известны под названием Гексапла (шестикратный). Однако было напрасно потрачено время на сравнение убогого и намеренно искаженного греческого перевода с оригинальным текстом на иврите. Септуагинта продолжала существовать в своем искаженном виде и была еще более запутана из-за усердия Оригена, поскольку многие отрывки, принадлежащие к другим переводам, часто случайно попадали в ее текст.

Деятельность палестинских учителей была направлена на другую цель; их заботы не были направлены ни на изучение Библии, ни на утверждение доктрин веры; оба эти предмета лежали вне сферы их деятельности. Их основная энергия была направлена на изучение устного закона в его определенной форме - Мишны. Это произведение было написано в кратком и лаконичном стиле, и, кроме того, в нем содержалось много непонятных отрывков, слова или содержание которых вышли из повседневного употребления. По этим причинам понимание Мишны требовало особого изучения и эрудиции. Директора школ занялись, в первую очередь, разъяснением краткого и часто малопонятного текста Мишны. Из-за этого аспекта своих трудов они получили название Амораим (Amoraï, Толкователь). Но они были далеки от того, чтобы быть удовлетворенными этой бесплодной работой или удовлетворенно оставаться в этой зависимости, они постепенно эмансипировались, предприняли новые шаги и, искренне веря, что они стоят на почве Мишны, вышли далеко за ее пределы. Как танаиты обращались с текстом Библии, так и амораимы обращались со вторым кодексом; они расчленили его и разложили на составные части, так что под их рукой он рассеялся, превратившись в новую материю и приобретая новую форму.

Первое поколение амораимов, непосредственно следующее за танаитами и полутанаитами, во многих отношениях представляет собой параллель со вторым поколением танаитов. Как и последний, он состоял из ряда талантливых учителей, достигших преклонного возраста, и чьи труды продолжались в течение полувека. Как и последнее, оно, опять же, обладало различными школами и системами и разделилось на различные мнения относительно толкования Закона. Но она не представляет собой зрелища ожесточенных споров; ибо она уже обладала общей и признанной формулой, устоявшимся стандартом, которому подчинялись все авторитеты. Старейшей из амораим была Ханина б. Хама из Сепфориса (примерно с 180 по 260 год). Он происходил из древней и знатной семьи и избрал профессию врача; медицинская наука, врожденная у левитов, обычно культивировалась законоучителями. Принятый им метод обучения был очень прост. Он был Аморой в самом полном смысле первобытного значения этого термина; он излагал Мишну или Бораиты с помощью только тех комментариев, которые были переданы ему традицией, не позволяя себе делать никаких независимых выводов. Если возникали новые случаи, которые не были указаны в Мишне, он не решал их в соответствии со своими собственными представлениями, а советовался с учеными коллегами или даже с учениками, каким бы очевидным ни было решение. Ханина занимал среди амораимов то же положение, что и Елеазар б. Гиркан среди танаитов; он был полностью восприимчивым, никогда не проявлял творчества. Однако эта точка зрения, согласно которой Мишна считалась мертвым запасом, не была приемлема для молодых и более ревностных людей; поэтому Чанину покинули даже его собственные ученики, которые приступили к основанию новых академий.

Несмотря на это, Ханина пользовался большим почтением как у евреев, так и у римлян из-за своего благочестия. Однажды, когда он отправился с Джошуа б. Левием, младшим современником, навестить проконсула (Антипатоса) в Кесарии, последний почтительно поднялся при их приближении, ответив своим друзьям, которые выразили удивление его поведением, что "они показались ему ангелами". Он более смело и бесстрашно, чем любой другой учитель, обличал глубоко укоренившиеся недостатки своей общины и пытался избавиться ее от той ошибочной веры, которая охотно принимает самые невероятные чудеса, чтобы освободиться от всякой ответственности. Беспощадные высказывания Чанины о жителях Сепфориса представляют в то же время точную картину обычаев того периода. Однажды Сепфорис и прилегающие районы были настолько опустошены чумой, что многие жители всех

частей города были унесены ею; единственным кварталом, который она не посетила, был тот, в котором проживала Чанина. Жители Сепфориса хотели возложить на него ответственность за эту чуму на том основании, что он не совершил никакого чуда, чтобы предотвратить ее; на что он ответил: "Во времена Моисея был только один Зимри (который развратил язычницу), и все же двадцать четыре тысячи пали от чумы; у вас, однако, много Зимри, и, несмотря на это, вы жалуетесь". В другой раз Иудею посетила продолжительная засуха и отсутствие дождей. Ханина установил предписанные посты и вознес общественные молитвы, однако столь желанные дожди так и не начались; после чего люди снова пожаловались и сослались на Джошуа б. Леви, посланника в Риме, чьи молитвы о дожде для юга Иудеи увенчались успехом. При следующей возможности Чанина послала за Иисусом Навином с юга и объединилась с ним в молитве, но снова безуспешно. Воспользовавшись этим случаем, он сделал выговор своим соотечественникам за их суеверную веру в способность человека творить чудеса; "Итак, - воскликнул он, - вы видите, что ни Иисус Навин не вызывает дождь, ни Ханина не препятствует ему; жители Лидды добросердечны и смиренны, поэтому небеса посылают им дождь; вы, однако, жестокосердны и черствы, и поэтому небеса удерживают вас от дождя". Чанина сохранил свою скромность и самоотречение на всю жизнь и, справедливо признавая заслуги других, в последние годы жизни радовался славе тех, кто превзошел его. Он достиг глубокой старости и видел трех Патриархов — старшего Иуду, своего учителя; Гамалиила, сына Иуды, и Иуду II.

В оппозиции к консервативной партии "Чанина" стоит Йоханан бар Напача (родился 199, умер 279). Лишенный отца и матери, которые умерли в его ранней юности, он часто говорил в дальнейшей жизни, что должен быть благодарен за это несчастье, поскольку не смог бы выполнять строгие обязанности сыновней любви так, как того требует Закон. Он был настолько красив фигурой, что талмудический источник, обычно такой трезвый, невольно становится поэтичным, пытаясь описать его красоту: "Пусть тот, кто желает составить представление о красоте Йоханана, возьмет серебряный кубок новой работы, наполнит его красными гранатами, увенчает его края венком из красных роз и поместит его между светом и тенью; его своеобразное отражение света тогда будет представлять величие ослепительной красоты Йоханана". Этот красавец, однако, имел скорее женский характер, поскольку у него не было бороды - выражения мужского достоинства. Его брови также были такими длинными, что затеняли глаза. Когда он вырос, он посещал школу старшего Иуды, но признался, что по причине своей молодости мало что понял из глубоких галахических дискуссий. Поскольку он не был богат, владея лишь небольшим участком земли, он занялся бизнесом совместно с Ильфой, товарищем по ученичеству, когда ему было дано предупреждение посвятить всю свою энергию изучению Закона, в котором утверждалось, что он добьется больших успехов. По этой причине он оставил свое ремесло и снова слушал лекции знаменитых законоучителей. Он продал свой небольшой участок земли, чтобы получить необходимые средства для учебы, не проявляя никакой заботы о том, чтобы обеспечить себя на старость. Однако, по-видимому, позже он содержался за счет патриарха Иуды. Йоханан часто общался с учителями различных школ, чтобы приобрести разносторонние знания по предмету Права. Он стал главным помощником патриарха Иуды II и был самым продуктивным Аморой своего времени. Благодаря влиянию большого числа учеников его высказывания составляют значительный элемент Талмуда. Его метод преподавания состоял в глубоком изучении смысла Мишны, тщательном анализе каждого абзаца и сравнении каждой максимы с другими; с помощью этих средств он пришел к выводу, что Мишна не во всем обладала юридической силой. Он также установил

определенные правила, касающиеся способа принятия определенного решения в тех случаях, когда два или более танаита придерживались разных мнений.

Благодаря его влиянию Тверия, с ее мягким воздухом, плодородием и целебными водами, стала местом встреч многочисленных учеников, которые стекались к нему отовсюду. Его академию посещали даже зрелые и законченные ученые из Вавилона, хотя в недавно основанных школах этой страны были превосходные мастера. Известно более сотни амораимов, которые признали решения Йоханана имеющими полную законную силу и которые преподавали их в своих школах.

Будучи близким другом патриарха, он поддерживал его в попытках изменить некоторые древние обычаи. Сам Йоханан был не очень разборчив в этом вопросе и гораздо менее строг, чем вавилонская школа, которая возникла еще при его жизни. Вопреки существующему обычаю, он разрешил изучение греческого языка: мужчинами, потому что таким образом они могли защитить себя от предателей, и женщинами, потому что греческий язык был украшением пола. Он с большим уважением относился к греческой цивилизации в целом и ставил ее в один ряд с иудаизмом. Он прекрасно выразился по этому поводу: "За то, что Сим и Иафет, два сына Ноя, прикрыли наготу своего отца мантией, Сим (символ иудаизма) получил шаль с бахромой (талит), Иафет (тип греческой цивилизации) - мантию философа (паллий)". Именно Йоханан разрешил новаторство в украшении комнат картинами. Он так и не смог примириться с римским правлением и был беспощаден в своих обличениях наглого высокомерия и бессердечного насилия властей. Он считал символом Римской империи четвертого зверя в видении Даниила о четырех империях мира, который был постоянным источником открытий для библейского толкователя и который христиане исследовали даже более усердно, чем евреи. Маленький рог, выросший из четвертого зверя, символизирует, согласно его объяснению, нечестивый Рим, который уничтожил все предыдущие империи; глаза, напоминающие человеческие, которые были видны на этом роге, указывают на завистливые взгляды Рима на богатство других. Если кто-либо богат, римляне немедленно повышают его до должности президента совета, отвечающего за снабжение провизией, или делают его членом муниципального сената, чтобы его состояние могло отвечать за все. Другой поразительной максимой подобного рода, произнесенной Йохананом, было следующее: "Если тебя выдвинут в члены сената, выбери скорее своим жилищем пустыню Иордан". В исключительных случаях Он разрешал людям эмигрировать из Иудеи, чтобы избежать тяжелого бремени муниципальных должностей.

Характер Йоханана отличался глубокой нравственностью; рабу, который прислуживал ему, разрешалось вкушать все блюда, приготовленные для его хозяина. Он имел несчастье потерять своих десяти сыновей; несчастный отец повсюду носил с собой маленькую косточку своего последнего сына, чтобы утешить всех, кому пришлось оплакивать подобное несчастье, рассказом о своем необычайном несчастье. "Взгляните на все, что осталось от последнего из моих десяти сыновей", - обычно объяснял он им. У Йоханана осталась одна дочь; таким образом, оставшись сиротой от рождения, он умер почти бездетным. Говорят, что в его преклонном возрасте у него были периоды безумия, вызванные горем по поводу смерти его друга и шурина Бен-Лакиша, причиной которой он считал себя.

Симеон Бен-Лакиш, современный друг, шурин и оппонент Йоханана, во многих отношениях был его двойником и в целом своеобразной личностью, в которой сочетались самые противоположные качества; грубая физическая сила сочеталась с нежностью чувств и остротой

ума. Реш-Лакиш, ибо таково было его сокращенное имя, по-видимому, родился в Бостре, столице сарацин, около 200 года, а умер в 275 году. Как постоянный товарищ Йоханана, он в юности видел патриарха Иуду I. И воспитывался в школе его преемников. Источники Талмуда никогда не устают распространяться о его гигантской силе и огромных размерах. Однажды он нанялся в Цирк в качестве забойщика диких зверей, в его обязанности входило защищать зрителей этих весьма популярных боев от ярости животных. Бен-Лакиш, вероятно, выбрал это низкое и опасное занятие только по необходимости. Традиция прилагает определенные усилия, чтобы примирить и превратить в красивую картину вопиющие контрасты, существующие в Реш-Лакише, его грубую силу и его изучение Закона. Но его скрупулезная порядочность известна даже больше, чем его огромная физическая сила. Рассказывают, что он обычно избегал общества людей, в честности которых не был полностью убежден, по этой причине неограниченный кредит обычно предоставлялся всем, кого Бен-Лакиш удостоивал своим обществом, без каких-либо дальнейших расспросов. Его серьезное и мрачное лицо никогда не озарялось улыбкой, ибо он считал жизнерадостность легкомысленной до тех пор, пока святой народ находился под властью язычников. Мы уже отмечали его любовь к правде и его прямоту, которые он доводил почти до оскорбления в своих неприязненных выступлениях о злоупотреблениях Патриарха. В библейской экзегезе он применил метод поиска остроумных объяснений, в изучении которых превзошел своего старшего товарища и шурина. "Когда он рассматривал галахические вопросы, - говорит источник Талмуда, - это было похоже на то, как если бы он перетирал горы друг о друга". Бен-Лакиш обладал определенной оригинальностью в изучении Агады и выдвигал своеобразные взгляды, которые были оценены по достоинству только в более поздние времена. В школах часто задавались вопросом, в какой период произошли страдания Иова, обсуждались и другие обстоятельства этой замечательной драмы, и высказывались самые противоположные мнения. Реш-Лакиш, по-видимому, пришел к точному выводу, выдвинув мнение, что Иова не существовало ни в какой период, что он никогда не жил и был просто гениальным моральным творением (Машал). Эта точка зрения казалась очень странной его современникам, которые были неспособны постичь подобную концепцию. Имена ангелов рассматривались Бен-Лакишем не как изначально еврейские, а как инородный элемент, привнесенный в иудаизм, который, по сути, был принесен еврейской нацией из Персии. Он имел обыкновение опровергать утверждения тех, кто превозносил прошлое в ущерб настоящему, кто гиперболически заявлял, "что ноготь древних стоит больше, чем все тело их потомков"; или, в другой форме, "что если древние были ангелами, то мы, напротив, всего лишь ослы"; он имел обыкновение говорить, что нынешнее поколение обладает большими заслугами по той причине, что, несмотря на сильное угнетение, они все еще продолжали изучать Закон. Хотя Бен-Лакиш был другом Йоханана с юности и еще больше сблизился с ним узами семейного союза, тем не менее в последние годы жизни он был с ним в ссоре.

Имя Иисуса Навина бен-Леви, который вместе с Йохананом и Бен-Лакишем образовал триумvirат палестинских амораимов, более известно в мире легенд, чем в истории, где о нем действительно мало что известно. Сын Леви бен-Сисси, он руководил школой в Лидде, на юге Иудеи. Это правда, что жители Лидды пользовались не слишком хорошей репутацией у галилеян, которые называли их гордыми и поверхностными. Но репутация Джосуа никоим образом не пострадала от этого обстоятельства, и его авторитет пользовался большим уважением. Его взглядам на Галахи по большей части придавалась сила закона, даже в тех случаях, когда другие два члена триумvirата придерживались разных взглядов. Однако сам Иисус Навин признает, что он забыл многие традиции в тот период, когда был занят

организацией общин Южной Иудеи. Фактически, положение общин этого округа было настолько нестабильным со времен катастрофы во времена Адриана, что Йоханан и Ионафан были вынуждены отправиться туда, чтобы восстановить мир и порядок. Иисус Навин также однажды посетил Рим в качестве сборщика податей для Патриарха. Там у него была возможность наблюдать факт, который ярко продемонстрировал контрасты, существующие в столице мира. Он увидел статую, закутанную в драпировку, чтобы защитить ее от жары и холода, а рядом сидел нищий, у которого почти не было тряпки, чтобы прикрыть свою наготу. Говорят, что он ожидал появления Мессии в столице мира, где, как он предполагал, тот существовал в облике слуги, ожидающего среди нищих и калек у ворот и каждую минуту ожидающего, что его призвут совершить освобождение Израиля. Согласно легенде, Иисус Навин бен-Леви считался одним из тех избранных духов, которые были допущены к самому близкому общению с пророком Илией и над которыми сама смерть была вынуждена отказаться от своей власти. Он вырвал меч у ангела смерти, живым отправился на Небеса, измерил простор Небес, Рая и Ада и передал результаты своего расследования Гамалиилу через посредство самого ангела-разрушителя, который был вынужден подчиняться его приказам.

Оригинальный путь в объяснении Агады был проложен Симлаем; именно он первым счел это собрание достойным более глубокого изучения. Родившись в Лидде, он покинул этот пустынный край и поселился в Нахардее, где новая школа вавилонских амораимов только начинала свой расцвет. Он поддерживал самые дружеские отношения с патриархом Иудой II. Он обладал небольшим весом в вопросах, связанных с изучением Закона, и его галахические достижения не пользовались уважением в Палестине. Он был первым, кто собрал воедино все заповеди, содержащиеся в Еврейском законе, насчитывающие 613, из которых 365 являются запретами, и 248 утвердительных предписаний. Давид, согласно Симлаю, свел эти 613 заповедей к следующим одиннадцати добродетелям: честность, справедливость, правдивость, отвращение к клевете, злобе и причинению вреда ближнему, презрение к нечестивым, почитание достойных, святость клятв, бескорыстное одалживание без процентов и воздержание от взяточничества. Исайя суммировал их в шести из них следующим образом: быть справедливыми в своем поведении, честными в своей речи, презирать своекорыстие, удерживать свою руку от взяточничества, свое ухо от злых инсинуаций и свой глаз от низменных желаний. Пророк Михей свел заповеди Закона к трем ведущим принципам: осуществление справедливости, любовь к милосердию и смирение; в то время как второй Исайя свел их к двум, а именно: ценить справедливость и проявлять милосердие. Наконец, пророк Аввакум выразил все это в одной формуле: "Праведный человек живет своей верой". Это была первая попытка свести весь Закон Израиля к принципам. Прекрасная притча, в которой Симлай указывает на роль, сыгранную каждым народом в мировой истории, свидетельствует как о широте его взглядов, так и о его поэтическом таланте.

Обладавший глубокими знаниями Священного Писания и одаренный возвышенным умом, Симлай был особенно квалифицирован для того, чтобы вступать в дискуссию с Отцами Церкви и опровергать аргументы, которые они черпали из Ветхого Завета в поддержку догм христианства. В этих дискуссиях Симлай приводил доказательства здравого толкования, свободного от неверных толкований. Во времена первого поколения амораим христианство вступило в новую стадию; в противовес тенденциям первых христиан (евеонитов и назарян) возникла Вселенская католическая церковь, чьи фундаментальные доктрины (догмы), собранные со всех сторон, одни павлинистические, другие антипавлинистические, третьи языческие, были в целом приняты большинством христиан. Различные секты первобытных

христиан и гностиков были побеждены, будучи либо воплощены в объединенной Католической церкви, либо отвергнуты как еретические. Это создание католической церкви и объединение христианской религии, совершенные посреди всего этого разнообразия и раскола, были в значительной степени осуществлены римскими епископами. Они присвоили себе, благодаря своему положению в столице мира, превосходство над всеми другими епископами и патриархами, изгнали их из общины за неортодоксальные мнения (как в случае с дискуссией о праздновании Пасхи) и постепенно получили признание в качестве первосвященников и пап. После завершения этой работы дух исследования проявился и среди христиан, и традиции Церкви были подвергнуты тщательному исследованию.

Появились новые догмы, которые власти стремились установить и закрепить. Жесткая доктрина о Единстве Бога, заимствованная христианством из родительской религии, со временем и по мере того, как новая Церковь прославляла мессианство Иисуса, породила доктрину двойственности: Отца и Сына, или Творца Мира, и Логоса. К ним вскоре добавился третий. Примитивный еврейский взгляд на вдохновение Богом Пророков и других благочестивых людей, который в этом значении характеризовался как святое вдохновение (Руах-ха-Кодеш), выкристаллизовался в христианстве в догмате о Святом Духе, рассматриваемом как личность, как равенство с Богом и Христом и как изначально сосуществовавший с ними. Не осознавая этого факта, христианство, считавшее себя по-настоящему духовным и утонченным иудаизмом, приняло совершенно иное представление о Боге, фактически своего рода тритеизм. Чем больше христианский догмат о Троице расходился с самой сущностью иудаизма, тем больше усилий прилагалось к тому, чтобы установить, что он поддерживается Ветхим Заветом, чтобы таким образом придать ему отпечаток древности. Это доказательство, однако, не должно было быть представлено прямыми средствами, и поэтому Отцы Церкви палестинской и александрийской школ, будучи знакомы с ивритом, были вынуждены прибегать ко всевозможным аллегорическим толкованиям. Везде, где Священные Писания содержали несколько наименований Бога, они заявляли, что видят указание на Троицу в букве самого текста. Даже простые начальные слова Пятикнижия "В начале сотворил Бог небо и землю" были истолкованы этой Христологией как доказательство соучастия Христа всотворении мира; ибо "начало" было истолковано как означающее "мудрость" или "Слово" (Логос), являющееся синонимом Христа, и таким образом было обнаружено, что это предложение содержит глубокую тайну, что "Бог сотворил мир во Христе"! До тех пор, пока ведущие умы христианства оставались в неведении относительно еврейских источников, они были не в состоянии провести какую-либо серьезную конференцию по вопросам религии. Только когда Отцы Церкви, подобно Оригену, занялись изучением более четкого еврейского текста, полемические дискуссии на христологические темы стали более частыми.

Симлай, в частности, защищал учение о единстве Бога в противовес христианскому догмату о Троице и с непревзойденным мастерством приводил доказательства своего утверждения. Его оппонентом в этом теоретическом споре, возможно, был Ориген, долгое время проживавший в Палестине. С помощью трезвого метода толкования Симлай установил тот факт, что все отрывки Священного Писания, которые кажутся аргументом в поддержку Троицы, на самом деле так сильно выявляют и подчеркивают единство Бога, что любое неправильное представление кажется невозможным. Еврей и христианин, которые, подобно сварливым братьям, питали враждебные чувства друг к другу все то время, пока жили под одной крышей, теперь довольствовались религиозными спорами.

Нападки на христианство в этот период привели к тому, что даже язычники познакомились с еврейской литературой, которая использовалась ими в своих попытках сдержать рост христианства. В книге Даниила христианские догматики обнаружили сивиллиную книгу со смутными намеками и мистическими числами, которые, как они утверждали, содержали пророчества, относящиеся к христианскому домостроительству и явлению Христа в Судный день. В противовес этим взглядам языческий философ Порфирий написал полемический комментарий к книге Даниила, который, безусловно, является единственным библейским комментарием, составленным язычником. Этот неоплатоник, придерживавшийся умеренных, но мистических взглядов, носил восточное имя Малх и был уроженцем Батанеи, бывшей еврейской провинции. В своем комментарии он утверждал, что книга Даниила - это произведение автора, жившего во времена гонений на иудаизм и евреев сирийским монархом Антиохом Епифаном, и что двусмысленные выражения, которыми она изобилует, являются лишь намеками на тот период и ни в коем случае не пророчествами, а еще менее наглядными доказательствами фактов христианства.

ГЛАВА XIX. ЕВРЕИ ПАРФЯНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Возрастающее значение еврейской общины в Вавилонии—Принц плена—Вавилонские амораимы—Абба Арека (Раб) и его царственный друг Артабан—Самуил и царь Шабур—Важные политические изменения при неоперсах-Анархия в Риме—Зенобия и евреи.

219-279 гг. н. э.

Во времена Иудейского патриархата II. В еврейской общине Вавилонии произошло много важных событий, которые способствовали тому, что эта страна оказалась на переднем плане еврейской истории. Слепотери своей матери дети Израиля нашли вторую в Вавилонии и еще никогда не сталкивались с тем, как обращалась с ними мачеха. Вавилония, Восточная Италия, столица которой в древние времена, подобно Риму, сначала была правителем мира, а затем объектом нападения нецивилизованных племен во время их переселений; чье имя все еще обладает определенной магией на расстоянии, даже после его падения; Вавилония, которая уже была временной обителью еврейской расы, теперь на длительный период стала постоянной ареной еврейской деятельности. Иудея, с другой стороны, постепенно отошла на задний план. Своеобразное образование страны между Евфратом и Тигром способствовало отделению иудаизма от его примитивной сцены действия и привело к перемещению еврейского гения в чужую зону; благодаря богатым возможностям трудоустройства, которые предоставляла земля, подобная тем, к которым они привыкли, она стала вторым отечеством для бездомного народа. Огромное количество евреев, населявших этот район с незапамятных времен; их независимость, которая не терпела ограничений со стороны парфянских и персидских правителей; блеск, придаваемый их положению наличием политического лидера; присущая им самодостаточная жизненная сила, не ослабленная страданиями и мелкими неприятностями, - все это способствовало приданию их характеру особого качества и дальнейшему развитию новых сторон и тенденций. Пребывание в Вавилонии наделило еврейский ум той особой формой острого интеллекта, которая находит ответ на каждый вопрос, решение каждой загадки

и не обескуражена никакими трудностями. Евреи этой страны приобрели прилежные, трудолюбивые, энергичные привычки; сменявшие друг друга руководители школ указывали им пути глубокой мудрости и накладывали на них печать возвышенного мышления.

Слово "Вавилония", используемое в еврейской истории, допускает широкое и узкое толкование и фактически имеет три различных значения. В самом широком смысле этого слова оно включает в себя весь район между горами Загрос и Евфратом, от истоков реки-близнеца Тигр-Евфрат до Персидского залива. В более узком смысле оно обозначает полосу земли, заключенную между двумя реками, где их русла начинают сходиться друг к другу и, наконец, фактически соединяются, и где многочисленные каналы ранее пересекали страну и соединяли их потоки: южную часть Месопотамии, древнюю провинцию Вавилон и часть бывшего Халдейского царства. Вавилония, понимаемая в этом узком смысле, была населена в основном евреями и по этой причине была также известна под названием "земля Израиля". Наконец, в самом ограниченном смысле слово "Вавилония" обозначает небольшой район на восточном берегу Евфрата, центром которого, по-видимому, был город Пумбедита. Этот район простирается от Нахардеа на севере до Соры на юге, на расстояние в двадцать два парасанга (шестьдесят восемь миль). Установление границ еврейской Вавилонии не является вопросом безразличия для истории, поскольку в прежние времена это было делом совести. Даже в Иудее признавалось, что уроженцы Вавилонии еврейского происхождения обладали самой незапятнанной чистотой происхождения и воздерживались от любых сношений с язычниками, рабами или лицами, рожденными вне брака; Иудея в этом отношении намного отставала от Вавилонии. Старая пословица гласит: "В вопросе происхождения еврейское население (римских) стран похоже на население Иудеи, как испорченное тесто на чистую муку, но сама Иудея всего лишь тесто по сравнению с Вавилонией".

Еврейская провинция в Вавилонии была разделена на несколько более мелких округов, каждый из которых был известен по названию своей столицы. Таким образом, существовали районы Нарес, Сора, Пумбедита, Нахардеа, Нахар-Пакод, Мачуза и некоторые другие, и все они обладали некоторыми характеристиками, такими как особый диалект, или особые обычаи или манеры, или даже различные меры веса. Четыре из этих городов выделялись как выдающиеся центры, каждый из которых, в свою очередь, стоял во главе всей провинции. Первое место занимала Нахардеа (также называемая Наарда, от имени которой назывались и город, и район); это был укрепленный город, расположенный на Евфрате и канале под названием Нарага, и был полностью населен евреями; он лежал на границе еврейской Вавилонии. В течение определенного периода Нахардеа была вавилонским Иерусалимом; во времена существования Храма здесь располагались сокровищницы вавилонских общин для приема даров Храму, которые было принято доставлять в Иерусалим под сильным конвоем. В нескольких милях к югу от Нахардеи находился Фируз-Шабур (впоследствии Анбар), укрепленный и густонаселенный город, самый важный в стране после столицы Ктесифона.

Неподалеку находилась Пумбедита, расположенная на одном из многочисленных каналов Евфрата и украшенная множеством дворцов. Тем не менее, Пумбедита была насквозь еврейским городом с еврейской общиной и считалась столицей еврейской Вавилонии. На его территории находилось несколько небольших городов и укрепленных замков, которые приютились в тени столицы. Жители Пумбедиты считались проницательными и хитрыми и даже были печально известны своим обманом и нечестностью. "Если тебя сопровождает человек из Пумбедиты, - гласит пословица, - смени жилье".

В шестнадцати географических милях (двадцати двух парасангах) к югу от Пумбедиты располагался город Мата-Мехассия. Он лежал на берегу широкого озера Сора, которое на самом деле было Евфратом, простиравшимся по низменности; из-за своего положения на этом озере город также получил название Сора. Он был населен смешанным населением, состоявшим из евреев и язычников. Область вокруг Соры была одной из самых плодородных частей всей страны; из-за своего низкого положения она каждый год затоплялась Евфратом, его притоками и каналами, и разлив привел к плодородию Египта. Пумбедита отличалась своими великолепными зданиями и хитростью своего населения, в то время как Мата-Мехассия была известна бедностью и честностью своих жителей. Пословица выражает этот контраст в следующих словах: "Лучше жить на навозных кучах в Мехассии, чем во дворцах Пумбедиты".

С этими тремя городами на Евфрате, Нахардеей, Пумбедитой и Мата-Мехассией, за господство боролся четвертый: это была Мачуза, расположенная на Тигре, на расстоянии едва ли двенадцати миль от Ктесифона, столицы парфян. Мачуза, также называемая Мачуза-Малка, от Королевского канала (Нахар Малка), протекающего в непосредственной близости от Тигра, располагалась на возвышенности и была укреплена двумя мощными стенами и рвом. Рядом стоял замок под названием Акра-ди-Коче, который служил оплотом столицы Ктесифона. Несмотря на важность, которой Мачуза и ее замок, должно быть, обладали для парфянских и персидских правителей, он, тем не менее, был полностью населен евреями, и ан Амора выразил свое удивление по поводу того, что ворота его крепости не были снабжены предписанными мезузами.

Наиболее известные семьи Мачузы происходили от прозелитов, по этой причине их черты отличались от черт остального еврейского населения Вавилонии. Их описывают как очень легкомысленных, пристрастившихся к удовольствиям и хорошему настроению и более преданных делам этого мира, чем делам загробного; за это их называли "кандидатами в ад". О женщинах Мачузы рассказывают, что они предавались удовольствиям и безделью. Однажды, когда палестинский законоучитель привез из Иудеи в Нахардею Галаху, разрешающую женщинам носить золотые головные повязки, украшенные драгоценными камнями, всубботу, было отмечено, что только двадцать четыре женщины в этом городе воспользовались этим разрешением, в то время как только в одном квартале Мачузы было восемнадцать человек, которые появились с самыми дорогими головными повязками. Близость Ктесифона и его богатство, вероятно, оказали некоторое влияние на склонность к роскоши и манеры жителей Мачузы. Этот город, который был резиденцией короля, и недавно построенный город Ардашир, лежавший неподалеку, были густо населены евреями. Весь район Вавилонии с его многочисленными каналами напоминал остров, а его удивительное плодородие превращало всю страну в один обширный сад. Там было так много финиковых плантаций, что о вавилонянах вошло в поговорку: "Полная корзина фиников за динар, и все же они не занимаются изучением Закона!"

Занятиями, которым следовали вавилонские евреи, были сельское хозяйство, всевозможные ремесла и, что, конечно, естественно в стране, зависящей от своих каналов для орошения, рытье и очистка этих искусственных водных путей; они также разводили скот, вели торговлю, совершали путешествия и культивировали некоторые виды изобразительного искусства.

Многочисленность вавилонских евреев придавала им определенную степень независимости, и они казались в этой стране почти как на своей собственной земле. Их положение по отношению

к правителям страны было очень благоприятным, поскольку они были обязаны платить только подушный налог (Чараг) и земельный налог (Таска); в то время в районе Евфрата было много свободных земель, и любой мог вступить во владение участком, став ответственным за уплату земельного налога в отношении него. У евреев был свой собственный политический вождь, которого называли князем Плена (Экзилархом, Реш-Галутой); он был сановником персидской империи и четвертым по рангу после царя. Его позиция по отношению к персидским царям была феодальной. Реш-Галуты фактически были вассалами персидской короны, но были просто подтверждены, а не выбраны монархом. Их знаками отличия были шелковый плащ и золотой пояс; в более поздние времена они были окружены княжеской роскошью, ездили в парадной карете, имели собственную свиту и всадника, объявлявшего об их приближении. Когда они были приняты королем на торжественной аудиенции, королевские слуги проявили к ним величайшее уважение и обращались с правителем на равных. Согласно обычаю восточных князей, их развлекали музыкой в момент подъема с постели или отхода ко сну, обычай, который строго осуждался строгими учителями Закона из-за траура по Иерусалиму.

Князья Плена были потомками дома Давидова, и по этой причине народ с радостью признал их власть, поскольку он почитал себя и чувствовал почет в своих князьях. Старая хроника приводит полные сведения об их именах и численности. Они прослеживали свое происхождение вплоть до Зоровавеля, внука еврейского царя Иоахина, который, как предполагается, вернулся в Вавилон и стал родоначальником длинной линии потомков. Только во втором веке Реш-Галута по имени Ахия становится виден сквозь глубокую неизвестность древности. Другой, Мар-Хуна, во времена Иуды I приказал доставить его тело в Палестину, чтобы похоронить в святой земле. Однако с этого времени преемственность князей Плена можно проследить непрерывной цепью до одиннадцатого века. Они оказали значительное влияние на развитие еврейской истории в Вавилонии. Об их отношениях с народом говорится лишь в нескольких случайных отрывках.

Реш-Галута был верховным судьей еврейских общин, как по гражданским, так и по уголовным делам; он либо вершил правосудие лично, либо делегировал свои полномочия судьям по собственному назначению. Обычной мерой принуждения, применяемой в случаях неповиновения, была бастинадо, согласно восточному обычаю. Князьям также были доверены городская полиция, контроль мер и весов, инспекция каналов и охрана общественной безопасности, для выполнения всех этих различных функций они назначили своих собственных должностных лиц. Нигде не указано, какие доходы получали плененные князья от народа; наиболее вероятно, что это был первобытный азиатский обычай делать подарки государю. Только в более поздние времена упоминается о регулярных ежегодных доходах, получаемых ими от определенных регионов и городов. Они пользовались почетным общественным отличием, которым удостаивались только те правители, которые происходили от Давида; оно состояло в том, что им приносили свитки Закона, когда они должны были прочитать часть Торы вслух, в то время как все остальные были обязаны подходить к свиткам. Богатые благодаря доходу, получаемому от их обширных земель, они также владели множеством рабов и многочисленной свитой слуг; даже свободные люди оказывали им покровительство, нося, в знак своей верности, герб своих хозяев на одежде. Принцы Плена были наиболее чувствительны к этим отличительным знакам, отказываясь простить даже ученых, которых они сами поддерживали, если они откладывали в сторону или даже только прикрывали эти значки. В руках князя было слишком много власти, и эта власть слишком мало ограничивалась или регулировалась законом или традицией, чтобы не было случаев произвола и злоупотребления властью. Поступали многочисленные жалобы на высокомерие, произвольные посягательства

или насильственные действия многих пленных князей или их слуг; они смещали директоров школ, назначая на их места других, которые часто не имели никаких заслуг. Но какая власть когда-либо сдерживала себя в рамках справедливости? В доисторические времена, то есть до того, как знание Закона было перенесено в Вавилонию и там приручено, невежество плененных князей в вопросах религиозной практики, по-видимому, было настолько глубоким, что можно было совершенно безнаказанно нарушать законы, касающиеся питания в их доме. Но история рассказывает также о достойных личностях среди них, которые в более поздние времена сочетали знание еврейского закона с обладанием еврейскими добродетелями, и чьи имена стали источником славы для нации. Князя Плена часто соединяли со своей политической властью авторитет законоучителей, равняясь в этом отношении палестинским патриархам. Поскольку некоторые из этих последних пытались приобрести политическое влияние, чтобы не уступать Реш-Галуте, — в чем попытки, однако, не всегда были успешными, — многие из принцев Плена, в свою очередь, пытались получить звание учителя. Все эти различные обстоятельства, большая численность еврейского населения Вавилонии, их независимость и сосредоточенная власть князей, придают истории евреев этого региона особый характер; в этой стране возникли новые потребности, неизвестные в Иудее; новые потребности породили новые правила и галахи, и, таким образом, Закон вступил в новое развитие, в котором, как уже указывалось, Вавилон сыграл наиболее важную роль.

Во времена патриархата Иудеи I молодые студенты Вавилона в большем количестве, чем в прежние времена, стекались в академии Галилеи, словно желая уловить последние лучи заходящего солнца религии в метрополии, чтобы осветить ими землю своего рождения. Хия из Кафри и двое его замечательных сыновей, его родственники Абба-Арека и Ханина-бар-Хама, Авва и его сын Самуил - все были знаменитыми учениками школы Иуды; они прямо или косвенно были наставниками Вавилонии. Это правда, что Хия и его сыновья, Иуда и Чиския, не вернулись на родину, а умерли в Галилее, где их почитали как святых; но Хия оказал наибольшее влияние на воспитание своего ученика и племянника Аввы Ареки. До возвращения в Вавилонию Абба-Ареки и Самуила из академии Иуды I в Иудее, неизвестный ранее человек по имени Шила занимал должность директора школы (Реш-Сидра) в Нахардее. Но с появлением этих двух людей, которые были наделены всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать основателями новых школ, произошли значительные изменения; они положили начало новому направлению и подняли Вавилонию до уровня Иудеи.

Абба (родился около 175 г., умер 247 г.), известный в истории под именем Раб, завершил свое образование после смерти своего отца Айбу в академии Иуды I в Тверии. Было выражено большое удивление ранним развитием замечательных талантов этого юноши. Благодаря заступничеству Хии Раб получил несколько ограниченное продвижение по службе, которое патриарх Гамалиил III впоследствии отказался продлить. Дома от него ожидали великих свершений, и когда стало известно о его возвращении из Палестины, Самуил, который уже вернулся, и его друг Карна отправились встречать его на берег Евфратского канала. Последний завалил его вопросами, и даже Шила, директор школы, преклонилась перед его превосходными знаниями. После смерти Шилы Раб должен был стать его преемником на этом посту, но он отказался от поста в пользу своего младшего друга Сэмюэля, чей дом находился в Нахардее.

Правитель Плена того периода, по-видимому, проявлял особое уважение к тем вавилонянам, которые были сведущи в Законе, при назначении на должности в пределах своего дара. Он назначил верховным судьей в Кафри одного из своих родственников, Мар-Укбу, чье богатство, скромность, характер и знание Закона вполне подходили ему для этого поста. Он также назначил Карну судьей, который, не будучи богатым, был обязан получить от истцов компенсацию за потерю времени. Абба-Арека получил должность инспектора рынков (Агораномос), осуществлявшего контроль за мерами и весами.

Произвол правления Экзиларха хорошо иллюстрируется следующим примером. Абба-Ареке было приказано контролировать рыночные цены и не допускать, чтобы предметы первой необходимости становились слишком дорогими. Отказавшись подчиниться этому приказу, он был брошен в тюрьму и содержался там до тех пор, пока Карна не упрекнул принца заточения в том, что таким образом он наказал человека, который был полон "финикового сока" (гениальности). У Абба-Ареки была возможность, в силу своего положения Агораномоса, совершить путешествие по различным районам еврейской Вавилонии, и таким образом он стал известен по всей стране. Артабан IV (211-226), последний парфянский монарх из дома Арсаков, который, вероятно, познакомился с ним во время одного из его путешествий, настолько высоко ценил его, что однажды прислал ему в подарок несколько ценных жемчужин. Между последним парфянским царем и первым вавилонским Амором существовали такие же дружеские отношения, как между еврейским патриархом и римским императором его времени. Впоследствии Артабан был свергнут Ардаширем, и вместе с ним закончилась династия Арсаков. Когда Раб услышал о падении Артабана, он печально воскликнул: "Узы разорваны".

Во время своих путешествий Абба с удивлением обнаружил безграничное невежество в отношении еврейских законов, в которое впали эти отдаленные от столицы общины. В одном месте ничего не было известно о традиционном запрете употреблять мясо с молоком. Чтобы пресечь эти нарушения и устранить это невежество, Раб расширил многие законы и запретил даже то, что в противном случае было разрешено. Таким образом, возникло множество ограничений, которые благодаря его авторитету приобрели силу закона. Небрежность, царящая во всем районе Сора, натолкнула его на идею основать академию в том самом месте, чтобы знание Закона могло более широко распространяться через переход учеников туда и обратно. Его усилия увенчались полным успехом. Если развитие Закона внесло большой вклад в сохранение иудаизма, то этот результат по большей части обусловлен трудами Абба-Ареки. С небольшими перерывами Сора была центром еврейской науки на протяжении почти восьми столетий.

Академия, носившая, как это было принято, название "Сидра", была открыта Аввой примерно в 219 году. Двенадцать сотен учеников, привлеченных репутацией Абба-Ареки, собрались вместе из всех районов Вавилонии. Впоследствии более сотни знаменитых учеников и соратников распространили его принципы и решения по всей стране. Толпа слушателей была так велика, что он был вынужден расширить свой лекционный зал, оголив сад, принадлежавший недавно умершему новообращенному, который он приобрел для этой цели на пустыре. Почтение, которое питали к нему его ученики, было настолько глубоким, что они называли его просто "Раб", Учитель, точно так же, как Патриарха Иуду называли Рабби или Раббену, и это имя, под которым он обычно известен. Его школа называлась Be-Rab (сокращенно от Beth, дом), что впоследствии стало общим названием школы. Его власть простиралась за пределы Вавилонии; даже Йоханан, самый знаменитый из учителей Иудеи, писал ему: "Нашему учителю в

Вавилонии", сердился всякий раз, когда кто-либо пренебрежительно отзывался о Рабе, и признавал, что последний был единственным человеком, которому он охотно подчинился бы. Раб привык содержать тех из своих многочисленных учеников, которые были без средств, потому что он был очень богат и владел землей, которую обрабатывал сам. Превосходные договоренности, которые он принял, позволили его аудиторам посвятить себя изучению Права, не пренебрегая своими средствами к существованию. В два месяца в году (Адар и Эллул), в начале осени и весны, они собирались в Соре. В течение этих двух месяцев, которые были названы "месяцами собраний" (Ярче Калла), лекции читались каждый день с раннего утра; аудиторы едва находили время проглотить свой завтрак. Обычное название публичных лекций было Калла. Помимо этих двух месяцев, Раб посвятил неделю перед главными праздниками публичным лекциям, в которых были заинтересованы не только ученики, но и все население. Принц Плена также прибывал в Сору примерно в это же время, чтобы принять почести собравшейся толпы. Толпа, как правило, была настолько велика, что многие не могли найти жилье в домах и, следовательно, были вынуждены спать под открытым небом, на берегу озера Сора. Эти фестивальные лекции назывались Rigne. Месяцы Калла и неделя Ригла также оказали определенное влияние на гражданскую жизнь; судебные власти приостанавливали свое действие на эти периоды, и кредиторам было запрещено вызывать своих должников в суд. Таким образом, Раб в одно и то же время обеспечивал наставление невежественной массы и дальнейшее продвижение в более глубоком изучении Закона посредством образования учеников.

Ничего не известно о каком-либо особом методе, используемом Раб. Его метод преподавания состоял в анализе Мишны, которую он привез с собой в ее последнем состоянии совершенства, объяснении текста и смысла каждой Галахи и сравнении их с Бораитами. Из этих решений и дедукций, известных под названием Мемра, существует большое количество, написанных рукой Раба, и они, вместе с теми, которые исходили от Самуила и Йоханана, современных директоров школ, составляют значительную часть Талмуда. По большей части он был более склонен, чем его собратья-амораимы, ужесточать Закон и запрещать такие юридические действия, которые граничили с незаконными, по крайней мере, по мнению множества вавилонских евреев, которые были неспособны к хорошей дискриминации. Большинство указов Раба получили силу закона, за исключением тех, однако, которые затрагивали муниципальное право, поскольку его авторитет больше уважался в вопросах ритуала, чем гражданского права.

С самой решительной энергией он взялся за улучшение нравственности вавилонян, которая, как и их религия, достигла очень низкого уровня среди низших классов. Древняя простота супружеской жизни, которая существовала прежде, теперь была заменена в Вавилонии пустой и грубой безнравственностью. Если молодые мужчина и женщина встречались и желали соединиться узами брака, они вызывали первых попавшихся свидетелей, и брак заключался. Отцы выдавали своих дочерей замуж почти до их совершеннолетия, и жених либо не видел свою невесту до тех пор, пока не был сделан решающий шаг, когда, несомненно, он часто раскаивался в своем поступке, либо жил в доме своего предполагаемого тестя в слишком близких отношениях со своей нареченной. Закон, вместо того чтобы осудить эту безнравственность, предоставил ей защиту своего авторитета. Раб боролся с этими господствующими обычаями со всей силой морального пыла. Он запретил заключать браки, которым не предшествовало ухаживание, и предписал отцам не выдавать замуж своих дочерей без согласия последних, а следовательно, и подавно до их совершеннолетия. Далее Он увещевал всех, кто желал жениться, познакомиться с девушкой по своему выбору до помолвки,

чтобы, разочаровавшись, их супружеская любовь не превратилась в ненависть, и, наконец, он запретил молодым людям жить в доме своей нареченной до свадьбы. Он поставил в тупик все юридические уловки, к которым мог прибегнуть муж, чтобы сделать развод ретроспективным, лишив поддержки закона в таких случаях. Все эти моральные меры стали законами общего применения. Раб также повысил репутацию судов; каждый был обязан являться по вызову в суд, а судебные приставы были наделены официальными полномочиями; в случаях непокорности было введено наказание в виде отлучения от церкви. Это наказание было очень суровым в Вавилонии и, следовательно, имело большие последствия. О проступках преступника объявлялось публично, и его избегали до тех пор, пока он не искупит вину. В Вавилонии, где еврейское население образовало свой собственный маленький мирок, этого наказания было достаточно, чтобы добиться послушания и уважения к законам. Таким образом, энергия Раба была направлена в двух направлениях: он облагораживал мораль и пробуждал интеллектуальную активность в стране, которая, как выражаются источники, раньше была "пустым и незащищенным залежным полем". Раб окружил ее двойной изгородью, строгостью манер и активностью ума. В этом отношении он был для Вавилонии тем же, чем Гиллель был для Иудеи.

Добродетели Раба, его терпение, миролюбивый нрав и скромность также наводят на мысль о Гиллеле. У него была плохая жена, которая во всем противостояла ему, но он терпеливо переносил ее досады. В юности Раб плохо вел себя по отношению к Чанине, директору школы в Сепфорисе, и поэтому не прекращал попыток добиться его помилования. Из-за своего всепрощающего характера он упустил из виду свое высокое положение. Однажды, когда он подумал, что нанес оскорбление человеку из низших слоев общества, он отправился в дом последнего накануне Дня Искупления, чтобы примириться с ним. Всякий раз, когда толпа людей следовала за ним в школу в дни его лекций, он повторял стих Иова, чтобы не дать своей гордыне подняться слишком высоко: "Хотя превосходство человека достигает небес, все же он погибнет навсегда". Прежде чем отправиться ко двору, он обычно восклицал: "Я готов встретить свою смерть; здесь дела моего дома меня не касаются, и я возвращаюсь домой с пустыми руками; пусть по возвращении я буду таким же невиновным, каким был, отправляясь в путь". Он имел удовольствие оставить сына, Чию, который был чрезвычайно сведущ в Юриспруденции, и выдать свою дочь замуж за родственника принца Плена. Его потомки от этой дочери были достойными и образованными принцами. Его второй сын, Айбу, не отличался интеллектом. Отец порекомендовал ему определенные правила жизни, среди прочего отдав предпочтение сельскому хозяйству: "Лучше иметь небольшой участок земли, чем большой магазин товаров".

В течение двадцати восьми лет, до самой старости, Раб посвятил себя Сидре в Соре (219-247). Когда он умер, все его ученики сопровождали его тело к месту последнего упокоения и оплакали его. По предложению одного из них Вавилония оплакивала его целый год, и практика ношения венков из цветов и миртов на свадьбах была приостановлена. Все евреи Вавилонии, кроме одного, Бар-Каши из Пумбедиты, оплакивали потерю своей великой Возлюбленной.

Гораздо более оригинальным и разносторонним, чем Раб, был его друг, галахический оппонент и соратник по делу возвышения еврейского населения Вавилонии, Самуил или Мар-Самуил, также называемый Ариох и Ярчинай (родился около 180 г., умер 257 г.). В определенном смысле этот в высшей степени талантливый человек стал эпохальным творцом в истории доктрины иудаизма. О его юности ничего больше не известно, кроме того, что однажды он сбежал от своего отца. В молодости он последовал обычному курсу и отправился в Иудею, чтобы

завершить свое образование в академии патриарха Иуды I. Уже рассказывалось, как он там вылечил болезнь глаз, от которой страдал больной Патриарх, и как последний, тем не менее, отказал ему в назначении на должность учителя; как он вернулся домой до Раба и был возведен после смерти Шилы в достоинство Реш-Сидры.

Мар-Самуэль обладал уравновешенным характером, избегал энтузиазма и демонстративности. В то время как его современники с уверенностью ожидали возобновления чудес, как в старину, до явления Мессии, он высказывал точку зрения, что все по-прежнему будет идти своим естественным чередом, но подчинению Израиля иностранным правителям придет конец. Его интеллектуальная энергия была задействована в трех отраслях знания: объяснении права, астрономии и медицине.

Как Амора он уступал Рабу в знании законов ритуала, но намного превосходил его в знании еврейского гражданского права. Самуил развил и обогатил еврейский закон во всех его отраслях, и все его решения приобрели галахическую силу. Однако ни один из его указов не имел таких важных результатов, как тот, которым он объявил закон страны таким же обязательным для евреев, как и их собственный закон (*dina d'malchuta dina*). Целью этого предписания было не добиться принудительной терпимости к иностранному законодательству, а добиться его полного признания в качестве обязательного закона, нарушение которого также каралось бы с религиозной точки зрения. Это было новшество, которое, в конце концов, могло быть одобрено только в силу отношений, существующих между вавилонскими евреями и персидскими государствами. Принцип Самуила о святости закона страны был явным противоречием старым Галахам, которые рассматривали иностранные законы как произвольные и не считали их нарушение наказуемым. Но амораим уже преуспели в примирении стольких противоречивых законов, что эти старые и отталкивающие решения и этот новый и покорный принцип смогли существовать бок о бок. В дальнейшем признание Сэмюэлем законов страны стало средством сохранения рассеянной нации. С одной стороны, это примирило евреев с жизнью в той стране, в которую их забросила безжалостная судьба. Их религиозное сознание не ощущало противоречия с законами, установленными для их соблюдения, которые редко бывали гуманными. С другой стороны, враги евреев, которые во все века использовали в качестве предлога явно враждебный дух иудаизма и советовали преследовать и полностью истреблять еврейскую нацию, могли быть сосланы на еврейский закон, который тремя словами опровергал их утверждение. Пророк Иеремия дал семьям, сосланным в Вавилон, следующее настоятельное наставление относительно их поведения в чужой стране: "Ищите покоя в городе, куда вы были отведены пленниками". Сэмюэль превратил это наставление в религиозную заповедь: "Закон государства является обязательным законом". Иеремии и Мар-Самуилу иудаизм обязан возможностью существования в чужой стране.

Самуил вообще питал особую привязанность к персидским обычаям и, следовательно, пользовался чрезвычайно хорошей репутацией при персидском дворе и жил в доверительных отношениях с Шабуром I. Поэтому современники называли его, хотя неизвестно, в знак чести или порицания, "царем Шабуром", а также "Ариохом", арианином (партизаном неоперсов). Его привязанность к персидской династии была настолько велика, что вытеснила в его сердце привязанность к соотечественникам. Когда Шабур распространил свои завоевания на Малую Азию, 12 000 евреев погибли при штурме Мазаки-Кесарии, столицы Каппадокии. Сэмюэль отказался оплакивать погибших, сославшись на то, что они сражались против Шабура. Таким образом, он сформировал особый тип; живя в эпицентре бурного развития иудаизма,

погруженный в его доктрины и традиции, он поднялся над узкой сферой своей национальности и всегда был готов выразить свои симпатии другим народам и принять к сведению их интеллектуальные усилия. Раб, всецело поглощенный делами своего народа, не позволил обычаям персов оказывать какое-либо влияние на обычаи евреев и даже запретил этим последним перенимать какие-либо практики, какими бы невинными они ни были, у волхвов: "Тот, кто узнает хоть что-нибудь от Волхвов, заслуживает смерти". Самуил, с другой стороны, многому научился у персидских мудрецов. Со своим другом Аблаатом он изучал астрономию, эту благородную науку, которая приближает смертного человека к Божеству. Низменная равнина между Евфратом и Тигром, чей широко раскинувшийся горизонт не ограничен никакими холмами, была колыбелью астрономии, которая, однако, вскоре выродилась в этом регионе в псевдонауку астрологию. Из-за идей, привитых ему еврейским образованием, Самуил не придавал никакого значения искусству гадания на картах и занимался только астрономией в ее самом возвышенном аспекте. Он часто хвастался, что "так же хорошо знаком с небесными путями, как с улицами Нахардеи". Однако он не мог рассчитать беспорядочное движение комет. Невозможно определить степень его астрономических познаний или выяснить, опережал ли он свое время или просто был наравне со своими современниками. Мар-Самуил применил свои познания в астрономии на практике; он составил установленный календарь праздников с целью избавить вавилонские общины от постоянной неопределенности относительно точных дней, на которые выпадут праздники, и для того, чтобы избавить их от зависимости от Палестины в определении времени появления новой луны. Вероятно, из уважения к Патриарху и чтобы не разрушать единство иудаизма, Самуил воздержался от распространения своего календаря среди широкой публики и позволил исчислению праздников сохранить свой прежний характер тайного искусства (Сод ха-Иббур). Однако некоторые лица обвиняли его в том, что он каким-либо образом вмешался в расчеты календаря. Степень познаний Сэмюэля в медицине известна еще меньше; он хвастался тем, что может вылечить все болезни, кроме трех. Мазь для глаз его изобретения пользовалась большим спросом.

Между Самуилом и основателем академии Сора существовала братская гармония, хотя Сидра из Нахардеи был затмеваем Рабом. В своей скромности он охотно подчинился Рабу. Знаменитому семейству Шила принадлежало первенство в церемонии воздания почестей принцу Плена; они передали его Самуилу, а он, в свою очередь, передал его своему товарищу в Соре, удовлетворившись третьим местом. После смерти Раба Самуил был признан единственным религиозным главой Вавилона и оставался в этом качестве в течение десяти лет. Сначала Йоханан из Иудеи колебался, признавать ли его авторитетом. В письме, которое директор школ Тверии отправил в Вавилонию, он обращался к Рабу по титулу "наш учитель в Вавилонии", в то время как Мар-Самуэля он называл просто "наш товарищ". Учителя Иудеи, на самом деле, не ставили ему в заслугу необходимые знания Галахи, основывая свой вывод на том факте, что он занимался другими отраслями науки. Тщетно Самуил посылал в Иудею календарь праздников, рассчитанный на шестьдесят лет; Йоханан пренебрежительно заметил, когда этот факт стал ему известен: "Во всяком случае, он хорошо знаком с арифметикой". Только после того, как Сэмюэль прислал несколько свитков, наполненных исследованиями некоторых малоизвестных болезней животных, его начали уважать.

Именно в этот период (III век) одновременно в Римской и Парфянской империях произошли определенные политические катастрофы, которые привели к наиболее важным результатам. Под их влиянием история приобрела иной аспект, и значительные изменения произошли в положении вещей, существующем в этих двух странах и зависящих от них странах. Для

еврейской истории было невозможно остаться незатронутой этими событиями. Во время правления благородного Александра Севера произошло свержение парфянской династии, которая, начиная с Арсака, просуществовала четыре столетия. Новая и более энергичная раса захватила скипетр, и эта смена династии породила множество революций как внутри страны, так и за рубежом. Автором этих изменений был Ардашир, или Арбахштер, как его называли на его родном языке, потомок расы древних персов (ариев). Те из персов, кто все еще оставался верен своей национальности, питали ненависть к нечистой династии Арсаков из-за полугреческого происхождения ее членов, их склонности к греческим взглядам в вопросах религии, их презрения к национальной вере и, наконец, их бессилия сдерживать постоянно растущие завоевания римлян. Именно с ними Ардашир объединился и замыслил свергнуть Артабана, монарха, который питал столь великое почтение к Рабу. Произошла решающая битва, в которой Артабан пал, и завоеватель основал неоперсидскую династию Сасанидов. Раса, которая таким образом одержала верх, известна в истории под именем неоперсов; еврейские власти называли их хебрим (Chebre), и выродившиеся остатки этого племени до сих пор существуют в Индии под названием гебров. Эта революция сопровождалась результатами, столь же важными в вопросах религии, как и в политике. Вместо безразличия, с которым древние правители относились к примитивному поклонению огню, Ардашир проявил к нему горячий энтузиазм. Он с гордостью называл себя "почитателем Ормуза, божественного Ардашира, царя царей Ирана, отпрыска небесной расы". Он приказал собрать те части древнеперсидского закона (Зенд-Авеста), которые все еще сохранились, и повелел рассматривать их как религиозный кодекс. Доктрина Зороастра о двойственных принципах света и тьмы (Ахурамазда и Ариман) повсеместно применялась; маги, жреческая каста этого культа, восстановили свой авторитет, свое влияние и свою власть, в то время как сторонники греков подвергались преследованиям огнем и мечом. Фанатизм, который таким образом пробудился в магах, также побудил их направить свои враждебные атаки против христиан, которые в большом количестве проживали в районах Нисибиса и Эдессы в верхней Месопотамии (завоеванной римлянами) и у которых были свои собственные школы.

Евреи не были полностью защищены от нападений этого фанатизма и избежали жестоких преследований только благодаря своей солидарности, централизации и способности защищаться. В первом упоении победой неоперсиды лишили еврейские суды уголовной юрисдикции, которую им было разрешено осуществлять до тех пор; евреев не допускали ни на какие должности, и им даже не разрешалось сохранять надзор за каналами и реками, но они, кажется, не очень сильно жаловались на эти меры. Они даже были вынуждены смириться с ограничениями своей свободы совести. В определенные праздники, когда Волхвы поклонялись свету в своем храме как видимому представлению Бога (Ахура-Мазды), евреям не разрешалось ни поддерживать огонь в их очагах, ни поддерживать свет в их комнатах. Персы врывались в дома евреев, тушили все пожары и собирали тлеющие угли в их освященные жаровни, принося их в качестве подношения в свой храм огня. Они также выкапывали трупы из могил, потому что, по их представлениям, мертвые тела, лежащие в недрах земли, оскверняли эту "Спента Армайта" (святую землю). По этим различным причинам большинство законоучителей не были сильно настроены в пользу неоперсов. Когда Йоханан услышал, что они триумфально вторглись в еврейскую Вавилонию, он был очень обеспокоен судьбой своих вавилонских братьев, но его беспокойство было развеяно заверением, что персы очень бедны и поэтому легко позволят подкупить себя взятками. Из-за их полудикого состояния он называл их "покинутым народом, в руки которого были переданы вавилонские общины". Леви бар Сисси, который постоянно

путешествовал туда-сюда между Иудеей и Вавилоном, был с тревогой допрошен патриархом Иудой II относительно характера расы завоевателей. С очевидным предубеждением в пользу побежденных парфян он описал их и победоносных неоперсов следующими словами: "Первые подобны армиям царя Давида, но вторые напоминают дьяволов ада". Мало-помалу, однако, фанатизм неоперсов умерился, и между ними и евреями возникла настолько искренняя дружба, что ради них последние смягчали суровость Закона и даже время от времени помогали на их пирах. Законоучители разрешили евреям доставлять топливо, которое Волхвы требовали от них по случаю Праздника Света, и перестали рассматривать этот акт как поощрение идолопоклонства, хотя это, безусловно, было бы расценено как таковое старой Галахой в аналогичных случаях. Даже Раб, воплощение строгости, согласился с требованием волхвов и разрешил приносить светильники с улицы в дома в субботу по случаю Праздника хасмонеев, чтобы не оскорблять предрассудки правящего класса священнослужителей. Эта взаимная терпимость, несомненно, впервые проявилась при правлении Шабура I (242-271), либерально настроенного монарха, о дружбе которого с Самуилом уже упоминалось. Этот великодушный царь заверил Самуила, что во время многочисленных войн, которые он вел против римлян в странах, густо населенных евреями, он никогда не проливал еврейской крови, за исключением случая захвата Каппадокии, когда 12 000 евреев были преданы смерти в наказание за их упорное сопротивление.

Радикальные перемены, произошедшие примерно в это время в Римской империи, также оказали важное влияние на еврейскую историю. Смерть Александра Севера стала сигналом к тому, что анархия, многоголовая гидра, начала бушевать во всем своем ужасе в Риме и римских провинциях. За короткий промежуток в полвека (235-284) на троне побывало почти двадцать императоров и столько же узурпаторов, которые охотно отдали свои жизни, чтобы получить удовлетворение своего желания носить пурпур, хотя бы на один день, и издавать приказы о сотнях казней. Почти из каждого народа, поработанного Римом, появлялся император, поработивший итальянский Вавилон. Пришло время возмездия; хищные птицы боролись за разлагающееся тело государства. Именно во времена Самуила (248) тысячетелный юбилей Рима отмечался императором-убийцей Филиппом, арабом по происхождению и грабителем с детства; но Рим был могущественен везде, где стояли его легионы, за исключением самого Рима, сенат которого был обязан с улыбкой принимать унижения, которые он испытывал от рук императоров-солдат, и с раболепной покорностью санкционировать их Сенатом-Консультантом. В Римскую империю вторглись, с одной стороны, парфяне, с другой - готы, словно во исполнение сивиллиных угроз наказания.

Валериан предпринял кампанию с намерением вернуть районы, завоеванные Шабуром. Теперь Рим испытал еще больший позор, увидев, как ее император попал во власть своего врага и претерпел все унижения рабства от рук надменного победителя. В восточных провинциях, по соседству с могущественной персидской империей, беспорядок и разложение достигли еще большей степени. Богатый и предприимчивый уроженец Пальмиры по имени Оденат собрал вокруг себя банду диких и хищных сарацин, и он со своими войсками совершал частые набеги из своего родного города в Сирию и Палестину, с одной стороны, и в район Евфрата - с другой, грабя и опустошая страну, через которую они проходили. Оденат уже принял титул сенатора. Почему бы ему не стать римским императором, как его соотечественник Филипп? Оденат был известен в еврейских кругах как главарь разбойников, "Папа бар Назар", и к нему был применен отрывок из видения Даниила: "Маленький рог, поднимающийся среди больших рогов, и у него были глаза, подобные глазам человека, и уста, говорящие великие вещи". Грабительские

набеги этого авантюриста сопровождались результатами, которые были крайне пагубны для евреев Палестины и Вавилонии. Он разрушил древний город Нахардея (259), который был центром еврейских общин еще со времен вавилонского изгнания. Прошло много лет, прежде чем этот город смог оправиться от этого разрушительного удара. Амораимы из Нахардеи, ученики Самуила, были вынуждены обратиться в бегство; они эмигрировали в район Тигра. Это были Нахман, зять принца Плена, Шешет, Рабба б. Аббуха и Джозеф б. Чама.

По случаю разрушения Нахардеи Оденатом дочери Самуила, несомненно, вместе со многими другими, были взяты врагом в плен и доставлены в Сепфорис. Флибустьеры спекулировали большими выкупам, которые казались им более выгодными, чем продажа пленников на невольничьем рынке, поскольку было хорошо известно, что евреи не жалели средств, чтобы добиться освобождения своих соотечественников. Дочери Самуила извлекли столько пользы из глубокого знания Галахи их отцом, что им удалось избежать применения строгого закона, который ставил всех девушек, взятых в плен, в один ряд с теми, кто был обещан, что лишало их возможности вступить в незапятнанный брак. Прежде чем стало известно, чьими дочерьми они были, они уже обрели свободу, и их утверждению о том, что их невинность не была запятнана руками суровых воинов, охотно поверили. Когда Ханина услышал в Сепфорисе, что они дочери Самуила, он настоятельно посоветовал их родственнику, Симону б. Авва, жениться на одной из них.

Оденат, разрушитель Нахардеи, постепенно превратился в мелкого азиатского князька Пальмиры, или Тадмора, оазиса, который царь Соломон превратил в город. Римская империя была настолько слабой и пошатнувшейся, что именно этот до сих пор не принимавшийся во внимание воин был вынужден противостоять завоеваниям персов на римской территории. Великие услуги, которые он таким образом оказал империи, вынудили Галлиена, монарха, отличавшегося слабостью и любовью к сатире, признать его (264) соправителем. Оденат недолго пользовался этим высоким достоинством, поскольку в 267 году он пал от руки убийцы, подстреканного, как гласила история, Зенобией, его женой. После его смерти регентство перешло к Зенобии, двое ее сыновей были еще несовершеннолетними. Под ее влиянием Пальмира, город в пустыне, превратилась в обитель императорской пышности, культуры и утонченного вкуса. Христианский отчет представляет императрицу Зенобию как еврейку, но еврейские власти никак не упоминают об этом факте. Никакие краски не кажутся достаточно яркими для римских рассказов о Зенобии, чтобы нарисовать картину ее странной личности. Дворец этой второй Семирамиды, руины которого до сих пор свидетельствуют об утонченном художественном вкусе, был местом встреч оригинально мыслящих гениев, с которыми царица любила вести философские беседы.

При ее дворе жил Лонгин, утонченный и философски настроенный любитель изящных искусств, который в своем эстетическом труде о возвышенном не смог в достаточной степени выразить свое восхищение поэтическим содержанием библейского повествования о Сотворении Мира "Да будет свет". Павел Самосатский, епископ Антиохийский, когда его обвинили в ереси, также нашел убежище при ее дворе. Зенобия, его покровительница, также, по-видимому, имела некоторую склонность к фундаментальной истине иудаизма. Евреи, тем не менее, не были особенно хорошо расположены ко двору Пальмиры. Йоханан, хотя и не был слеп к красоте греческого языка, высказал самые неблагоприятные мнения о пальмирском государстве: "Счастлив будет тот, кто увидит падение Тадмора". Последующие поколения затруднялись объяснить это отвращение.

Не может быть никаких сомнений в том, что многие евреи подняли оружие против Зенобии, чье правление, должно быть, распространялось и на Иудею. Рассказывают, что некая Зейра бар Чанина предстала перед Зенобией для вынесения приговора за преступление, которое, по-видимому, носило политический характер, и двое учеников Йоханана, Ами и Самуил, предстали перед императрицей, чтобы заступиться за него и добиться его освобождения. Однако Зенобия приняла их крайне нелюбезно. "Неужели вы думаете, - спросила она, - что, поскольку Бог сотворил так много чудес для вашего народа, вы можете рисковать всем, просто доверяя Ему?" Другое событие, о котором сообщает тот же источник, по-видимому, также имело место во время правления Зенобии. Некий Улла бар Кошер, о котором больше нет упоминаний в истории, был привлечен к ответственности за политическое преступление и бежал к Иисусу Навину бен Леви в Лидде. Однако, должно быть, его поимке придавалось такое большое значение, что отряд солдат окружил Лидду и пригрозил разрушить город, если беглец не будет им выдан. В этой печальной дилемме, когда жизнь отдельного человека должна быть принесена в жертву или безопасность всей общины находится под угрозой, Джошуа бен Леви убедил Уллу сдаться. Он оправдывал такое поведение ссылкой на закон Мишны, который разрешает передачу политической власти специально назначенного преступника в случае, если от такого соблюдения зависит множество жизней. Но еврейская совесть, олицетворяемая пророком Илией, отказалась принимать какое-либо участие в смерти человека. Илия, идеал чистого рвения к иудаизму, явился Иисусу Навину бен Леви и внушил ему раскаяние за то, что позволил себе выдать преступника; ему не следовало полагаться исключительно на простой заповедный закон, но также следовало помнить о "Мишне благочестивых", которая расширила и возвысила их взгляды на заповеди долга.

Правление Зенобии, блестяще продержавшееся несколько лет (267-273), было прекращено Аврелианом, который одержал с трудом заработанную победу над надменной императрицей и привез ее в золотых оковах в Рим, чтобы она участвовала в его триумфе. Йоханан дожил до исполнения своего желания относительно Тадмора и умер через несколько лет после его падения (279).

ГЛАВА XX. ПАТРИАРХАТ ГАМАЛИИЛА IV. И ИУДЫ III.

Амораимы в Палестине—Ами и Асси—Братья Хия и Симон бар Абба в Тверии—Аббаху в Кесарии—Император Диоклетиан—Полное отделение от самаритян—Характер и политическое положение Аббаху—Хуны в Вавилонии—Щедрость Хамы—Современники и преемники Хуны—Иуда бен Иезекииль—Часда из Кафри—Мар Шешет—Нахман бар Иаков—Зейра.

279-320 гг. н. э.

Период, в течение которого христианство вышло из положения преследуемой общины и приобрело положение установленной церкви, знаменует кризис в развитии мировой истории и образует переходную эпоху также в истории евреев. Влияние, оказываемое метрополией, начало постепенно снижаться. Именно Вавилония теперь привлекала всеобщий интерес, в то

время как Иудея стала священной древностью; она все еще обладала силой пробуждать славные воспоминания, но больше не была ареной достопамятных деяний. Учителей этого поколения, действительно, было немало, включая в их число учеников Ханины, Йоханана и Реш-Лакиша; и молодежь Вавилонии, охваченная священным стремлением, все еще предпочитала школы Палестины школам своей родной страны. Но лишь очень немногие директора школ обладали каким-либо положением, и самые важные из них - Ами, Асси, Чия б. Абба и Зейра все были вавилонянками по происхождению. Аббаху, единственный уроженец Иудеи, был человеком очень оригинальным, но не авторитетным в Галахе. Превосходство Вавилона было признано с такой готовностью, что Ами и Асси, вожди Иудеи, по собственному желанию подчинились преемнику Раба. Вавилонские послушники превзошли своих учителей в знании Закона; Сора и Пумбедита возглавили Сепфорис и Тверию. Даже Патриархи того периода, Гамалиил IV и Иуда III, обладали лишь незначительными знаниями Закона, и оба были вынуждены получать наставления от амораимов. При Иудее обязанность допрашивать свидетелей, касающихся появления новой луны, превратилась в простое притворство и формальность. Когда Ами выразил желание, чтобы эта обязанность была серьезно исполнена, Патриарх сообщил ему, что он часто слышал от Йоханана, что, как только, согласно астрономическим расчетам, тридцатый день был установлен как начало нового месяца, было разрешено заставить свидетеля заявить, что он видел новолуние, хотя это было не так. Точный расчет Праздников постепенно сделал этот обременительный обычай допроса свидетелей настолько излишним, что преемник Иуды смог полностью отменить эту обязанность Патриархата. Более важным для Иуды казалось упорядочение дел общин и школ, и этому пункту он посвятил все свое внимание. Он поручил трем главным амораимам, Ами, Асси и Хи, совершить путешествие по городам Иудеи, чтобы осмотреть различные учреждения религиозного или образовательного характера и восстановить их в тех местах, где они приходили в упадок. В одном городе, где посланники не нашли ни учителей народа, ни молодежи, они призвали старейшин, чтобы те привели к ним стражей города. Когда вооруженная городская стража предстала перед ними, посланцы Наси воскликнули: "Это ни в коем случае не стражи города, а его разрушители; истинные стражи - учителя молодежи и народа; "Если Бог не защитит дом, напрасно бдит страж".

Патриархат Иуды III приходится на правление Диоклетиана и его соправителя, которые силой своего правления и искренней преданностью на некоторое время отсрочили закат Римской империи. Диоклетиан не был настроен враждебно по отношению к евреям. Возможно, он был тем более терпим к ним, чем больше ненавидел и преследовал христиан; этих последних он считал единственной причиной распада Империи из-за их упорной борьбы против римской государственной религии и их рвения к обращению. Строгие эдикты, которые этот монарх считал необходимым издать в последние годы своего правления (303-305) и которые были направлены на то, чтобы принудить христиан принять поклонение идолам, закрыть их церкви и запретить их собрания для богослужения, не охватывали евреев, хотя, как ни странно, самаритяне, похоже, не избежали их действия. Тем не менее, враги евреев, по-видимому, приложили все усилия, чтобы настроить Диоклетиана против них. Императору тайно сообщили, что Патриарх и его спутники потешались над его неясным происхождением и фамилией Апер (Кабан), к которой император был особенно чувствителен. История гласит, что император, крайне разгневанный, приказал Патриарху и наиболее выдающимся членам общины явиться к нему субботним вечером в Панеас, примерно в двадцати милях от Тверии. Поскольку этот приказ был доведен до них только поздно вечером в пятницу, они оказались перед отчаянной дилеммой:

отправиться в путешествие в субботу или проигнорировать императорский призыв. По прибытии в Панаеас Диоклетиан приказал им мыться в течение нескольких дней, прежде чем предстать перед ним на аудиенции. Это оскорбление было задумано как намек на нечистоплотность, в которой упрекали евреев. Когда, наконец, они предстали перед императором, патриарх и его спутники заверили Диоклетиана в их лояльности и преданности, и, как говорят, они убедили его, что на них несправедливо оклеветали, после чего он милостиво отпустил их (около 297 или 298 г.).

Из-за ограничения приносить жертвы богам, под которое Диоклетиан подпадал как самаритян, так и христиан, первые были полностью и навсегда исключены из еврейской общины. Особая судьба управляла отношениями этих двух родственных и соседних рас и не позволяла им жить в хороших отношениях в течение какого-либо длительного времени. В любой момент, который казался благоприятным для взаимного сближения, обязательно возникали пустяковые обстоятельства, которые расширяли пропасть между ними. После разрушения Храма два народа жили в относительно хороших отношениях друг с другом; самаритяне считались во многих отношениях строгими иудеями. Война Адриана еще теснее объединила евреев и самаритян, и эти дружеские отношения пустили столь глубокие корни, что решение Меира считать самаритян язычниками так и не получило всеобщего признания. Повседневное общение и деловые связи тесно связывали их друг с другом. Даже Йоханан без колебаний ел мясо, приготовленное самаритянами. Его преемники были, однако, более суровы и ухитрились добиться отделения от самаритян. Говорят, что причиной этого разрыва было следующее: однажды Аббаху заказал немного вина из Самарии, и один старик заметил ему, что в этой стране Закон больше не соблюдается строго. Аббаху сообщил об этом своим друзьям, Ами и Асси, которые тут же расследовали этот вопрос и решили объявить самаритян язычниками, безвозвратно и во всех отношениях. Возможно, это было последнее решение, к которому пришел Синхедрион. В связи с этим указом Наси не упоминается, что является еще одним доказательством ничтожности власти, которой он пользовался, и глубины падения Патриархата. Это разобщение привело к ослаблению как евреев, так и самаритян. Христианство, более проникательное и активное, чем его прародитель, иудаизм, и более утонченное и гибкое, чем самаритянство, его сестра, вскоре после этого разрыва завоевало мировую империю, и как иудеи, так и самаритяне почувствовали его превосходящую силу. Голгофа, воздвигнутая на высоте Капитолия, давила двойным бременем на Сион и Гаризим.

Несмотря на небольшое уважение, с которым относился Патриархат Иуды III (280-300), впервые появляется явление, которое действительно выдает бедность, существовавшую в Палестине, но, с другой стороны, демонстрирует приверженность евреев Патриархальному дому Давида, последнему остатку их древней славы. Всегда существовал обычай объявлять тем общинам, которые были расположены на расстоянии, решения, принятые Синхедрионом, и особенно о периоде проведения праздников, посредством специальных посланников (Шалиах Сион, Апостоли). Как правило, на этот почетный пост избирались достойные люди и члены Синхедриона, поскольку они представляли высшие органы власти, а также были обязаны объяснять и применять различные резолюции. Чем больше евреев в Святой Земле уменьшалось в результате восстаний и войн, и чем большая часть страны попадала в руки язычников, тем больше грабительские налоги распространяли бедность повсюду, тем с большими трудностями сталкивались патриархи, покрывая расходы на свой пост из своих личных средств. Они были вынуждены обратиться к богатым общинам других стран с просьбой о пожертвованиях на их поддержку. Первоначально, возможно, эти вспомогательные средства

представляли собой добровольный взнос (*aurum coronarium*), направленный общинами в качестве доказательства верности по случаю восшествия Патриарха на престол как князя евреев. Однако примерно в это же время Иуда III оказался вынужден послать гонцов для взимания регулярного налога (*canon, pensio*). Таким посланником был Хия бар Абба, которого патриарх Иуда уполномочил и отправил за границу, вооруженный особыми полномочиями: "Мы посылаем к вам превосходного человека, который обладает равной с нами властью, пока не вернется к нам". Этот самый Чия был, на самом деле, превосходным человеком, столь же бедным в средствах, сколь и богатым характером. Только по причине крайней необходимости он позволил Патриарху возложить на него этот пост, и его принятие было до такой степени жертвой, что он был вынужден покинуть Святую Землю, которую он выбрал в качестве своей резиденции, предпочтя ее своей родной стране. В течение длительного периода его поддерживала богатая и благотворительная семья из Тверии по имени Сильвани (Бет-Сильвани), которая снабжала его, как потомка Аарона, десятиной от продуктов их собственности. Однако в определенном случае Чия запретил им совершать поступок, который другой учитель Закона объявил законным; а они, в свою очередь, заставили его почувствовать свою зависимость от их десятины. После этого он решил никогда больше ни от кого не принимать десятину и, чтобы избежать искушения, решил покинуть Иудею.

Именно в этой Любви впервые можно заметить особый недостаток, который позже стал более общим и привел к самым катастрофическим последствиям. Чия б. А именно, Авва был настолько поглощен изучением устного Закона, что в своей преданности ему пренебрег чтением письменного Закона, Библии. Однажды его спросили, почему слово "добро" не встречается в первом Десятисловии, и он ответил, что вряд ли знает, действительно ли это слово не встречается в этом месте. Хия бар Абба был мрачного нрава, и в Галахе он следовал суровой тенденции, которая отказывалась даже позволять еврейским девушкам осваивать греческую культуру, хотя сам Йоханан разрешал это и даже в определенной степени поощрял.

Можно заметить, как знамение времени, что руководителями школ в Тверии были не уроженцы этой страны, а вавилоняне, эмигрировавшие туда со своей собственной земли. Ами и Асси заняли пост, который ранее занимал Йоханан, их учитель. Они читали свои лекции в перистильях, которые, несомненно, относятся по крайней мере к периоду Иродов. Но эти здания, которые во времена Йоханана были переполнены слушателями, теперь свидетельствовали об уменьшении значения Святой Земли. Вавилония была целью той части иудейской молодежи, которая желала учиться. Ами и Асси носили лишь скромный титул "Судей, или уважаемых потомков Аарона в Святой Земле", и по собственной воле подчинились вавилонским властям.

Большей значимостью и оригинальностью обладал Аббаху из Кесарии Морской, который разительно отличался от Хии и Симона, сыновей Аввы. Он был богат, держал готических рабов, в его доме стояли стулья из слоновой кости; его ремеслом было изготовление женских вуалей. Он в совершенстве понимал греческий, чего можно было ожидать лишь от немногих его современников; он часто бывал в обществе образованных язычников и велел своей дочери учить греческий. Он считал знание этого языка украшением образованной девушки и подкрепил свое мнение ссылкой на разрешение Йоханана. Суровый Симон бар Авва, враждебно относившийся ко всему мирскому образованию, осудил такое поведение в следующих выражениях: "Он приписывает это разрешение Йоханану, потому что его дочь изучает греческий". В ответ на эту атаку на его правдивость Аббаху возразил, что он действительно получил это предание из уст Йоханана. Из-за его знакомства с современной

цивилизацией, которую многие люди считали греховной, к нему был применен стих Экклезиаста: "Хорошо, что ты занимаешься этим (изучением Галахи) и не пренебрегаешь этим (изучением греков), ибо благочестивые способны выполнять все обязанности". Фактически, греческий язык был настолько распространен среди евреев Кесарии, что они даже цитировали отрывки из Священного Писания о единстве Бога (Шема) на этом языке.

Аббаху пользовался большим уважением римского проконсула и, вероятно, также императора Диоклетиана из-за его глубокой образованности, которая усиливалась обаянием достойной фигуры и щедрым характером. Благодаря такому влиянию на власти ему удалось предотвратить многие суровые меры. Случай, подобный этому описанию, позволяет в то же время получить представление об общем положении вещей в тот период. Ами, Асси и Хия бар Абба, однажды вынесшие суровое наказание женщине по имени Тамар, которая, несомненно, была виновна в каком-то нарушении целомудрия, были донесены ею тогдашнему прокуратору по обвинению в посягательстве на юрисдикцию римлян. Еврейские судьи, опасаясь последствий этого доноса, умоляли Аббаху оказать на них свое влияние. Он, однако, ответил, что его усилия не возымели никакого эффекта по причине существующего желания отомстить, возможно, также из-за красоты преступницы. Его ответ был сформулирован в характерных выражениях, причем задуман таким образом, что поначалу слова не передают их действительного значения. Суть этого документа вкратце сводилась к следующему: "Я уладил все, что касается трех клеветников — Евтокоса, Эвматеса и Талассея, — но я напрасно трудился от имени упрямой и непокорной Тамары". Язык этого письма, являющийся образцом стиля того периода, по большей части представляет собой чистый иврит, приукрашенный игрой слов; греческие имена собственные переведены приблизительными еврейскими терминами. Этот стиль, если обращаться с ним умело, придает еврейскому языку неподражаемое очарование; но он легко вырождается в пустую помпезность и мелочность, что в какой-то степени имело место уже во времена Аббаху.

Благодаря своим обширным познаниям Аббаху был вполне пригоден для ведения полемики против христианства. Во времена Диоклетиана христианство напрягало все силы, чтобы завоевать мировую империю. Римские легионы частично состояли из солдат, принявших эту религию, и поэтому христианство удвоило свои усилия по привлечению прозелитов. Противопоставив себя иудаизму и язычеству, она навлекла на себя суровое наказание от рук Диоклетиана и его соправителя Галерия из-за своего высокомерия. Евреи обладали интеллектуальным оружием, и они пользовались им до тех пор, пока им разрешалось его свободное использование. Подобно Симлаю, Аббаху атаковал христианские догмы самым бескомпромиссным образом и основывал свое несогласие, в соответствии с традицией того времени, на стихе из Библии (Числа xxiii. 19): "Если человек говорит о себе: 'Я Бог', - он лжет; 'Я сын человеческий', он покается в этом; 'Я иду на небеса', он этого не подтвердит". Учение о Вознесении было особенно спорным вопросом между учителями Церкви и синагоги, и его защитником в Кесарии был Иаков Минейнин, врач по профессии. Чтобы подтвердить подлинность Вознесения, христиане выдвинули агадическую традицию, согласно которой Енох вознесся на небеса, не умирая: говоря словами Библии, "и его (Еноха) не было, ибо Бог забрал его". Они использовали эту двусмысленную фразу в поддержку своего мнения. Аббаху, однако, доказал параллельными стихами, что, согласно истинному толкованию, выражение, содержащееся в этом стихе, является не более чем фигурой речи, обозначающей "умереть". В следующем поколении Аббаху, возможно, заплатил бы жизнью за свою смелую правдивость и точную интерпретацию.

Аббаху был одним из тех скромных, мягких, уступчивых персонажей, которые тем меньше осознают свои собственные заслуги, чем они велики. Когда было предложено посвятить его в сан раввина, он отказался в пользу аббы из Акко, желая сначала увидеть, какое отличие будет оказано последнему, который благодаря этому повышению смог бы освободиться от бремени долга, которым он был угнетен. Другое событие еще более убедительно свидетельствует о его непритязательном характере. Однажды он выступал с лекциями одновременно с Чией б. Абба, в незнакомом городе, этот предмет рассматривается последним в соответствии с галахическим методом, в то время как он принял более назидательный стиль Агады. Как и следовало ожидать, популярны лекции Аббаху, будучи понятными для всех, посещались лучше, чем лекции Чии, которые были более сложными для понимания. Последний, проявив некоторое раздражение по поводу пренебрежения, выпавшего на долю его бесед, Аббаху попытался утешить его следующими словами: "Твое учение подобно драгоценнейшим камням, о которых мало кто знает толк; мое, напротив, подобно мишуре, которая радует каждого". Чтобы еще больше успокоить его, Аббаху в течение всего дня оказывал своему оскорбленному спутнику все возможное внимание и знаки почета; тем не менее, Чия не мог забыть о пренебрежении, которое, по его мнению, было нанесено ему. Этот анекдот нельзя считать совершенно неважным, поскольку он доказывает упадок серьезных исследований в Иудее в это время. Галаха, изучение которой вызывало морщины на лбу и упражняло ум, больше не находила слушателей и была вынуждена покинуть поле боя перед легкокрылой Агадой. Аббаху даже не хотел подчеркивать свою скромность. Однажды он воскликнул: "При всем моем хваленом смирении, я все еще далеко отстаю от аввы Акко, ибо он даже не сердится на своего толкователя (Метургемана), когда последний осмеливается вносить свои собственные дополнения к анализу, который ему нашептывают". Таким образом, проявился недостаток в этом методе преподавания, который раньше придавал беседам такую торжественность и достоинство. Вместо того чтобы быть просто органом лектора, Метургмен позволил себе привнести в изложение свои собственные взгляды. Была подана жалоба на то, что переводчики соглашались на свою должность только из тщеславия, чтобы продемонстрировать свой прекрасный голос или цветистый язык. Такое положение вещей было метко описано в следующем стихе: "Лучше слушать суровость мудрых, чем песню глупцов". Из-за этой привычки переводчиков лекции превратились в пустой перебор слов.

О щедрых и совершенно благородных взглядах Аббаху можно также почерпнуть из другого характерного наброска, который в то же время дает точное представление об обычаях того периода. По случаю засухи, события, не редкого в Иудее, самым достойным членом общины было принято возносить предписанные молитвы о дожде. Человек, которого однажды рекомендовали Аббаху как самого достойного, оказался человеком с наихудшей славой, известным острякам как "пять грехов" (Пентекака). Будучи вызван к Аббаху и расспрошенный последним о его занятии, он признался в своем печально известном призвании. "Я, - сказал он, - посредник; я убираю игровой домик, ношу купальщикам одежду, развлекаю купальщиков шутками и играю на флейте". "И неужели ты за всю свою жизнь не совершил ни одного доброго поступка?" спросил Аббаху. "Однажды, - сказал Пентекака, - когда я убирал в театре, я увидел женщину, прислонившуюся к колонне и плачущую. В ответ на мой вопрос о причине ее горя она сказала мне, что ее муж был заключенным и что ей ничего не оставалось делать для его освобождения, кроме как пожертвовать своей честью. Как только я услышала это, - продолжала Пентекака, - я продала свою кровать, свое покрывало, все, что у меня было в мире, отдала вырученные деньги женщине и сказала ей: "Иди, освободи своего мужа, не расплачиваясь за

грех". При этих словах Аббаху не смог сдержаться и воскликнул, обращаясь к Пентекаке, этой смеси возвышенной добродетели и вульгарного бесчестия: "Ты один достоин молиться за нас в нашей беде".

Театр в этот период соответствовал общему аморальному тону того времени и ни в коем случае не был рассадником культуры или утонченности; шуты развлекали толпу, а иудаизм часто использовался в качестве предмета для их грубых шуток. Аббаху, который был знаком с событиями, происходившими за пределами еврейского мира, жаловался на легкомысленную манеру, с которой еврейские учреждения выставлялись на посмешище, и приводит, среди прочего, следующие примеры. В театр привели верблюда в траурной одежде; после этого следует следующий диалог: "Почему верблюд в трауре?" "Потому что евреи, которые строго соблюдают субботний день, не могут добыть даже зелени для еды и вынуждены питаться чертополохом. Верблюд скорбит, потому что у него таким образом отнимают пищу". Входит Момус (шут) с бритой головой. "Почему Момус скорбит?" "Потому что нефть дорогая". "И почему нефть такая дорогая?" "Из-за евреев. В субботу они потребляют все, что заработали за неделю; у них не остается даже дров, чтобы приготовить пищу; поэтому они должны сжигать свою постель, а поскольку кровати нет, вынуждены спать на земле и валяться в пыли; чтобы избежать нечистоты, они используют много масла, и это причина, по которой масло так дорого". Так выродившиеся греки протитировали искусство Аристофана!

Аббаху также обладал определенной репутацией в изучении Права, но не считался авторитетом; его областью была агадическая экзегеза. Однако из-за его влияния в политическом мире коллеги чрезмерно льстили ему, опасаясь поправлять его, даже когда он допускал ошибки в преподавании. Похоже, что Кесария, где Ушайя старший ранее основал временную школу, теперь была возведена Аббаху в один ряд с Тверией как академический город, где собирались величайшие амораимы Палестины. Синагога в Кесарии, откуда при Нероне началось первое восстание против римлян, приведшее в конечном итоге к потере независимости еврейским государством, возможно, была академией Аббаху, и, похоже, она до сих пор носит роковое название "синагога революции" (Кеништа ди-мерадта). Точно так же, как Симон бар Абба привык к несчастью, Аббаху сопутствовала удача, которая не покинула его даже в преклонном возрасте. У него было два многообещающих сына, Абимай и Ханина. Последний был отправлен им в Тиверию с целью совершенствования своего образования; но вместо того, чтобы посвятить себя учебе, Ханина тратил свое время на погребение мертвых, после чего его отец сделал ему выговор в письме, которое примечательно своей лаконичной краткостью: "Значит, в Кесарии нет могил, что я должен быть вынужден послать тебя с этой целью в Тиверию? Учеба должна предшествовать практической работе". Аббаху был последним важным лицом Иудеи во времена талмуда. Пятнадцать столетий подряд она рождала гигантов интеллекта, судей, генералов, королей, пророков, поэтов, соферимов, патриотов, учителей Закона. Теперь он перестал производить и не произвел на свет новых знаменитостей. Согласно легенде, когда Аббаху умер, статуи Кесарии оплакивали его.

Напротив, в Вавилонии живой пыл и деятельность, начатые Рабом и Самуилом, основателями изучения Закона на их родине, продолжали возрастать и после их смерти. За полвека, на протяжении которых длился их труд, изучение Права пустило настолько глубокие корни, что растение лучше росло на чужой почве, чем на родной. Живое соревнование в приобретении знаний Закона и регулировании своей жизни в соответствии с этим стандартом охватило все классы общества. Считалось высшей честью быть признанным знатоком Закона (Зорба-ме-

Раббанан) и величайшим позором быть причисленным к невеждам. Безнравственность, царившая прежде в еврейском Вавилоне, исчезла вместе с вопиющим невежеством, и домашняя и общественная жизнь сложилась в соответствии с идеалом, который с таким энтузиазмом проповедовали два великих учителя, Раб и Самуил. Вавилония во многих отношениях взяла на себя роль Святой Земли, даже в том, что касается жертвований священникам, которые, однако, по-видимому, использовались для нужд законоучителей: ученость имела большее значение, чем духовенство. Вавилония стала обычным еврейским государством, конституцией которого была Мишна, а общественными опорами - Принц Плена и школьное собрание. Этот импульс к более высокой жизни передался и князьям плена, и они точно так же занялись изучением Закона. Нехемия и Укбан, внуки Раба, и Натан, их отец, были назначены Реш-галутами в этом поколении; из-за их глубокого знания Галахи они получили почетный титул Раббана. Это радостное движение, охватившее все классы еврейского общества Вавилонии, было знаком того, что иудаизм еще не умер, но все еще обладал достаточной силой, чтобы пустить новые побеги. Этому способствовали в меру своих сил преемники Раба и Самуила, наиболее выдающимися из которых были: Хуна, который был главным преподавателем академии Сора и в то же время считался религиозным главой как в Вавилоне, так и за рубежом; Иуда бен Иезекииль, который основал новую школу в Пумбедите и внедрил новый метод изучения Галахи; Нахман б. Иаков, который перенес свою академию в Шекан-Зиб на Тигре после разрушения Нахардеи (259); и, наконец, Часда, Шешет и Рабба бар Аббаху. Почти все эти амораимы обладали своей особой тенденцией, и таким образом разнообразие было внесено в узкий круг ученых вавилонских школ.

Хуна родился около 212 года в Дио Карт и умер в 297 году. Он был преемником Раба в Соре и авторитетом того периода, которому, как уже говорилось, добровольно подчинились иудейские амораимы. История его жизни представляет собой одновременно прекрасную картину нравов того периода и показывает, как неутомимое рвение к Закону шло рука об руку со светскими занятиями, с сельским хозяйством и другими отраслями промышленности. Хотя Хуна и состоял в родстве с принцем Плена, изначально он не был богат. Он возделывал свое небольшое поле собственными руками и не стыдился своего труда. Он обычно говорил своим посетителям, которые приходили к нему, чтобы обсудить свои разногласия: "Приведите ко мне человека, который будет возделывать мою землю, и я буду вашим судьей". Часто он возвращался домой с поля с лопатой на плече. Однажды Чама б. застал его в таком состоянии. Анилай, самый богатый и в то же время самый милосердный и великодушный человек в Вавилонии. Этот либеральный человек почти воплотил идеал в применении еврейской добродетели быть отцом бедным. В его доме день и ночь пекли хлеб для помощи бедным, со всех сторон были установлены двери, чтобы все нуждающиеся могли войти, и тот, кто приходил голодным в дом, покидал его сытым. Когда Чама выходил, он постоянно держал руку в кошельке, чтобы не заставлять тех, кому было стыдно просить милостыню, находиться в болезненном положении, пока он искал свои деньги.

Во время голода он велел оставлять на ночь пшеницу и ячмень для тех людей, которым чувство чести не позволяло общаться с нищими. Если бы был введен чрезвычайный налог, Чама, несомненно, взял бы большую часть бремени на свои собственные плечи. Этот благотворительный человек обладал такой скромностью, несмотря на свое необычайное богатство, что всякий раз, когда он встречал Хуну, возвращающегося с работы с лопатой на плече, он умолял разрешить ему понести ее из уважения к директору школы. Хуна, однако,

никогда не позволял ему этого делать: "Ты не привык делать подобное в своем родном городе, поэтому я не позволю этого здесь".

Позже Хуна разбогател, и его поля обрабатывали работники, которые получали часть урожая; его скот пасся в степях Южной Вавилонии. Он использовал свое богатство самым благородным образом. В ненастные дни, когда ветры, дующие из сирийской пустыни, опустошали страну и покрывали город руинами, он обычно разъезжал в носилках, чтобы осмотреть дома в Соре и снести все стены, которые могли оказаться в аварийном состоянии. Если владельцы были не в состоянии снова построить свои дома, Хуна сделал бы это за свой счет. Во время трапезы все двери в его доме оставались открытыми, и громким голосом было объявлено, что все нуждающиеся могут войти и насытиться. Рассказывают и другие истории о его страстной и усердной благотворительности. Неимущие ученые, посещавшие его школу, расположенную по соседству сора, содержались за его счет в течение месяцев обучения, хотя их число было далеко не маленьким. Восемьсот человек посетили его лекции, и в разных частях здания было размещено тринадцать толкователей, в обязанности которых входило делать речь слышимой и понятной для всего собрания. Глубокое почтение, с которым его благородный характер, его эрудиция и скромность внушали его друзьям, тем не менее не могло заставить их не замечать его недостатков, какими бы незначительными они ни были. Законоучители были чрезвычайно суровы по отношению к поведению друг друга и были безжалостны по отношению к любому из них, кто не соответствовал идеалам Закона.

Именно во времена Хуны общественная жизнь Вавилонии, находившаяся в самой тесной связи со школами, была организована таким образом, который не менялся на протяжении почти восьми столетий. Постепенно и произвольно сформировалась иерархия главных и подчиненных сановников. Школа, которая собиралась, как уже упоминалось, в определенные месяцы года, называлась Метибта (сессия), а главный член этого собрания был известен как Реш-Метибта (Директор). Следующими по рангу после Президента были Реше-каллы (профессора), в чьи обязанности входило разъяснять в течение первых трех недель месяца Калла тему, которую Директор должен был избрать в качестве текста своих выступлений. Судебные должности были отделены от профессорских; поскольку правосудие по-прежнему вершилось, согласно древнему обычаю, перед воротами города, судей в силу этого обстоятельства называли *Даяне-ди-Баба* (Судьи Ворот). В вопросах теории они подчинялись Директору; их назначал князь Плена, от которого они зависели в вопросах практики.

В течение сорока лет Хуна руководил Метибтой, и благодаря его неоспоримому авторитету Вавилония стала полностью независимой от Иудеи. Он смело действовал по принципу, который его учитель Раб был не в состоянии осуществить, и поставил Вавилонию на равную с Иудеей почву с точки зрения Закона. "Мы рассматриваем пребывание в Вавилоне точно так же, как пребывание в Святой Земле", - таков был принцип, впервые установленный Хуной. Таким образом, он разорвал последнюю связь, соединявшую страну пленения с метрополией, или, возможно, было бы точнее сказать, что он просто выразил действительное положение вещей, поскольку, по сути дела, Вавилония намного превосходила Иудею. Только в знак уважения или в том случае, если требовалось получить торжественное одобрение какого-либо мнения, в Вавилонии было принято получать решение из Святой Земли. В течение периода, на который распространялись труды Хуны, Сора Метибта господствовала в Вавилонии.

Хуна скоропостижно скончался (297) в возрасте более восьмидесяти лет, оставив свою славу и добродетели своему сыну Раббе. Самые высокие почести были оказаны его останкам его друзьями и учениками. Похоронная речь начиналась следующими словами: "Хуна заслужил, чтобы на него сошел Святой Дух". Его тело было доставлено в Иудею, вероятно, во исполнение его предсмертной воли; там его встретили самые выдающиеся люди, такие как Асси и Ами, которые обеспечили его погребение в склепе Хии, другого вавилонянина. Постепенно стало благочестивым обычаем быть похороненным в святой земле Иудеи, которой приписывалась искупительная сила. С уверенностью ожидалось, что воскресение произойдет в этой стране, которая, как также считалось, станет ареной пришествия Мессии. Те, кто умер в неосвященных странах, будут валяться в легкой, рыхлой земле, пока не достигнут Святой Земли, где они снова будут возрождены. Вместо живых жителей, число которых постоянно уменьшалось, Иудея с каждым днем становилась все более густо населенной трупами. Святая Земля, которая раньше была одним огромным храмом, вдохновляющим на великие дела и благородные мысли, теперь превратилась в святую могилу, которая не могла сделать святым ничего, кроме смерти. Из многочисленных святилищ, существовавших ранее, только прах теперь оставался объектом почитания. Вся центральная область Иудеи, горы Царя, была настолько населена исключительно язычниками, что было предложено объявить ее освобожденной от уплаты дани священникам.

Противоположностью и дополнением Хуны был его младший товарищ, Иуда бен Иезекииль (родился в 220 году, умер в 299-м). Хотя он был учеником Раба, Иуда, по-видимому, больше склонялся к Самуилу, черты которого он унаследовал. Он обладал ярко выраженной индивидуальностью и был очень талантлив, но в то же время имел так много углов и граней, что постоянно сталкивался с людьми и обстоятельствами. Он был потомком древнего еврейского рода, который, возможно, мог проследить свое происхождение от семей, упомянутых в Библии, и по этой причине он был необычайно восприимчив к благородству крови и чистоте происхождения. Друг простоты во многих вопросах, он яростно нападал на всех, кто отдавал предпочтение искусственной утонченности. Хотя он относился к Святой Земле с большим почтением, он, тем не менее, обвинял тех, кто покинул Вавилонию, чтобы получить образование в школах Иудеи, и был безжалостен к тем из своих друзей и учеников, которые эмигрировали туда. Иуда впервые основал академию в Пумбедите, городе, который после разрушения Нахардеи стал центром северной Вавилонии, как Сора была центром южной. Школа Пумбедита, которая при Иудее уступала только соранийской, в более поздние времена достигла положения ведущей академии. На протяжении почти восьми столетий она утверждала свое превосходство с небольшими перерывами и была едва ли не последним пережитком еврейской древности, который невозмутимо наблюдал за рождением новой эпохи.

Верный характеру жителей своего родного города, Иуда бен Иезекииль позволил интеллекту настолько преобладать над сердцем, что посвящал молитве только один день в каждом месяце, остальное время посвящая изучению Закона. Самуил уже называл его "проницательным", и позже он стал создателем той острой системы диалектики, которая в прежние времена получила временное признание в Иудее, а теперь стала распространенной в Вавилонии. Эта система существенно отличалась от той, которую использовали танаиты, поскольку она касалась непосредственно сути вопроса, в то время как другая придерживалась формул правил толкования. Беседы Джуды были ограничены исключительно рассмотрением вопросов юриспруденции, поскольку оккультные сравнения и различия, дедукции и приложения находят здесь свое надлежащее место, а теория и практика идут рука об руку. Остальными частями

Мишны пренебрегали в школе Иуды; на самом деле он, по-видимому, испытывал своего рода отвращение к изучению тех ее частей, которые содержали Галахи, трактующие о законах левитской чистоты, вышедших из употребления. Под влиянием Иуды обширный предмет Закона сузился до сжатых размеров сферы, в которую не было включено ничего, кроме того, что было применимо к реальности и повседневной жизни. Он ввел четкий обычай сообщать не только суть традиций, но даже имена людей, которые их передали. Тем не менее, примечательно, что его собственный брат Рами (Р. Ами) усомнился в точности традиций, переданных им, и даже прямо обвинил его во лжи. "Не принимайте указы, - часто восклицал он, - которые мой брат Иуда выдвигает под именем Раба или Самуила; но так и так были они переданы". Рами был противником своего брата и в другом отношении; он покинул Вавилонию и эмигрировал в Иудею, хотя Иуда сурово осуждал такой образ действий, который, по его мнению, представлял собой немалое преступление против религии. Он даже рассматривал возвращение вавилонских изгнанников под предводительством Ездры и Зоровавеля как нарушение Закона и считал, что лучше бы этого никогда не происходило; ибо пророк Иеремия внушил пленникам, что они также должны умереть в Вавилоне. Единственным оправданием, которое он нашел для благочестивого Ездры и его эмиграции, было утверждение, что последний привел в Иудею семьи сомнительного происхождения, чтобы предотвратить их смешанные браки с теми, кого он оставил позади.

Как уже упоминалось, еще одной особенностью Иуды была чрезвычайная строгость в отношении чистоты расы. Он был настолько разборчив в этом вопросе, что откладывал женитьбу на своем сыне Исааке еще долго после того, как последний достиг зрелости, потому что не был уверен, что семья, из которой он хотел найти себе жену, была безупречной, вне всякого сомнения. По этому поводу его подруга Улла уместно заметила: "Откуда нам знать наверняка, что мы сами не произошли от язычников, которые надругались над девами Сиона при осаде Иерусалима?" Педантичность Иуды в отношении чистоты происхождения доставляла ему немало огорчений. Однажды в Пумбедиту приехал выдающийся гражданин Нахардеи, который утверждал, что происходит от хасмонеев, возможно, от несчастного царя Гиркана II, который несколько лет жил в Вавилонии. Этот нахардеец, имевший связи с самыми уважаемыми семьями своего родного города, был чрезвычайно раздосадован тем, что Иуде бен Иезекиилю при каждом удобном случае отдавали предпочтение, и однажды презрительно воскликнул: "Кто такой этот Иуда бар Шевескил?" Когда эта история дошла до ушей Иуды, он отлучил нахардийца от церкви за его непочтительность, а когда он услышал, что последний на самом деле называл всех людей рабами, он был настолько увлечен своей страстью, что публично заклеил его как потомка рабов. Вследствие этого оскорбления нахардеец пожаловался Нахману, зятю принца, на Пленение. Нахман, который был столь же властным, сколь страстным был Иуда, послал последнему вызов предстать перед ним, чтобы оправдать свое поведение. Директор Пумбедиты был немало удивлен тем, что его вызвали давать отчет о своем поведении Нахману, который был не только моложе, но и занимал меньшее положение, чем он сам. Однако Хуна, с которым он посоветовался, убедил его подчиниться этому призыву из уважения к Пленному принцу.

Благодаря своей глубокой образованности, остроте интеллекта и достойному уважения характеру Иуда пользовался неоспоримым авторитетом как в Вавилонии, так и за ее пределами. Когда Хуна умер, Сора Метибта избрал Иуду своим Директором (297); при нем и его преемнике

существовала всего лишь одна академия, которая была признана всеми. Его авторитет был признан даже в Иудее. Однажды он отлучил от церкви некоего выдающегося члена Метибты, репутация которого подверглась нападкам. Когда последний посетил его по случаю его последней болезни, он открыто заявил, что гордится тем, что не пощадил даже такого человека из уважения к его положению. Поскольку Иуда умер, так и не сняв запрета, необходимо было обратиться к патриарху в соответствии с обычаем, сложившимся в подобных случаях. Иуда занимал должность генерала Реш-Метибты всего два года, когда умер в преклонном возрасте.

Коллегия избрала вместо Иуды восьмидесятилетнего Хасду из Кафри (родился 217, умер 309). Он был одним из учеников Раба и питал такое великое почтение к своему учителю, что запомнил все решения, которые тот когда-либо принимал, и пообещал награду любому, кто сообщит ему о какой-либо неизвестной черте "нашего великого учителя", как он его называл. Часда известен как самый удачливый из амораимов. Изначально бедный, впоследствии он был благословлен такими необыкновенными дарами судьбы, что его богатство вошло в поговорку. В его доме было заключено шестьдесят браков, и говорят, что ни один член его семьи не умер при его жизни. Хотя он присутствовал на лекциях Хуны, его метод обучения скорее напоминал тот, которым пользовался Иуда; он чрезвычайно любил острые объяснения. Превосходство Часды над Хуной, которое он однажды заставил последнего почувствовать, способствовало возникновению отчуждения между ними, которое, как говорят, длилось сорок лет. Из-за этой разницы Хасда, по-видимому, переехал из Соры в соседний город Кафри, но там он чувствовал себя изолированным и ущемленным. Однажды, когда коллегия Сора обратилась к нему за мнением по какому-то сомнительному делу, он обиделся и воскликнул: "Что! вы хотя бы подбираете сырые дрова? Вероятно, вы ожидаете найти под ним сокровище". Пока Хуна все еще занимал пост директора, Часда построил школу в Соре за свой счет (293), но он по-прежнему сохранял положение ученика по отношению к первому и на практике не принимал никаких решений. Только после смерти Джуды он был назначен директором колледжа; он занимал этот пост десять лет и умер в 309 году в возрасте девяноста двух лет.

Его галахическим оппонентом был Мар-Шешет, который, как и он сам, был учеником Раба и ученицей Хуны. Память Шешета была настолько цепкой, что он знал наизусть не только всю Мишну, но и все Бораиты. Всякий раз, когда Часда и Шешет встречались, первый приходил в ужас от внушительного набора Борайт своего противника, в то время как второй трепетал от тонких высказываний Часды. На самом деле он был заклятым врагом того щекотливого стиля преподавания, который Иуда ввел в пумбедитскую школу и который быстро выродился в простую утонченность. Всякий раз, когда кто-нибудь начинал возражать, Шешет иронически спрашивала: "Разве ты не из Пумбедиты, где слона можно пропустить через игольное ушко?" Отношения Шешета с Реш-Галутой того периода служат ярким доказательством пренебрежения, в которое были повержены религиозные обряды в доме принца Плена, и неотесанного варварства, которое все еще продолжало там царить. Всякий раз, когда Реш-Галута приглашал Шешета воспользоваться его гостеприимством, он получал повторный отказ. Когда его попросили объяснить причину такой невежливости, Шешет ответила, что рабы Реш-Галуты еще не отказались от обычая разделять мясо, которое должно было быть подано на пиру, с живых животных. Хотя принц Плена, возможно, и не знал об этом варварском обычае своих слуг, тем не менее очевидно, что он не уделял большого внимания религиозному поведению своих домочадцев. Не было ничего необычного в том, что рабы принца Плена предавались розыгрышам за счет учителей Закона, которые навещали своего хозяина, часто

запирая их в темницах. Больше о Шешете ничего не известно, кроме того, что после разрушения Нахардеи он основал школу в Силхи на Тигре.

Самым молодым членом этого круга амораимов был Нахман бен Иаков, один из учеников Самуила (родился около 235 года, умер 324 года). Он был представителем той надменной самонадеянности вавилонских евреев, которая была основана на их процветании, независимости и уверенности в средствах к существованию. Он был зятем принца Плена, на дочери которого Ялте он женился после смерти ее первого мужа, и он в полной мере обладал гордостью, показухой и высокомерием, характерными для княжеского дома. Как и любого восточного принца, его сопровождали евнухи, готовые в любой момент дать почувствовать высокое положение своего господина любому, кто осмелится принизить его репутацию. Он был назначен главным судьей своим тестем и так гордился этим достоинством, что, когда его коллеги попытались поставить себя наравне с ним, он настойчиво напомнил им, что он один компетентен выступать в качестве судьи. Он даже без колебаний решал многие дела без помощи своих коллег, хотя это считалось высокомерным поступком - заседать в суде в одиночку. Его характер был лишен мягкости и человечности. Однажды, когда рабы Реш-Галуты насильно отобрали у пожилой женщины строительные материалы, чтобы возвести из них скинию, последний обратился к нему с просьбой возместить ей ущерб за это нарушение Закона: "Принц из Плена и его врачи, - сказала она, - сидят в украденной скинии". Нахман, однако, едва слушал ее; после чего она многозначительно воскликнула: "Я дочь человека (Авраама), у которого было 318 рабов, и я даже не могу найти, кто выслушает мою жалобу!" На это замечание Нахман дал резкий ответ и в конце концов постановил, что в лучшем случае она имеет право только на компенсацию за украденные материалы. Он был еще менее внимателен в обращении со своими рабами, чье чувство человеческого достоинства он оскорблял способом, противоречащим морали. Его рабыням не разрешалось заключать какой-либо длительный союз, но их по очереди отдавали разным мужчинам, поскольку считалось, что такие изменения дают больше шансов на получение прибыли. В этом он был совершенно не похож на своего господина Самуила, который соединил своих рабов мужского и женского пола законным браком на всю жизнь.

Даже к учителям Закона Нахман относился властно и презрительно. Его жена Ялта, дочь принца из Плена, вопреки обычаю отдала своего ребенка от первого мужа на попечение кормилицы, чтобы иметь возможность выйти замуж за Нахмана. Она даже превосходила своего мужа в гордыне и обладала всеми капризами и дерзостью мелочной восточной принцессы. Она требовала почтения от ученых людей, с которыми общался ее муж; и когда однажды Улла отказала ему в почтении, она намеренно оскорбила его. У него была привычка часто путешествовать между Палестиной и Вавилонией, и, вероятно, он тоже был беден. Именно в связи с этими двумя моментами Ялта заметил о нем: "Путешественники полны болтовни и отбросов".

Еврейская юриспруденция обязана Нахману важным решением, рассказ о происхождении которого дает некоторое представление о состоянии морали в тот период. Согласно принципам старого еврейского кодекса, когда человек вызывался в суд для ответа по долгу, и против него не было представлено достаточных доказательств, ему разрешалось снять обвинение с помощью присяги, только если он частично признавал иск; если он полностью отказывался от него, никакая присяга не могла быть приведена к присяге. Этот закон был основан на предположении, что каждым человеком двигали мотивы патриархальной честности, которые

делали его неспособным на дерзость открыто отказаться от справедливого требования. Но нельзя было больше предполагать, что эта простая честность существует; напротив, она была вытеснена определенной коварной хитростью, которая благодаря широко распространенному знанию Закона преуспела в том, чтобы воспользоваться буквой, чтобы обойти дух. Именно по этой причине Нахман, опираясь на опыт, ввел клятву очищения (Шебуот хессет) в тех случаях, когда иск был полностью отклонен, и это решение в конечном итоге приобрело силу закона. Как уже упоминалось, Нахман эмигрировал из Нахардеи после ее разрушения и обосновался в Шакан-Зибе, жители которого были печально известны своей любовью к насмешкам. Неизвестно, перенес ли он снова свою резиденцию в Нахардею после того, как этот город был восстановлен.

Связующее звено между Иудеей и Вавилонией, из которых первая медленно приходила в упадок, в то время как вторая постепенно выходила на первый план, было сформировано Зеирой, которая была высшим авторитетом в Иудее в течение следующего поколения. История этого человека наглядно демонстрирует противостояние, существующее между метрополией и вавилонской колонией. Он был учеником Хуны и Иуды, но был недоволен методом обучения, применявшимся в Вавилонии, и стремился к простому методу амораимов, которому обучались в школах Галилеи. Однако он не решался покинуть Вавилонию из уважения к неприязни Иуды к эмиграции. Когда, наконец, он улизнул, так сказать, из своей родной страны, его желание увидеть Святую Землю было настолько непреодолимым, что он отважился перейти Иордан по веревке, чтобы не терять времени на поиски моста. Христианин, который был свидетелем спешки путешественника, укоризненно заметил Зейре: "Вы, евреи, еще не отказались от своей старой ошибки поспешности, которая проявилась у вас на горе Синай"; на что последний возразил: "Должен ли я задержаться ни на минуту, чтобы войти в Святую Землю, вида которой не удостоились даже Моисей и Аарон, наши учителя?"

Прибыв в Тверию, Зейра постаралась забыть о тщательном анализе, который составлял вавилонский метод обучения. Легенда добавляет, что он постился сорок дней, чтобы придать вес своим молитвам, в которых он умолял, чтобы ненавистная вавилонская система полностью стерлась из его памяти. С другой стороны, Иудея и ее особый метод, казались ему окруженными ореолом славы, и "атмосфера Святой Земли казалась ему наполненной мудростью". Характерная тенденция Вавилонии, однако, настолько сильно овладела его разумом, что он не смог освободиться от нее даже в Иудее. Как бы сильно он ни стремился постичь простоту иудейского метода, ему так и не удалось полностью искоренить влияние вавилонского рационального анализа, и именно из-за этого превосходства, которое он сам не мог признать, он пользовался большим уважением у иудейских амораимов. Звание учителя было присвоено ему за очень короткое время. Однако его скромность была настолько велика, что, подобно царю Саулу, он скрылся и согласился быть рукоположенным только тогда, когда ему объяснили, что к этому прилагается отпущение грехов. В хвалебном слове, которое стало обычным произносить по случаю посвящения, была сделана ссылка на маленькую, незначительную фигуру Зейры в следующих выражениях: "Без блеска, без блеска, но не без обаяния". Он стал одним из авторитетов Иудеи, вместе с Ами, Асси и Аббаху, которых всех он пережил. На его могиле поэт прочел элегию, которая демонстрирует лучший вкус, чем большинство стихов, написанных по подобным поводам; она звучала примерно следующим образом: —

"Тому, кого родила плодородная Синеар,
Святая Земля одолжила венец мудрости;

И печальная Тиверия опускает голову, оплакивая того, кто был ее главным украшением".

ГЛАВА XXI. ТРИУМФ ХРИСТИАНСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ИУДАИЗМУ.

Гиллель II.—Его Календарь—Главы иудейских школ: Иона, Хосе и Иеремия—Распространение христианства—Константин—Упадок еврейских школ в Вавилонии—Школа Пумбедита—Развитие талмудической диалектики—Персидская царица Ифра и ее сын Шабур II.—Император Юлиан—Благосклонность, проявленная к евреям—Предложил восстановить Храм—Римская терпимость.

320-375 гг. н. э.

Период, в течение которого христианский мир утверждал свое триумфальное господство, ознаменовал решающий кризис в истории наций, а также завершил эпоху в еврейской истории. Урожай, который медленно и незаметно созрел в течение предыдущих столетий, теперь созрел. Христианство, хотя его ненавидели и преследовали, все еще оставалось непокорным и, наконец, обезоружило своих врагов, вовлекая их в круг своего влияния. Римская империя, которая, по-видимому, инстинктивно боялась своего приближающегося распада из-за религии Христа, приняла крещение, продлив таким образом назначенный срок своего существования на полтора столетия. Язычество, которое питалось иррациональными идеями, обманом и безнравственностью и, в свою очередь, порождало их, было вынуждено отказаться от своей притворной жизни и освободить место для другой формы религии.

Новая религия, которая таким образом триумфально выдвинулась на первый план, обладала бесчисленными преимуществами перед язычеством, поскольку теоретически устанавливала в качестве фундаментального принципа более достойное представление о Боге и более чистую мораль, хотя на практике была очень далека от соответствия этим догматам. В то самое время, когда Рим и Италия утратили свое значение и сохранили лишь тень своего бывшего величия, Иудея и Тиверия, занявшие место Иерусалима, пришли в запустение. Подобно Италии, очагу языческой цивилизации, Иудея была обнищена и отстала в развитии из-за христианства. Благодаря политической власти, которой теперь достигла эта религия, — обладанию императорским достоинством, поставившим под ее командование топор ликторов и меч легионов, — Иудея вскоре была лишена своей интеллектуальной жизни, а Тивериадская школа утратила силу притяжения, которой она так долго пользовалась, и погрузилась в упадок.

В то время как Вавилония была поднята в течение следующих пятидесяти лет на вершину своей славы усилиями трех первоначальных амораимов, Раббы, Абайи и Раба, иудейские амораимы этого периода не имели никакого значения. Немногие люди тех времен, чьи имена сохранились, — это Чаггай, который стал авторитетом в силу своего возраста, Иона II и Хосе, ученики и преемники Ами и Асси. Единственным признанным авторитетом Иудеи был Иеремия; но он был эмигрантом из Вавилонии, где его так мало ценили, что выгнали из школ. Должность патриарха также отошла в этот период на второй план, ее обладатель, Гиллель II, в подражание

своему прадеду Гиллелю, добровольно отказался от части своей власти. Примечательно, что в то самое время, когда Патриархат потерял всякое значение в Иудее, он приобрел показное великолепие за границей, как если бы труп украшали перед тем, как опустить в могилу. В течение последнего столетия существования этой должности Патриархи получали помпезные титулы "Высочество" (*illustres*), "Почтенный" (*spectabiles*), "Знаменитый" (*clarissimi*), которыми они пользовались вместе с высшими сановниками государства, с которыми, по всей видимости, они таким образом были поставлены в равное положение. "Пусть тот, кто осмелится публично оскорбить прославленных Патриархов, понесет суровое наказание", - гласит императорский эдикт, который, хотя и относится к более позднему периоду, тем не менее основан на более раннем законодательстве, затрагивающем Патриархов.

Император Константин, возвеличивший Церковь и положивший к ее ногам владычество на земле, в то же время дал ей сомнительное благословение: "От меча ты будешь жить". Первоначально он поставил иудаизм как религию в один ряд с другими формами богослужения, существовавшими в Римской империи. Ибо, прежде чем принять христианскую веру и прежде всего решить положить конец религиозным преследованиям во всех своих владениях, Константин издал нечто вроде эдикта о веротерпимости, в котором он повелевал, чтобы каждый человек пользовался правом исповедовать любую религию, не становясь при этом вне закона. Евреи также были включены в этот акт веротерпимости, и их патриархи, старейшины и директора школ и синагог пользовались теми же привилегиями, что и христианские священнослужители и языческие священники. Эти решения оставались в силе, и в более поздние времена были санкционированы новыми законами, хотя недавно основанный византийский двор начал руководствоваться другим духом. Было установлено правило, согласно которому члены синагоги, посвятившие себя Закону, Патриархи, священники и другие религиозные деятели, должны быть освобождены от всех муниципальных и других обременительных должностей. Взяв за образец устройство римского священства и христианскую систему епископов, патриарх Иудеи считался главой всех евреев Римской империи. Беспристрастное правосудие Константина, однако, длилось недолго. Чем больше христианство утверждало свое влияние на него, тем больше он проникался нетерпимостью к этой религии, которая, забыв о своем происхождении, питала такую же страстную ненависть к иудаизму и его приверженцам, как и к язычеству. Сильвестр, епископ Рима, Павел, впоследствии епископ Константинополя, новой столицы, и Евсевий Кесарийский, первый историк Церкви, не преминули настроить жителей империи против евреев. Иудаизм был заклеен как вредная, распутная, безбожная секта (*feralis, nefaria secta*), которая должна быть уничтожена с лица земли везде, где это возможно. Был опубликован императорский указ о том, что евреи больше не должны обращать в свою веру новообращенных, а тем, кто вступает в нее, а также тем, кто принимает новоприбывших, грозит наказание (315). Наконец, прозелитизму христиан была оказана государственная помощь, и евреям было запрещено назначать для таких членов своей общины, как отступники, наказание, которое христианству, однако, было разрешено применять в ужасно суровой степени к своим собственным приверженцам, покинувшим его лоно. "Все, кто осмелится напасть на отступников с камнями или любым другим способом, будут преданы огню вместе со своими сообщниками". На самом деле было невозможно, чтобы евреи, не имевшие твердых убеждений, не поддались искушению сменить свою религию из-за решительной склонности Константина к христианству и перспективы наживы. Церковь явно стремилась всевозможными обещаниями отвлечь более слабых членов еврейской общины от их веры, делая особый акцент на неудобствах, которые возникнут

в результате приверженности иудаизму, и на выгодах, которые отступник получит от государства. "Почему вы терпите смерть за своего Бога? Посмотрите, на какие наказания и грабежи Он осудил вас! Приходите к нам; мы сделаем вас герцогами, губернаторами и капитанами". "Грешная римская империя, сын твоей матери, пытается поколебать верующих", - таковы были тексты, из которых отныне должны были проповедовать публичные ораторы синагоги. Привилегии евреев были отменены Константином — как, например, в городе Кельне, — и он издал указ, по которому все они, за исключением двух или трех мужчин, могли быть призваны на обременительные муниципальные должности.

Затем мир стал свидетелем невиданного доселе зрелища - первого общего собрания в Ницце, состоящего из нескольких сотен епископов и священников во главе с императором (325). Христианство думало отпраздновать свой триумф, но преуспело лишь в том, что выдало свою слабость и внутреннюю разобщенность. Ибо по случаю этого его первого официального появления, во всем великолепии его полноты духовной и мирской власти, от его первоначального характера не осталось и следа. Ессейская доктрина смирения, братской любви и общности имущества; паулинское рвение к морали и здравым взглядам; стремление александрийской школы к научной эрудиции — все исчезло. Догматические споры о том, был ли Христос Сын равен Отцу, походил ли он на него или отличался от него, споры, тем более ожесточенные из-за невозможности решить вопрос тем или иным способом, — вот те пункты, которые отныне составляли передний план истории Церкви, которой суждено было представлять историю мира. На соборе в Ницце была оборвана последняя нить, соединявшая христианство с его прародителем. Праздник Пасхи до сих пор отмечался по большей части одновременно с еврейской Пасхой, и даже в дни, рассчитанные и установленные Синхедрионом в Иудее для ее празднования; но в будущем его соблюдение должно было стать совершенно независимым от еврейского календаря, "Ибо сверх всякой меры неприлично, чтобы в этот святейший из праздников мы следовали обычаям евреев". Отныне не будем иметь ничего общего с этим одиозным народом; наш Спаситель указал нам другой путь. Было бы действительно абсурдно, если бы евреи могли хвастаться, что мы не в состоянии праздновать Пасху без помощи их правил (расчетов)". Эти высказывания приписываются императору Константину, и хотя они, возможно, были произнесены не им, тем не менее они были руководящим принципом Церкви, которая теперь должна была решать судьбу евреев.

Первое высказывание христианства в самый день его победы выдало его враждебное отношение к евреям и дало начало тем злобным указам Константина и его преемников, которые положили начало кровавым гонениям последующих веков. Константин вновь ввел в действие — несомненно, по наущению духовенства — закон Адриана, запрещавший евреям жить в Иерусалиме. Только в годовщину разрушения города им разрешили, выплатив определенные суммы чиновникам, оплакать руины Храма. Кроме того, духовенству удалось добиться от Константина принятия закона, запрещающего евреям обращать в свою веру рабов. Христианство претендовало на монополию экспансии и запрещало иудаизму усиливать свое влияние либо за счет привлечения прозелитов, либо за счет обращения своих рабов. Константин, по-видимому, однако, защитил евреев от высокомерия тех из их братьев, которые перешли в христианство; эти новообращенные, по большей части не имевшие твердых убеждений, пытались отомстить своим бывшим соотечественникам и единоверцам. Один из этих отступников, по имени Джозеф, по-видимому, в тот период яростно преследовал палестинских евреев. Он был одним из заседателей патриарха в Тивериадском Синхедрионе, и ему была доверена почетная должность делегата и посланника в общинах Киликии. Там он

часто тайно общался с епископом и раздобыл для чтения тексты Нового Завета. Киликийские евреи вызывали сомнения относительно его ортодоксальности, и поскольку, вдобавок к этому, он не пользовался большой любовью из-за его высокомерного обращения с учителями и религиозными сановниками, некоторых из которых он даже унижал, некоторые киликийцы неожиданно вошли в его резиденцию и обнаружили его читающим Евангелие. Как можно обвинять евреев Киликии в том, что они вымещали на нем свое негодование по поводу его обмана? Говорят, что они бросили его в реку Киднус, и предполагается, что он избежал смерти только чудом. Теперь Иосифу ничего не оставалось, как публично объявить о своем принятии христианства. Если верить ему, многие евреи, включая самых образованных и достойных среди них, питали в этот период тайное пристрастие к христианству. Иосиф даже рассказывает совершенно невероятную историю о престарелом патриархе (вероятно, Иуде III), согласно которой последний был тайным приверженцем религии Иисуса и, испытывая желание креститься, пригласил епископа из окрестностей Тверии под предлогом получения его медицинской консультации.

Христианское духовенство Палестины и, вероятно, епископ Евсевий, пользовавшийся большим расположением императора, позаботились о том, чтобы Иосиф был хорошо вознагражден за свое отступничество. Константин даровал ему достоинство Комеса, которое несло с собой своего рода иммунитет от наказания в случае мелкого проступка или нарушения закона. Император также разрешил ему построить первые церкви Галилеи — в Тверии, Сепфорисе (Диокесарии), Назарете и Капернауме, - где до сих пор проживало лишь несколько христиан.

Сын и преемник патриарха Гиллель II, который, как говорят, был еще несовершеннолетним на момент смерти своего отца, был опорочен Иосифом с двоякой целью; он хотел, во-первых, заклеить позором, просто силой клеветы, соотечественника высокого положения, у которого было достаточно причин ненавидеть его; и, во-вторых, он хотел засвидетельствовать чудотворную силу крестного знамения. Говорят, что он был назначен опекуном и наставником молодого патриарха, о котором он рассказывал, что, будучи введен в заблуждение своими юными товарищами, он посвятил себя распутной жизни и даже соблазнял честных и добродетельных женщин с помощью магических искусств. Этот же патриарх, Гиллель II, который процветал примерно с 320 по 365 год, был, однако, одним из самых уважаемых преемников старшего Гиллеля; он, безусловно, не был приверженцем христианства и пользовался благосклонностью императора, у которого также были причины не любить высокомерную Церковь.

В действительности именно при Констанции (327-330), братоубийце и яром гонителе еретиков, в Римской империи было введено христианское правление и начались несчастья евреев. Если бы защитники Церкви не были ослеплены мстительностью и догматизмом, они обязательно поняли бы, что, принимая поддержку политической власти, они признают авторитет учителя и направляют копье себе в грудь. Император Констанций мог смело воскликнуть: "Пусть моей волей будет религия и закон Церкви!" Вопросы религии в последней инстанции решали не отцы Церкви, а евнухи и придворные служанки. Как могли евреи ожидать гуманного обращения, когда члены Церкви, от императора до самых смиренных его подданных, были движимы духом фанатизма к преследованию друг друга из-за словесных споров? В самом начале правления Констанция еврейские законоучители были изгнаны; вследствие этого указа некоторые из них эмигрировали в Вавилонию. Среди тех, кто был сослан, были двое, известные по имени: Дайме и Исаак бар Джозеф. Эти преследования, по-видимому, усиливались с течением времени;

законоучителям угрожали смертью, в результате чего поток эмиграции из Иудеи, естественно, увеличился. Абин и Самуил бар Иуда были среди более поздних эмигрантов (337-338). Последствиями этих событий стали упадок Тивериадской академии и общий упадок активного преподавания. До этого все еще существовал своего рода Синхедрион, использующий обычный метод голосования на своих собраниях; Аггей, Иона и Хосе названы его членами.

Враждебное чувство, питаемое Констанцием по отношению к евреям, также проявилось в нескольких законах, касающихся их. Причины этого преследования остаются в полной неизвестности, и невозможно установить, был ли каким-либо образом связан с ними отступник Джозеф, этот второй Ачер. Браки между евреями и христианками, которые, по-видимому, были нередким явлением, были наказаны смертью при императоре Констанции (339). Еще большее значение имел закон о рабах, который был им обнародован. В то время как его отец всего лишь запретил прием рабов в еврейскую общину и просто наказал нарушение этого запрета, объявив конфискованными всех допущенных таким образом рабов, Констанций постановил (339), что обрезание раба-христианина влечет за собой смертную казнь и полную потерю состояния. Он даже запретил принимать рабов-язычников в иудейский завет. Основания для принятия этого закона были двоякими: желалось, чтобы иудаизм не получил усиления за счет его принятия рабами, а также чтобы христиане не служили еврейским хозяевам, "убийцам Бога". С тех пор Церковь придерживается этой нелепой точки зрения и преобладает даже в наши дни, хотя и в другой форме. Эти ограничения и суровость ни в коем случае не были законными, поскольку евреи все еще считались гражданами Римской империи и вследствие этого равенства с другими жителями не должны были подпадать под действие каких-либо исключительных законов. Но что такое право и закон для этого императора, который, столь же беспринципный, сколь и слабый, находился под влиянием евнухов и придворных священнослужителей? Его тщеславие и капризы были законом. Констанций или духовные лица его двора были основателями христианского государства.

Страдания евреев стали невыносимыми, когда Констанций отправил своего двоюродного брата и соправителя Галла на Восток действовать против постоянно растущего могущества персов (351). Галл, пристрастившийся к разврату, передал ведение войны своему легату Урсицину. Последний в течение трех долгих лет причинял Иудее больше страданий, чем любой императорский повелитель. Поскольку римские легионы были расквартированы в городах Иудеи, Урсицин возложил на еврейских жителей обязанность доставлять провизию, необходимую для их содержания, и преследовал свои требования так неумолимо, что еврейские общины были тем самым вынуждены нарушать законы своей религии. Римские военные чиновники требовали, например, чтобы войска снабжались свежим хлебом даже в субботу и в праздник опресноков. Общины Иудеи были настолько подавлены, что законоучители соперничали друг с другом в предоставлении индульгенций и смягчении суровости Закона. Два представителя власти Тверии, Иона и Хосе, учили, что выпекать для армии Урсицина в субботу - законно; а учителя Неве, галланитского города, разрешили выпекать квасной хлеб для легионов во время Пасхи. В своем отчаянии религиозные представители успокаивали свою совесть оправданием, в которое они сами себя вводили, что враг явно не требовал нарушения Закона, а просто требовал регулярного снабжения армии. Но намерение Урсицина, по-видимому, действительно состояло в том, чтобы начать религиозное преследование, поскольку в Сенбарисе, маленьком городке, расположенном примерно в четырех милях от Тверии, он сжег свиток Закона, который был освящен для общественного пользования, и этот акт никоим образом не мог иметь отношения к службе в армии. Кроме того,

невыносимый груз налогов лежал на евреях Палестины, которые по большей части сильно обнищали. Среди этих обременений были поставки натуральных продуктов (зерна и крупного рогатого скота), уплата подушной подати и, в дополнение к этому, налога, взимаемого со всех видов торговли, а также всевозможных штрафов. Жалобы, которые были высказаны против этих обременительных налогов, нашли отклик на кафедре. "Точно так же, как когда одежда, висящая на колючей изгороди, была оторвана с одной стороны, она немедленно разрывается с другой, так и с нами происходит при правлении Исава (Рим). Как только были вывезены запасы продуктов, настала очередь подушной подати, и прежде чем она была уплачена, потребовали дань. Нечестивый Исава ведет себя с изощренной хитростью по отношению к Израилю. Ты крал или убивал. Ты не крал? Кто крал вместе с тобой? Ты не убивал? Кто был твоим сообщником? Оплати свои штрафы, обеспечь припасами, заплати подушный налог и другие повинности".

Эти многочисленные притеснения, которым подвергались евреи при первых христианских императорах, вселили в них мужество отчаяния и побудили к новому восстанию. Хотя об этом восстании и его последствиях известно очень мало, отчеты кажутся лишь слегка набросанными, тем не менее можно собрать некоторые разрозненные подробности. Очагом восстания был Сепфорис, где под покровом ночи евреи напали врасплох на расквартированные там римские войска, перебили их и завладели их оружием. Согласно одному из свидетельств, евреями руководил вождь по имени Патриций (Netira), которого они возвели в ранг князя. Овладев горным городом Сепфорисом, они отважились на обширные вторжения в окружающую местность с целью отомстить своим врагам за бесчинства, которым они так долго подвергались. Подобные восстания, должно быть, также происходили в это время в двух важнейших городах Иудеи, Тверии и Лидде, а также в различных других местах. Таким образом, восстание приобрело немалые размеры, и по этой причине Констанций был вынужден усилить своего коллегу Галла свежими легионами. С помощью этих войск последние полностью подавили восстание, но проявили так мало милосердия к побежденным, что не пощадили даже детей. Многие тысячи евреев пали жертвами восстания, в котором благоразумие было побеждено отчаянием. Сепфорис был стерт с лица земли, а Тверия, Лидда и другие города, присоединившиеся к восстанию, были частично разрушены (352).

Как всегда бывало после подобных восстаний, на тех, кто принимал участие в восстании, велась охота, чтобы никто из них не избежал наказания; жители Сепфориса, будучи зачинщиками восстания, были самым тщательным образом разысканы Урсицином. Чтобы спастись от этого преследования, они сделали себя неузнаваемыми, замаскировав свои лица, и таким образом на некоторое время скрылись от обнаружения. В конце концов, однако, предатели выступили вперед и сообщили властям об обмане, практикуемом сепфорианцами, и последние были соответственно схвачены и казнены на месте. Многие беженцы тем временем спрятались в подземных переходах Тверии, где они были в безопасности от римлян. Хуна рассказывает: "Когда мы искали убежища в подземных переходах, у нас были с собой факелы; если они давали слабый свет, мы знали, что наступил день, а когда они горели ярче, мы понимали, что приближается ночь". Согласно этому, беженцы, должно быть, провели какое-то время в этих пещерах.

Тем временем Констанций, по-видимому, вновь ввел в действие эдикт Адриана против евреев, поскольку исполнение религиозных обязанностей было запрещено, и даже исчисление календаря и торговля предметами религиозного назначения были запрещены. Когда потребовалось сообщить Рабе, который в то время был директором школ в Мачузе, о

предполагаемом продлении срока на месяц и об ограничениях, наложенных на отправление религиозных обрядов, пришлось прибегнуть к таинственному стилю и использовать неясные намеки. Новость была передана в следующих выражениях: "Люди пришли из Рекета (Тверии), и орел (римлян) поймал их; ибо они держали в руке то, что изготавливают в Лузе (сине-фиолетовый цвет для бахромы). Но по милости Божьей и их собственным заслугам они, тем не менее, спаслись в безопасности. Преемники Нахшона (Патриарха) хотели назначить сторонника месяцев (вставленного месяца), но арамеи (римляне) не позволили этого; несмотря на это, они собрались и вставили месяц смерти Аарона (Ав)". Это тайное послание в Вавилонию выдает бедственное положение, существовавшее в Иудее в этот период. Рассеянный и ослабленный Синхедрион, должно быть, был лишен возможности ввести обычный дополнительный месяц весной (Адар) и, должно быть, был вынужден перенести его на какое-то необычное время года, которое не было санкционировано Законом. Однажды, примерно в этот период, евреям было запрещено соблюдать День Искупления и, соответственно, они были вынуждены отложить его до субботы. Это бедственное положение, в которое была ввергнута Иудея, несколько не изменилось, когда варвар Галл был казнен по приказу Констанция, а Урсицин впал в немилость (354). Приверженцы иудаизма считались при императорском дворе Константинополя простыми атеистами из-за их отказа признать Иисуса. Эта точка зрения породила закон (357), согласно которому все христиане, присоединившиеся к "богохульным" общинам евреев, должны понести наказание в виде конфискации своего имущества. Приспешники Констанция, среди прочих Евсевий камергер, специально стремились к конфискации собственности, и они обложили евреев незаконными налогами, тяжелыми сверх всякой меры, надеясь истребить их путем обнищания и истощения. Уже были составлены новые таблицы налогов с целью еще большего ужесточения их уплаты под предлогом того, что, поскольку евреи были атеистами, они не заслуживали никакой защиты. Они были избавлены от этого гнета неожиданным образом императором Юлианом, который так же сильно отличался от своего брата Галла, как и от своего двоюродного брата и соправителя Констанция.

Жалкое положение Иудеи стало поводом к акту самоотречения со стороны патриарха Гиллеля, который до сих пор не получил должной оценки. До сих пор господствовал обычай держать в секрете исчисление новолуния и високосного года и сообщать о времени проведения праздников общинам в соседних землях, объявляя о них через гонцов. Во время гонений при Констанции этот метод доказал свою непрактичность и бесполезность. Всякий раз, когда Синхедриону мешали установить дату високосного года, еврейские общины в отдаленных странах оставались в полном сомнении относительно наиболее важных религиозных решений. В стремлении положить конец всем трудностям и неопределенности, Гиллель II ввел окончательный и фиксированный календарь; иными словами, он предоставил в распоряжение каждого средства установления правил, которыми до тех пор руководствовался Синхедрион при расчете календаря и установлении праздников. Своей собственной рукой Патриарх разрушил последнюю связь, которая объединяла общины, рассеянные по всей Римской и Персидской империям, с Патриархатом. Он больше заботился об уверенности в продолжении иудаизма, чем о достоинстве своего собственного дома, и поэтому отказался от тех обязанностей, к которым его предки, Гамалиил II и Симон, его сын, относились с такой ревностью и заботой. Члены Синхедриона одобрили это нововведение; они лишь пожелали, чтобы второй день праздников, который всегда отмечался общинами, расположенными за пределами Палестины, теперь не игнорировался. Хосе обратился к александрийским общинам с посланием, содержащим следующие слова: "Хотя мы и ознакомили вас с порядком

проведения праздников, тем не менее не изменяйте обычаю ваших предков" (*т.е. соблюдать второй день праздников*). Та же рекомендация была дана и вавилонянам: "Строго придерживайтесь обычаев ваших отцов". Этому совету добросовестно последовали, и второй день отмечается всеми непалестинскими общинами даже в настоящее время.

Метод исчисления календаря, предложенный Гиллелем, настолько прост и надежен, что до настоящего времени не требовал ни исправления, ни дополнения, и по этой причине признан совершенным всеми, кто компетентен выражать мнение по этому вопросу, будь то евреи или неевреи. Система основана на девятнадцатилетнем цикле, в течение которого приходится семь високосных лет. Десять месяцев в каждом году неизменны и состоят попеременно из двадцати девяти и тридцати дней; только два осенних месяца, которые следуют за Тишри (самым важным из всех месяцев), остаются переменными, поскольку зависят от определенных обстоятельств в астрономии и еврейском законе. Однако эти и другие вычисления основаны на столь простых правилах и настолько понятны и легки, что самый обыкновенный турист, таким образом, может составить календарь на сто или даже тысячу лет. Не установлено, насколько эта система была изобретена Гиллелем и насколько он был обязан традиции, поскольку бесспорно, что определенные астрономические правила считались традиционными в патриархальном доме; в любом случае, Гиллель, по-видимому, использовал календарь Самуила. Этот календарь и год его введения теперь известны. Она была опубликована на 670-м году селевкидской эры, 359-м по общепринятому летоисчислению.

Угнетение, обрушившееся таким образом на жителей Палестины и давшее начало календарю Гиллеля, усилило значение и влияние Вавилонии, и хотя христианство могло похвастаться тем, что распустило академии и разрушило, так сказать, Храм Закона в Иудее, разрушения, тем не менее, были чисто локальными. В Вавилонии изучение Закона получило столь мощный импульс, что достижения древних времен были почти затмены; изучение Закона сейчас праздновало период своей зрелости. Особенно развились два метода обучения традициям, а именно: получение аутентичных терминов традиций и передача их в точности теми же словами, и плодотворное применение того же самого и дальнейшее их усиление. Каждый из этих методов был представлен одной из академий Вавилонии; Сора был восприимчивым, Пумбедита - творческим. В целом Сору можно рассматривать только как продолжение академий Иудеи, как своего рода вавилонскую Тверию; и хотя дух, царивший там, претерпел изменения под влиянием вавилонского метода, все же соранийская школа никогда не продвигала дело обучения в сколько-нибудь заметной степени. Именно Пумбедита подняла обучение на самый высокий уровень. Проницательные ученые Пумбедиты, подготовленные Академией Иуды бен Иезекииля, в тот период господствовали над Вавилонией и зависимыми странами. Лидеры и представители этого движения образовали триумвират, состоящий из Раббы и его товарищей и учеников, Абайи и Раба. Именно эти трое внесли завершающий штрих в работу по завершению Талмуда, или, скорее, возвели изучение Галахи в ранг интеллектуальной системы диалектики.

Рабба бар Нахмани (родился около 270 г., умер в 330 г.) обладал, как и семья, к которой он принадлежал, определенными оригинальными качествами. Он происходил из семьи Мамал или Мамала, города Галилеи, жители которого были по большей части потомками Аарона и членами семьи Илия; они утверждали, что были причастны к проклятию, которому подвергся этот дом и которое не позволило никому из его членов когда-либо достичь глубокой старости. Любой, кто приезжал в Мамалу, был поражен, увидев так много людей с черными волосами; седовласый мужчина был редкостью.

У Раббы было три брата, которых звали Кайлил, Ушайя и Чананья; все они жили в величайшей бедности, и это несчастье они также приписывали проклятию, лежащему на доме Эли. Ушайя-младший и Чананья, вернувшиеся в Иудею, зарабатывали на жизнь сапожничеством. Из-за нехватки клиентов они иногда были вынуждены продавать свою работу проституткам. Тем не менее, их умы оставались настолько чистыми и целомудренными, что их никогда не упрекали ни единым нескромным взглядом; следовательно, они пользовались большим уважением и были известны как "святые земли Израиля". Эти два брата посвятили себя Агаде, любимому предмету изучения в Иудее, в то время как Рабба, их трезвомыслящий брат, который в детстве проявлял признаки большой остроты ума, проявил пристрастие к Галахе, в области которой его труд стал эпохальным. Он решил остаться в Вавилонии, и его братья, не в силах избавиться от своих опасений относительно его участи, употребили все свои усилия, чтобы убедить его приехать в Иудею. "Не все равно, - говорилось в их послании к нему, - умрет ли человек в Иудее или за ее пределами; ибо патриарх Иаков придавал большое значение тому, чтобы быть похороненным в Святой Земле. Хотя ты и ученый, все же лучше иметь учителя, чем заниматься самообразованием. И если ты думаешь, что в академиях Иудеи нельзя найти важного учителя, мы сообщаем тебе, что ты действительно нашел бы такого здесь ". Вследствие этого настоятельного приглашения и вопреки принципам Иуды, своего учителя, Рабба эмигрировал в Иудею. Однако некоторое время спустя он вернулся в Вавилонию, вероятно, потому, что был недоволен иудейским методом преподавания. Мирские дела Раббы описываются как самые несчастные, и их часто противопоставляют непрерывному счастью Хасды.

После смерти его учителя Иуды в 299 году Пумбедитский колледж, в состав которого входили любители диалектики, счел Раббу единственным человеком, достойным занять образовавшуюся таким образом вакансию в школе. Поэтому ему была предложена честь стать преемником Иуды, но его чрезмерная скромность побудила его отказаться от этого поста. В конце концов эту вакансию занял Хуна бен Чия, чье богатство было настолько огромным, что он обставил свою аудиторию в лекционном зале позолоченными сиденьями. Хотя большее число учеников часто посещало Сору, Пумбедитская академия, тем не менее, насчитывала 400 студентов. И Рабба, и его друг Джозеф связали себя с местной академией и подчинились директору, чтобы не допустить лишения школы той репутации, которую ей наконец удалось завоевать. Когда стало известно, каким образом Хуна бен Чия приобрел свое богатство, нажитое за счет сбора пошлин, ему дали понять, что достоинство учителя не должно быть запятнано связью с этим ненавистным ремеслом, и что он должен отказаться либо от того, либо от другого. Отказавшись от профессии сборщика пошлин, он был признан колледжем, который последовал примеру Раббы, как достойный директор академии. Джозеф был единственным человеком, который отказался согласиться на это назначение. Однако не совсем безупречная репутация ее директора грозила стать причиной разорения Пумбедитской академии; поэтому после смерти Хуны была предпринята попытка сделать лучший выбор, чтобы заручиться сочувствием народа и привлечь многочисленную аудиторию. Два человека оказались достойными занять этот пост, рабба бар Нахмани и Джозеф бен Хия, один из которых отличался талмудической диалектикой, а другой галахической эрудицией. Выбор между ними был настолько труден, что было решено посоветоваться с Иудеей, и соответственно был задан следующий вопрос: "Кто обладает превосходством, Синай (ученый человек) или покоритель гор (проницательный человек)?" В Тверии, где строгий метод обучения, хотя и не вызывал ненависти, тем не менее был в низком почете, решение было принято в пользу первого. Но Иосиф испытывал угрызения совести, не желая принимать этот сан. Однажды его имя было

выбрано халдеем, который сообщил ему, что он получит должность с большим авторитетом, но не сможет занимать ее дольше двух лет и шести месяцев, после чего он умрет. Несмотря на юридический запрет доверять мудрости халдеев, наиболее известные законоучители не смогли освободиться от ее влияния; ежедневный пример был сильнее Закона. Джозеф отказался от предложенного ему таким образом поста, и он был предоставлен Раббе (309), и в нем Пумбедитская академия нашла свой идеал.

Рабба заново вернул академии былую славу и привлек к своим выступлениям толпу студентов, иногда достигавшую 1200 человек. Он не ограничивал свои лекции только практической частью юриспруденции, как это делал Иуда, но рассматривал все предметы, содержащиеся в Мишне; он стремился примирить различные противоречия, существующие в Мишне, Бораитах и дополнениях, сделанных аморейскими авторитетами (Мемра), и в целом внести ясность в изучение Галахи. Он даже обратил свое внимание на такой отдаленный предмет, как законы левитской чистоты, которые ему удалось сделать понятными; но в этой области изучения, которая исчезла из повседневной жизни, он был совершенно одинок, о чем часто сожалел. Его отличало желание глубоко проникнуть в мотивы не только Пятикнижия, но и софийских и мишнаитских законов и сделать из них выводы. Формулы, которые он использовал в качестве введения к этим исследованиям, звучали следующим образом: "Почему Закон повелел это?" или "Почему такие-то вещи запрещены учителями Закона?" Его яркая концепция и трактовка предмета вдохнули в него жизнь, в то время как разнообразие, которое ему удалось придать сухой теме с помощью случайного введения агадического предложения, сделало ее интересной и увлекательной. Иногда он развлекал студентов интересными анекдотами, прежде чем начать свою речь, и как только он думал, что привел их в веселое расположение духа, он начинал говорить на более серьезные и весомые темы. Его руководящим принципом было то, что душа должна быть подготовлена к восприятию серьезных мыслей, и что эта восприимчивость лучше всего пробуждается жизнерадостностью. Рабба часто задавал своим ученикам захватывающие вопросы или высказывал парадоксальные мнения, чтобы проверить их суждения или обострить их интеллект. Рабба занимает такое же важное положение среди амораимов, как Акиба среди танаитов. Он собрал разрозненные и фрагментарные сюжеты под общими заголовками. По этой причине почтение, с которым к нему относились законоучители, равнялось тому, которое испытывали к основателю вавилонской еврейской жизни. Но в той мере, в какой он был любим в этом кругу, он был неприятен населению Пумбедиты. Его соотечественники не могли простить этому суровому цензору резких, укоризненных слов, которыми он в своей честности и суровой морали стремился бороться с их обманом и уловками. Однажды, по случаю засухи, когда Рабба объявил общественный пост и приказал возносить молитвы, не добившись успеха в получении дождя, он с упреком воскликнул, обращаясь к народу: "Небеса отказываются исполнять наши желания не потому, что мы, вожди народа, хуже, чем во времена моего учителя Иуды; и не потому, что мы менее прилежны в изучении Закона. Но что могут сделать представители народа, когда вся раса вырождается?"

Из-за их бедственного положения Рабба и другая Амора, Ада, по-видимому, стали коллегами (Хачам) Мар-Укбана, внука Раба и в то время принца Плена, за счет которого они, вероятно, содержались. В то время как директора Соранианской академии были богаты, часто покрывая все расходы школ и содержа большое количество учеников из собственного кошелька, директора Пумбедиты, как правило, обладали небольшими средствами. Это обстоятельство потребовало создания академического фонда в Пумбедите, в который, вероятно, внесли свой вклад общины и принц Плена.

Во времена Раббы вавилонские евреи стали жертвами временных преследований, которые, хотя и были незначительными по сравнению с теми, что происходили в Римской империи, тем не менее были рассчитаны на то, чтобы лишить страдальцев чувства глубокой безопасности. Именно во время долгого правления (310-380) Шабура II, нового царя династии Сасанидов, который был признан правителем еще не родившимся, дружеские отношения, в которых евреи находились к персидскому двору, были нарушены, и вполне возможно, что они подверглись бы таким же жестоким преследованиям, как и христиане, если бы Ифра-Ормузд, мать царя, не была настроена в пользу иудаизма и евреев. В рассказе кратко рассказывается, что отряд войск вошел в Пумбедиту, после чего Рабба и Джозеф обратились в бегство. Против Раббы было выдвинуто серьезное обвинение, поскольку король или его советники были тайно проинформированы о том, что посредством бесед Раббы в течение месяцев Калла его 1200 учеников были вынуждены уклониться от уплаты подушного налога. Был отправлен королевский судебный пристав с приказом арестовать ректора Пумбедитской академии. Будучи заранее предупрежден, Рабба бежал и, чтобы избежать разоблачения, бродил по окрестностям. Его смерть наступила из-за испуга, вызванного шелестом ветра в деревьях, который беглец принял за топот приближающихся солдат. Абайи и Раба, его самые выдающиеся ученики, вместе с остальными членами академии отправились на поиски его труп, который в конце концов они нашли покрытым птицами. Они оплакивали в течение семи дней эту высокочтимую Амору (330). Обвинение, ставшее причиной смерти Раббы, похоже, больше не преследовалось. Королева-мать Ифра даже послала кошелек с динарами его преемнику, предоставив ему использовать его наилучшим и наиболее благочестивым образом, после чего он использовал его для выкупа еврейских пленников.

Преемник и друг Раббы, Джозеф бен Хия (родился около 270 года, умер около 333 года), был болезненным и чувствительным человеком и обладал страстным нравом. Он осознавал свои недостатки и жаловался, что они мешают ему наслаждаться жизнью. По-видимому, он был очень богат и владел полями, пальмами и виноградниками, из которых — поскольку он возделывал их более тщательно, чем обычно, — получал вино лучшего качества, чем обычно производилось. Будучи поражен слепотой, он меньше горевал о потере зрения, чем о том, что таким образом был освобожден от выполнения различных религиозных обязанностей.

Джозеф был исключительным среди руководителей Пумбедитской академии, поскольку он придавал большее значение приобретению знаний о Мишне и Бораитах путем заучивания их наизусть, чем выработке остроумных выводов. По этой причине он был известен под титулом "Синай" и "Владелец Хранилищ". Помимо изучения Галахи, он обратил свое внимание на таргум, или халдейский перевод Священного Писания. Тора, а также, вероятно, отдельные отрывки из Пророков, которые использовались для публичного чтения (хафтара), давным—давно были переведены на арамейские диалекты - как сирийский, так и халдейский. Существовали различные халдейские переводы Торы для использования теми, кто не знал иврита: один из них, основанный, вероятно, на любимой греческой версии Акиласа, носил имя *Таргум Онкелос*; сирийский перевод, которым пользовались те евреи Сирии и Месопотамии, которые говорили по-сирийски, назывался *Пеши́то* (простой). Однако большая часть Пророков не была переведена, и именно Джозеф первым взял в руки их халдейский перевод. Некоторые люди считали, что это было благочестивое произведение, поскольку Иосиф из-за своей слепоты не мог читать и не желал читать текст на иврите наизусть из-за запрета на устное цитирование писаного Закона. Поэтому он приступил к переводу Пророков за свой счет, чтобы иметь возможность процитировать любой желаемый отрывок на халдейском. Перевод Джозефа

был включен в "Таргум" и был признан решающим авторитетом в вопросах, связанных с объяснением сомнительных слов.

Он был чрезвычайно строг в поддержании дисциплины в качестве директора Академии; он выпорол одного из студентов — Натана бар Ассу — за то, что тот пешком шел из Академии в Пумбедиту на второй день одного из фестивалей. Те несколько лет, в течение которых он занимал свой пост, были во многих отношениях полны озлобления. Он был поражен тяжелой болезнью, из-за которой потерял память, и поэтому его ученикам часто приходилось напоминать ему, что он сам когда-то учил их тем самым фактам, которые он тогда оспаривал. Хотя они старались щадить его чувства, обращая его внимание на абсурдные ошибки, тем не менее, в своем раздражении он расценил эти исправления как пренебрежение и жалобно воскликнул: "Будьте снисходительны к старику, которого несчастье заставило забыть все, чему он научился; и не забывайте, что фрагменты первых таблиц Закона сохранились рядом с целыми таблицами".

Тяжелую судьбу Джозефа можно рассматривать как типичный пример упадка метода обучения, который зависел от силы памяти. Он накапливает сокровища науки и традиции, охраняя каждый атом своего запаса так же мучительно, как скряга, и предупреждает все влияния, оказываемые использованием интеллекта, как если бы они могли затемнить его зеркальную чистоту; но в неудачный момент запас, который был с таким трудом собран, внезапно исчезает; память стирается, и не остается средств вернуть утраченные сокровища.

Соранская школа, дом культуры, также начала приходить в упадок из-за пренебрежения дальнейшим развитием Закона. После смерти Часды пост директора в течение двенадцати лет (309-320) занимал сын Хуны, Рабба или Раб Абба; но прилежных юношей больше привлекала восходящая звезда Пумбедитской академии. По этой причине скромность раббы - единственное обстоятельство, в связи с которым сохранилась какая-либо память о нем. После смерти раббы бар Хуны Соранийская академия опустела, и ее не посещали до тех пор, пока полвека спустя она не начала восстанавливать свою утраченную известность.

После смерти Джозефа колледж был в замешательстве относительно того, кого ему следует назначить его преемником. Было четверо, которые казались достойными занять этот пост, поскольку все были одинаково уважаемы; это были Абай, Раба, Зейра II и Рабба бар Матана. Соответственно, коллегия решила проголосовать за того, кто даст на поставленный вопрос наиболее яркий ответ, против которого не могло быть никаких возражений. Абайи одержал победу в этом интеллектуальном турнире и был выбран директором школы. Абайи, фамилия которого была Нахмани (родился около 280 года, умер в 338 году), был сиротой; его отец Кайлил умер до, а мать сразу после его рождения. Гувернантка заняла место его матери, в то время как Рабба, проницательная возлюбленная из Пумбедиты, заменила его отца. После смерти Абайи с благодарностью и волнением отзывался о своей приемной матери и дал ее имя нескольким целебным препаратам. Своему дяде Раббе Абай был обязан своим знанием Закона и искусством в талмудической диалектике. Как и Раба, его современница Амора, он в ранней юности возлагал на себя большие надежды, и о них часто говорили: "Бутон показывает, какой будет дыня". Судя по всему, Абай обладал весьма скромным состоянием. Однако, как и у большинства вавилонских законоучителей, у него было собственное небольшое поле, которое он обрабатывал с помощью свободного человека. Его характер был мягким и уступчивым, и он сохранял эти качества в своем общении с различными классами общества. Его максима

гласила: человек должен быть проникательным в страхе Божьем, мягким и примирительным в своей речи и пребывать в мире со своими братьями, со своими отношениями, фактически, со всем миром, даже с язычниками за границей, чтобы он мог быть любимым и уважаемым и обладать влиянием на своих ближних. В то время мнения, слова и поступки все еще были одними и теми же. Честность Абайи признавали даже те самаритяне, которые жили в Вавилонии. Однажды потеряв осла, которого нашли какие-то самаритяне, они вернули его владельцу, хотя он не смог назвать какой-либо особый знак, по которому его можно было бы узнать. "Если бы ты не был Нахмани, - сказали они ему, - мы не вернули бы осла, даже если бы на нем были какие-то особые отметины". Под руководством Абайи в Пумбедитской академии (333-338 гг.) число студентов сократилось примерно до двухсот, и поэтому в память о толпе ученых, стекавшихся туда во времена его предшественников Раба и Хуны, он называл себя "сиротой из сирот". Дело было не в том, что учеба теперь вызывала меньше интереса и удовольствия, чем раньше, а в том, что у Абая появился соперник в лице Раба, который основал собственную школу в Мачузе на Тигре, куда он привлек многих учеников. Оба этих учителя довели пумбедитский метод до его величайшего совершенства. Соперничая друг с другом в таланте и изобретательности, они нашли ответы на вопросы, которые Рабба и Джозеф не смогли решить.

Традиции, которые передавались из поколения в поколение, больше не давали материала для обсуждения, каждый вопрос, который они выдвигали, уже был тщательно прояснен; поэтому новые темы выдвигались и решались с помощью признанных формул. Эта тонкая талмудическая диалектика получила имена своих наиболее опытных адептов и была известна как "Хавайот (размышления) д'Абайи ве Раба".

Перед смертью Абайи услышал о жестоких преследованиях, которым подверглись его единоверцы в Иудее при Констанции. Беглецы, которые принесли эту печальную весть в Вавилонию, также принесли с собой новые Галахи, из круга, главой которого был Йоханан, и таким образом вдохновили ученых учеников Вавилонии с новой силой.

Абайи умер в расцвете сил (338). После его смерти должность директора была передана Рабе бар Джозефу бар Чаме из Мачузы (родился 299, умер 352) без какого-либо обсуждения, как будто это ожидалось как нечто само собой разумеющееся. Раба был богат, талантлив и проникателен, но обладал своими слабостями, из-за которых его считали ниже своих собратьев-амораимов, хотя он и превосходил их по остроте интеллекта. Он был хорошо знаком со своим собственным характером и описал себя следующими словами: "Я всегда лелеял три желания, из которых, хотя два были исполнены, третьего я не удостоился. Я желал учености Хуны и богатства Хасды и получил и то, и другое; но неприятная скромность раббы бар Хуны была мне не свойственна". Хотя он был выше большинства своих соотечественников, его характер, тем не менее, был запятнан определенными особенностями мачузанов; он был роскошным, гордым и властолюбивым, и хотя его соотечественники не пользовались лучшей репутацией в Вавилонии, он льстил им чрезмерно. Он чрезвычайно желал завоевать и сохранить их расположение. "Когда я стал судьей, - рассказывает он, - я боялся, что больше не сохраню привязанности мачузанов, но поскольку они признают мою беспристрастность в вынесении решений, все должны либо ненавидеть, либо все любить меня". Абайи, по-видимому, осуждал эту склонность Раба жертвовать моральным достоинством ради приобретения народной благосклонности. "Когда законоучитель, - сказал он, - слишком любим своими согражданами, это происходит не из-за его великих заслуг, а из-за его

снисходительности, которая заставляет его воздерживаться от привлечения внимания к их порокам и от серьезного порицания их".

Уже упоминалось, что жители Мачузы происходили по большей части от прозелитов, по этой причине аристократические вавилонские евреи запрещали заключать с ними браки. Поскольку мачузаны, таким образом, казалось, были в растерянности, как заполучить жен, Зейра II публично заявила, что им разрешено вступать в брак с лицами, рожденными вне брака. Однако это разрешение, подразумевавшее своего рода унижение мачузцев, было настолько оскорбительным для их гордости, что они чуть не забили его до смерти камнями из фруктов, которыми были украшены шатры (инцидент произошел во время празднования праздника Кущей), точно так же, как однажды царь Александр Янней подвергся нападению во внешнем дворе храма. Раба едва мог найти достаточно суровые слова, чтобы обвинить Зейру в прямоте: "Кто бы осмелился принять столь необдуманное решение в сообществе, насчитывающем так много потомков прозелитов!" Чтобы еще сильнее привлечь на свою сторону расположение населения, он продемонстрировал, вопреки теории Зейры, что прозелиты могут жениться даже на дочерях священников, и ему удалось этой лестью так очаровать мачузанов, что они завалили его подарками из шелковых тканей. В последующие времена Раба пытался ограничить равенство, которое он слишком свободно предоставлял прозелитам, вероятно, из-за того, что это вызвало недовольство в различных кругах; в то же время он заметил, что прозелиты могут вступать в союз с незаконнорожденными семьями. Это решение вызвало недовольство, и Раба успокоил своих соотечественников следующими словами: "Я хотел вам только добра и оставляю вас свободными действовать в любом случае".

Еще одним недостатком Раби было то, что, хотя он был чрезвычайно богат, он не был полностью свободен от алчности, которой он несколько раз позволял проявляться. Прозелит из Мачузы, Иссор по имени, передал Рабе сумму в 12 000 су (динаров), чтобы завещать ее своему сыну, который воспитывался как студент юридического факультета. Иссор заболел, и Раба решил сохранить эти деньги как собственность, у которой не было наследника, поскольку прозелит не мог оставить свое состояние сыну, родившемуся до принятия им иудаизма, поскольку талмудический закон не признает такого отпрыска сыном. Как бы то ни было, директор школы, знакомый со всеми тонкостями Закона, был полон решимости аннулировать распоряжение Иссором своим состоянием в пользу своего сына. Тем временем другой человек, столь же хорошо знакомый с Законом, предположил встревоженному отцу, что, хотя ему и не разрешили передать деньги, о которых идет речь, своему сыну по завещанию, он, тем не менее, волен сделать это, заявив при свидетелях, что деньги принадлежат последнему. Раба был сильно разгневан человеком, предложившим этот совет, и так горько жаловался на этот тайный совет, как если бы таким образом его лишили законно нажитого состояния. Поведение Раба также нарушило общепринятую галаху, в которой рассматривается аналогичный случай. Согласно этому закону, хотя мужчина не обязан передавать тем из сыновей, которые могли стать прозелитами, имущество, переданное ему на хранение язычником, которым последний не распорядился иным образом, тем не менее, сокрытие этого имущества от них является преступлением против высших законов морали.

Другим примером эгоистичного поведения Раба является тот факт, что он взимал с арендаторов своих полей более высокую арендную плату, чем это было принято в Вавилонии. Временами его поведение по отношению к людям со скудным достатком отличалось резкостью, которая

находилась в вопиющем противоречии с доктринами милосердия, в равной степени проповедуемыми Галахами и Священными Писаниями.

Поведение его брата Саурима было еще более бессердечным; он выдавал себя за морального цензора, и всякий раз, когда кто-либо из более бедных членов общины казался ему недостаточно религиозным, он превращал их в рабов и заставлял носить его на своих позолоченных носилках. Даже против такого поведения Раба не было возражений, но он санкционировал произвол своего брата, сославшись на давно забытый закон, который поощрял обращение с евреями как с рабами, в случае, если они больше не жили в соответствии с Законом.

В этот период простые манеры и честность, которые были присущи евреям Вавилонии в прежние времена, у многих из них пришли в упадок, уступив место роскоши, тщеславию и жажде власти. Многие законоучители были одеты в великолепные одежды, и их носили на позолоченных носилках. Они больше не чувствовали себя единым целым с народом, из которого вышли, но составляли особую касту, класс патрициев, которые взаимно защищали и поддерживали интересы друг друга, с гордостью и презрением взирая на низшие слои населения. Сам Раба признавался, что всякий раз, когда его вызывали для решения вопроса права, в котором был замешан человек того же класса общества, что и он сам, он не мог уснуть, пока ему не удавалось истолковать закон в свою пользу. Если член школы приносил свою продукцию на рынок, ему предоставлялась привилегия продавать ее раньше всех, чтобы он мог получить более высокие цены. Дело члена общины всегда сначала заслушивалось в суде. Преподаватели права в таких общинах, которые платили налоги единовременно, были освобождены от всех налогов. Раба разрешал сподвижникам в местах, где они не были известны, заявлять о своем ранге, чтобы они могли пользоваться преимуществами, связанными с этим. Какой контраст с прежними временами, когда танаиты колебались, даже рискуя своей жизнью, извлекать какую-либо пользу из своего знания Закона! Раба пошел на крайние меры, чтобы предоставить докторам Закона привилегии. Он разрешил своим сообщникам выдавать себя за поклонников огня, чтобы избежать уплаты *чарага*.

Образ действий, которого таким образом придерживались ученые классы, постепенно пробудил к ним неприязнь в народе. Низшие классы презрительно называли их "этими учеными". Насмешка, выраженная этим эпитетом, должно быть, была настолько горькой, что со своей стороны законоучители клеймили еретиками (эпикурейцами) всех, кто употреблял это выражение. Таким образом, ученость больше не получала признания. "Какая нам польза от ученых?" люди спрашивали себя: "все их знания используются для их собственной выгоды". Во главе этой оппозиции раввинам стояла семья врача Вениамина из Мачузы, которая, по-видимому, имела большое значение, поскольку Раба уделял большое внимание ее членам. "Какую пользу мы на самом деле извлекаем из учителей Закона?" — говорили они насмешливо. "Они не могут ни разрешить нам есть ворон, ни запретить нам есть голубей?" - имея в виду, что, несмотря на всю свою диалектику, они не смогли выйти за рамки установленных обычаев. Хотя Раба объявил это высказывание Бенджамина Асси еретическим, не похоже, что он отлучил его от церкви, скорее, он относился к нему с большим уважением; вероятно, последний принадлежал к свите принца Плена.

Тем временем рвение к изучению Закона значительно возросло. Ученики в еще большем количестве, чем раньше, стекались в академию Раби в Мачузе, пренебрегая в своем рвении

коммерческими занятиями. Раба был вынужден предостеречь их от подобных излишеств: "Я прошу вас не приходить в мою школу весной и осенью, чтобы вы не пренебрегали временем сбора урожая и приготовления вина и масла и поэтому не были обеспокоены в течение всего года житейскими заботами". Беседы Раба были даже более популярны, чем выступления Абайи, из-за ясности его объяснений, точности его разграничений и смелости его обращения с предметом традиции. Раба решительно отдавал предпочтение анализу Мишны, а не голому изучению ее сухого предмета. Первый метод открывал широкое поле для применения диалектических способностей, в то время как Мишна, взятая в ее простейшем смысле, стала просто предметом запоминания. По этой причине Раба поставил амораимов выше танаитов; первые объяснили, или лучше объяснили, те моменты, которые были сомнительны для последних. Он привык говорить, что зернышко перца (острота) лучше, чем полная корзина дынь. В отличие от Зейры I, которая была противником того метода обучения, который поощрял остроумное рассуждение, и высоко ценила простоту Мишны, Раба заявил, что "тот, кто разбивает камни, тем самым вредит себе (Екклесиаст. х. 9); так характеризуются те, кто знает только Мишну; но тот, кто колет дрова, согревает себя; таковы те, кто знаком с Талмудом". Истинный Талмуд, привлекательное собрание приятных вопросов, ответов, сравнений и различий, высокий полет мысли, которая, начиная с определенной точки, с быстротой молнии преодолевает промежуточные этапы цепочки рассуждений, диалектическая форма Талмуда является продуктом этого периода. Триумвират, Рабба, Абайи и Раба, были талмудистами в истинном значении этого слова, *то есть* диалектиками. В этом смысле Талмуд был творением пумбедитской и мачузанской школ. В Иудее едва ли существовало представление об этом. Благодаря своим обширным приобретениям, глубокому интеллекту, а возможно, также из-за своего богатства, Раба оставался единственным авторитетом во время своего пребывания во главе академии. К нему обращались с вопросами даже из Иудеи, когда частые гонения при Констанции и Галле повергли Святую Землю в глубочайшие страдания.

Этот период отнюдь не был самым счастливым для еврейских подданных персидской короны; они не были пощажены во время упорной борьбы между Римом и Персией. Персидская армия была расквартирована в Мачузе, и ее должны были содержать жители города. Поскольку население было полностью еврейским, эта обязанность была сопряжена со многими неудобствами. Шабур II не был другом евреев. В древние времена многочисленные еврейские семьи были перевезены в Армению и теперь жили там в своих собственных городах; из них Шабур увел огромное количество (по оценкам, 71 000) в плен и поселил их в Сузиане и Испахане. Этот последний город, который ранее был столицей персидской империи, получил название Иегудия по имени многих евреев, поселившихся там после плена. Шабур, по-видимому, притеснял евреев Вавилонии в не меньшей степени, поскольку Раба был вынужден тратить значительные суммы денег на предотвращение преследований. Его друзья превозносили его удачу в том, что он в определенной степени избежал несчастий, на которые был обречен еврейский народ, видя, что до сих пор он не подвергался никаким поборам. На эти поздравления Раба ответил следующим образом: "Вы не представляете, как много я обязан тайно сделать для двора Шабура!" Однажды ему с большим трудом удалось избежать личной опасности, которая угрожала ему в качестве директора школы. Он приказал выпороть еврея за то, что тот имел плотские сношения с персидской женщиной, и это наказание привело к смерти виновного. Случай, о котором стало известно Шабуру, он приказал подвергнуть Рабу суровому наказанию за осуществление уголовной юрисдикции. Последний, похоже, избежал наказания бегством, но его дом был разграблен. Все дальнейшие последствия этого происшествия были

предотвращены Ифрой, королевой-матерью, которая, как сообщается, сказала своему сыну: "Ни в коем случае не вмешивайся в дела евреев, ибо Бог дарует им все, о чем они молятся". В разительный контраст со своим сыном Ифра-Ормузд питала особую симпатию к евреям, и в частности к законоучителям, которым она порой удостаивала заглянуть в самые потаенные уголки своего сердца. Точно так же, как раньше она послала кошелек с золотом Иосифу, теперь она отправила Рабе 400 золотых динаров. Современник Рами придерживался мнения, что от этого подарка следует отказаться, поскольку принимать милостыню от язычников было незаконно. Несмотря на это, Раба принял деньги, но распределил их среди языческой бедноты. Королева-мать Ифра также послала директору школы в Мачузе животное для жертвоприношения, которое, по ее просьбе, могло быть принесено в жертву в соответствии с еврейскими обрядами, чтобы доказать ее преклонение перед единственным Богом. Раба не дожил ни до введения календаря Гиллелем, ни до короткого периода, в течение которого евреям улыбалось процветание. Он умер, проработав на своем посту четырнадцать лет.

После смерти Раби значение Мачузы начало снижаться, и Пумбедита, которая неохотно уступила пальму первенства Рабе, теперь заняла свое прежнее положение. Примечательно, что с этого времени воцарилась посредственность, как будто интеллектуальная деятельность нуждалась в отдыхе после стольких усилий. Ни один из преемников Раба не смог в достаточной степени компенсировать свою потерю. Директора вавилонских школ, Нахман бен Исаак, Папа и Хама из Нахардеи, не обладали заметной важностью; пумбедитский дух строгого анализа и остроумной диалектики действительно культивировался, но ни в коей мере не продвинулся вперед.

Нахман бен Исаак (родился около 280 г., умер в 356 г.) был выбран лидером пумбедитской метибты, но только из-за его преклонного возраста, необычайного благочестия и, возможно, также из-за его независимости. Его пребывание на этом посту продлилось всего более четырех лет и не запомнилось какими-либо примечательными чертами. В этот период в Наресе, недалеко от Соры, была основана новая академия, расположенная на одноименном канале.

Основателем этой новой академии, директором которой он стал, был папа бар Чанан (родился около 300 года, умер в 375 году). Он рано остался сиротой, был богат и по профессии варил финиковое пиво. Его друг, Хуна бен Джошуа, не менее богатый, и его партнер по бизнесу, стал преподавателем в этой академии. Но вдвоем они не смогли заполнить пустоту, образовавшуюся после смерти Раби. Это правда, что члены академии Мачузан собрались вокруг них; но вскоре появилась возможность провести сравнения, результаты которых были далеко не благоприятными для новых вождей.

Следующий анекдот поможет лучше понять характер директора академии Нарес. Несколько молодых преподавателей Права приехали в Нарес, чтобы присутствовать на папиных лекциях. Этот последний, однако, привел своих подданных в такое замешательство, что они тайком начали подавать друг другу знаки. Папа, увидев это, был чрезвычайно огорчен и сказал им: "Пусть присутствующие уйдут отсюда с миром". Другой участник, некто Симаи бар Аши (отец Аши, который позже прославился), приставал к папе с вопросами, которые значительно превосходили его скромные возможности. Папа, отчаявшись опозориться перед своими учениками, бросался ниц в молитве и умолял милосердного Бога уберечь его от ужасного

чувства замешательства. Симай, бывший ненаблюдаемым свидетелем этой горячей молитвы, решил, что отныне он будет хранить молчание и больше не будет невольно оскорблять папу.

В Галахе папа был представителем школы, которая была настолько лишена самостоятельности, что ее приверженцы даже не придерживались собственного мнения относительно взглядов других. Всякий раз, когда два или более противоречивых мнения ставили под сомнение значение той или иной заповеди Закона, папа говорил: "Давайте примем обе точки зрения или будем действовать в соответствии со всеми этими мнениями". Папа оставался на своем посту в течение девятнадцати лет (355-375), и оцепенение, в которое были повергнуты все умы в этот период, было рассеяно только его преемником. У Пумбедиты был принципал, столь же незначительный, как у Чама из Нахардеи, о характере которого достаточно рассказать одного анекдота. Царь Шабур спросил его, основана ли практика погребения мертвых на Торе, или это просто древний обычай. Вопрос возник из-за обычая персов, которые не хоронили и не сжигали трупы своих умерших. Чама, однако, не смог привести ни одного отрывка из Священного Писания в поддержку погребения. Аха бен Якоб, член семьи принца Плена, и поэтому удостоенный чести говорить многие вещи, выразил следующее мнение об этом руководителе: "Мир отдан в руки глупцов; почему он не привел в пример стих "И ты похоронишь его в тот же день"?"

В течение двадцати одного года (356-377), в течение которого Хама занимал свой пост, в Римской империи произошли изменения, которые не прошли бесследно для общин Иудеи и Вавилонии. Племянник императора Констанция, Юлиан, произвел переворот, который, однако, был лишь временным. Император Юлиан был одним из тех выдающихся личностей, чьи имена неизгладимо врезаются в память человека. Только ранняя смерть и ненависть правящей Церкви помешали ему получить титул "Великого". Хотя он был членом семьи Константина, братоубийственный меч Константинов висел над его головой, и страх смерти вынудил его лицемерно присоединиться к христианской религии, которую он ненавидел. Почти чудом он был назначен соправителем своим дядей Констанцием, который ненавидел его от всего сердца и уже созвал совет по поводу его смерти. Военный мятеж в его пользу и неожиданная смерть его врага Констанция привели к тому, что Юлиан получил исключительную власть. Известный в истории Церкви как Отступник (Apostata, Parabata), Юлиан считал долгом своей жизни реализовать идеал, который подсказало ему общение с его учителями, Либанием и Максимом, и который был еще более облагорожен его богатым умом. Его любимыми мыслями были защита угнетенных всех наций и религий, содействие благосостоянию всех своих подданных, особенно путем облегчения бремени налогов, возрождение философских наук, которые были осуждены христианскими императорами, восстановление древней религии, освобожденной, однако, от ее наиболее заметных изъянов, которые сделали ее такой презренной и смешной; наконец, ограничение христианства, которое приобрело такую большую силу за столь короткий период, в надлежащих пределах. Однако, помня о преследованиях, которым подвергался он сам, он воздержался от ответных мер против христиан, несмотря на их манию преследования. Тем не менее, он желал сдерживать их посягательства и поэтому лишил их влияния в гражданских и научных вопросах и попытался понизить их в глазах образованных классов, используя оружие интеллекта и тонкую сатиру. Он называл Иисуса галилеянином, которого легкое возвысило до бога, и называл христиан галилеянами. По этой причине он был еще более дружелюбен к евреям и был единственным императором после Александра Севера, проявившим серьезный интерес к иудаизму. У него было больше причин предпочесть иудаизм, чем одна. Воспитанный в христианской религии, он познакомился с иудаизмом через Святую Библию, и чем больше

христианство ненавидело и преследовало иудаизм, тем с большим благоговением он к нему относился. Император даже признал, что был сильно потрясен жестоким притеснением, которому подвергались евреи во время правления Констанция, когда победившее христианство заклеило их религию как богохульную. Юлиан был под большим впечатлением от Бога иудаизма, описанного в Священном Писании, и признал его "Великим Богом". Однако он отказывался верить, что, кроме Него, не существовало других богов. Особенно он восхищался доброжелательностью евреев и был поражен тем, что они заботились о своих бедных с таким усердием, что среди них не было нищих. Он также желал глубоко унижить христиан тем предпочтением, которое он оказывал евреям, поскольку первые прилагали большие усилия, чтобы доказать превосходство своей религии путем унижения последних. Он питал особое пристрастие к культу жертвоприношений, и по этой причине ему особенно нравилась еврейская система жертвоприношений, торжественная пышность Храма и священников. Император упрекал христиан в том, что они отвергли Бога и поклонение иудаизму, но особенно он винил их за то, что они отказались от жертвоприношения. Это правда, что евреи тогда не приносили жертвоприношений, но это было только потому, что у них больше не было Храма. Наконец, Юлиану, возможно, пришла в голову идея склонить вавилонских евреев в свою пользу для персидской войны, которая сейчас занимала все его внимание. Он желал если не заручиться их активной поддержкой, то, по крайней мере, помешать им оказывать фанатичное сопротивление.

Правление Юлиана, длившееся менее двух лет (с ноября 361 по июнь 363 г.), было периодом чрезвычайного счастья для евреев Римской империи. Император благоволил к ним, освобождая их от угнетения и от позора, который влекла за собой насмешка над богохульством. Он назвал патриарха Гиллеля своим почтенным другом и почтил его письмом с автографом, в котором заверил его в своей доброй воле и пообещал попытаться положить конец несправедливостям евреев. Он также обратился с посланием ко всем еврейским общинам империи и начал подготовку к восстановлению Храма в Иерусалиме, который стал христианским городом со времен Константина. Императорское послание, резко контрастирующее с порядком обращения, принятым двумя первыми христианскими императорами, достаточно примечательно, чтобы заслуживать сохранения. Письмо (написанное в Антиохии осенью 362 или зимой 363 года) гласило следующее:

"Еврейским общинам.—Более тяжелым для вас в прошлом, чем ярмо зависимости, было то обстоятельство, что на вас были наложены новые налоги без предварительного уведомления, и вы были, таким образом, вынуждены поставлять огромное количество золота в императорскую казну. Я многому научился из личных наблюдений, но еще больше из налоговых ведомостей, которые сохранялись в ущерб вам и на которые я случайно наткнулся. Я сам отменил налог, которым намеревались обложить вас, и таким образом положил конец несправедливым попыткам оклеветать вас; я собственными руками предал огню налоговые списки против вас, которые я обнаружил в своих архивах, чтобы в будущем никто не мог выдвинуть против вас подобное обвинение в богохульстве. В этом был виноват не столько мой брат Констанций Славный, сколько те варвары по мысли и безбожники по духу, которые изобрели такую систему налогообложения. Своей собственной рукой я вверг их глубочайшему разрушению, так что даже воспоминания об их падении не останется у нас. Желая оказать вам еще большую милость, я призвал моего брата, достопочтенного

патриарха Юлоса (Гиллеля), прекратить взимание с вас так называемого Апостольского сбора, и впредь пусть никто больше не притесняет вашу нацию сбором подобных податей, чтобы повсюду в моей империи вы могли быть свободны от забот; и таким образом, в полном наслаждении миром, пусть вы обращаете свои горячие молитвы за мою империю к Всемогущему Создателю Вселенной, который поддерживал меня Своей сильной десницей. По-видимому, дело в том, что те, чья жизнь проходит в тревоге, ленивы духом и не осмеливаются поднять руки в мольбе о процветании своей страны. Но те, кто освобожден от всяких забот и радуется всем сердцем, могут направить свои искренние молитвы о благополучии империи Всевышнему, который может наилучшим образом способствовать моему правлению в том виде, в каком я предполагаю править. Так ты должен поступить, чтобы по счастливом окончании персидской войны я смог посетить Иерусалим, Святой Город, который будет отстроен за мой счет, как ты желал видеть его восстановленным в течение стольких лет: тогда я объединюсь с тобой в вознесении хвалы Всемогущему".

Неизвестно, какое впечатление произвело это милостивое письмо, которое, будучи даже более подкупающим, чем послание Кира вавилонским изгнанникам, было подобно капле освежающей росы после долгой засухи. Единственный рассказ, заимствованный из еврейской традиции, повествует о том, что евреи применили к Юлиану следующий стих (Даниил хі. 34): "Теперь, когда они падут, они будут спасены с небольшой помощью". Таким образом, предполагается, что Даниил пророчествовал, что после того, как еврейский народ пострадает от рук Галла, Юлиан окажет им помощь своей поддержкой и обещанием восстановить Храм.

Между тем Джулиан не забыл выполнить свое обещание. Хотя он был чрезмерно занят приготовлениями к персидской войне, тем не менее в глубине души мечтал о восстановлении Иерусалимского храма из его руин. Для этой цели он назначил специального главного надзирателя в лице своего лучшего друга, ученого и добродетельного Алипия из Антиохии, и призвал его не жалеть средств при восстановлении. Губернаторы Сирии и Палестины получили приказ оказывать Алипию помощь всем необходимым. Строительные материалы были уже подготовлены, и рабочие были собраны в большом количестве с целью расчистки руин, которые грудями лежали на месте Храма с момента его разрушения почти триста лет назад. Евреи, по-видимому, не были заинтересованы в восстановлении Храма, поскольку еврейские власти хранят полное молчание по поводу этого факта, а истории о рвении евреев к восстановлению, которые передаются более поздними христианскими источниками, являются чисто вымышленными. Говорят, что отдаленные общины перечисляли суммы денег на восстановление Храма, и даже утверждается, что женщины продавали свои украшения и приносили камни на колени. Но во всем этом не было необходимости, поскольку Джулиан в изобилии снабдил его и строительными материалами, и рабочими. Христиане также распространили слух, что Юлиан только притворялся доброжелательным по отношению к евреям, чтобы склонить их к язычеству. Особенно злобной является история о том, что евреи разрушили несколько церквей в Иудее и соседних странах и угрожали причинить христианам столько же зла, сколько они сами пострадали от рук христианских императоров. Сообщение о том, что примерно в этот период христиане Эдессы вырезали все еврейское население этого города, более достоверно. Можно с уверенностью предположить, что надежда на восстановление своего государства, вызвавшая две или три революции и стоившая стольких жертв, погасла в сердцах евреев. Восстановление их бывшего великолепия теперь ожидалось только при появлении Мессии. Без последнего Храм казался бы совершенно абсурдным, согласно взглядам, которых придерживались в то время, и еще меньше было бы возможно,

чтобы римский император считался Мессией. Общеизвестным было мнение, что "Бог связал еврейский народ клятвой не перелезть через стену (*т. е.* восстанавливать Государство силой) и не бунтовать против правящих народов, но терпеливо нести их иго до пришествия Мессии и не пытаться приблизить этот период насилием".

Между тем христиане с завистью смотрели на начало работ (весна, 363). Однако безразличие евреев, по-видимому, больше, чем что-либо другое, способствовало приостановке восстановления из-за различных препятствий, с которыми пришлось столкнуться. По случаю сноса руин и выемки фундамента вспыхнул пожар, в результате которого погибло несколько рабочих. Этот подземный пожар, несомненно, произошел в проходах, которые раньше существовали под Храмом, и возник из газов, которые долгое время были там сжаты и которые, внезапно освободившись от давления, воспламенились при соприкосновении с воздухом наверху. Эти внезапные взрывы повторялись неоднократно и приводили рабочих в уныние, так что они постепенно бросали работу. Если бы евреи более горячо интересовались восстановлением, вряд ли они позволили бы себе обескуражить себя таким препятствием, которое было каким угодно, но только не непреодолимым; горячий энтузиазм не чуждается жертв. Но, лишенный теплого участия евреев, Алипий также утратил энтузиазм и ждал дальнейших приказаний от императора. Однако Юлиан, как говорят, обвинил христиан в том, что они вызвали пожары в подземных переходах, и пригрозил построить тюрьму для христиан из руин Храма по возвращении с войны. Но эта история, которая, как и большинство других, связанных с этим событием, почерпнута из христианских источников, совершенно не заслуживает доверия. Христианские авторитеты следующего поколения передают самые удивительные истории о чудесах, которые, как говорят, произошли во время этой нечестивой перестройки, целью которой было предостеречь упрямых евреев и прославить Христа.

Исход персидской войны, каким бы несчастлив он ни был для Юлиана, также был рассчитан на то, чтобы лишить евреев их недолгого ликования и подготовить новый триумф для христиан. Юлиан сосредоточил все римские силы и воспользовался всеми возможными средствами, чтобы не уступать по силе своему противнику Шабуру II. Шабур, со своей стороны, поставил перед собой задачу освободить Азию от римского владычества. Юлиан, однако, грезил золотой мечтой, которая заманила многих римских военачальников, начиная с Красса и Цезаря, в район Евфрата. Его честолюбивым намерением было водрузить римского орла на другом берегу Тигра.

Европа и Азия снова оказались лицом к лицу. Ареной войны была, по большей части, провинция еврейская Вавилония. Невозможно определить, на чьей стороне были евреи. Город Фируз-Шабур, в котором проживало много евреев, подвергался упорной осаде в течение трех дней, был вынужден капитулировать и, наконец, сожжен. Жители спаслись на небольших лодках по каналам Евфрата. Таким образом, поведение еврейских жителей Фируз-Шабура по отношению к Джулиану остается неясным. Но город Битра (правильнее Бирта), который был полностью населен евреями и был окружен низкой стеной, демонстрировал дух враждебности; он был полностью покинут населением, и солдаты, дав волю своему воинственному азарту, сожгли его дотла. Город Мачуза (Маога-Малка), который был в известной степени пригородом Ктесифона, удерживался персидским гарнизоном; он подвергся ожесточенной осаде и оказал столь решительное сопротивление, что всей военной силы римлян едва хватило для его падения. Мачуза, резиденция академии Раба, гордые еврейские жители которой соперничали по великолепию со столичными жителями, пала через десять лет после смерти Раба (363 г.) под ударами римских катапульт и превратилась в груду развалин. После войны он был снова

отстроен. Несмотря на успехи, которых Юлиан добился в стране врага, ему не удалось добраться до Ктесифона. Он потерял не только плоды своих побед, но даже свою жизнь из-за своей опрометчивости. Он был сражен стрелой, как говорят, выпущенной христианином из его собственной армии. Спокойно, как и подобает философу, Джулиан испустил дух. Рассказывают, что за несколько минут до своей смерти он воскликнул: "Ты победил, о галилеянин!"

Смерть Юлиана в окрестностях Тигра (июнь 363 г.) лишила евреев последнего луча надежды на мирное и никем не тронутое существование. Однако его благосклонность оказывалась настолько эффективной, что эдикты, изданные Константином и Констанцием против евреев, не были немедленно возобновлены; постановления Юлиана оставались в силе в той мере, в какой они не затрагивали привилегий евреев. Иовиан, преемник Юлиана (июнь 363 г. - февраль 364 г.), был вынужден заключить позорный мир с победоносным Шабуром; он прожил слишком мало времени, чтобы успеть произвести какие-либо изменения. Он разрешал своим подданным свободно заявлять о своей приверженности любой религии, которую они выберут, не подвергаясь при этом никакому ущемлению. В очередной раз Римская империя была разделена между двумя правителями, Валентинианом I (364-375) и Валентом (364-378). Последний, который был императором Востока, был арианином и слишком сильно пострадал от могущественной католической партии, чтобы самому проявлять нетерпимость. Он защищал евреев и даровал им почести и отличия. Его брат, Валентиниан I, император Запада, также избрал политику терпимости в борьбе между католиками и арианами и разрешил исповедовать обе религии без каких-либо политических неудобств, связанных с этим (371). Эта терпимость была распространена и на евреев.

ГЛАВА XXII. ПОСЛЕДНИЕ АМОРАИМЫ.

Упадок Римской империи—Аши и редакция Талмуда—Джездиджирд II—Евреи при императорах Феодосии I и его преемниках—Исчезновение Патриархата—Златоуст и Амброзий—Фанатизм духовенства—Иероним и его еврейские учителя—Мар-Зутра—Пятое и шестое поколения амораимов—Еврей при Фирузе—Еврейские колонии в Индии—Завершение работы над Вавилонским Талмудом —Его Дух и содержание.

375-500 гг. н. э.

Период, в течение которого Римская империя приближалась к состоянию полного распада, знаменует собой эпоху упадка и возрождения, разрушения и возрождения, разорения и реконструкции в мировой истории. Буря, разразившаяся на севере, под Китайской стеной, принесла за собой черную грозовую тучу и сокрушила гигантское дерево Римской империи, которое, безжизненное и безлистное, до сих пор продолжало существовать только благодаря силе притяжения; теперь не осталось ничего, кроме груды щепок, игрушки любого капризного ветра. Неотесанные гунны, бич Божий, гнали перед собой орду за ордой, племя за племенем, имена которых память отказывается сохранять, а язык - произносить. Период переселения народов почти буквально подтверждает слова пророка: "Земля шатается, как пьяный, и грехи ее тяжким бременем лежат на ней; она падает и не может подняться, и Господь Зеваоф наказывает

отряды небесные на небесах и царей земных на земле". Неудивительно, что в готах, первой волне переселения племен, наводнившей и опустошившей Римскую империю, евреи не преминули обнаружить Гога из земли Магог, о котором пророк сказал: "Ты взойдешь и придешь, как буря, ты будешь, как облако, чтобы покрыть землю, ты и все твои отряды, и множество людей с тобою" (Иезекииль xxxviii. 9).

В этой замечательной череде исчезновения наций и их образования еврейские мыслители убедились, что еврейский народ вечен: "Одна нация возникает, другая исчезает, но один Израиль остается навсегда". Варварские племена, мстители за давно поработанные народы, поселились на разрушенных территориях Римской империи, дикие растения, которые были выращены только властной рукой истории, неотесанные дикари, которых цивилизовали серьезным учением. В это тяжелое время, когда ни один человек не мог быть уверен в завтрашнем дне, лидеры иудаизма в Палестине и Вавилонии глубоко ощущали необходимость надежно спрятать сокровище, которое было доверено им, чтобы оно не подверглось опасности из-за повседневных происшествий. Началась эпоха сбора урожая, в течение которой урожай, посеянный, выращенный и собранный их предками, был собран под защитой. Предмет традиции, который был так значительно расширен, обогащен и очищен долгой чередой поколений и разнообразием школ, отныне должен был быть приведен в порядок. Эта тенденция компиляции и аранжировки была представлена Ashi.

Раббана Аши (родился в 352 году, умер в 427 году) был сыном Симаи и потомком древнего рода. Он так рано проявил полную зрелость ума, что, будучи еще юношей, восстановил давно заброшенную соранианскую академию на ее прежнем почетном месте. Ему было, конечно, не больше двадцати, когда он стал директором этой школы. Происходя из богатой семьи, Аши владел многими лесами, древесину которых он без зазрения совести продавал, чтобы разжечь священный огонь для поклонения Волхвам. Примечательно, что ничего не известно об истории его юности и образования; нет даже указаний на причину, побудившую его вдохнуть новую жизнь в полуразрушенную соранианскую академию; вероятно, Сора была его родным городом. Он снес и перестроил школу, которая была возведена Рэбом несколько столетий назад и которая уже начала проявлять признаки упадка; и чтобы не допустить задержек с восстановлением, он принес на это место свою кровать и оставался там день и ночь, пока не были заделаны водостоки в доме. Школа Сора была построена на возвышении так, чтобы из нее открывался вид на весь город. Великолепные качества Аши настолько впечатлили его современников, что он считался высшим авторитетом - положение, которого ни один человек не мог достичь после смерти Раба. Аши объединил доскональное знание всего свода Законов, характерных для Соры, с пумбедитской диалектикой и таким образом удовлетворил все претензии. Современники присвоили ему почетный титул Раббана ("наш учитель"). За пятьдесят два года, в течение которых продолжалась его общественная деятельность, в Пумбедите семь директоров сменили друг друга. Нахардея, которая не имела никакого значения с момента своего разрушения Бен-Назаром (Оденатом), также снова начала приобретать некоторую известность благодаря академии, открытой там Амемаром (390-420). Но ни один из этих учителей на самом деле не оспаривал превосходства Аши, и Сора снова занял то почетное положение, на которое его поставил Раб. Старейшие амораимы, Амемар и Мар-Зутра, добровольно подчинились власти Аши и возложили на него задачу восстановления единства. Наиболее выдающиеся из них, даже два последовательных принца того периода (Мар-Кахана и Мар-Зутра I) подчинились его приказам. Именно в Соре принцы Плена теперь получали дань уважения от представителей всех вавилонских общин; эта церемония раньше проходила

сначала в Нахардее, а затем, в период расцвета ее академии, в Пумбедите. Это почтение воздавалось каждый год в субботу, в начале месяца Марчешван (осенью), и эта суббота была известна как "Праздник" Принца Плена. Чрезвычайные собрания народа, которые собирались по приказу Принца Плена, с тех пор проводились также в Соре, и по этой причине Патриархи были вынуждены отправиться в этот город, даже если они определили свою резиденцию в каком-то другом месте. Таким образом, Аши сделал Сору центром еврейской жизни в Вавилонии и связал ее со всем, что представляло общественный интерес. Великолепие, с которым его окружали многочисленные собрания, было настолько велико, что Аши выразил удивление по поводу того, что персы-язычники могли быть свидетелями всего этого и не чувствовать себя склонными принять иудаизм.

В результате такой концентрации власти в своей собственной персоне Аши получил возможность взяться за работу, последствия которой были неисчислимы как в отношении судьбы, так и в отношении развития еврейского народа. Он приступил к гигантской работе по сбору и систематизации объяснений, дедукций и дополнений Мишны, которые были включены под названием "Талмуд". Непосредственным мотивом, побудившим к этому начинанию, несомненно, было соображение, что нельзя допустить, чтобы огромное скопление материи, результат труда трех поколений, исчезло из памяти из-за отсутствия интереса. Это, несомненно, имело бы место, если бы не было предусмотрено каких-либо средств, позволяющих легко запечатлеть это в уме. Аши даже тогда жаловался на уменьшение силы памяти в его время по сравнению с прошлыми временами, не принимая, однако, во внимание, что из-за накопления материи память была бесконечно более заряженной, чем раньше. Его успешная обработка этого изобильного материала была облегчена тем фактом, что ему было разрешено работать над ним более полувека. Каждый год по случаю собрания всех членов, учеников и воспитанниц в течение месяцев Калла тщательно изучались определенные трактаты Мишны вместе с талмудическими пояснениями и следствиями, и, таким образом, примерно за тридцать лет более пятидесяти из них были полностью упорядочены. Во второй половине срока своего пребывания в должности Аши во второй раз прошел через все это дело, которое, таким образом, было приведено в порядок. То, что оставалось после этого двойного процесса отсеивания и тестирования, принималось как обязательная сила.

Такое расположение громоздкого материала Талмуда не предназначалось для написания. Сохранение в письменной форме устной традиции, так сказать, воплощение того, что является духовным, все еще считалось преступлением против религии, особенно в тот период, когда христианский мир завладел Священным Писанием как своей собственной духовной собственностью и считал себя избранной частью Израиля. Согласно взглядам того времени, иудаизм теперь не обладал никакими отличительными чертами, кроме Устного Закона. Эта мысль часто находила выражение в поэтической форме— "Моисей просил разрешения посвятить себя написанию Мишны, или Устного Закона, но Бог заранее предвидел, что однажды народы будут обладать греческим переводом Торы и подтвердят: "Мы - Израиль; мы - дети Божьи", в то время как еврейский народ также заявит: "Мы - дети Божьи", и поэтому Он дал знак для этой цели: "Тот, кто владеет моей тайной (mysterion), является моим сыном". Этот секрет - Мишна и устное толкование Закона. Поэтому пророк Осия сказал: "Если бы я написал всю полноту Закона, Израиль считался бы чужаком".

Нет ничего удивительного в том, что такое множество упорядоченных деталей могло сохраняться в памяти, ибо до времен Аши они сохранялись, хотя еще и не были приведены к

порядку. Своим составлением Талмуда Аши завершил работу, начатую Иудой двумя столетиями ранее. Но его задача была бесконечно сложнее. Мишна охватывала только простую Галаху в художественно построенных параграфах Закона. Талмуд, однако, дал также живую часть развития Закона и его духовное содержание, и это с диалектической точностью. Первый импульс к составлению Талмуда знаменует одну из самых важных эпох в еврейской истории. С этого времени Вавилонский талмуд (Талмуд Бабли) стал активным, могущественным и влиятельным элементом. Аши, однако, не полностью выполнил эту гигантскую задачу; ибо, хотя он полностью направил свой пыл на работу по компиляции, творческая сила не была настолько полностью покорена ни в нем, ни в его современниках, чтобы они удовлетворились тем, что полностью ограничили свою энергию работой по компиляции. Напротив, Аши решил многие вопросы, которые оставались сомнительными или на которые предыдущие Амораимы дали неудовлетворительные ответы, и его решения столь же убедительны и остроумны, сколь и просты; на самом деле, часто задаешься вопросом, как его предшественники могли их не заметить. Примерно в это же время был составлен и завершен Иерусалимский или палестинский талмуд. Имя составителя неизвестно. Последними авторитетами, имена которых сохранились, являются Самуэль бар Бун и Йоханан бар Мория, современники Аши.

Период деятельности Аши приходится на правление Джездиджирда (400-420), царя династии Сасанидов, который был благосклонно расположен к евреям. Маги дали этому благородному принцу фамилию "Аль Хатим" (грешник), потому что он отказался отказаться от своей собственной воли и позволить им управлять собой. Он был чрезвычайно хорошо расположен к евреям и в то же время благосклонно расположен к христианам. В дни почитания при его дворе присутствовали три представителя вавилонских евреев: Аши из Соры, Мар-Зутра из Пумбедиты и Аемар из Нахардеи. Хуна бар Натан, который, если и не был принцем Плена, тем не менее должен был обладать значительным влиянием, часто общался с двором Джездиджирда. Этот знак внимания со стороны персидского царя, провозгласившего себя сыном Солнца, почитателем Ормуза и Царем царей Ирана, можно рассматривать как доказательство высокой милости.

Аши был лишен всякого преувеличенного энтузиазма и, по-видимому, пытался подавить надежду на пришествие Мессии, которая держала умы евреев в еще большем напряжении, чем когда-либо, в это время переселения народов и всеобщей революции, когда погрязший в грехах Рим терпел Божье наказание. Было распространено древнее изречение сивилл, приписываемое пророку Илии, согласно которому Мессия явится в восемьдесят пятый юбилейный год (между 440 и 470 годами нашей эры). Такие мессианские ожидания всегда, несомненно, порождали энтузиастов, которые стремились превратить свою безмолвную веру в факт, и без особого намерения обмануть, пытались увлечь за собой тех из толпы, кто придерживался схожих мнений, и возбудить их до такой степени, что они охотно пожертвовали бы своими жизнями. На самом деле такой энтузиаст действительно появился во время пребывания Аши на Крите, и он приобрел приверженцев во всех еврейских общинах этого важного острова, через который он проехал за год. Он пообещал им, что однажды проведет их сухими ногами, как это некогда сделал Моисей, через море в землю обетованную; говорят, что он принял имя великого законодателя. В остальном этот критский Моисей смог так основательно убедить своих последователей в своей божественной миссии, что они пренебрегли своими делами, бросили все свое имущество и только ждали дня перехода через море. В назначенный день Мессия Моисей шел впереди, а за ним шло все еврейское население Крита, включая женщин и детей. С мыса, выступающего в море, он приказал им бесстрашно

броситься в океан, поскольку воды расступались перед ними. Несколько из этих фанатиков встретили свою смерть в волнах; другие были спасены моряками. Однако говорят, что фальшивый Моисей больше никогда не был найден. Именно против таких ложных надежд, последствия которых были столь печальны, Аши предостерегал евреев. В то же время он предложил другое толкование пророчества, которое было распространено: "Несомненно, - сказал он, - что Мессия не может явиться *раньше* этого времени, до восьмидесятого пятого юбилея, но по истечении этого периода может возникнуть надежда, хотя и не уверенность, на его пришествие". Аши умер, пользовавшийся большим уважением своих современников и евреев последующих времен, в глубокой старости (427 г.), за два года до захвата Карфагена Гензерихом. Этот князь вандалов, отнявший у Рима накопленную им добычу, также увез в Африку сосуды Храма, которые Тит с триумфом добавил к добыче стольких народов. Подобно сынам Иудеи, храмовые сосуды много странствовали.

Еврейские общины Римской империи по-прежнему считали Иудею своим главой из-за патриархата. В этот период он представляет собой еще более мрачную картину полного упадка, чем раньше. Гнет враждебного христианства слишком тяжело давил на страну и подавлял стремление к учебе. Танхума бар Абба, главный сторонник более поздней Агады, является последним галахическим авторитетом Иудеи. Там также, как и в Вавилонии, последние амораимы собрали традиции, спланировали и обустроили Иерусалим, или, более правильно, иудейский или Западный Талмуд (Талмуд шель Эрез-Исраэль, Гемара ди Бене Араба). Но история Иудеи настолько несовершенна, что неизвестны даже имена составителей или зачинателей движения. Несомненно, пример Вавилонии подсказал создание этого сборника. Достоверно известно лишь то, что Тверия, резиденция Патриархата и Школы, была родиной Иерусалимского талмуда.

Именно в этот период Патриархат, последний остаток прежних времен, подвергся полному разрушению. Три патриарха упоминаются по имени: это Гамалиил V, преемник Гиллеля II, его сын Иуда IV и Гамалиил, последний (370-425). Но можно распознать только нечеткие следы их деятельности. Это правда, что они все еще носили скорее помпезный, чем влиятельный титул высочества вместе с сопутствующими ему привилегиями и что они все еще получали добровольные субсидии от общин Римской империи, которые их посланники обычно собирали с конгрегаций. Но их авторитет был значительно ослаблен. Единственное влияние Патриархов теперь состояло в том, что они исключили из еврейской общины ее членов-отступников, перешедших в христианство либо добровольно, либо путем обмана или убеждения. Но даже эту силу гордое христианство отказывалось признавать. Используя светскую власть, епископы вынудили Патриархов и глав общин, носивших имя Примасов, вновь принять в общину тех членов, которые были отлучены от церкви. Но Феодосий Великий (379-395), хотя католическое духовенство постоянно подстрекало Амвросия, среди прочих, преследовать ариан и других еретиков, последовательно защищал евреев от их фанатичных нападков. Он обнародовал закон, подтверждающий право патриархов и примасов отлучать от церкви членов своей общины и запрещающий светским властям вмешиваться во внутренние дела евреев. Он доказал Гамалиилу V свою справедливость по отношению к евреям, приговорив к смертной казни консульского агента Исихия, которого патриарх перед ним обвинил в тайном завладении важными документами. В остальном больше ничего не известно об обстоятельствах, на которые ссылались эти документы.

Феодосию часто приходилось сдерживать религиозное рвение христиан, которые считали героизмом такие поступки, как нарушение религиозных обрядов евреев, разграбление или разрушение синагог или их присвоение и преобразование в церкви. Главными фанатиками против евреев в этот период были Иоанн Златоуст из Антиохии и Амвросий из Милана, которые нападали на них с величайшей яростью.

Первый, призванный из уединения монастыря к служению, обрушился на евреев с кафедры своим напыщенным и циничным красноречием; он даже сделал их темой шести последовательных проповедей. Поведение евреев Антиохии, однако, действительно было слишком вызывающим: без каких-либо активных усилий с их стороны христиане заинтересовались их обычаями, их богослужением и их судом. По субботам и праздникам многие христиане, особенно женского пола, знатные дамы и женщины более низкого положения, регулярно собирались вместе в синагогах. Они с благоговением слушали звуки корнета в еврейский Новый год, присутствовали на торжественной службе в День Искупления и участвовали в радостях Праздника Кушечей. Их тем более привлекал тот факт, что все это происходило за спинами христианских священников и что соседей нужно было умолять не предавать их. Христиане предпочитали подавать свои иски перед еврейскими судьями, поскольку форма еврейской присяги казалась им более внушительной и насильственной. Именно против такого добровольного почитания еврейских учреждений христианами Златоуст направил яростные проповеди своих капуцинов, наделяя их всевозможными грубыми названиями и объявляя синагоги позорными театрами, притонами разбойников и даже еще худшими местами.

Амвросий из Милана был жестоким чиновником, несведущим во всяком богословии, которого репутация жестокого человека в церкви возвела в сан епископа; он был еще более яростен против евреев. Однажды, когда христиане Рима сожгли синагогу, а узурпатор Максим приказал римскому сенату восстановить ее за счет государства, Амброзий назвал его евреем. Епископ Каллиника в Северной Месопотамии, по вине монахов, сжег дотласинагогу, расположенную в этом районе, Феодосий приказал ему отстроить ее заново за свой счет и наказал всех, кто участвовал в этом акте (388). После этого гнев Амброзия разгорелся сильнее всего, и в послании, которое он адресовал императору, он употребил такие резкие, вызывающие выражения, что последний был вынужден отменить свой приказ. Амброзий обвинил евреев в презрении к римским законам и издевательски высмеял их за то, что им не разрешалось ни устанавливать какого-либо императора или наместника среди своих, ни вступать в армию или Сенат, ни даже есть за столом знати; они находились там только для того, чтобы платить высокие налоги. Этому благочестивому проступку Феодосий попытался положить конец с помощью законов. Исходя из предпосылки, что существование иудаизма в Римской империи не было запрещено никаким законом, он желал распространить на него защиту закона от насильственных посягательств. Поэтому Он повелел пришельцам Востока сурово наказывать христианских религиозных бунтовщиков и осквернителей синагог (393). Но какую пользу могли принести императорские эдикты и повеления против тенденции того времени проявлять злобу, обвинять в ереси и преследовать? Евреи не могли жаловаться, потому что с ними обращались ничуть не хуже, чем с приверженцами различных христианских сект, противники которых одержали верх. Дикость, которую нашествие варваров внесло в исторические части света, заразила своей заразой область религии; вандализм царил повсюду, как в Церкви, так и в государстве. Тем временем исключительное положение евреев в Римской империи было либо восстановлено, либо подтверждено Феодосием I. Закон Констанция о владении рабами был

возрожден заново; любой еврей-рабовладелец, впустивший своих рабов в черту иудаизма, подлежал суровому наказанию. Привилегия освобождения от обременительных муниципальных должностей по соображениям религиозной щепетильности, которую евреям удалось получить при его предшественниках, была отменена Феодосием.

Этот император завещал свои владения двум своим сыновьям и таким образом надолго разделил римский мир на две части и на два разных лагеря, тем самым усилив натянутые и несимпатичные отношения различных партий друг к другу. С тех пор евреи Римской империи принадлежали разным хозяевам, часть из них была подданными восточной, другие - западной империи. Аркадий, восточный или византийский император (395-408), был монархом только номинально; его всемогущие камергеры, Руфин и Евтропий, были чрезвычайно благосклонны к евреям. Руфин любил деньги, а евреи уже открыли магическую силу золота смягчать упрямые сердца. Поэтому были приняты многочисленные законы в их пользу. Один из этих законов постановил (396), что евреи должны оставаться независимыми в вопросе выбора своих собственных рыночных инспекторов (Агопанотос), и что всякий, кто посмеет посягнуть на это право, должен подвергаться суровому наказанию в виде тюремного заключения. Другой закон того же года защищал "прославленных патриархов" от оскорблений. В Иллирии синагоги подверглись нападению, вероятно, со стороны духовенства, которому хотелось бы видеть еврейские молитвенные дома такими же полностью разрушенными, как языческие храмы; вслед за этим Аркадий (или Евтропий) приказал губернаторам сопротивляться этому движению со всей возможной энергией (397). В том же году он также повторно ввел в действие и подтвердил закон Констанция, согласно которому патриархи, как и все религиозные служители синагоги, были освобождены от бремени магистратуры, как и христианское духовенство. Другое право было также сохранено за евреями администрацией Аркадия (февраль 398 г.); им было разрешено сохранить привилегию подавать свои иски патриарху и другим еврейским арбитрам, если обе стороны соглашались на такой курс, и римские власти были обязаны исполнять эти решения, без ущерба для того факта, однако, что в той мере, в какой их религия не затрагивалась, они подчинялись римскому праву. Нас не должны удивлять капризные перемены под деспотичным правлением византийского двора: в 399 году был опубликован закон, возлагающий на всех евреев, даже на религиозных руководителей, бремя курьезной зависимости. Возможно, это имело какую-то связь с падением Евтропия в том же году.

Немного известно о поведении по отношению к евреям западного императора, слабоумного Гонория, или его учителя Стилихона. Отмена освобождения от кюри, объявленная против общин Апулеи и Калабрии, не доказывает, что против евреев уже существовала систематическая враждебность. Другой закон (от апреля 399 г.) запрещал именем западного императора Гонория и под страхом сурового наказания взимать патриарший налог на всей территории префектуры. Те суммы, которые уже были получены, были конфискованы в императорскую казну. Мотивом этого запрета, однако, могло быть то, что западный император с завистью взирал на перевод таких значительных сумм в префектуру своего брата. Но, как будто законодательство того периода хотело высмеять свою собственную капризность, этот запрет был отменен пять лет спустя, и отныне евреям было разрешено собирать патриарший налог, как и прежде, и пересылать его без сокрытия (404). В то время как, с одной стороны, Гонорий запрещал евреям и самаритянам принимать какое-либо участие в военной службе, с другой стороны, он защищал евреев от домогательств со стороны властей и постановил эдиктом, что евреев не следует вызывать в суд в субботу или праздники (409).

Средневековье для иудаизма действительно начинается с Феодосия II (408-450), добродушного, но одержимого монашеством императора, чья слабость обеспечивала безнаказанность фанатичному рвению многих епископов и поощряла жестокость. Эдикты этого императора запрещали евреям строить новые синагоги, исполнять обязанности судьи между истцами-евреями и христианами и владеть рабами-христианами; они также содержали другие запреты, представляющие меньший интерес. Именно при этом императоре Патриархат окончательно пал, хотя Гамалиил (Батрах), последний из патриархов, пользовался большим уважением при императорском дворе, каким никогда не обладал ни один из его предшественников. Помимо титула, который долгое время носили Патриархи, ему было даровано высокое звание префекта (*Præfectura*) вместе с почетной грамотой (*codicillus honorarius*), и хотя это были всего лишь пустые почести, они имели большое значение в то время, когда все решала внешность. Неизвестно, за какие особые заслуги Гамалиил получил это отличие, но, вероятно, это было связано с его медицинскими познаниями. Он был врачом, и ему приписывали открытие широко признанного средства от заболеваний селезенки. Занимая такое высокое положение, Гамалиил считал для себя привилегией быть небрежным в соблюдении исключительных законов императора, направленных против евреев. Поэтому он построил новые синагоги, осуществлял юрисдикцию в спорах между евреями и христианами и игнорировал другие подобные императорские приказы. Вследствие этого Феодосий лишил его всех высших санов, отобрал у него почетную грамоту и позволил сохранить за ним только те отличия, которыми он пользовался как патриарх (415). Но Феодосий никоим образом не упразднил Патриархат при жизни Гамалиила; это произошло только после смерти последнего, поскольку его наследники мужского пола умерли, по-видимому, в раннем возрасте (425). Таким образом, вместе с Гамалиилом (Батраахом) исчезли последние остатки благородного рода дома Гиллелей. На протяжении трех с половиной столетий этот дом стоял во главе духовных дел иудаизма; многие из его членов были защитниками Закона, свободы и национальных чувств, и история их жизни стала важной частью истории еврейской нации. За это время друг друга сменили пятнадцать Патриархов: два Гиллеля, три Симона, четыре Иуды и шесть Гамалиэлей.

Во время правления Феодосия на Востоке и Гонория на Западе Кирилл, епископ Александрийский, печально известный своей любовью к ссорам, жестокостью и порывистостью, был вынужден жестоко обращаться с евреями и изгнать их из этого города. Он собрал толпу христиан, своим чрезмерным фанатизмом настроил их против евреев, ворвался в синагоги, которыми завладел для христиан, и изгнал еврейских жителей полуголыми из города, который они привыкли считать своим домом. Не брезгуя никакими средствами, Кирилл отдал их имущество на разграбление толпе, всегда жадной до грабежа (415). Таким образом, христиане постигли александрийских евреев той же участи, какая 370 лет назад выпала на их долю от рук язычников. Префект Орест, принявший близко к сердцу это варварское обращение с евреями, был бессилиен защитить их; все, что он смог сделать, это выдвинуть обвинение против епископа, но последний добился своего при константинопольском дворе. Насколько велик был фанатизм этого епископа, видно из того, что произошло в Александрии вскоре после изгнания евреев. Недалеко от этого города находилась гора под названием Нитра, где обитал орден монахов, чья жажда мученического венца едва не превратила их в диких зверей. Подстрекаемые Кириллом, эти монахи напали на Ореста и чуть не забили его камнями до смерти в наказание за то, что он не санкционировал изгнание евреев. Именно эта же банда фанатиков разорвала на куски тело знаменитой философ Гипатии, которая очаровала мир своей глубокой наукой, своим красноречием и своей чистотой. Только один член этой несчастливой еврейской общины, по

имени Адамантий, преподаватель медицинской науки, был побужден этим несчастьем позволить себе креститься; он отправился в Константинополь, и там ему было предоставлено право поселиться в Александрии. Все остальные охотно переносили изгнание и невзгоды ради своих убеждений.

Не столь решительными были евреи маленького городка Магона (Маон) на испанском острове Менорка в Средиземном море. Север, епископ того места, сжигал их синагоги и преследовал их нападениями на улицах, пока, наконец, ему не удалось принудить многих из них принять христианство. Евреи рано поселились — вероятно, во времена Римской республики — в Испании и на близлежащих островах и жили там в дружеских отношениях с исконными жителями. Даже после того, как иберийцы стали христианами, земледельцы по-прежнему добивались того, чтобы продукты со своих полей благословлялись евреями. Именно в Испании христианское духовенство впервые возбудило фанатизм христианского населения по отношению к евреям. Тот же епископ Кордовы Осий (Хосиус), который заседал в Совете Ниццы и созвал собор в Иллиберисе (Эльвира, недалеко от Гранады), также добился принятия резолюции, запрещавшей христианам под страхом отлучения от церкви торговать с евреями, заключать с ними браки или заставляя их благословлять плоды своих полей. Теперь евреям христианских стран ничего не оставалось, как взяться за оружие насмешек; соответственно, они потешались над своими врагами за их спинами, что везде и во все времена было способом, с помощью которого более слабая сторона пыталась облегчить свое бремя. Иногда они также прибегали к грубым шуткам, чтобы выразить свои чувства по отношению к христианству. Такие шутки чаще всего отпускаялись по случаю праздника Пурим, когда веселость праздника приводила к опьянению, а опьянение - к безответственным выражениям и демонстрациям. В этот день евреи в своем веселье имели обыкновение вешать чучело Амана, своего заклятого врага, на виселице, и эта виселица, которую впоследствии сжигали, приняла, случайно или намеренно, форму креста. Естественно, христиане жаловались на профанацию своей религии, и император Феодосий II приказал правителю провинции положить конец подобному проступку угрозой сурового наказания, не будучи, однако, в состоянии пресечь его. Говорят, что в одном случае эта карнавальная забава привела к ужасным последствиям. Евреи Имнестара, небольшого сирийского городка между Антиохией и Халкидой, воздвигнув одну из таких виселиц для Амана, были обвинены христианами в том, что они подвесили на ней юношу-христианина крест-накрест и забили его до смерти. Вслед за этим император приказал наказывать виновных (415).

Христиане Антиохии не уступали своим александрийским собратьям в фанатизме. Однажды они умоляли императора не вывозить кости и мощи их мученика Игнатия, поскольку обеспечивали своему городу такую же надежную защиту, как крепкие стены. Они также, со своей стороны, отомстили за поступок евреев Имнестара, насильственно лишив своих еврейских сограждан синагог. Примечательным явлением является то, что префекты и правители провинций по большей части высказывались в пользу евреев против духовенства. Сирийский префект уведомил императора об этом ограблении синагог и, должно быть, обрисовал этот акт несправедливости в очень ярких красках, поскольку тем самым побудил Феодосия II, погруженного в монашеский фанатизм, издать судебный запрет жителям Антиохии, предписывающий им вернуть синагоги их владельцам. Но это решение было отвергнуто Симоном Столпником, который вел жизнь крайнего аскетизма в своего рода конюшне недалеко от Антиохии. С высоты своей колонны он отрекся от мира и его обычаев, но, тем не менее, его ненависти к евреям было достаточно, чтобы заставить его вмешиваться в мирские дела. Едва он

услышал о приказе Феодосия относительно восстановления украденных синагог, как направил императору оскорбительное письмо, в котором сообщил ему, что он признает только Бога и никого другого господином и императором, и потребовал отмены эдикта. Феодосий вряд ли нуждался в подобном запугивании; он отменил свое командование и даже сместил сирийского префекта, который поднял свой голос в пользу евреев (423).

Фанатизм Феодосия II действовал и на Гонория, императора Запада, и своими абсурдными законами они оба поставили евреев в то исключительное положение, в котором их застали новообразованные германские государства. Евреям больше не разрешалось занимать какие-либо государственные должности или занимать какие-либо военные посты, подобные тем, которые им разрешалось занимать раньше. Все, что теперь оставалось для них, - это сомнительные почести муниципальных должностей; но, не довольствуясь тем, что лишил их равного положения, Феодосий ограничил свободное использование их имущества в религиозных целях, как если бы состояния евреев принадлежали императору. После исчезновения патриаршего дома еврейские общины не прекратили свою практику перечисления налогов Патриарху; они были переданы предстоятелям, которые, скорее всего, использовали их для поддержки школ. Внезапно появился императорский указ, предписывающий предстоятелям вносить в императорскую казну те суммы, которые уже были получены в качестве налогов Патриарха, и повелевающий, чтобы в будущем они взимались императорскими чиновниками после точного подсчета их суммы, и даже чтобы деньги, полученные от Западной империи, были переданы в казну (30 мая 429 г.). Новый Рим унаследовал все плутовство и алчность Древнего Рима. Точно так же, как языческий император Веспасиан присвоил храмовые сборы, так и теперь этот христианский император прибрал к рукам налоги патриарха, тем самым добавив кущербу от грабежа оскорбление совести, поскольку то, что было добровольно пожертвовано из благочестия, теперь было введено в качестве обязательного налога в интересах иностранных интересов.

Несмотря на несчастья, выпавшие на долю иудаизма в Восточной империи, и особенно в Иудее, из-за которых изучение Талмуда было замедлено, дух исследования не совсем угас в Иудее. Царящее бедствие не давало простора для постижения глубин Галахи, но способствовало изучению жизнерадостной Агады, которая, глубоко погружаясь в радостные и мрачные ситуации прошлых веков, проливали бальзам утешения на встревоженные и отчаявшиеся души и убаюкивала их магией надежды. Наиболее прозорливые были полностью осведомлены об упадке серьезных исследований и выражали свое недовольство. Несмотря на преобладающую несправедливость того времени, в Палестине все еще ощущался живой интерес к еврейскому языку и знанию Библии. Бесспорно, что этот интерес к языку был значительно усилен спорами, которые велись с христианами, и в тот период он был возбужден до такой степени, что с его помощью христианство достигло понимания первоначального текста Библии. Тверия была домом и образцом этой отрасли знаний; Лидда - единственный другой город, который упоминается рядом с ней. Иероним (Иероним, 331-420), прозванный Церковью Святым, основатель женского монастыря в Вифлееме, подвижник, подобно Оригену, жаждой знаний, изо всех сил старался познакомиться с Библией в ее первоначальном виде и по этой причине отправился на поиски еврейских учителей, таких как Бар-Ханина и других в этих городах. Под их руководством достижения Иеронима были отнюдь не малы, поскольку он преуспел в свободном самовыражении на иврите. Из этого обстоятельства можно справедливо заключить, что знание святого языка и Библии культивировалось в Иудее более усердно, чем обычно предполагалось. Однако Бар-Ханина был вынужден избежать огласки и тайно

отправиться в келью Иеронима, чтобы проинструктировать его там, поскольку из-за враждебного использования христианами своих знаний еврейского языка евреям в последнее время было запрещено учить их. Иероним не только выучил произношение иврита и буквальное значение Библии, но и получил более глубокое представление о взаимосвязи текста с помощью традиции. Ему так хорошо удавалось уловить форму агадического изложения, что временами ему удавалось со вкусом и изобретательностью перенести ее в сферу христианства.

Евреи на несколько столетий опередили своих современников-христиан в том, что касалось оценки и проведения различия между подлинными каноническими писаниями и поддельными сборниками апокрифов. Совет Ниццы, который думал объединить партии посредством авторитетных решений, разрешил спор о священном характере сомнительных писаний и включил несколько апокрифических книг в канон. Евреи, с которыми Иероним проводил совещания по вопросам экзегетики, высказали такие здравые замечания о бесполезности некоторых частей Апокрифов, что даже в наши дни, когда знание достигло таких огромных успехов, они должны быть признаны правильными. Среди прочего, еврейский законоучитель высмеял дополнения к Аввакуму, согласно которым ангел перенес пророка за волосы из Иудеи в Халдею. Он спросил, где в Ветхом Завете можно найти аналог этой истории об одном из святых пророков, обладавшем телом, подверженном силе притяжения, преодолевающим такое огромное расстояние за мгновение. Несмотря на неблагоприятное состояние того времени, евреи Палестины не страдали тем недостатком рассудительности, который в наивной вере без разбора принимает как святое все, что выдвигается как таковое; они не погасили свет различения в храме своей веры. Эта способность суждения была результатом изучения Галахи, которая служила противовесом неспособности к дискриминации, являющейся следствием доверчивости. Таким образом, даже в старости Иудея лелеяла древнееврейский язык, который она передала своим сыновьям как неразрывные узы единения в чужих странах. Использование священного языка в молитвах, лекциях и учебе составляло интеллектуальное единство еврейской нации.

Христианство уловило несколько лучей заходящего солнца Иудеи и хранило их в Церкви как свет с небес. Знания иврита, которое Иероним приобрел у еврейских учителей и с помощью которого он смог создать латинский перевод Библии (Вульгата), отклоняющийся от искаженной Септуагинты и более приближающийся к еврейскому тексту, хватило более чем на тысячу лет и было расширено и дополнено с возрождением образования в начале нового времени. Но с каждым шагом вперед, который делало христианство, увеличивалась пропасть, отделявшая его от иудаизма, и потребовалось красноречие многих веков, прежде чем снова было получено признание того факта, что христианство берет свое начало в иудаизме. Религиозное рвение до такой степени стерло кровное родство, что даже Иероним, который сидел у ног еврейских учителей и нашел "еврейскую истину" в Ветхом Завете, не смог освободиться от глубоко укоренившейся ненависти к евреям. Его враги упрекали его в ереси из-за его изучения еврейства, он убедил их в своей ортодоксальности своей ненавистью к евреям. "Если необходимо презирать отдельных людей и нацию, то я испытываю к евреям невыразимую ненависть". В этом он был не одинок, поскольку его мнение разделял более молодой современник, Августин, Отец Церкви. Это исповедание веры относительно ненависти к евреям было не частным мнением отдельного автора, а оракулом для всего христианского мира, который с готовностью принимал писания Отцов Церкви, почитавшихся как святые. В более поздние времена это исповедание веры вооружало королей и население, крестоносцев и

пастухов против евреев, изобретало инструменты для их пыток и сооружало погребальные костры для их сожжения.

Примечательно, что, несмотря на репрессии со стороны государства, евреи, живущие в Кесарии, резиденции губернатора, присоединились к модному безрассудству стадиона. Среди них были колесничие, наездники, жокеи и партии, поддерживающие зеленых или синих, как в Риме, Равенне, Константинополе и Антиохии. Но поскольку в те времена каждое действие в жизни носило отпечаток конфессии, религиозные споры также смешивались с борьбой сторонников различных цветов кожи. Победа или поражение возникшего-еврея, самаритянина или христианина было в то же время поводом для нападения его единоверцев на своих противников.

В Вавилонии, где до сих пор евреи наслаждались покоем и независимостью, но их редко беспокоили, проблемы и преследования также начали усиливаться. Именно по этой причине стала ощущаться нехватка выдающихся личностей. Творческая сила пошла на убыль, уступив место тенденции воспроизводить и утверждать то, что уже было создано. Еврейская история этой страны протекала в узком кругу; директора школ сменяли друг друга, преподавали и умирали, и только появление преследований внесло печальное разнообразие в ее ход. Из шести преемников Аши в Академии Сора (427-456) ни один не достиг ничего достойного внимания.

Однако некоторым незначительным значением обладал сын Аши, Мар, который также носил имя Табьем. Он случайно оказался в Мачузе в то время, когда услышал новость о появлении вакансии во главе Соранианской метибты. Он поспешил в Сору и прибыл туда как раз вовремя, потому что члены академии были собраны для участия в выборах. Делегаты были отправлены посоветоваться с ним о выборе Ахи Дифты, и он задержал их, как и других, посланных за ними, пока их не набралось десять человек; после чего он прочитал лекцию, и все присутствующие члены приветствовали его как Реш-Метибту (455). Ача был чрезвычайно уязвлен этим пренебрежением и применил к своему собственному случаю следующую поговорку: "Тот, кому не везет, никогда не сможет достичь удачи".

В том же году в вавилонских странах с беспрецедентной жестокостью начались преследования евреев. Это было началом длинной серии кровавых нападений, от которых евреям пришлось пострадать от рук последнего из неоперсидских царей и которые сделали их положение таким же печальным, как и положение их единоверцев в Римской империи. Джездиджирд III (440-457), в отличие от своего предшественника с тем же именем, установил религиозное преследование евреев; им было запрещено праздновать субботу (456). Причину такой внезапной перемены в поведении персидского правителя по отношению к евреям, которые всегда были искренне привязаны к нему, вероятно, следует искать в фанатизме магов, чье влияние на многих персидских монархов было не меньшим, чем влияние духовных советников восточных императоров на своих хозяев. Маги этого периода, по-видимому, научились своему прозелитизму и любви к религиозным преследованиям у христиан. Кроме того, христианство своим прозелитизмом спровоцировало магов на сопротивление. Манихеи, которые смешали еврейские, христианские и персидские религиозные идеи в единое целое, выдвинули обвинения в ереси, столь же распространенные в Персии, как и в Римской империи. Джездиджирд преследовал как манихеев, так и христиан. Рано или поздно светопоклонство персов должно было оскорбить иудаизм и внести евреев в список его врагов. Хроники

умалчивают о поведении евреев в отношении запрета празднования субботы; однако добросовестные евреи не могли не воспользоваться возможностью обойти его, и по этой причине имена мучеников не сохранились после этого преследования. Ограничение продолжалось около года, поскольку вскоре после этого Джездиджирд был убит; его сыновья Чодар-Варда и Фируз вели гражданскую войну за обладание короной.

Мар бар Аши был единственным авторитетом того периода; и хотя все его решения, за исключением трех, получили силу закона, он, по-видимому, не приобрел какой-либо особой репутации в Соранианской академии. Он продолжил работу своего отца по составлению Талмудического сборника и включил в него решения последнего. Он и его современники, должно быть, чувствовали себя тем более обязанными завершить работу по составлению сборника, поскольку преследования, которым они подверглись, заставили их почувствовать, что будущее было ненадежным. О характере Мар бар Аши ничего больше не известно, кроме добросовестности, которая резко контрастирует с пристрастием Раба к представителям своего собственного класса. Он рассказывает следующее: "Когда юрист предстает передо мной в суде, я отказываюсь выполнять служебные функции, поскольку считаю его близким родственником и могу невольно проявить пристрастие в его пользу".

После смерти Мара евреи Персидской империи стали жертвами нового преследования при Фирузе (Ферокес, 457-484), которое было гораздо более ужасным, чем то, которое произошло при его отце, Джездиджирде. Говорят, что это преследование было вызвано желанием отомстить этому монарху, которого волхвы настроили против всей еврейской общины, потому что некоторые из них, как говорили, убили двух волхвов в Исфахане и содрали с них кожу. В наказание за этот поступок Фируз предал смерти половину еврейского населения Исфахана, а еврейских детей насильно воспитывали в храме Хорвана как поклонников огня. Гонения распространились также на общины Вавилонии и продолжались в течение нескольких лет, вплоть до смерти тирана. Сын Мар-Зутры, Хуна-Мари, принц Плена, и два законоучителя, Амебар бар Мар-Джанка и Мешершайя бар Пакод, были брошены в тюрьму, а затем казнены (469-70). Они были первыми мучениками на вавилонской земле, и знаменательным фактом является то, что принц из Плена пролил кровь за иудаизм.

Несколько лет спустя преследование приобрело еще более широкие масштабы; школы были закрыты, собрания с целью преподавания запрещены, юрисдикция евреев отменена, а их детей заставили принять религию волхвов (474).

Город Сора, по-видимому, был разрушен в этот период. Фируз, чья система преследований напоминает Адриана, изобрел новое средство пыток, которое не приходило в голову этому императору, заключавшееся в том, чтобы выводить молодежь из-под влияния иудаизма и насильно воспитывать их в персидской религии. По этой причине евреи последующих времен, подобно Адриану, заклеили его именем "нечестивый" (*Фируз Решиа*). Непосредственным результатом этого преследования стала эмиграция еврейских колонистов, которые поселились на юге до Аравии и на востоке до Индии.

Эта эмиграция евреев в Индию четко обозначена как произошедшая примерно во время преследований Фируза. Неизвестный человек по имени Джозеф Раббан, в котором по этому титулу можно узнать вавилонянина, прибыл в 4250 году еврейской эры (490 г.) со многими еврейскими семьями на богатое и оживленное побережье Малабара; соответственно, он, должно быть, отправился в свое путешествие раньше этой даты и, следовательно, эмигрировал

при Фирузе. Айрви (Эрави), царь-брамин Кранганора, приветствовал пришельцев-евреев, предложил им дом в своих владениях и позволил им жить по своим особым законам и подчиняться их собственным князьям (Марделиар). Первым из этих вождей был их предводитель Джозеф Раббан, которому индийский монарх даровал особые права и княжеские почести, которые должны были унаследоваться его потомками. Ему разрешалось, подобно индийским принцам, ездить верхом на слоне, быть впереди герольда в сопровождении музыкального сопровождения из барабанов и тарелок и сидеть на ковре. Говорят, что за Джозефом Раббаном последовала череда из семидесяти двух преемников, которые правили индоеврейскими колонистами, пока между ними не вспыхнули ссоры. Кранганор был разрушен, многие евреи погибли, а остальные поселились в Маттачери, в лиге от Кочина, который получил из-за этого название еврейского городка. Привилегии, предоставленные Airvi еврейским иммигрантам, были выгравированы древнеиндийскими (тамильскими) иероглифами в сопровождении непонятного перевода на иврит на медном столе, который, как говорят, сохранился до наших дней.

Как только со смертью Фируза прекратились ужасы преследований, древняя организация в еврейской Вавилонии была снова восстановлена; академии были вновь открыты, директора назначены, а Сора и Пумбедита получили своих последних амораекских лидеров — первого в лице Рабины, второго в лице Хосе. Эти два директора и их заседатели преследовали только одну цель - завершение работы по составлению Талмуда, начатой Аши. Постоянное усиление страданий, снижение интереса, который, вероятно, по этой причине распространялся на учебу, неопределенность будущего - все эти причины заставляли задуматься о завершении работы над Талмудом. Рабина, занимавший этот пост с 488 по 499 год, и Хосе, исполнявший обязанности директора школы примерно с 471 по 520 год, прямо упоминаются в старых хрониках как "завершение периода амораимов" (*Соф Хораах*). Однако нет никаких сомнений в том, что члены двух академий, имена которых сохранились, также принимали участие в этой работе, и что поэтому их следует рассматривать как последних из амораим. Самым важным среди них был Ахай бар Хуна из Бехатима, близ Нахардеи (умер в 506 г.), чьи решения и дискуссии отличаются характерными особенностями и свидетельствуют о ясном и трезвом уме и большой проницательности. Ахай был известен и почитался за эти качества за пределами Вавилонии. В послании, полученном Вавилонской академией из Иудеи, которое, насколько исторически известно, было, вероятно, последним, адресованным покинутой метрополией своей дочерней колонии, говорится о нем с величайшим почтением: "Не пренебрегай Ахаем, ибо он - свет очей изгнанников". Даже Хунамар, принц Плена, должно быть, обладал талмудическими познаниями, поскольку хроника, которая никоим образом не благоприятствует принцам Плена, причисляет его к этому ряду законоучителей и присваивает ему титул раввина. Его история, с которой связаны определенные важные события, относится к следующему периоду.

Совместно с этими людьми Рабина и Хосе завершили работу над Талмудом, то есть они санкционировали как полное целое собрание всех предыдущих сделок и решений, которые по их приказу были собраны, и к которым впредь не должно было вноситься никаких дополнений или изменений. Окончательное завершение работы над Вавилонским талмудом (называемым также Гемарой) произошло в год смерти Рабины, как раз в конце пятого века (13-й Кислев или 2 декабря 499 года), когда евреи Аравийского полуострова сеяли первые семена новой религии и закладывали основы новой империи, и когда готское и франкское королевства поднимались в

Европе из руин древнего Рима. Талмуд образует поворотный момент в еврейской истории и с этого времени является в ней важнейшим фактором.

Талмуд не следует рассматривать как обычное произведение, состоящее из двенадцати томов; он не имеет абсолютно никакого сходства с каким-либо другим литературным произведением, но формирует, без всякой фигуры речи, свой собственный мир, о котором следует судить по его особым законам. Чрезвычайно трудно дать какое-либо представление о его характере из-за отсутствия всех общепринятых стандартов и аналогий. Поэтому самый талантливый вряд ли мог надеяться преуспеть в выполнении этой задачи, даже если он глубоко проник в ее природу и близко познакомился с ее особенностями. Возможно, ее можно было бы сравнить с литературой Отцов Церкви, возникшей примерно в то же время; но при ближайшем рассмотрении даже это сравнение не удовлетворит изучающего. Однако не так важно, чем является Талмуд сам по себе, каково было его влияние на историю, то есть на последующие поколения, образование которых он в основном контролировал. Множество суждений было вынесено по Талмуду в разное время и на самых противоположных основаниях. Она была осуждена, и ее погребальный костер был зажжен, потому что рассматривались только ее неблагоприятные стороны, и не было обращено никакого внимания на ее достоинства, которые, однако, могут стать очевидными только при полном обзоре всей еврейской истории. Однако нельзя отрицать, что вавилонский талмуд испорчен определенными изъянами, которые неизбежно появляются в каждом интеллектуальном произведении, которое следует единому курсу с непреклонной последовательностью и исключительной односторонностью. Эти неисправности можно разделить на четыре категории. Талмуд содержит много несущественного и легкомысленного, к чему он относится с большой серьезностью; он также отражает различные суеверные обычаи и взгляды его персидской родины, которые предполагают эффективность демонических лекарств, магии, заклинаний, чудесных исцелений и толкований снов, и, таким образом, противоречат духу иудаизма. В нем также содержатся отдельные примеры безжалостных суждений и постановлений в отношении представителей других наций и религий, и, наконец, он одобряет неправильное изложение Священных Писаний, принимая, как и всегда, безвкусные неверные толкования. Весь Талмуд был возложен на эти недостатки и осужден как собрание мелочей, источник безнравственности и лжи. При этом не принимался во внимание тот факт, что это не работа какого-то одного автора, который должен отвечать за каждое свое слово, или, если это так, что этим автором является вся еврейская нация. Более шести столетий окаменели в Талмуде как наиболее полное свидетельство жизни, каждое в своем особом одеянии и обладающее своей собственной формой мысли и выражения: своего рода литературные Геркуланум и Помпеи, не испорченные той искусственной имитацией, которая переносит гигантскую картину в уменьшенном масштабе на узкий холст. Поэтому неудивительно, что в этом мире возвышенное и обычное, великое и малое, могильное и смешное, алтарь и пепел, еврейское и языческое находятся бок о бок. Выражения недоброжелательства, за которые с такой жадностью ухватились враги евреев, часто были не чем иным, как выражением минутного недоброжелательства, которое вырвалось у учителя и было подхвачено и воплощено в Талмуде чрезмерно усердными учениками, не желающими упустить ни единого слова, оброненного почитаемыми мудрецами. Однако они в полной мере уравниваются доктринами благожелательности и любви ко всем людям без различия расы или религии, которые также сохранены в Талмуде. В противовес диким суевериям существуют суровые предупреждения против суеверных языческих практик, которым посвящен отдельный раздел.

Вавилонский талмуд особенно отличается от Иерусалимского или Палестинского Талмуда полетом мысли, пронизательностью ума, вспышками гениальности, которые возникают и снова исчезают. Бесконечная полнота мысли и захватывающего материала заложена в недрах Талмуда, однако не в форме законченной темы, которую можно охватить с первого взгляда, а во всей ее первоначальной свежести замысла. Талмуд вводит нас в лабораторию мысли, и в нем можно проследить развитие идей, от их самого раннего возникновения до головокружительной высоты непостижимости, которой они порой достигают. Именно по этой причине вавилонский, а не Иерусалимский Талмуд стал основным достоянием еврейской расы, дыханием ее жизни, самой ее душой. Это была семейная история для последующих поколений, в которой они чувствовали себя как дома, в которой они жили и двигались, мыслитель в мире мысли, мечтатель в великолепных идеальных картинах. Более тысячи лет внешний мир, природа и человечество, силы и события были для еврейской нации незначительными, несущественными, просто фантомом; единственной истинной реальностью был Талмуд. Новая истина в их глазах приобретала печать правдивости и свободы от сомнений только тогда, когда казалось, что она предвидена и санкционирована Талмудом. Даже знание Библии, более древней истории их расы, слов огня и бальзама их пророков, душевных излияний их псалмопевцев было им известно только через Талмуд и в его свете. Но поскольку иудаизм с момента своего основания основывался на опыте реальной жизни, так что Талмуд был вынужден интересоваться конкретными явлениями, вещами *этого* мира; из этого следует, что не могло возникнуть той жизни в мечтах, того презрения к миру, той ненависти к реальности, которые в Средние века породили и освятили отшельническую жизнь монахов и монахинь. Верно, что интеллектуальная тенденция, преобладающая в вавилонском талмуде, которому способствовали климатические влияния и другие случайные обстоятельства, нередко вырождалась в утонченность и схоластику; ибо ни одно историческое явление не существует без неблагоприятной стороны. Но даже это злоупотребление способствовало появлению четких концепций и сделало возможным движение к науке. Вавилонские амораимы создали тот диалектический, здравомыслящий еврейский дух, который в самые мрачные дни спасал рассеянную нацию от застоя и глупости. Это был эфир, который защищал их от порчи, вечно движущаяся сила, которая преодолевала лень и притупление умственных способностей, вечный источник, который поддерживал ум всегда ярким и активным. Одним словом, Талмуд был воспитателем еврейской нации; и это воспитание ни в коем случае не могло быть плохим, поскольку, несмотря на тревожное влияние изоляции, деградации и систематической деморализации, оно воспитало в еврейском народе такую степень нравственности, в которой даже его враги не могут ему отказать. Талмуд сохранил и способствовал развитию религиозной и нравственной жизни иудаизма; он протянул знамя общинам, разбросанным по всем уголкам земли, и защитил их от раскола и сектантских разногласий; он познакомил последующие поколения с историей их нации; наконец, он породил глубокую интеллектуальную жизнь, которая спасла поработанных и изгнанных от застоя и которая зажгла для них факел науки. О том, как Талмуд проник в сознание еврейского народа, как он стал известен и доступен отдаленным общинам и как он стал камнем преткновения для врагов иудаизма, будет рассказано на последующих страницах.

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые опечатки.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Непоследовательное использование заглавных букв и букв собственного имени в именах без изменений.

Непоследовательное использование точек после регистрационных номеров не изменено.

Индекс не был проверен на наличие правильных ссылок на страницы.

В тексте используются обе формы этих слов и фраз:

"Руах ха-Кодеш" и "Руах-ха-Кодеш";
"Галилеянин" и "Галилеянин";
"А. С." и "С. Е." (для обозначения "A. D.");
"отталкивающий" и "отталкивающий";
"единоверцы" и "единоверцы";
"устанавливать" и "устанавливать";
"Агора-номос" и "Агораномос";
"утонченность" и "утонченность";
"Амораим" и "Amoraim".

В тексте в основном используется "танаиты", поэтому редкие упоминания "танаитов" были изменены.

На странице [505](#) говорится, что "двадцать два парасанга" равны "шестидесяти восьми милям", но на странице [506](#) говорится, что они равны "шестнадцати географическим милям". Согласно современному пониманию термина "парасанг", первое ближе к истине.